ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ҲУҚУҚНИ МУҲОФАЗА ҚИЛИШ АКАДЕМИЯСИ

РАҚАМЛИ ДАВРДА ҚОНУН УСТУВОРЛИГИНИ ТАЪМИНЛАШ: ИННОВАЦИЯЛАР, ИНСОН ҲУҚУҚЛАРИ ВА ХАВФСИЗЛИК МУТАНОСИБЛИГИ

“TASHKENT CYBERLEX-2026”

мавзусидаги халқаро илмий-амалий конференция материаллари

ТЎПЛАМИ
1-жилд

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ
ҲУҚУҚНИ МУҲОФАЗА ҚИЛИШ АКАДЕМИЯСИ

РАҚАМЛИ ДАВРДА ҚОНУН УСТУВОРЛИГИНИ ТАЪМИНЛАШ: ИННОВАЦИЯЛАР, ИНСОН ҲУҚУҚЛАРИ ВА ХАВФСИЗЛИК МУТАНОСИБЛИГИ

“TASHKENT CYBERLEX-2026”

мавзусидаги халқаро илмий-амалий конференция материаллари

ТЎПЛАМИ

1-жилд

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: БАЛАНС ИННОВАЦИЙ, ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И БЕЗОПАСНОСТИ

«TASHKENT CYBERLEX-2026»

СБОРНИК

материалов международной научно-практической конференции

Том 1

ENSURING THE RULE OF LAW IN THE DIGITAL AGE: BALANCING INNOVATION, HUMAN RIGHTS AND SECURITY

“TASHKENT CYBERLEX-2026”

COLLECTION

of materials of the international scientific-practical conference

Volume 1

Тошкент-2026

Мазкур тўплам Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси Кенгашининг 2026 йил 28 сентябрдаги 12–сонли қарори билан нашрга тавсия қилинган.

“Рақамли даврда қонун устуворлигини таъминлаш: инновациялар, инсон ҳуқуқлари ва хавфсизлик мутаносиблиги” мавзусидаги республика илмий-амалий конференция материаллари тўплами // Масъул муҳаррир ю.ф.д., проф. А.С.Одинаев, ю.ф.ф.д., доц. Ш.И.Шайзаков – Тошкент. 2026. – 837 б.

Масъул муҳаррир: ю.ф.д., проф. **А.С.Одинаев**
ю.ф.ф.д., доц. **Ш.И.Шайзаков**

Нашрга тайёрловчилар: ю.ф.ф.д., доцент **Ш.И.Шайзаков,**
таянч докторантлар **П.Б.Абдуллаева,**
А.А.Нормуродова

Тўпламда рақамли давр шароитида қонун устуворлигини таъминлаш, кибермуҳитда инсон ҳуқуқларини ҳимоя қилиш ҳамда хавфсизлик мутаносиблигини сақлашга қаратилған ғоя ва амалий таклифлар қамраб олинган. Шунингдек, кибержиноятчиликка қарши курашиш, рақамли криминалистика усулларини такомиллаштириш, сунъий интеллект ва рақамли технологияларни ҳуқуқни муҳофаза қилиш фаолияти ҳамда жиноят процессига татбиқ этиш, рақамли далиллар ва криптоактивларни тартибга солиш, шунингдек юридик фан ва таълимни рақамли трансформация қилиш масалаларига оид таҳлилий хулосалар ва миллий ҳамда халқаро тажрибалар тўплам мазмунини ташкил этади.

Тўплам ҳуқуқни муҳофаза қилиш ва суд-ҳуқуқ соҳасини бошқаришга ваколатли давлат органлари, юридик фан ва ҳуқуқни қўллаш амалиёти билан боғлиқ мутасадди ташкилотлар ходимлари, ҳуқуқшунослик йўналишидаги олий ўқув юртлари профессор-ўқитувчилари, докторантлар, мустақил изланувчилар, магистрлар ҳамда ушбу масалаларга қизиқувчи мутахассислар ва кенг жамоатчилик учун мўлжалланган.

Мазкур тўпламга киритилган материалларнинг мазмуни, ундаги статистик ва бошқа маълумотлар, меъёрий ҳужжатлар санасининг тўғрилигига ҳамда танқидий фикр-мулоҳазаларга муаллифларнинг шахсан ўзлари масъулдирлар.

© Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси, 2026.

Настоящий сборник рекомендован к печати решением Совета Правоохранительной академии Республики Узбекистан №12 от 28 сентября 2026 года.

Сборник материалов международной научно-практической конференции на тему «Обеспечение верховенства закона в цифровую эпоху: баланс инноваций, прав человека и безопасности» // Ответственный редактор д.ю.н., проф. А.С.Одинаев, PhD, доц. Ш.И.Шайзаков. – Ташкент. 2026. – 837 с.

Ответственный редактор::	д.ю.н., проф. **А.С.Одинаев** PhD, доц. **Ш.И.Шайзаков**
Подготовили к печати:	PhD, доцент **Ш.И.Шайзаков**, докторанты **П.Б.Абдуллаева, А.А.Нормуродова**

В сборник вошли идеи и практические предложения, направленные на обеспечение верховенства закона в условиях цифровой эпохи, защиту прав человека в киберсреде и сохранение баланса безопасности. Содержание сборника также составляют аналитические выводы и национальный и международный опыт по вопросам противодействия киберпреступности, совершенствования методов цифровой криминалистики, внедрения искусственного интеллекта и цифровых технологий в правоохранительную деятельность и уголовный процесс, регулирования цифровых доказательств и криптоактивов, а также цифровой трансформации юридической науки и образования.

Сборник предназначен для сотрудников государственных органов, уполномоченных в сфере правоохранительной деятельности и управления судебно-правовой сферой, работников профильных организаций, связанных с юридической наукой и правоприменительной практикой, профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений юридического профиля, докторантов, независимых исследователей, магистров, а также специалистов и широкой общественности, интересующихся данными вопросами.

За содержание включённых в сборник материалов, достоверность приведённых в них статистических и иных данных, правильность дат нормативных документов, а также за критические суждения авторы несут персональную ответственность.

© Правоохранительная академия Республики Узбекистан, 2026.

This collection is recommended for publication by decision No. 12 of the Council of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, dated 28 Semtember 2026.

Collection of Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on the Topic "Ensuring the rule of law in the digital age: balancing innovation, human rights and security" // Executive editor Doctor of Law, Prof. A.S. Odinaev, PhD in Law, Assoc. Prof. Sh.I. Shayzakov. – Tashkent. 2026. – 837 p.

Responsible editor:	Doctor of Law, Prof. **A.S. Odinaev** PhD in Law, Assoc. Prof. **Sh.I.Shayzakov**
Prepared for publication by:	PhD in Law, Assoc. Prof. **Sh.I.Shayzakov,** doctoral candidate of the Law Enforcement Academy **P.B.Abdullayeva, A.A.Normurodova**

The collection includes ideas and practical proposals aimed at ensuring the rule of law in the digital age, protecting human rights in the cyber environment, and maintaining the balance of security. The content also comprises analytical conclusions and national and international experience on countering cybercrime, improving digital forensics methods, applying artificial intelligence and digital technologies to law enforcement activities and criminal procedure, regulating digital evidence and crypto-assets, as well as the digital transformation of legal science and education.

The collection is intended for staff of state bodies authorized in the field of law enforcement and the administration of the judicial and legal sphere, employees of relevant organizations connected with legal science and law enforcement practice, faculty of higher educational institutions of legal profile, doctoral candidates, independent researchers, master's students, as well as specialists and the general public interested in these issues.

The authors bear personal responsibility for the content of the materials included in the collection, the accuracy of the statistical and other data cited therein, the correctness of the dates of normative documents, and for any critical judgments.

© Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, 2026.

КОЛЕНКО ЕВГЕНИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ
Первый заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам, профессор

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ПОДГОТОВКА КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Цифровая трансформация правоохранительной деятельности принципиально изменяет требования к профессиональной подготовке следователей, прокуроров и иных сотрудников. Речь идет уже не о формировании узкой специализации, необходимой только при расследовании киберпреступлений, а о способности работать с цифровым компонентом практически по любой категории уголовных дел. По официальным данным Департамента по борьбе с киберпреступлениями МВД Республики Узбекистан, доля преступлений, совершенных с применением информационных технологий, в общей структуре преступности увеличилась с 7,2 % в 2023 году до 49,6 % в 2025 году. Такая динамика означает, что цифровая компетентность постепенно становится не дополнительным, а базовым элементом профессиональной готовности правоохранительных кадров.[1]

Изменение характера преступности совпало с существенным обновлением процессуального регулирования. Законом Республики

[1] Статистические данные Центра кибербезопасности МВД Республики Узбекистан // Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: https://gov.uz/ru/iiv/news/view/57775 (дата обращения: 27.06.2026).

Узбекистан № ЗРУ-1003 от 21 ноября 2024 года в уголовно-процессуальное законодательство были внесены нормы, направленные на совершенствование системы работы с цифровыми доказательствами. Однако нормативное закрепление цифровых доказательств само по себе не обеспечивает готовности практического работника к их обнаружению, фиксации, изъятию, исследованию и оценке. Возникает кадровая задача: обучение должно воспроизводить не только содержание правовых норм, но и реальные условия их применения.[1]

Именно поэтому применительно к современной правоохранительной сфере особое значение приобретает практико-ориентированная модель подготовки. В научной литературе обоснованно подчеркивается необходимость целенаправленной подготовки специализированных кадров и внедрения профильных образовательных программ в сфере борьбы с преступностью. В условиях цифровой трансформации это положение требует дальнейшего развития: образовательная программа должна строиться вокруг профессиональных действий, которые сотрудник выполняет при работе с цифровой информацией, а результат обучения должен оцениваться через способность правильно действовать в конкретной следственной или прокурорской ситуации.[2]

Институциональная основа такой модели в Правоохранительной академии Республики Узбекистан была сформирована Постановлением Президента Республики Узбекистан № ПП-229 от 21 июня 2024 года. Документ не только определил задачи по развитию научно-исследовательской деятельности в сфере цифровой

[1] Закон Республики Узбекистан от 21 ноября 2024 г. № ЗРУ-1003 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан, направленных на совершенствование системы работы с цифровыми доказательствами» [Электронный ресурс]. URL: https://lex.uz/docs/7228823 (дата обращения: 28.06.2026).

[2] Пулатов Б.Х. Вопросы совершенствования системы подготовки и повышения квалификации кадров в сфере борьбы с преступностью // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан. 2021. № 3. С. 14–19.

криминалистики, но и предусмотрел регулярную организацию в Академии краткосрочных курсов повышения квалификации по выявлению, хранению и анализу цифровых доказательств для следователей, дознавателей и прокуроров. Тем самым подготовка кадров была непосредственно связана с практической работой с цифровыми доказательствами.[1]

Существенная особенность сформированной в Академии модели состоит в объединении в одной институциональной среде образования, экспертной практики, научных исследований и методического обеспечения. В результате реальная практическая ситуация после ее анализа превращается в учебный кейс, апробированный способ работы становится методическим алгоритмом, а выявленная проблема правоприменения — основанием для научного или нормотворческого предложения. Такая организация сокращает временной разрыв между появлением новой технологии в преступной деятельности и ее включением в содержание подготовки кадров.

Актуальность именно такого подхода подтверждается результатами деятельности Научно-исследовательского института цифровой криминалистики за первое полугодие 2026 года. За шесть месяцев на основании постановлений правоохранительных органов проведено 368 судебных цифровых экспертиз, что составляет 73 % от общего количества экспертиз, выполненных за весь 2025 год. При этом 74 % экспертиз назначены органами прокуратуры, 13 % — органами внутренних дел и 12 % органами Службы государственной безопасности. Эти показатели важны для образовательной модели не сами по себе: они демонстрируют межведомственный характер потребности в цифровых компетенциях и позволяют определять, какие

[1] Постановление Президента Республики Узбекистан от 21 июня 2024 г. № ПП-229 «О мерах по организации научно-исследовательской деятельности в сфере цифровой криминалистики» [Электронный ресурс]. URL: https://lex.uz/docs/6977762 (дата обращения: 29.06.2026).

практические задачи должны становиться содержанием подготовки и повышения квалификации.[1]

Практико-ориентированность обеспечивается также тем, что учебная и экспертная инфраструктура не существуют изолированно друг от друга. В Академии используются специализированные лаборатории и программно-аппаратные средства, применяемые при реальных исследованиях цифровых устройств, анализе цифровых следов, криптоактивов и данных из сетевых источников. Поэтому обучающийся осваивает не абстрактное описание технологии, а последовательность профессиональных действий: определяет объект, выбирает допустимый способ его фиксации, сохраняет исходные данные, применяет соответствующий инструмент, документирует результат и оценивает его доказательственное значение.

Такой подход меняет и роль конкретного уголовного дела в образовательном процессе. Практический материал используется не для иллюстрации уже изложенной теории, а как источник формирования самой методики обучения. Опыт Института показывает, что результаты расследований, связанных с анализом Darknet, криптовалютных транзакций, сетевой инфраструктуры, мобильных устройств и иных цифровых объектов, становятся основой учебных программ, методических пособий и алгоритмов действий. В результате формируется замкнутый цикл «практика ⟶ анализ ⟶ методика ⟶ обучение ⟶ применение», при котором содержание подготовки обновляется вслед за изменением правоохранительной практики.

Системность этого подхода проявляется на разных уровнях образования. С 2025/2026 учебного года в Академии реализуется магистерская программа «Правовое обеспечение кибербезопасности», а с 2026/2027 учебного года предусмотрено обучение по направлению «Киберправо». Наряду с этим повышение квалификации действующих

[1] Сведения о деятельности Научно-исследовательского института цифровой криминалистики за первое полугодие 2026 года. Ташкент, 10 июля 2026 г.

сотрудников позволяет оперативно транслировать в регионы новые приемы работы с цифровыми доказательствами. Единая модель охватывает как подготовку будущего специалиста, так и непрерывное профессиональное развитие уже работающего сотрудника.[1]

Особое значение имеет обратная связь между экспертной практикой и содержанием обучения. По итогам первого полугодия 2026 года исследованию подвергались мобильные устройства, носители памяти, криптоактивы, серверное оборудование, электромобили и сетевые устройства. Само разнообразие объектов показывает, что учебная программа не может быть статичной. Она должна регулярно пересматриваться с учетом того, какие цифровые объекты фактически поступают на исследование и какие задачи возникают у следователей и прокуроров. Обновление образовательного содержания должно основываться на анализе практики, а не только на периодическом пересмотре учебных планов.

Важным элементом модели является и методическое обеспечение практического работника. В первом полугодии 2026 года Институтом продолжена разработка методических материалов, в том числе по особенностям выявления и расследования преступлений, связанных с криптоактивами, а также по предупреждению мошенничества. Для системы подготовки кадров это означает переход от передачи разрозненных знаний о цифровых технологиях к стандартизации профессиональных действий: сотрудник должен понимать не только возможности конкретного программного средства, но и процессуальные пределы его применения, порядок фиксации полученного результата и критерии его последующей оценки.

Следовательно, результативность практико-ориентированной подготовки в условиях цифровой трансформации целесообразно

[1] Указ Президента Республики Узбекистан от 3 ноября 2025 г. № УП-204 «Об утверждении Стратегии „Цифровая прокуратура — 2030“ и мерах по ее эффективной реализации» [Электронный ресурс]. URL: https://lex.uz/docs/7813709 (дата обращения: 27.06.2026).

оценивать не количеством изученных программных продуктов и не объемом прослушанного теоретического материала, а сформированностью профессиональных компетенций. К их числу относятся способность распознавать цифровой след, определять источник потенциально значимой информации, обеспечивать ее сохранность и неизменность, корректно взаимодействовать со специалистом и экспертом, формулировать задачи исследования, оценивать заключение и использовать полученные результаты в доказывании.

Опыт Правоохранительной академии Республики Узбекистан показывает, что кадровое обеспечение цифровой трансформации правоохранительной деятельности требует постоянной интеграции образования с реальной практикой. Перспективной является модель, в которой результаты экспертной и следственной деятельности систематически анализируются, преобразуются в учебные кейсы и методики, осваиваются в условиях, максимально приближенных к практическим, а затем вновь проверяются правоприменением. Такой цикл позволяет обеспечить не формальное знакомство сотрудников с цифровыми технологиями, а их готовность профессионально и процессуально грамотно действовать в изменяющейся цифровой среде.

BRYSON PAYNE
Professor of Computer Science;
Director, Institute for Cyber Operations University of North Georgia, USA

REVERSE ENGINEERING AS A TOOL FOR CYBERSECURITY INNOVATION AND DIGITAL TRUST

Abstract: *This paper examines reverse engineering (RE) as a foundational discipline for cybersecurity innovation and digital trust. It defines RE and its role across the cyber ecosystem, outlines the levels of analysis it comprises, and shows how an expanding attack surface and the rise of agentic AI tools are reshaping RE practice. The central argument is that RE converts unknown risk into actionable intelligence and underpins trust in software, supply chains, and critical infrastructure.*

Keywords: *reverse engineering, cybersecurity, digital trust, malware analysis, supply chain security, critical infrastructure, agentic AI, Model Context Protocol.*

What is reverse engineering? Reverse engineering is the practice of taking something apart in order to understand how it works. It is widely applied in the physical world — from non-OEM parts and the human genome to intelligence work — and, in software development, it supports interoperability and vulnerability analysis. In cybersecurity specifically, RE underpins vulnerability research, malware analysis, and digital forensics, and a defining feature is that it requires no access to source code: insight is recovered directly from compiled binaries.

Reverse engineering across the cyber ecosystem. RE benefits every part of the security ecosystem. For red teams it informs vulnerability testing and proof-of-concept work; for blue teams it enables malware analysis, the

extraction of indicators of compromise and attack, and incident response by revealing what attackers left behind. Purple teams use shared RE artifacts — such as decompiled and de-obfuscated logic and behavioral signatures — to bridge offensive and defensive knowledge. In forensics and threat intelligence, RE helps attribute campaigns, decrypt ransomware, and recover artifacts from binaries, while in bug-bounty and penetration testing it exposes vulnerabilities that were never documented by developers.

Levels of reverse engineering. RE analysis spans several complementary levels, each supported by established, industry-standard tooling. Automated analysis relies on sandboxes and online analysis services; behavioral analysis observes how a sample acts in an instrumented environment; dynamic analysis uses debuggers to study execution in real time; and static analysis examines code without running it, ranging from quick triage to in-depth disassembly and decompilation. Combining these levels gives the analyst a complete picture of an unknown binary.

Cybersecurity innovation: the expanding attack surface. Emerging technologies continually create new RE targets. Middleware now bridges legacy SCADA/ICS systems to cloud APIs, producing vulnerable seams whose trust boundaries must be understood through RE. Smart cities and IoT — traffic systems, smart grids, and autonomous vehicles — run proprietary firmware with undocumented interfaces and hidden attack vectors. AI and large-language-model runtimes, compiled model formats, and agent-orchestration layers introduce novel targets in which threats such as prompt injection can hide within binary configurations. The transition to post-quantum cryptography, in turn, requires RE to identify which embedded systems still rely on legacy algorithms. Each new technology layer is therefore a gap where RE expertise converts unknown risk into actionable intelligence.

Reverse engineering for digital trust. RE is central to establishing digital trust. It uncovers memory-corruption flaws, hardcoded credentials, and insecure boot chains in compiled code and IoT/ICS firmware before

attackers can exploit them. It supports zero-trust supply-chain validation by verifying that third-party libraries and firmware match published checksums and by detecting Trojanized components and backdoors. Through disassembly of closed-source middleware it confirms whether advertised encryption and authentication actually behave as vendors claim. RE of encryption routines has enabled decryptors for many ransomware families, restoring data to victims worldwide. Finally, governments and critical-infrastructure operators rely on RE-based audits to certify that deployed systems behave as intended — the foundation of sovereign digital trust.

AI-powered reverse engineering. Agentic AI is transforming RE workflows. The Model Context Protocol (MCP) is an open standard that connects AI agents directly to RE tools, allowing an analyst to describe a task in natural language and have the agent execute it. Servers such as GhidraMCP, WireMCP, and CutterMCP expose disassembly, decompilation, packet dissection, and binary-analysis capabilities to AI agents, automating tasks such as function renaming, assembly explanation, and pseudocode generation at scale. Chained end-to-end, these tools form an agentic pipeline — from binary ingestion and static triage through decompilation, analysis, and indicator extraction to reporting — compressing hours of work into minutes for red, blue, and purple teams. Crucially, human RE expertise directs the AI, not the other way around.

Conclusion. Reverse engineering is a foundational skill that spans the entire cyber ecosystem and is essential to digital trust — from supply-chain firmware validation and vulnerability testing to national-infrastructure assurance. As the attack surface expands across legacy-and-cloud middleware, IoT, AI models, and the quantum-era transition, and as agentic AI tools compress analysis from days to minutes, the future belongs to analysts who combine deep reverse-engineering expertise with AI-driven acceleration.

CHIBEL RON
Chief Superintendent,
Head of the Explosives, Arson, and Poison Lab of the Forensic Unit of the Israel Police, representing the Digital Evidence Laboratory

LEAP OF FAITH: HOW TO TRUST AI AND STAY HUMAN
AI CHALLENGES FOR THE FORENSIC SCIENTIST: DEMYSTIFYING THE BLACK BOX AND MANAGING SYNTHETIC MEDIA IN COURT

Abstract: *This paper examines the central paradox of forensic work in the age of artificial intelligence: how to harness AI as a powerful investigative tool while preserving human judgement and evidentiary reliability in court. Drawing on real cases of algorithmic failure, it proposes a "human-in-the-loop" model in which automated systems compute scores and human experts validate them, and discusses the implications of this model for the burden of proof when synthetic media are introduced as evidence.*

Keywords: *artificial intelligence, forensic science, deepfake, synthetic media, AFIS, human-in-the-loop, burden of proof, admissibility of evidence.*

The rapid adoption of artificial intelligence in forensic practice presents a fundamental paradox of trust. On the one hand, AI offers unprecedented speed and analytical power; on the other, its "black box" nature and capacity to generate convincing synthetic content threaten the reliability that forensic evidence must guarantee in court. The challenge for the forensic scientist is therefore not whether to use AI, but how to trust it responsibly — demystifying its outputs and managing synthetic media without surrendering human judgement.

Real-world warning signs: when algorithms fail. Two categories of failure illustrate the risk of uncritical reliance on automated systems. The

first is misidentification: in the United States in 2020, Robert Williams was wrongfully arrested after a faulty facial-recognition match — one of the first known cases of its kind. The second is fabrication through generative processing: when AI "enhances" a blurry source image, such as a license plate captured in poor conditions, it may invent plausible but false details, for example hallucinating a digit that was never present. The essential lesson is that generative AI guesses and invents; its speculative output is not forensic evidence.

The fingerprint model as a baseline. Automated fingerprint comparison (AFIS) offers a mature template for introducing AI into the courtroom. Rather than replacing the expert, the system acts as a robust 1:1 validator: it calculates geometric similarity scores that are then physically verified by a human examiner. The supporting forensic image-processing workflow — opening the source file, converting to grayscale with automatic enhancement, geometric rectification, cropping, and preparing the final image at an appropriate resolution — produces a court-ready record while keeping every step transparent and reviewable. This division of labour is the ideal baseline for building judicial confidence in AI-assisted methods.

The symbiosis — human-in-the-loop. Across modalities — image enhancement, facial-recognition candidate lists, and audio enhancement and comparison — the same principle applies: the algorithm narrows the field and proposes candidates, but the qualified expert interprets, corroborates, and decides. AI thus functions as an assistant that augments human capability rather than an autonomous arbiter. Maintaining the human in the loop preserves accountability, allows errors and hallucinations to be caught, and ensures that the final conclusion rests on verifiable scientific reasoning. Shifting the burden of proof. Where a clear, documented chain of evidence supports an AI-assisted result, the machine's validated output should stand as legally sound. If opposing counsel asserts that the AI hallucinated or that the original file is a deepfake, the burden falls on them to substantiate that claim through a verified scientific counter-analysis rather than mere

speculation. A transparent, expert-validated process therefore strengthens, rather than weakens, the evidentiary standing of forensic findings.

Conclusion. Trusting AI in forensic science requires neither blind faith nor outright rejection, but a disciplined symbiosis grounded in human oversight. Educating the legal system, embedding the human-in-the-loop model, and clarifying the burden of proof together allow courts to benefit from automation without compromising justice. The guiding principle is concise: the computer calculates the score, and human experts deliver justice.

KOYAMA CHIHIRO
Senior Prosecutor at Japan
Prosecutors Unit on Emerging
Crimes Supreme Public Prosecutors
Office of Japan

INTERNATIONAL COOPERATION IN COMBATING CYBERCRIME: CHALLENGES AND RESPONSES IN JAPAN

Abstract: *This paper presents Japan's institutional response to the rise of cybercrime through the Japan Prosecutors Unit on Emerging Crimes (JPEC), established in 2021. It outlines the challenges of the digital age, the structure and two-pronged approach of JPEC, its training and collaboration activities, and — through a major cross-border embezzlement case — demonstrates the decisive role of international cooperation and digital forensics in modern criminal justice.*

Keywords: *cybercrime, international cooperation, JPEC, digital forensics, cryptoasset, mutual legal assistance, prosecution, emerging crimes.*

Challenges in the digital age. The accelerated advancement of digital technology and information and communication technologies (ICTs) has been accompanied by a steady increase in crimes that exploit these technologies, are committed anonymously, and span ever-broadening fields of activity. The scale of the problem is reflected in official statistics: in fiscal year 2025, the number of cybercrime cases cleared by police in Japan reached a record high of 15,108. Against this background, understanding and harnessing cutting-edge technologies has become vital not only for investigations but also for trials.

Japan's response: the establishment of JPEC. In 2021, Japan established the Japan Prosecutors Unit on Emerging Crimes (JPEC). Its purpose is to collect and share useful information on countering emerging crimes and to assist investigations and trials concerning them. JPEC provides assistance both for crimes committed by means of ICTs and for

cases in which ICTs were used as evidence, collecting, analyzing, and sharing cases across the system. A central premise of its work is that digital forensics matters not only in cybercrime but also in traditional offences such as organized fraud, murder, and robbery.

Structure and approach. JPEC operates as a nationwide network spanning the Supreme Public Prosecutors Office, eight High Public Prosecutors Offices, and fifty District Public Prosecutors Offices, linking a core unit, JPEC members, a digital forensics (DF) center, DF officers, supporters, and digital coordinators. Its work follows a two-pronged approach: exploring innovative solutions to the challenges posed by cutting-edge technologies used both as tools for and against crime, and raising baseline capability — for example, the digital forensics of smartphones and PCs and the tracking and confiscation of cryptoassets. To this end JPEC delivers a variety of trainings — smartphone forensics, cryptoasset, network forensics, and PC forensics — supported by an e-learning portal.

Collaboration. JPEC's activities rest on collaboration with the private sector and academics, foreign law enforcement, and government, alongside the collection of cases, publication of FAQs and case references, training and education, and the planning of digital-equipment deployment. In practice this includes receiving training from leading forensics and security entities, participating in sessions hosted by the private sector and academics, studying cross-border remote access with researchers, discussing new investigative tools with private entities, consulting major service providers, and seconding prosecutors and assistant officers to forensics and security organizations.

Case example: cross-border recovery of embezzled funds. The value of international cooperation is illustrated by a major embezzlement case. In May 2021, an employee of a Japanese life-insurance company diverted approximately 154 million US dollars (about 17 billion yen) by disguising the transfer as legitimate business, and then used the proceeds to purchase Bitcoin — conduct amounting to fraud and a violation of the Act on

Punishment of Organized Crimes. The matter was brought to the US Federal Bureau of Investigation, and Japan and the United States opened parallel investigations supported by mutual legal assistance. A key question was which country should preserve the Bitcoin so as to return it most swiftly and reliably to the victim. Through a preservation order obtained in the United States and search-and-seizure measures in Japan, the assets were secured and ultimately recovered.

As a result, the diverted funds — more than 154 million US dollars converted into Bitcoin and moved to a cold wallet — were recovered: in Japan the offender was indicted and sentenced to nine years' imprisonment, while in the United States the Bitcoin was seized and returned to the victim. The case demonstrates how coordinated parallel investigations, mutual legal assistance, and cryptoasset forensics can deliver justice in transnational cybercrime.

Conclusion. Japan's experience shows that an effective response to cybercrime requires dedicated institutional capacity, continuous investment in digital-forensic skills, close collaboration with the private sector and academia, and — above all — robust international cooperation. As anonymized, cross-border offending continues to grow, mechanisms such as JPEC and frameworks for mutual legal assistance will be central to ensuring that emerging technologies serve justice rather than crime.

LEANNE ALARID
Head of the Criminal Justice Department,
Professor at the University of
Texas at El Paso, USA

THEORIES OF CYBERCRIME: SOLO ACTORS COMPARED TO ORGANIZED GROUPS / SYNDICATES

Abstract: *This paper compares cybercrime committed by solo actors with that carried out by organized criminal groups and syndicates, and reviews the criminological theories that explain each. Three theories account for offenders acting alone — space transition, radicalization, and strain — while two further theories, routine activities and social learning, explain organized cybercrime. On this basis the paper outlines practical, theory-driven measures for prevention and international cooperation.*

Keywords: *cybercrime, criminological theory, syndicates, routine activities theory, social learning theory, space transition, target hardening, international cooperation.*

Cybercrime is committed both by individuals operating alone and by organized criminal groups, and the two differ sharply in their targets, methods, and the jurisdictions responsible for countering them. Understanding the criminological theories behind each form of offending is essential for designing effective prevention strategies and for coordinating the response across agencies and borders.

Solo actors compared to syndicate groups. Solo actors typically target individuals, their employers, or small businesses; they mask their IP addresses with commercial VPNs, obtain comparatively small financial rewards, and fall within the jurisdiction of local law enforcement or dedicated cyber units. Organized criminal groups, by contrast, target corporations and governments, employ sophisticated anonymization such as proxy networks and onion routers, pursue large financial gains, and require

the involvement of transnational bodies including Interpol, the United Nations, cyber fusion centers, and the Federal Bureau of Investigation.

Theories explaining offenders acting alone. Three theories help explain solo cybercrime. Space transition theory (Jaishankar) holds that a submissive, non-confrontational person who seeks a challenge becomes an aggressive threat within the anonymous "bubble" of the virtual world. Radicalization explains how consumption of extremist online forums and websites reinforces the belief that the offender must act, leading them to target political and social groups and corporations they perceive as a threat to their belief system. Strain theory attributes offending to underlying pressures, principally financial pressure for money and anger arising from social rejection.

Theories explaining cybercrime syndicates. Two theories explain organized cybercrime. Routine activities theory (Cohen and Felson, 1979) posits that a crime occurs when three elements converge simultaneously — a motivated offender, a suitable target, and the absence of a capable guardian — so that altering any one element reduces crime; in the cyber context this underpins "target hardening" through stronger security systems, regular updates, and employee training. Social learning theory (Burgess and Akers, 1968) holds that cybercriminals acquire knowledge, skills, and techniques by interacting with others — through darkweb tutorials, hacker forums, observation, and mentoring — and that membership of an organized group reinforces criminal beliefs and motivations.

Theory-driven solutions. The theories point to a coherent set of countermeasures: monitoring and, where lawful, infiltrating hacker forums; applying target hardening in workplaces and corporations; mapping crypto-wallets to reduce the financial rewards of offending; and building synchronized global regulatory systems, notably through the United Nations Convention against Cybercrime. International intelligence-sharing mechanisms such as the Cyber Fusion Center in Singapore — which collects, analyzes, and shares cyber-threat intelligence among member

nations — illustrate the cooperative model needed to address syndicate activity that crosses borders.

Conclusion. Distinguishing solo actors from organized syndicates, and grounding that distinction in established criminological theory, allows prevention to be matched to the form of offending. Whereas space transition, radicalization, and strain illuminate the individual offender, routine activities and social learning explain organized cybercrime and point toward target hardening, disruption of criminal learning networks, and coordinated international regulation as the most promising lines of defense against Cybercrime.

LIU HUI
Chief Prosecutor of the Fourth Branch
of the People's Procuratorate of Beijing,
People's Republic of China

LEVERAGE THE WISDOM OF AI TO ENHANCE PROCURATORIAL CAPABILITY

Against the backdrop of the global surge in digital and intelligent development, digital transformation has become an indispensable imperative for high-quality and efficient development in the new era. As China advances the construction of a Digital China, the procuratorial authorities of Beijing have long worked to integrate scientific and technological means into procuratorial work in order to enhance its efficiency and effectiveness. The experience of the Fourth Branch of the People's Procuratorate of Beijing, which has implemented the digital procuratorial strategy to handle every case with high quality and to provide more refined procuratorial services, can be summarized along three directions.

First, digital and intelligent technologies have become the "core tools" for strengthening procuratorial supervision and are applied across full-process digital case management and intelligent analytical judgment. The Fourth Branch has established a digital and intelligent procuratorial command and dispatch center whose data-analysis platform integrates 19 distinctive functional modules and over 41 million model data entries, performing real-time data processing, analytical assessment, model iteration, and major-case clue coordination within a data-driven decision-making system that enables rapid response. A data-integrated working space consolidates electronic evidence, audio-visual materials, and space remote-sensing information, while a 5W-based intelligent coordination studio enables joint research with enterprises and academic institutions. AI-based legal supervision models assist prosecutors in file analysis, data sorting,

court-trial rehearsal, and intelligent public reception, driving the shift of procuratorial work from a labor-intensive to a technology-intensive mode.

Second, these technologies are applied in a targeted manner to elevate professional procuratorial performance, delivering effects that range from case handling to social governance. In criminal procuratorial work, intelligent models support case review, sentencing assistance, similar-case recommendation, and supervision, helping to identify core evidence and uncover crimes concealed within data. In intellectual property protection, rigorous review of electronic evidence has clarified the criteria for tort liability arising from the dissemination of others' works through digital libraries and has supported intellectual property services for the China International Fair for Trade in Services. In public interest litigation, big-data environmental-supervision models built on the National Remote Sensing Data and Application Service Platform help identify those liable for pollution, restore land, and safeguard land, railway, and river resources; a water-environment protection model employing quantum-dot spectroscopy analyzes on average some 19,000 monitoring entries daily across 144 rivers in Beijing, combining satellite remote sensing, real-time underwater detection, cloud-based computation, and on-site verification into an innovative evidence-consolidation system. In foreign-related procuratorial work, guided by the principle that the rule of law constitutes the best business environment, the procuratorate supports enterprises going global and helps technology firms protect their legitimate rights and interests in overseas markets.

Third, artificial intelligence should serve as a global public good benefiting all humanity and playing a vital role in upholding equity and justice. China's procuratorial authorities intend to deepen international exchange and mutual learning on the judicial application of AI, and stand ready to share their digital and intelligent procuratorial experience with Uzbekistan and other Central Asian countries. Emphasizing openness and joint governance, they aim to forestall AI-related security risks—cracking

down on relevant crimes in accordance with the law while clarifying the behavioral boundaries for the development of data intelligence through procuratorial case handling—and to build an open, inclusive platform for rule-of-law collaboration based on vertical linkage, horizontal coordination, and cross-border cooperation.

Ultimately, the rule of law underpins the development of the digital and intelligent economy and serves as a crucial guarantee for global scientific and technological cooperation. Strengthening sustained exchange and cooperation among all countries in digital technologies, legal standards, and judicial coordination is therefore essential to jointly advancing rule-of-law progress and regional development.

NGUYEN VAN KHOAT
Rector of the Procuracy University
under the Supreme People's
Procuracy of the Socialist
Republic of Vietnam

INNOVATION IN SCIENCE AND LEGAL EDUCATION IN THE DIGITAL ERA: FROM VIETNAM'S EXPERIENCE TO INTERNATIONAL RECOMMENDATIONS

As an institution dedicated to developing high-quality human resources for the People's Procuracy and Vietnamese society, we observe that digital transformation is posing new demands for reform in legal education, training of procurators and other judicial titles in the coming period.

1. Context and Requirements for Innovation

Nowadays, information technology and artificial intelligence are profoundly transforming socioeconomic life and judicial activities across nations. Along with new development opportunities, numerous legal challenges are emerging, such as transnational cybercrime, AI-driven online fraud, personal data breaches, high-tech money laundering, and the handling of electronic evidence in criminal proceedings.

In this context, traditional legal education must undergo a powerful transformation to adapt to the new landscape. Today, legal training can no longer rely on purely legal knowledge; it must be closely integrated with understanding of digital technology, cyber investigation, digital forensics, cybersecurity, and artificial intelligence, among others. This is also a common trend among many nations worldwide.

2. Vietnam's Practical Experience in Science and Legal Education Innovation within the Digital Era

In Vietnam, national digital transformation is moving forward rapidly, along with the growth of a digital government, digital economy, digital

society, and digital justice. Resolution No. 57-NQ/TW dated December 22, 2024, of the Political Bureau of the Communist Party of Vietnam on breakthroughs in science, technology, innovation, and national digital transformation, emphasized that: "Focus on securing high-quality human resources for the development of science, technology, innovation, and national digital transformation, while introducing special mechanisms and policies for top talents". The National Strategy on Research, Development, and Application of Artificial Intelligence to 2030, issued under Decision No. 127/QĐ-TTg dated January 26, 2021, by the Prime Minister, set the goal that: "Accelerate the research, development, and application of AI, making it a key technology sector for Vietnam in the Fourth Industrial Revolution. By 2030, Vietnam aims to become a center for innovation, developing AI solutions and applications both within the ASEAN region and globally". This requires a massive workforce that possesses both professional expertise and the ability to apply IT and AI. Within the judicial sector, we have identified the following key challenges:

First, electronic evidence is becoming a crucial source of proof. Procedural authorities now must handle vast amounts of electronic and cross-border data. Meanwhile, both the legal frameworks and technical techniques in Vietnam, as well as in many other nations, have not yet kept pace with the rapid development of technology and AI applications.

Second, the legal workforce still lacks skills in applying IT and AI. Many legal training programs remain focused on traditional legal theories. Content related to digital justice, such as cyber law, digital investigation, digital forensics, and personal data protection, has not yet been rolled out through synchronized and in-depth training.

Third, artificial intelligence brings both opportunities and new legal risks. AI is effectively supporting research, investigative data analysis, and prosecution and trial processes. However, it also creates risks such as privacy violations, information manipulation, fake evidence, and difficulties in determining legal liability.

Fourth, international cooperation in digital justice faces many hurdles. Cybercrime is highly transnational, yet mechanisms for data sharing, electronic mutual legal assistance, and joint international investigations still suffer from numerous legal and technical gaps.

Based on these realities, to foster innovation in legal science and education in the digital era, we believe Vietnam should focus on the following major directions:

First, innovate legal training and education in the digital environment. Law schools need to develop interdisciplinary programs that combine legal studies with IT and AI. They should also add more courses on cyber law, AI and the law, digital forensics, electronic evidence, and digital investigation. At the same time, heavy emphasis should be placed on practical training, simulated digital investigations, and partnerships with tech agencies and companies.

Second, enhance digital skills training for Judges, Prosecutors, Investigators, and other judicial officers. This will help them adapt to the electronic litigation environment and smart judicial agencies.

Third, continue to improve laws on cyberspace, AI and AI liability, personal data, electronic evidence, and cybersecurity. This must be based on balancing innovation, human rights, and national security.

Fourth, develop digital forensics capabilities. We need to invest in digital forensics labs, train digital investigation experts, and standardize the process for collecting and examining electronic evidence. At the same time, the use of AI should be expanded to support digital criminal investigations and prosecutions.

Fifth, promote international cooperation. Today, no single country can effectively tackle cross-border cybercrime alone. Therefore, it is essential to strengthen cooperation in training, experience sharing, scientific research, and electronic mutual legal assistance across nations, regions, and the globe.

3. Recommendations from the International Community**

Based on Vietnam's practical experience, we believe that innovating legal science and education must be approached as an urgent global task. Countries should focus on the following key issues:

First, build legal systems that adapt to emerging technologies. The rapid rise of AI, blockchain, and big data requires legal systems to become faster and more flexible in their adaptation.

Second, promote interdisciplinary legal education. Legal training must be closely linked with technology, data science, cybersecurity, and AI ethics, while emphasizing practical skills and problem-solving mindsets in the digital environment.

Third, enhance international standardization for electronic evidence and digital forensics. We need to drive the development of common standards for collecting electronic evidence, digital forensics examination, cross-border data sharing, and the use of AI in criminal proceedings.

Fourth, establish a responsible AI governance mechanism. AI must be developed in a way that is transparent, controllable, and human-centric, while preventing the risks of abuse. No matter how advanced technology becomes, it can never replace the core values of justice, legal ethics, and the protection of human rights.

Fifth, foster substantive and sustainable international cooperation. Countries need to strengthen experience sharing, cooperate in training experts, and build international research networks related to digital justice, such as cyber law, AI, and digital forensics. Vietnam stands ready to enhance research cooperation, training, and experience sharing with other nations in the fields of digital justice and modern legal education.

Conclusion

The digital era is profoundly reshaping legal systems, judicial activities, and the methods of training the legal workforce worldwide. In this context, innovation in science and legal education is no longer just an individual country's requirement but has become an inevitable global trend.

Vietnam's practical experience shows that developing a digital justice system must be placed within a long-term strategy to build a modern and efficient judiciary that ensures justice in the digital environment. Technological innovation must always go hand in hand with legal liability and humanistic values. In the digital era, technology may change the methods of governance and law enforcement, but justice, human rights, and the rule of law must remain the core values of all innovations.

SERKAN SAVAŞ
Department of Computer Engineering,
Faculty of Engineering and
Natural Sciences, Kırıkkale University

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN JUDICIAL PROCEEDINGS AND THE MAINTENANCE OF PUBLIC ORDER: OPPORTUNITIES, RISKS, AND AN ETHICAL FRAMEWORK

Artificial intelligence (AI) technologies are profoundly transforming the justice and security functions of the modern state through the revolution they have brought about in information processing capacity and speed. While this digital transformation enhances the effectiveness of law enforcement agencies in maintaining public order and accelerates judicial processes, it also raises serious legal and ethical debates regarding fundamental human rights.

AI serves not as the final decision-maker (robot judge) in the judicial system, but as a decision-support mechanism and assistant. It accelerates judicial processes through tasks such as reducing case backlogs in the higher courts, integrating with digital systems, the “Call Justice” application, and summarizing and analyzing medical/expert reports spanning pages within seconds. However, since adjudication requires empathy, moral judgment, and legal reasoning, the final word and decision-making authority will always remain with humans (judges).

From the perspective of crime prevention and security, law enforcement agencies utilize AI-supported networks to maintain public order and prevent crimes before they are committed. Predictive policing systems identify areas and times with a high potential for crime in advance, while facial recognition, automatic license plate recognition, and smart surveillance cameras enable the identification of criminals much more quickly and at a lower cost.

However, the integration of AI systems also carries legal, ethical, and human rights risks. While the use of AI systems in security and the judiciary offers significant benefits, it also carries risks of violations of fundamental rights. Discrimination and bias generated by algorithms trained on historical data (such as the COMPAS risk assessment system in the U.S. or the daycare subsidy scandal in the Netherlands), the inability to understand how systems make decisions (the “black box” problem), and the infringement of privacy due to mass surveillance are the primary sources of concern.

While the integration of AI technologies into the judicial and security sectors may yield significant efficiency gains, as stated in the Council of Europe (CEPEJ) Code of Ethics, it is essential that these systems be transparent, free from discrimination, and respectful of human rights. To prevent potential rights violations and errors, these systems must be subject to human oversight and control.

АБДУДЖАЛИЛОВ АБДУДЖАБАР
доктор юридических наук,
заведующий отделом частного права
Института государства и права Национальной
академии наук Таджикистана

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *В предлагаемой статье автор рассматривает феномен искусственного интеллекта с точки зрения позитивного права, проблемы и объем правового регулирования, правосубъектности компьютерных технологий, создающих юридические факты и проблемы ответственности искусственного интеллекта. Авторы придерживаются классической правовой интерпретации понятия «субъект права». Возможность признания искусственного интеллекта субъектом права авторами отрицается, поскольку субъектом права в полном смысле могут быть только физические и юридические лица. Автор последовательно придерживается* ***классической правовой методологии****: разграничение технического и юридического подходов; приоритет правовой квалификации над функциональным описанием; опора на принципы субъектного и объектного права. Особо выделен тезис о том, что правовая квалификация объекта исследования требует самостоятельной аргументации, не сводимой к описанию его функциональности.*

Annotation. *In the proposed article, the authors consider the phenomenon of artificial intelligence from the point of view of positive law, the problems and scope of legal regulation, the legal personality of computer technologies that create legal facts and the problems of responsibility of artificial intelligence. The authors adhere to the classical legal interpretation of the concept of "legal entity". The authors deny the possibility of recognizing artificial intelligence as a subject of law, since only individuals and legal entities can be a subject of law in the full sense. The authors consistently adhere to the classical legal methodology: differentiation of technical and legal approaches; priority of legal qualification over functional description; reliance on the principles of subject and object law. The thesis that the legal qualification of the research object requires independent argumentation, which cannot be reduced to a description of its functionality, is highlighted.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, субъект, объект, классическая методология, правовая квалификация, правосубъектность.*

Keywords: *artificial intelligence, subject, object, classical methodology, legal qualification, legal personality.*

Обеспечение правовой основы перехода на цифровую экономику и использования искусственного интеллекта понимается как разработка нормативных актов, направленных на регулирование общественных отношений в области цифровой экономики и искусственного интеллекта. В свою очередь, для разработки таких нормативных актов нужны достаточно глубокие теоретические исследования в указанных областях, формулирование понятийного аппарата, дефиниций и методологии нормативного регулирования, которые являются задачей науки, поскольку в самом общем виде под понятием «наука» мы должны понимать деятельность, направленная на выработку и систематизацию объективных знаний о действительности, в данном случае – о природе искусственного интеллекта.

Анализ многочисленных публикаций авторов по проблемам искусственного интеллекта, появившихся в последнее время, дает возможность обратить внимание на их определенные недостатки: 1) попытки анализа искусственного интеллекта осуществляется при помощи понятийного аппарата точных наук (в основном – компьютерных технологий), в котором юристы не разбираются; 2) работы, как правило, имеют чисто описательный характер, в которых дается общее представление об искусственном интеллекте без источниковедческой базы и ссылок на крупные монографические исследования по теме; 3) публикации в основном представляют собой набор цитат из англоязычной экономической и технической литературы и документы международных организаций, носящих рекомендательный характер; 4) зачастую четкая теоретическая позиция автора по проблеме не обозначена.

Все эти нарративы вносят в научный дискурс по проблеме искусственного интеллекта известную неопределенность, тогда, когда юрист при анализе соответствующего объекта гражданского оборота обязан обращать внимание не на подробную естественную или искусственную сущность объекта, а на его юридическую характеристику, его правовой режим.[1] И в отсутствие единого доктринального подхода, стержневой парадигмы на процессы, связанные с научной проблематикой искусственного интеллекта, они демонстрируют отход от классических канонов отечественного гражданского права, поскольку в публикациях не наблюдается опора на принципы права и юридическую точность в разграничении искусственного и человеческого интеллекта.

Анализ правовой природы искусственного интеллекта, как и любой другой проблемы в научном ракурсе начинается, как правило, из сравнительного сопоставления имеющихся в правовой литературе (особо подчеркнем – имеющихся в опубликованных монографических работах и статьях в академических научных журналах, а не на интернет-сайтах) определений и краткого обзора полемики по поводу таких определений. При этом, исходные данные для анализа должны содержать первооснову проблемы, то есть понятия искусственного интеллекта именно с точки зрения права. Например, Д.В.Бахтеев дает следующее определение искусственного интеллекта: «Искусственный интеллект – междисциплинарная область знаний о группе смежных технологий и создаваемое с её помощью программное обеспечение, функционирующее нелинейно, способное ограниченно понимать причинность и выполнять задачи интеллектуального, эвристического характера с возможностью обучения корректировки и уточнения за счет опыта принимаемых решений».[2]

---

[1] Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография / отв. ред. Л.Ю.Василевская. – Москва: Проспект, 2022. – С. 37.

[2] Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. – Москва, Проспект, 2023. – С. 21, 27.

По мнению В.А.Вайпан, «Искусственный интеллект – способность интеллектуальной системы (технической или программной) корректно обрабатывать и анализировать данные аналогично человеку, обучаться в процессе восприятия информации и самостоятельно использовать полученные знания для решения задач».[1] Определение искусственного интеллекта, данное В.А.Вайпаном, описывает, скорее его техническую, чем правовую сторону.

Нормативное определение искусственного интеллекта дано в подпункте 2 п. 1 ст. 2 Закона № 123-ФЗ Российской Федерации от 24.04.2020г. «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации». «Искусственный интеллект - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе те, в которых используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII ЗРК определяет искусственный интеллект как «функциональную способность к имитации когнитивных функций, характерных для

[1] Вайпан В.А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе / Право и экономика, № 1, 2024. – С. 10.

человека, обеспечивающая результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их».

Как видим, все четыре дефиниции искусственного интеллекта, в том числе и две нормативных, тяготеют к его техническим характеристикам, которые недостаточны для юридических выводов, поскольку правовая квалификация объекта исследования требует самостоятельной аргументации, не сводимой к описанию функциональности. Даже определение Л.Ю.Василевской о том, что «искусственный интеллект – условное понятие. Речь должна идти о результате творческого труда, об интеллектуальном результате деятельности человека, о нематериальном по своей природе инновационном продукте, материальном носителе которого является компьютер»[1] не раскрывает сущностных правовых характеристик искусственного интеллекта. На наш взгляд, при определении юридических характеристик и правового режима искусственного интеллекта на первый план должен быть поставлен вопрос не о том, каковы технические характеристики и возможности искусственного интеллекта, а о том, кем или чем он является – субъектом права, либо объектом? Все остальные вопросы решатся достаточно просто, если мы правильно определим место искусственного интеллекта в общей системе гражданского права.

Вот несколько теоретических подходов к проблеме определения правового статуса искусственного интеллекта, высказанные в правовой литературе последнего времени.

Первый. Искусственный интеллект признается новым современным субъектом права, поскольку носителем искусственного интеллекта выступает «электронное лицо». Такой позиции придерживаются Ф.В.Ужов, который признает искусственный интеллект новым современным субъектом права, поскольку носителем

[1] Л.Ю.Василевская. – Указ. соч. – С. 51

искусственного интеллекта выступает «электронное лицо»,[1] или Архипов С.И., который считает искусственный интеллект как «метаправовой субъект», формально не участвующий в правовых отношениях, но признаваемый субъектом права.[2] В качестве примера сторонники этой позиции приводят примеры того, как искусственные личности наделялись отдельными правами человека. Робот София с октября 2017 года является поданной Королевства Саудовская Аравия, а чат-бот (компьютерная программа, не имеющая физического воплощения) Shibuya Mirai была признана гражданином Токио. Эти примеры носят скорее рекламный характер, поскольку фактически нарушают законы соответствующих государств о гражданстве,[3] но тем не менее, прецедент о субъекте права неживыми существами создан.

Второй. Искусственный интеллект при наличии соответствующих норм законодательства в будущем может быть признан субъектом гражданского права. И.Н.Тарасов и И.Н.Спицын полагают, что «искусственный интеллект при наличии соответствующих норм законодательства в будущем может быть признан субъектом гражданского права».[4] Аналогичная позиция высказана и С.Ф.Афанасьевым, который утверждает, что «в недалеком будущем сильный искусственный интеллект потенциально может быть признан субъектом материальных и процессуальных правоотношений, поскольку со временем будет обладать всей совокупностью когнитивных характеристик и навыков человека».[5]

---

[1] Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права / Пробелы в российском законодательстве. 2017. - № 3. – С. 357.

[2] Архипов С.И. Субъект права (теоретическое исследование). – автореферат дисс.д-ра юрид.наук. – Екатеринбург, 2005. – С. 12-13.

[3] Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. – Москва, Проспект, 2023. – С. 123

[4] Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / М., Статут, 2021.

[5] Афанасьев С.Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта / Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. – С. 12.

Третий. С теоретических позиций допустимо говорить о «квазисубъекте», или «неосубъекте», подразумевая при этом, что нейросеть или искусственный интеллект – особый объект гражданских прав, для которых положен специальный правовой режим. Такая точка зрения высказана А.А.Волос. По его мнению, с теоретических позиций допустимо говорить о «квазисубъекте», или «неосубъекте», подразумевая при этом, что нейросеть или искусственный интеллект – особый объект гражданских прав, для которых положен специальный правовой режим и, возможно, какие-либо исключения из норм о субъекте.

Четвертый подход полностью основан на классической правовой интерпретации понятия «субъект права». Возможность признания искусственного интеллекта субъектом права отрицается, поскольку субъектом права в полном смысле могут быть только физические и юридические лица. С точки зрения теории права – это классический подход, и сторонники такого подхода – Л.Ю.Василевская,[1] Е.Б.Подузова,[2] М.З.Рахимзода,[3] А.Абдуджалилов[4] исходят из того, что наделение искусственного интеллекта правосубъектностью противоречит классическим категориям права. Их аргументация включает следующие положения: а) искусственный интеллект не обладает сознанием, волей и способностью осознавать значение своих действий; б) искусственный интеллект не может нести ответственность, поскольку у него отсутствует такая правая категория,

[1] Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика искусственного интеллекта и цифровых субъектов. – монография. / отв. ред. Л.Ю.Василевская. – Москва, «Проспект», 2023.
[2] Подузова Е.Б. Искусственный интеллект и технологии искусственного интеллекта в договорном праве: цивилистическая концепция. – Москва, Проспект, 2024.
[3] Рахимзода М.З. Эволюция объектов гражданского права в условиях развития цифровой экономики и предпринимательства / Искусственный интеллект и его использование в гражданско-правовых отношениях: состояние и перспективы. – Материалы научно-теоретической конференции. – Душанбе, 2026. – С. 24.
[4] Абдуджалилов А. Искусственный интеллект: теория правосубъектности. / Право и экономика. Сборник статей по итогам VII Новосибирского международного юридического форума 14-24.05.2025. – С. 67-75.

как деликтоспособность; и в) искусственный интеллект – это всегда чье-то имущество, то есть он принадлежат кому-то по праву собственности, он имеет определенную потребительскую стоимость, то есть он является объектом гражданского оборота.

Какой подход можно назвать верным с точки зрения классического гражданского права? Такая постановка вопроса не случайна, поскольку главное в юридической науке – это её прикладная направленность, и в этом смысле любой отход от классических установок гражданского права при анализе новых общественных отношений ведет к кризису права. Однако обзор теоретических новинок особенно в области научного исследования проблем, связанных как с цифровыми технологиями, так и её производным – искусственным интеллектом показывает, что авторы таких новинок пытаются сменить классические позиции гражданского права на новые правовые элементы, явно противоречащие этой классике. Начнем с первых двух подходов, указанных нами выше. Это стремление придать искусственному интеллекту статуса субъекта права. Сторонники этой точки зрения апеллируют на способность искусственного интеллекта проводить операции, сравнимые с деятельностью человеческого мозга. Как эти нарративы соотносятся с классическими понятиями о субъекте права?

Начнем с того, что поскольку в данном случае речь идет не о способности искусственного интеллекта к определенным действиям, схожим с действиями разумного человека, а о его правовой составляющей, то есть о его месте в общей системе права, нужно четко и однозначно принять во внимание следующую правовую константу: понятие «искусственный интеллект» - это собирательное понятие, состоящее из двух автономных частей: а) компьютер (материальный носитель) как индивидуально определенная вещь (объект вещных прав), который однозначно принадлежит субъекту (физическому или юридическому лицу) на праве собственности, и б) программное

обеспечение, которое является объектом интеллектуальных прав его автора. И эти режимы нельзя смешивать, то есть нельзя представлять понятие «искусственный интеллект» как нечто единое целое, как самостоятельное правовое образование. Именно это обстоятельство в современной правовой литературе игнорируется. Из сказанного можно сделать однозначный вывод: независимо от достигнутого уровня развития искусственного интеллекта, начиная от «умного» пылесоса и роботов вплоть до межпланетных космических систем, эти системы – чье-то имущество, то есть они принадлежат кому-то по праву собственности – физической или интеллектуальной – неважно. Важно, что любая материальная система искусственного интеллекта (компьютер как объект вещных прав) и программное обеспечение как объект интеллектуальных прав имеют определенную потребительскую стоимость, и при желании их можно купить, как например, тот же пылесос, известную «Алису» или программное обеспечение. То есть **составляющие искусственного интеллекта есть объекты гражданского оборота, как и любые другие объекты.** И это обстоятельство ломает все нарративы об искусственном интеллекте как о субъекте, квазисубъекте, особом субъекте права. Эта концепция позволяет верифицировать выводы и встраивать их в систему существующего правового знания.

В целом, искусственный интеллект определяется как функциональная способность компьютерных программ-алгоритмов к имитации когнитивных функций, характерных для человека, обеспечивающая результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Но превзойти интеллект человека ни одной компьютерной программе не удастся. То, что сейчас называют «искусственным интеллектом» – это имитаторы человеческого интеллекта, так как они обучаются на наборах данных, отобранных и классифицированных людьми. Задачи ставят люди, результаты продвижения в решении этих задач

оцениваются людьми, и тут речи нет ни о какой-либо самостоятельности. Раз имитатор не самостоятелен, то этот имитатор как любой инструмент может быть использован во благо или во вред в зависимости от намерений тех, кто его использует.

Следующая проблема, связанная с искусственным интеллектом – это проблема ответственности.

В литературе обсуждаются различные модели ответственности искусственного интеллекта.

Объективная ответственность предлагает возлагать ответственность на владельца или оператора искусственного интеллекта независимо от вины. Эта модель уже применяется в некоторых правовых системах в отношении источников повышенной опасности. Однако, при этом объективная ответственность должна быть адаптирована к специфике искусственного интеллекта, включая возможность распределения ответственности между несколькими субъектами.

Эвентуальная ответственность (гражданско-правовая ответственность за наступление случайных обстоятельств или возможность возникновения убытков, не обязательно связанных с прямой виной нарушителя, то есть ответственность без прямой вины) предполагает, что бремя ответственности распределяется между разработчиком, производителем и владельцем системы. Такой подход позволяет учесть вклад каждого субъекта в причинение вреда, но создает сложности с определением долей ответственности. Несмотря на стремительное развитие инструментов, создающих искусственный интеллект и способных генерировать код, роль разработчиков остается ключевой. Программисты обеспечивают контроль качества, выявляют ошибки и принимают решения, которые требуют глубокого понимания систем. Из этого можно заключить, что искусственный интеллект может ускорять процессы, но не способен заменить стратегическое мышление и нести ответственность за конечный результат. Не

углубляясь в специфические терминологические понятия из области компьютерных технологий, отметим, что основой любой компьютерной программы является компьютерный код – исполняемый код, полученный путем переработки исходного кода программы, написанной программистом на том или ином языке программирования и реализующий алгоритмы для решения поставленных задач. Если в коде содержится ошибка, - опечатка или неправильное толкование данных, допущенных программистом, то программа дает сбой или неверный результат. Предполагать, что программист в своей работе идеален и ошибки в программировании исключены, было бы крайне неверно и не учитывало бы природу человека. Человеческий разум принципиально отличается от искусственного интеллекта: человек может найти ошибку в свои действиях и исправить его. Искусственный интеллект, действующий в рамках заданных программ, на это не способен. По этим основаниям, с точки зрения гражданского права нет оснований для обособления отдельных субъектов правоотношений, возникших в результате цифровизации общества, поскольку при анализе сущности электронного субъекта мы неизбежно приходим к сопоставлению двух противоположностей – свободно мыслящего субъекта (человека), наделенного способностью выбора, и собранный воедино комплекс компьютерных программ, созданный для решения определенных задач без способности целеполагания этих задач.

ЗАЙНИДДИНЗОДА НУРИДДИН ШАРОФ
старший преподаватель Института
по изучению вопросов законности,
правопорядка, преступности и
повышения квалификации работников
органов прокуратуры
Республики Таджикистан

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: ПРАВОВАЯ ПОМОЩЬ, ТРАНСГРАНИЧНЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ И ОБМЕН ЦИФРОВЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ

На фоне стремительного прогресса цифровых технологий киберпреступность превратилась в одну из главных опасностей для глобальной безопасности. Отсутствие географических границ в сети интернет дает злоумышленникам возможность атаковать жертв из любой точки планеты. Масштабные инциденты, такие как вирусы WannaCry и NotPetya, наглядно демонстрируют эту тенденцию, за считанные дни распространяясь по десяткам стран. В этой связи укрепление международного сотрудничества становится важнейшим инструментом противодействия киберпреступности.

К основным видам киберпреступлений относятся: несанкционированный доступ к данным; распространение вредоносного программного обеспечения; кража персональных данных; интернет-мошенничество и атаки на критическую инфраструктуру.

Особенности киберпреступности особенно наглядно проявляются на практике. Поскольку киберпреступления часто затрагивают несколько государств одновременно, эффективное противодействие

невозможно без координации усилий. Например, в ходе атаки на SolarWinds (2020 г.) злоумышленники внедрили вредоносный код в программные обновления, что привело к компрометации государственных структур и компаний в разных странах.

Аналогично, атака на Colonial Pipeline в 2021 году, осуществлённая группой DarkSide, привела к перебоям в поставках топлива и показала, что киберугрозы могут напрямую влиять на экономическую и энергетическую безопасность стран.

Основные причины необходимости сотрудничества:

- различия в национальных законодательствах;
- сложность установления юрисдикции;
- необходимость обмена информацией;
- оперативное реагирование на угрозы.

Ключевым документом является Конвенция о киберпреступности, устанавливающая правовые основы сотрудничества и унификацию законодательства.

Ключевыми участниками процесса являются Интерпол, Европол и Организация Объединенных Наций. Эти структуры занимаются координацией следственных мероприятий, облегчают обмен данными и осуществляют совместные действия.

Международное взаимодействие охватывает следующие направления:

- оперативный обмен цифровой информацией, используемой в качестве доказательств;
- проведение совместных расследований, в которых участвуют представители разных стран;
- формирование специализированных центров для оперативного реагирования на возникающие инциденты.

Такие меры особенно важны при расследовании утечек данных, как в случае с Facebook, где информация пользователей из разных стран оказалась скомпрометированной.

Проведение международных тренингов и образовательных программ способствует повышению квалификации специалистов и укреплению сотрудничества.

Несмотря на развитие сотрудничества, существуют серьёзные препятствия: различия в правовых системах; вопросы суверенитета; недостаточный уровень доверия; нехватка ресурсов и политические разногласия.

Например, расследование атак уровня SolarWinds осложняется политическими факторами и трудностями в установлении источника атаки.

Для повышения эффективности международного взаимодействия необходимо: гармонизировать законодательство; расширять участие в международных соглашениях; развивать системы обмена информацией; внедрять современные технологии анализа данных; укреплять государственно-частное партнёрство.

Современные кибератаки, такие как WannaCry, NotPetya и инцидент с SolarWinds, наглядно демонстрируют глобальный характер угроз. Эффективное противодействие им возможно только при условии тесного международного сотрудничества.

Для гарантии цифровой безопасности в нынешнее время крайне важно, чтобы нации, межгосударственные объединения и коммерческие структуры действовали сообща.

Очевидные примеры масштабных атак, вроде WannaCry и NotPetya, а также события, происходившие в Таджикистане, наглядно демонстрируют, что угрозы в киберпространстве не знают границ.

Зафиксированный высокий уровень киберпреступности в пределах Таджикистана, наряду с потребностью в привлечении посторонней помощи, неоспоримо свидетельствуют: результативное противостояние киберпреступности достижимо исключительно через тесное взаимодействие на международном уровне.

Для более глубокого понимания проблемы рассмотрим не только глобальные, но и региональные кейсы, включая Таджикистан.

Согласно данным «Лаборатории Касперского», Таджикистан занимает первое место в СНГ по уровню кибератак — около 60,69% пользователей сталкивались с угрозами. Это прежде всего:

- массовые фишинговые атаки (поддельные сайты банков, соцсетей);

- заражение устройств через нелицензионное ПО и USB-носители;

- распространение вредоносных программ.

Эти атаки часто имеют трансграничный характер, а их источники находятся за пределами страны.

Без международного обмена информацией выявить и пресечь такие угрозы крайне сложно.

Одна из крупных международных кампаний кибершпионажа — операция NetTraveler, суть которой сводится прежде всего:

- атаки на государственные учреждения, научные центры и дипломатические структуры;

- использование вредоносных программ для кражи данных;

- охват более 40 стран, включая Таджикистан.

Таджикистан вошёл в число наиболее пострадавших стран от данной кампании.

Кибершпионаж напрямую затрагивает государственную безопасность и требует международного взаимодействия спецслужб.

Одной из причин высокой активности киберпреступников в Таджикистане является: использование нелицензионного программного обеспечения; низкий уровень киберграмотности и слабая защищённость инфраструктуры.

Представленная угроза в основном заключается в инфицировании компьютерных систем, используемых в корпоративном и государственном секторах, посредством внешних устройств. Также

наблюдается активное распространение вредоносных программ в пределах организаций, что ведет к нарушению безопасности локальных сетей.

Важно отметить, что даже инциденты, происходящие на локальном уровне, способны встраиваться в более масштабные глобальные кампании по осуществлению кибератак.

Республика Таджикистан, в свою очередь, также подвергается следующим угрозам:

- попытки несанкционированного доступа к веб-ресурсам органов государственной власти;

- проведение информационных операций, направленных на распространение ложных сведений и дезинформации;

- вмешательство извне в национальное цифровое пространство.

Хотя такие случаи часто не раскрываются публично, эксперты подчёркивают их регулярный характер.

Это подтверждает необходимость сотрудничества с международными организациями (например, Интерпол) для защиты государственных информационных систем.

Примеры Таджикистана демонстрируют высокую уязвимость страны к киберугрозам в регионе. Большинство кибератак исходит из-за рубежа, а даже локальные инциденты тесно связаны с международными сетями киберпреступности.

Рассматривая опыт Таджикистана, можно с уверенностью констатировать, что успех в противодействии киберпреступности напрямую зависит от уровня взаимодействия между государствами.

КАЙБЫЛДАЕВА БЕГАИМ МУХИТОВНА
Генеральный директор Business Soft & ICLOUD (Кыргызстан)

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ЭПОХУ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Еще несколько лет назад цифровое доказательство — видеозапись, аудиозапись, фотография или электронная переписка — воспринималось как объективное отражение реальности. Однако развитие генеративного искусственного интеллекта кардинально изменило эту логику. Сегодня формируется принципиально новая категория — доказательства, созданные искусственным интеллектом: синтетические аудиозаписи, сгенерированные видео, deepfake-контент и технологическая симуляция реальности. Ключевая проблема состоит в том, что современные AI-системы способны создавать материалы, которые практически невозможно отличить от подлинных. По данным Deloitte (2025), более 60 % специалистов по кибербезопасности относят deepfake к числу главных цифровых угроз ближайших лет, а Gartner прогнозирует, что уже к 2027 году до 30 % цифровых доказательств будут требовать дополнительной проверки с использованием искусственного интеллекта. В этих условиях центральный вопрос правосудия смещается: вместо «можно ли использовать цифровое доказательство?» он звучит как «можно ли ему доверять?». Суд больше не может автоматически доверять цифровому изображению реальности.

Международные организации рассматривают искусственный интеллект не только как инструмент повышения эффективности, но и как источник новых правовых рисков. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2025 году отметила

стремительный рост применения AI-систем в цифровых расследованиях, правоохранительной деятельности, цифровой криминалистике и прогнозной аналитике, одновременно подчеркнув необходимость прозрачности, подотчетности и человеческого контроля. Европейское полицейское агентство (Europol) предупреждает, что искусственный интеллект одновременно содействует расследованиям и порождает новые угрозы, связанные с алгоритмической предвзятостью, непрозрачностью решений и цифровой безопасностью. По данным IBM X-Force, средняя стоимость одной утечки данных уже превышает 4,88 млн долларов США. Таким образом, искусственный интеллект одновременно усиливает эффективность правосудия и усложняет доверие к цифровой реальности.

Вместе с тем искусственный интеллект способен существенно повысить эффективность расследований и судебного анализа. Он позволяет обрабатывать огромные массивы данных, выявлять закономерности и аномалии, обнаруживать скрытые связи между субъектами, событиями и транзакциями, а также ориентироваться в сложных цифровых данных, фактически становясь инструментом интеллектуальной навигации в цифровом пространстве. В США искусственный интеллект уже применяется для анализа цифровых доказательств, прогнозной аналитики и электронного анализа документов; Великобритания активно использует его для анализа цифровых материалов; Сингапур внедряет специальные руководства по применению AI в судах. По оценке McKinsey (2025), искусственный интеллект способен сократить время анализа документов до 70 %. При этом принципиально важно, что AI должен помогать правосудию, а не подменять его: он является инструментом поддержки принятия решений, но не заменой судебной функции.

Ключевые направления применения искусственного интеллекта сегодня включают анализ цифровых доказательств, выявление

преступных сетей, оценку рисков, прогнозную аналитику, поддержку судебного администрирования, приоритизацию дел и повышение эффективности правоприменения. Однако вместе с эффективностью обостряется вопрос ответственности: кто отвечает за ошибку искусственного интеллекта — разработчик, государство, поставщик системы или суд? Национальный институт стандартов и технологий США (NIST) официально признал deepfake серьезным вызовом цифровой криминалистики. Среди ключевых рисков — алгоритмическая предвзятость, «системы черного ящика», синтетические цифровые доказательства и утрата объяснимости решений. Главный риск искусственного интеллекта состоит не в автономности машин, а в непрозрачности их решений, поэтому человеческий контроль становится ключевым принципом современного регулирования AI.

Суды и международные организации начинают адаптироваться к новым вызовам. Великобритания опубликовала руководство по использованию искусственного интеллекта в судебной системе, рекомендовав судьям учитывать AI-галлюцинации, вымышленные ссылки и цитаты, а также недостоверный AI-контент. Сингапур ввел специальные правила применения генеративного AI в судах, согласно которым участники процесса обязаны самостоятельно проверять полученную от AI информацию, отвечать за достоверность материалов и не подменять искусственным интеллектом юридическую добросовестность. В США обсуждаются новые стандарты допустимости deepfake-доказательств и усиление проверки цифровых материалов. ЮНЕСКО подчеркивает, что искусственный интеллект не должен подрывать человеческое правосудие, прозрачность, подотчетность и доверие к судебной системе. Становится очевидным, что суд будущего будет проверять не только факты, но и цифровую достоверность самих доказательств.

Параллельно меняется и международное право, поскольку цифровое доказательство более не существует в пределах одной юрисдикции. Современное расследование может одновременно затрагивать облачные сервисы, международные платформы, зарубежных провайдеров и трансграничные данные. В связи с этим особое значение приобретают Будапештская конвенция о киберпреступности, Второй дополнительный протокол к ней и Конвенция ООН против киберпреступности. Второй дополнительный протокол упрощает прямое взаимодействие с цифровыми платформами, трансграничный доступ к электронным доказательствам и международный обмен цифровыми данными. Поскольку большинство цифровых доказательств хранится в облачных сервисах, носит трансграничный характер и зависит от международных платформ, цифровое доказательство фактически больше не принадлежит одной юрисдикции.

Показателен в этом отношении опыт Узбекистана, который становится одним из наиболее быстро цифровизирующихся судебных рынков региона. В стране активно развиваются электронное правосудие, концепция «Цифровой суд», судебные системы на основе искусственного интеллекта, дистанционные судебные заседания и цифровые судебные процедуры. Одновременно укрепляется технологическая экосистема: в IT Park Uzbekistan действует более 3500 IT-компаний и свыше 950 стартапов, активно развивается AI-направление. Это свидетельствует о том, что Центральная Азия формирует собственную цифровую правовую инфраструктуру будущего.

В эпоху генеративного искусственного интеллекта суд будущего перестает быть исключительно институтом оценки доказательств и становится институтом проверки цифровой реальности. Судья при этом выступает не только интерпретатором права, но и верификатором цифровой достоверности самих доказательств.

КАЛМУРЗИНА ЗАРИНА ЖАНДАРБЕКОВНА
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук, советник юстиции

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: *В статье анализируются теоретические и практические аспекты трансформации юридической науки в условиях цифровизации и применения инструментов искусственного интеллекта в образовательном процессе. Автор раскрывает влияние цифровой среды на содержание юридических исследований, методологию правового познания и систему подготовки будущих юристов. Рассматриваются основные направления использования искусственного интеллекта в юридическом образовании, его роль в анализе правовых текстов, моделировании учебных кейсов и развитии исследовательских навыков обучающихся. Особое внимание уделено рискам, связанным с когнитивной делегацией, снижением самостоятельности мышления, нарушением академической честности и возможностью алгоритмических ошибок при генерации правовой информации. Выявлены проблемы, препятствующие эффективному внедрению искусственного интеллекта в образовательный процесс, включая недостаточную нормативную регламентацию, отсутствие единых стандартов использования искусственного интеллекта и необходимость сохранения ведущей роли преподавателя. Предложены пути совершенствования юридического образования с учетом human-in-the-loop и правовой промт-инженерии.*

Annotation: *The article analyzes the theoretical and practical aspects of the transformation of legal science in the context of digitalization and the use of artificial*

intelligence tools in the educational process. The author reveals the influence of the digital environment on the content of legal research, the methodology of legal knowledge and the system of training future lawyers. The main directions of the use of artificial intelligence in legal education, its role in the analysis of legal texts, modeling of educational cases and the development of research skills of students are considered. Special attention is paid to the risks associated with cognitive delegation, decreased independence of thinking, violation of academic integrity and the possibility of algorithmic errors in the generation of legal information. The problems that hinder the effective implementation of artificial intelligence in the educational process have been identified, including insufficient regulatory regulation, the lack of uniform standards for the use of artificial intelligence and the need to maintain the leading role of the teacher. Ways of improving legal education are proposed, taking into account human-in-the-loop and legal industrial engineering.

Ключевые слова: *цифровизация; юридическая наука; искусственный интеллект; юридическое образование; академическая честность; правовая промт-инженерия.*

Keywords: *digitalization; legal science; artificial intelligence; legal education; academic integrity; legal industrial engineering.*

Современная правовая система развивается в условиях цифровой трансформации. Этот процесс существенно влияет на характер общественных отношений, способы правового регулирования и содержание юридической деятельности. Цифровизация перестала восприниматься исключительно как прикладной технический инструмент и начала затрагивать фундаментальные основы юриспруденции – от трансформации правового статуса субъектов до формирования глобальных механизмов регулирования в сетевом пространстве[1]. Особую значимость эти процессы приобретают в сфере высшего юридического образования, поскольку внедрение технологий искусственного интеллекта требует пересмотра методологии обучения

[1] Шахновская И.В. Юридические аспекты цифровизации права // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. - 2023. - №3 (65). - С. 106-109.

и формирования новых стандартов профессиональной подготовки юристов.

Осознание глобальности этих вызовов закреплено на международном уровне. В ноябре 2021 года 193 государства-члена ЮНЕСКО приняли Рекомендацию по этическим аспектам искусственного интеллекта (Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence), которая установила принципы прозрачности и подконтрольности технологий человеку[1]. Дальнейшим развитием этих положений стали опубликованные в сентябре 2024 года Рамочных программ компетенций ЮНЕСКО в области искусственного интеллекта для учащихся и учителей (AI competency framework for students / teachers). Данные документы закрепляют переход от восприятия обучающегося как пассивного пользователя алгоритмов к модели его активного и ответственного участия в образовательном процессе. В качестве одного из ключевых принципов провозглашается приоритет человеческого контроля и участия (human agency), предполагающий, что обучающийся выступает не только пользователем, но и ответственным участником human-AI co-creation[2] [3]. Это требует внедрения специализированной ИИ-педагогики, в которой преподаватель выступает модератором в усложнившейся системе отношений «преподаватель – искусственный интеллект – обучающийся».

Особый импульс данным процессам придаёт стратегический курс Республики Казахстан. В Послании народу Казахстана Глава государства К.К. Токаев подчеркнул необходимость масштабной

[1] Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта: принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО на ее 41-й сессии (Париж, 23 ноября 2021 г.) // Официальный сайт ЮНЕСКО. [Электронный ресурс] - URL: https://www.unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics (дата обращения: 03.04.2026).

[2] AI competency framework for students / United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. - Paris: UNESCO, 2024. - 80 p. - ISBN 978-92-3-100709-5..

[3] AI competency framework for teachers / United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. - Paris: UNESCO, 2024. - 52 p. - ISBN 978-92-3-100710-1.

цифровой трансформации, указав, что искусственный интеллект должен выступать инструментом развития человеческого потенциала, а не подменять традиционные образовательные механизмы [1]. В связи с этим для Республики Казахстан проблема приобретает особую актуальность, поскольку требуется определить такие модели интеграции искусственного интеллекта в учебный процесс, которые одновременно обеспечивают академическую честность, персональную ответственность обучающегося и сохранение ведущей роли преподавателя[2].

Дополнительную значимость исследованию придаёт то обстоятельство, что в проекте новой Конституции Республики Казахстан акцентируется роль науки, инноваций и развития человеческого капитала как ориентиров государственной политики. В этом контексте подготовка юридических кадров нового типа приобретает не только ведомственное, но и более широкое конституционно-правовое значение, поскольку связывается с задачами модернизации системы образования и развития интеллектуального потенциала государства[3].

Цель исследования состоит в анализе влияния цифровизации и инструментов искусственного интеллекта на юридическую науку и

---

[1] Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» от 8 сентября 2025 года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс] - URL: https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145 (дата обращения: 01.04.2026).

[2] Давудова С.Я., Рагимханова К.Т. Применение искусственного интеллекта в высшем образовании при преподавании юридических дисциплин // Педагогический научный журнал. - 2026. - Т. 9, №1. - С. 140-144.

[3] Проект Конституции Республики Казахстан (опубликован 12 февраля 2026 г.) // Официальный информационный ресурс Премьер Министра Республики Казахстан. [Электронный ресурс] - URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1159830?lang=ru (дата обращения: 01.04.2026).

юридическое образование, а также в выработке подходов к их безопасному и этически допустимому применению.

Теоретическую основу исследования составляют работы И.В. Шахновской [1]и А.В. Нестерова[2], исследующие влияние цифровизации на методологию правового познания. Специфические образовательные риски генеративных моделей, включая феномен «когнитивной делегации», раскрыты в трудах А.Я. Рыженкова[3]. При этом эмпирические и теоретические выводы D. Weber-Wulff et al.[4] и N.A. Garland[5] доказывают, что такие системы обладают структурными пределами точности и склонны к ложноположительным срабатываниям, что снижает эффективность исключительно технического контроля академической честности. В качестве рекомендации ЮНЕСКО обосновывают переход к «гибридной модели» юридического образования[6] [7].

Эмпирическую основу исследования сформировали международные документы ЮНЕСКО, включая Рекомендацию об этических аспектах искусственного интеллекта 2021 года, Рамочные программы компетенции в области искусственного интеллекта для учащихся и преподавателей 2024 года, доклад AI and education:

---

[1] Шахновская И.В. Юридические аспекты цифровизации права // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. - 2023. - №3 (65). - С. 106-109.

[2] Нестеров А.В. Цифровая трансформация юридической деятельности и законодательства // Правовое государство: теория и практика. - 2020. - №4 (62). - С. 49.

[3] Рыженков А.Я. Организационно-правовые и этические аспекты использования искусственного интеллекта в образовательной деятельности на юридических факультетах в России // Правовой порядок и правовые ценности. - 2025. - Т. 3, №1. - С. 9-18. - DOI:10.23947/2949-1843-2025-3-1-9-18. - EDN: HXJZTF.

[4] Weber-Wulff D., Anohina-Naumeca A., Bjelobaba S. et al. Testing of detection tools for AI-generated text // International Journal for Educational Integrity. - 2023. - Vol. 19. - Article number: 26. - DOI: 10.1007/s40979-023-00146-z.

[5] Garland N.A. AI Detectors Fail Diverse Student Populations: A Mathematical Framing of Structural Detection Limits // arXiv.- 2026. - arXiv:2603.20254 [cs.CY]. - DOI: 10.48550/arXiv.2603.20254.

[6] AI competency framework for students / United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. - Paris: UNESCO, 2024. - 80 p. - ISBN 978-92-3-100709-5

[7] AI competency framework for teachers / United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. - Paris: UNESCO, 2024. - 52 p. - ISBN 978-92-3-100710-1

Protecting the rights of learners 2025 года, а также Global Education Monitoring Report 2023. В исследование включены нормативные правовые акты Республики Казахстан, Послания Президента Республики Казахстан К.К. Токаева, положения проекта Конституции Республики Казахстан 2026 года, а также материалы, отражающие развитие цифрового и юридического образования в Казахстане. Дополнительно использованы научные публикации за 2021-2026 годы и отдельные примеры судебной практики, иллюстрирующие риски алгоритмических ошибок и генерации недостоверной правовой информации.

Методологическую основу исследования составил диалектический подход, реализованный посредством формально-логического, сравнительно-правового, системного и прогностического методов. Их применение позволило сопоставить международные стандарты с национальными правовыми подходами, выявить особенности адаптации цифровых технологий к специфике ведомственного образования и обосновать необходимость регламентированной интеграции искусственного интеллекта как вспомогательного аналитического инструмента при сохранении интеллектуальной автономии и персональной ответственности юриста.

В ходе исследования выявлено, что интеграция технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс будущих юристов, в особенности при подготовке кадров для правоохранительных органов, сопряжена с рядом ключевых вызовов, требующих комплексного организационно-методического реагирования.

Во-первых, проблема академической честности и феномена «когнитивной делегации». Бесконтрольное делегирование генеративным сетям функций по подготовке научно-исследовательских работ ведёт к снижению навыков критического

правового мышления обучающихся[1]. При этом пассивное копирование сгенерированного текста и его выдача за собственный приводят к фундаментальному сбою в образовательном процессе, поскольку цель юридического образования заключается не в получении идеального результата любым путём, а в формировании нейронных связей, приобретении знаний и оттачивании навыков аргументации, анализа и синтеза. Такой подход к использованию искусственного интеллекта лишает студента этого пути, создавая «обучающую иллюзию» - мнимое знание, которое быстро испаряется при столкновении с реальными интеллектуальными вызовами[2].

Как справедливо отмечает А.Я. Рыженков, ситуация усугубляется техническими ограничениями алгоритмов проверок, поскольку традиционные системы (например, применяемый в РФ «Антиплагиат») зачастую не распознают текст, созданный ChatGPT 4.0, если он подвергается минимальной редакторской поправке[3].

По аналогии с российской практикой можно предположить, что схожие технологические ограничения могут быть характерны и для образовательного пространства Республики Казахстан. При этом современные системы проверки на заимствования, включая широко используемые в образовательной среде решения типа «Антиплагиат», StrikePlagiarism и Turnitin, дополняются модулями выявления AI-

---

[1] Рыженков А.Я. Организационно-правовые и этические аспекты использования искусственного интеллекта в образовательной деятельности на юридических факультетах в России // Правовой порядок и правовые ценности. - 2025. - Т. 3, №1. - С. 9-18. - DOI:10.23947/2949-1843-2025-3-1-9-18. - EDN: HXJZTF.

[2] Дигтяр О.Ю. Этика использования ИИ: как предотвратить списывание и плагиат и развить критическое мышление у студентов [Электронный ресурс] / О.Ю. Дигтяр. М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2025. - URL:https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/etika-ispolzovaniya-ii-kak-predotvratit-spisyvanie-i-plagiat-i-razvit-kriticheskoe-myshlenie-u-stude (дата обращения: 11.05.2026).

[3] Рыженков А.Я. Организационно-правовые и этические аспекты использования искусственного интеллекта в образовательной деятельности на юридических факультетах в России // Правовой порядок и правовые ценности. - 2025. - Т. 3, №1. - С. 9-18. - DOI:10.23947/2949-1843-2025-3-1-9-18. - EDN: HXJZTF.

сгенерированных текстов. Характерно, что сами разработчики подобных систем признают возможность ошибок, что требует дополнительной экспертной оценки результатов автоматического анализа[1]. Как показывают эмпирические исследования Debora Weber-Wulff et al. (2023), детекторы AI-текста допускают ошибки и могут давать ложноположительные результаты[2]**Ошибка! Источник ссылки не найден.**. В свою очередь, теоретическая работа N.A. Garland (2026) согласуется с этими выводами и указывает на структурные ограничения text-only one-shot детекторов. Эти ограничения связаны с распределительным перекрытием между индивидуальными письменными характеристиками обучающихся и AI-генерацией, из-за чего такие системы неизбежно сталкиваются с компромиссом между точностью обнаружения и риском ложноположительных результатов[3]. Ситуация осложняется тем, что системы функционируют как «черный ящик» и могут ошибочно маркировать оригинальные тексты авторов-билингвов как сгенерированные ИИ, что создаёт риски нарушения принципа академической добросовестности[4].

При этом в докладе ЮНЕСКО «AI and education: Protecting the rights of learners» на основе эмпирических исследований фиксируется риск так называемой «когнитивной атрофии», вызванной чрезмерной зависимостью обучающихся от чат-ботов на основе больших языковых

---

[1] Модуль поиска контента ИИ // Официальный сайт системы StrikePlagiarism.com. [Электронный ресурс] - URL: https://strikeplagiarism.com/ru/ai-content.html (дата обращения: 05.04.2026)

[2] Weber-Wulff D., Anohina-Naumeca A., Bjelobaba S. et al. Testing of detection tools for AI-generated text // International Journal for Educational Integrity. - 2023. - Vol. 19. - Article number: 26. - DOI: 10.1007/s40979-023-00146-z.

[3] Garland N.A. AI Detectors Fail Diverse Student Populations: A Mathematical Framing of Structural Detection Limits // arXiv.- 2026. - arXiv:2603.20254 [cs.CY]. - DOI: 10.48550/arXiv.2603.20254.

[4] Pratama A.R. The accuracy-bias trade-offs in AI text detection tools and their impact on fairness in scholarly publication // PeerJ Computer Science. - 2025. - Vol. 11. - Article e2953 [Электронный ресурс] - URL: https://peerj.com/articles/cs-2953/#p-5 (дата обращения: 06.04.2026). DOI: 10.7717/peerj-cs.2953.

моделей, что выражается в снижении учебной мотивации, ухудшении успеваемости и ослаблении метакогнитивных навыков[1].

Во-вторых, критическим риском выступает алгоритмическая «галлюцинация», создающая прямые угрозы для авторитета правосудия. Языковые модели склонны генерировать правдоподобные, но фактически несуществующие нормы законодательства и ссылки на судебную практику. Показательным примером рисков алгоритмической «галлюцинации» в правоприменительной практике является дело Mata v. Avianca, получившее широкую международную огласку, в том числе на страницах издания The New York Times, и рассмотренное Федеральным окружным судом Южного округа Нью-Йорка в 2023 году. В ходе подготовки процессуального документа адвокаты стороны истца использовали генеративную языковую модель ChatGPT, которая сгенерировала несуществующие судебные прецеденты и вымышленные цитаты. В связи с этим суд наложил на адвокатов процессуальные санкции, включая штраф в размере 5000 долларов США, за нарушение Правила 11 Федеральных правил гражданского судопроизводства США. В определении суд указал, что предоставление сгенерированных недостоверных материалов приводит к растрате процессуальных ресурсов, подрывает стандарты юридической профессии и снижает доверие к системе правосудия в целом[2].

В-третьих, традиционные образовательные методики демонстрируют определённый консерватизм перед лицом новых вызовов. Стратегия полного запрета генеративного искусственного интеллекта в учебном процессе представляется малоэффективной. Проводя историческую аналогию с движением луддитов,

[1] AI and education: Protecting the rights of learners / United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. - Paris: UNESCO, 2025. 100 p. - DOI: 10.54675/ROQH4287.

[2] Weiser, B. Lawyers Are Ordered to Consider Seeking Forgiveness [Электронный ресурс] / B. Weiser // The New York Times. - 2023. - June 22. - URL: https://www.nytimes.com/2023/06/22/nyregion/lawyers-chatgpt-schwartz-loduca.html (дата обращения: 03.04.2026).

исследователи обоснованно указывают на контрпродуктивность таких мер, поскольку категоричные ограничения не останавливают технологический прогресс, а лишь вынуждают студентов обращаться к алгоритмам скрытно, что полностью выводит данный процесс из-под педагогического контроля[1].

Для преодоления данных барьеров представляется обоснованным внедрение следующего комплекса решений:

1. Трансформация форм контроля знаний.

Переход к форматам, требующим глубокого анализа в режиме реального времени (муткорты, диспуты). Высокую результативность демонстрирует метод поэтапного разбора кейсов, где искусственный интеллект выполняет функцию «наставника-куратора», задающего обучающемуся наводящие вопросы по фабуле дела для самостоятельного формирования системы доказательств. Это позволяет сместить фокус с оценки финального текста на оценку самого процесса правового мышления.

2. Институционализация этико-правовых стандартов и механизмов юридической ответственности.

Применение генеративных сетей в академической среде должно быть строго регламентировано локальными актами высших учебных заведений, опирающимися на императивы Закона Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года №230-VIII «Об искусственном интеллекте»[2]. Фундаментальным шагом представляется внедрение обязательного декларирования и маркировки обучающимися любых текстовых массивов, подпадающих под закреплённое в статье 1 Закона понятие «синтетических результатов деятельности систем

[1] Шайкова Е.С. Цифровизация юриспруденции // Инновационные научные исследования. - 2022. - С. 44-48.

[2] Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года №230-VIII ЗРК «Об искусственном интеллекте» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». [Электронный ресурс] - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230 (дата обращения: 05.04.2026).

искусственного интеллекта»[1]. Данная мера предлагается автором как институциональный механизм, реализуемый через локальные акты вузов, и направлена на обеспечение прозрачности использования ИИ в образовательном процессе.

Особое внимание академического сообщества должно быть обращено на статью 30 указанного Закона, устанавливающую ответственность за нарушение законодательства в сфере ИИ[2]. В контексте юридического образования это носит обязывающий характер, согласно которому феномен «когнитивной делегации» не освобождает будущего юриста от персональной, профессиональной и этической ответственности за достоверность выдвигаемой правовой позиции[3]. Интеграция технологий должна осуществляться исключительно в рамках концепции «human-in-the-loop» (человек в контуре управления), где языковая модель выступает лишь вспомогательным аналитическим инструментом, а окончательная верификация данных, предотвращение алгоритмических «галлюцинаций» и оценка фактов остаются исключительной прерогативой человека[4].

3. Модернизация образовательных программ и внедрение дисциплины «Правовая промт-инженерия» (Legal Prompt Engineering).

[1] Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года №230-VIII ЗРК «Об искусственном интеллекте» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». [Электронный ресурс] - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230 (дата обращения: 05.04.2026).

[2] Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года №230-VIII ЗРК «Об искусственном интеллекте» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». [Электронный ресурс] - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230 (дата обращения: 05.04.2026).

[3] Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года №230-VIII ЗРК «Об искусственном интеллекте» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». [Электронный ресурс] - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230 (дата обращения: 05.04.2026).

[4] Нестеров А.В. Цифровая трансформация юридической деятельности и законодательства // Правовое государство: теория и практика. - 2020. - №4 (62). - С. 49.

Как подчёркивается в международных стандартах, в частности в выводах Всемирного доклада ЮНЕСКО по мониторингу образования (GEM Report 2023)[1] и рамочных основах компетенций в области ИИ для обучающихся (AI Competency Framework for Students)[2], современная цифровизация требует смещения акцента с пассивного потребления технологий на ответственное и критическое взаимодействие с ними. Применительно к нейросетям это означает переход к формату «алгоритмического соавторства» (co-creation)[3].

Отечественная юридическая школа должна оперативно адаптировать учебные планы, включив в них обучение навыкам профессионального взаимодействия с искусственным интеллектом. Студенты-юристы обязаны овладеть методологией формулирования корректных правовых запросов к алгоритмам, основами алгоритмического аудита и выявлением скрытой предвзятости в сгенерированных ответах. Подобный подход позволит трансформировать образовательный процесс, в рамках которого будущий юрист будет обучаться не слепому копированию машинного текста, а его критическому сопоставлению с эталонными национальными базами данных (ИС «Әділет», «Параграф») с применением методов цифровой герменевтики[4]. В конечном итоге это обеспечит подготовку специалистов, способных оценивать машинную логику через призму «духа закона», конституционных гарантий и принципов социальной справедливости.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что цифровизация не отменяет традиционные основы юридической науки,

[1] Global Education Monitoring Report 2023: Technology in education: A tool on whose terms? - Paris: UNESCO, 2023. - 526 p. - ISBN: 978-92-3-100609-8.
[2] AI competency framework for students / United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. - Paris: UNESCO, 2024. - 80 p. - ISBN 978-92-3-100709-5..
[3] AI competency framework for students / United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. - Paris: UNESCO, 2024. - 80 p. - ISBN 978-92-3-100709-5..
[4] Нестеров А.В. Цифровая трансформация юридической деятельности и законодательства // Правовое государство: теория и практика. - 2020. - №4 (62). - С. 49.

а требует их качественного переосмысления. Искусственный интеллект в образовательном процессе способен существенно расширить аналитические возможности обучающихся, однако его применение должно быть строго ограничено рамками академической честности, профессиональной этики и персональной ответственности студента и преподавателя. Наиболее перспективной представляется модель, при которой искусственный интеллект используется не как замена мыслительной деятельности, а как вспомогательный инструмент в контуре человеческого контроля. Для этого необходимо обновление образовательных программ, развитие навыков критической работы с алгоритмами, введение обязательной маркировки использования искусственного интеллекта и формирование дисциплины правовой промт-инженерии. В целом можно утверждать, что устойчивое развитие юридической науки в цифровую эпоху возможно только при сочетании технологических инноваций с сохранением ценностных и методологических оснований права.

КИШКЕНТАЕВА ЖАНАР АРГЫНОВНА
магистр юридических наук,
старший преподаватель Академии правоохранительных органов п
ри Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: МЕЖДУ ИННОВАЦИЯМИ, ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА И ТРЕБОВАНИЯМИ ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА

Аннотация: *Статья посвящена интеграции технологий искусственного интеллекта в систему юридического образования в условиях цифровой трансформации. На материале международного опыта ведущих юридических школ, нормативно-правовой базы (Регламент ЕС 2024/1689, Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте 2024 года, Рекомендация ЮНЕСКО 2021 года, Концепция развития ИИ в Республике Казахстан на 2024–2029 годы) и эмпирических исследований эффективности больших языковых моделей в правовой сфере автор формулирует предложения по совершенствованию подготовки кадров для правоохранительных органов с учётом цифровых вызовов и принципов верховенства права.*

Abstract: *The article addresses the integration of artificial intelligence into legal education in the context of digital transformation. Drawing on the experience of leading law schools, the international regulatory framework (EU Regulation 2024/1689, Council of Europe Framework Convention on AI 2024, UNESCO Recommendation 2021, the Kazakhstan AI Concept for 2024–2029) and empirical evidence on the performance of large language models in legal tasks, the author proposes ways of improving the training of law-enforcement personnel with regard to digital challenges and the principles of the rule of law.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, юридическое образование, цифровая трансформация, правоохранительная деятельность, верховенство закона, права человека, AI Act, Рамочная конвенция Совета Европы, цифровая компетентность юриста.*

Keywords: *artificial intelligence, legal education, digital transformation, law enforcement, rule of law, human rights, AI Act, Council of Europe Framework Convention, digital competence of a lawyer.*

Едва ли какое-либо технологическое явление последних десятилетий вторгалось в правовую сферу так стремительно и так противоречиво, как искусственный интеллект. За считанные годы он успел стать одновременно мощным помощником юриста, объектом сложнейшего нормативного регулирования и источником новых угроз для прав человека. Европейская комиссия охарактеризовала принятый в 2024 году Регламент (ЕС) 2024/1689 как «первую в мире всеобъемлющую правовую базу» в сфере искусственного интеллекта[1]. ЮНЕСКО ещё в 2021 году единогласно одобрила Рекомендацию об этике искусственного интеллекта — первый глобальный нормативный акт в этой сфере, действие которого распространяется на все 194 государства-члена организации[2]. А в мае 2024 года Совет Европы принял Рамочную конвенцию об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права, ставшую первым в истории юридически обязывающим международным договором, прямо посвящённым ИИ[3].

В этой стремительно складывающейся реальности юридическое образование оказывается на перекрёстке двух взаимосвязанных процессов. С одной стороны, юристы и сотрудники правоохранительных органов всё чаще сталкиваются со спорами,

[1] European Commission. AI Act // Shaping Europe's digital future. — URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai (дата обращения: 19.05.2026).

[2] Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence : adopted by UNESCO's General Conference at its 41st session on 24 November 2021 [Электронный ресурс] // UNESCO. — URL: https://www.unesco.org/en/articles/recommendation-ethics-artificial-intelligence (дата обращения: 19.05.2026).

[3] Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225) : adopted on 17 May 2024, opened for signature in Vilnius on 5 September 2024 [Электронный ресурс] // Council of Europe. — URL: https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence (дата обращения: 19.05.2026).

требующими понимания технологии: от защиты персональных данных до оценки доказательств, полученных алгоритмическими системами. С другой стороны, сами образовательные программы вынуждены реагировать на появление инструментов, способных в считанные секунды генерировать связный юридический текст.

Актуальность темы обостряется ещё и тем, что в Республике Казахстан, как и в большинстве государств Центральной Азии, собственная модель подготовки юриста к работе в условиях цифровой трансформации только формируется. Принятая постановлением Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592 Концепция развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы прямо указывает на необходимость развития «человеческого капитала» и подготовки квалифицированных кадров[1]. Между тем единый методологический подход к встраиванию соответствующих компетенций в программы юридических вузов и ведомственных академий правоохранительных органов пока не выработан. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, обобщив международный опыт, нормативную базу и эмпирические данные, наметить контуры такой национальной модели применительно к подготовке кадров правоохранительных органов.

Появление в ноябре 2022 года генеративной языковой модели ChatGPT, а вслед за ним таких как Claude, Gemini и специализированных правовых платформ Harvey, Lexis+ AI, Westlaw AI, CoCounsel изменило профессиональную среду юриста стремительнее, чем многие предшествующие технологические сдвиги. По данным Американской ассоциации юристов, уже к 2024 году около 30 % юридических контор применяли инструменты на основе ИИ, причём наряду с ChatGPT всё активнее используются

[1] Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы : постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592 [Электронный ресурс] // ИПС «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592 (дата обращения: 19.05.2026).

специализированные сервисы для правового поиска. В академической среде наблюдается схожая динамика: 55 % юридических школ США в 2024 году предлагали курсы, посвящённые ИИ, а 62 % включили формальные возможности изучения соответствующих технологий в первый год обучения[1].

Под давлением этих изменений традиционная фигура «юриста-практика», владеющего нормативным массивом и навыками работы с прецедентом, дополняется новой фигурой «юриста-цифрового профессионала», способного грамотно взаимодействовать с алгоритмическими системами и принимать на себя ответственность за процессуальные решения, опирающиеся на их выводы. Удачный образ предложила профессор Дайан О'Лири из Школы права Саффолкского университета: взаимодействие студента с ИИ напоминает «бутерброд», в котором «студент должен оставаться хлебом с обеих сторон — то, что он подаёт на вход, и то, как он оценивает результат, важнее самого инструмента посередине»[2]. Иными словами, технология не отменяет интеллектуальной работы, а лишь повышает требования к её качеству на «входе» и «выходе».

Схожие процессы фиксируются и в постсоветском пространстве. Д.Смагулов, представитель Министерства юстиции Республики Казахстан, отмечает, что в казахстанском юридическом сообществе уже наблюдаются позитивные сдвиги — внедрение цифровых нотариальных сервисов, развитие платформ электронного правосудия, появление LegalTech-стартапов. При этом, подчёркивает автор, на определённом этапе ИИ способен заменить так называемого параюриста (paralegal) — помощника, выполняющего рутинные операции, что лишь усиливает потребность в комплексной подготовке

[1] More Law Schools Embrace AI / Inside Higher Ed (29 August 2025). — URL: https://www.insidehighered.com/news/tech-innovation/artificial-intelligence/2025/08/29/more-law-schools-embrace-ai (дата обращения: 19.05.2026).
[2] More Law Schools Embrace AI / Inside Higher Ed (29 August 2025). — URL: https://www.insidehighered.com/news/tech-innovation/artificial-intelligence/2025/08/29/more-law-schools-embrace-ai (дата обращения: 19.05.2026).

кадров[1]. Если перевести это наблюдение в плоскость образовательной политики, оно означает следующее: одно лишь сохранение классического содержания юридических программ уже не отвечает реальной структуре труда, к которой готовятся выпускники.

Зарубежная практика последних трёх лет позволяет говорить не об одной, а о нескольких содержательных моделях интеграции ИИ в учебные программы юридических школ — и каждая из них представляет самостоятельный методический интерес. В Школе права Вашингтонского университета пошли по пути «встроенного курса»: начиная с выпуска 2025 года обучение работе с генеративной ИИ интегрировано непосредственно в годовой курс правового исследования первого года обучения, где традиционные основы поиска права сочетаются с практическим освоением ИИ-инструментов[2]. Преимущество этой модели в её всеохватности, то есть каждый обучающийся независимо от специализации, получает базовый уровень цифровой грамотности.

Школа права Саффолкского университета избрала иной путь, введя обязательный отдельный курс по ИИ для всех студентов первого года, цель которого — научить будущих юристов «использовать ИИ, понимать его и критически оценивать как будущим правоведам»[3]. Такая модель выделяет ИИ в самостоятельный учебный блок и позволяет глубже раскрыть как технические, так и этико-правовые аспекты технологии. Дальше пошла Школа права Нотр-Дам: в 2024 году она первой среди юридических школ США заключила соглашение с компанией Harvey AI о внедрении специализированной

---

[1] Смагулов Д. Использование искусственного интеллекта в работе юриста: интеграция технологий и правовые ориентиры // ИС «Параграф». — 2025. — URL: https://prg.kz/document/?doc_id=35290344 (дата обращения: 19.05.2026).

[2] More Law Schools Embrace AI / Inside Higher Ed (29 August 2025). — URL: https://www.insidehighered.com/news/tech-innovation/artificial-intelligence/2025/08/29/more-law-schools-embrace-ai (дата обращения: 19.05.2026).

[3] More Law Schools Embrace AI / Inside Higher Ed (29 August 2025). — URL: https://www.insidehighered.com/news/tech-innovation/artificial-intelligence/2025/08/29/more-law-schools-embrace-ai (дата обращения: 19.05.2026).

правовой ИИ-платформы непосредственно в учебный процесс. Сначала, что показательно, доступ к платформе получили библиотекари права, прошедшие обучение в осеннем семестре 2024 года, и лишь после этого — студенты курсов Law Practice Technology и Online Legal Research[1]. Такая последовательность сама по себе содержит важный методический урок: внедрение технологии должно начинаться с тех, кто будет ей обучать.

На другом полюсе разнообразия находятся специализированные программы. Школа права Калифорнийского университета в Беркли в августе 2024 года объявила о запуске первой в мире магистерской программы LL.M. с фокусом на праве искусственного интеллекта; программа стартовала летом 2025 года и включает курсы «Право и управление искусственным интеллектом» и практикумы по регулированию[2]. А Юридический факультет Чикагского университета в осеннем семестре 2025 года открыл «Лабораторию ИИ» (AI Lab), главная задача которой — научить студентов не только применять готовые инструменты, но и создавать собственные[3]. Эти модели рассчитаны на подготовку специалистов высшей квалификации и закрепляют за студентами роль активных создателей технологии, а не пассивных её пользователей.

На фоне столь интенсивной зарубежной практики ситуация в странах постсоветского пространства выглядит куда более фрагментарной. Концепция развития искусственного интеллекта на

---

[1] Notre Dame Law School Becomes First Law School to Partner with Harvey AI to Integrate Artificial Intelligence into Legal Education [Электронный ресурс] // University of Notre Dame, The Law School. — URL: https://law.nd.edu/news-events/news/notre-dame-law-school-becomes-first-law-school-to-partner-with-harvey-ai-to-integrate-artificial-intelligence-into-legal-education/ (дата обращения: 19.05.2026).

[2] Berkeley Law Unveils Groundbreaking AI-Focused Law Degree Program [Электронный ресурс] // UC Berkeley School of Law. — 13 August 2024. — URL: https://www.law.berkeley.edu/article/berkeley-law-unveils-groundbreaking-ai-law-degree-program/ (дата обращения: 19.05.2026).

[3] AI Advances into the Law School Curriculum [Электронный ресурс] // University of Chicago Law School. — 30 October 2025. — URL: https://www.law.uchicago.edu/news/ai-advances-law-school-curriculum (дата обращения: 19.05.2026).

2024–2029 годы прямо указывает, что в Казахстане 24 учреждения высшего образования и научных центра ведут исследования и разработки в сфере ИИ, а за 2018–2022 годы казахстанские учёные опубликовали 191 статью в базе Web of Science Core Collection по тематическому направлению «Информатика, искусственный интеллект»[1]. Тем не менее самостоятельных образовательных программ по праву ИИ в стране пока недостаточно — и именно это обстоятельство делает задачу выработки национальной модели не отвлечённо-теоретической, а прикладной.

Современная архитектура международно-правового регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта складывается одновременно в нескольких организационных пространствах — ЮНЕСКО, Совета Европы и Европейского союза, — и её основные несущие конструкции уже определяют содержание образовательной повестки. Принятая в ноябре 2021 года 193 государствами-членами ЮНЕСКО Рекомендация об этике искусственного интеллекта стала первым глобальным нормативным актом в этой сфере. Её четыре фундаментальные ценности (права человека и человеческое достоинство; мирные, справедливые и взаимосвязанные общества; разнообразие и инклюзивность; благополучие окружающей среды) и одиннадцать направлений политических действий, среди которых прямо упомянуты «Образование и научные исследования», задают высокую планку для национальных систем подготовки кадров[2]. В 2024 году ЮНЕСКО усилила инструментальную составляющую Рекомендации, запустив

[1] Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы : постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592 [Электронный ресурс] // ИПС «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592 (дата обращения: 19.05.2026).

[2] Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence : adopted by UNESCO's General Conference at its 41st session on 24 November 2021 [Электронный ресурс] // UNESCO. — URL: https://www.unesco.org/en/articles/recommendation-ethics-artificial-intelligence (дата обращения: 19.05.2026).

Глобальную обсерваторию по этике и управлению ИИ и методику оценки готовности государств к этичному применению ИИ (Readiness Assessment Methodology, RAM).

Если Рекомендация ЮНЕСКО задаёт ценностную рамку, то принятая Комитетом министров Совета Европы 17 мая 2024 года и открытая для подписания в Вильнюсе 5 сентября 2024 года Рамочная конвенция об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права переводит эту рамку в плоскость юридических обязательств. В число первых подписантов вошли Андорра, Грузия, Исландия, Норвегия, Молдова, Сан-Марино, Великобритания, Израиль, США и Европейский союз. В отличие от Регламента ЕС, Конвенция носит «рамочный» характер и оставляет государствам широкую дискрецию в имплементации, однако её ключевые принципы — человеческое достоинство и автономия, прозрачность и подконтрольность, подотчётность и ответственность, равенство и недопущение дискриминации, конфиденциальность, надёжность и безопасные инновации — образуют тот ценностный минимум, без освоения которого подготовка современного юриста уже невозможна,[1] Наиболее детальное регулирование закрепил, однако, именно Регламент (ЕС) 2024/1689 (AI Act), принятый 13 марта 2024 года Европейским парламентом, одобренный Советом ЕС 21 мая 2024 года и вступивший в силу 1 августа 2024 года; полное его применение начинается со 2 августа 2026 года[2]. Риск-ориентированная

[1] Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225) : adopted on 17 May 2024, opened for signature in Vilnius on 5 September 2024 [Электронный ресурс] // Council of Europe. — URL: https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence (дата обращения: 19.05.2026). / Мартынова Е. А., Сушков С. П., Евсеев А. П., Штодина Д. Д. Комментарий к Рамочной конвенции Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права // Журнал ВШЭ по международному праву. — 2024. — Т. 2, № 3. — С. 52–63. — DOI: 10.17323/jil.2024.23990. — URL: https://jil.hse.ru/article/view/23990 (дата обращения: 19.05.2026).

[2] European Commission. AI Act // Shaping Europe's digital future. — URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai (дата обращения: 19.05.2026). / Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying

классификация ИИ-систем выделяет категории «неприемлемого», «высокого», «ограниченного» и «минимального» риска. К запрещённым практикам с февраля 2025 года отнесены, в частности, социальный скоринг, манипуляция поведением человека, оценка эмоций в сфере труда и образования, удалённая биометрическая идентификация в публичных местах в режиме реального времени — последняя с ограниченными исключениями для целей правоохранительной деятельности[1]. Особо примечательно, что категория «высокого риска» прямо охватывает и применение ИИ в сфере образования (системы, определяющие доступ к обучению или оценивающие успеваемость), и его применение в правоохранительной деятельности и отправлении правосудия (оценка достоверности доказательств, прогнозирование риска совершения преступлений, профилирование). Для всех таких систем установлены требования управления рисками, ведения логов, обеспечения прозрачности, точности и человеческого надзора, а статья 4 Регламента прямо обязывает поставщиков и пользователей обеспечивать «достаточный уровень ИИ-грамотности» (AI literacy) своего персонала — формула, переводящая образовательную повестку в плоскость нормативного требования.

Сопоставление трёх рассмотренных инструментов обнаруживает общую тенденцию: международное сообщество последовательно формирует требование к государствам выстраивать систему подготовки кадров так, чтобы юрист и сотрудник правоохранительных органов обладали не только базовой технической грамотностью, но и способностью оценивать соответствие применяемых систем стандартам прав человека и верховенства права. На национальном

---

down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) [Электронный ресурс] // EUR-Lex. — URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (дата обращения: 19.05.2026).

[1] Article 5: Prohibited AI Practices // EU Artificial Intelligence Act (Regulation (EU) 2024/1689). — URL: https://artificialintelligenceact.eu/article/5/ (дата обращения: 19.05.2026).

уровне Казахстан вошёл в число первых государств Центральной Азии, очертивших государственную политику в этой сфере. Концепция развития ИИ на 2024–2029 годы построена на шести направлениях — данные, инфраструктура, человеческий капитал, научные исследования, регулирование, акселерационные программы — и применительно к человеческому капиталу прямо ставит задачу подготовки квалифицированных кадров и улучшения образования в области ИИ; на 2025 год был запланирован запуск Национального центра искусственного интеллекта[1] [2]. Вместе с тем единый национальный закон, регулирующий институт ИИ, в Казахстане пока не принят — и именно этот регулятивный вакуум, особенно ощутимый в правоохранительной сфере, делает образовательную подготовку зоной повышенной ответственности: то, что ещё не закреплено нормой, должно быть закреплено профессиональной культурой.

Любые рассуждения о месте ИИ в юридическом образовании теряют смысл, если не опираются на эмпирические данные о том, насколько надёжно эти инструменты выполняют типовые правовые задачи. За последние три года в международной академической среде проведено несколько фундаментальных исследований, результаты которых сами по себе должны стать обязательным элементом подготовки современного юриста. Знаменитый эксперимент Школы права Университета Миннесоты 2023 года, проведённый Дж. Чоем, К. Хикман, Э.Монахан и Д.Шварцем, показал, что ChatGPT, выполнивший вслепую финальные экзамены четырёх курсов — конституционного права, льгот работникам, налогообложения и

[1] Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы : постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592 [Электронный ресурс] // ИПС «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592 (дата обращения: 19.05.2026).

[2] Искусственный интеллект в государственном управлении [Электронный ресурс] // Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК. — URL: https://kisi.kz/ru/iskusstvennyj-intellekt-v-gosudarstvennom-upravlenii/ (дата обращения: 19.05.2026).

деликтного права, — получил среднюю оценку уровня C+: низкую, но проходную во всех четырёх курсах[1]. Иначе говоря, в качестве самостоятельного «студента» языковая модель не блистала, но и не проваливалась — и уже сам этот факт стал серьёзным методическим вызовом.

Куда более тонкую картину дало последовавшее исследование тех же авторов «AI Assistance in Legal Analysis» (2025), в ходе которого студенты сдавали экзамены с доступом к GPT-4 и без него. Помощь ИИ существенно повышала результаты на простых тестовых вопросах, но не на сложных эссе. Самое же показательное состояло в том, что эффект ИИ зависел от исходного уровня студента: студенты с низкими результатами получали значительный прирост, тогда как лучшие студенты, напротив, демонстрировали небольшое снижение[2]. Этот «выравнивающий эффект» имеет далеко идущие последствия для образовательной политики: ИИ способен сократить разрыв между элитными и неэлитными юристами, но требует тщательной методической проработки — иначе массовое его внедрение может привести к снижению верхней планки качества подготовки.

С другой стороны медали — данные стэнфордских исследований, демонстрирующие пределы надёжности ИИ. В работе «Large Legal Fictions» 2024 года М. Даль, В. Магеш, М. Сузгун и Д. Хо протестировали ведущие большие языковые модели на более чем 800 000 проверяемых правовых вопросов и установили, что доля так называемых «правовых галлюцинаций» — текстовых выводов, не соответствующих правовым фактам, — составляет от 58 % у ChatGPT-4 до 88 % у Llama 2 при ответах на конкретные верифицируемые

---

[1] Choi J. H., Hickman K. E., Monahan A. B., Schwarcz D. ChatGPT Goes to Law School // Journal of Legal Education. — 2022. — Vol. 71, No. 3. — P. 387–400. — URL: https://scholarship.law.umn.edu/faculty_articles/1044/ (дата обращения: 19.05.2026).

[2] Choi J. H., Schwarcz D. AI Assistance in Legal Analysis: An Empirical Study // Journal of Legal Education. — 2025. — Vol. 73. — P. 384. — DOI: 10.2139/ssrn.4539836. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4539836 (дата обращения: 19.05.2026).

вопросы о случайных делах федеральных судов[1]. Авторы предложили различать «неправильные» ответы (содержащие фактическую ошибку) и «не подкреплённые источниками» (формально верные, по существу, но ссылающиеся на несуществующие или нерелевантные источники) — типология, которую разумно сразу включать в учебные курсы.

Можно было бы предположить, что специализированные правовые сервисы свободны от подобных недостатков. Однако стэнфордское исследование «Hallucination-Free?» 2025 года, опубликованное В. Магешем с соавторами в Journal of Empirical Legal Studies, не оставило места для иллюзий: даже Lexis+ AI, Westlaw AI-Assisted Research и Thomson Reuters Ask Practical Law AI, основанные на технологии Retrieval-Augmented Generation и преподносимые как «не галлюцинирующие», давали ошибочные ответы как минимум в каждом шестом случае — 17 % у Lexis+ AI и около 33 % у Westlaw Precision AI[2]. Эти цифры обретают особенно тревожный смысл в свете того, что к 2026 году в США задокументировано около 1000 случаев, когда юристы или граждане, защищавшие себя самостоятельно, представляли в суды материалы со сгенерированными ИИ ссылками на несуществующие судебные акты[3].

В совокупности эти исследования выводят к одному принципиальному методическому заключению: современные ИИ-инструменты способны существенно повысить производительность юриста, однако они систематически демонстрируют склонность к

---

[1] Dahl M., Magesh V., Suzgun M., Ho D. E. Large Legal Fictions: Profiling Legal Hallucinations in Large Language Models. — Journal of Legal Analysis, Vol. 16, Issue 1, 2024, pp. 64–93, DOI: 10.1093/jla/laae003 (Oxford Academic) (дата обращения: 19.05.2026).

[2] Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C. D., Ho D. E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools // Journal of Empirical Legal Studies. — 2025. — Vol. 22. — P. 216. — arXiv:2405.20362. — URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/jels.12413 (дата обращения: 19.05.2026).

[3] Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C. D., Ho D. E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools // Journal of Empirical Legal Studies. — 2025. — Vol. 22. — P. 216. — arXiv:2405.20362. — URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/jels.12413 (дата обращения: 19.05.2026).

фабрикации информации. Соответственно, образовательная программа должна не просто обучать применению таких инструментов, но и формировать устойчивый навык критической проверки их выводов — навык, без которого профессионализм юриста в цифровую эпоху становится фикцией.

Обобщая международный опыт, нормативно-правовую базу и эмпирические данные, можно очертить контуры модели интеграции ИИ в подготовку кадров правоохранительных органов Республики Казахстан. Особенность ведомственного юридического образования — на примере Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан — состоит в том, что оно одновременно решает задачи подготовки сотрудников к практической работе и формирования у них устойчивой профессиональной правовой культуры, чувствительной к стандартам прав человека и верховенства закона. Именно эта двойственность и должна определить логику преобразований.

Прежде всего, в учебные планы магистерских программ и программ повышения квалификации представляется целесообразным включить отдельный модуль «Право искусственного интеллекта и цифровая криминалистика» объёмом в 2–3 академических кредита. Содержательно он должен охватывать как технологические основы ИИ, доступные для неспециалиста в области информатики, так и международно-правовую базу — Регламент (ЕС) 2024/1689, Рамочную конвенцию Совета Европы 2024 года, Рекомендацию ЮНЕСКО, Концепцию развития ИИ в Казахстане. Не менее важно вплести соответствующие сюжеты в существующие дисциплины процессуального права и криминалистики, особенно в части применения ИИ в расследовании преступлений и оценки доказательств, полученных алгоритмическими системами. Логика здесь та же, что у европейского законодателя: коль скоро Регламент 2024/1689 относит такие системы к категории «высокого риска» и

требует прозрачности, точности и человеческого надзора, сотрудники правоохранительных органов должны заранее понимать, что использование подобных систем без надлежащих процедур порождает вопросы о допустимости доказательств и о нарушении прав участников процесса.

Никакое содержательное обновление учебных планов, однако, не даст результата без подготовки самих преподавателей. Опыт Школы права Нотр-Дам, где доступ к ИИ-платформе сначала получили библиотекари и преподаватели и лишь затем студенты, выглядит здесь не курьёзом, а методическим стандартом. Без предварительной подготовки кадров любое внедрение новых дисциплин рискует превратиться в формальный акт. К этому примыкает требование академической добросовестности: методические материалы, подготовленные с использованием ИИ, должны проходить специальную процедуру верификации, исключающую попадание в учебный процесс тех самых «галлюцинаций», о которых писали стэнфордские исследователи. Обращение к первоисточникам — нормативным актам, опубликованной судебной практике, рецензируемым научным статьям — остаётся неотъемлемым условием, и именно это правило стоит закрепить в академической культуре прежде других.

Не менее принципиально и встраивание этической рамки. В кодексы академической этики ведомственных вузов целесообразно включить положения, регулирующие применение генеративного ИИ обучающимися: прозрачность использования ИИ-инструментов с раскрытием факта их применения, сохранение личной ответственности обучающегося за результат, недопустимость передачи на ИИ задач, требующих формирования собственного оценочного суждения. Опыт юридических школ Чикагского и иных университетов свидетельствует о необходимости поиска «правильного баланса между поощрением применения новых инструментов и сохранением педагогической

ценности самостоятельной работы»[1]. Если же учесть, что Концепция развития ИИ в Республике Казахстан подчёркивает значение международного сотрудничества, естественным дополнением реформы становится обмен опытом с академиями правоохранительных органов государств Центральной Азии и Совета Европы — задача, которая особенно органично решается в формате международных научно-практических форумов.

Наконец, образовательная компонента подготовки сотрудников правоохранительных органов должна целенаправленно формировать антикоррупционное правосознание применительно к цифровой среде. Применение ИИ в государственной деятельности создаёт новые риски злоупотреблений — от непрозрачного принятия алгоритмических решений до манипулирования данными, — и в этом контексте интеграция технологического и этического содержания в подготовку кадров приобретает не только методическое, но и непосредственно правозащитное значение.

Проведённый анализ показывает, что интеграция искусственного интеллекта в юридическое образование перестала быть факультативным направлением и превратилась в системную обязанность государства, вытекающую как из международно-правовых обязательств — Рекомендации ЮНЕСКО 2021 года, Рамочной конвенции Совета Европы 2024 года и Регламента (ЕС) 2024/1689, — так и из требований формирующейся национальной нормативной базы. Международный опыт убедительно демонстрирует разнообразие моделей такой интеграции: от встроенных модулей в курсах правового исследования до специализированных магистерских программ и лабораторий, в которых студенты сами создают ИИ-инструменты. Для условий Республики Казахстан и, в особенности, для

[1] AI Advances into the Law School Curriculum [Электронный ресурс] // University of Chicago Law School. — 30 October 2025. — URL: https://www.law.uchicago.edu/news/ai-advances-law-school-curriculum (дата обращения: 19.05.2026).

ведомственного образования сотрудников правоохранительных органов оптимальным представляется комбинированный подход, сочетающий обязательный модуль по праву ИИ и цифровой криминалистике с интеграцией соответствующих тем в существующие процессуальные и криминалистические дисциплины.

Эмпирические данные ведущих исследовательских центров — Миннесоты, Стэнфорда, Cambridge University Press — свидетельствуют о двойственной природе современных ИИ-инструментов: они способны повышать продуктивность юриста, но систематически допускают «галлюцинации», вплоть до фабрикации судебных актов. Это обстоятельство делает критическое мышление и навык верификации источников ключевыми компетенциями современного юриста. Подготовка сотрудников правоохранительных органов в условиях цифровой трансформации должна одновременно охватывать технологическую, правовую и этическую плоскости, и только такой триединый подход способен обеспечить устойчивое формирование цифровой компетентности, отвечающей задачам обеспечения верховенства закона в цифровую эпоху. Дальнейшие исследования в данной области целесообразно сосредоточить на эмпирической оценке эффективности конкретных образовательных моделей в условиях ведомственного образования стран Центральной Азии и на разработке методических рекомендаций по подготовке преподавателей к работе в новых условиях.

ОЖАГВЕРДИЕВ АМИР
Начальник отдела
Научно-образовательного центра
При Генеральной прокуратуре
Азербайджанской Республики

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ОТ КЛАССИЧЕСКИХ КОДЕКСОВ К СМАРТ-КОНСТИТУЦИИ

Согласно концепции «классического конституционализма», слово «конституция», используемое как правовой термин, означает высший законодательный акт государства, обладающий прямой юридической силой. Этот акт не только регулирует важнейшие отношения, связанные с личностью, обществом и государством, но и закрепляет конституционный строй государства, основы народовластия и государства, а также отражает экономические, политические, социальные, правовые, идеологические и моральные особенности страны. Кроме того, конституции государств мира определяют принципы организации и деятельности госорганов, основные положения государственной власти и управления, систему судебной власти, права и свободы граждан, общественных организаций, объединений и различных структур.

Конституция определяет основу правового статуса всех членов общества и тем самым очерчивает общие контуры отношений между государством и индивидом. Конституция формирует основы нормотворчества, законодательную систему всей страны и стоит во главе этой системы.

Но породит ли влияние цифровой трансформации на право (как и на все другие сферы) совершенно новые конституционные ценности? Или же оно внесет определенные изменения в формат существующей

концепции классического конституционализма? Эти и подобные им интригующие вопросы ждут своих ответов.

Правда, как и в классических конституциях, главной целью «умных конституций» в нашу электронную эпоху должна оставаться защита интересов и благ личности, общества и государства.

Юридическое признание электронного правительства в конституциях является одним из актуальных вопросов. В любом случае, такие вопросы, как электронизация государственных услуг, применение электронной подписи, онлайн-голосование, право на участие в обсуждении законопроектов в электронном виде, должны опираться на закон. С этой точки зрения легитимная реализация указанных вопросов в рамках конституционных реформ крайне важна.

Положением, добавленным в Конституцию Мексики в 2013 году, доступ к интернету был признан конституционным правом каждого гражданина. Примечательно, что Верховный суд Мексики позже, сославшись на эту статью, признал «ограниченные интернет-пакеты» некоторых мобильных операторов незаконными. Это показало, что статья, написанная в конституции, может стать практическим правовым инструментом.

Самый решительный и новаторский шаг в этой области сделала Чили — одна из наиболее технологически продвинутых стран Южной Америки. Дополнением, внесенным 25 октября 2021 года в статью 19 конституции этой страны, был добавлен новый пункт следующего содержания:

«...Закон будет регулировать требования, условия и ограничения на сбор, хранение и использование данных о мозговой деятельности и полученной из нее информации».

Хотя в этой статье термин «искусственный интеллект» напрямую не упоминается, учитывая технологии чтения мозга в реальном времени и их обработку алгоритмами искусственного интеллекта, это положение косвенно затрагивает и технологии ИИ. Таким образом, Чили вступает

в эпоху искусственного интеллекта, выдвигая неприкосновенность психики человека в качестве базового принципа.

Следовательно, приняв поправку о «нейроправах» (неприкосновенности данных мозга), Чили стала первым примером вынесения на уровень основного закона нейротехнологий, тесно связанных с искусственным интеллектом.

Эти прогрессивные шаги, предпринятые на конституционном уровне в практике Греции, Мексики и Чили, естественно, направлены на обеспечение цифрового равенства и гарантию доступа граждан к онлайн-услугам.

SADYKOV MUKHTAR BEIBUTOVICH
senior lecturer, Department of Special Legal Disciplines The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan

AGENTIC AI AND THE RULE OF LAW IN LAW ENFORCEMENT: BALANCING AUTONOMY, HUMAN RIGHTS AND PUBLIC SECURITY

Agentic artificial intelligence is changing the legal discussion around digital technologies in law enforcement. A conventional automated tool searches, sorts or retrieves data within a fixed scenario. An agentic system goes further: it can interpret a task, build a sequence of actions, select tools and adapt its behaviour to changing conditions. For law enforcement this distinction matters because the issue is no longer simple automation of office work. The issue is whether a semi-autonomous system may shape operational choices, influence procedural timing, and affect decisions that carry legal consequences for individuals.[1]

The rule-of-law problem begins where technological convenience starts to alter institutional responsibility. Mireille Hildebrandt argues that the move from legal text to executable architecture changes the way law constrains power, because computational systems tend to translate open normative judgment into predefined operational logic. In law enforcement such translation may be useful in narrow support functions, for example in document clustering, anomaly detection or evidence search. It becomes

[1] OECD notes that the public-sector use of artificial intelligence requires governance models that connect innovation with accountability, institutional capacity and public trust. The World Economic Forum, in turn, treats AI agents as systems whose evaluation must depend on autonomy, authority, context of use and risk. See: OECD. Governing with Artificial Intelligence. Paris, 2025; World Economic Forum. AI Agents in Action: Foundations for Evaluation and Governance. Geneva, 2025.

more problematic when the system starts to determine priorities, rank persons or situations by risk, or narrow the range of options that a human officer can realistically choose from.[1]

Foreign scholarship on public decision-making shows that the human official does not automatically remain a reliable safeguard once algorithms enter the process. Saar Alon-Barkat and Madalina Busuioc demonstrate that public officials may over-rely on algorithmic recommendations even when warning signals come from other sources. They also describe selective adherence, when officials are more likely to follow an algorithm if its output aligns with prior assumptions or stereotypes. For law enforcement this is not a peripheral concern. If the officer keeps formal authority but increasingly treats the machine output as the safest option, human oversight becomes nominal rather than substantive.[2]

A second risk concerns responsibility after error. Madeleine Clare Elish uses the concept of the moral crumple zone to explain how blame in highly automated systems may be shifted onto the nearest human operator, even where that operator had limited control over the system's behaviour. This observation fits law enforcement especially well. If an agentic system structures the file, classifies the threat, recommends the next step and accelerates institutional pressure toward action, the final human signature may conceal rather than clarify the chain of responsibility. Public security does not justify such opacity. On the contrary, the more sensitive the sphere, the clearer the attribution of responsibility must be.[3]

---

[1] Hildebrandt argues that the translation of legal norms into computational architecture may weaken the practical safeguards of the rule of law if normative judgment is replaced by executable logic. See: Hildebrandt M. Law for Computer Scientists and Other Folk. Oxford, 2020.

[2] Alon-Barkat and Busuioc show that public officials may over-rely on algorithmic advice or adopt it selectively when it confirms prior assumptions. See: Alon-Barkat S., Busuioc M. Human-AI Interactions in Public Sector Decision-Making: "Automation Bias" and "Selective Adherence" to Algorithmic Advice // Journal of Public Administration Research and Theory. 2023. Vol. 33. No. 1. P. 153-169.

[3] Elish introduces the concept of the moral crumple zone to describe cases in which responsibility for failure is shifted to the nearest human operator despite limited control over the automated system. See: Elish M.C. Moral Crumple Zones: Cautionary Tales in Human-Robot Interaction // Engaging Science, Technology, and Society. 2019. Vol. 5. P. 40-60.

This is why bounded autonomy is a more defensible model than either full delegation or complete technological restraint. Paul de Laat writes that transparency can help restore accountability in algorithmic decision-making, but technical openness alone is not enough if the system remains too complex for meaningful explanation. Applied to law enforcement, this means that agentic AI should be limited by role, risk and reversibility. Systems may support analytical work, internal coordination and triage of large information flows. They should not independently trigger coercive measures, define a person's legal status, or displace the officer's obligation to justify an intrusive decision in legal terms.[1]

The balance between autonomy, human rights and public security therefore depends on institutional design rather than on technological optimism. A lawful model of deployment requires at least four safeguards: a narrowly defined mandate for the system, mandatory logging of material interventions, a real power of suspension or override by a human officer, and procedural review whenever the output affects rights or freedoms. Under these conditions agentic AI may strengthen law enforcement capacity without dissolving the legal standards that justify public power. If these safeguards are absent, efficiency gains will be purchased at the cost of accountability, and that trade-off is incompatible with the rule of law.

[1] De Laat argues that transparency may support accountability in algorithmic decision-making, but openness alone does not eliminate the problem of opacity in complex systems. See: de Laat P.B. Algorithmic Decision-Making Based on Machine Learning from Big Data: Can Transparency Restore Accountability? // Philosophy & Technology. 2018. Vol. 31. No. 4. P. 525-541.

ОДИНАЕВ АДХАМ САЪДУЛЛОЕВИЧ
Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси
бошлиғининг ўринбосари,
юридик фанлар доктори, профессор

РАҚАМЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ ШАРОИТИДА ЮРИДИК ИЛМ-ФАННИ РИВОЖЛАНТИРИШНИНГ УСТУВОР ЙЎНАЛИШЛАРИ ВА ЗАМОНАВИЙ ЁНДАШУВЛАРИ

Аннотация: *Мақолада рақамли трансформация шароитида юридик илм-фанни ривожлантиришнинг устувор йўналишлари таҳлил қилинган. Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академиясининг сўнгги йиллардаги илмий-тадқиқот, илмий-нашрий ва кадрлар тайёрлаш фаолияти натижалари мисолида соҳани ислоҳ қилишнинг асосий йўналишлари ва замонавий ёндашувлари баён этилган.*

Калит сўзлар: *юридик илм-фан, рақамли трансформация, илмий кенгаш, диссертация, илмий салоҳият, илмий-нашрий фаолият, халқаро интеграция, илмий кадрлар, молиявий қўллаб-қувватлаш.*

Мамлакатимизда илм-фанни янада равнақ топтириш, илмий-интеллектуал ҳамда илмий-инновацион салоҳиятдан кенг фойдаланиш, замонавий билимга эга ва мустақил фикрлайдиган юқори малакали кадрлар тайёрлаш ҳамда илмий инфратузилмани модернизация қилиш бугунги куннинг долзарб вазифаларидан биридир. Ушбу масалаларни ҳал этишда Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2025 йил 26 ноябрдаги ПФ-232-сон «Ўзбекистон Республикасида юридик таълим ва илм-фанни янада ислоҳ қилиш чора-тадбирлари тўғрисида»ги Фармони ҳамда «Юридик фанни 2030 йилгача ривожлантириш концепцияси» муҳим ҳуқуқий асос бўлиб хизмат қилмоқда. Мазкур ҳужжатларда юридик таълим, илм-фан ва амалиётнинг узвий боғлиқлигини таъминлаш бўйича аниқ вазифалар белгиланган.

Академиянинг илмий-тадқиқот фаолияти натижалари. Сўнгги йилларда Академия илмий кенгашларида ихтисосликлар бўйича ҳимоя қилинган диссертация ишлари сони барқарор ўсиб бормоқда: 2022 йилда 10 та, 2023 йилда 17 та, 2024 йилда 18 та ва 2025 йилда 26 тага етди. Шу билан бирга, профессор-ўқитувчиларнинг илмий салоҳияти уч йил ичида 26 фоиздан (2022 йил) 67 фоизга (2025 йил) кўтарилди. Ҳозирда Академияда 14 нафар таянч докторант ва 259 нафар мустақил изланувчи илмий-тадқиқот фаолиятини амалга оширмоқда. Олий аттестация комиссияси Раёсати қарори билан Академияга илмий унвонга талабгорлар учун Махсус имтиҳонни ўтказиш ваколати берилган бўлиб, 2025 йилнинг ўтган даврида 104 нафарга тегишли сертификатлар топширилган. Умуман, бугунги кунда республикада 40 384 нафар изланувчи фаолият юритмоқда, улардан 19 498 нафари (48 фоизи) аёлларни ташкил этади.

Илмий кенгашлар фаолияти. 2026 йилдан бошлаб Академияда 2 та доимий ва 5 та бир марталик илмий кенгаш фаолият юритади. Ушбу кенгашларда давлат ва ҳуқуқ назарияси ва тарихи, конституциявий, маъмурий, молия ва божхона ҳуқуқи, фуқаролик, тадбиркорлик, оила ва халқаро хусусий ҳуқуқ, фуқаролик процессуал ва иқтисодий процессуал ҳуқуқ, меҳнат ва ижтимоий таъминот ҳуқуқи, суд ҳокимияти ва прокурор назорати, жиноят ва жиноят-ижроия ҳуқуқи, жиноят процесси ва криминалистика, коррупция муаммолари, ҳуқуқбузарликлар профилактикаси ва пробация, криминология, киберҳуқуқ ҳамда рақамли ҳуқуқ ихтисосликлари бўйича диссертациялар ҳимояси ўтказилади.

Илмий-нашрий фаолият ва халқаро интеграция. Ҳисобот даврида Академия профессор-ўқитувчилари томонидан жами 35 та монография, хорижий илмий журналлар ва халқаро илмий-амалий конференция материаллари тўпламларида 300 дан ортиқ (шундан Web of Science маълумотлар базасидаги журналларда 20 га яқин) ҳамда ОАК рўйхатидаги журналларда 400 дан ортиқ илмий мақола,

республика ва халқаро миқёсдаги конференция тўпламларида 500 дан ортиқ тезис тайёрланди. Академияда «Ўзбекистон терговчиси», «Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси ахборотномаси» ва «Рақамли криминалистика» илмий-амалий юридик журналлари даврий равишда нашр этиб борилмоқда; бундан ташқари, Тошкент давлат юридик университети билан ҳамкорликда «Криминология ва жиноий одил судлов» илмий-амалий таҳлилий журналини чоп этиш йўлга қўйилган. Таълим олувчиларнинг эҳтиёжлари асосида EBSCO HOST, Springer Nature ва Web of Science халқаро электрон маълумотлар базаларига, шунингдек, Ўзбекистон Миллий кутубхонасининг электрон ахборот-кутубхона фондига ҳамда «Электрон таълим» миллий тармоғининг «UNILIBRARY» тизимига бевосита уланиш имконияти яратилди.

Амалий тадқиқот лойиҳалари. 2025 йил давомида жами 18 та мақсадли амалий тадқиқот лойиҳаси тайёрланиб, шундан 4 таси Олий таълим, фан ва инновациялар вазирлиги ҳузуридаги Инновацион ривожланиш агентлиги томонидан тасдиқланган, қолган 14 таси эса эълон қилиниш жараёнида турибди.

Юқоридаги натижалардан келиб чиққан ҳолда, рақамли трансформация шароитида юридик илм-фанни ривожлантиришнинг қуйидаги устувор йўналишлари ва замонавий ёндашувлари белгиланди:

1) Қонунчиликни модернизация қилиш — қонунчиликни халқаро стандартлар билан уйғунлаштириш.

2) Илмий хулоса – тавсия – натижа кетма-кетлигини таъминлаш — долзарб масалаларни белгилашда раҳбарий ҳужжатлардаги топшириқлар ижросига эътибор қаратиш ҳамда ҳар бир тадқиқотни комплекс таҳлил қилиш.

3) Таълим ва инновациялар интеграцияси — юридик таълим ва инновацияларнинг узвий интеграциясини таъминлаш.

4) Фан ва ҳуқуқий амалиёт боғлиқлиги — тадқиқот натижаларини ҳуқуқий амалиёт эҳтиёжлари билан боғлаш.

5) Тармоқлараро ихтисослашув — соҳалараро ва интердисциплинар илмий тадқиқотлар ўтказиш ҳамда уларни ҳуқуқий таълим билан интеграциялаш.

6) Тадқиқот усулларини такомиллаштириш — хорижий илмий стажировка, таълим муассасаси ва тажриба ўрганилаётган давлат ташкилоти ўртасидаги ҳамкорлик келишувларига имтиёзли ёндашув.

7) Илмий кадрлар тайёрлаш — ҳар йили январ ойида фан тармоқлари кесимида устувор йўналишларни белгилаш ва уларни докторантура ҳамда мустақил тадқиқотчилик учун асос қилиб олиш.

8) Молиявий қўллаб-қувватлаш — давлат ва хусусий сектор маблағларини ошириш, илмий ютуқларни тижоратлаштириш ҳамда мустақил тадқиқотчилар учун тўлов механизмини жорий этиш.

Молиявий қўллаб-қувватлаш йўналиши доирасида киритилаётган имкониятларни сонли кўрсаткичларда баҳолаш мумкин: бир докторантга 3 йил давомида тахминан 30 минг АҚШ доллари сарфланиши кутилмоқда, 2026 йилда эса стипендиялар учун Давлат бюджетидан қарийб 1,4 трлн сўм маблағ ажратилган.

Хулоса қилиб айтганда, рақамли трансформация шароитида юридик илм-фанни ривожлантириш қонунчиликни модернизация қилиш, таълим, фан ва амалиётнинг узвий боғлиқлигини таъминлаш, тармоқлараро ихтисослашув ҳамда илмий кадрларни рағбатлантириш ва молиявий қўллаб-қувватлашнинг яхлит тизимини талаб этади. Юқорида келтирилган устувор йўналишлар ва замонавий ёндашувларнинг изчил жорий этилиши соҳада илмий салоҳиятни ошириш ва тадқиқот натижаларининг амалий самарадорлигини таъминлашга хизмат қилади.

МАМАСИДДИҚОВ МУЗАФФАРЖОН МУСАЖОНОВИЧ
Ўзбекистон Республикаси Фавқулодда вазиятлар вазирлиги академияси бошлиғи, юридик фанлар доктори, профессор

ПРОКУРАТУРА ОРГАНЛАРИДА СУНЪИЙ ИНТЕЛЛЕКТНИ ҚЎЛЛАШ ИСТИҚБОЛЛАРИ

Аннотация: *Мақолада прокуратура ва суд тизимида сунъий интеллект технологияларини жорий этиш масаласи Хитой Халқ Республикасининг «Ақлли прокуратура» тажрибаси мисолида таҳлил қилинган. Тизимнинг асосий ютуқлари ва камчиликлари кўриб чиқилиб, шу асосда Ўзбекистон суд-ҳуқуқ тизими учун стратегик таклифлар илгари сурилган.*

Калит сўзлар: *сунъий интеллект, прокуратура, суд тизими, рақамли одиллик, инсон назорати, рақамли далил, блокчейн, алгоритмик изчиллик.*

Сунъий интеллект глобал миқёсда инсон ҳаётининг барча соҳаларини, жумладан ҳуқуқий инфратузилмани ҳам тубдан ўзгартирмоқда. 2025 йилда Европа Иттифоқидаги корхоналарнинг қарийб 20 фоизи, 250 нафардан ортиқ ходимга эга йирик корхоналарнинг эса 55 фоизи матн таҳлили, нутқни аниқлаш ва машинали ўрганиш технологияларидан фойдаланган; АҚШ штатларида 2025 йилда сунъий интеллект билан боғлиқ 1200 дан ортиқ қонун лойиҳаси муҳокама қилиниб, улардан 145 таси қонун сифатида қабул қилинган. Қонун устуворлиги ва инсон ҳуқуқларини таъминлашга масъул органлар фаолиятида технологик самарадорликни процессуал адолат, шаффофлик ва легитимлик билан мувозанатда сақлаш бугунги куннинг асосий вазифасидир. Бу борада Хитой Халқ Республикасининг тажрибаси ўзининг кўлами ва тизимлилиги билан алоҳида ажралиб туради.

«Ақлли прокуратура» стратегияси. Хитой Олий халқ прокуратурасининг ушбу дастури қўл меҳнатини босқичма-босқич автоматлаштириш ва инсон ресурсларини сунъий интеллект билан тўлдиришга асосланади ҳамда тўрт йўналишни қамраб олади. Биринчиси — терговни интеллектуал қўллаб-қувватлаш («Тизим-206»): далилларнинг қонунийлигини баҳолаш, ҳибсга олиш шартларини аниқлаш ҳамда сўроқ жараёнида нутқни автоматик матнга айлантириш. Иккинчиси — Шанхай Пудонг прокуратураси негизида яратилган дунёдаги биринчи «Сунъий интеллект прокурори»: реал кейслар асосида ўқитилган бу алгоритм энг кўп учрайдиган жиноят турлари бўйича 97 фоиздан юқори аниқликда айблов хулосасини тайёрлашга қодир. Учинчиси — «Ишларни бошқариш роботи»: ишнинг қабул қилинишидан судга юборилгунга қадар процессуал муддатларни назорат қилиб, инсоний хатоларни камайтиради. Тўртинчиси — «WeChat» тизимига интеграция қилинган «12309» рақамли платформаси: фуқароларга «ягона дарча» тамойилида реал вақт режимида ҳуқуқий ёрдам кўрсатади.

Суд тизимини рақамлаштириш. 2024 йил май ойида Хитой Олий халқ суди томонидан намойиш этилган миллий ҳуқуқий сунъий интеллект инфратузилмаси таркибига 320 миллион суд қарори, иш материаллари ва ҳуқуқий экспертиза хулосалари жамланган. Бу тизим оддий қидирув алгоритми эмас, балки ҳуқуқий атамалар ва мантиқий боғлиқликни чуқур таҳлил қила оладиган, фойдаланувчи талаби асосида ҳуқуқий контент яратишга қодир моделдир: у электрон файллардаги асосий аргументларни сониялар ичида аниқлайди, судяларга ўхшаш кейсларни кўрсатади ва қарорлардаги тафовутларни камайтиради. Ханчжоу, Пекин ва Гуанчжоу шаҳарларидаги «Интернет-судлари»да эса ишларни онлайн рўйхатдан ўтказиш, далилларни блокчейнда сақлаш ва масофавий суд мажлислари тўлиқ жорий этилган.

Тизимнинг фундаментал ютуқлари. Сунъий интеллектнинг жорий этилиши натижасида, биринчидан, «кўп иш — кам одам» муаммоси ҳал этилмоқда: ҳужжатларни сканерлаш, қидириш ва ҳисоблаш каби техник вазифалар машиналарга топширилиб, профессионал кадрлар диққатини мураккаб таҳлилий ишларга қаратмоқда. Иккинчидан, ҳуқуқий изчиллик ва прогнозли одиллик таъминланмоқда: бир хил жиноят ишлари бўйича турли ҳудудларда турлича ёки субъектив жазо тайинланишининг олди олинмоқда.

Камчиликлар ва ҳуқуқий сигналлар. Шу билан бирга, тизим бир қатор жиддий муаммоларни юзага чиқармоқда: турли провинция ва идоралар ўз дастурларини яратаётгани сабабли маълумотлар парокандалиги ва тизимлар тарқоқлиги; суд ва прокуратура давлат сирлари ҳамда шахсга доир маълумотларни қайта ишлагани боис тизимларни хусусий IT-компанияларга топширишдан келиб чиқадиган киберхавфсизлик таҳдидлари; алгоритм тайёрлаган қарорга кўр-кўрона ишониш — «алгоритмик суяниш» ва ундан келиб чиқадиган масъулият масаласи; ҳамда генератив интеллект ёрдамида инсон услубига мос, аммо ёлғон икрорлик хатлари ёки сохта ҳужжатлар яратиб прокурорларни чалғитиш таҳдиди.

Ўзбекистон учун стратегик таклифлар. Хитой тажрибаси шуни кўрсатадики, сунъий интеллект инсон-судя ёки прокурорнинг ўрнини тўлиқ боса олмайди ва фақат «инсон назорати» ҳамда «шаффофлик» мезонлари остида ёрдамчи восита бўлиб қолиши керак. Шундан келиб чиққан ҳолда Ўзбекистон суд-ҳуқуқ тизими учун қуйидаги йўналишлар таклиф этилади:

1) «Инсон назорати»нинг қонуний кафолати — ҳар қандай сунъий интеллект алгоритмининг қарори фақат тавсиявий характерга эга бўлиши, якуний ҳуқуқий жавобгарлик эса судя ёки прокурор зиммасида қолиши қонунда қатъий мустаҳкамланиши лозим;

2) Генератив интеллект декларацияси — суд жараёнларида тақдим этилаётган ҳужжатларнинг генератив сунъий интеллект

ёрдамида тайёрланганлигини мажбурий декларация қилиш ва сохта матнларни аниқловчи миллий алгоритмларни ишлаб чиқиш;

3) Смарт инфратузилманинг хавфсиз суверенитети — ташқи хусусий компанияларга қарамликни чеклаш ҳамда тергов сирининг дахлсизлигини таъминлаш мақсадида Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академиясида ёпиқ ва хавфсиз суверен нейротармоқ моделлари ва марказлашган базаларни яратиш;

4) Алгоритмик изчиллик ва «Рақамли прецедент» миллий тизими — Олий суд ва Бош прокуратура ҳузурида республика бўйича ягона, марказлашган «Рақамли прецедент ва ҳуқуқий изчиллик» таҳлилий платформасини яратиб, ҳуқуқни қўллаш амалиётининг бир хиллигини таъминлаш ва субъектив омилларни камайтириш;

5) «Кибер-прокурор» ва рақамли далилларни верификация қилиш — жиноят-процессуал қонунчиликка «Рақамли далилларнинг дахлсизлигини таъминлаш» институтини киритиш ва электрон далилларни сақлаш ҳамда ҳақиқийлигини текшириш учун «Блокчейн-реестр» тизимини жорий этиш;

6) «Рақамли деформация»нинг олдини олиш — ходимларнинг «алгоритмик суяниш» оқибатида касбий малакаси сусайишининг олдини олиш учун Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси ва Одил судлов академиясида «Сунъий интеллект шароитида ҳуқуқий мантиқ ва критик фикрлаш» мажбурий малака ошириш дастурларини йўлга қўйиш.

Хулоса қилиб айтганда, прокуратура ва суд тизимида сунъий интеллектни қўллаш катта имкониятлар очса-да, унинг марказида инсон, ахлоқий масъулият ва процессуал адолат туриши шарт. Юқорида келтирилган стратегик йўналишлар сунъий интеллектни «инсон назорати» остидаги ишончли ёрдамчи воситага айлантириб, рақамли даврда қонун устуворлиги ва инсон ҳуқуқлари мувозанатини таъминлашга хизмат қилади.

ШАЙЗАКОВ ШОДИЁР ИБРАГИМОВИЧ
Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси
Илмий марказ бошлиғи, ю.ф.ф.д., доцент

ФУҚАРОЛИК ИШЛАРИНИ ЮҚОРИ ИНСТАНЦИЯДА ҚАЙТА КЎРИШ ИНСТИТУТИДА СУНЪИЙ ИНТЕЛЛЕКТНИ ҚЎЛЛАШ МАСАЛАЛАРИ

Бугунги кунда сунъий интеллект технологиялари жамият ҳаётининг деярли барча соҳаларини, жумладан, одил судлов тизимини ҳам ўз ичига ола бошлаган. Бироқ, суд ҳокимияти учун бу жараён шунчаки техник янгиланиш эмас — бу одил судловнинг сифати, тезкорлиги, шаффофлиги ва фуқароларнинг судга бўлган ишончини мустаҳкамлаш билан боғлиқ стратегик масаладир.

Айниқса, юқори инстанция фуқаролик судларида сунъий интеллектдан фойдаланиш масаласи алоҳида аҳамиятга эга. Чунки апелляция, кассация ва тафтиш инстанциялари фақат муайян ишни қайта кўриб чиқмайди — улар суд амалиётининг барқарорлигини, қонун нормаларининг бир хил қўлланилишини ва қуйи судлар йўл қўйган хатоларни бартараф этишни ҳам таъминлайди.

Сунъий интеллект судяни алмаштирувчи восита эмас, балки судянинг мустақил процессуал фаолиятини қўллаб-қувватловчи интеллектуал ёрдамчи бўлиши керак.

Шу ўринда халқаро тажрибани ўрганиш муҳим йўналишлардан бири ҳисобланади. Жумладан, халқаро ҳамжамият сунъий интеллектни суд тизимида қўллаш масаласида бир нечта муҳим ҳужжатларни қабул қилган.

Европа Кенгашининг СЕПЕЖ Этик Хартияси (2018) суд тизимида сунъий интеллектдан фойдаланиш учун бешта асосий принципни белгилаган:

- инсон ҳуқуқларини ҳурмат қилиш;
- камситмаслик;
- сифат ва хавфсизлик;
- шаффофлик ва холислик
- фойдаланувчи назорати остида бўлиш[1].

Бу ёндашув шуни кўрсатадики, суд тизимида технологик самарадорлик эмас, аввало ҳуқуқий кафолатлар биринчи ўринда туриши лозим.

Европа Иттифоқининг Сунъий интеллект тўғрисидаги Акти (2024) суд фаолиятига оид сунъий интеллект тизимларини юқори хавфли технологиялар қаторига киритади. Судда сунъий интеллектдан фойдаланиш оддий маъмурий автоматлаштириш эмас, балки инсон тақдири ва ҳуқуқларига бевосита таъсир кўрсатиши мумкин бўлган юқори масъулиятли жараён ҳисобланиб, бу жуда аҳамиятлидир.

Хорижий давлатлар тажрибаси шуни кўрсатадики, жумладан, Буюк Британияда судялар учун махсус қўлланма ишлаб чиқилиб, унда учта асосий талаб белгилаган:

- судялар сунъий интеллект натижалари учун шахсан масъул эканлиги;
- махфий маълумотларни очиқ сунъий интеллект платформаларига киритиш мумкин эмаслиги;
- сунъий интеллектда нотўғри ёки уйдирма маълумотлар яратиш хавфи мавжудлиги[2].

Сингапур давлатида 2024 йил 1 октябрдан барча суд фойдаланувчилари — судялар, адвокатлар ва томонлар учун генератив сунъий интеллектдан фойдаланиш бўйича ягона қўлланмани амалиётга киритган. Унда процессуал қоидалар фақат судялар учун эмас, барча

[1] https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment
[2] https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2023/12/AI-Judicial-Guidance.pdf

иштирокчилар учун аниқ бўлиши шартлиги асосий ёндашув сифатида кўрсатилган[1].

Бу борада мамлакатимиз ҳам ўзининг амалиётини шакллантиришга, унинг ҳуқуқий асосларини яратишга ҳам улгурди. Жумладан, Ўзбекистон Республикаси Президентнинг 2024 йил 14 октябрдаги ПҚ–358-сон Қарори билан Сунъий интеллект технологияларини 2030 йилга қадар ривожлантириш стратегияси тасдиқланган бўлиб, унда норматив-ҳуқуқий базани шакллантириш ва халқаро тажриба асосида миллий қонунчиликни такомиллаштириш вазифалари белгиланган[2].

Бундан ташқари, Ўзбекистон Республикаси Президентининг «Судлар фаолиятига сунъий интеллект технологияларини жорий этиш орқали одил судловга эришиш даражасини ошириш ҳамда суд тизимининг моддий-техник таъминотини яхшилашга доир қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида» 2025 йил 21 августдаги ПФ–140-сонли Фармони билан судлар фаолиятига сунъий интеллектни жорий этиш ва «Рақамли суд» концепциясини амалга ошириш вазифалари ҳам белгилаб берилган[3]. Бу шуни англатадики, сунъий интеллектни суд тизимига жорий этиш Ўзбекистонда назарий ғоя эмас, балки амалий ислоҳотнинг бугунги кун тартибига айланиб улгурган.

Юқори инстанция фуқаролик судларида сунъий интеллектни қўллашнинг асосий йўналишлари сифатида баъзи фикрларни илгари сурамиз.

Биринчидан, сунъий интеллект апелляция ва кассация шикоятларини дастлабки таҳлил қилишда ёрдам бериши мумкин. У

---

[1] Singapore Courts. *Guide on the Use of Generative Artificial Intelligence Tools by Court Users*. Registrar's Circular No. 1 of 2024, 23 September 2024, effective from 1 October 2024.

[2] Ўзбекистон Республикаси Президентининг «Сунъий интеллект технологияларини 2030 йилга қадар ривожлантириш стратегиясини тасдиқлаш тўғрисида» 2024 йил 14 октябрдаги ПҚ-358-сонли Қарори / https://lex.uz/docs/7158604

[3] Ўзбекистон Республикаси Президентининг «Судлар фаолиятига сунъий интеллект технологияларини жорий этиш орқали одил судловга эришиш даражасини ошириш ҳамда суд тизимининг моддий-техник таъминотини яхшилашга доир қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида» 2025 йил 21 августдаги ПФ–140-сонли Фармони / https://lex.uz/docs/7696567

шикоятда процессуал муддатлар, реквизитлар, шикоят қилиш ҳуқуқига эга субъект, давлат божи ёки ишончнома билан боғлиқ маълумотларни автоматик текшириши имкониятини яратади. Бироқ, шикоятни қабул қилиш ёки рад этиш тўғрисидаги якуний хулоса фақат судя томонидан қабул қилиниши шарт.

Иккинчидан, сунъий интеллект суд амалиётини умумлаштиришда катта имкониятга эга. Минглаб ишларни таҳлил қилиш орқали қайси турдаги хатолар кўп такрорланаётгани, қайси ҳуқуқ нормалари турлича талқин қилинаётгани аниқланиши мумкин. Бу Олий суд Пленуми қарорлари ва методик тавсияларини тайёрлашда муҳим манба бўлади.

Учинчидан, сунъий интеллект суд қарорларининг асосланганлигини техник жиҳатдан текширишда қўлланилиши мумкин, масалан, даъво талаблари тўлиқ кўриб чиқилдими, томонларнинг важлари баҳоланди-ми, далиллар таҳлил қилинди-ми. Бироқ, бу судянинг ички ишончи ва мустақил қарор қабул қилиш ҳуқуқига аралашмаслиги шарт.

Тўртинчидан, ўхшаш ишлар бўйича суд амалиётини тез топиш, ҳуқуқий позицияларни солиштириш, бир хил муносабатларга нисбатан турлича ёндашувларни аниқлаш учун сунъий интеллектдан фойдаланиш суд амалиётининг барқарорлиги ва ҳуқуқий аниқликни кучайтиради.

Бешинчидан, суд мажлиси баённомаларини юритиш, аудиоёзувларни матнга айлантириш, катта ҳажмдаги ҳужжатларни тизимлаштириш, суд статистикасини юритиш каби ёрдамчи вазифалар сунъий интеллект томонидан самарали бажарилиши мумкин. Бу судяларнинг вақтини тежайди ва уларни асосий вазифага — ҳуқуқий баҳолаш ва адолатли қарор қабул қилишга йўналтиради.

Шу ўринда баъзи муаммо ва хавфлар ҳақида тўхталиш лозим.

Биринчи хавф — судянинг мустақиллигига билвосита таъсир ўтказиш хавфси мавжуд. Агар сунъий интеллект «тавсияси» амалда

мажбурий хулосага айланиб қолса, судянинг ички ишончи ва мустақил баҳолаш ваколати заифлашган бўлади. Машинали ўқитиш алгоритмлари «қора қути» тамойили асосида ишлаши — яъни қарор қандай қабул қилинганини тушуниш қийин бўлиши — бу хавфни янада оширади.

Иккинчи хавф — алгоритмик камситиш юқорилигача сақланиб қолинади. Агар сунъий интеллект нотўғри ёки бир томонлама маълумотлар асосида ўқитилган бўлса, у ижтимоий, иқтисодий ёки ҳудудий жиҳатдан номутаносиб натижалар бериши мумкин. Бу ирқ, жинс ёки бошқа белгиларига кўра камситишга олиб келувчи бир ёқлама суд қарорлари қабул қилиниши хавфини келтириб чиқаради.

Учинчи хавф — шаффофлик муаммоси. Жараён иштирокчилари судда қандай сунъий интеллект воситаси қўлланилганини, у қайси маълумотлар асосида хулоса берганини ва унинг натижаси иш бўйича қарорга қандай таъсир қилганини билиш ҳуқуқига эга бўлиши керак. Бу ҳуқуқ таъминланмаса, адолатли суд тамойилининг, суднинг очиқлиги принципи бузилишига олиб келади.

Тўртинчи хавф — шахсий маълумотлар ва суд сирининг ҳимояси. Фуқаролик ишларида оилавий, мулкий, шахсий ҳаётга оид кўплаб махфий маълумотлар мавжуд. Шу сабабли очиқ ва назоратсиз сунъий интеллект платформаларидан суд материаллари билан ишлашда фойдаланиш жуда хатарли ҳисобланади.

Шу ўринда Ўзбекистон миллий қонунчиликни такомиллаштириш бўйича баъзи таклифларни айтиш мақсадга мувофиқ.

Биринчидан, фуқаролик процессуал кодексига «суд иш юритувида сунъий интеллектдан фойдаланишнинг умумий қоидалари»га оид махсус норма киритиш лозим. Унда сунъий интеллект фақат ёрдамчи восита эканлиги, судянинг мустақиллиги ва ички ишончини алмаштира олмаслиги каби аниқ қоидалар белгиланиши керак.

Иккинчидан, юқори инстанция судларида қўлланиладиган сунъий интеллект тизимлари учун «рухсат этилган», «чекланган» ва «тақиқланган» функциялар рўйхатини белгилаш зарур:

Мисол учун, рухсат этилган: ҳужжатларни тизимлаштириш, амалиётни излаш, муддатларни текшириш;

Чекланган: қарор натижасини прогноз қилиш;

Мутлақо тақиқланган: судя ўрнига қарор қабул қилиш.

Учинчидан, сунъий интеллектдан фойдаланилган ҳар бир ҳолатда процессуал шаффофлик таъминланиши керак. Иш иштирокчилари сунъий интеллект қўлланилган-қўлланилмагани, унинг вазифаси ва якуний қарорнинг инсон судя томонидан мустақил қабул қилинганлиги ҳақида хабардор бўлиши лозим.

Тўртинчидан: суд тизимида қўлланиладиган сунъий интеллект воситалари мажбурий аудитдан ўтказилиши керак. Бундай аудитда алгоритмнинг аниқлиги, камситмаслик даражаси, ҳуқуқий манбалар билан ишлаш сифати, хавфсизлик ва шахсий маълумотларни ҳимоя қилиш даражаси баҳоланиши лозим.

Бешинчидан, судялар, суд аппарати ходимлари, адвокатлар ва прокурорлар учун «сунъий интеллект саводхонлиги» бўйича махсус ўқув курсларини жорий этиш зарур. Чунки сунъий интеллектдан фойдаланишни билмаслик ҳам, унга ортиқча ишониб юбориш ҳам одил судлов учун хавф туғдиради.

Олтинчидан, юқори инстанция судлари учун миллий суд амалиётига асосланган, ёпиқ ва хавфсиз ҳуқуқий сунъий интеллект платформасини яратиш мақсадга мувофиқ. Бу платформа очиқ интернетдаги тасодифий маълумотларга эмас, балки расмий қонунчилик базаси, Олий суд қарорлари, Пленум қарорлари ва анонимлаштирилган суд ҳужжатларига таяниши лозим.

Еттинчидан, сунъий интеллектдан фойдаланиш натижасида процесс иштирокчисининг ҳуқуқи бузилган тақдирда, шикоят қилиш механизмини белгилаш керак — тараф сунъий интеллект натижаси

нотўғри маълумотга асосланган деб ҳисобласа, уни текширишни талаб қилиш ҳуқуқига эга бўлиши лозим.

Хулоса сифатида айтиш лозимки, сунъий интеллект судяга ёрдам беради, лекин одил судловни инсон судя амалга оширади. Айнан шу ёндашув Ўзбекистонда рақамли суд тизимини ривожлантириш, фуқаролик процессуал қонунчилигини замонавий талаблар асосида такомиллаштириш ва халқаро стандартларга мос, инсон ҳуқуқларига йўналтирилган моделни шакллантиришга хизмат қилади.

ШИРИНОВА РАИМА ҲАКИМОВНА
Ўзбекистон Республикаси Президенти ҳузуридаги Давлат сиёсати ва бошқарув академиясининг илмий ишлар ва халқаро алоқалар бўйича проректори, филология фанлари доктори, профессор

СУНЪИЙ ИНТЕЛЛЕКТ ВА ЗАМОНАВИЙ ДАВЛАТ БОШҚАРУВИ: ЯНГИ АВЛОД РАҲБАРЛАРИНИ ТАЙЁРЛАШ МАСАЛАЛАРИ

Аннотация: *Мақолада сунъий интеллект шароитида давлат бошқаруви учун янги авлод раҳбарларини тайёрлаш масалалари таҳлил қилинган. Ўзбекистон Республикаси Президенти ҳузуридаги Давлат сиёсати ва бошқаруви академияси тажрибаси мисолида институционал ислоҳотлар, ўқув дастурлари натижалари ҳамда соҳани ривожлантириш бўйича стратегик таклифлар ёритилган.*

Калит сўзлар: *сунъий интеллект, давлат бошқаруви, раҳбар кадрлар, рақамли трансформация, AI-этика, predictive governance, гендер тенглик, рақамли саводхонлик.*

Сунъий интеллект замонавий давлат бошқарувида қарор қабул қилиш, прогнозлаш ва хизматлар кўрсатиш жараёнларини тубдан ўзгартирмоқда. Бу ўзгариш янги авлод раҳбарларидан сунъий интеллектнинг этик, хавфсизлик ва ижтимоий оқибатларини чуқур тушунишни, инсон-машина гибрид тизимларини самарали бошқаришни ҳамда рақамли трансформация шароитида стратегик фикрлашни талаб этади. Сўнгги йилларда Ўзбекистонда амалга оширилган тизимли ислоҳотлар натижасида мамлакат сунъий интеллектни татбиқ этиш бўйича халқаро рейтингда 17 поғона

юқорилаб, Government AI Readiness Index бўйича 188 давлат ичида 70-ўринни, Марказий Осиё бўйича эса биринчи ўринни эгаллади.

Институционал асос. Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2025 йил 5 майдаги ПФ-78-сон «Истиқболли кадрларни мақсадли тайёрлаш ҳамда уларни давлат бошқаруви ва хизматига самарали жалб этиш тизимини янада такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида»ги Фармонига асосан Давлат сиёсати ва бошқаруви академиясида Давлат бошқарувида рақамли ва сунъий интеллект технологиялари таълим маркази ташкил этилди. Марказ Туркиянинг TIKA халқаро дастури доирасида замонавий техник воситалар ва лабораториялар билан жиҳозланган. У Президентнинг 2025 йил 22 октябрдаги ПФ-189-сон Фармони ижроси доирасида йўлга қўйилган бир ярим ойлик ихтисослашган ўқув курсларининг институционал негизи бўлиб хизмат қилмоқда; натижада бугунга қадар 518 нафар раҳбар ходимнинг малакаси оширилди ва янги авлод бошқарувчиларини тайёрлашнинг барқарор механизми яратилди.

Гендер йўналиши. Соҳада хотин-қизларнинг билим ва кўникмаларини оширишга алоҳида эътибор қаратилмоқда. Ўтган йили 80 нафарга яқин аёл давлат хизматчиси учун «Аёл давлат хизматчилари учун рақамли хавфсизлик» мавзусида махсус семинар-тренинг ташкил этилиб, унда сунъий интеллект технологияларининг имкониятлари, фойдаланиш этикаси ва киберхавфсизлик қоидалари бўйича назарий ҳамда амалий машғулотлар ўтказилди. Бу ПФ-78 ва ПФ-189-сон Фармонларида белгиланган гендер тенгликни таъминлаш ва инклюзив рақамли трансформация сиёсатининг амалий ифодаси бўлиб, давлат бошқарувида хотин-қизларнинг раҳбарлик иштирокини кучайтиришга хизмат қилмоқда.

Ўқув жараёни мазмуни ва натижалари. Машғулотлар давлат бошқарувига сунъий интеллектни жорий этиш, «2030 йилгача сунъий интеллектни ривожлантириш стратегияси», нейрон тармоқлар, катта тил моделлари (ChatGPT, Gemini, Claude, DeepSeek ва бошқалар),

генератив моделлар, киберхавфсизлик ва рақамли трансформация мавзуларини қамраб олди. Амалий машғулотлар гуруҳлар кесимида, кейслар ва реал бошқарув вазиятлари асосида олиб борилди; шунингдек, иштирокчилар Рақамли технологиялар вазирлиги, IT Park Uzbekistan, Uzinfocom ва «Рақамли Тошкент» маркази фаолияти билан сайёр дарслар орқали танишди. Натижада раҳбар кадрларнинг рақамли ва сунъий интеллект компетенциялари оширилди, «Smart Region» ва рақамли трансформация лойиҳаларини ишлаб чиқиш кўникмалари шакллантирилди, иштирокчилар ўз ҳудудлари учун сунъий интеллектга асосланган хизматлар лойиҳаларини яратди, кириш ва чиқиш тестлари орқали эса билим даражасидаги ўсиш баҳоланди.

Замонавий раҳбар ва кутилаётган самара. Замонавий раҳбар энди фақат маъмурий бошқарувчи эмас, балки технологик тафаккурга эга, рақамли саводхон, аналитик фикрлайдиган, глобал тенденцияларни англайдиган ва кризис шароитида самарали ишлайдиган лидер бўлиши керак. Халқаро таҳлилий марказлар (BCG, OECD, Oxford Insights) маълумотларига кўра, шундай кадрлар фаолият юритадиган ташкилотларда рақамли ва сунъий интеллектга асосланган бошқарув бюрократик жараёнларни 30–40 фоизга, маъмурий харажатларни 25–35 фоизга қисқартириш имконини беради. Бундан ташқари, сунъий интеллект ижтимоий-иқтисодий ривожланишнинг узоқ муддатли сценарийларини моделлаштириш, иқлим ўзгаришига мослашув сиёсатини ишлаб чиқиш ва фуқароларнинг реал вақт режимидаги фикр-мулоҳазаларини таҳлил қилишга хизмат қилади.

Стратегик контекст. «Рақамли Ўзбекистон — 2030» стратегияси ва 2024 йилда қабул қилинган Миллий сунъий интеллект технологияларини ривожлантириш стратегияси доирасида 2030 йилгача сунъий интеллект иқтисодиётга 1,1 миллиард АҚШ доллари ҳисса қўшиши ва 430 мингдан ортиқ янги иш ўрни яратиши кутилмоқда. BCG ва OECD таҳлилларига кўра, сунъий интеллектни масъулиятли бошқаришни ўзлаштирган давлатларда жамоавий қарор

қабул қилиш самарадорлиги 45–60 фоизга ошиб, фуқароларнинг давлат органларига ишончи 25–35 фоизга ортиши мумкин.

Хулоса ва таклифлар. Замонавий давлат бошқарувида янги авлод раҳбарларини сунъий интеллект соҳасида тайёрлашда қуйидаги йўналишларга алоҳида эътибор қаратиш мақсадга мувофиқ:

1) «AI-компетенциялар индекси»ни жорий этиш — раҳбарларнинг рақамли саводхонлиги, аналитик фикрлаши ва сунъий интеллект воситаларидан фойдаланиш кўникмаларини баҳолаш учун;

2) «Smart Governance Laboratory» платформаларини ташкил этиш — сунъий интеллект асосида қарор қабул қилиш, прогнозлаш ва рақамли моделлаштириш кўникмаларини ўргатиш мақсадида;

3) «AI Ethics and Cyber Governance» модулларини киритиш — раҳбар кадрларни тайёрлаш ва малакасини ошириш дастурларига;

4) «Рақамли трансформация ва AI-лойиҳалар офиси»ни ташкил этиш — ҳудудий бошқарувда инновацион ечимларни мувофиқлаштириш учун ҳар бир ҳокимликда.

РУСТАМБЕКОВ ИСЛАМБЕК РУСТАМБЕКОВИЧ
Тошкент давлат юридик университети
ўқув ишлари бўйича проректор,
юридик фанлар доктори, профессор

ЮРИДИК ФАН ВА ТАЪЛИМДАГИ ИННОВАЦИЯЛАР: КИБЕРҲУҚУҚ, РАҚАМЛИ КРИМИНАЛИСТИКА ВА СУНЪИЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Аннотация: *Мақолада рақамли давр ҳуқуқшунослигининг ўзаро боғлиқ уч йўналиши — киберҳуқуқ, рақамли криминалистика ва сунъий интеллект — таҳлил қилинган. Тошкент давлат юридик университети тажрибаси мисолида ушбу йўналишлардаги институционал ислоҳотлар, янги таълим ва илмий дастурлар ҳамда соҳани ривожлантириш йўлидаги муаммо ва истиқболлар ёритилган.*

Калит сўзлар: *киберҳуқуқ, рақамли ҳуқуқ, рақамли криминалистика, электрон далил, сунъий интеллект, LegalTech, юридик таълим, рақамли трансформация.*

Рақамли давр ҳуқуқшунослигида киберҳуқуқ, рақамли криминалистика ва сунъий интеллект алоҳида соҳалар эмас, балки бир-бирини тўлдирувчи ўзаро боғлиқ таркибий қисмлардир. Ушбу йўналишларни ривожлантиришда Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2025 йил 26 ноябрдаги ПФ-232-сон Фармони муҳим аҳамиятга эга бўлиб, унда юридик таълимни амалиёт билан узвий боғлаш, клиник ва дуал таълимни ривожлантириш, таълим — тадқиқот — амалиёт интеграциясини кучайтириш, сунъий интеллект технологияларини ўқув жараёнига жорий этиш ҳамда Тошкент давлат юридик университетида «Рақамли ҳуқуқ» халқаро таълим йўналишини ташкил этиш вазифалари белгиланган.

Киберҳуқуқ. Электрон ҳукумат, электрон шартномалар, финтех хизматлари, шахсий маълумотлар, ижтимоий тармоқлар, блокчейн, смарт-контрактлар ва трансчегаравий интернет муносабатлари замонавий ҳуқуқий тартибга солишни талаб этади. Бу шароитда ҳуқуқшунос нафақат қонун матнини билиши, балки рақамли муҳитни тушуниши, киберхавфларни ҳуқуқий баҳолаши ва электрон одил судлов жараёнларида ишлашга тайёр бўлиши лозим. Тошкент давлат юридик университетида Киберҳуқуқ кафедраси фаолият юритиб, «Кибер ҳуқуқ», «Кибержиноят ҳуқуқи», «Электрон ҳукумат», «Электрон одил судлов», «FinTech ва ҳуқуқ», «LegalTech», «Сунъий интеллект, робототехника ва ҳуқуқ» каби фанларни ўқитмоқда. Бу орқали киберҳуқуқ тор техник соҳа эмас, балки замонавий ҳуқуқий тафаккурнинг ажралмас қисми сифатида шакллантирилмоқда.

Йўналишдаги муҳим қадам — «Рақамли ҳуқуқ» мустақил бакалавриат таълим йўналишининг жорий этилишидир. У Олий таълим, фан ва инновациялар вазирининг 2026 йил 2 мартдаги буйруғи билан таълим йўналишлари классификаторига киритилди (код — 60421500), 2026/2027 ўқув йилидан эса таълим тўлиқ инглиз тилида олиб борилиши режалаштирилган. Дастурда фундаментал юридик фанлар билан бирга сунъий интеллект ҳуқуқи, шахсий маълумотларни ҳимоя қилиш, киберхавфсизлик ҳуқуқи, блокчейн ва смарт-контрактлар, рақамли далиллар ҳамда автоматлаштирилган қарор қабул қилиш тизимларининг ҳуқуқий жиҳатлари ўқитилади. Қабул имтиҳонларида IQ-тест тизимини жорий этиш бўйича Pearson, Schuhfried GmbH ва PsyTech каби халқаро ташкилотлар билан музокаралар олиб борилиб, синов тестлари ўтказила бошланди.

Институционал жиҳатдан Олий аттестация комиссиясининг 2025 йил 28 ноябрдаги қарори билан илмий ихтисосликлар рўйхатига 12.00.18 — «Рақамли ҳуқуқ» ихтисослиги киритилди, 2025 йил 5 декабрдаги қарор билан эса Тошкент давлат юридик университети ҳузурида ушбу ихтисослик бўйича PhD ва DSc даражаларини берувчи

илмий кенгаш ташкил этилди. Бу рақамли ҳуқуқни мустақил илмий тадқиқот соҳаси сифатида эътироф этиб, миллий илмий мактабни шакллантириш учун асос яратади.

Рақамли криминалистика. Замонавий шароитда жиноят излари нафақат воқеа жойида, балки телефон, компьютер, сервер, мессенжер, электрон почта, булутли хотира ва рақамли тўлов платформаларида ҳам қолади. Шу боис электрон далилни аниқлаш, сақлаш, унинг яхлитлигини таъминлаш ва судда баҳолаш масалалари терговчи, прокурор, адвокат, судья ва эксперт учун зарур билим соҳасига айланмоқда. Рақамли криминалистика жиноятни фош этиш билан бирга инсон ҳуқуқлари ҳимояси билан ҳам бевосита боғлиқ, чунки процессуал қоидаларга риоя қилинмаса, шахсий маълумотлар дахлсизлиги ва адолатли суд муҳокамаси хавф остида қолиши мумкин.

Бу борада 2026 йил 18 март куни Адлия вазирлиги ҳузуридаги Х. Сулаймонова номидаги Республика суд экспертиза марказида Рақамли суд экспертиза ва тадқиқот маркази очилди. Марказ Тошкент давлат юридик университети, Ҳиндистон Миллий криминалистика фанлари университети ва «AXXONET» компанияси ҳамкорлигида фаолият юритиб, суд экспертизаси ва киберхавфсизлик соҳаларида илғор рақамли технологиялар ва сунъий интеллект асосидаги ечимларни жорий этишга, шунингдек талабалар учун амалий тайёргарлик базасини яратишга қаратилган. Амалий ҳамкорлик доирасида 2026 йил май ойида Университет билан Киберхавфсизлик маркази ҳамда «Ўзбектелеком» АЖ ўртасида талабалар амалиёти, қўшма лойиҳалар ва тренингларни назарда тутувчи меморандумлар имзоланди.

Сунъий интеллект. Сунъий интеллект ҳуқуқшуносни алмаштирмайди, лекин унинг иш усулини ўзгартиради: ҳуқуқий ҳужжатларни таҳлил қилиш, шартномаларни текшириш, суд амалиётини ўрганиш, ҳуқуқий маълумотларни излаш ва таълим жараёнида билимни баҳолашда катта имкониятлар яратади. Айни пайтда унинг марказида инсон, жамият ва ахлоқий масъулият туриши

лозим — шу боис ундан адолатли, хавфсиз ва масъулиятли фойдаланиш масаласи долзарбдир. ПФ-232-сон Фармонга мувофиқ 2026/2027 ўқув йилидан бошлаб таълим жараёнларига сунъий интеллект жорий этилиб, оралиқ ва якуний назоратни баҳолаш, талабага кўмакчи сифатида тьюторлик ва дарс сифатини баҳолаш кўзда тутилган. Бунда асосий мақсад — таълим сифатини ошириш, баҳолашда инсон омилини камайтириш ва таълим жараёнини индивидуаллаштиришдир.

Халқаро ҳамкорлик доирасида Адлия вазирлиги, KOICA ва Тошкент давлат юридик университети ўртасида «Ўзбекистонда сунъий интеллектга асосланган ҳуқуқий хизматлар муҳитини яратиш» лойиҳаси амалга оширилмоқда; 2026–2030 йилларга мўлжалланган ушбу лойиҳада KOICA грантининг миқдори 14,5 миллион АҚШ долларини ташкил этади. Лойиҳа доирасида ягона сунъий интеллектга асосланган ҳуқуқий хизматлар порталини яратиш, Legal Clinic фаолиятини AI асосида қўллаб-қувватлаш ва халқаро ҳуқуқий маълумотлар базаларига уланиш режалаштирилган.

Амалий йўналишлардан бири — LegalTech ва стартап экотизимидир. Университетда 2020 йил августдан фаолият юритиб келаётган LegalTech лабораторияси юридик хизматлар ва таълимни рақамлаштиришга қаратилган бир қатор платформаларни («Huquqiy shahar», «AdLex.uz», «Library.TSUL.uz», «Justy.uz» ва бошқалар) ишлаб чиқди. 2026 йилда стартаплар билан ишлаш тизимли босқичга кўтарилиб, инкубация дастурига 13 та лойиҳа қабул қилинди ва улардан 10 таси («Nishan», «Oxforder AI», «Norma Check», «Yurist AI» ва бошқалар) акселерация дастурига ўтказилди; ҳар бир жамоага ментор ва трекерлар бириктирилиб, бизнес модели, ҳуқуқий хавфлари ва бозорга чиқиш стратегияси бўйича индивидуал иш олиб борилмоқда.

Муаммо ва истиқболлар. Соҳанинг барқарор ривожланиши учун бир қатор илмий-амалий муаммоларни ҳал этиш зарур.

Биринчиси — рақамли ҳуқуқий муносабатларнинг ягона илмий-доктринал асоси, ягона терминология ва намунавий ўқув стандартларини ишлаб чиқиш. Иккинчиси — электрон далиллар бўйича процессуал кафолатлар ва техник стандартларни уйғунлаштириш, жумладан «chain of custody» механизми ҳамда судья, прокурор, адвокат ва терговчилар учун малака ошириш дастурларини жорий этиш. Учинчиси — сунъий интеллектдан ҳуқуқ соҳасида фойдаланишнинг этик ва ҳуқуқий чегараларини, алгоритм шаффофлиги, масъулият ва инсон назоратини белгилаш. Тўртинчиси — ҳуқуқшунос ва технолог ўртасидаги билимлар узилишини бартараф этувчи интердисциплинар таълимни ривожлантириш. Бешинчиси — ҳуқуқий инновацияларни амалиётга жорий этиш механизмларини, пилот лойиҳалар ва ҳуқуқий эксперимент режимларини кучайтириш.

Хулоса қилиб айтганда, рақамли даврда асосий вазифа технологиядан ҳайратланиш эмас, балки уни ҳуқуқий тафаккур, илмий масъулият ва адолат мезонлари асосида бошқаришдир. Киберҳуқуқ рақамли муносабатларни ҳуқуқий тартибга солиши, рақамли криминалистика электрон далиллар орқали адолат ва инсон ҳуқуқларини таъминлаши, сунъий интеллект эса юридик таълим, тадқиқот ва ҳуқуқий хизматларни инсон манфаатига хизмат қилдириши лозим.

ТУРСУНБЕКОВ ХУДАЙБЕРДИ
Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси
Коррупцияга қарши курашиш
илмий-таълим маркази бошлиғи

КОРРУПЦИЯГА ҚАРШИ КУРАШИШ ВИРТУАЛ АКАДЕМИЯСИ: СУНЪИЙ ИНТЕЛЛЕКТ ВА РАҚАМЛИ ТАЪЛИМ ЭКОТИЗИМИ

Аннотация: *Мақолада коррупцияга қарши курашиш соҳасида аҳоли ва давлат хизматчиларининг билимларини узлуксиз ошириш мақсадида ташкил этилаётган Коррупцияга қарши курашиш виртуал академияси — сунъий интеллект ва рақамли таълим экотизими таҳлил қилинган. Унинг ҳуқуқий асослари, долзарблиги, ўқув дастурлари, контингенти ҳамда илмий-тадқиқот фаолияти ёритилган.*

Калит сўзлар: *коррупцияга қарши курашиш, виртуал академия, рақамли таълим, сунъий интеллект, ҳуқуқий маърифат, малака ошириш, электрон платформа.*

Коррупцияга қарши курашишда ҳуқуқий маърифат ва таълим муҳим ўрин тутади. Бирлашган Миллатлар Ташкилотининг Коррупцияга қарши конвенцияси бу борада аниқ талаблар белгилайди: 6-модда тегишли билимларни кенгайтириш ва тарқатиш орқали коррупциянинг олдини олишни; 7-модда давлат хизматчилари учун маърифий ва ўқув дастурларини амалга оширишни; 13-модда эса аҳоли учун ахборотга эга бўлиш имкониятларини таъминлаш ҳамда мактаб ва университетларда оммавий таълим дастурларини жорий этишни назарда тутади. Шу асосда коррупцияга қарши сиёсатнинг асосий йўналишлари — аҳолининг ҳуқуқий онги ва маданиятини юксалтириш ва жамиятда коррупцияга нисбатан муросасиз муносабатни шакллантириш, ҳуқуқбузарликларни ўз вақтида аниқлаш ва жавобгарлик муқаррарлигини таъминлаш, шунингдек давлат ва

жамият ҳаётининг барча соҳаларида коррупциянинг олдини олиш — белгиланган.

Миллий ҳуқуқий асос. Соҳани тартибга солувчи асосий ҳужжатлар сирасига Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2020 йил 29 июндаги ПФ-6013-сон «Ўзбекистон Республикасида коррупцияга қарши курашиш тизимини такомиллаштириш бўйича қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида», 2022 йил 28 январдаги ПФ-60-сон «2022—2026 йилларга мўлжалланган Янги Ўзбекистоннинг тараққиёт стратегияси тўғрисида» ҳамда 2022 йил 11 майдаги ПҚ-240-сон «Давлат бошқаруви соҳасида коррупциявий хавф-хатарларни бартараф этиш механизмларини такомиллаштириш ва ушбу соҳада жамоатчилик иштирокини кенгайтириш чора-тадбирлари тўғрисида»ги ҳужжатлари киради. Бевосита виртуал академияни ташкил этиш эса 2024 йил 21 июндаги ПҚ-228-сон «Аҳоли ва давлат хизматчиларининг коррупцияга қарши курашиш соҳасидаги билимларини узлуксиз ошириш тизимини жорий қилиш чора-тадбирлари тўғрисида»ги қарор билан белгиланган.

Қарорнинг долзарблиги. Виртуал академияни ташкил этиш зарурати уч асосий муаммо билан изоҳланади: аҳоли ва давлат хизматчиларининг коррупцияга қарши курашиш соҳасидаги билимларини узлуксиз ошириб бориш тизими мавжуд эмаслиги; коррупцияга қарши ички назорат тузилмалари ходимларининг малака ошириш тизими йўлга қўйилмаганлиги; ҳамда соҳа бўйича миллий ва халқаро асослар, хорижий тажриба ва илмий-амалий ишланмаларни жамловчи электрон маълумотлар базаси шаклланмаганлиги.

Виртуал академия платформаси. Ушбу муаммоларни ҳал этиш мақсадида коррупцияга қарши курашишнинг рақамли таълим экотизими — электрон платформа ва мобиль илова 2025 йил 1 январдан ишга туширилди. Платформа сунъий интеллект имкониятларидан фойдаланган ҳолда турли тоифадаги

фойдаланувчиларга мослашган узлуксиз таълим ва ягона ахборот маконини таъминлашга хизмат қилади.

Виртуал академия контингенти. Платформанинг фойдаланувчилари кенг қамровли бўлиб, уларга аҳоли, давлат хизматчилари, давлат корхоналари ходимлари, тадбиркорлар, нодавлат нотижорат ташкилотлари ва фуқаролик жамияти институтлари, олий таълим муассасалари талабалари, мактаб ўқувчилари ҳамда боғча тарбияланувчилари киради. Бу эса коррупцияга қарши ҳуқуқий маърифатни жамиятнинг барча қатламларига етказиш имконини беради.

Ўқув дастурлари. Академияда ўқув дастурлари уч турда ташкил этилган. Базавий дастур барча фойдаланувчилар учун бепул асосда тақдим этилади. Махсус дастур асосан давлат хизматчилари ва истовчилар учун мўлжалланган бўлиб, тўлов-шартнома асосида амалга оширилади ва якунида сертификат берилади. Махсус чуқурлаштирилган дастур эса соҳа мутахассислари учун чуқурлаштирилган тайёргарликни назарда тутади.

Ўқиш даврийлиги. Базавий дастурдан исталган вақтда фойдаланиш мумкин. Махсус ва махсус чуқурлаштирилган дастурлар давлат хизматчилари учун мажбурий бўлиб, улар ишга қабул қилинганидан сўнг уч ой ичида ва кейинчалик ҳар уч йилда камида бир марта ўқишлари белгиланган; бошқа фойдаланувчилар учун эса бундай таълим ихтиёрийлик асосида амалга оширилади.

Коррупцияга қарши илмий тадқиқотлар. Экотизим илмий-тадқиқот фаолиятини ҳам қамраб олади. Бунда Агентлик коррупцияга қарши курашиш соҳасидаги тавсиявий йиллик илмий-тадқиқот мавзуларини шакллантиради; барча олий таълим ва илмий-тадқиқот ташкилотлари тадқиқот натижаларини Агентликка тақдим этади; Академия эришилган ютуқлар, миллий ва хорижий тажриба ҳамда илмий, услубий ва амалий ишланмалар бўйича электрон маълумотлар базасини юритади; Агентлик ва Академия эса илмий тадқиқотларни

мақсадли ва сифатли амалга ошириш ҳамда натижаларини оммалаштириш юзасидан Миллий кенгашга таклифлар киритади.

Хулоса қилиб айтганда, Коррупцияга қарши курашиш виртуал академияси сунъий интеллект ва рақамли таълим имкониятларини бирлаштирган ҳолда аҳоли ва давлат хизматчиларининг билимларини узлуксиз ошириш, коррупцияга нисбатан муросасиз муносабатни шакллантириш ҳамда соҳада ягона илмий-ахборот маконини яратишга хизмат қилади. Бундай экотизим коррупциянинг олдини олишнинг профилактик ва маърифий йўналишини мустаҳкамлайди.

УЗАКОВ УЧКУН ХАМИДОВИЧ
Заместитель директора
Республиканского центра
судебной экспертизы им.
Х.Сулаймановой при Министерстве
юстиции Республики Узбекистан

ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА «Е-ЭКСПЕРТИЗА» В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация: *Мазкур мақолада Ўзбекистонда суд-эксперт фаолиятини рақамлаштириш, хусусан "E-ekspertiza" электрон ахборот тизимини жорий этишнинг ҳуқуқий, ташкилий ва амалий жиҳатлари таҳлил қилинади. Тадқиқотда электрон ҳужжат айланиши орқали экспертиза тайинлаш, ҳужжатларни юбориш, хулосаларни расмийлаштириш ва идоралараро алмашинувни тезлаштириш имкониятлари кўриб чиқилди. Шунингдек, тизимнинг иш самарадорлигини ошириш, харажатларни қисқартириш ва коррупцион хавфларни камайтиришдаги ўрни баҳоланди. Натижалар электрон интеграция суд-эксперт жараёнларини соддалаштириб, процессуал муддатларни қисқартиришини кўрсатади.*

Аннотация: *В статье рассматриваются правовые, организационные и практические аспекты цифровизации судебно-экспертной деятельности в Узбекистане, в частности внедрение электронной информационной системы «Е-экспертиза». Анализируется роль электронного документооборота в ускорении назначения экспертиз, передачи документов, оформления заключений и межведомственного обмена информацией. Отдельное внимание уделено влиянию системы на повышение эффективности работы, сокращение расходов и снижение коррупционных рисков. Установлено, что электронная интеграция способствует упрощению экспертных процедур и сокращению процессуальных сроков.*

Abstract: *This article analyzes the legal, organizational, and practical aspects of digitalizing forensic expert activities in Uzbekistan, with particular attention to the introduction of the "E-ekspertiza" electronic information system. The study examines*

how electronic document exchange can accelerate expert appointment, document transfer, preparation of reports, and interagency communication. It also evaluates the system's contribution to improving efficiency, reducing costs, and minimizing corruption risks. The findings indicate that electronic integration simplifies forensic procedures and shortens procedural timelines.

Kalit so'zlar: *sud-ekspertiza, raqamlashtirish, elektron hujjat aylanishi, E-ekspertiza, idoralararo integratsiya, protsessual muddatlar.*

Ключевые словы: *судебная экспертиза, цифровизация, электронный документооборот, Е-экспертиза, межведомственная интеграция, процессуальные сроки.*

Keywords: *forensic expertise, digitalization, electronic document exchange, E-ekspertiza, interagency integration, procedural deadlines.*

Введение. В нашей республике в последние годы проводятся полномасштабные реформы в области судебной экспертизы. Примером этому могут служить Указы и Постановления Президента, а также постановления Правительства, направленные на дальнейшее развитие данной сферы[1].

Среди значимых достижений осуществляемых реформ необходимо отметить создание института негосударственной судебной экспертизы, которая будет способствовать расширению возможностей по удовлетворению потребностей правоохранительных органов и судов в квалифицированных судебно-экспертных заключениях, созданию здоровой конкуренции в данной сфере, снижению нагрузки государственных судебно-экспертных учреждений[2].

---

[1] Указ Президента Республики Узбекистан, от 05.07.2021 г. № УП-6256 «О мерах по совершенствованию судебно-экспертной системы в Республике Узбекистан».
Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан, от 18.12.2024 г. № 849. «О дальнейшем совершенствовании деятельности Республиканского центра судебной экспертизы имени Х. Сулеймановой при Министерстве юстиции Республики Узбекистан».
Постановление Президента Республики Узбекистан от 8 сентября 2025 года № ПП-270 «О мерах по дальнейшему совершенствованию судебно-экспертной деятельности и широкому внедрению в сферу современных технологий».

[2] Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан, от 20.02.2026 г. № 73 «Об утверждении некоторых нормативно-правовых актов, регулирующих негосударственную судебно-экспертную сферу».

Кроме того, ещё одним важным моментом является дача разрешения на инициирование проведения судебных экспертиз в государственные и негосударственные судебно-экспертные организации со стороны адвокатов на основе договора по гражданским, экономическим делам и делам административного судопроизводства[1]. Это создаёт условия для обеспечения принципа состязательности сторон в судопроизводстве, способствуют обеспечению правосудия и создаёт условия для получения адвокатами по поручению доверителей экспертных заключений, которые в дальнейшем будут представлены в суд для дачи им оценки и приобщении к делу в виде доказательства. И в конечном итоге это способствует обеспечению со стороны адвокатов всесторонней защиты законных прав и интересов граждан.

Таким образом, в условиях роста потребности в экспертных заключениях по различным направлениям судебной экспертизы, важным является вопрос обеспечения их выполнения в установленные законодательством сроки, устранения волокиты и необоснованных задержек, что в свою очередь является причиной недовольства правоохранительных органов, а также сторон по делу.

Материалы и методы. Бурное развитие в последние годы информационно-коммуникационных технологий, способствовало глубокой трансформации многих сфер деятельности. Поэтому и сфера судебной экспертизы не могла остаться в стороне от этих процессов. В первую очередь это было обусловлено большим массивом экспертиз, которые выполняются судебно-экспертными учреждениями республики, что требовало ведение их электронного учета. Кроме того, нередки были случаи затягивания сроков производства, связанные с обменом информацией между органами, назначившими экспертизу и

[1] Указ Президента Республики Узбекистан, от 05.07.2021 г. № УП-6256 «О мерах по совершенствованию судебно-экспертной системы в Республике Узбекистан».

судебно-экспертными организациями, в связи с тем, что отправка определений и постановлений, а также экспертных ходатайств и заключений по почте, занимало достаточно много времени. Кроме того, подготовка статистической информации вручную было достаточно трудоёмким и нередко приводило к допущению ошибок.

Наличие такого рода проблем обусловило острую необходимость в создании и внедрении в судебно-экспертную сферу системы электронного документооборота. Первая такого рода система в республике среди экспертных учреждений была разработана 2020 году Республиканским центров судебной экспертиза имени Хадичи Сулаймановой при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. Данная система позволила вести электронный учет судебно-экспертных заключений и мнений специалистов, а также другой информации необходимой для ведения отчетности в электронном виде. Однако, в связи с тем, что не все правоохранительные органы имели возможность интегрирования с нашей системой в связи с отсутствие собственной электронной программы либо по иным техническим причинам, полное обеспечение электронного документооборота было невозможно.

Данный вопрос неоднократно обсуждался с правоохранительными органами и другими судебно-экспертными организациями, однако только в прошлом годы наконец удалось реализовать задачу по всеобщему охвату заинтересованных сторон в реализации данного проекта. Важным поворотным пунктом стало Постановление Президента Республики от 8 сентября 2025 года “О мерах по дальнейшему совершенствовании судебно-экспертной деятельности и широкому внедрению в сферу современных технологий»[1].

[1] Постановление Президента Республики Узбекистан от 8 сентября 2025 года № ПП-270 «О мерах по дальнейшему совершенствованию судебно-экспертной деятельности и широкому внедрению в сферу современных технологий».

Результаты и обсуждение. В данном постановлении указывается о внедрении в деятельность судебно-экспертных организаций электронно-информационная система «Е-экспертиза», предназначенной для осуществления электронного документооборота с судами, органами, уполномоченными по рассмотрению дель связанных с доследственной проверкой, дознанием, предварительным следствием и административными правонарушениями. А также, посредством интеграции электронно-информационной системы «Е-экспертиза» с информационными системами органов, назначающих экспертизы, вести электронный документооборот между органами, назначающими экспертизы и судебно-экспертными организациями.

Кроме того, данным постановлением были установлены конкретные сроки осуществления интегрирования правоохранительных органов и судебно-экспертных организаций посредством вновь созданной электронной системой «Е-экспертиза»[1].

Так в постановлении указывается о необходимости осуществления интеграции платформы “Е-экспертиза” с информационными системами органов, назначающих экспертизы и налаживания взаимного электронного документооборота в следующей последовательности:

- с 1 января 2026 года в назначающих экспертизу органах республиканского уровня;

- с 1 июня 2026 года в назначающих экспертизу органах Республики Каракалпакстан, областей и города Ташкента;

- с 1 сентября 2026 года в назначающих экспертизу органах районного и городского уровня.

[1] Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан, от 20.02.2026 г. № 74 «Об утверждении Положения о порядке организации обмена документами через электронные информационные системы при проведении судебной экспертизы».

Согласно постановлению президента с 1 января нынешнего года начато осуществление интеграции между платформой “E-экспертиза” судебно-экспертных организаций и электронными системами правоохранительных органов, а также судов республиканского уровня, в том числе с Верховным судом, Генеральной прокуратурой, Министерство внутренних дел и Таможенным комитетом при Министерстве финансов и экономики Республики Узбекистан. Каждый из вышеизложенных правоохранительных органов имеют свою программу электронного документооборота, посредством которой осуществляется интеграции с электронной системой «E-экспертиза».

Например, Верховный суд имеет две электронный системы. Первая система «E – ХСУД», посредством которой осуществляется интеграция по уголовным делам и делам по административной ответственности. Вторая система «Адолат», при помощи которой осуществляется интеграция по остальным видам дел, в том числе гражданским, экономическим и административным.

Органы Министерства внутренних дел по делам об административных правонарушениях интегрируются посредством электронной системы «E-мамурий иш» (E-административное дело).

Все органы предварительного следствия и дознания, а также органы, осуществляющие доследственную проверку, независимо от ведомственной принадлежности, интегрируются посредством электронных систем «Электрон суриштирув ва дастлабки тергов» («Электронное дознание и предварительное следствие»), а также «E–материал», которые функционируют при Генеральной прокуратуре Республики Узбекистан.

Таможенная служба интегрируется посредством электронной системы «Божхона қонунбузарликлари» («Таможенные правонарушения»).

В настоящее время электронная система «E-экспертиза» кроме нашего Центра внедрена в 8-ми судебно-экспертных учреждениях.

Таких как, Главный экспертно-криминалистический центр МВД Республики Узбекистан, Республиканский научно-практический центр судебной медицины при Министерстве здравоохранения Республики Узбекистан, Центральная таможенная лаборатория Таможенного комитета Республики Узбекистан, Центр судебно-медицинской экспертизы Вооруженных сил, Научно-исследовательский институт цифровой криминалистики при Правоохранительной академии при Генеральной прокуратуре Республики Узбекистан и других.

Наряду с сокращением сроков по предоставлению экспертных заключений судебно-экспертными организациями правоохранительным органам и судам, имеется ещё и возможность создания условий по сокращению расходов, связанных с производством экспертиз. К таким расходам можно отнести расходы связанные с расходованием бумаги, использованием оргтехники (сканеров и принтеров), а также почтовыми расходами.

Проведенный анализ деятельности нашего Центра показал, что за год Центром и его региональными отделениями было выполнено более 40 тысяч экспертиз. Было осуществлено с правоохранительными органами более 500 тысяч обменов информацией в бумажном виде.

В общей сложности расходы Центра составили около 566 млн. сум. В том числе на почтовые расходы потрачено 488 млн. сум, на бумагу 56 млн. сум, а также на распечатку около 25 млн. сум.

С учетом вышеизложенного, а также с учетом почтовых и командировочных расходов назначающими экспертизы органами и судебно-экспертными организациями в общей сложности было израсходовано на эти цели около 8-9 млрд. сум.

Таким образом, какие же позитивные изменения ожидаются после полного интегрирования электронных систем правоохранительных органов с электронной системой «E экспертиза».

Во-первых, сокращение времени производства экспертиз в 1.5 раз;

Во-вторых, сокращение почтовых расходов в 2 раза;

В-третьих, профилактика коррупционных проявлений между правоохранительными органами и судебными экспертами ;

В-четвертых, предотвращение излишней волокиты и расхода бумаги;

В-пятых, создаётся возможность электронного контроля за исполнением судебных экспертиз и автоматизация составления самих экспертиз, а также статистической отчетности.

И в шестых, все это будет в итоге способствовать более быстрому рассмотрению дел, а также раскрытию преступлений.

В настоящее время осуществлено поэтапное интегрирование платформы “Е-экспертиза” с информационными системами органов, назначающих экспертизы.

На первом этапе осуществлена интеграция с электронными системами Верховного суда Республики Узбекистан. На втором этапе осуществлена интеграция с электронными системами Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан, и на последнем этапе с электронной системой «Е-адвокат» Министерства юстиции Республики Узбекистан.

Интеграции электронных систем, состоит из следующих основных модулей:

1. Электронное получение определения или постановления;
2. Отправление экспертного ходатайства, органу, назначившему экспертизу;
3. Удовлетворение ходатайства эксперта органом, назначившим экспертизу посредством отправления соответствующего письма;
4. Отправление органу, назначившему экспертизу, экспертного заключения в электронном виде;
5. Получение документов о вызове экспертов на допрос;
6. Обеспечение участия эксперта в судебном заседании в онлайн режиме.

В завершении хочу сказать о результатах, которые будут достигнуты вследствии полного внедрения платформы “Е-экспертиза” в деятельность судебно-экспертных организаций:

1. Документы, необходимые для производства судебной экспертизы из судов, органов дознания и следствия могут предоставляться в электронном виде с заверенные электронной подписью без излишней волокиты;

2. Ходатайства экспертов о предоставлении дополнительных материалов, направляемые судебными экспертами в органы, назначившие экспертизы, будут отправляться в электронном виде. При этом ответы на ходатайства также будут отправляться в электронном виде. Это в свою очередь приведет к сокращению сроков удовлетворения ходатайств и составления экспертного заключения ;

3. Отправление судебных экспертиз органам, назначившим экспертизу будет осуществляться в электронном виде.

4. Участие экспертов в судебных заседаниях и в процессе следствия будет организовано посредством видеоконференцсвязи. В результате чего удастся избежать потери времени и излишнюю волокиту;

5. Будет создана возможность для юридических и физических лиц, в том числе и для адвокатов, направления электронных обращений в государственные и негосударственные судебно- экспертные организации для получения мнений специалистов, а также экспертных заключений;

6. Будет сформирован электронные реестр государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций, видов экспертиз и других необходимых сведений, необходимых для судов и правоохранительных органов, адвокатов, юридических и физических лиц;

7. Заключения судебных экспертов будут автоматически регистрироваться в информационной системе «Е-экспертиза» и отправляться в суды, органы дознания и следствия в электронном виде;

8. Будет предотвращены случаи повторной регистраций одинаковых постановлений и определений по одному и тому же делу, что ранее создавало много неудобств.

Заключение. В заключении хочу подчеркнуть, что осуществление документооборота между назначающими экспертизу судами, правоохранительными органами, адвокатами и судебно-экспертными организациями будет способствовать ускорению процесса предоставления экспертных заключений, сокращению расходов, связанных с документооборотом, а также позволит вести учёт экспертных заключений и обеспечить их точность, а также позволит составлять отчёты по статистике в короткие сроки.

ХАЛИЛОВ АКРАМ УТАМУРОДОВИЧ
Ўзбекистон Республикаси
Адлия вазирлиги бошқарма бошлиғи
ҳузуридаги, ю.ф.ф.д.

СУД ЭКСПЕРТИЗАСИ ТИЗИМИНИ РАҚАМЛАШТИРИШ ВА ЮҚОРИ ТЕХНОЛОГИЯЛАР АСОСИДА РИВОЖЛАНТИРИШНИНГ ОДИЛ СУДЛОВНИ ТАЪМИНЛАШДАГИ РОЛИ ВА АҲАМИЯТИ

Глобаллашув шароитида жиноятчилик анъанавий чегараларни кесиб ўтмоқда: кибержиноятлар, рақамли фирибгарлик, крипто-активлар билан боғлиқ ноқонуний операциялар, сунъий интеллект орқали содир этилаётган ҳуқуқбузарликлар ҳамда рақамли далиллар ҳажмининг кескин ортиши суд-ҳуқуқ тизими олдига мутлақо янги вазифаларни қўймоқда. Шу нуқтаи назардан суд экспертизаси тизимини рақамлаштириш, замонавий технологияларни кенг жорий этиш ва халқаро стандартлар асосида ривожлантириш одил судловни таъминлашнинг муҳим шартига айланмоқда. Ўзбекистон Республикаси Конституциясининг янги таҳрирдаги 28-моддасига кўра, шахснинг ўз айбини тан олганлиги унга қарши ягона далил бўлса, у айбдор деб топилиши мумкин эмас; бу эса суд экспертиза ташкилотларининг далил базасини шакллантириш ҳамда фуқароларнинг ҳуқуқларини ҳимоя қилишдаги ролини ва масъулиятини янада оширади.

Сўнгги йилларда мамлакатимизда соҳани тубдан модернизация қилиш бўйича кенг кўламли ислоҳотлар амалга оширилмоқда. Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2025 йил 8 сентябрдаги ПҚ-270-сон қарори суд-экспертлик фаолиятини тўлиқ рақамлаштириш, соҳага «Е-экспертиза» электрон ахборот тизимини

жорий этиш, сунъий интеллект технологияларидан кенг фойдаланиш, электрон ҳужжат алмашинувини 100 фоизга етказиш, янги экспертиза турларини яратиш ва лабораторияларни халқаро стандартлар асосида аккредитациядан ўтказиш каби вазифаларни белгилаб берди. Қарор билан видео ва рақамли фотосуратларда монтаж белгиларини аниқлаш, электрон рақамли имзолар ҳақиқийлигини текшириш, крипто-активларнинг миқдори ва турларини аниқлаш, сунъий интеллект орқали содир этилган ҳуқуқбузарликларни аниқлаш каби янги экспертиза турлари жорий этилди.

Мамлакатимизда илк бор адвокат сўрови билан иқтисодий, фуқаролик ва маъмурий иш юритишда экспертиза ўтказиш ташаббуси ҳуқуқи берилиб, бу судда тарафларнинг тортишув институтини тўлақонли таъминлашга хизмат қилмоқда; шартнома асосида ўтказилиши мумкин бўлган 51 турдаги суд экспертизаси рўйхати тасдиқланди. Сўнгги 6 йил давомида 24 та янги экспертиза тури яратилиб амалиётга жорий этилди; натижада Марказда амалга ошириладиган экспертиза турлари 44 тадан 68 тага ошди, мутахассислик йўналишлари эса 119 тага етди. Марказ лабораториялари ISO/IEC 17025 халқаро стандарти асосида аккредитациядан ўтказилиб, бу эксперт хулосаларининг халқаро миқёсда тан олинишини таъминлайди. Соҳадаги илмий тадқиқотларни оммалаштириш мақсадида «Ўзбекистон суд экспертизаси» ихтисослаштирилган илмий журнали нашр этиб келинмоқда.

Марказда суд экспертизаси самарадорлигини ошириш мақсадида замонавий рақамли технологиялар кенг қўлланилмоқда: 50 мингдан зиёд генотипни қамраб олган «DNA expert» маълумотлар базаси ва қариндошликни аниқловчи «DNA Helper» дастури, NGS технологияси (жиноятчининг фенотипини ва ҳомиладорлик давридаёқ оталикни аниқлаш) ҳамда лаборатория жараёнларини бошқарувчи LIMS тизими жорий этилган. Сунъий интеллект асосида ҳақоратли мазмундаги ёзишмаларни таҳлил қилувчи «LingvistikaAI» тизими, баҳолаш

тадқиқотларини автоматлаштирувчи «Баҳолаш-АТ» тизими, йўл-транспорт ҳодисаларида ҳаракат тезлигини аниқловчи «ДТП Эксперт» ва «ЭЛВИН», қурилиш-техникавий экспертизасида «Автокад» ва «АВС» дастурий таъминотларидан фойдаланилмоқда. Сунъий интеллект алгоритмлари катта ҳажмдаги маълумотларни (Big Data), овозли ва видео маълумотларни таҳлил қилишни автоматлаштириш, шунингдек далилнинг нафақат мавжудлиги, балки ишончлилиги ва яхлитлигини ҳам аниқлаш имконини беради.

Марказ суд-экспертлик фаолияти соҳасида халқаро ҳамкорликни ривожлантиришга алоҳида эътибор қаратмоқда. У Осиё суд экспертиза тармоғи (АФСН) ҳамда Бутунжаҳон суд экспертизаси халқаро ассоциацияси (ИАФС) тўлақонли аъзоси ҳисобланади. АФСНнинг 2028 йилга мўлжалланган 20-ялпи йиғилишини Самарқанд шаҳридаги «Боқий шаҳар» мажмуасида ўтказиш бир овоздан тасдиқланди; 2026 йил 4 апрель куни Бокуда Туркий давлатлар ташкилотига аъзо давлатларнинг Туркий суд экспертиза тармоғи ташкил этилди.

INTERPOL маълумотларига кўра, 2025–2026 йилларда кибержиноятлар жаҳон миқёсида энг тез ўсиб бораётган трансмиллий таҳдидлардан бирига айланган бўлиб, айрим ҳудудларда улар умумий жиноятларнинг 30 фоизидан ортиғини ташкил этмоқда; 2025 йилда кибержиноятлар жаҳон иқтисодиётига етказган зарар айрим баҳолашларда 400 миллиард доллардан ошган. Рақамли далиллар бугунги кунда нафақат кибержиноятлар, балки деярли барча тоифадаги жиноят ишларини тергов қилишда муҳим исбот воситасига айланмоқда, бу эса уларни йиғиш, сақлаш, таҳлил қилиш ва суд жараёнларида қўллашнинг ҳуқуқий ҳамда процессуал механизмларини такомиллаштиришни тақозо этади.

Рақамли суд экспертизаси бир қатор афзалликларга эга: далилларни тез ва самарали таҳлил қилиш (аввал ҳафталар талаб қилган таҳлиллар соатлар ёки кунлар ичида бажарилади), ўчирилган файллар, чатлар ва тармоқ фаолиятини тиклаш, инсон омили сабабли

юзага келадиган хатоликларни камайтириш ва натижаларни қайта текшириш имконияти, шунингдек булут технологиялари ёрдамида масофадан ишлаш ва глобал интеграция. Айни вақтда соҳада муаммолар ҳам мавжуд: рақамли технологияларнинг шиддатли ривожланиши ва маълумотлар ҳажмининг ортиши воситалар ҳамда услубиётларни доимий янгилашни талаб этади; рақамли далиллар билан ишлаш ходимларнинг технологик кўникмаларига боғлиқ бўлиб, уларни нотўғри йиғиш ва сақлаш далилларнинг йўқолишига олиб келиши мумкин; аксарият давлатларда сунъий интеллект соҳаси ҳуқуқий жиҳатдан тартибга солинмаган.

Соҳани янада ривожлантириш юзасидан қуйидаги таклиф ва ташаббуслар илгари сурилади: рақамли далилларни йиғиш, сақлаш, таҳлил қилиш ва суд жараёнларида тақдим этишда халқаро ҳамкорлик асосида умумий техник стандартлар ва ягона методик талабларни ишлаб чиқиш; сунъий интеллект орқали содир этилаётган ҳуқуқбузарликлар, deepfake технологиялари, автоматлаштирилган қарор қабул қилиш тизимлари ва AI орқали шакллантирилган рақамли контент билан боғлиқ муносабатларни тартибга солувчи миллий қонунчиликни такомиллаштириш ҳамда жавобгарлик чораларини аниқ белгилаш; суд экспертлари, IT-мутахассислар ва ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар ўртасида доимий тажриба алмашиш платформаларини ташкил этиш, қўшма илмий тадқиқотлар ва малака ошириш дастурларини йўлга қўйиш; крипто-активлар, зарарли дастурлар ва киберҳужумлар орқали содир этилаётган жиноятларни аниқлашда қўлланиладиган экспертиза услубиётларини халқаро экспертлар иштирокида ишлаб чиқиш ва мунтазам янгилаб бориш.

ХАСАНОВ ШАВКАТБЕК ХАЙБАТУЛЛАЕВИЧ
Ўзбекистон Республикаси
Марказий сайлов комиссияси
ўқув маркази директори

КРИМИНАЛИСТИКА ВА СУД ЭКСПЕРТИЗАСИДА РАҚАМЛИ ТЕХНОЛОГИЯЛАР

Замонавий дунёда ахборот технологияларининг жадал ривожланиши жиноятчиликнинг янги шаклларини юзага келтириб, суд экспертизаси тизимини тубдан ислоҳ қилишни ҳамда анъанавий усуллардан рақамли усулларга ўтишни тақозо этмоқда. Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2025 йил 8 сентябрдаги ПҚ-270-сон қарори ушбу соҳада рақамли трансформацияни бошлаб берди. 2026 йилдан бошлаб суд-экспертлик фаолиятини тўлиқ рақамлаштириш мақсадида «E-ekspertiza» ягона ахборот тизими жорий этилди; у эксперт, терговчи ва суд ўртасидаги жараённи шаффофлаштириб, экспертиза тайинлашдан хулоса топширишгача бўлган барча босқичларни электрон шаклга ўтказади, бу эса вақтни тежайди ва ҳужжатларни сохталаштириш хавфини камайтиради.

Рақамли криминалистика (форензика) — жиноятларни тергов қилиш учун рақамли далилларни қидириш, йиғиш, таҳлил қилиш ва сақлаш билан шуғулланувчи амалий фан бўлиб, кибермаконда ёки электрон қурилмалар ёрдамида содир этилган жиноятлар хронологиясини тиклашга хизмат қилади. Унинг асосий вазифалари — далилларни йиғиш (қаттиқ дисклар, мобил қурилмалар, булутли хотира ва тармоқ трафигидан), ўчирилган файллар ва хабарларни тиклаш, тизимга бузиб киришни ва ҳужум усулларини аниқлаш ҳамда судда расмий далил бўлиб хизмат қиладиган эксперт хулосаларини шакллантиришдан иборат. Унинг асосий йўналишлари сифатида

компьютер-техник экспертизаси, мобил форензика, тармоқ криминалистикаси, булутли форензика, шунингдек дронлар ва буюмлар интернети (IoT) экспертизасини кўрсатиш мумкин.

Сунъий интеллектнинг криминалистикада қўлланиши жиноятларни очиш методикасини тубдан ўзгартирмоқда. 2024–2026 йиллардаги маълумотларга кўра, энг долзарб йўналишлар қуйидагилардир: ДНК асосида юз тузилишини тиклаш (2025 йилда хитойлик олимлар ишлаб чиққан Diffаce модели жиноят жойидаги ДНК намунаси асосида гумонланувчининг юқори аниқликдаги 3D тасвирини яратади); бармоқ излари ва биометрик белгиларни тезкор солиштириш ҳамда инсонни юриши орқали таниш; генератив сунъий интеллект ёрдамида яратилган сохта аудио ва видеоларни (deepfake) ҳақиқийсидан ажратиш; терабайтлаб рақамли излар орасидан керакли далилни сониялар ичида аниқлаш. Бундан ташқари, сунъий интеллект алгоритмлари статистик маълумотларни таҳлил қилиб, жиноят содир этилиш хавфи юқори бўлган ҳудуд ва вақтни олдиндан кўрсатиш орқали жиноятнинг олдини олишга кўмаклашади.

Ўзбекистонда бу йўналиш «Рақамли Ўзбекистон — 2030» стратегияси доирасида фаол ривожлантирилмоқда. Жумладан, Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси қошида Рақамли криминалистика илмий-услубий маркази ташкил этилиб, сунъий интеллект технологияларини тергов амалиётига жорий этиш бўйича тадқиқотлар олиб борилмоқда. Суд экспертизасида сунъий интеллект рақамли маълумотларни (Big Data, ижтимоий тармоқ матнлари, электрон хатлар, тизим логлари) таҳлил қилиш, суд-тиббий экспертизада синтетик наркотик ва кучли таъсир қилувчи моддаларни аниқлаш ҳамда қурбонлар шахсини биометрик белгилар орқали белгилаш, бармоқ излари, ДНК ва баллистик объектларни солиштиришни автоматлаштириш, шунингдек медиа-файлларнинг ҳақиқийлигини текшириш каби йўналишларда қўлланилмоқда.

Суд тизимида истиқболли йўналишлар сифатида «Рақамли суд» концепцияси доирасида 2025–2027 йилларда суд мажлиси баённомаларини реал вақтда матнга айлантириш ва суд ҳужжатлари лойиҳаларини автоматик шакллантириш режалаштирилган. Иқтисодий низоларда минглаб саҳифали бухгалтерия ҳужжатлари ва банк кўчирмаларини сониялар ичида таҳлил қилиб, шубҳали операцияларни аниқлаш имконияти юзага келмоқда.

Айни вақтда соҳани ривожлантириш бир қатор ҳуқуқий ва этик масалаларни ҳал этишни талаб қилади. Қонунчиликка кўра, инсон ҳуқуқларига дахлдор қарорларни қабул қилишда фақат сунъий интеллект хулосаларига таяниш мумкин эмас: якуний хулоса эксперт томонидан берилади ва у натижалар учун жавобгар бўлади. Далилларнинг судда тан олиниши учун уларнинг шаффофлиги ва «тушунтириб бериш мумкинлиги», шахсга доир маълумотларни қайта ишлашда эса қонунийлик ва махфийликни таъминлаш муҳим аҳамият касб этади.

Соҳадаги асосий муаммолар орасида ҳам ҳуқуқий, ҳам техник билимга эга мутахассисларни тайёрлаш тизимини кучайтириш зарурати, сунъий интеллект хулосаларининг ҳуқуқий мақомини аниқ белгилаш, тизим маълумотлари киберхавфсизлигини таъминлаш, шунингдек жиноятчилар томонидан сунъий интеллектдан ноқонуний мақсадларда (масалан, мураккаб молиявий фирибгарликлар учун) фойдаланиш ва сунъий интеллект хулосаларини изоҳлаш қийинлиги билан боғлиқ «қора қути» муаммоси кўрсатилади.

Хулоса қилиб айтганда, суд экспертизасида рақамли технологиялар ва сунъий интеллектнинг қўлланиши тергов сифатини янги босқичга кўтармоқда. Ўзбекистонда амалга оширилаётган «Рақамли экспертиза» ислоҳотлари соҳа шаффофлигини таъминлаш билан бирга одил судловнинг адолатли амалга оширилишига хизмат қилади; келажакда эксперт фаолияти тўлиқ автоматлаштирилган, юқори технологик жараёнга айланиши кутилмоқда.

ALLANOV ORIF MENGLIMURATOVICH
Muhammad al-Xorazmiy nomidagi
Toshkent axborot texnologiyalari
universitetining Kiberxavfsizlik va
raqamli kriminalistika kafedrasi boshlig‘i

RAQAMLI KRIMINALISTIKA SOHASIDA TA’LIM VA AMALIYOT INTEGRATSIYASI

Annotatsiya: *Mazkur tadqiqot ishida raqamli kriminalistika sohasida ta’lim va amaliyot integratsiyasining ilmiy-amaliy ahamiyati tahlil qilingan. Tadqiqot davomida dunyo miqyosidagi raqamli kriminalistika ta’limining rivojlanish tendensiyalari, zamonaviy amaliy o‘qitish yondashuvlari hamda O‘zbekistonda mazkur yo‘nalishning rivojlanish holati tahlil qilingan. Shuningdek, oliy ta’lim muassasalari va amaliy soha o‘rtasidagi integratsiyani kuchaytirishga qaratilgan model taklif etilgan.*

Kalit so‘zlar: *raqamli kriminalistika, kiberxavfsizlik, raqamli dalillar, amaliy ta’lim, cyber range, CTF, virtual laboratoriya, kiberjinoyat.*

Kirish. XXI asrda axborot-kommunikatsiya texnologiyalarining jadal rivojlanishi natijasida jamiyatning deyarli barcha sohalari raqamlashtirilmoqda. Davlat boshqaruvi, bank tizimlari, ta’lim, sog‘liqni saqlash, sanoat va transport kabi yo‘nalishlarda axborot texnologiyalaridan foydalanish ko‘lami ortib bormoqda. Biroq mazkur jarayon bilan bir qatorda kiberjinoyatlar soni va murakkabligi ham oshib bormoqda.

Bugungi kunda noqonuniy kirishlar, zararli dasturiy vositalar, fishing hujumlari, identifikatsiya ma’lumotlarini o‘g‘irlash, ma’lumotlarni noqonuniy modifikatsiya qilish va boshqa turdagi tahdidlar global muammolardan biri hisoblanadi. Bunday sharoitda sodir etilgan hodisalarning raqamli izlarini aniqlash va ekspertiza qilish masalasi alohida ahamiyatga ega.

Raqamli kriminalistika bu elektron qurilmalar va axborot tizimlarida mavjud bo‘lgan raqamli dalillarni aniqlash, yig‘ish, saqlash, tahlil qilish hamda sud ekspertizasida foydalanishga tayyorlash jarayonlarini o‘z ichiga oluvchi ilmiy-amaliy yo‘nalish hisoblanadi.

Xalqaro tadqiqotlar natijalariga ko‘ra, kiberxavfsizlik sohasida mutaxassislar yetishmovchiligi muhim muammolardan biri bo‘lib qolmoqda. ISC2 tashkiloti tomonidan e’lon qilingan hisobotlarga ko‘ra, dunyo bo‘yicha kiberxavfsizlik sohasida *4 milliondan ortiq mutaxassis yetishmovchiligi* mavjud[1]. Mazkur holat ta’lim tizimi va real amaliyot o‘rtasidagi tafovut mavjudligini ko‘rsatadi.

Shu sababli nazariy bilimlarni amaliy ko‘nikmalar bilan integratsiyalash masalasi dolzarb ilmiy muammolardan biri hisoblanadi.

Dunyo miqyosida raqamli kriminalistika ta’limining rivojlanishi

Raqamli kriminalistika dastlab kompyuter ekspertizasi sifatida shakllangan bo‘lsa-da, bugungi kunda u mustaqil ilmiy va amaliy yo‘nalishga aylangan. Dastlabki bosqichlarda asosiy e’tibor kompyuter xotirasini tahlil qilishga qaratilgan bo‘lsa, zamonaviy tizimlarda mobil qurilmalar, bulutli texnologiyalar, IoT qurilmalari va tarmoq trafigini tahlil qilish ham muhim ahamiyatga ega bo‘lib bormoqda[2].

AQSh ning nufuzli universitetlarida raqamli kriminalistika bo‘yicha ta’lim jarayonlari ko‘proq amaliy laboratoriyalar bilan integratsiyalashgan. Talabalar asosan quyidagi vositalar bilan ishlaydi:

- FTK (Forensic Toolkit);
- EnCase;
- Autopsy;
- Volatility;
- Wireshark;
- Cellebrite.

[1] ISC. Cybersecurity Workforce Study Report. – Alexandria, Virginia: ISC, 2024.
[2] International Telecommunication Union (ITU). Global Cybersecurity Index 2024. – Geneva: ITU, 2024.

Yevropa mamlakatlarida esa *Cyber Range* texnologiyalaridan foydalanish keng tarqalgan. Cyber Range real kiberhujumlarni modellashtiruvchi maxsus virtual muhit hisoblanadi.

Janubiy Koreya, Singapur va Germaniya universitetlarida o‘quv jarayonlarida:

- virtual laboratoriyalar;
- CTF musobaqalari;
- real hodisalarga asoslangan case-study;
- stajirovka dasturlari
- faol qo‘llanilmoqda[1].

Tadqiqotlar shuni ko‘rsatadiki, faqat nazariy o‘qitish modeli talabalarni real ish muhitiga tayyorlash uchun yetarli emas.

Nazariya va amaliyot integratsiyasining ilmiy asoslari

Bugungi kunda raqamli kriminalistika yo‘nalishida mutaxassislarni tayyorlashda asosiy masalalardan biri nazariy bilimlar va amaliy ko‘nikmalar o‘rtasidagi muvozanatni ta’minlash hisoblanadi. Amaliyot shuni ko‘rsatadiki, faqat auditoriyada olingan nazariy bilimlar ko‘p hollarda real muhitdagi vaziyatlarni hal qilish uchun yetarli bo‘lmaydi. Chunki raqamli kriminalistika nafaqat ma’lumotlarni tahlil qilishni, balki real kiberhodisalarga tezkor javob berish, raqamli dalillarni to‘g‘ri yig‘ish va ularni ekspertiza qilish ko‘nikmalarini ham talab qiladi.

So‘nggi yillarda oliy ta’lim tizimida an’anaviy o‘qitish modelidan amaliy kompetensiyalarga yo‘naltirilgan ta’lim modeliga o‘tish tendensiyasi kuzatilmoqda[2]. Ushbu yondashuvning asosiy maqsadi talabani faqat nazariy bilim egasi sifatida emas, balki mustaqil fikrlay oladigan va real muammolarni hal qila oladigan mutaxassis sifatida tayyorlashdan iborat.

Raqamli kriminalistika ta’limida keng qo‘llanilayotgan yondashuvlardan biri tajribaga asoslangan ta’lim modeli hisoblanadi.

[1] OECD. Digital Skills for Private Sector Competitiveness in Uzbekistan. – Paris: OECD Publishing, 2023.

[2] Kolb D.A. Experiential Learning: Experience as the Source of Learning and Development. – New Jersey: Prentice Hall, 1984.

Mazkur yondashuvga koʻra, talabalar bilimlarni amaliy jarayonlar orqali chuqurroq oʻzlashtiradilar. Masalan, tarmoqdagi noqonuniy faoliyatni aniqlash, zararli dasturlarni tahlil qilish yoki xotira ma’lumotlarini ekspertizadan oʻtkazish kabi amaliy mashgʻulotlar talabaning mavzuni yaxshiroq tushunishiga yordam beradi.

Bundan tashqari, *muammoga asoslangan oʻqitish (Problem-Based Learning)* usuli ham keng qoʻllanilmoqda. Ushbu yondashuvda talabalar oldindan tayyor nazariy ma’lumotlarni yodlash oʻrniga, real vaziyatlarni tahlil qilish orqali bilim oladilar. Masalan, kompaniya serveriga noqonuniy kirish amalga oshirilgan vaziyatni koʻrib chiqamiz. Bu holatda talaba avvalo tizim jurnallarini (loglarni) tahlil qiladi, tarmoqdagi faoliyatni tekshiradi, hujum manbasini aniqlaydi va elektron dalillar asosida xulosa tayyorlaydi. Bunday yondashuv talabalarni mustaqil qaror qabul qilishga va tahliliy fikrlashga oʻrgatadi[1].

Raqamli kriminalistika boʻyicha mutaxassislar tayyorlashda virtual laboratoriyalarning oʻrni ham alohida ahamiyatga ega. Amaliy laboratoriyalarni tashkil qilish koʻpincha katta moliyaviy xarajatlarni talab qiladi. Shu sababli virtual laboratoriyalar ta’lim jarayonida samarali yechim sifatida qaralmoqda. Ular yordamida talabalar real tizimlarga zarar yetkazmagan holda turli kiberhodisalarni modellashtirish imkoniyatiga ega boʻladilar.

Bugungi kunda TryHackMe, Hack The Box, Cyber Range, VMware va VirtualBox kabi platformalar oʻquv jarayonida faol qoʻllanilmoqda. Mazkur muhitlarda talabalar nafaqat nazariy bilimlarini sinovdan oʻtkazadilar, balki haqiqiy ish jarayoniga yaqin boʻlgan vaziyatlar bilan ham ishlaydilar.

Shuningdek, CTF (Capture The Flag) musobaqalari ham amaliy tayyorgarlikni oshirishning samarali vositalaridan biri hisoblanadi. Ushbu

[1] Casey E. Digital Evidence and Computer Crime: Forensic Science, Computers and the Internet. – Amsterdam: Elsevier Academic Press, 2011.

musobaqalar davomida talabalar turli xavfsizlik muammolarini hal qilish orqali o‘z bilimlarini amalda qo‘llash imkoniyatiga ega bo‘ladilar. Xususan, raqamli kriminalistika yo‘nalishidagi topshiriqlarda disklarni tahlil qilish, yashirilgan ma’lumotlarni topish yoki zararli fayllarni aniqlash kabi vazifalar bajariladi.

Yuqoridagi tahlillar shuni ko‘rsatadiki, raqamli kriminalistika sohasida nazariya va amaliyot integratsiyasi zamonaviy mutaxassislarni tayyorlashning eng muhim omillaridan biri hisoblanadi. Nazariy bilimlarni amaliy mashg‘ulotlar bilan uyg‘unlashtirish orqali talabalarning kasbiy kompetensiyalarini rivojlantirish va ularni real ish muhitiga tayyorlash imkoniyati oshadi.

O‘zbekistonda raqamli kriminalistika ta’limining rivojlanishi va mavjud muammolar

So‘nggi yillarda O‘zbekistonda axborot-kommunikatsiya texnologiyalarini joriy etish va raqamli iqtisodiyotni rivojlantirish davlat siyosatining ustuvor yo‘nalishlaridan biriga aylandi. Davlat xizmatlarini elektron shaklga o‘tkazish, bank tizimini raqamlashtirish, elektron tijorat va elektron hukumat tizimlarini keng joriy etish natijasida axborot tizimlaridan foydalanish hajmi keskin ortib bormoqda. Shu bilan birga, raqamli infratuzilmaning kengayishi kiberxavfsizlik bilan bog‘liq yangi muammolarni ham yuzaga keltirmoqda.

Mamlakatda ushbu yo‘nalishni rivojlantirish maqsadida qator normativ-huquqiy hujjatlar qabul qilingan. Xususan, O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining PF–6079-sonli “Raqamli O‘zbekiston – 2030” strategiyasi mamlakatda raqamli texnologiyalarni rivojlantirish, zamonaviy mutaxassislarni tayyorlash hamda axborot xavfsizligini ta’minlashning ustuvor yo‘nalishlarini belgilab berdi[1].

Mazkur strategiyada nafaqat texnologik infratuzilmani rivojlantirish, balki kadrlar salohiyatini oshirish masalasi ham muhim vazifa sifatida qayd

[1] O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti. PF–6079-son Farmon: “Raqamli O‘zbekiston – 2030” strategiyasi. – Toshkent, 2020.

etilgan. Chunki texnologik vositalarning o‘zi yuqori samaradorlikni ta’minlamaydi, ulardan samarali foydalanadigan malakali mutaxassislar mavjud bo‘lishi zarur.

Shu bilan birga, xalqaro tashkilotlar tomonidan e’lon qilingan statistik ma’lumotlar O‘zbekistonda hali bajarilishi zarur bo‘lgan vazifalar mavjudligini ko‘rsatadi. National Cyber Security Index ma’lumotlariga ko‘ra, O‘zbekistonning kiberxavfsizlik bo‘yicha ta’lim va professional rivojlanish ko‘rsatkichlari taxminan 50% darajasida baholangan[1]. Bu ko‘rsatkich mamlakatda mazkur yo‘nalishda muayyan ishlar amalga oshirilayotgan bo‘lsa-da, amaliy tayyorgarlikni yanada kuchaytirish zarurligini ko‘rsatadi.

Bundan tashqari, Global Cybersecurity Index natijalari ham mamlakatda ijobiy o‘zgarishlar kuzatilayotganligini ko‘rsatadi. O‘zbekistonning mazkur indeksdagi ko‘rsatkichlari so‘nggi yillarda sezilarli darajada yaxshilanib bormoqda[2]. Bu davlat darajasida kiberxavfsizlikka e’tibor ortib borayotganidan dalolat beradi.

Ammo amaliyotda ayrim muammolar hanuz mavjud.

Birinchi muammo nazariy va amaliy mashg‘ulotlar o‘rtasidagi muvozanatning yetarli emasligi hisoblanadi. Ko‘p hollarda talabalar kiberxavfsizlik yoki raqamli kriminalistika bo‘yicha nazariy ma’lumotlarga ega bo‘lsalar ham, real hodisalarni tahlil qilish bo‘yicha yetarli tajribaga ega bo‘lmaydilar.

Ikkinchi muammo maxsus laboratoriya muhitlarining yetarli emasligi bilan bog‘liq. Raqamli kriminalistika bo‘yicha to‘liq laboratoriya tashkil qilish katta moliyaviy xarajatlarni talab qiladi. Chunki bunday laboratoriyalar maxsus dasturiy vositalar va apparat resurslarini talab qiladi. kabi vositalarning aksariyati tijorat dasturlari hisoblanadi.

Uchinchi muammo esa ta’lim muassasalari va amaliy soha o‘rtasidagi hamkorlik darajasining yetarli emasligi bilan bog‘liq. Raqamli

[1] ISC. Cybersecurity Workforce Study Report. – Alexandria, Virginia: ISC, 2024.
[2] National Cyber Security Index. Uzbekistan Profile. – Tallinn: E-Governance Academy, 2024.

kriminalistika bo‘yicha tahsil olayotgan talabalar ko‘pincha real kiberhodisalar bilan ishlash imkoniyatiga ega bo‘lmaydilar.

Shuningdek, zamonaviy xalqaro platformalardan foydalanishni kengaytirish ham zarur. Xususan, TryHackMe, Hack The Box va CyberDefenders kabi platformalar talabalarning amaliy ko‘nikmalarini shakllantirishda muhim vosita bo‘lib xizmat qiladi[1].

Yuqoridagi tahlillar shuni ko‘rsatadiki, O‘zbekistonda raqamli kriminalistika ta’limi rivojlanib bormoqda, biroq zamonaviy mehnat bozori talablariga mos yuqori malakali mutaxassislarni tayyorlash uchun nazariya va amaliyotni yanada chuqur integratsiyalash zarur.

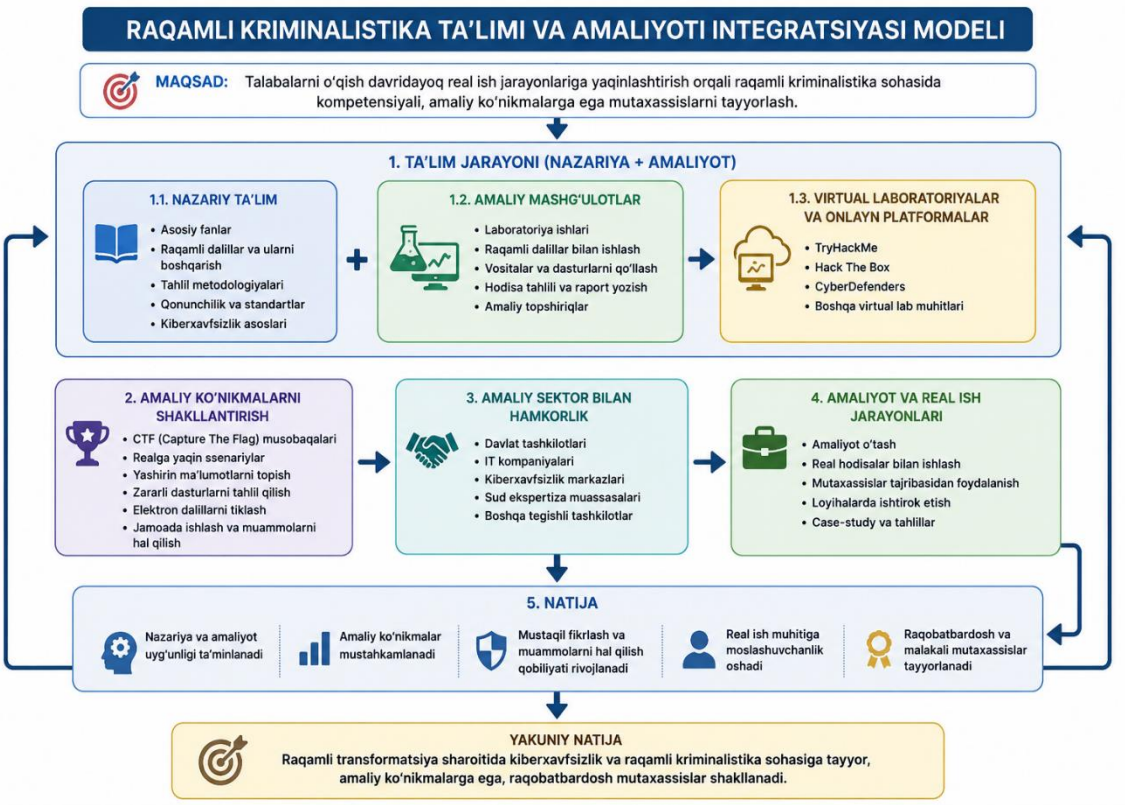
Raqamli kriminalistika sohasida ta’lim va amaliyot integratsiyasi bo‘yicha taklif etilayotgan model

Zamonaviy mehnat bozorida mutaxassisdan nafaqat ma’lum bir texnologiyani bilish, balki yuzaga keladigan real vaziyatlarni tahlil qilish, muammolarni tezkor aniqlash va amaliy qarorlar qabul qilish qobiliyati ham talab qilinadi. Shu sababli ta’lim jarayonini amaliy faoliyat bilan yanada yaqinlashtirish zarur bo‘lib qolmoqda.

Bugungi kunda ko‘plab rivojlangan davlatlar tajribasi shuni ko‘rsatadiki, talabalarni real ish muhitiga yaqin sharoitlarda tayyorlash an’anaviy o‘qitish usullariga qaraganda samaraliroq natija beradi. Ayniqsa kiberxavfsizlik va raqamli kriminalistika kabi tez o‘zgaruvchan yo‘nalishlarda o‘quv dasturlarining amaliy komponentlari muntazam ravishda yangilanib borilishi kerak.

Mazkur tadqiqot doirasida raqamli kriminalistika ta’limini takomillashtirish maqsadida ta’lim va amaliyotni integratsiyalashga asoslangan model taklif etiladi. Ushbu modelning asosiy g‘oyasi talabalarni o‘qish davridayoq real ish jarayonlariga yaqinlashtirishdan iborat.

[1] Garfinkel S. Digital forensics research: The next 10 years // *Digital Investigation*. – 2010. – Vol. 7. – P. 64–73.



1-rasm. Raqamli kriminalistika sohasida ta’lim va amaliyotni integratsiyalash modeli

Birinchi navbatda, nazariy fanlarni amaliy mashg‘ulotlar bilan parallel ravishda olib borish maqsadga muvofiq hisoblanadi. Masalan, talaba raqamli dalillar bilan ishlash metodologiyasini o‘rganayotgan bo‘lsa, shu mavzu bilan bog‘liq laboratoriya mashg‘ulotlarini ham bajarishi kerak. Bu yondashuv bilimlarni yaxshiroq o‘zlashtirish va ularni uzoq muddat eslab qolishga yordam beradi.

Shuningdek, virtual laboratoriyalarni ta’lim jarayoniga keng joriy etish ham muhim ahamiyatga ega. Amaliyotda barcha oliy ta’lim muassasalarida qimmat turadigan kriminalistik vositalarni xarid qilish imkoniyati mavjud emas. Shu sababli virtual platformalar bu muammoni qisman hal qilishi mumkin. Masalan, TryHackMe, Hack The Box yoki CyberDefenders kabi platformalar yordamida talabalar turli kiberhodisalarni xavfsiz muhitda tahlil qilish imkoniyatiga ega bo‘ladilar.

Bundan tashqari, CTF (Capture The Flag) musobaqalaridan foydalanish ham amaliy ko‘nikmalarni shakllantirishda muhim vosita bo‘lib xizmat qiladi. Bunday musobaqalar davomida talabalar oldindan tayyorlangan nazariy savollarga javob berishdan ko‘ra, real vaziyatlarga yaqin bo‘lgan muammolarni hal qiladilar. Masalan, yashirilgan ma’lumotlarni topish, zararli dasturlarni tahlil qilish yoki elektron dalillarni tiklash kabi topshiriqlarni bajaradilar. Bu esa ularda mustaqil fikrlash va muammolarni amaliy hal qilish qobiliyatini rivojlantiradi.

Yana bir muhim jihatlardan biri oliy ta’lim muassasalari va amaliy sektor o‘rtasidagi hamkorlikni kuchaytirish bilan bog‘liq. Hozirgi vaqtda ko‘plab talabalar nazariy bilimlarga ega bo‘lishiga qaramasdan, real ish muhiti bilan yetarlicha tanish bo‘lmaydi. Natijada ular bitirgandan so‘ng yangi ish sharoitiga moslashishda ayrim qiyinchiliklarga duch kelishlari mumkin.

Mazkur muammoni bartaraf etish uchun davlat tashkilotlari, IT kompaniyalari, kiberxavfsizlik markazlari va sud ekspertiza muassasalari bilan hamkorlik qilish maqsadga muvofiq bo‘ladi. Bu esa talabalarga amaliyot o‘tash, real hodisalar bilan ishlash va mutaxassislar tajribasidan foydalanish imkonini yaratadi.

Umuman olganda, ta’lim va amaliyotni integratsiyalashga asoslangan yondashuv nafaqat talabalarning bilim darajasini oshiradi, balki ularning kelgusidagi kasbiy faoliyatiga ham ijobiy ta’sir ko‘rsatadi. Ayniqsa O‘zbekiston sharoitida raqamli transformatsiya jarayonlarining jadallashuvi va kiberxavfsizlikka bo‘lgan ehtiyojning ortishi bunday yondashuvni yanada dolzarb qilib qo‘ymoqda.

Xulosa. Raqamli texnologiyalarning jadal rivojlanishi va kiberxavfsizlik bilan bog‘liq tahdidlarning ortib borishi raqamli kriminalistika sohasida malakali mutaxassislarni tayyorlash zaruratini kuchaytirmoqda. Tadqiqot davomida dunyo miqyosidagi tajribalar tahlili shuni ko‘rsatdiki, zamonaviy ta’lim tizimida nazariy bilimlarni amaliy mashg‘ulotlar bilan uyg‘unlashtirish muhim ahamiyatga ega.

O‘zbekistonda ham kiberxavfsizlik va raqamli texnologiyalarni rivojlantirish bo‘yicha keng ko‘lamli islohotlar amalga oshirilmoqda. Biroq zamonaviy mehnat bozori talablariga mos mutaxassislarni tayyorlash uchun ta’lim tizimida amaliy ko‘nikmalarni rivojlantirishga alohida e’tibor qaratish zarur.

Shu sababli virtual laboratoriyalar, CTF musobaqalari, real hodisalarga asoslangan mashg‘ulotlar hamda oliy ta’lim muassasalari va amaliy sektor o‘rtasidagi hamkorlikni rivojlantirish muhim hisoblanadi. Mazkur yondashuv talabalarning kasbiy kompetensiyalarini shakllantirish, ularni real ish muhitiga tayyorlash va raqobatbardosh mutaxassislar tayyorlashga xizmat qiladi.

АБДУЛЛАЕВ АЛИШЕР ИЛХОМОВИЧ
Олий таълим, фан ва инновациялар вазирлиги ҳузуридаги Рақамли таълим ва сунъий интеллектни ривожлантириш маркази директори

ОЛИЙ ТАЪЛИМ ТИЗИМИДА РАҚАМЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВА СУНЪИЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Аннотация: *Мазкур мақолада олий таълим тизимида рақамли трансформация ва сунъий интеллектни жорий этиш жараёнлари таҳлил қилинган. Маъмурий, ўқув, илмий ва молиявий жараёнларни рақамлаштириш, HEMIS ахборот тизими ҳамда сунъий интеллектга асосланган платформалар мисолида эришилган натижалар ва истиқболли йўналишлар ёритилган.*

Калит сўзлар: *рақамли трансформация, сунъий интеллект, олий таълим, HEMIS, рақамлаштириш, электрон хизматлар, маълумотларни бошқариш, масофавий назорат.*

Бугунги кунда олий таълим тизимини ривожлантиришнинг энг муҳим йўналишларидан бири рақамли трансформация ва сунъий интеллект технологияларини кенг жорий этишдан иборат. Олий таълим, фан ва инновациялар вазирлиги ҳузуридаги Рақамли таълим ва сунъий интеллектни ривожлантириш маркази томонидан 2019–2030 йилларга мўлжалланган стратегик йўл харитаси ишлаб чиқилган бўлиб, у беш босқични қамраб олади: ахборот тизимларини ишлаб чиқиш; маълумотларни тўплаш ва жараёнларни 100 фоиз рақамлаштириш; сунъий интеллектни интеграция қилиш (чатботлар, башоратли модуллар); келажакда автоном ўрганувчи AI-агентларни жорий этиш; ҳамда маълумотларга асосланган бошқарувга (Data Hub, Data Lake, Data Warehouse) ўтиш.

Жараёнларни рақамлаштириш кўлами. Олий таълимда маъмурий, ўқув, илмий ва молиявий жараёнлар рақамлаштирилди. Маъмурий бошқарувда таълим иштирокчиларининг ягона электрон базаси яратилди; ўқув жараёнида таълимни ташкил этиш, талабаларнинг академик ҳаракати ва битирувчилар мониторинги рақамлаштирилди; илмий фаолиятда самарадорлик мониторинги йўлга қўйилди; молиявий бошқарувда эса контракт, стипендия ва ётоқхона тўловлари рақамлаштирилиб, нақд пул айланмасига чек қўйилди. Ушбу жараёнларнинг марказида HEMIS ахборот тизими туради. Тизим 207 та олийгоҳ, 1,6 млн нафар талаба ва 48 минг нафар профессор-ўқитувчи маълумотларини қамраб олган, 31 та давлат органи билан интеграция қилинган ҳамда 40 га яқин электрон хизматни тақдим этади. HEMIS электрон ҳукуматнинг идоралараро интеграцион платформаси орқали 25 та вазирлик ва идорага маълумот тақдим этади, 7 та идорадан эса маълумот қабул қилади.

Сунъий интеллектга асосланган платформалар. Тизимда талаба фаолиятини сунъий интеллект асосида таҳлил қилувчи бир қатор платформалар жорий этилган:

1) HEMIS AI — талабанинг GPA кўрсаткичлари, давомати ва дарс жадвалини таҳлил қилади, ўқув натижаларига мос Coursera курсларини тавсия этади, мустақил ва илмий ишларда плагиатни текширади, молиявий ҳолат бўйича таҳлил беради ҳамда чатбот орқали фойдаланувчи сўровларига тезкор жавоб қайтаради;

2) tyutor.hemis.uz — олийгоҳларда тьюторлар фаолиятини рақамлаштириб, талабалар билан ишлаш жараёнларини оптималлаштиради; сунъий интеллект риск-гуруҳдаги талабаларни аниқлайди, давомат ва ўзлаштириш узлуксизлигини кузатади, психологик ҳолат ҳамда ижтимоий муаммолар бўйича индикатор беради;

3) career.edu.uz (Edu Career) — битирувчиларнинг меҳнат бозоридаги рақобатбардошлигини оширишга қаратилган бўлиб, AI

ёрдамида профиль таҳлили, мос вакансиялар тавсияси, суҳбатга тайёргарлик (mock интервью) ва резюме тайёрлаш имконини беради; платформа талаба, таълим муассасаси, иш берувчи ва банкни ягона тизимда бирлаштиради;

4) ai-proctor.edu.uz — масофавий таълимда холис ва адолатли баҳолашни таъминловчи имтиҳон назорати тизими бўлиб, юзни таниш, кўз ҳаракати, аудио, клавиатура ва экран фаолиятини таҳлил қилувчи AI-детектор орқали ғайритабиий хатти-ҳаракатларни аниқлайди.

Молиявий жараёнларни рақамлаштириш. EDU Billing тизими орқали 101 та давлат олийгоҳида 1 025 300 дан ортиқ электрон шартнома расмийлаштирилиб, 7,2 миллиондан ортиқ транзакция амалга оширилди. Контракт ва ижара шартномалари фақат электрон тарзда расмийлаштирила бошланди, стипендияни ҳисоблаш ва тўлаш тўлиқ автоматлаштирилиб, инсон омили бартараф этилди. Натижада шартномаларни тайёрлаш вақти 70 фоизга, ётоқхонага навбат ва бюрократик жараёнлар 80 фоизга қисқарди, нақд пул айланмасига чек қўйилди. Рақамлаштириш ҳисобига 1012 та штат бирлиги мақбуллаштирилиб, 26,4 млрд сўм маблағ тежалди.

Давлат хизматлари ва ягона портал. Ягона интерактив давлат хизматлари порталида таълим соҳасига оид 15 та интерактив хизмат жорий этилди; улар орасида ўқиш жойидан маълумотнома ва академик транскрипт олиш, турар жойга жойлашиш, диплом маълумотларини қўшиш ҳамда стипендияларга онлайн ариза юбориш каби хизматлар бўйича жами бир неча миллион ариза қабул қилинди. MY.EDU.UZ ягона таълим хизматлари портали эса ахборот тизимлари ўртасидаги интеграцияни таъминлаб, академик лицей ва касб-ҳунар мактабларига, шунингдек иккинчи мутахассислик бўйича олий таълим муассасаларига онлайн ҳужжат топшириш имконини берди.

Маълумотларни бошқариш маркази (Data Hub). Барча ахборот тизимларидан келиб тушадиган маълумотлар оқимини бирлаштириш мақсадида марказий омбор — Data Hub яратилди. У маълумотларни

интеграция қилиб, уларнинг долзарблигини таъминлайди; Data Warehouse структуравий таҳлил ва ҳисоботлар учун, Data Lake эса катта ҳажмдаги ва тарихий маълумотлар учун хизмат қилади. Тўпланган маълумотлар асосида сунъий интеллект тизимлари прогноз қилиш, тавсиялар ишлаб чиқиш ва интеллектуал хизматлар яратиш имконини беради.

Хулоса қилиб айтганда, олий таълим тизимида амалга оширилган рақамли трансформация маъмурий, ўқув, илмий ва молиявий жараёнларни ягона рақамли муҳитда бирлаштириб, шаффофлик, тезкорлик ва адолатли тақсимотни таъминлади. Сунъий интеллект технологияларининг жорий этилиши таълим сифатини ошириш, талабаларга индивидуал ёндашув ва маълумотларга асосланган бошқарувга ўтиш учун мустаҳкам замин яратмоқда. Стратегик йўл харитасининг кейинги босқичларида автоном AI-агентлар ва тўлиқ маълумотларга асосланган бошқарув тизимига ўтиш соҳа ривожининг устувор вазифаси бўлиб қолмоқда.

АБДУАЗИМОВА ЗАРИНА АМИРОВНА
Заведующая кафедрой
социальных и гуманитарных наук
Правоохранительной Академии
Республики Узбекистан,
доктор философии (PhD), доцент

ДИАЛЕКТИКА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗУМНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВА И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: *В статье рассматривается диалектическая взаимосвязь экологической разумности и экологической ответственности в условиях формирования современной правовой системы устойчивого развития. Анализируются философско-правовые основания экологического сознания, роль государства и международного права в обеспечении экологической безопасности, а также значение экологической культуры для устойчивого развития общества. Обосновывается тезис о том, что экологическая разумность выступает интеллектуально-нравственной основой экологической ответственности, а их единство формирует правовой механизм устойчивого развития.*

Ключевые слова*: экологическая разумность, экологическая ответственность, устойчивое развитие, экологическое право, экологическая безопасность, правосознание, международное право.*

Введение. Современный этап развития цивилизации характеризуется углублением экологического кризиса, проявляющегося в изменении климата, деградации природных экосистем, истощении природных ресурсов и ухудшении качества жизни населения[1]. В этих условиях особую актуальность приобретает

[1] Доклад Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее». — ООН, 1987

проблема формирования экологически ориентированного правового сознания, основанного на принципах разумности и ответственности.

Концепция устойчивого развития предполагает гармонизацию экономических, социальных и экологических интересов общества[1]. Однако реализация данной концепции невозможна без формирования экологической разумности как способности человека осознавать пределы природной среды и последствия собственной деятельности[2]. В свою очередь, экологическая ответственность выступает практической формой реализации экологической разумности в сфере права и общественных отношений.

1. Теоретико-философские основы экологической разумности

Экологическая разумность представляет собой особую форму общественного сознания, основанную на понимании взаимосвязи человека и природы[3]. Она включает способность оценивать последствия хозяйственной деятельности, учитывать экологические ограничения и ориентироваться на долгосрочные интересы общества.

С философской точки зрения экологическая разумность формируется в рамках перехода от антропоцентрической модели мышления к экоцентрической[4]. Антропоцентризм рассматривал природу исключительно как ресурс для удовлетворения потребностей человека, тогда как современная экологическая парадигма признаёт самостоятельную ценность природной среды.

Диалектический характер экологической разумности проявляется в единстве познавательного, ценностного, нормативного и практического элементов. Экологическая культура общества оказывает непосредственное влияние на эффективность правового регулирования природопользования[5].

---

[1] Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. — ООН, 2015.
[2] Урсул А.Д. Устойчивое развитие и безопасность. — М.: Логос, 2021. — С. 41.
[3] Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. — М.: Айрис-пресс, 2019. — С. 56.
[4] Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. — М.: Молодая гвардия, 2018. — С. 72.
[5] Ильин И.А. О сущности правосознания. — М.: АСТ, 2020. — С. 88.

2. Экологическая ответственность как правовая категория

Экологическая ответственность является одной из ключевых категорий экологического права. Она представляет собой обязанность субъектов права соблюдать экологические требования и нести негативные последствия за причинение вреда окружающей среде[1].

В юридической науке экологическая ответственность рассматривается как:

форма государственного принуждения;

элемент экологического правосознания;

механизм обеспечения экологической безопасности;

принцип устойчивого развития.

Современное экологическое законодательство основывается на презумпции ответственности человека перед природой и будущими поколениями[2]. Это означает, что использование природных ресурсов должно сопровождаться обязанностью по сохранению экологического баланса.

Экологическая ответственность может быть административной, гражданско-правовой, дисциплинарной, уголовной и международно-правовой. Особое значение приобретает международная экологическая ответственность государств, обусловленная глобальным характером экологических проблем[3].

3. Диалектика разумности и ответственности в системе экологического права

Диалектика экологической разумности и ответственности проявляется в их взаимной обусловленности. Разумность без ответственности остаётся абстрактным знанием, не влияющим на общественную практику. Ответственность без разумности

---

[1] Боголюбов С.А. Экологическое право. — М.: Юрайт, 2021. — С. 113.

[2] Бринчук М.М. Экологическое право Российской Федерации. — М.: Проспект, 2022. — С. 145.

[3] Шемшученко Ю.С. Экологическое право и устойчивое развитие. — Киев: Наукова думка, 2020. — С. 97.

превращается в формальный механизм принуждения, лишённый внутренней мотивации[1].

Современное экологическое право стремится сочетать императивные методы регулирования, стимулирующие механизмы, экологическое образование и общественное участие в принятии решений. Экологическая разумность формирует внутреннюю готовность субъекта соблюдать экологические нормы, а ответственность обеспечивает юридическую гарантию их исполнения.

Диалектическое единство данных категорий особенно ярко проявляется в концепции устойчивого развития, основанной на принципах меж поколений справедливости, рационального природопользования и экологической солидарности[2].

4. Право и устойчивое развитие в условиях глобальных экологических вызовов

Современное международное право активно развивает механизмы устойчивого развития. Важнейшую роль играют международные экологические соглашения, регулирующие вопросы изменения климата, охраны биологического разнообразия и рационального использования природных ресурсов[3].

В условиях глобализации экологическое право приобретает транснациональный характер. Формируется новая модель правового регулирования, основанная на экологизации законодательства, международном сотрудничестве и участии гражданского общества.

Особое значение имеет принцип экологической справедливости, предполагающий равное распределение экологических благ и рисков между государствами и социальными группами. В связи с этим государства внедряют механизмы «зелёной экономики», экологического налогообложения и экологического аудита[4].

---

[1] Алексеев С.С. Теория права. — М.: Норма, 2020. — С. 201.
[2] Урсул А.Д. Устойчивое развитие и безопасность. — С. 94.
[3] Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. — ООН, 2015.
[4] Боголюбов С.А. Экологическое право. — С. 209.

Право выполняет двойственную функцию:

ограничивает экологически опасную деятельность;

стимулирует экологически безопасные формы хозяйствования.

5. Перспективы развития экологического правосознания

Формирование экологического правосознания является одной из главных задач современного государства. Экологическое образование и просвещение способствуют развитию у граждан понимания собственной ответственности за состояние окружающей среды[1]. Перспективными направлениями развития экологического правосознания являются:

внедрение экологического образования;

развитие экологической этики;

расширение общественного участия;

цифровизация экологического мониторинга;

повышение прозрачности экологической информации.

Важным условием повышения экологической ответственности является укрепление принципа неотвратимости наказания за экологические правонарушения.

Заключение

Диалектика экологической разумности и ответственности отражает процесс взаимодействия сознания, права и общественной практики в условиях глобального экологического кризиса. Экологическая разумность выступает интеллектуальной и нравственной основой экологически ориентированного поведения, тогда как ответственность обеспечивает юридическую реализацию экологических требований. Современное экологическое право ориентируется на принципы устойчивого развития, меж поколений справедливости и экологической безопасности. Эффективность данных принципов зависит от уровня экологического правосознания общества и готовности государства обеспечивать баланс между

[1] Ильин И.А. О сущности правосознания. — С. 133.

экономическими интересами и охраной окружающей среды. Кроме того, экологическая рациональность выполняет легитимирующую функцию на макроуровне социальной системы. Она обеспечивает моральное и научное обоснование политических решений, направленных на устойчивое развитие, тем самым укрепляя доверие к институтам. На наш взгляд, стратегии устойчивого развития без такой нормативной основы не способны получить широкую общественную поддержку.

В стратегическом измерении экологическая рациональность может быть охарактеризована как механизм саморегуляции социально-природной системы. Она определяет пределы допустимого развития, консолидирует долгосрочную перспективу и формирует ценностные основы коллективных действий. На наш взгляд, её системная роль проявляется в переходе общества от логики экспансии к логике равновесия, от господства к коэволюции, от краткосрочной выгоды к меж поколений ответственности. Таким образом, экологическая рациональность выступает как структурный элемент современной социальной философии и одновременно как практическая основа устойчивого развития. Она связывает теоретическое осмысление с институциональной реализацией и культурной трансформацией, формируя целостную модель социального самосознания в XXI веке. На наш взгляд, именно посредством экологической рациональности будет осуществлен переход к новой цивилизационной парадигме, в которой устойчивость и ответственность станут основополагающими принципами общественного существования.

АНОРБОЕВ АМИРИДДИН
УЛУҒБЕК ЎҒЛИ
Ўзбекистон Республикаси Президентининг
Қонунчилик ва ҳуқуқий сиёсат
институти бош илмий ходими, ю.ф.д.

БЛОГЕРЛАР РЕКЛАМА ТАРҚАТГАНЛИГИ УЧУН СОЛИҚҚА ТОРТИЛИШИ ЗАРУРИЯТИ ВА ТАРТИБИ

Аннотация: *Мақолада замонавий бозор иқтисодиётида инфлюенсерларнинг (блогерларнинг) ўрни, уларнинг истеъмол маданиятига таъсири ва реклама бозоридаги улуши таҳлил қилинган. Муаллиф миллий қонунчиликдаги ҳуқуқий бўшлиқларни, хусусан, "инфлюенсер" мақомининг мавжуд эмаслиги ва яширин иқтисодиёт муаммоларини асослаб берган. Тадқиқотда халқаро тажрибада мавжуд бўлган солиққа тортишнинг 4 та асосий модели қиёсий ўрганилган. Мақоланинг асосий янгилиги сифатида интернет-рекламани "Asl belgis" тизими орқали мажбурий рақамли маркировкалаш ва токенлаш, реклама шартномаларини солиқ органларида электрон ҳисобга қўйиш ҳамда "солиқ ҳамкор" тизимидан фойдаланиш таклифи илгари сурилган. Таклиф этилаётган механизмлар бюджет тушумларини ошириш, ижтимоий адолатни таъминлаш ва истеъмолчилар ҳуқуқларини ҳимоя қилишга хизмат қилади.*

Аннотация: *В статье анализируется роль инфлюенсеров (блогеров) в современной рыночной экономике, их влияние на потребительскую культуру и доля на рынке рекламы. Автор обосновывает наличие правовых пробелов в национальном законодательстве, в частности, отсутствие статуса «инфлюенсера» и проблемы теневой экономики. В исследовании сравниваются 4 основные модели налогообложения, существующие в международной практике. В качестве основного инновационного предложения выдвигается внедрение обязательной цифровой маркировки и токенизации интернет-рекламы через систему «Asl belgisi», электронный учет рекламных договоров в налоговых органах и использование системы «налогового партнера». Предложенные механизмы направлены на увеличение бюджетных поступлений, обеспечение социальной справедливости и защиту прав потребителей.*

Annotation:*The article analyzes the role of influencers (bloggers) in the modern market economy, their impact on consumer culture, and their share in the advertising market. The author highlights legal gaps in national legislation, specifically the lack of a legal status for "influencers" and challenges related to the shadow economy. The study provides a comparative analysis of four primary international taxation models for influencers. As a key proposal, the author suggests implementing mandatory digital marking and tokenization of online advertising through the "Asl belgisi" system, electronic registration of advertising contracts with tax authorities, and the utilization of the "tax partner" (social monitoring) system. The proposed mechanisms aim to increase budget revenues, ensure social justice, and protect consumer rights.*

Калит сўзлар*: инфлюенсер, блогер, интернет-реклама, солиққа тортиш, рақамли маркировка, "Asl belgisi", смарт-контракт, токенлаш, яширин иқтисодиёт, солиқ ҳамкор.*

Ключевые слова*: инфлюенсер, блогер, интернет-реклама, налогообложение, цифровая маркировка, «Asl belgisi», смарт-контракт, токенизация, теневая экономика, налоговый партнер.*

Keywords*: influencer, blogger, internet advertising, taxation, digital marking, "Asl belgisi", smart contract, tokenization, shadow economy, tax partner.*

Бугунги кунда инфлюенсерлар бозор иқтисодиётига ва истеъмол маданиятига кучли таъсир кўрсатмоқда. Уларнинг реклама ва тавсиялари нафақат талабни бошқармоқда, балки бозордаги нарх-наво шаклланишига, истеъмолчиларнинг сифатли ва зарур товарни танлашига ҳам таъсир кўрсатмоқда.

Маълумот учун: *статистик маълумотларга кўра, харидорларнинг тахминан* ***60-70 фоизи анъанавий рекламадан кўра инфлюенсерларнинг тавсияларига кўпроқ ишонади****. Шу сабабли ушбу фаолият турининг дунё бозоридаги улуши 2024 йилда 24 миллиард долларни ташкил этган бўлса, бу кўрсаткич, 2025 йилда 35 миллиард долларни ташкил қилган. Инфлюенсерлар даромадининг асосий қисми ҳамон* ***Instagram*** *(тахминан 30% улуш) платформаси ва тез ўсиб бораётган* ***TikTok*** *платформаси ҳиссасига тўғри келмоқда.*

Шу билан бирга, рақамли иқтисодиётнинг жадал ривожланиши ва реклама бозорининг интернет сегментига трансформациялашуви инфлюенсерлик фаолиятини ҳуқуқий тартибга солиш ва уларни солиққа тортиш тизимини такомиллаштириш заруриятини юзага келтирмоқда. Ушбу зарурият қуйидаги омиллар билан асосланади:

Биринчидан, миллий қонунчиликда “инфлюенсер” тушунчаси, унинг ҳуқуқий мақоми ҳамда мажбуриятлари доираси назарда тутилмаганлиги “ҳуқуқий бўшлиқ”ни келтириб чиқармоқда. Бу эса, ўз навбатида, юқори даромад кўраётган шахсларнинг солиққа тортилмаслигига, натижада виждонли солиқ тўловчилар ўртасида ижтимоий адолат тамойилининг бузилишига ҳамда кенг жамоатчиликда “меҳнатсиз ва осон пул топиш”га қаратилган бузғунчи (деструктив) қарашларнинг шаклланишига сабаб бўлмоқда;

Иккинчидан, инфлюенсерлар томонидан тарғиб қилинаётган товар ва хизматларнинг аксарият ҳолларда амалдаги қонунчилик талабларига мос келмаслиги, истеъмолчиларнинг моддий ва маънавий манфаатларига зарар етказиши “соғлом рақобат” муҳитига салбий таъсир кўрсатяпти. Бу эса ишлаб чиқарувчи, реклама тарқатувчи ва истеъмолчи ўртасидаги муносабатларда тизимли низоларнинг ортишига олиб келмоқда;

Учинчидан, реклама жараёни иштирокчилари (реклама берувчи, ижрочи ва инфлюенсер) ўртасида жавобгарлик чегараларининг ҳуқуқий жиҳатдан аниқ белгиланмаганлиги, ҳуқуқи бузилган фуқароларнинг манфаатларини тиклашда қийинчиликларни туғдирмоқда. Натижада, ваколатли давлат органларининг назорат функциялари самарадорлиги юзасидан аҳоли ўртасида асосли эътирозлар шаклланиши кузатилмоқда”;

Мазкур фаолиятни тартибга солишнинг энг самарали йўли солиққа тортиш бўлса-да, Ўзбекистонда бу бўйича мукаммал солиқ механизми шаклланмаган ва яширин иқтисодиёт сақланиб қолмоқда.

Бу борада баъзи нотўғри ёндашувлар мавжуд. Масалан, собиқ Ахборот ва оммавий коммуникациялар агентлиги инфлюенсерга “10 мингдан ортиқ обуначига эга бўлган блогер” деб таъриф беришни таклиф қилган эди. Баъзи мутахассислар солиққа тортиш базаси сифатида фақат обуначилар ёки кўришлар сонини асос қилиб олишни таклиф қилишмоқда. Бироқ бу мезонлар қуйидагиларга кўра, ўзини оқламайди:

биринчидан, баъзи платформаларда статистикани учинчи шахслардан яшириб қўйиш техник жиҳатдан мумкин;

иккинчидан, айрим бот-тизимлар орқали кўрсаткичлар (кўришлар, обуначилар, ахборотни узатишлар ва хк.)ни сунъий равишда манипуляция қилиб ошириш мумкин;

учинчидан, аудиторияси кам бўлса-да, тижорий конверсияси юқори бўлган ва катта савдоларни амалга ошираётган ресурслар ҳам амалиётда мавжуд.

Шу билан бирга, инфлюенсерларни солиққа тортишда қуйидаги мавжуд ресурс ва ислоҳотларни инобатга олиш мақсадга мувофиқлиги аниқланди, жумладан:

инфлюенсерларни тадбиркорлик субъекти сифатида рўйхатдан ўтказиш кенг жамоатчиликка блогерларнинг таъсири мавжудлиги сабабли салбий муҳокамаларни вужудга келтириб чиқариши мумкин;

инфлюенсерларни тадбиркорлик субъекти сифатида рўйхатга олиш ва уларнинг фаолиятини лицензиялаш бу борада олиб борилаётган ислоҳотларга ва “Ахборотлаштириш тўғрисида”ги Қонунига кўра, “блогер”нинг ҳуқуқий мақомига мувофиқ эмас;

инфлюенсерларни солиққа тортишнинг энг самарали йўли “Asl belgisi” тизими орқали товарларни маркировкалаш, солиқ ҳамкор орқали маркировкалаш ва солиқ қонунчилигини бузиш юзасидан кенг жамоатчилик иштирокидан фойдаланиш бўйича тўпланган амалиётдан ва хориж тажрибасидан фойдаланиб, қуйидагиларни йўлга қўйишдир, хусусан:

а) инфлюенсерлар томонидан тармоққа жойлаштирилаётган реклама тусидаги ахборотини телекоммуникация ёки Интернет тармоғига жойлаштиришдан олдин “Asl belgisi” тизимидан маркировкалаш ёки рақамли токенлаш;

б) солиқ органларининг электрон давлат хизматлари портали орқали реклама берувчи ва тарқатувчи ўртасида тузиладиган шартномаларнинг солиқ органларида мажбурий ҳисобга қўйилишини йўлга қўйиш;

в) телекоммуникация ёки Интернет тармоғида ҳар бир реклама тарқатилганида реклама берувчи ва тарқатувчининг ҳар ойлик солиқ ҳисоботини топшириш амалиётини йўлга қўйиш;

г) маркировкаланмаган реклама тусидаги ахборотни телекоммуникация ёки Интернет тармоғида жойлаштириш, реклама шартномасини ҳисобга қўймаганликка оид ҳуқуқбузарлик учун жавобгарлик белгиланиб, кенг жамоатчиликнинг Солиқ органларининг электрон давлат хизматлари портали (Soliq-mobile) орқали солиқ ҳамкорлик тизимидан унумли фойдаланиш саналиши аниқланди.

Хорижий давлатларда бу тушунча ва унга алоқадор муносабатлар алоҳида қонунлар билан тартибга солинган. Масалан, бу атама **Францияда** “тижорий таъсир кўрсатувчи шахслар”, **Қозоғистонда** “инфлюенсер”, **Россияда** “реклама тарқатувчи”, **Испанияда** “алоҳида аҳамиятга эга бўлган фойдаланувчилар”, **Германияда** эса “медиа хизмат кўрсатувчилар” сифатида **30 дан ортиқ** давлат қонунчилигида акс этган.

Дунёнинг **40** дан ортиқ давлатида инфлюенсерларни солиққа тортиш учун **интернет-рекламани рақамли маркировкалаш** қатъий йўлга қўйилган.

Маълумот учун: *Австрия, Австралия, АҚШ, Аргентина, Бельгия, Буюк Британия, БАА, Бразилия, Венгрия, Вьетнам, Германия, Греция, Дания, Жанубий Корея, Ирландия, Испания, Италия, Индонезия, Ҳиндистон, Канада, Хитой, Қозоғистон, Қатар, Латвия, Литва,*

Люксембург, Малайзия, Мексика, Нидерландия, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Руминия, Саудия Арабистони, Сингапур, Таиланд, Туркия, Украина, Филиппин, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония, Япония ***интернет-рекламани рақамли қатъий маркировка қилувчи давлатлар*** *саналади.*

Шунингдек, **80 дан ортиқ хорижий давлатларда инфлюенсерларнинг фаолияти лицензияланади ёки рухсатнома асосида йўлга қўйилган** ва улар тадбиркорлик субъекти сифатида давлат рўйхатидан ўтиб, **солиқ ҳисоботларини топширади.**

Маълумот учун*: Австрия, Австралия, АҚШ, Аргентина, Албания, Андорра, Арманистон, Озарбайжон, Бельгия, Болгария, Бразилия, Буюк Британия, БАА, Венгрия, Вьетнам, Германия, Греция, Грузия, Дания, Миср, Исроил, Ҳиндистон, Индонезия, Ирландия, Испания, Италия, Иордания, Қозоғистон, Канада, Кипр, Хитой, Колумбия, Корея Республикаси, Қирғизистон, Кувайт, Қатар, Латвия, Литва, Люксембург, Малайзия, Мальта, Марокаш, Мексика, Молдавия, Нидерландия, Норвегия, Уммон, Покистон, Польша, Португалия, Россия, Руминия, Саудия Арабистони, Сербия, Сингапур, Словакия, Словения, Таиланд, Туркия, Туркманистон, Украина, Филиппин, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Чили, Швейцария, Швеция, Эстония, Жанубий Африка Республикаси, Япония, Жазоир, Баҳрайн, Эквадор, Эфиопия, Гана, Исландия, Кения, Лихтенштейн, Маврикий, Нигерия, Янги Зеландия, Панама, Перу, Сейшел ороллари, Тунис, Уругвайда инфлюенсерларнинг реклама фаолияти лицензияланиши ва улар тадбиркорлик субъекти сифатида давлат рўйхатидан ўтиб, солиқ ҳисоботларини топширишлари зарур.*

Шу билан бирга, **Россияда** телекоммуникация ёки Интернет тармоғига рекламага оид ахборотни жойлаштиришдан олдин махсус автоматлаштирилган тизимдан **токенлар** олинади. **Қозоғистонда** тармоқ орқали тарқатилаётган рекламада дастлаб маркировка қилиниши ва кейин махсус белги (тег) орқали тарқатилиши, реклама

тарқатувчиларнинг банк транзакциялари мониторинг қилинади. **Белоруссияда** реклама тарқатувчилар олдин мажбурий реестрга кириши ва кейин реклама ахборотини тарқатиши зарур ва уларда ҳам реклама тарқатувчилар билан уларнинг банк транзакциялари ўзаро солиштириш йўли билан солиқ ушлаб қолинади.

Уччала давлатда ҳам рекламага оид талабларни бузганлик учун атрофлича жавобгарлик назарда тутилган.

Шунга кўра, ҳозирда халқаро амалиётда инфлюенсерларни солиққа тортишнинг **4 та асосий модели** вужудга келганлиги аниқланди:

1) “солиқ агенти – платформа” ёки автоматлаштирилган назорат модели. Ушбу модель доирасида асосий солиқ юклама инфлюенсерга эмас, балки тўловни амалга оширувчи рақамли платформа (YouTube, TikTok, Instagram) ёки унинг реклама агентлигига юклатилади ва инфлюенсер улар билан шартнома тузиши мажбурийдир. Бу моделга кўра, даромад инфлюенсернинг банк ҳисобига тушгунга қадар топилаётган даромаддан солиқ ушлаб қолиш мажбурийлиги (Tax Deducted at Source) тамойили асосида инфлюенсерларнинг солиғи мажбурий бюджетга йўналтирилади;

Маълумот учун: *Шимолий ва Жанубий Америкадаги 25 та давлат, жумладан, АҚШ, Канада, Мексика, Бразилия, Аргентина, Чили, Колумбия, Перу, Уругвай, Парагвай, Эквадор, Боливия, Коста-Рика, Панама, Гватемала, Гондурас, Сальвадор, Доминикан Республикаси, Ямайка, Тринидад ва Тобаго, Европа ҳамда Океаниядаги 22 та, жумладан, Буюк Британия, Германия, Япония, Австралия, Австрия, Бельгия, Нидерландия, Люксембург, Швейцария, Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Исландия, Ирландия, Янги Зеландия, Папуа-Янги Гвинея, Фижи, Осиё ва Африкадаги 58 та давлат, жумладан, Жанубий Африка, Нигерия, Кения, Эфиопия, Гана, Танзания, Уганда, Сенегал, Покистон, Бангладеш, Шри-Ланка,*

Вьетнам, Филиппин, Малайзия, Исроил, Иордания ва бошқа давлатлар ушбу модел асосида фаолият юритишади.

2) махсус рақамли ва соддалаштирилган режимлар модели. Бунга кўра, яширин иқтисодиётни қисқартириш мақсадида блогерлар учун алоҳида ҳуқуқий мақом ва имтиёзли солиқ ставкалари жорий этилган. Жумладан, фаолиятни декларациясиз, махсус мобил иловалар орқали рўйхатдан ўтказиш ва паст ставкаларда (одатда 1% дан 15% гача) солиқ тўлаш тизими яратилган, шунингдек, солиқни банклар ва платформа эгалари мажбурий равишда ушлаб қолиши назарда тутилган. АҚШ Ўзбекистонлик блогерларни шу орқали солиққа тортади;

Маълумот учун: *Қозоғистон, Белоруссия, Ҳиндистон, Хитой, Жанубий Корея, Туркия, Индонезия, Тайвань, Таиланд, Миср, Марокаш, Францияда реклама шартнома асосида тарқатилиши ва ҳар бир транзакциядан банк солиқ ушлаб қолиши шарт. Масалан, Туркияда реклама учун 15 % блогернинг солиғини банк, Хитойда платформа эгаси (Google, Meta, TikTok) ёки маҳаллий банклар ушлаб қолиши, Қозоғистонда 1 фоизлик мобил режим, Беларусда эса "Реклама тарқатувчиларнинг давлат реестри" ва 10 фоизлик касбий даромад солиғи жорий этилган.*

3) нафақат тижорат, балки бартер муносабатлари ва натурал даромадларни баҳолаш модели – тўлиқ солиқ қамрови модели. Унга кўра, инфлюенсерлик фаолиятининг ўзига хос хусусияти бўлган пуллик бўлмаган даромадларни (совғалар, саёҳатлар, хизматлар ва хк.) солиққа тортишга қаратилган, реклама мақсадида берилган ҳар қандай маҳсулот (PR-пакетлар) ёки хизматнинг бозор қиймати тижорий даромад сифатида баҳоланади ва умумий солиқ базасига киритилади;

Маълумот учун: *АҚШ, Германия ва Буюк Британияда блогерлар брендлардан олинган текин совғаларнинг қийматидан даромад солиғи тўлашга мажбур. Буни яшириш солиқдан бўйин товлаш деб баҳоланади.*

4) профессионал тадбиркорлик ва харажатларни чегириш модели –тижоратлашган ёндашув модели. Бунга кўра, блогерлик фаолиятига юқори даромад келтирувчи профессионал бизнес сифатида қаралади ва уларга тадбиркорлик субъектлари учун назарда тутилган имтиёзлар берилади, даромадларни шаффофлаштиришни рағбатлантириш учун инфлюенсерларга ишлаб чиқариш харажатларини (техника, интернет, монтаж хизмати) умумий даромаддан чегириб ташлаш ҳуқуқи берилади.

Маълумот учун: *Австралия, Канада ва Скандинавия давлатларида блогерлар соф фойдадан прогрессив ставкаларда (10 фоиздан 50 фоизгача) солиқ тўлайдилар.*

Юқоридагилардан келиб чиқиб, амалиётдан келиб чиқиб ҳамда хорижий тажриба асосида мавжуд ресурслардан унумли фойдаланиб, қуйидагиларни назарда тутувчи қонунчилик ҳужжатларини қабул қилиш таклиф қилинади:

1) қуйидагилар инобатга олинган Ўзбекистон Республикасининг “Ўзбекистон Республикасининг айрим қонун ҳужжатларига ўзгартириш ва қўшимчалар киритиш тўғрисида”ги Қонуни:

Ўзбекистон Республикасининг “**Реклама тўғрисида**”ги Қонуни[1]да “инфлюенсер” тушунчасининг таърифини ва унинг реклама тарқатувчи сифатидаги ролини аниқлаштириш, телекоммуникация ёки Интернет тармоғида тарқатилаётган реклама тусидаги ахборотга қўйилган талаб, шу жумладан, унинг маркировкаланиши ёки рақамли токенланиши, смарт контракт асосида ҳам реклама тарқатиш имконияти, тармоққа жойлаштирилган реклама юзасидан реклама берувчи ва тарқатувчининг ҳуқуқ ва мажбуриятларини ҳамда уларнинг истеъмолчи олдида жавобгарлигини;

[1] Ўзбекистон Республикасининг “Реклама тўғрисида”ги Қонуни // lex.uz – Ўзбекистон Республикаси Қонунчилик маълумотлари миллий базаси.

Ўзбекистон Республикасининг **Солиқ кодекси**да[1] инфлюенсерларга қулайлик яратиш мақсадида улар тадбиркорлик субъектларининг иш, товар ва хизматларини реклама қилганида тадбиркорлик субъектларининг ҳар ойлик солиқ ҳисоботида буни акс эттириш орқали инфлюенсерларга енгиллик бериш, такрор солиқ ҳисоботларининг олдини олишни таъминлаш, қолган ҳолатларда инфлюенсер ҳар ойлик солиқ ҳисоботида ўзининг рекламаси орқали кўрган фойдасини акс эттириш, ўзаро тафовутларни жами йиллик декларацияда уни топшириқш вақтида бартараф этиш имкониятини яратиш, маркировкаланмаган ёки рақамли токенланмаган реклама тусидаги ахборотни телекоммуникация ёки Интернет тармоғида тарқатилишига йўл қўйиб берган ҳолларда солиқ тўловчига нисбатан солиқ жавобгарлигини;

Ўзбекистон Республикасининг **Маъмурий жавобгарлик тўғрисидаги кодекс**нинг Солиқ органларининг Ягона автоматлаштирилган ахборот тизими орқали маркировкаланмаган ёки рақамли токенланмаган реклама ахборотининг телекоммуникация ёки Интернет тармоғида тарқатилиши, солиқ ҳисоботлари топширилмаслиги, реклама шартномасининг солиқ органларида мажбурий ҳисобга қўйилмаслиги учун жисмоний шахсларнинг маъмурий жавобгарлигини белгилаш;

2) **Вазирлар Маҳкамасининг** қуйидагиларга оид махсус қарори:

Реклама фаолияти билан шуғулланувчи инфлюенсер солиқ тўловчиларнинг электрон автоматик реестрини юритиш тартибини тасдиқлаш;

тарқатаётган ахборотининг реклама эканлиги фойдаланувчига кўриниб туриши ва фойдаланиш имконият яратилиши таъминланиши лозимлиги бўйича реклама тарқатувчи, реклама тарқатиш юзасидан реклама тарқатувчи смарт контракт ёки шартнома тузиши шартлиги

[1] Ўзбекистон Республикасининг Солиқ кодекси // lex.uz – Ўзбекистон Республикаси Қонунчилик маълумотлари миллий базаси.

бўйича реклама берувчи ва тарқатувчи бирдек масъул эканлигини белгилаш;

киберҳодисаларнинг вужудга келмаслигининг олдини инобатга олиб, “Asl belgisi” тизимидан реклама тарқатиш учун смарт-контракт тузиш ва реклама ахборотига рақамли токен бериш, шунингдек, смарт контракт тузмайдиган ахборотлаштириш субъектлари ўртасида электрон шартнома тузиб, автоматик QR-код берувчи мажбурий рақамли маркировка тизимини жорий этиш;

Ахборот ресурсларини рақамли маркировкалаш, токенлаш, реклама бўйича смарт контракт ва бошқа шартномаларни тузиш тартиби ва назорат қилиш қоидаларини тасдиқлаш ва бунда солиқ тўловчилар, солиқ органлари ва бошқа ташкилотларнинг телекоммуникация ёки Интернет жаҳон ахборот тармоғида тарқатилаётган ахборот ресурсини Солиқ органларининг электрон давлат хизматлари портали ва “Soliq mobile” иловаси орқали унинг “Asl belgisi” тизимидан маркировкалангани ёки рақамли токенланганини аниқлаш, номақбул рекламага қарши курашиш, ахборот ресурсларини рақамли маркировкалаш тартиб-таомилларини белгилаш;

Солиқ органларининг электрон давлат хизматлари портали ва “Soliq mobile” иловаси орқали маркировкаланмаган интернет-рекламалар ҳақида хабар берган фуқароларни рағбатлантириш тизимини ишга тушириш;

Ҳукумат қарорида белгиланаётган вазифаларни бажариш, янги тартиб-таомилларни аҳоли ва ижрочиларга етарлича тушунтирилишини таъминлашга оид чора-тадбирлар режасини тасдиқлаш;

Вазирлар Маҳкамасининг “Бутунжаҳон Интернет тармоғида ахборот хавфсизлигини янада такомиллаштириш чора-тадбирлари

тўғрисида” 2018 йил 5 сентябрдаги 707-сон қарори[1]га ўзгартириш ва қўшимчалар киритиб, унда рақамли маркировкаланмаган ёки (ва) номақбул рекламалар акс этган ахборот ресурсини чеклашни назарда тутиш;

3) ахборотлаштириш субъектлари билан бир қаторда инфлюенсерларнинг ҳам ахборотлаштириш соҳасида хизматларни кўрсатиш тартибини кўзда тутувчи Ўзбекистон Республикаси **Рақамли технологиялар вазирлигининг** 3-иловага мувофиқ “Ахборотлаштириш соҳасида хизматлар кўрсатиш қоидаларини тасдиқлаш ҳақида”ги буйруғи;

Шу билан бирга, қуйидагиларни ҳам белгилаш:

Вазирлар Маҳкамасига уч ой муддатда мазкур таклиф асосида қонун ҳужжатини Олий Мажлис Қонунчилик палатасига белгиланган тартибда киритиш ва у қабул қилинганидан кейин икки ой муддатда Ҳукумат қарорини қабул қилиш;

Рақамли технологиялар вазирлигига уч ой муддатда Ўзбекистон Республикаси Президенти ҳузуридаги Тадбиркорлик субъектларининг ҳуқуқлари ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш бўйича вакил, Бош прокуратура, ДХХ, Рақобатни ривожлантириш ва истеъмолчилар ҳуқуқларини ҳимоя қилиш қўмитаси, Солиқ қўмитаси, Савдо-саноат палатаси билан келишган ҳолда, идоравий норматив-ҳуқуқий ҳужжатни қабул қилиш бўйича топшириқ бериш;

Солиқ қўмитаси ва Рақамли технологиялар вазирлигига уч ой муддатда “Asl belgisi” тизими, Солиқ органларининг электрон давлат хизматлари портали, “Soliq mobile” иловаси, Ягона интерактив давлат хизматлари порталида таклифда назарда тутилган техник имкониятларни жорий этиш бўйича топшириқ бериш;

[1] Вазирлар Маҳкамасининг “Бутунжаҳон Интернет тармоғида ахборот хавфсизлигини янада такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида” 2018 йил 5 сентябрдаги 707-сон қарори // lex.uz – Ўзбекистон Республикаси Қонунчилик маълумотлари миллий базаси.

Адлия вазирлиги, Савдо-саноат палатаси, Оммавий контентни тайёрлаш маркази, МТРК, Ахборотлаштириш агентлигига манфаатдор вазирлик ва идораларга билан бирга ушбу таклиф натижасида қабул қилинаётган қонунчилик ҳужжатларининг мазмун-моҳиятини тушунтириш бўйича зарур чора-тадбирларни амалга ошириш мақсадга мувофиқдир.

реклама ахборотини рақамли маркировкалаш ёки токенлаш орқали инфлюенсерларнинг даромадлари шаффофлашади, бу эса бюджетга қўшимча маблағ тушишини таъминлайди;

барча соҳа вакиллари каби инфлюенсерларнинг ҳам солиққа тортилиши виждонли солиқ тўловчилар ўртасидаги тенгсизлик ва ижтимоий норозиликларни бартараф этади;

ҳар бир рекламанинг маркировкаланиши ёки токенланиши ва “Asl belgisi” тизимига интеграцияси истеъмолчига товар сифати учун ким масъул эканлигини аниқ билиш имконини беради;

сифатсиз ва қонунга зид товарлар тарғиботи камаяди, бу эса маҳаллий ишлаб чиқарувчилар ва ҳалол тадбиркорлар учун тенг имкониятлар яратади.

BOBOEV MIRSHOD MUROTOVICH
Head of the Digital Technologies Center
of the General Prosecutor's Office of t
he Republic of Uzbekistan,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law

ISSUES OF ENSURING THE LEGAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS THROUGH THE DIGITALIZATION OF CRIMINAL INVESTIGATION

Аннотация. *Мақолада жиноятларни тергов қилишни рақамли форматга ўтказишнинг шахс ҳуқуқ ва эркинликларини ҳимоя қилишдаги аҳамияти таҳлил қилинади. Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2025 йил 3 ноябрдаги ПФ-204-сон Фармони билан белгиланган "E-tergov" ахборот тизими электрон жиноят иши, электрон судга қадар иш юритув, жиноятлар тўғрисидаги хабарларни электрон рўйхатга олиш ва рақамли прокурор назоратининг асосий механизми сифатида кўриб чиқилади. Рақамлаштириш тергов фаолиятини оддий техник модернизация қилиш эмас, балки қонунийлик, шаффофлик ва процесс иштирокчилари ҳуқуқларини таъминлашга қаратилган ҳуқуқий инфратузилма бўлиши лозимлиги асосланади.*

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы перевода расследования преступлений в цифровой формат в контексте обеспечения прав и свобод личности. Особое внимание уделяется Указу Президента Республики Узбекистан от 3 ноября 2025 года № ПФ-204 и предусмотренной им информационной системе «E-tergov». Обосновывается, что цифровое расследование должно формировать юридически значимую среду электронного досудебного производства, обеспечивающую регистрацию сообщений о преступлениях, цифровой прокурорский надзор и защиту прав участников процесса.*

Abstract. *The article analyzes the significance of the digitalization of criminal investigation for the protection of an individual's rights and freedoms. The "E-tergov" information system, established by Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. PF-204 of 3 November 2025, is examined as the principal mechanism of the electronic criminal case, electronic pre-trial proceedings, the electronic*

registration of crime reports, and digital prosecutorial supervision. It is argued that digitalization should be not a mere technical modernization of investigative activity, but a legal infrastructure directed at ensuring legality, transparency, and the rights of the participants in the proceedings.

Калит сўзлар: *электрон жиноят иши, рақамли тергов, E-tergov, рақамли прокурор назорати, шахс ҳуқуқлари, электрон рўйхатга олиш, судга қадар иш юритув.*

Ключевые слова: *электронное уголовное дело, цифровое расследование, E-tergov, цифровой прокурорский надзор, права личности, электронная регистрация, досудебное производство.*

Keywords: *electronic criminal case, digital investigation, E-tergov, digital prosecutorial supervision, individual rights, electronic registration, pre-trial proceedings.*

Introduction

In the present era, digitalization is becoming one of the essential instruments for enhancing the effectiveness of public administration, strengthening legality, and protecting human rights. In the sphere of criminal justice, this process acquires particular significance, since the investigation of crimes directly affects an individual's right to liberty and personal inviolability, the right to defence, the presumption of innocence, the victim's right of access to justice, and the right to privacy.[1]

For this reason, the transition of criminal investigation to a digital form should be assessed not merely as a technological modernization of the activity of the bodies of inquiry, investigation, and the prosecutor's office, but as a legal mechanism that ensures legality, transparency, and the protection of an individual's rights.

The aim of this article is to provide a scholarly and practical substantiation of the role of the "E-tergov" information system in ensuring the electronic criminal case, electronic registration, and digital prosecutorial supervision.

[1]Constitution of the Republic of Uzbekistan. Adopted in a new (revised) version by Law of the Republic of Uzbekistan No. O'RQ-837 of 30 April 2023.

1. The Legal Foundations of the Digitalization of Investigation

The principal legal basis for this direction is Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. PF-204 of 3 November 2025. It sets out the tasks of automating all areas of the activity of the prosecutorial bodies, enhancing transparency and promptness, improving the quality of data exchange with state bodies, and transferring the processes of investigation and prosecutorial supervision to electronic form.[1]

The Decree designates as priority directions the transfer of proceedings in criminal cases to electronic form; the creation of a new information system encompassing the processes from the receipt of a statement, report, or other information about a crime through to the execution of punishment; the establishment of a Unified Interagency Integration Platform; and the introduction of artificial intelligence technologies.

In our view, these tasks raise the digitalization of investigation above the level of mere electronic document circulation. What is at issue is the formation of an environment of electronic pre-trial proceedings in which every procedural action is recorded in connection with a specific time, a responsible person, and legal consequences. The scholarly literature likewise emphasizes that the digital transformation of the activity of the prosecutorial bodies is associated with the creation of a unified system for collecting, registering, storing, and analyzing the data that characterize the sphere of prosecutorial supervision.[2]

At the same time, digitalization must be carried out in harmony with the Constitution, the Criminal Procedure Code, and the legislation on personal data, electronic document circulation, the electronic digital signature, and cybersecurity. Otherwise, digital investigation may become

[1]Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. PF-204 of 3 November 2025 “On the Approval of the “Digital Prosecutor’s Office – 2030” Strategy and on Measures for Its Effective Implementation.”

[2]Boboev M.M. Improving the Organizational and Legal Foundations of the Digital Transformation of the Activity of the Prosecutorial Bodies: Author’s Abstract of a Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy (PhD) in Law. – Tashkent, 2023.

not an instrument for protecting an individual's rights, but an additional source of risk to personal data and to the secrecy of the investigation.

2. The "E-tergov" Information System and the Electronic Criminal Case

Decree No. PF-204 provides for the introduction of the "E-tergov" information system. Its principal tasks are to transfer all stages of proceedings in a criminal case to electronic form; to digitalize supervision over the implementation of laws at the stages of pre-investigation review, inquiry, and preliminary investigation; to establish electronic document circulation for obtaining the sanction of a prosecutor or a court; to apply artificial intelligence technologies; and to ensure interagency information exchange.[1]

The Strategy specifies that the "E-tergov" system must ensure the receipt and registration of statements, reports, and information about crimes; the conduct of pre-investigation review; the maintenance of records on the institution of a criminal case or on the refusal to institute one; the assignment of registration numbers to materials; and the maintenance of investigative materials in electronic form.

Accordingly, "E-tergov" should become not merely a departmental database, but an interagency digital framework of electronic pre-trial proceedings. It must ensure the electronic interaction of the bodies conducting pre-investigation review, inquiry, and preliminary investigation, and of the prosecutor's office, as well as information exchange with the courts, expert institutions, and institutions for the execution of punishment.

To understand the electronic criminal case merely as an archive of scanned documents narrows the substance of this reform. Within it, the registration of a crime report, the movement of materials, the decisions taken, investigative actions, procedural time limits, prosecutorial and judicial sanctions, evidence, complaints, motions, and the actions of officials must be recorded as a legally significant digital trace.

[1]Ibid.

According to the experience of Kazakhstan, an electronic criminal case module integrated with the court information system has been created on the basis of the Unified Register of Pre-trial Investigations. This approach serves to digitalize the stages from the registration of an offence through to the court's decision and to reduce the risk of falsifying or substituting procedural documents.[1]

3. Electronic Registration and the Rights of the Victim

In criminal proceedings, the first guarantee of an individual's rights begins at the moment a citizen applies to a law enforcement body. If a crime report is not registered, or is not registered in a timely manner, the victim's right of access to justice is, in practice, obstructed. For this reason, the mandatory electronic registration of all statements, reports, and other information constitutes the principal rights-protecting element of digital investigation.

Electronic registration makes it possible to record the date and time on which an application is received, the channel of receipt, the responsible official, the procedural status of the materials, the time limits for review, the decision taken, and the prosecutor's supervisory actions. This reduces the risk of concealing crimes, of unjustified refusals to register, of bureaucratic delay, and of the manual manipulation of materials.

In the study by M.M. Boboev, the need to introduce amendments and additions to the Criminal Procedure Code is substantiated in connection with the electronic registration of crime-related statements, reports, and other information and the maintenance of a unified electronic record of the results of their consideration. This makes it possible to regard electronic registration not as an auxiliary technical process, but as a procedural guarantee.[2]

---

[1]Information and analytical materials on the study of the experience of the Republic of Kazakhstan: the electronic criminal case and the Unified Register of Pre-trial Investigations.

[2]Boboev M.M. Improving the Organizational and Legal Foundations of the Digital Transformation of the Activity of the Prosecutorial Bodies: Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy (PhD) in Law. – Tashkent, 2023.

It is therefore advisable for the “E-tergov” system to provide for the assignment of a unique identifier to each report, the automatic tracking of its movement, the dispatch of an electronic alert to the responsible officer and the prosecutor as time limits approach, and the capacity to analyze refusal decisions and repeat applications.

4. Protecting the Rights of the Participants in the Proceedings

The digitalization of investigation is of significance not only for victims, but also for suspects, accused persons, defence counsel, witnesses, experts, and other participants in the proceedings. The electronic criminal case creates the conditions for protection against unlawful detention, against violations of the time limits for procedural measures of coercion, against the back-dating of documents, against the substitution of materials, against the unjustified legal classification of an act, against the loss of evidence, and against the restriction of the right to defence.

A digital system does not automatically guarantee the legality of all decisions, but it increases the possibility of verifying them. If the system records the grounds for a decision, the author of a document, the date and time of its creation, subsequent modifications, the electronic signature, the destination to which a document was sent, and the prosecutor’s response, the legality of each procedural action can be verified afterwards.

The audio and video recording of investigative actions is of particular importance. The experience of South Korea demonstrates the advisability of establishing dedicated investigation rooms equipped with audio and video recording devices, computer equipment, and the appropriate infrastructure. Such solutions serve to prevent torture, unlawful pressure, coercion to give testimony, and the subsequent distortion of the content of an investigative action.[1]

Accordingly, the electronic criminal case should be not only a means of storing documents, but also an infrastructure for verifying procedural

[1]Information and analytical materials on the study of the experience of the Republic of Korea: the KICS system, digital forensics, and electronic criminal proceedings.

truth. Through audio and video recording, the content of the record of an action, the voluntariness of testimony, and the genuineness of the participation of defence counsel can be assessed.

5. Digital Prosecutorial Supervision

In the traditional paper-based model, the prosecutor often detects a violation only after it has been committed – on the basis of a complaint, in the course of examining a case, or during an inspection. The digital format, by contrast, makes it possible to detect violations in near-real time.

The "E-tergov" system should provide the prosecutor not only with access to documents, but also with a prosecutorial supervision monitoring dashboard. Such a dashboard should automatically identify overdue reviews, dormant cases, repeated refusal decisions, annulled decisions, unexamined complaints, breaches of the procedure for granting sanctions, anomalous user activity, and changes in documents that require additional verification.

According to the materials studying the experience of China, dedicated electronic portals are used in the processes of receiving and considering reports of crimes, enabling citizens to submit an application, obtain a registration number, and track the decisions taken. This experience demonstrates the need to ensure the openness and verifiability of the initial stage.[1]

Artificial intelligence technologies may serve as an auxiliary analytical tool in prosecutorial supervision: such uses include the analysis of the text of applications, the identification of indications of non-registration, the flagging of breaches of procedural time limits, and the detection of repeated refusal decisions and statistical discrepancies. Procedural decisions, however, must not be taken solely on the basis of an artificial intelligence conclusion; the final decision must be taken by an authorized official in a reasoned manner and must remain subject to appeal.[2]

[1]Information and analytical materials on the study of the experience of the People's Republic of China: the digitalization of prosecutorial activity and the receipt of electronic applications.

[2]Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. PF-204 of 3 November 2025.

Thus, digital prosecutorial supervision should be not a passive review of materials, but an active analytical mechanism aimed at preventing violations of legality. Its principal task is the early detection of such risks as the failure to register crime reports, the protraction of investigative time limits, the violation of the right to defence, and the restriction of victims' access to justice.

Conclusion

The transition of criminal investigation to a digital format is one of the important directions for strengthening legality, enhancing citizens' trust in law enforcement bodies, and ensuring the genuine protection of an individual's rights and freedoms.

The "E-tergov" system should become the central element of electronic pre-trial proceedings. Its task consists not in creating yet another database, but in forming a legally significant interagency digital environment in which every crime report, every procedural decision, every investigative action, every item of evidence, and every intervention by the prosecutor is recorded, verifiable, and protected.

The principal criterion of this system's effectiveness should be not the number of electronic documents created, but the system's capacity to prevent violations of the law. On this basis, it is advisable to define clearly, in procedural legislation, the concepts of the electronic criminal case, electronic registration, digital evidence, and the legally significant digital trace. Only when digital investigation is shaped as a legal infrastructure for the protection of human rights will technology serve the rule of law, justice, and human dignity.

БАБАКУЛОВ СОТИБОЛДИ БАБАНАЗАРОВИЧ
Тошкент шахар ҳокимлиги ҳузуридаги Фуқароларнинг ўз ўзини бошқариш органлари ходимларининг малакасини ошириш бўйича ўқув курслари директори, ю.ф.д., профессор

МАҲАЛЛАДА ХАВФСИЗ МУҲИТНИ ЯРАТИШ ВА ҲУҚУҚБУЗАРЛИКНИНГ БАРВАҚТ ОЛДИНИ ОЛИШ ҲАМДА ҚОНУН УСТИВОРЛИГИНИ ТАЪМИНЛАШДА РАҚАМЛИ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДАН ФОЙДАЛАНИШ

Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2025 йил 3 январдаги «2025 йилда республика маҳаллаларида хавфсиз муҳитни яратиш ва ҳуқуқбузарликларнинг барвақт олдини олиш тизими самарадорлигини янада ошириш бўйича чора-тадбирлар тўғрисида»ги ПҚ-1-сон қарори ижроси натижасида маҳаллаларда жиноятчиликни қарийб 1,5 бараварга камайтиришга эришилганини инобатга олган ҳолда, мазкур йўналишда яхлит ишлаш тизимини жорий этиш ҳамда масъул раҳбарларнинг вазифалар аниқ манзилли қилиб белгиланди.

Ушбу қарорнинг асосий мақсадлари этиб қуйидагилар белгиланди:

Биринчидан-ижтимоий профилактика самарадорлигини оширишни устувор вазифа этиб белгилаган ҳолда маҳаллаларда хавфсиз муҳитни ишончли таъминлаш бўйича манзилли профилактик чора-тадбирлар тизимини самарали жорий этиш орқали жиноятчиликни кескин камайтириш;

Иккинчидан- оила-турмуш муносабатлари доирасида аёллар ва ёшлар томонидан содир этилаётган жиноятларнинг асл омилларини

илмий ёндашувлар асосида таҳлил қилиш орқали уларнинг барвақт олдини олиш бўйича янгича ишлаш механизмларини белгилаш;

Учинчидан - ҳар қандай ноқонуний ҳолатлар юзасидан мурожаатларга тезкорлик билан муносабат билдириш тизимини яратиш, бу борадаги фаолиятни бевосита жойларда самарали йўлга қўйиш орқали аҳоли розилигига эришиш.

2. Қуйидагилар барча масъул идоралар ва муассасалар учун маҳаллаларда хавфсиз муҳитни яратиш бўйича ташкилий-профилактик чора-тадбирларни амалга оширишнинг устувор вазифалари этиб белгилансин.

Биринчидан- Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2025 йил 3 январдаги «2025 йилда республика маҳаллаларида хавфсиз муҳитни яратиш ва ҳуқуқбузарликларнинг барвақт олдини олиш тизими самарадорлигини янада ошириш бўйича чора-тадбирлар тўғрисида»ги ПҚ-1-сон қарори билан белгиланган механизмларига мувофиқ ишларни давом эттириш;

Иккинчидан- ҳар бир маҳаллада криминоген вазиятга салбий таъсир этувчи омиллар билан ишлашнинг маҳаллалар кесимида ҳар чораклик манзилли чора-тадбирларини белгилаш ҳамда уларнинг маҳалла — туман — вилоят даражасида ижроси учун бевосита масъул раҳбарларни бириктириш ва зиммаларига аниқ жавобгарликни юклаш;

Учинчидан- маҳалла ҳудудида аҳолининг ижтимоий-маиший муаммоларини ҳал этиш орқали олдини олиш мумкин бўлган ҳар бир жиноят бўйича маҳаллий ҳокимликларнинг масъулиятини ошириш, ижтимоий профилактика субъектлари томонидан амалга оширилган тадбирлар самарадорлиги юзасидан қатъий сўров тизимини йўлга қўйиш;

Тўртинчидан- оила-турмуш муносабатлари доирасида ҳамда аёллар ва ёшлар томонидан содир этиладиган жиноятларни «илмий хулоса — тавсия — натижа» тамойили асосида жойларга чиққан ҳолда

мақсадли илмий-амалий ўрганиш орқали самарали ташкилий-ҳуқуқий чораларни белгилаш;

Бешинчидан- маҳаллалардаги жамоат жойларда ҳуқуқбузарликларнинг барвақт олдини олиш йўналишига замонавий ахборот-коммуникация ва сунъий интеллект технологияларини, ижтимоий профилактикага масъул идоралар ва муассасалар томонидан кўрилаётган чораларнинг самарадорлиги устидан электрон назорат тизимини кенг жорий этиш.

Мазкур қарорга мувофиқ маҳаллаларда жиноятчиликнинг барвақт олдини олиш бўйича самарали тизимни йўлга қўйишга қаратилган манзилли ишларни ташкил этиш мақсадида 2026 йилда ҳудудлар масъул раҳбарлар ва муассасаларга қуйидаги тартибда номма-ном бириктирилади:

Биринчидан- криминоген вазияти оғир маҳаллалар — туман (шаҳар) ҳокимлари, прокурорлари ҳамда ички ишлар органлари бошлиқлари ва уларнинг ўринбосарларига;

Иккинчидан- беш йилдан буён «қизил» тоифада бўлаётган маҳаллалар — Миллий гвардиянинг ҳудудий бошқармалари бошлиқлари, вилоят даражасидаги ички ишлар органлари раҳбарларининг ва ҳокимларнинг ўринбосарларига;

Учинчидан- уч йилдан буён «қизил» тоифада қолаётган маҳаллалар — ҳуқуқ-тартибот идораларининг таълим ва илмий ташкилотларига;

Тўртинчидан- криминоген вазияти энг оғир туман ва шаҳарлар — вилоятлар даражасидаги прокурорларнинг ва ички ишлар органлари раҳбарларининг биринчи ўринбосарларига;

Бешинчидан- аёллар жиноятчилиги, спиртли ичимлик ва гиёҳвандликка ружу қўйган шахслар жиноятчилиги ҳамда низоли оилалар салмоғи энг юқори бўлган маҳаллалар — тегишинча вилоятлар даражасидаги оила ва хотин-қизлар, соғлиқни сақлаш ҳамда адлия бошқармалари бошлиқларига.

Давлатимиз раҳбари Шавкат Мирзиёев 2025 йил 26 декабрь куни Олий Мажлис ва Ўзбекистон халқига Мурожаатномасида шундай қайд қилдилар: “Бугунги кунда жамиятимизда турли хил фикр ва қарашлар бўлиши табиий. Бу — демократиянинг бирламчи талаби. Аммо, миллати, тили ва динидан қатъи назар, бутун эл-юртимизни бирлаштирадиган улуғ бир ғоя бор. У ҳам бўлса, Ватан манфаати халқимиз манфаатидир. Мана шундай буюк мақсадга эришишда маҳалла тизимининг ўрни ва таъсири беқиёс. Чунки, маҳалла тинч ва аҳил бўлса, жамиятимиз тинч ва ҳамжиҳат бўлади. Маҳалла ривожланса, бутун мамлакатимиз юксалади”.

Бугунги кунда ҳаётимизни янада юксалтириш учун аҳолининг ҳуқуқий онги, ижтимоий фаоллиги ва фуқаролик масъулиятини ошириш, жиноят содир этилишига сабаб бўлиши мумкин бўлган ижтимоий муаммоларни ҳал этишга жамоатчилик вакиллари, нуронийлар ва маҳалла еттилиги фаоллари жалб этилди.Жамоат жойлари ва яшаш хонадонларида хавфсиз муҳит яратиш, фуқаролар ҳаёти, соғлиғи ва мол-мулкига нисбатан ҳар қандай тажовузларнинг олдини олиш мақсадида ҳуқуқбузарликлар профилактикасига замонавий рақамли технологиялар ҳамда техник воситалар кенг жорий этилди.

Бугунги кун профилактика инспекторларидан содир этилган жиноят ва ҳуқуқбузарликларни ҳисобга олиш, уларнинг оқибати билан курашиш эмас, балки содир этилишига сабаб бўлган омилларни чуқур таҳлил қилиш ҳамда шаҳар-туманлар ички ишлар органлари фаолиятида уларнинг барвақт олдини олишга қаратилган чора ва тадбирларни ўз ҳудудларида амалга оширишга жиддий ёндашиш талаб этилади.

Шу боис **ҳам 2026 йил — “Маҳаллани ривожлантириш ва жамиятни юксалтириш йили”** деб номланди.

2026 йил Президент Шавкат Мирзиёев раислигида камбағалликни қисқартириш ва аҳоли бандлигини таъминлаш бўйича 2026 йилда

амалга оширилиши лозим бўлган асосий вазифалар юзасидан ўтказилган видеоселектир йиғилишида,қуйдаги масалаларга алоҳида урғу берди; **агар маҳаллада ишсиз одам ёки камбағал оила сақланиб қолаётган бўлса демак,ислоҳат ўша жойга етиб бормаган.Агар еттилик тизими аҳоли муаммосини ҳал қила олмаётган бўлса демак,тизим ишламаяпти.**

Бизда имконият бор,маблағ бор,қарор ва дастурлар бор.Етишмаётган нарса маъсулият ва шахсий жавобгарлик -деди давлатимиз раҳбари.

Президент мавжуд имкониятларни ишга солишда ҳокимлар ва маҳалла еттилигида методик билим ва амалий тажриба етишмаётгани,маъсул вазирлик идоралар эса уларга етарли даражада кўмаклашмаётганлигини танқид қилди.

2026 йил 25 апрель куни Бош прокурор Ниғматилла Йўлдошев раислигида республика маҳаллаларида хавфсиз муҳитни яратиш ва ҳуқуқбузарликларнинг барвақт олдини олиш бўйича Республика идоралараро мувофиқлаштириш Кенгашининг навбатдаги кенгайтирилган йиғилиши ўтказилди.

Видеоселектор тарзида ўтказилган мазкур йиғилишда Ўзбекистон Республикаси Президенти Администрацияси, Парламент ва Ҳукумат аъзолари, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи идоралар, бошқа вазирлик ва идораларнинг раҳбарлари, Республика идоралараро мувофиқлаштириш штабининг аъзолари, вилоят, туман–шаҳар ҳокимлари, прокурорлар, ички ишлар идоралари раҳбарлари, ҳудудий ишчи гуруҳ аъзолари, шунингдек бошқа идоралар вакиллари иштирок этдилар.

Йиғилишда Ўзбекистон Республикаси Президентининг 05.01.2026 йилдаги 1 ва 2 сонли карорлари ва мамлакатда жиноятчилик ва ҳуқуқбузарликларни олдини олишга доир вазифалар ижроси танқидий муҳокама қилинди.

Бош прокурор сўзга чиқиб, Давлат раҳбарининг ташаббуслари билан мамлакатда тинчлик ва осойишталикни таъминлаш чоралари мутлақо янгича ёндашувлар ва самарали механизмлар асосида ҳудудларда криминоген вазиятни барқарорлаштириш борасида амалга оширилган ишларга тўхталиб 2025 йил ва жорий йилнинг ўтган даврда маҳаллаларда **20** мингдан зиёд “намунавий хавфсиз кўча” ва **50** мингга яқин “хавфсиз йўлак”лар ташкил этилди, аҳоли гавжум жойларга минглаб видеокузатув, юзни ва авторақамларни таниб олувчи камералар ўрнатилган. **300** мингга яқин объектлар техник қўриқловга олинган, бир неча ўн минглаб ташвиш тугмалари, замонавий домофон комплекслари ўрнатилган, ҳуқуқбузарлик содир этиш ва ундан жабрланиш эҳтимоли бўлган фуқароларнинг маиший-ижтимоий муаммолари ҳал этилган.Шу билан бирга Бош прокурор мутасаддилар томонидан қарорлар ижросини таъминлашда йўл қўйилаётган хато ва камчиликларни ҳар бир ҳудуд ва соҳа кесимида аниқ рақамлар ва мисоллар билан таъкидлаб ўтди.

Тадбирда республика идоралараро мувофиқлаштириш штаби аъзолари, масъул идоралар раҳбарлари ва ҳокимларнинг камчиликлари юзасидан тушунтириш ва изоҳлари эшитилди, масъулиятсизликка йўл қўйган мутасаддиларга нисбатан тегишли чоралар кўрилди.

Қайд этилганидек, прокуратура органларининг бугунги фаолияти Ўзбекистон Республикаси Президенти раҳбарлигида амалга оширилаётган шиддатли ислоҳотларни амалда рўёбга чиқариш, белгиланган вазифаларнинг тўлиқ ва сўзсиз ижро этилишини таъминлаш, барча соҳаларда қонунийликни мустаҳкамлашга йўналтирилган.

Таъкидланишича, жорий йилнинг ўтган даврида прокуратура органлари томонидан аниқланган қонун бузилиши ҳолатлари юзасидан **160 мингдан ортиқ** назорат ҳужжатлари қўлланилиб, **526 минг** фуқаронинг бузилган ҳуқуқлари тикланган.

Назорат тадбирлари ва дастлабки тергов давомида айбдор шахслардан фуқароларга ва давлат манфаатларига етказилганлиги аниқланган **2,2 трлн.** сўмлик зарарнинг ундирилиши таъминланган.Аҳолини ижтимоий муҳофаза қилиш, бандлигини таъминлаш, камбағалликни қисқартириш, ёшлар ва хотин - қизларни ҳар томонлама қўллаб - қувватлашга оид қонунчилик ижросини таъминлашга алоҳида эътибор қаратилган.

Хусусан, прокурорлар ташаббуси билан **961** маротаба бўш иш ўринлари меҳнат ярмаркалари ўтказилиб, уларда **11 340** нафар ишсиз фуқаролар ишга жойлаштирилган.

Вояга етмаганларни ҳар томонлама қўллаб-қувватлаш, уларнинг ҳуқуқларини тўла таъминлаш бўйича ҳам назорат тадбирлари тизимли давом эттирилган.Маданий мерос объектларини асраш, туризм ва спортни ривожлантириш, табиатни муҳофаза қилишга доир вазифалар ижроси устидан назорат кучайтирилган.

Табиий экологик муҳитни сақлаш, **“Яшил макон”** умуммиллий лойиҳасини амалга ошириш, муҳофаза этиладиган табиий ҳудудлар ерларининг ўзбошимчалик билан эгаллаб олиниши ва ноқонуний қурилмалар қурилишининг олдини олишга алоҳида эътибор қаратилмоқда.

Камбағалликни қисқартириш бўйича янги ёндашувлар асосида назорат тадбирлари самарали ташкил қилинганлиги натижасида камбағал оилалар реестрига киритилган **302 минг** нафар фуқароларга **1,8 млндан** зиёд ижтимоий хизматлар кўрсатилиб, уларнинг аҳволи яхшиланган.

Аҳоли муаммоларини ҳал қилиш, **мурожаатлар билан ишлаш** масаласи ҳам ҳайъат муҳокамасидан ўрин олди.Маълум бўлишича, халқ билан очиқ мулоқот қилиш, фуқароларнинг қийнаётган муаммоларини ҳал этишга устувор аҳамият қаратилиб, ҳисобот даврида **218 мингта** мурожаатлар бевосита прокуратурада ҳал этилган ва **54 минг** нафар шахсларнинг бузилган ҳуқуқлари тиклаб берилган.

Бу йил мустақил давлатимиз Конституцияси қабул қилинганлигининг 34 **йиллигини** кенг нишонлаймиз.Асосий Қонун миллий давлатчилигимиз,эришилган барча ютуқ ва марралар, демократик ҳуқуқий давлат барпо этиш йўлидаги саъй-ҳаракатларнинг мустаҳкам пойдевори ҳисобланади.

Ўзбекистон Республикасининг янги таҳрирда қабул қилинган Конституцияси мамлакатимизда ҳуқуқий давлат қуриш,инсон ҳуқуқ ва эркинликларини олий қадрият сифатида тан олиш ҳамда жамиятда қонун устуворлигини амалда қарор топтириш йўлида сифат жиҳатдан янги босқични бошлаб берди, десак,муболаға бўлмайди.Ҳеч шубҳасиз давлатимиз раҳбари асос солган тараққиётимизнинг янги босқичида жамиятда адолатни қарор топтириш,қонунийликни мустаҳкамлаш ҳамда инсон ҳуқуқларини ҳимоя қилиш бўйича кенг қамровли ва мисли кўрилмаган ислоҳотлар амалга оширилмоқда.

Бугунги кунда махаллаларда қонун устуворлигини таъминлаш ҳамда аҳоли муаммоларини ҳал этилиши устидан таъсирчан жамоатчилик назоратини амалга ошириш механизмлари,шунингдек мутассадиларнинг аҳолига ҳисоботлар тақдим этиш тартиб - таомиллари тизими йўлга қўйилган ва ўз самарасини бермоқда.

Мутахасислар ва мутассадилар давлатимиз раҳбарининг 2023 йил 11сентябрдаги «Ўзбекистон 2030» стратегияси тўғрисидаги фармони, Ўзбекистон Республикасининг «Жамоатчилик назорати тўғрисида»ги, «Коррупцияга қарши курашиш тўғрисида»ги қонунларининг мазмун моҳияти хусусида тушунчалар бериб келинмоқда.

Ўтказилган барча учрашувлар давомида маҳаллаларда қонун устуворлигини таъминлаш ҳамда аҳоли муаммоларини ҳал этишда самарали жамоатчилик назоратини амалга ошириш коррупциянинг олдини олишда муҳим вазифа эканлиги такидланмоқда.

Мамлакатимизда кучли фуқаролик жамиятини барпо қилишда маҳалла институти алоҳида рол ўйнайди. Кейинги йилларда маҳаллалар аҳолига энг яқин ва самарали фуқаролик жамияти

институти сифатида фуқароларнинг давлат органлари билан тўғридан-тўғри мулоқот майдонига айланмоқда.Хусусан,маҳаллаларда йўлга қўйилган «еттилик» тизими орқали аҳолига кредит,субсидия,компенсация,моддий ёрдам ажратиш каби юздан зиёд хизматлар маҳалла даражасида кўрсатилмоқда. Барча соҳа ва йўналишлар бўйича маҳаллабай ишлаш тизими кенг жорий этилгани ижобий самара бермоқда.Маҳалла фуқаролик жамиятининг таянч устунига,чинакам халқчил тузилмасига айланиб бормоқда.

Юқорида таъкидланганидек,мамлакатимизда аҳоли ва бизнес учун бюрократия,оворагарчилик ва бошқа маъмурий тўсиқларни бартараф этишда устувор аҳамият қаратилмоқда.Давлат хизматлари кўрсатишнинг миллий тизимини тубдан ислоҳ қилиш ва рақамлаштириш,давлат органлари фаолиятини мақбуллаштириш аҳоли билан давлат идоралари ўртасида тўғридан-тўғри мулоқот ўрнатиш бўйича кенг кўламли ишлар амалга оширилди.

Давлатимиз раҳбарининг 2025 йил 6 октабрь куни ўтказган тақдимоти, мамлакатимизда суний интеллект технологияларини ривожлантириш ва уларни иқтисодиёт ҳамда ижтимоий соҳаларга кенг жорий этиш масалаларига бағишланган тақдимот бўлди. Ўзбекистонда ҳам бу йўналишдаги ҳаракатлар тобора изчиллик ва мақсадга йўналтирилган тарзда давом этмоқда.

Давлатимиз раҳбарининг таъкидлашича, сунъий интеллект нафақат иқтисодий ривожланиш учун, балки самарали бошқарув, хавфсизлик, таълим ва соғлиқни сақлаш соҳасида ҳам муҳим восита ҳисобланади. Сўнгги йилларда Ўзбекистонда бу соҳада тизимли ислоҳотлар амалга оширилмоқда ва давлатимиз сунъий интеллектни жорий этиш бўйича халқаро рейтингда 17 поғона юқорига кўтарилди. Ҳозир Ўзбекистон 188 давлат орасида 70-ўринни эгаллаб турибди, Марказий Осиё бўйича эса 1-ўринни тутмоқда.

XXI асрда ахборот технологиялари ва рақамлаштириш ҳар бир мамлакат тараққиётининг асосий мезони сифатида намоён

бўлаётганини барчамиз кўриб билиб турибмиз. Дунёда сунъий интеллектга эътибор мисли кўрилмаган даражада юқори. Бу нафақат давлатларнинг стратегик ривожланиш режаларида,балки йирик корпорацияларнинг сармоявий сиёсатида ҳам яққол намоён бўлади.

Бугунги кунда ахборот технология ва рақамлаштириш маҳаллалардаги муаммоларни аниқ манзилли аниқлаш ва уларни ечимини тезликда бартараф этиш ва тезлаштириш имконини оширади.

Маҳалла бу ислоҳатлар қаерда ишлаяпти,қаерда тўхтаяпти,деган саволларга аниқ жавоб берадиган бўғин.Бугунги кунда Ўзбекистон маҳаллалар уюшмаси Рақамли технологиялар вазирлиги ва Ўзбекистон Республикаси Президенти ҳузуридаги ижтимоий ҳимоя миллий агентлиги билан биргаликда 2024 йил 1 октябрдан «Рақамли маҳалла» платформасида “Маҳалла еттилиги»нинг ягона саволномаси натижасида аниқланган муаммолар бўйича буютмаларни шакиллантириди ва ушбу буютмаларни маъсул вазирлик ва идораларга йўналтириш имконини берувчи «Ягона саволнома» модули ишга туширилганлиги масалаларни аниқлаш ва билишни янада уларни тезроқ ҳал қилишга имконият яратади.

Бугунги дунёда суъний интеллект технологиялари иқтисодиёт, таълим, соғлиқни сақлаш, хавфсизлик ва бошқа муҳим соҳаларда муҳим восита сифатида кенг қўлланилмоқда. Улар давлат бошқарувида самарадорликни ошириш, ресурслардан самарали фойдаланиш ва аҳолига кўрсатилаётган хизматларнинг сифатини яхшилашга хизмат қилади.

Иқтисодиёт ва ижтимоий соҳаларда сунъий интеллект технологияларини жорий этиш мақсадида 50 миллион доллар маблағ ажратилган. Ҳозирда мамлакатимизда соғлиқни сақлаш, таълим, қишлоқ хўжалиги, энергетика, транспорт, экология ва молиявий соҳаларни қамраб оладиган 86 та лойиҳа ишлаб чиқилган. Ҳозирги кунда сунъий интеллектни қўллаш учун зарур ҳисоблаш

имкониятларини яратиш мақсадида "суперкомпьютер кластери"ни ташкил этиш ишлари жадаллик билан давом этмоқда.

Соҳада кадрларни тайёрлашни яхшилаш мақсадида кўплаб дастурлар амалга оширилмоқда. «Миллион сунъий интеллект раҳбарлари» миллий дастури доирасида ёшлар учун **aistudy.uz** ва **omp.aistudy.uz** платформалари ишга туширилди. Улар орқали суний интеллект бўйича 5 та бепул онлайн таълим дастури тақдим этилмоқда. Дастур доирасида 2027 йилгача 1 миллион йигит-қиз сунъий интеллект соҳасига алоқадор билим ва кўникмаларга эга бўлади.

Рақамли технологиялар ва сунъий интеллект Ўзбекистон тараққиётининг мазмунан янги босқичида шиддат билан ривожлантирмоқда,бу ислоҳотни бошқача ифода этиш мушкул.

Муҳим жиҳати шундаки,жадал ўсиш суръатлари инфратузилмага сарф харажатлар ҳисобидан эмас самарадорликни ошиши эвазига таъминланмоқда. Содда қилиб айтганда, сунъий интеллект ва замонавий технологиялар давлат бошқаруви, хизматлар, логистика,молия ва ишлаб чиқариш жараёнларида вақт ҳамда ресурисларни тежаш имконини беради.Рақамли технологиялар иқтисодиётдаги тармоқлараро тафовутларни ҳам қисқартирмоқда.

2026 **йилнинг «Маҳаллани ривожлантириш ва жамиятни юксалтириш йили**» деб эълон қилиниши тасодифий эмас,чунки маҳалла фақат ҳудуд бирлик эмас,балки ижтимоий капитал,бирдамлик мактаби,тарбия ва ҳамжиҳатлик манбаидир.

Ижтимоий сўровларга кўра аҳолининг **90** фоизи ўзини маҳалла жамоасининг ажралмас қисми деб ҳисоблаши жамиятда Ватан тақдирига дахилдорлик туйғусини юксаклигини кўрсатади.

Демак,**маҳалла тинч бўлса-жамият тинч бўлади,маҳалла ривожланса мамлакат юксалади.**

Маҳаллада хавфсиз муҳитни яратиш ва ҳуқуқбузарликнинг барвақт олдини олиш бўйича таклифлар :

Биринчидан: Ўзбекистон республикада фаолият олиб бораётган 8992 та маҳалла фуқаролар йиғини раисларини бугунги кунда хавфсиз муҳит ўзи нима; унинг бартараф этиш тизимини маҳаллада қандай яратиш лозимлиги; раисни иш фаолияти сифати,тажрибаси ва билим даражасини доимий равишда янгилаб бориш учун малакасини тизимли ошириб бориш.

Иккинчидан: Маҳалла еттилиги аъзоларини -маҳаллани ривожлантириш ва жамиятни юксалтиришдаги қиладиган ишларини “Рақамли маҳалла платформасида” ойлик, уч ойлик, олти ойлик, тўққиз ойлик ва йиллик натижаларни шафоф баҳолаб, уларни эришган натижасига қараб қандай рағбатлантириш ва маъсулиятсизлиги учун қандай чораларни кўриш тизимини ойдинлаштириш.

Учинчидан: Маҳаллада хавфсиз муҳитни яратиш ва ҳуқуқбузарликни барвақт олдини олишда маҳаллада мавжуд бўлган доимий комиссиялар ва жамоатчилик тузилмалари имкониятларидан фойдаланиш йўлларини тизимли йўлга қўйиш ва уларни қилган ишлари натижаларига қараб манфатдор қилиш юзасидан доимий рағбатлантириш тизимини йўлга қўйиш.

Тўртинчидан: Ҳар бир маҳалла ўз фуқароларига давлат хизматлари юзасидан маслаҳат бера оладиган сунъий интеллект ёрдамчисига эга бўлиши керак.Бунда мавжуд давлат хизматларини биладиган ягона сунъий интеллект платформасига интегратция қилиш ва интерфейсни аҳолининг рақамли саводхонлик даражасига мослаштириш талаб этилади.

Бешинчидан: Давлат томонидан маҳалладаги аёллар ва ёшлар учун сунъий интеллект бўйича амалий дастурларни ишлаб чиқиш унда иш берувчиларга ходимларни ишга қабул қилиш ва уларни амалий рақамли кўникмалари бўйича ўқитиш учун субсидия ажратиш.

Маҳаллада қонун устиворлигини таъминлашда рақамли технологиялардан фойдаланиш бўйича таклифлар:

Биринчидан: Аҳолининг ҳуқуқий онги,ижтимоий фаоллиги ва фуқаролик маъсулиятини ошириш,жиноят содир этишига сабаб бўлиши мумкин бўлган ижтимоий муаммоларни яширмасдан илмий назарий амалий ҳал этишга тегишли бўлган мутасадилар,жамоатчилик вакиллари, нуронийлар ва билимли,тажрибали ташаббускор маҳалла еттилиги фаолларини манзилли ишлашини таъминлаш ва қилинган ишларни маҳалла платформасида интегратция қилиб бориш.

Иккинчидан: Маҳаллаларда қонун устуворлигини таъминлашда ҳамда аҳоли муаммоларини ҳал этилиши устидан таъсирчан жамоатчилик назоратини амалга ошириш механизмлари.Шунингдек мутассадиларнинг аҳолига ҳисоботлар тақдим этиш тартиб-таомиллари тизимили йўлга қўйилган лекин уларни самарадорлиги етарли деб бўлмайди.

Учинчидан: Маҳаллада қонун устиворлигини таъминлашда ахборот технологиялари ва рақамлаштиришдан тўлиқ фойдаланиш орқали маҳаллалардаги муаммоларни аниқ манзилли аниқлаш ва уларни ечимини тезликда бартараф этишни тезлаштириш имконини оширади.

Тўртинчидан: Маҳаллада қонун устиворлигини таъминлашда бир усул сифатида минглаб видеокузатув,юзни ва авторақамларни тушириб олувчи камералар ўрнатилган бу жуда яхши уларни ишлаш самарадорлигини ҳар бир маҳалладаги профилактика инспектори ва маҳаллани бошқа еттилик аъзолари ўзларига таълуқли маълумотларни ўз вақтида олиб таҳлил қилиб,ечимини ечишни таъминлаши лозим.

Бешинчидан: Ишдаги натижадорликни янада ошириш учун юқоридаги ўрнатилган қурилмалар барчаси маҳалла еттилигидаги планшет ва комьпютерга интегация қилинган бўлиши лозим.

ИБРАЙМОВ АСКАР ЕСБОСИНОВИЧ
Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси бўлими бошлиғи, п.ф.д., доцент

КЕЛАЖАК АКАДЕМИЯСИ: СУНЪИЙ ИНТЕЛЛЕКТ — ҲУҚУҚИЙ ТАЪЛИМ ТРАНСФОРМАЦИЯСИНИНГ БОШ ДРАЙВЕРИ

Бугун инсоният тарихида янги цивилизацион босқич шаклланмоқда. Бу босқич нефть, металл ёки саноат билан эмас, балки маълумотлар, алгоритмлар ва сунъий интеллект билан белгиланмоқда. Рақамли трансформация эндиликда фақат иқтисодиёт ёки технология соҳаларини эмас, балки давлат бошқаруви, хавфсизлик, ҳуқуқ ва таълим тизимларининг бутун архитектурасини қайта шакллантирмоқда.

Айниқса, ҳуқуқ соҳасидаги ўзгаришлар мисли кўрилмаган суръатларда кечмоқда. Кибержиноятчилик трансмиллий тус олмоқда. Рақамли далиллар жиноят ишларининг марказий элементига айланмоқда. Сунъий интеллект орқали амалга оширилаётган манипуляциялар, deepfake технологиялари, криптоактивлар билан боғлиқ ноқонуний операциялар, автоматлаштирилган киберҳужумлар ҳуқуқни муҳофаза қилиш органлари олдига мутлақо янги чақириқларни қўймоқда.

Бироқ бу ерда энг муҳим савол бошқача:

Бундай дунё учун қандай ҳуқуқшунос тайёрлаяпмиз?

Чунки XXI асрнинг асосий муаммоси ахборот етишмаслиги эмас. Асосий муаммо — тез ўзгараётган рақамли воқеликка мос интеллектуал кадрлар тайёрлашдир.

Айнан шу нуқтада сунъий интеллект ҳуқуқий таълим тизими учун оддий технологик восита эмас, балки стратегик драйвер сифатида намоён бўлмоқда.

Бугун AI ҳуқуқий таълимни шунчаки рақамлаштирмаяпти. У унинг бутун архитектурасини қайта шакллантирмоқда.

Анъанавий юридик таълим модели индустриал давр мантиғи асосида шаклланган эди. Унда билим статик, ўқитувчи марказий фигура, аудитория эса ахборот қабул қилувчи субъект сифатида қаралар эди.

Бироқ рақамли цивилизация бу моделнинг чекланганлигини яққол намоён қилди.

Чунки бугун:

- ҳуқуқий маълумотлар экспоненциал суръатларда ўсмоқда;
- кибержиноятлар доимий трансформацияга учрамоқда;
- рақамли далиллар мураккаблашмоқда;
- сунъий интеллект янги ҳуқуқий муносабатларни вужудга келтирмоқда.

Классик таълим эса кўп ҳолларда ҳануз:

- статик билим бериш;
- назарияни ёдлаш;
- формал баҳолаш;
- стандарт ёндашувлар доирасида қолиб кетмоқда.

Энг катта муаммо шундаки, рақамли муҳит ҳар куни янгиланмоқда, лекин таълим тизими баъзан йиллар давомида ўзгармай қолмоқда.

Натижада биз баъзан келажак жиноятларига қарши курашиши керак бўлган мутахассисларни ўтмиш моделлари асосида тайёрлаб қўямиз.

Шу боис, бугун ҳуқуқий таълим олдидаги асосий вазифа — маълумот бериш эмас, балки интеллектуал адаптацияни таъминлашдир.

Сунъий интеллект айнан мана шу нуқтада ҳуқуқий таълимнинг янги архитектори сифатида майдонга чиқмоқда.

Масалан, замонавий AI платформалар таълим олувчининг:

- билим даражасини;
- фикрлаш тезлигини;
- таҳлилий қобилиятини;
- хатолар динамикасини;
- компетенция дефицитини реал вақт режимида таҳлил қилиш имкониятини бермоқда.

Бу эса биринчи марта ҳуқуқий таълимни ҳақиқий индивидуал моделга айлантириш имконини яратмоқда.

Келажакда барча тингловчилар бир хил дастур асосида эмас, балки шахсий интеллектуал траектория асосида таълим олади.

Академиямизда ҳам мазкур йўналишда тизимли ишлар амалга оширилмоқда.

Хусусан:

- AI-ассистентлар;
- рақамли таълим платформалари;
- адаптив курслар;
- видео-казуслар;
- рақамли симуляциялар;
- AI прокурор модели

Бу каби инновацион ёндашувлар босқичма-босқич жорий этилмоқда.

Айниқса, **“AI прокурор”** концепцияси ҳуқуқий таълимни симуляцион ва интерактив босқичга олиб чиқишга хизмат қилмоқда.

AI инсон интеллектуал имкониятларини кенгайтирмоқда.

Келажакда энг самарали ҳуқуқшунос — сунъий интеллект билан рақобатлашадиган эмас, балки у билан интеллектуал ҳамкорлик қила оладиган мутахассис бўлади.

ИМОМНАЗАРОВ АЛИШЕР ХАСАНОВИЧ
Ўзбекистон Республикаси
Бош прокуратураси Прокуратура
органлари тергов тармоқлари фаолияти
устидан назорат бошқармаси
бошлиғи, ю.ф.д.

ТЕРГОВГА ҚАДАР ТЕКШИРУВ БОСҚИЧИНИ РАҚАМЛАШТИРИШ ВА СУНЪИЙ ИНТЕЛЛЕКТНИ ҚЎЛЛАШ ИСТИҚБОЛЛАРИ

Бугунги кунда ҳаётни рақамли технологияларсиз тасаввур қилиш қийин. Жаҳоннинг ривожланган мамлакатларида рақамли технологиялар ва сунъий интеллект барча соҳаларда самарали қўлланилиб, ўзининг ижобий самарасини бермоқда. Замон талаби ҳуқуқни муҳофаза қилиш тизимида ҳам рақамли технологияларни жорий этишни тақозо этмоқда.

Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратураси томонидан терговга қадар текширув ва дастлабки тергов сифатини янги босқичга кўтаришга қаратилган ишлар изчиллик билан амалга оширилмоқда. Жиноят ҳақидаги ариза ва хабарлар келиб тушганидан то дастлабки тергов ҳаракатлари якунига қадар бўлган жараёнларга рақамли технологияларни жорий этиш ҳамда ахборот тизимларини интеграция қилишга устувор аҳамият қаратилмоқда.

Жумладан, жиноятга оид ариза ва хабарларни рўйхатдан ўтказишдан то терговга қадар текширув ҳаракатлари натижаларини қайд этишгача бўлган жараённи қамраб олган «Е-материал» ахборот тизими йўлга қўйилди. Шунингдек, ҳодиса жойи ва мурдани кўздан кечириш, экспертиза қарорларини қабул қилиш, жўнатиш ҳамда экспертиза хулосаларини олиш каби энг муҳим процессуал

ҳаракатларни тўлиқ рақамлаштириш мақсадида «Е-тергов» дастурий таъминоти яратилди. Ушбу дастурий таъминот «Е-материал» тизимига интеграция қилинган махсус планшетларга ўрнатилиб, ҳар бир терговчига индивидуал бириктирилди. Ҳозирда мазкур процессуал ҳаракатлар сунъий интеллект ёрдамида тергов планшетлари орқали расмийлаштирилмоқда.

«Е-тергов» дастурий таъминоти ишга туширилгач, унинг ёрдамида 15 мингга яқин хабар қабул қилинди, 14 мингдан ортиқ ҳодиса жойини кўздан кечириш ҳаракати ҳамда мингдан ошиқ экспертиза тайинланди. Бу эса эскича иш услуби ва ортиқча қоғозбозликдан воз кечиб, терговга қадар текширув ҳаракатларининг сифати ва тезкорлигини оширишга имкон бермоқда. Бундан ташқари, терговчиларни хизмат хонасидан ташқарида ўтказиладиган тергов ҳаракатлари учун зарур замонавий воситалар жамланган намунавий «Терговчи портфели» билан таъминлаш йўлга қўйилди.

Рақамлаштириш жараёни терговга қадар текширув билан чекланмайди. Суриштирув ва дастлабки тергов жараёнларини рақамлаштириш мақсадида «Электрон суриштирув ва дастлабки тергов» ҳамда «Электрон жиноий-ҳуқуқий статистика» ахборот тизимлари ишга туширилди. Эндиликда жиноят иши қўзғатилганидан бошлаб тафтиш тайинлаш, хулоса олиш, тергов ва суд натижаларининг тўлиқ электрон нусхалари яратилмоқда. Айни пайтда суриштирув ва тергов ҳаракатларини рақамлаштириш даражаси 60 фоизга етган бўлиб, йил якунига қадар тўлиқ рақамлаштириш таъминланади.

Тергов ҳаракатларини рақамлаштиришда сунъий интеллект асосидаги тизимлар ҳужжат айланишини автоматлаштириш, процессуал муддатларни реал вақт режимида назорат қилиш ва инсон омилини камайтириш орқали шаффофликни таъминлайди.

Шу билан бирга, прокуратура органлари терговчиларининг касб маҳорати ва малакасини ошириш, ёш мутахассисларнинг билим ва кўникмаларини мустаҳкамлашга алоҳида эътибор қаратилмоқда.

Амалий кўникмаларни шакллантиришда янгича ёндашув асосида «Тергов полигонлари» ташкил этилиб, уларда малакали мутахассислар билан ҳамкорликда ҳафтада бир кун ўқув ва амалий машғулотлар ўтказиш йўлга қўйилди. Полигонларда қотиллик, ўз жонига қасд қилиш, энергетика ва қурилиш соҳасидаги талон-торожликлар, кибержиноятлар, жинсий эркинликка қарши қилмишлар, босқинчилик ҳамда йўл-транспорт ҳодисалари бўйича махсус машғулот хоналари ташкил этилди. Бу терговчиларга, айниқса соҳага энди кириб келаётган ёш мутахассисларга реал ҳолатга яқин ашёвий далиллар, амалий модуллар ва макетлар орқали турли вазиятларда тезкор қарор қабул қилиш кўникмаларини ошириш имконини берди.

Бундан ташқари, «Тергов процессуал ҳужжатлари намуналари» ҳамда «Иқтисодий жиноятларни тергов қилишга оид процессуал ҳужжатлар намуналари» услубий қўлланмалари тайёрланди. Тергов тактикаси ва процессуал ҳаракатларни амалга ошириш тартибига оид жами 14 та услубий қўлланма тайёрланиб, жойларга тарқатилди. Экспертиза муассасалари ва улар ўтказадиган экспертиза турлари ҳақида қўлланма тайёрланиб, ҳудудий прокуратураларга юборилди. Ҳуқуқни муҳофаза қилиш Академияси томонидан тергов соҳаси бўйича 500 нафардан ортиқ прокурор-тергов ходими малакаси оширилди.

Хулоса қилиб айтганда, сунъий интеллектни тергов фаолиятига жорий этиш ҳамда терговчиларнинг билим ва амалий кўникмаларини ошириш адолатни таъминлаш, фуқаролар ҳуқуқларини ҳимоя қилиш ва қонунийликни мустаҳкамлашда ўзининг ижобий самарасини кўрсатади.

КАДЫРОВ АНВАРХОДЖА АСАТУЛЛАЕВИЧ
директор научно-исследовательский институт развития цифровых технологий и искусственного интеллекта

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ЗАДАЧИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

I. Введение

По мере развития и проникновения ИИ во все аспекты жизнедеятельности расширяется спектр воздействия этой технологии на общественные отношения, вызывая необходимость в пересмотре устоявшихся правил.

После того, как с конца 2022 г. обрёл популярность так называемый генеративный ИИ, он вышел за рамки узких задач и стал технологией общего назначения. За прошедшее время системы ИИ успели затронуть практически все ключевые сферы: безопасность, правопорядок, образование и науку, экономику. И этот процесс продолжается.

Вместе с тем нарастает принципиально новый пласт проблем: кто несёт ответственность за ущерб, причинённый системой ИИ? Каким образом гарантировать соблюдение прав человека в условиях алгоритмического принятия решений?

II. Глобальный контекст: почему регулирование ИИ стало первоочередной задачей

Осознание рисков, связанных с ИИ, привело к вопросам регулирования его развития и внедрения. К настоящему времени имеется достаточно обширный международный опыт разработки и

внедрения законодательных актов, этических правил и рекомендаций. По данным аналитиков, к началу 2026 года более 72 государств запустили свои инициативы по регулированию ИИ, которые варьируются от жёсткого законодательства с многомиллиардными штрафами до добровольных этических рекомендаций без механизма исполнения. При этом всегда присутствует вопрос: как регулировать ИИ так, чтобы не приглушить инновации, но при этом защитить интересы государства, общества и личности?

Что заставляет государства действовать всё быстрее? Выделим три ключевых фактора:

Стремительная диффузия технологии – генеративный ИИ проникает в здравоохранение, образование, финансы, правосудие и госуправление быстрее, чем успевают реагировать регуляторы.

Угрозы безопасности и суверенитету – инциденты с утечками данных через ИИ-сервисы, риски вследствие отсутствия контроля за ИИ.

Новые вызовы в сфере ответственности и прав человека – размытость субъекта ответственности, невозможность оспорить решение, принятое алгоритмом, риски дискриминации и нарушения приватности.

III. Современные вызовы ИИ: ответственность и права человека

1. Дипфейки и дезинформация: угроза идентичности и финансовой безопасности

Дипфейки с участием известных лиц и политических деятелей имеют потенциал введения населения в заблуждение; подделка биометрических данных человека может позволить получить доступ к финансовым операциям или к информационным системам от его имени.

2. Проблема объяснимости и право на мотивированное решение

Природа нейронных сетей обусловливает необъяснимость и вероятностный характер результатов обработки информации. Технология ИИ принципиально не позволяет быть на 100% уверенными в результате при тех или иных входных данных. Это создаёт серьёзное противоречие с базовым правом человека знать основания решений, затрагивающих его права и свободы.

Кейс. Нидерланды, 2020 год – система SyRI и право на объяснение. Гаагский суд признал незаконной государственную систему SyRI (System Risk Indication), которая использовала алгоритмы для выявления граждан, якобы склонных к мошенничеству с социальными выплатами. Суд указал, что система нарушает Европейскую конвенцию о правах человека: граждане не могли узнать, почему именно они попали под подозрение, и не имели возможности оспорить это решение. Дело стало прецедентным для европейского регулирования.

3. Алгоритмическая дискриминация: когда предвзятость данных нарушает права

Алгоритмические системы при найме, кредитовании и правоохранительной деятельности воспроизводят и усиливают существующие предрассудки. Это происходит вследствие того, что ИИ обучается на огромных массивах данных, состав которых физически никто не способен перепроверить. Результат – дискриминация по расе, полу, возрасту и иным признакам.

Кейс. США, 2016–2023 годы – система COMPAS и расовая предвзятость. Расследование выявило, что алгоритм COMPAS, применявшийся судами ряда американских штатов для оценки риска рецидива у осуждённых, присваивал чернокожим подсудимым вдвое более высокие оценки риска, чем белым, при сопоставимых обстоятельствах. Более 20 штатов использовали подобные системы при вынесении приговоров. Дело стало катализатором принятия

законодательства об алгоритмической прозрачности в уголовном судопроизводстве.

4. Слежка и право на приватность

Системы компьютерного зрения и анализа поведения создают принципиально новые угрозы праву на неприкосновенность частной жизни. С одной стороны технология может быть эффективно использована правоохранительными органами, в то же время требуется регулирование для минимизации рисков злоупотребления возможностями технологии.

5. ИИ в здравоохранении: вопросы ответственности за медицинские решения

Применение ИИ в диагностике и назначении лечения ставит острый вопрос об ответственности: кто несёт её в случае ошибки – врач, производитель системы или медицинское учреждение?

IV. Позиция международных организаций

Согласно современному опыту, регулирование ИИ организовывается в трёх плоскостях:

1. нормативно-правовое обеспечение, законы, положения;
2. международные и национальные стандарты;
3. этические нормы и правила.

Указанные компоненты регулирования должны действовать во взаимосвязи и обеспечивать комплексный подход к управлению технологиями ИИ.

Есть ряд международных организаций, которые вносят основной вклад в развитие регулирования. Например, Международная организация по стандартизации ISO и Международный союз электросвязи являются основными организациями по разработке стандартов ИИ.

ЮНЕСКО утвердила первый в истории глобальный стандарт по этике ИИ – «Рекомендацию об этических аспектах искусственного интеллекта».

V. Опыт Узбекистана: от стратегии к законодательству

6.1. Стратегия развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года

Утверждённая постановлением ПП-358 от 14 октября 2024 года Стратегия определяет формирование нормативно-правовой базы как приоритетную цель. Установлены целевые показатели: довести объём продуктов и услуг ИИ до 1,5 млрд долл. США; достигнуть вхождения в топ-50 государств в Индексе готовности правительства к ИИ. Развитие нормативно-правовой базы в области ИИ является системообразующим компонентом всех мер – ясные, прозрачные и стабильные правила игры составляют первое условие инвестиционной привлекательности рынка ИИ в Узбекистане.

6.2. Закон о регулировании ИИ (ЗРУ-1115 от 21 января 2026г.)

Принятый Закон о внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты в связи с регулированием отношений, возникающих при применении ИИ, закрепляет на законодательном уровне понятие искусственного интеллекта и устанавливает принципиально важные правовые гарантии.

Особого внимания заслуживают нормы о защите прав человека:

«Информационные ресурсы, созданные с использованием ИИ, а также ИС, функционирующие на основе технологий ИИ, ***не должны наносить вред человеку, его жизни, здоровью, свободе, чести, достоинству и нарушать его иные неотъемлемые права****».*

«При принятии юридически значимых решений, затрагивающих права и свободы человека, ***не допускается ссылаться исключительно*** *на заключения информационных ресурсов и информационных систем, созданных на основе технологий ИИ».*

Установлена административная ответственность: незаконная обработка персональных данных с использованием ИИ влечёт наложение штрафа от 50 до 100 базовых расчётных величин с конфискацией предметов административного правонарушения.

6.3. Рекомендации по этике использования технологий ИИ

С учётом международного опыта, на основе документов международных организаций приказом министерства цифровых технологий 3/249 от 13 ноября 2025 года приняты Рекомендации по этике использования технологий ИИ, адресованные прежде всего разработчикам и пользователям систем ИИ. В Рекомендациях закреплены 11 принципов:

- законность;
- приоритет защиты интересов личности, общества, государства и окружающей среды;
- объяснимость;
- подконтрольность систем ИИ человеку;
- целесообразность;
- ответственность;
- справедливость и недопустимость дискриминации;
- открытость и прозрачность;
- защита данных;
- надёжность и безопасность;
- осведомлённость и грамотность.

В некотором смысле эти Рекомендации – то, с чего мы начинаем регулирование. Постепенно в направлении реализации каждого принципа, на основе всесторонних исследований и накопления знаний, можно разработать и принять более жёсткие нормативные требования в стандартах и нормативных актах обязательного характера.

VII. Что необходимо учитывать при дальнейшем развитии регулирования?

7.1. Баланс между инновациями и защитой прав

Слишком жёсткое регулирование тормозит развитие. Слишком мягкое – открывает дорогу злоупотреблениям и нарушениям прав граждан. Приведённые выше кейсы убедительно демонстрируют: при отсутствии чётких правил риск злоупотреблений реализуется быстро.

7.2. Механизмы ответственности за вред, причинённый ИИ

Реальные инциденты – от медицинских алгоритмов, отказывающих в помощи пациентам, до дипфейк-мошенничеств – ставят вопрос об ответственности системно. Необходимо определить: при каких условиях ответственность несёт разработчик системы, при каких – организация, применяющая её, и при каких – пользователь. В частности, AI Act ЕС – указывает на модель распределённой ответственности, дифференцированной по уровню риска системы.

7.3. Суверенитет данных и систем ИИ

Большинство систем генеративного ИИ, широко используемых сейчас в Узбекистане, обучены на зарубежных данных и работают на зарубежной инфраструктуре. Это создаёт уязвимости. В этом направлении ведется работа. Стратегия предусматривает создание базы «больших данных» и вычислительного кластера. Параллельно необходимо формировать датасеты на узбекском языке для обучения ИИ-моделей, адаптированных к национальному контексту.

7.4. Скорость технологических изменений и адаптивное регулирование

Регулирование зачастую не успевает за развитием технологий. Техника генеративного ИИ сегодня – это не то, чем она была два года назад. Регулирование вынуждено быть адаптивным: содержать механизмы регулярного пересмотра, основанными на принципах, вместо жёсткого перечня запретов. Необходимо дальше развивать экспертные сообщества и регуляторную экосистему, специализированные лаборатории, международное сотрудничество для освоения передового опыта, академические программы обмена.

ҚОРЁҒДИЕВ ШАХБОЗ
БОҲОДИР ЎҒЛИ
Ўзбекистон Республикаси
Марказий банки бош эксперти

СУНЪИЙ ИНТЕЛЛЕКТ ОРҚАЛИ СОДИР БЎЛАЁТГАН ФИРИБГАРЛИКЛАР

Аннотация: *Мақолада сунъий интеллект технологияларидан фойдаланган ҳолда содир этилаётган фирибгарликлар — deepfake, AI-fishing, овоз клонлаш ва автоматлаштирилган ҳужумлар таҳлил қилинган. Ушбу таҳдидларнинг пайдо бўлиши ва ривожланиши, реал ҳодисалар мисолида уларнинг хавфи ҳамда аниқлаш ва ҳимояланиш усуллари кўриб чиқилган.*

Калит сўзлар: *сунъий интеллект, киберхавфсизлик, deepfake, AI-fishing, овоз клонлаш, ижтимоий инженерия, кўп босқичли аутентификация.*

Сунъий интеллект технологияларининг жадал ривожланиши нафақат ижобий имкониятлар, балки жиддий киберхавфсизлик таҳдидларини ҳам келтириб чиқармоқда. Жиноятчилар мазкур технологиялардан одамларни алдаш, шахсий маълумотларни ўғирлаш ва молиявий зарар етказиш мақсадида фойдаланмоқда. AI-асосидаги ҳужумларнинг асосий хусусияти шундаки, улар автоматик тарзда минглаб қурбонларни нишонга олади, сониялар ичида амалга оширилади ва deepfake технологияси туфайли ҳақиқийдан деярли фарқланмайди. Бу таҳдидлар босқичма-босқич ривожланиб борди: 2019-йилда deepfake видеолар пайдо бўлди, 2021-йилда AI-fishing фирибгарлиги бошланди, 2022-йилда овоз клонлаш кенг тарқалди, 2023-йилда AI-қўнғироқлар, 2024-йилда эса реал вақт режимидаги deepfake қўнғироқлар юзага келди.

Deepfake технологияси. Deepfake — сунъий интеллект ёрдамида сохта видео, расм ёки овоз яратиш технологияси бўлиб, унда ҳақиқий одамнинг юзи ёки овози бошқа контентга жойлаштирилади. Видео

deepfake раҳбар юзини сохталаштириш, шахсни тасдиқлаш тизимларини четлаб ўтиш, «CEO fraud» схемаси ва сиёсий манипуляцияда қўлланилади. Овоз клонлаш учун атиги бир неча сониялик ёзув етарли бўлиб, у яқин кишилар ёки банк ходимлари номидан қўнғироқ қилиш орқали фирибгарликда ишлатилади. Расм сохталаштириш эса ҳужжатларни қалбакилаштириш, сохта ижтимоий тармоқ профиллари яратиш, романтик алоқа (романса) фирибгарлиги ва KYC тизимларини алдашда фойдаланилади.

AI-fishing ва автоматлаштирилган ҳужумлар. Сунъий интеллект ёрдамида ҳар бир қурбонга мослаштирилган, грамматик хатосиз ва ишончли кўринадиган fishing хатлари яратилади. Ҳужумлар бир неча шаклда намоён бўлади: AI-fishing электрон хатлар; клонланган овоз билан амалга ошириладиган телефон қўнғироқлари (vishing); сунъий интеллект яратган сохта SMS хабарлар (smishing); ҳамда банклар, дўконлар ва давлат порталларининг мукаммал нусхаси бўлган сохта сайтлар. Сунъий интеллект бу соҳага бир қатор янгиликларни олиб келди: оммавий ва айни пайтда шахсийлаштирилган ҳужумлар, исталган тилда мулоқот, сонияда минглаб хат жўнатиш, қурбонни психологик таҳлил қилиш ҳамда муваффақиятсиз уринишлардан ўрганиш.

Реал ҳодисалар. Мазкур таҳдидларнинг амалий хавфи бир қатор реал ҳодисаларда намоён бўлди. 2024-йилда Гонконгда молиявий ходим deepfake видео-конференцияда сохта раҳбарларни кўриб, 25 миллион доллар маблағни ўтказиб юборди. Ўша йили жиноятчилар «Ferrari» компанияси бош директори овозини клонлаб, ходимни шошилинч пул ўтказмасига мажбурлашга уринган. 2023–2024-йилларда AI-fishing хатлар банк ходимларининг электрон почтасига зарарли ҳаволалар юбориш учун ишлатилди. Романса фирибгарлигида эса AI-чатботлар ва deepfake расмлар ёрдамида қурбон билан ойлаб мулоқот қилиниб, ишонч қозонилгач, ундан пул сўралган.

Аниқлаш усуллари. Deepfake контентни қуйидаги белгилар орқали аниқлаш мумкин: кўз пирпирашининг нотабиийлиги, юз чегаралари ва соч-ёқаларнинг хира (blur) кўриниши, мимика билан ҳиссиётларнинг мос келмаслиги, фон билан синхронизациянинг бузилиши ҳамда ёруғлик ва соянинг ғайритабиийлиги. Fishing ҳужумларининг аломатлари эса шошилинч ҳаракат талаб қилиниши, нотаниш ёки асл манзилга ўхшаш домен, шахсий маълумот сўралиши, шубҳали ҳавола манзили, ғайритабиий даражада мукаммал тил (AI белгиси) ва кутилмаган хабар ёки қўнғироқдир.

Ҳимоя усуллари. Сунъий интеллект асосидаги фирибгарликлардан ҳимояланишда қуйидаги чора-тадбирлар самарали ҳисобланади:

1) Кўп босқичли аутентификация (MFA) — барча ҳисобларда SMS, аутентификатор илова ёки аппарат калит орқали қўшимча ҳимояни ёқиш;

2) Deepfake детекторлари — Microsoft Video AI, Sensity AI, Deepware Scanner каби махсус воситалардан фойдаланиш;

3) Махфий тасдиқлаш сўзи — оила аъзолари ва ҳамкасблар билан олдиндан келишилган махфий «парол»дан фойдаланиш;

4) Шубҳали ҳаракатларга эътибор — шошилинч пул сўровлари, нотаниш ҳаволалар ва кутилмаган қўнғироқларга нисбатан эҳтиётқорлик;

5) Хавфсизлик тренинги — ходимларни AI-fishing ҳужумларини аниқлаш бўйича мунтазам ўқитиш;

6) Текшириш протоколи — йирик молиявий операцияларни иккинчи канал орқали мажбурий тасдиқлаш.

Келажак таҳдидлари. Яқин истиқболда таҳдидларнинг янада мураккаблашиши кутилмоқда: видео қўнғироқ пайтида юзни реал вақтда алмаштирувчи жонли deepfake қўнғироқлар; мустақил равишда fishing кампанияларини олиб борувчи автоном AI-агентлар; квант компьютерларнинг жорий шифрлаш тизимларини бузиш хавфи; ҳамда

ҳужумчи ва ҳимоячи сунъий интеллект ўртасидаги автоматлаштирилган кураш («AI vs AI»). Бундай шароитда келажак таҳдидларини олдиндан билиш ҳимоянинг биринчи босқичи ҳисобланади.

Хулоса қилиб айтганда, сунъий интеллект орқали содир этилаётган фирибгарликлар реал ва тобора кучайиб бораётган таҳдид бўлиб, уларга қарши тайёргарлик ҳаётий заруратга айланмоқда. AI-ҳужумларнинг тезлашуви шароитида янгиликлардан доимий хабардор бўлиш, кўп босқичли аутентификация ва текшириш протоколларини жорий этиш, шубҳали ҳаракатларни шошилмасдан текшириш ҳамда жамоада хавфсизлик маданиятини шакллантириш самарали ҳимоянинг асосий шартлари ҳисобланади.

ДЎСТҚОРИЕВ МУЗАФФАР
Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси
бўлим бошлиғи, доцент

ФУҚАРОЛИК ПРОЦЕССИДА ЭКСПЕРТНИНГ ҲУҚУҚИЙ МАҚОМИ ВА ФУҚАРОЛИК ИШЛАРИ БЎЙИЧА СУД ЭКСПЕРТИЗАСИНИ ТАЙИНЛАШ ВА ЎТКАЗИШНИНГ АЙРИМ ЖИҲАТЛАРИ

Аннотация: *Мақолада фуқаролик процессида эксперт тушунчаси, унинг процессуал мақоми, фуқаролик ишлари бўйича суд экспертизасини тайинлаш ва ўтказиш ҳамда ушбу жараённи такомиллаштиришга оид айрим фикр-мулоҳаза ва таклифлар баён қилинган.*

Аннотация: *В данной статье изложены мнения относительно понятия и процессуального статуса эксперта в гражданском процессе, вопросы назначения и проведения экспертизы по гражданским делам, а также некоторые предложения по совершенствованию данного процесса.*

Annotation: *This article highlights the definition and procedural status of an expert in civil procedure, and issues of appointing and providing an expertise in civil cases as well as opinions and proposals for improving this process.*

Калит сўзлар: *эксперт, экспертиза, одил судловга кўмаклашувчи шахс, процесс, илм-фан, техника, санъат, ҳунар, махсус билимлар, хулоса.*

Ключевые слова: *эксперт, экспертиза, лицо, содействующее осуществлению правосудия, процесс, наука, техника, искусство, ремесло, наука, специальные знания, заключение.*

Keywords: *expert, expertise, person, promoting the justice, process, the science, equipment, art, craft, special knowledge, conclusion.*

Мамлакатимизда суд-ҳуқуқ тизимини тубдан ислоҳ қилиш, фуқароларнинг ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини суд орқали ишончли ҳимоя қилиш ҳамда одил судловнинг сифати ва тезкорлигини ошириш давлат сиёсатининг устувор йўналишларидан бири ҳисобланади. Фуқаролик ишларини адолатли ва қонуний ҳал этишда далиллар мажмуи, айниқса, махсус билимларни талаб қилувчи суд экспертизаси

хулосалари тобора муҳим аҳамият касб этмоқда. Илм-фан, техника, санъат ва ҳунарият соҳаларининг жадал ривожланиши фуқаролик процессида анъанавий далиллар билан бир қаторда мураккаб ва замонавий экспертиза турларидан фойдаланиш заруратини юзага келтирмоқда.

Шу билан бирга, суд амалиёти таҳлили шуни кўрсатадики, фуқаролик процессида экспертнинг ҳуқуқий мақомини белгилаш, экспертизани тайинлаш ва ўтказишнинг процессуал тартибини тартибга солувчи нормаларда айрим бўшлиқлар ва зиддиятлар мавжуд. Одил судловни амалга оширишда экспертнинг мустақиллиги, унинг ҳуқуқ ва мажбуриятлари чегарасини аниқ белгилаш, шунингдек, эксперт хулосасининг ишончлилигини баҳолаш мезонларини такомиллаштириш долзарб масала бўлиб қолмоқда. Мазкур муаммоларнинг илмий-амалий жиҳатдан тадқиқ этилиши ушбу мақола мавзусининг нечоғлик долзарб эканлигини белгилайди.

Маълумки, эксперт амалдаги қонунчиликка мувофиқ, одил судловга кўмаклашувчи шахслар қаторига киради. Хусусан, Ўзбекистон Республикасининг Фуқаролик процессуал кодекси(ФПК)нинг 54-моддасига кўра, фуқаролик процесси суд иш юритуви иштирокчилари сифатида (гувоҳлар, мутахассислар, таржимонлар, ёзма ва ашёвий далилларни сақловчилар, ижро иши юритиш холислари ва сақловчилар) эксперт ҳам одил судловни амалга оширишга кўмаклашади.

Қайд этиш жоизки, ишнинг натижасидан юридик жиҳатдан манфаатдор бўлмаган бу тоифадаги шахслар орасида экспертнинг ўрни ва роли беқиёсдир. Фуқаролик процессида экспертнинг ҳуқуқий мақоми етарли даражада мустаҳкамланган, десак, хато бўлмайди. Яъни, хулоса бериш учун зарур фан, техника, санъат ёки ҳунар соҳасида махсус билимларга эга бўлган жисмоний шахс эксперт сифатида тайинланиши мумкин. Шу билан бирга, эксперт бўлиши мумкин бўлган шахслар доираси ҳам анча кенг. Хусусан, қонунга

мувофиқ, эксперт сифатида давлат суд-экспертиза муассасаси эксперти, бошқа корхона, ташкилот ходими ёки бошқа жисмоний шахс иштирок этиши мумкин.

Эксперт ҳуқуқий мақомига оид айрим нормалар Ўзбекистон Республикасининг “Суд экспертизаси тўғрисида”ги Қонунида ҳам мустаҳкамланган. Хусусан, **суд эксперти** – хулоса бериш учун фан, техника, санъат ёки ҳунар соҳасида махсус билимларга эга бўлган, белгиланган тартибда суд эксперти сифатида тайинланган жисмоний шахс; **давлат суд эксперти** – давлат суд-экспертиза муассасасининг ўз хизмат вазифаларини бажариш тартибида суд экспертизасини ўтказувчи суд эксперти.

Таъкидлаш жоизки, одил судловга кўмаклашувчи шахс сифатида экспертга бир қатор талаблар қўйилган. Олимлар уларнинг тегишли ваколатга эга бўлишлари лозимлигига алоҳида эътибор қаратадилар. Эксперт процессуал ҳуқуқий муносабатлар субъекти сифатида ҳуқуқларга эга бўлади ва процессуал мажбуриятларни бажаради. У тегишли тарзда махсус билимларга эга, яъни, компетентли бўлмоғи ҳамда ишнинг натижасидан бевосита ёки билвосита манфаатдор бўлмаслиги лозим[1].

Умуман олганда, кимлар эксперт бўлиши мумкин деган саволга жавоб жаҳон мамлакатлари фуқаролик-процессуал қонунчилигида бир қадар ўхшашдир. Хусусан, Германия қонунчилигига мувофиқ, экспертлар – муайян фуқаролик иши бўйича аниқланиши лозим бўлган масалалар юзасидан экспертиза ўтказиш учун расмий жиҳатдан тайинланган, илм-фан, санъат ёки ҳунар билан расман ва профессионал тартибда машғул шахслар бўлиб, уларнинг бу борадаги билимлари эксперт текшируви ўтказиш учун асос бўлиб хизмат қилади (Германия ФПК 407-параграфи)[2].

---

[1] Гражданский процесс в вопросах и ответах: учебное пособие/ под общ. Пед. Л.В. Тумановой. – Москва: Проспект, 2016. – 166-бет.

[2] Гражданский процесс зарубежных стран: учеб. Пособие / под ред. Д-ра юрид. Наук А.Г.Давтян. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 78-бет.

Англия қонунчилигига кўра, муайян соҳалар: илм-фан, санъат, тиббиёт ва бошқа масалалар бўйича махсус билимларга эга бўлган шахс эксперт сифатида хизмат қилиши мумкин. Бунда унинг малакасини расман тасдиқлаш талаб этилмайди. Судья фақатгина ушбу шахс берилган вазифани бажара олиш учун етарли билим ва тажрибага эгалигига ишонч ҳосил қилиши лозим[1].

Юқоридаги каби қоидалар Франция ва бошқа бир қатор Европа давлатлари қонунчилигида ҳам мустаҳкамланган.

Экспертга қўйиладиган талаблар миллий қонунчилигимизда ҳам акс эттирилган. “Суд экспертизаси тўғрисида”ги Қонуннинг 11-моддасига кўра, давлат суд эксперти лавозимини олий маълумотга, алоҳида ҳолларда эса ўрта махсус, касб-ҳунар маълумотига эга бўлган, муайян суд-эксперт ихтисослиги бўйича кейинги тайёргарликдан ўтган ва Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамаси томонидан белгиланган тартибда давлат суд эксперти сифатида аттестациядан ўтказилган Ўзбекистон Республикаси фуқароси эгаллаши мумкин. Суд эксперти сифатида жалб этиладиган бошқа ташкилот ходими ва бошқа жисмоний шахс олий маълумотга, алоҳида ҳолларда эса ўрта махсус, касб-ҳунар маълумотига эга бўлиши лозим.

Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг 2008 йил 12 декабрдаги «Фуқаролик ишлари бўйича экспертиза тайинлаш, ўтказиш ва эксперт хулосасига баҳо беришда суд амалиётида келиб чиқадиган айрим масалалар ҳақида»ги 24-сонли қарори 5-бандига мувофиқ, судларнинг эътибори экспертиза тадқиқотлари қонунда белгиланган тартибда эксперт этиб тайинланган шахслар томонидан амалга оширилиши мумкинлигига қаратилиши, бунда суд эксперти сифатида олий маълумотга, истисно ҳолларда ўрта-махсус маълумотга эга бўлган, экспертизанинг тегишли соҳаси бўйича махсус тайёргарликдан ўтган ва суд эксперти малакасига эга бўлган давлат суд-экспертиза муассасасининг ходими (давлат суд эксперти); суд томонидан жалб

[1] Шу манба, 226-бет.

этилган бошқа (суд-экспертлик ихтисосига эга бўлмаган) муассаса ходими ёки мутахассис иштирок этиши мумкинлиги белгиланган.

Суд томонидан экспертиза ўтказиш юклатилган бошқа (суд-эксперт ихтисосига эга бўлмаган) муассаса ходими экспертиза тайинлаган суднинг муассасага берган топшириғини бажариш тартибида экспертиза ўтказишга ҳақлидир.[1]

Шу ўринда қайд этиш жоизки, қонунчиликда "**махсус билимлар"** тушунчасига таъриф берилмаган. Бу борада айрим олимлар ўз таърифларини беришга ҳаракат қилган. Масалан, А.Эйсман махсус билимларга ҳамма учун маълум бўлган, ҳамма эгаллаши мумкин бўлган, оммавий тарқатиладиган деб ҳисобланмайдиган билимлар деб таъриф беради. Махсус билимлар – бу тор доирадаги мутахассислар профессионал даражада эгаллаган билимлардир. Яна таъкидланишича, махсус билимлар изланишнинг илмий асосланган методларига асосланганлиги учун илмий характерга эгадир[2].

Россия Федерацияси фуқаролик процессуал қонунчилигида эксперт фаолиятининг объективлиги ва холислигини таъминлаш борасида бир қатор қоидалар мавжуд. Жумладан, эксперт экспертизани ўтказиш учун материалларни ўз ҳолича йиғиш; агар бу ҳолат унинг иш натижаларидан манфаатдор эмаслигини шубҳа остига қўйса, процесс иштирокчилари билан шахсан алоқага киришишга ҳақли эмас[3].

Бироқ шунга ўхшаш қоидалар "Суд экспертизаси тўғрисида»ги Қонуннинг 16-моддасида белгиланган. Яъни, суд эксперти: суд экспертизасини ўтказиш билан боғлиқ бўлган, ишнинг натижасидан **ўзининг манфаатдор эмаслигини шубҳа остига қўядиган масалалар юзасидан процесс иштирокчилари билан шахсий алоқага** киришишга; суд экспертизасини ўтказиш учун **мустақил равишда материаллар тўплашга** ҳақли эмас.

---

[1] http://lex.uz/docs/1591655

[2] http://studme.org/

[3] Гражданский процесс в схемах с комментариями/ Завадская Л.Н. – 3-е издание. – Москва: Эксмо, 2016. ст. 35.

Таъкидлаш жоизки, фуқаролик суд ишларини кўриб, мазмунан ҳал қилишда экспертизанинг ўрни ва аҳамияти беқиёсдир. Экспертиза хулосаси суд томонидан иш натижаси бўйича қабул қилинадиган қарорга асос бўлувчи далиллардан бири ҳисобланади.

“Суд экспертизаси тўғрисида”ги Қонунда экспертиза тушунчасига қуйидагича таъриф берилган: **суд экспертизаси** – фуқаролик, иқтисодий, жиноят ва маъмурий суд ишларини юритишда иш ҳолатларини аниқлашга қаратилган ҳамда суд эксперти томонидан фан, техника, санъат ёки ҳунар соҳасидаги махсус билимлар асосида суд-эксперт текширишларини ўтказиш ва хулоса беришдан иборат бўлган процессуал ҳаракат.

Амалдаги ФПКда эса, экспертизанинг қайси ҳолларда ва қандай тартибда тайинланиши ва ўтказилишига оид нормалар мустаҳкамланган. Яъни, иш муҳокамаси чоғида келиб чиққан фан, техника, санъат ёки ҳунар соҳасида махсус билимларни талаб қиладиган масалаларни тушунтириш учун суд ишда иштирок этувчи шахсларнинг илтимосномасига ёки ўз ташаббусига кўра экспертиза тайинлаши мумкин.

Экспертлар суд ишида кимлар томонидан жалб қилинади, деган саволга жавоб топиш бирмунча аҳамиятлидир. Айрим давлатлар фуқаролик-процессуал қонунчилигида экспертлар ҳам тарафлар, ҳам суднинг ўз ташаббусига кўра жалб қилиниши мумкинлиги белгиланган бўлса (масалан, Франция, Германия ва АҚШда), бошқа бир қатор давлатларда экспертлар ишга фақат тарафлар ташаббуси билан жалб қилиниши мумкинлиги кўрсатилган. Шундай қоида Англияда ҳам амал қилади. Бироқ, у ерда экспертнинг ишга жалб қилиниши ёки тараф бирор-бир фактни исботлаш жараёнида эксперт хулосасидан фойдаланиши учун суд томонидан русхат олиниши талаб этилади. Бунинг учун тараф судга илтимоснома билан мурожаат қилиб, унда

эксперт хулосаси асос қилиб олинадиган соҳа ва имкон бўлса, эксперт исм-шарифини ҳам кўрсатиши лозим[1].

Шу ўринда таъкидлаш жоизки, экспертизани тайинлаш ва ўтказишда тарафларнинг фикрларини инобатга олиш далиллар мақбуллигини таъминлаш ва иш бўйича адолатли қарор чиқаришда муҳим аҳамиятга эга. Амалдаги ФПКнинг 95-97-моддаларида белгиланишича, экспертлар тайинланаётганда суд ишда иштирок этувчи шахсларнинг фикри инобатга олинади, ишда иштирок этувчи шахслар экспертлар томонидан тушунтирилиши керак бўлган масалаларни судга тақдим этишга ҳақли. Бироқ, экспертизани тайинлаш жараёнида тарафлар фикрини олиш тўғрисидаги қоида қонунда мустаҳкамланмаган. Бу борада хорижий давлатлар тажрибаси бир қадар мукаммалроқ. Жумладан, Россия Федерацияси қонунчилигига кўра, тарафларнинг ҳар бири ва ишда иштирок этувчи бошқа шахслар экспертизани ўтказиш жараёнида аниқланиши лозим бўлган саволларни судга тақдим этиш ҳуқуқига эга. Эксперт хулосаси талаб қилинадиган саволларнинг якуний доирасини эса суд белгилайди[2].

Германия фуқаролик-процессуал қонунчилиги экспертни тайинлашда тарафларга бир қатор ҳуқуқ ва мажбуриятлар тақдим этади. Яъни, суд тарафлардан эксперт сифатида сўроқ қилиниши лозим бўлган шахсларни кўрсатишни талаб қилиши мумкин. Тарафлар ўзлари ҳам шартнома асосида, шунингдек, суд аралашувисиз эксперт ёрдами учун мурожаат қилишлари мумкин[3].

Француз қонунчилигига кўра эса, экспертиза ўтказиш жараёнида суднинг ўзи иштирок этиши мумкин. Бундай ҳолда у экспертга саволлар бериши, унинг тушунтиришларини тинглаши мумкин.

---

[1] Гражданский процесс зарубежных стран: учеб. Пособие / под ред. Д-ра юрид. Наук А.Г.Давтян. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 226-бет.

[2] Гражданский процесс в вопросах и ответах: учебное пособие/ под общ. Пед. Л.В. Тумановой. – Москва: Проспект, 2016. – 166-бет.

[3] Гражданский процесс зарубежных стран: учеб. Пособие / под ред. Д-ра юрид. Наук А.Г.Давтян. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 76-бет.

Тарафлар эса, эксперт талаби бўйича экспертиза ўтказиш учун зарур бўлган барча ҳужжатларни ўз вақтида тақдим этишлари лозим. Эксперт ҳам, ўз навбатида, тарафларнинг фикр-мулоҳазалари ва эътирозларини эътиборга олиши, агар улар ёзма равишда тақдим этилган бўлса, ўз хулосасида акс эттириши лозим[1].

Суд процессида экспертиза тайинлаш ва ўтказишга оид амалиётдаги айрим муаммолардан келиб чиқиб, экспертнинг ҳуқуқий мақоми ҳамда суд экспертизасини тайинлаш ва ўтказишнинг процессуал жиҳатларини такомиллаштиришга оид қуйидаги таклифлар илгари сурилади:

- **Тарафларнинг ўз ҳуқуқларини мустақил тасарруф этиш ҳуқуқини кенгайтириш:** Фуқаролик процессининг фундаментал асосларидан бири бўлган тарафларнинг мусобақалашуви ва диспозитивлик принциплари суд экспертизасини тайинлаш босқичида ҳам тўлиқ намоён бўлиши лозим. Амалдаги тартибда ташаббус кўпроқ суд маҳкамасига тегишли бўлиб, бу фуқароларнинг ўз ҳуқуқларини мустақил ҳимоя қилиш имкониятларини чеклаб қўймоқда.
- **Эксперт хулосасининг процессуал қиммати:** Кўп ҳолларда айнан суд экспертизаси хулосаси ишни у ёки бу тараф фойдасига ҳал қилишда, айниқса, махсус илмий-техник билимларни талаб қилувчи низоларда (қурилиш, иқтисодий, рақамли технологиялар соҳасида) энг муҳим ва ҳал қилувчи далил асоси бўлиб хизмат қилмоқда. Шу сабабли, ушбу далилни шакллантириш жараёнида тарафларга кўпроқ эркинлик берилиши адолат мезонларига тўлиқ мос келади.
- **Ислоҳотларнинг ижтимоий самараси:** Экспертиза тайинлаш ва уни ўтказиш тизимини модернизация қилиш, жараённинг шаффофлигини таъминлаш бевосита фуқаролик ишларини кўриш сифати ва тезкорлигини оширишга, энг муҳими — жамиятнинг суд ҳокимиятига ва одил судловга бўлган ишончини янада мустаҳкамлашга хизмат қилади.

[1] Шу манба, 137-бет.

Шу билан бирга, амалдаги Фуқаролик процессуал кодексига эксперт ҳуқуқий мақомини янада мустаҳкамлаш ва экспертиза ўтказиш жараёнини такомиллаштиришга оид қуйидаги ўзгартириш ва қўшимчаларни киритиш мақсадга мувофиқ деб ҳисоблаймиз:

- **Биринчидан,** ФПКнинг суд экспертизасини тайинлаш тартибини белгиловчи нормаларида тарафларнинг ҳуқуқларини сезиларли даражада кенгайтириш лозим. Жумладан, даъвогар ва жавобгарга нафақат эксперт олдига қўйиладиган саволларни таклиф этиш, балки **экспертиза ўтказиладиган муассасани ёки муайян экспертларни (шу жумладан, нодавлат суд-экспертиза ташкилотларини) мустақил равишда танлаш ҳуқуқини** тўғридан-тўғри қонунда мустаҳкамлаш;
- **Иккинчидан,** суд томонидан процессуал холисликни таъминлаш мақсадида янги қоида жорий этилиши керак: агар суд тарафлар тақдим этган саволларни рад этса ёки улар таклиф қилган эксперт номзодини қабул қилмаса, ушбу **рад этишнинг сабаблари суд ажримида мажбурий тартибда асослантирилиши ва қонуний далиллар билан кўрсатилиши** шартлиги белгиланиши;
- **Учинчидан,** тарафларнинг экспертиза жараёнида фаол иштирокини таъминлаш мақсадида, уларга эксперт тадқиқоти ўтказилаётган вақтда (агар бу экспертнинг ишига халақит бермаса ва сир сақланиши лозим бўлган маълумотларга дахл қилмаса) **ўз фикр-мулоҳазаларини бевосита баён қилиш ва экспертга қўшимча тушунтиришлар бериш ҳуқуқи кафолатланиши**.

Хулоса қилиб айтганда, фуқаролик процессида суд экспертизаси институтини ислоҳ қилиш орқали тарафларнинг процессуал ҳуқуқларини янада кенгайтириш, замон талабларига мос равишда хусусий ва нодавлат экспертиза имкониятларидан кенгроқ фойдаланиш одил судловнинг сифат жиҳатдан янги босқичга чиқишини таъминлайди.

SHODIEV GULOM MAKHAMMATOVICH
Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation and Inquiry of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan

THE FUNCTION OF CORRUPTION IN GENERATING SHADOW TURNOVER IN THE ECONOMY AND THE IMPROVEMENT OF COUNTERING IT

Introduction

The shadow economy is present in all spheres in which business entities operate. Although it may be a sound scholarly conclusion to regard the rooting of corruption in the Republic of Uzbekistan—a country developing legally and economically and recognized on the international arena as the principal locomotive of Central Asia—as a natural process, in much the same way as in the post-Soviet states, the fact that the volume of shadow turnover in the business world has persisted despite the results of the National effort carried out since 2017 to combat corruption in all its forms creates the need to find solutions through research grounded in a new theoretical and practical approach to this phenomenon.

Scholarly research points to the presence of corruption, or its varieties, in the list of factors that give rise to the shadow economy. Although representatives of the economic school regard corruption as a means of resolving bureaucratic problems in the course of doing business, and shadow turnover as the product of the bureaucratic and other factors that hinder activity, these two mutually generating ills are among the principal obstacles standing in the way of the country's reforms.

Although Uzbek legislation establishes measures to counter the shadow economy, and the National Statistics Committee has begun publishing the volume of the non-observed economy within gross domestic

product, the precise boundaries of the non-observed economy and its component parts have not been studied in scientific-empirical terms.

This article analyzes the role of corruption as a factor generating the shadow economy, together with data on the positive impact that countering it has on the country's economy, and develops proposals and recommendations for combating the officials who provide corrupt patronage to business entities engaged in shadow turnover.

Main Part

The international community is witnessing the work being carried out in Uzbekistan to create an environment of fair competition, to review the activities of business entities, to prevent unlawful interference in those activities, and to protect the rights of entrepreneurs—all with the aim of preventing corruption, the ill that obstructs business activity.

In particular, in 2023, of a total of 4,703 requests submitted by supervisory bodies for the coordination of inspections, 2,399 (51%) were approved and the remaining 2,304 (49%) were rejected because there were no legal grounds for conducting an inspection. As a result, the number of inspections carried out with respect to entrepreneurs in 2023 fell by 26% compared with 2022.

Amendments and additions were made to more than 15 normative legal acts in force that had a negative impact on the activities of business entities.

In 2021, through the cooperation of the Anti-Corruption Agency, the Chamber of Commerce and Industry, and the Business Ombudsman, the "Anti-Corruption Charter of Uzbek Business" was adopted, and 226 business entities were admitted to membership of the Charter.

In order to ascertain the results of the measures being taken, a public survey conducted with the participation of more than 2,490 business entities on instances of encountering corruption in the course of their activities showed that the majority of entrepreneurs reported not encountering corruption; in their view, the level of corruption in the country has decreased in recent years.

Over the past two years, however, the Republic of Uzbekistan has recorded a decline in the ranking of the international corruption-assessment organization Transparency International. In particular, the results published in 2026 show that, compared with 33 points in 2023, a further decline persisted according to the 2025 results, and that the country, with 31 points, took 124th place among 182 countries[1].

For this reason, on December 26, 2025, in his Address to the Oliy Majlis and the people of Uzbekistan, President Shavkat Mirziyoyev announced a firm and resolute stance in the fight against corruption. As the head of state emphasized, 2026 is designated as a year of “emergency” in countering corruption[2].

In particular, new legal mechanisms are being introduced in the country with the aim of combating the shadow economy, preventing corruption in the business sphere, reducing the “human factor” through digitalization, and ensuring openness—namely, preventing unlawful interference in business activity and forestalling conflicts of interest and corruption risks in relations with state bodies. Nevertheless, the existence of a non-observed economy amounting to 498 trillion soums within Uzbekistan’s gross domestic product[3] points to the need for a fundamentally deeper analysis of the problem and for the development of the requisite measures.

However strong the right reforms may be, corruption cannot be eradicated root and branch; yet its effect of stalling reforms and its damage to the economy can be minimized.

A high level of corruption leads to an expansion of the scale of the shadow economy in the country. The emergence of one of these two phenomena naturally creates the ground for the appearance of the other. That

[1]https://www.transparency.org/en/cpi/2025/index/uzb
[2]http://nhrc.uz/uz/news/m17058
[3]https://api.siat.stat.uz/media/uploads/sdmx/sdmx_data_3839.pdf

is, corruption fosters the development of the shadow economy, and the shadow economy, in turn, raises the level of corruption in society.

Despite repeated scholarly research, a single definition of the "shadow economy" has still not been developed. The Nobel Prize nominees in economics Paul Samuelson and William Nordhaus defined the shadow economy as economic activity that is not officially registered[1]. On this view, the shadow economy may be interpreted as a deviation from compliance with the law through the deliberate concealment of information about economic activity or the provision of false information. This, in turn, also gives rise to the phenomenon of a person's illicit enrichment, whereby funds that ought to flow into the state budget fail to reach it. Because this situation arises mainly in processes connected with the collection of taxes, efforts to counter it focus in many cases on changing the state's tax policy[2].

One cannot, however, fully agree with researchers who confine their views to the improvement of tax policy. This is because, in order to evade tax payments, an organization must first have reported its economic activity and then failed to pay the assessed taxes, or have misreported in order to avoid paying them. When the economy remains "in the shadow," its volume is unknown, and tax liabilities therefore cannot be calculated at all.

Here, the main reason why business entities shirk or evade tax payments is explained by the heaviness of the tax burden. There are a number of such factors, and researchers are conducting continuous studies in this direction.

Drawing on the research conducted, three approaches to the study of the shadow economy may be cited as examples:

– **statistical:** any activity that ought to be reflected in official statistical data but is not;

[1]Goygereeva Kh. K. The Shadow Economy and Its Impact on the Financial Stability of Russia // Novaya nauka: sovremennoye sostoyaniye i puti razvitiya. – 2016. – No. 12-1. – pp. 106–109.
[2]Dagaev G. V., Pomulev A. A. The Interrelation between the Laffer Effect and the Shadow Economy // Tenevaya ekonomika. – 2020. – Vol. 4. – No. 4. – pp. 225–234. doi: 10.18334/tek.4.4.111467

– **legal:** the conduct of any economic activity carried out in violation of the law;

– **fiscal (budget-tax):** the failure to report accounts with the aim of evading taxes.

In running a shadow economy, activity prohibited by law is not carried out—that is, such goods and services are not produced—but taxes are deliberately left unpaid[1]. In this situation, the business entity conceals its economic income from the state.

A natural question arises at this point: in the technological era of the 21st century—when digitalization and electronic control systems are being introduced in all spheres, when a digital state or digital government is being implemented in certain countries, when the entire cycle from raw material to finished product is managed through robotization and automation, and when goods and services leave "digital footprints"—how is it possible to hide turnover from reporting systems?

The fairest answer to this logical and objective question is one and only one: "corruption." Historically, because digital control systems had not been introduced into the processes of producing goods, goods and services were concealed from records owing to the resort to corruption by the entities or persons exercising control; today, the very possibility of circumventing the data of electronic monitoring tools is provided, in exchange for personal gain, by corruption-prone employees of the state control bodies.

The research identified four principal functions of corruption in generating and sustaining shadow turnover:

First, the **generative function**—corruption is able to create shadow turnover directly, in the form of bribes, "kickbacks," embezzled budget funds, and unlawful intermediary fees. Because such funds cannot enter

[1]Kireenko A. P., Nevzorova E. N. A Map of Scholarly Research in the Field of the Shadow Economy and Tax Evasion 2019 // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. – 2019. – No. 46. – pp. 46–59. doi: 10.17223/19988648/46/4

legal circulation directly, they create the need for their legalization, which forms the basis of shadow financial flows;

Second, the **protective (masking) function**—in exchange for a bribe, an official extends "patronage" to existing shadow activity such as smuggling, unregistered entrepreneurship, tax evasion, and illegal extraction, and shields it from control and liability. Here corruption becomes the means that preserves and expands—or lubricates—the pre-existing shadow sector;

Third, the **conversion (redistributive) function**—corruption transforms state (public) resources into private shadow assets: through privatization at understated prices, fictitious public procurement, and non-existent contracts, value is transferred from the formal sector into informal private property;

Fourth, the **reproductive function**—the shadow economy generates an unobservable flow of cash, which in turn finances new bribes and corrupt deals.

A number of aspects must be the focus of attention in preventing corruption from becoming an element that sustains the shadow economy. The following may be cited as examples:

1) the institution of illicit enrichment has not been implemented into national legislation in accordance with Article 20 of the United Nations Convention against Corruption (UNCAC);

2) an electronic system for declaring property and income, a register of ultimate beneficial owners, and automatic cross-checking against tax and bank data have not been established;

3) non-conviction-based (civil-law) confiscation and mechanisms for the international recovery of assets have not been introduced into practice;

4) the powers of the Financial Intelligence Unit (FIU) have not been expanded on the basis of the FATF recommendations, and the analysis of suspicious transactions has not been digitalized;

5) the reduction of discretionary powers in the civil service through digitalization and the streamlining of procedures, together with the limitation of monopoly through competition and electronic platforms, has not been introduced;

6) the institution of effective legal protection and encouragement for those who report corruption (whistleblowers) has not been strengthened;

7) the ISO 37001 anti-bribery management system and the practice of corruption risk assessment have not been fully introduced in state bodies and large private structures.

Conclusion

It should be noted that, in recent years, the analysis of geopolitical and geo-economic processes on the international arena and the task of charting future prospects have grown increasingly complex. In all market-economy countries, the shadow economy arises as a result of abuses in the financial sphere and the inefficient use of monetary resources.

The analysis conducted has shown that corruption plays not an incidental but a systemic and functional role in generating shadow turnover in the economy. Corruption simultaneously creates shadow value (the generative function), protects the existing shadow sector (the protective function), converts public resources into private shadow assets (the conversion function), and forms a self-reproducing cycle (the reproductive function). The fight against corruption is therefore, at the same time, an inseparable part of the strategy for reducing the shadow economy.

In this regard, the consistent continuation of the measures being implemented to introduce compliance systems with the aim of preventing conflicts of interest and ensuring integrity in the country acquires even greater significance.

АБДУЛЛАЕВ АКМАЛЖОН ЙЎЛЧИБОЕВИЧ
Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси
Дастлабки тергов ва суриштирув
кафедраси ўқитувчиси, ю.ф.ф.д.

ЗАМОНАВИЙ РАҚАМЛИ ТАҲДИДЛАР ШАРОИТИДА ТЕРГОВЧИЛАРНИ ТАЙЁРЛАШ ВА МАЛАКАСИНИ ОШИРИШНИНГ ДОЛЗАРБ МАСАЛАЛАРИ

Аннотация: *Мазкур мақолада рақамли трансформация ва кибержиноятчиликнинг жадал ўсиши шароитида тергов ходимларининг малакасини оширишнинг долзарб масалалари таҳлил қилинган. Жаҳон ва Ўзбекистондаги кибержиноятчилик ҳолатига оид статистик маълумотлар асосида рақамли жиноятлар динамикаси, уларнинг турлари ва криминалистик хусусиятлари ёритилган. Кибержиноятларни тергов қилишда рақамли далиллар билан ишлаш, мобил криминалистика, OSINT, блокчейн таҳлили ва булутли криминалистика соҳаларида махсус билим ва кўникмаларнинг аҳамияти асослаб берилган. АҚШ, Европа Иттифоқи, Жанубий Корея, Сингапур ҳамда Интерполнинг терговчиларни тайёрлаш ва малакасини ошириш соҳасидаги илғор тажрибаси қиёсий таҳлил қилинган. Тадқиқот натижалари асосида Ўзбекистон Республикаси ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлари тергов ходимларининг рақамли компетенцияларини ривожлантириш, кўп босқичли сертификатлаш тизимини жорий этиш, махсус рақамли тергов полигонларини ташкил этиш ва халқаро ҳамкорликни кенгайтириш бўйича илмий асосланган таклифлар ишлаб чиқилган.*

Аннотация: *В данной статье исследуются актуальные вопросы повышения квалификации следственных работников в условиях цифровой трансформации и стремительного роста киберпреступности. На основе анализа мировой и национальной статистики раскрываются тенденции развития цифровой преступности, её основные формы и криминалистические особенности. Обосновывается необходимость формирования у следователей специальных компетенций в области работы с цифровыми доказательствами, мобильной криминалистики, OSINT-разведки, анализа блокчейн-транзакций и облачной криминалистики. Проведён сравнительный анализ передового опыта*

США, Европейского союза, Республики Корея, Сингапура и Интерпола в сфере подготовки и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов. По результатам исследования разработаны предложения по совершенствованию системы подготовки следователей в Республике Узбекистан, включая внедрение многоуровневой системы сертификации цифровых компетенций, создание специализированных цифровых полигонов и расширение международного сотрудничества в сфере противодействия киберпреступности.

Abstract: *This article examines the pressing issues of enhancing the professional competence of investigators in the context of digital transformation and the rapid growth of cybercrime. Based on global and national statistical data, the study analyzes trends in cybercrime development, its major forms, and forensic characteristics. Particular attention is paid to the importance of developing investigators' competencies in handling digital evidence, mobile forensics, open-source intelligence (OSINT), blockchain analytics, and cloud forensics. A comparative analysis of best practices employed in the United States, the European Union, the Republic of Korea, Singapore, and INTERPOL in the field of investigator training and professional development is conducted. Based on the research findings, a set of recommendations is proposed for improving the training system of law enforcement personnel in the Republic of Uzbekistan, including the introduction of a multi-level digital competency certification framework, the establishment of specialized digital investigation laboratories, and the expansion of international cooperation in combating cybercrime.*

Калит сўзлар: *кибержиноятчилик, рақамли трансформация, терговчи, малака ошириш, рақамли далиллар, киберхавфсизлик, OSINT, блокчейн таҳлили, мобил криминалистика, хорижий тажриба, рақамли компетенциялар.*

Ключевые слова: *киберпреступность, цифровая трансформация, следователь, повышение квалификации, цифровые доказательства, кибербезопасность, OSINT, блокчейн-анализ, мобильная криминалистика, зарубежный опыт, цифровые компетенции.*

Keywords: *cybercrime, digital transformation, investigator, professional development, digital evidence, cybersecurity, OSINT, blockchain analytics, mobile forensics, foreign experience, digital competencies.*

Барчамизга маълумки, глобаллашув ва тўртинчи саноат инқилоби инсоният ҳаётига шиддатли рақамли трансформация жараёнларини

олиб кирди. Бугунги кунда сунъий интеллект (AI), катта ҳажмдаги маълумотлар (Big Data), булутли технологиялар (Cloud Computing), блокчейн ва крипто-активлар каби инновациялар нафақат иқтисодий соҳаларни, балки ижтимоий муносабатлар тизимини ҳам тубдан ўзгартирмоқда. Бироқ фан ва техниканинг ушбу ютуқлари анъанавий жиноятчиликнинг ҳам трансформация бўлишига, унинг кибермакон соҳасига кўчишига шароит яратди. Замонавий жиноятчилик эндиликда жисмоний чегараларни тан олмайдиган, трансмиллий ва аноним хусусиятга эга бўлган глобал таҳдидга айланиб улгурди.

Бундай шароитда ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар, хусусан тергов ва суриштирув тизими ходимлари мутлақо янги турдаги, рақамли муҳитда яширинган жиноий субъектлар билан тўқнаш келмоқдалар. Агар илгари жиноят содир этилган жойни кўздан кечириш маълум бир жисмоний макон билан чекланган бўлса, бугунги кунда жиноят излари виртуал серверлар, тармоқ протоколлари, шифрланган файллар ва занжирли блокчейн транзакциялари ичига тарқалиб кетган. Бу эса тергов тизими ходимларининг нафақат юридик малакасини, балки уларнинг ахборот технологиялари соҳасидаги техник билимларини ҳам давр талабига мос равишда оширишни тақозо этади. Терговчиларнинг замонавий рақамли таҳдидларни англаш даражаси ва кибержиноятларни тергов қилиш кўникмалари бугун давлатнинг хавфсизлиги ва қонун устуворлигини таъминлашнинг энг асосий мезонларидан бири ҳисобланади.

Жаҳон миқёсида кибержиноятчилик келтираётган иқтисодий ва ижтимоий зарар миқдори йилдан-йилга геометрик прогрессия тарзида ўсиб бормоқда. Халқаро таҳлилий марказлар ва киберхавфсизлик ташкилотларининг маълумотлари бу таҳдиднинг нақадар улкан миқёс касб этганини яққол кўрсатади.

АҚШ Федерал қидирув бюросининг (FBI) Интернетдаги жиноятлар бўйича шикоятларни кўриб чиқиш маркази (IC3) томонидан эълон қилинган йиллик ҳисоботга кўра, биргина 2024 йилнинг ўзида

859 мингдан ортиқ расмий шикоятлар қайд этилган бўлиб, бунинг натижасида кўрилган умумий молиявий зарар миқдори 16 миллиард АҚШ долларидан ошиб кетган. Бу кўрсаткич 2023 йилга нисбатан 33 фоизга кўпдир[1].

Умумий глобал миқёсда эса кибержиноятчилик туфайли дунё иқтисодиёти йилига тахминан 10,5 триллион доллар зарар кўрмоқда. Бу кўрсаткич кўплаб ривожланган давлатларнинг ялпи ички маҳсулотидан бир неча баробар кўпдир. Экспертларнинг фикрига кўра, агар тегишли глобал хавфсизлик чоралари кўрилмаса, 2029 йилга бориб кибержиноятчилик олиб кирадиган зарар миқдори 15,6 триллион долларга етиши мумкин[2].

Жаҳон иқтисодий форумининг (WEF) Глобал киберхавфсизлик истиқболлари маърузасида қайд этилишича, сўровда иштирок этган соҳа мутахассислари ва раҳбарларнинг 72 фоизи рақамли таҳдидларнинг сунъий интеллект воситалари туфайли янада хавфлироқ ва мураккаброқ тус олаётганини таъкидлаган[3].

Айниқса, генератив сунъий интеллект (Generative AI) асосида ишлаб чиқилган ижтимоий муҳандислик (Social Engineering) усуллари ва тизимларни блокловчи зарарли дастурлар — товламачилик дастурлар (Ransomware) глобал инфратузилмага катта хавф туғдирмоқда.

Verizon компаниясининг йиллик таҳлиллари шуни кўрсатадики, 2025 йилда содир этилган киберҳужумларнинг 44 фоизи айнан Ransomware (тўлов талаб қилувчи вирус) дастурлари иштирокида амалга оширилган бўлиб, бу аввалги йилга нисбатан 37 фоизлик ўсишни англатади[4]. Бунда энг хавотирли жиҳат шундаки, жиноятчилар томонидан тизимларни қайта тиклаш учун талаб қилинаётган ўртача

[1] FBI Internet Crime Complaint Center (IC3) Annual Report 2024. Available at: https://www.ic3.gov/
[2] CompTIA Global Cybercrime Costs Forecast 2025-2029. Cybersecurity Market Insights.
[3] WEF Global Cybersecurity Outlook 2025. World Economic Forum. Geneva, 2025.
[4] Verizon Data Breach Investigations Report 2025 (DBIR). Verizon Business, 2025.

тўлов миқдори (Ransom demand) 500 фоизга ошиб, 2 миллион АҚШ долларига етган[1].

Европа Иттифоқининг Киберхавфсизлик агентлиги (ENISA) ҳам ўз ҳисоботларида кибержиноятчиликнинг нафақат молиявий секторга, балки давлат бошқаруви ва соғлиқни сақлаш тизимлари каби критик инфратузилма объектларига ҳам тўғридан-тўғри ҳужумлари сони ортганини таъкидламоқда[2].

Глобал миқёсдаги ушбу хавотирли тенденциялар Ўзбекистон Республикасининг миллий статистикасида ҳам ўз аксини топмоқда. “Электрон жиноий-ҳуқуқий статистика” ягона ахборот тизимининг 2023–2025 йиллардаги расмий маълумотлари мамлакатимизда рақамли жиноятлар динамикасида кескин ўсиш содир бўлганини яққол кўрсатмоқда.

Хусусан, **2023 йилда** Республика бўйича жами содир этилган жиноятлар сони 75 020 тани ташкил этган бўлиб, улардан ахборот технологиялари ёрдамида содир этилганлари бор-йўғи **5 400 тага (7,2%)** тенг эди. **2024 йилда** умумий жиноятлар сони 130.295 тага етган бўлса, уларнинг ичида АКТ ёрдамида содир этилган жиноятлар портлаш даражасида ўсиб, **58 800 тани (45%)** ташкил этди. **2025 йилда эса** Республикадаги жами жиноятлар сони 155.002 тага етди ва уларнинг қарийб ярми — **76 852 таси (49,6%)** бевосита ахборот технологиялари воситасида содир этилди.

Ушбу статистик таҳлилдан кўриниб турибдики, сўнгги уч йил ичида Ўзбекистонда ахборот технологиялари ёрдамида содир этилган жиноятлар **14,2 баробарга кўпайган** (5.400 тадан 76.852 тагача), уларнинг умумий жиноятчилик таркибидаги улуши эса **7,2 фоиздан 49,6 фоизгача шиддат билан кўтарилган**.

[1] Verizon Data Breach Investigations Report 2025 (DBIR). Verizon Business, 2025.
[2] ENISA Threat Landscape 2025. European Union Agency for Cybersecurity. Athens, 2025.

Бу рақамлар терговчининг иш услуби тубдан ўзгариши кераклигини англатади. Замонавий терговчи эндиликда анъанавий жиноят воқеаси жойидаги ашёвий далиллар билан чекланиб қолмай, рақамли маконда қолдирилган виртуал изларни (Digital Footprints) қидириш, тўплаш ва таҳлил қилиш лаёқатига эга бўлиши шарт.

Айнан шу сабабли, Ўзбекистонда сўнгги йилларда кибержиноятчиликка қарши кураш соҳасида кенг қамровли ҳуқуқий ва ташкилий чоралар кўрилмоқда. Давлатимиз раҳбари ва Ҳукумат томонидан соҳага оид қатор концептуал ҳужжатлар қабул қилиниб, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар таркибида ихтисослашган киберхавфсизлик бўлинмалари ташкил этилди. Жиноят кодексига ахборот технологиялари ва банк карталаридан фойдаланган ҳолда содир этиладиган фирибгарлик ва ўғрилик жиноятлари учун жавобгарликни кучайтирувчи махсус квалификация белгилари (ЖКнинг 168 ва 169-моддаларига) киритилди. «Киберхавфсизлик тўғрисида»ги Қонуннинг қабул қилиниши критик ахборот инфратузилмаси объектларини ҳимоя қилишда муҳим ҳуқуқий қадам бўлди. Шунингдек, Ички ишлар вазирлиги ва Бош прокуратура тизимида рақамли далилларни тўплаш ва таҳлил қилиш бўйича замонавий мобил-криминалистик лабораториялар ташкил этилиб, Марказий банкнинг Киберхавфсизлик маркази (CERT-CBU) билан тезкор ахборот алмашинуви йўлга қўйилди. Бироқ, жиноятларнинг 14 баробардан зиёд ўсиш динамикаси ҳуқуқий базанинг яратилиши кадрларнинг техник салоҳияти билан мутаносиб равишда ривожланиши лозимлигини кўрсатмоқда.

Технологияларнинг ривожланиши жиноий инструментлар ва усулларнинг ҳам хилма-хиллашувига олиб келди. Бугунги кунда тергов амалиётида тез-тез учраб турадиган кибержиноятларнинг асосий кўринишлари ва уларнинг криминалистик хусусиятлари қуйидагилардан иборат:

1. Фишинг ҳужумлари ва интернет фирибгарлиги: Ижтимоий муҳандислик усулларидан фойдаланган ҳолда фойдаланувчиларнинг махфий маълумотларини (логин, пароль, пин-код) алдов йўли билан қўлга киритиш. Бугунги кунда фишинг хабарлари сунъий интеллект ёрдамида ҳеч қандай орфографик хатоларсиз ва муайян шахснинг психотипига мослаштирилган ҳолда автоматик генерация қилинмоқда.

2. Банк карталари ва тўлов тизимларидаги ўғрилик (Кардинг): Фишинг ёки зарарли дастурлар воситасида фуқароларнинг банк пластик карталари реквизитларини ўғирлаш ва масофадан туриб маблағларни ноқонуний ўзлаштириш.

3. Ransomware (Товламачилик дастурлари): Корпоратив ёки давлат ташкилотларининг серверларига масофадан туриб ҳужум қилиш, тизимдаги барча маълумотларни криптографик усулда шифрлаб қўйиш ва шифрни очиш эвазига криптовалютада йирик миқдорда тўлов талаб қилиш.

4. Криптовалюталар ва пул ювиш (Crypto Laundering): Жиноий йўл билан топилган маблағларни блокчейн тармоқлари (Bitcoin, Ethereum, Monero каби аноним крипто-активлар) ва крипто-миксерлар (Crypto mixers) орқали ўтказиш йўли билан уларнинг асл манбаи ва эгасини яшириш[1].

5. Deepfake ва Сунъий интеллект технологиялари орқали содир этиладиган жиноятлар: Генератив нейрон тармоқлари ёрдамида реал шахсларнинг сохта видео, аудио ва фото тасвирларини юқори аниқликда яратиш. Бугунги кунда Deepfake технологияси орқали компания раҳбарларининг овозлари ва юзлари тақлид қилиниб, молиявий масъул ходимларни йирик миқдордаги пулларни жиноий ҳисоб рақамларига ўтказишга мажбур қилиш ҳолатлари учрамоқда. 2025 йилги статистик маълумотларга кўра, барча қайд этилган

[1] Chainalysis Crypto Crime Report 2025. The Latest Trends in Cryptocurrency-based Crime.

кибержиноятларнинг 16 фоизида ҳужумчилар у ёки бу шаклда сунъий интеллект имкониятларидан фойдаланган[1].

6. Dark Web (Қора тармоқ) инфратузилмаси: Tor, I2P каби махсус шифрланган тармоқлар ичида яширин бозорларнинг амал қилиши. Darknet маконида нафақат гиёҳвандлик воситалари ёки қурол-яроғлар, балки тайёр жиноий дастурий кодлар, ўғирланган шахсий маълумотлар базалари ва "хизмат сифатидаги киберҳужумлар" (Cybercrime-as-a-Service, CaaS) сотилади ҳамда буюртма берилади[2].

Ушбу рўйхатдан кўриниб турибдики, кибержиноятчилик эндиликда якка тартибдаги ҳаваскор хакерлар иши эмас, балки юқори даражада ташкиллашган, техник жиҳатдан мукаммал таъминланган трансмиллий “жиноий саноат” дир. Тезкор ходим ва терговчи тармоқ протоколлари (TCP/IP), рақамли излар, IP-манзиллар таҳлили, VPN ва прокси тизимларини айланиб ўтиш усулларини мукаммал билмаса, жиноятни фош этиш мутлақо имконсиз бўлиб қолади.

Кибержиноятларни тергов қилишнинг ўзига хос жиҳати — рақамли далилларнинг (Digital Evidence) ўта сергак ва ўзгарувчан табиати билан боғлиқ. Рақамли далил бир сония ичида масофадан туриб ўчириб юборилиши, ўзгартирилиши ёки йўқ қилиниши мумкин. Шу боис, замонавий терговчи нафақат юридик нормаларни шарҳлашни, балки қуйидаги техник ва криминалистик йўналишларни мукаммал ўзлаштириши шарт:

1. Рақамли далилларни процессуал тўғри йиғиш ва сақлаш: Электрон ташувчилардаги (қаттиқ дисклар, флеш-карталар) маълумотларни уларнинг яхлитлиги ва ўзгармаслигини таъминлаган ҳолда "битма-бит" (Bit-stream image) кўчириб олиш (клониш) ва уларнинг хэш-функцияларини (MD5, SHA-256) ҳисоблаш;

2. Мобил қурилмалар криминалистикаси (Mobile Forensics): Замонавий смартфонлардаги шифрланган мессенжерлар (Telegram,

[1] Verizon Data Breach Investigations Report 2025 (DBIR). Verizon Business, 2025.
[2] FLETC Cybercrime & Technical Investigations Training Conference (CYCON) 2024 Proceedings. Federal Law Enforcement Training Centers.

WhatsApp, Signal), ўчириб юборилган хабарлар, геодезик маълумотлар (GPS тарих) ва кэш файллардан тергов учун аҳамиятли ахборотларни ажратиб олиш;

3. Очиқ манбалардан маълумот тўплаш (OSINT — Open Source Intelligence): Интернетнинг очиқ муҳитидан, ижтимоий тармоқлар, форумлар ва рўйхатдан ўтиш базаларидан фойдаланиб, номаълум жиноий субъектнинг шахсини аниқлаш (дигитал профиллаш)[1].

4. Блокчейн ва крипто-аналитика: Махсус дастурий таъминотлар (масалан, Chainalysis, Elliptic воситалари) ёрдамида крипто-ҳамёнлар ҳаракатини, транзакциялар занжирини кузатиш ва уларнинг якуний нақдлаштириш нуқталарини (крипто-биржаларни) аниқлаш[2].

5. Булутли криминалистика (Cloud Forensics): Маълумотлар жисмоний қурилмада эмас, балки масофавий серверларда (Google Cloud, AWS, iCloud) сақланган вазиятда уларни қонуний ва техник жиҳатдан бенуқсон қўлга киритиш.

Бу вазифалар миллий кадрлар тайёрлаш ва малака ошириш тизимини тубдан ислоҳ қилишни ва бунда етакчи хорижий давлатларнинг синовдан ўтган тажрибасини тизимли таҳлил қилишни талаб қилади.

АҚШ Федерал қидирув бюроси (FBI) ва Федерал ҳуқуқни муҳофаза қилиш органларини ўқитиш маркази (FLETC) кибержиноятларга қарши курашишда дунёдаги энг мукаммал ўқув-методик базага эга тизимлар ҳисобланади.

FLETC таркибида терговчилар учун махсус Кибержиноятлар ва техник терговлар конференцияси (CYCON) ва доимий ўқув дастурлари

[1] INTERPOL Digital Forensics First Responders Guidelines, v7. INTERPOL Global Complex for Innovation. Singapore.
[2] Chainalysis Crypto Crime Report 2025. The Latest Trends in Cryptocurrency-based Crime.

амал қилади[1]. Терговчилар қуйидаги ихтисослашган курсларда ўқитилади:

– Digital Forensics Investigation (DFI), яъни рақамли далилларни криминалистик экспертиза қилиш;

– Internet Investigations Training Program (IITP), яъни Интернет тармоғида яширин тергов ҳаракатларини олиб бориш;

– Vehicle Data Extraction Training Program (VDETP), яъни Замонавий "ақлли" транспорт воситаларининг компьютер тизимларидан рақамли далилларни ажратиб олиш;

– Seized Computer and Evidence Recovery Specialist (SCERS), яъни Компьютер тизимларини хавфсиз мусодара қилиш ва маълумотларни қайта тиклаш.

АҚШ тизимининг энг асосий хусусияти — амалий симуляторлар ва тренажёрларнинг мавжудлигидир. Ўқиш жараёнида терговчиларга реал вақт режимида Dark Web маконига кириш, крипто-ҳамёнларни блокчейн орқали кузатиш ва хакерлик ҳужуми содир бўлаётган сервердан иссиқ излар бўйича далил тўплаш машқлари бажартирилади[2].

Европа Иттифоқи ҳудудида кибержиноятларга қарши кураш стратегияси Европол таркибидаги Европа кибержиноятчилик маркази (EC3) томонидан мувофиқлаштирилади. 2024 йилда Европол томонидан махсус “Кибержиноятчилик бўйича ўқитиш малака доираси” (Cybercrime Training Competency Framework) ишлаб чиқилди[3]. Ушбу ҳужжатга кўра, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар ходимларининг кибер-малакаси 4 та мажбурий тоифага ажратилади:

биринчи даража — Биринчи муносабат билдирувчи (First Responder). Ушбу даражадаги мутахассис кибер воқеага дастлабки тезкор муносабат билдиради: далилларни дастлабки мустаҳкамлаш,

[1] FLETC Cybercrime & Technical Investigations Training Conference (CYCON) 2024 Proceedings. Federal Law Enforcement Training Centers.
[2] FLETC Cybercrime & Technical Investigations Training Conference (CYCON) 2024 Proceedings. Federal Law Enforcement Training Centers.
[3] Europol Cybercrime Training Competency Framework 2024. Europol, EC3. The Hague, 2024.

ҳодиса жойини ҳимоялаш ва юқори даражали мутахассисларга ахборот узатиш вазифасини бажаради;

иккинчи даража — Умумий тергов мутахассиси (Mainstream Investigator). Кибержиноятларни умумий методология асосида тергов қиладиган асосий тергов звеноси. Рақамли далилларни йиғиш, таҳлил қилиш ва жиноят ишини юритиш вазифалари ушбу даражага юклатилган;

учинчи даража — Ихтисослашган кибер-терговчи (Cybercrime Specialist). Маълум турдаги кибержиноятлар — fishing, ransomware, tarmoq hujumlari каби мураккаб ишларни ҳал этишга ихтисослашган юқори малакали мутахассис;

тўртинчи даража — Киберхужум бўлинмаси раҳбари (Cybercrime Manager).

Тизим бошқарувчиси сифатида кибер-тергов бўлинмасини стратегик бошқаришни, ходимлар фаолиятини мувофиқлаштиришни ва давлат органлари ўртасида ҳамкорликни таъминлайди.

Европа тизимида рақамли криминалистиканинг мажбурий 8 та босқичи қонунчилик даражасида белгиланган: аниқлаш (identification), сақлаш (preservation), ёзиб олиш (acquisition), тасдиқлаш (validation), таҳлил (analysis), тафсир (interpretation), ҳужжатлаштириш (documentation) ва судда тақдим этиш (presentation)[1].

Европа полиция коллежи (CEPOL) эса ушбу стандартлар асосида трансчегаравий кибержиноятларни тергов қилиш, Будапешт конвенцияси механизмларини қўллаш ва Европа Иттифоқининг янги "e-далиллар тўплами" (e-evidence Package) ҳамда Рақамли хизматлар тўғрисидаги қонуни (Digital Services Act) асосида рақамли маълумотларни провайдерлардан тезкорлик билан олиш усулларини ўргатади[2].

[1] Europol Cybercrime Training Competency Framework 2024. Europol, EC3. The Hague, 2024.
[2] Eurojust-Europol «Common Challenges in Cybercrime» Joint Report 2024.
Europol Programming Document 2024–2026. Data-driven law enforcement support

Жанубий Корея Миллий полиция агентлиги (KNPA) таркибидаги Рақамли тергов марказлари (Digital Investigation Centers) юқори технологияли жиноятларни очишда сунъий интеллект ва Big Data (катта маълумотлар) таҳлилидан унумли фойдаланади.

Корея тажрибасининг ўзига хос жиҳати шундаки, у ерда анъанавий юрист-терговчи ва техник IT-мутахассис ўртасидаги касбий чегаралар деярли йўқотилган. Малака ошириш тизимида терговчиларга нейрон тармоқлари асосида ишлайдиган ва фирибгарлик транзакцияларини автоматик равишда аниқлаб, жиноятларни башорат қилувчи махсус миллий дастурий таъминотлар билан ишлаш ўргатилади.

Сингапур ҳукумати киберхавфсизлик бўйича дунёда етакчи ўринлардан бирини эгаллайди. Сингапур полиция кучлари қошида ташкил этилган Кибержиноятчилик академияси (Cybercrime Academy) давлат ва хусусий сектор ҳамкорлигининг (Public-Private Partnership) ёрқин намунасидир. Академия Интерпол, шунингдек, дунёнинг етакчи технология компаниялари (Microsoft, Google, Group-IB) билан ҳамкорликда терговчилар учун киберразведка (Cyber Threat Intelligence) ва сунъий интеллект воситалари ёрдамида рақамли далилларни қайта тиклаш бўйича энг замонавий амалий курсларни ташкил этади.

Интерпол ўзининг Кибержиноятчилик бўйича глобал дастури орқали дунё давлатлари терговчиларининг кучини бирлаштиради. Бунга мисол қилиб, глобал миқёсда ботнетларни йўқ қилиш ва юзлаб хакерларни қўлга олишга қаратилган "Synergia" операциясини келтириш мумкин.

Интерпол томонидан чиқарилган "Рақамли криминалистика бўйича биринчи муносабат билдирувчилар учун қўлланма" (Digital Forensics First Responders Guidelines) бугунги кунда дунё бўйича терговчилар учун рақамли далиллар билан ишлашнинг олтин

стандарти ҳисобланади[1]. Европа Кенгаши ва CEPOL эса ушбу қўлланмалар асосида, айниқса Ғарбий Балқон ва ривожланаётган минтақаларда криптовалюталарни тергов қилиш бўйича мутахассислашган курсларни мунтазам ўтказиб келмоқда[2].

Ўзбекистон Республикасида сўнгги уч йилда АКТ ёрдамида содир этилган жиноятлар улушининг **7,2% дан 49,6% гача** шиддат билан ўсганлиги кадрлар салоҳиятини кучайтиришни тақозо этади. Хорижий давлатларнинг илғор тажрибасини миллий ҳуқуқий воқелик ва Ўзбекистон Республикасининг рақамлаштириш стратегияси билан қиёсий таҳлил қилган ҳолда, миллий тергов ходимларининг малакасини ошириш тизимини тубдан такомиллаштириш бўйича қуйидаги тизимли таклифлар илгари сурилади:

биринчидан, миллий ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органларда (Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси, ИИВ Академияси) терговчилар учун рақамли билимлар даражасини баҳоловчи кўп даражали тизимни (4 даражали сертификатлаш) жорий этиш лозим. Ҳар бир терговчи ўз тоифасидан келиб чиқиб, рақамли далиллар билан ишлаш бўйича мажбурий минимал даражага эга бўлиши ва бу бўйича даврий равишда имтиҳон топшириши шарт;

иккинчидан, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар ходимларининг малакасини ошириш муассасалари (Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси, ИИВ Академияси, ИИВ Малака ошириш институти) ўқув режаларига фақат юридик фанларни эмас, балки қуйидаги техник модулларни ҳам киритиш зарур:

1. Компьютер инжинирингининг асослари модули доирасида терговчиларда операцион тизимлар архитектураси, файл тизимлари ва тармоқ протоколлари (OSI модели, TCP/IP) бўйича амалий кўникмалар шакллантирилади;

[1] INTERPOL Digital Forensics First Responders Guidelines, v7. INTERPOL Global Complex for Innovation. Singapore.
[2] CEPOL Western Balkans Cybercrime Investigation Training Programme 2024. Budapest, 2024.

2. Крипто-анализ ва Блокчейн модули криптохамёнлар тузилишини, транзакцияларни кузатиш (blockchain tracing) технологиясини ҳамда крипто-миксерларнинг ишлаш тамойилини ўрганишга қаратилган[1].

3. AI ва OSINT воситалари модули эса очиқ манбалардан маълумот қидириш, Deepfake материалларини аниқлаш ва нейрон тармоқлари ёрдамида маълумотларни таҳлил қилиш кўникмаларини ривожлантиришга хизмат қилади [6].

учинчидан, АҚШнинг FLETC тажрибаси асосида миллий ўқув марказларида виртуал реаллик (VR) ва махсус дастурий симуляторлар билан жиҳозланган интерфаол лабораториялар — **“Рақамли тергов полигонлари”** ташкил этилиши керак[2]. Ушбу полигонларда терговчилар хакерлик ҳужумига учраган корхона серверидан маълумотларни “жонли” тизимда (Live forensics) нобуд қилмасдан кўчириб олиш, булутли серверларга қонуний кириш ва шифрланган дискларни очиш тактикасини амалий машқ қилишлари лозим;

тўртинчидан, рақамли технологиялар жуда тез суръатларда ўзгараётгани сабабли, давлат таълим муассасалари дастурлари амалиётдан орқада қолмаслиги лозим. Бунинг учун малака ошириш жараёнларига етакчи маҳаллий ва халқаро IT-компаниялар, тижорат банкларининг киберхавфсизлик марказлари ходимлари ва Group-IB, Kaspersky каби халқаро экспертларни маърузачи сифатида жалб этиш тизимини йўлга қўйиш зарур;

бешинчидан, кибержиноятларнинг трансчегаравий табиатини инобатга олиб, миллий терговчиларнинг Интерпол ва Европол ўқув курсларида ва хорижий стажировкаларда иштирокини кенгайтириш лозим. Шунингдек, халқаро даражада рақамли далилларни алмашиш жараёнларини соддалаштириш мақсадида, Ўзбекистоннинг

[1] Chainalysis Crypto Crime Report 2025. The Latest Trends in Cryptocurrency-based Crime.
[2] FLETC Cybercrime & Technical Investigations Training Conference (CYCON) 2024 Proceedings. Federal Law Enforcement Training Centers.

Кибержиноятчилик тўғрисидаги Будапешт Конвенциясига қўшилиши масаласини ҳуқуқий жиҳатдан кўриб чиқиш мақсадга мувофиқдир[1].

олтинчидан, Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси, ИИВ Академияси ва бошқа соҳавий таълим муассасаларида “Кибержиноятларни тергов қилиш” ихтисослик йўналишини мустаҳкамлаш ва тизимда фақат рақамли жиноятлар билан шуғулланувчи, юқори техник ва ҳуқуқий тайёргарликка эга бўлган алоҳида терговчилар ва суриштирувчилар корпусини ташкил этиш давр талабидир.

Хулоса қилиб айтганда, рақамли трансформация ва глобал кибертаҳдидлар шароитида ҳуқуқни муҳофаза қилиш тизимининг самарадорлиги бевосита тергов ходимларининг интеллектуал ва техник салоҳиятига боғлиқдир. Миллий статистикада акс этганидек, қайд этилаётган ҳар иккинчи жиноят рақамли макон билан боғлиқ бўлган бир шароитда, анъанавий, фақат қоғозбозлик ва эскича қарашларга асосланган тергов тактикаси билан курашиб бўлмайди. Кибержиноятчи қурол сифатида энг замонавий алгоритмлар, сунъий интеллект ва аноним крипто-активлардан фойдаланаётган бир даврда, терговчи ундан бир қадам олдинда юриши шарт. Юқорида таъкидланган ривожланган мамлакатларнинг бундай таҳдидларга қарши курашиш амалиёти бизга шуни кўрсатадики, кадрларни ўқитиш ва малакасини ошириш тизими доимий, амалиётга йўналтирилган ва илғор техник воситалар билан жиҳозланган бўлиши лозим. Ўзбекистонда хорижий давлатларнинг ушбу ижобий тажрибасини миллий қонунчилик ва амалиётга тизимли имплементация қилиш — кибермаконда фуқароларимиз хавфсизлигини, давлат манфаатларини ва қонун устуворлигини ишончли таъминлашнинг энг муҳим кафолати бўлиб хизмат қилади.

[1] Budapest Convention on Cybercrime and its Optional Protocols. Council of Europe, Treaty No. 185.

ABDURAKHMANOV AZIZBEK
Independent Researcher at the
Law Enforcement Academy
of the Republic of Uzbekistan

ANALYSIS OF SIGNIFICANT HARM ISSUES: A CASE STUDY OF THE OFFENCE OF PRODUCTION OR USE OF POTENT OR TOXIC SUBSTANCES NOT CLASSIFIED AS NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES, OR THEIR ANALOGS

Аннотация. *Мазкур мақолада жиддий зиён масалалари гиёҳвандлик воситалари, психотрон моддалар ёки уларнинг аналоглари ҳисобланмайдиган кучли таъсир қилувчи ёхуд заҳарли моддаларни ишлаб чиқариш ёки улардан фойдаланиш қоидаларини бузиш жинояти мисолида қиёсий таҳлил қилиниб, унинг жиноий-ҳуқуқий жиҳатлари ва қонун нормаларини қўллаш жараёнидаги коллизиялар ўрганилган, соҳани такомиллаштиришга қаратилган илмий асосланган хулоса ва таклифлар ишлаб чиқилган.*

Аннотация. *В настоящей статье на примере преступления, связанного с нарушением правил производства или использования сильнодействующих либо ядовитых веществ, не являющихся наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами, проводится сравнительный анализ вопросов причинения существенного вреда. В статье также изучены уголовно-правовые аспекты данного деяния, рассмотрены коллизии, возникающие в процессе применения норм права, и разработаны научно обоснованные выводы и предложения, направленные на совершенствование законодательства в этой сфере.*

Abstract. *This article provides a comparative criminal-law analysis of issues relating to significant harm through the example of the offence of violating the rules governing the production or use of potent or toxic substances not classified as narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues. The article examines the criminal-law characteristics of this offence and the conflicts that arise in the application of the relevant legal norms. It also develops scientifically grounded conclusions and*

proposals aimed at improving the regulation and application of criminal liability in this area.

Калит сўзлар: *жиддий зиён, гиёҳвандлик воситалари, психотрон моддалар ёки уларнинг аналоглари ҳисобланмайдиган кучли таъсир қилувчи ёхуд заҳарли моддаларни ишлаб чиқариш ёки улардан фойдаланиш қоидаларини бузиш, жиноятларни квалификация қилиш.*

Ключевые слова: *существенный вред, нарушение правил производства или использования сильнодействующих либо ядовитых веществ, не являющихся наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами, квалификация преступлений.*

Keywords: *significant harm; violation of the rules for the production or use of potent or toxic substances not classified as narcotic drugs, psychotropic substances, or their analogues; criminal-law qualification of offences.*

The illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues has long been prohibited by law and is subject to ongoing law-enforcement control in Uzbekistan.

In 2004, the illicit circulation of potent or toxic substances not classified as narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues was first brought within the scope of Uzbek criminal law, and criminal liability for such conduct was introduced.

Since then, criminal liability for this category of conduct has been gradually refined.

The available statistical data cited in the relevant research indicate an increase in the illicit circulation of potent and toxic substances. In particular, whereas two offences were registered under Article 251[1] of the Criminal Code in 2018, this figure reached 835 in 2024[1].

Certain criminal-law aspects of offences involving potent or toxic substances have been examined in the works of M.Kh. Rustambayev, Kh.Sh.

[1] С.У.Тошниёзов. Кучли таъсир қилувчи ёки заҳарли моддаларнинг ноқонуний муомаласига қарши курашишнинг жиноий-ҳуқуқий чораларини такомиллаштириш. Юридик фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертацияси автореферати. 6-бет. 2025 й. www.natlib.uz

Odilov, F. Yakubov, R. Kabulov, M. Khaydarov, S. Toshniyozov, and other scholars.

In particular, M. Khaydarov proposed separating Article 251[1] of the Criminal Code into three independent provisions[1].

S. Toshniyozov, in his doctoral research, examined the improvement of criminal-law measures to combat the illicit trafficking of potent or toxic substances and substantiated a number of proposals in this area[2].

On 11 June 2026, the Law of the Republic of Uzbekistan No. ZRU-1151, "On Introducing Additions and Amendments to Certain Legislative Acts of the Republic of Uzbekistan Aimed at Improving Liability for the Illicit Trafficking of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances or Their Analogues and Potent Substances," was adopted. The Law entered into force on 12 June 2026. It restructured a number of criminal-law provisions relating to narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues and potent substances.

In particular, Chapter XIX of the Criminal Code, formerly dealing with offences involving the illicit trafficking of narcotic drugs or psychotropic substances, was renamed "Crimes against Public Health and the Gene Pool".

Before these amendments, Article 251[1] of the Criminal Code contained several forms of criminal conduct relating to potent or toxic substances. Following the amendments, the relevant conduct was restructured within Chapter XIX of the Criminal Code and regulated through separate provisions, including Articles 276[5], 276[6] and 276[7].

Article 276[7] of the Criminal Code now establishes liability for violating the rules governing the production or use of potent or toxic substances not classified as narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues.

---

[1] М.М.Хайдаров. Кучли таъсир қилувчи ёки заҳарли моддаларни қонунга хилоф равишда муомалага киритганлик учун жавобгарликнинг айрим масалалари. Илмий мақола. Халқаро илмий конференция мақолалар тўплами. 2024 й

[2] С.У.Тошниёзов. Кучли таъсир қилувчи ёки заҳарли моддаларнинг ноқонуний муомаласига қарши курашишнинг жиноий-ҳуқуқий чораларини такомиллаштириш. Юридик фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертацияси автореферати. 6-бет. 2025 й. www.natlib.uz

Previously, a violation of the rules for the production, acquisition, storage, accounting, dispensing, transportation or shipment of potent or toxic substances not classified as narcotic drugs, their analogues or psychotropic substances, where such violation negligently resulted in their theft or caused other significant harm, was regulated under part six of Article 251[1] of the Criminal Code.

Under the current wording, a person may be held liable under Article 276[7] of the Criminal Code for violating the established rules for the production, acquisition, storage, accounting, dispensing, transportation or shipment of potent or toxic substances not classified as narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues, if such violation negligently results in their misappropriation or otherwise causes significant harm

According to M.Kh. Rustambayev, the object of Article 251[1] of the Criminal Code is the legally established procedure for handling potent substances not classified as narcotic drugs, their analogues or psychotropic substances[1].

Based on his research findings, S. Toshniyozov defines the special object of this offence as public security and public order, and its generic object as social relations connected with the protection and safeguarding of public health. He concludes that the principal direct object of the unlawful circulation of potent or toxic substances is the established procedure for handling such substances, aimed at protecting public health. The additional direct object consists of social relations that may inevitably be harmed where the principal direct object is affected by the offence, including the environment, public security, public health and human life[2].

Resolution No. 33 of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan, dated 27 November 2021, explains that a violation of the

[1] М.Х.Рустамбаев. Ўзбекистон Республикасининг Жиноят кодексига шарҳлар. Махсус қисм, 3-жилд, 452-бет. Тошкент. 2025 й. Yuridik adabiyotlar publish

[2] С.У.Тошниёзов. Кучли таъсир қилувчи ёки заҳарли моддаларнинг ноқонуний муомаласига қарши курашишнинг жиноий-ҳуқуқий чораларини такомиллаштириш. Юридик фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертацияси автореферати. 6-бет. 2025 й. www.natlib.uz

rules for the production, acquisition, storage, accounting, dispensing, transportation or shipment of potent or toxic substances may manifest itself, for example, in a person's long-term illness or environmental contamination by toxic substances. The Resolution also states that bodily injury or death caused by negligence is covered by the relevant part of Article 251[1] of the Criminal Code and does not require additional qualification under other provisions of the Criminal Code[1].

Since Article 276[7] of the Criminal Code incorporates the relevant form of conduct previously regulated under Article 251[1], the doctrinal and judicial interpretations developed in relation to Article 251[1] remain relevant to the extent that they concern the same rules for handling potent or toxic substances. Accordingly, the additional direct objects of Article 276[7] of the Criminal Code may also include social relations relating to the protection of human life, human health and the environment.

To determine the degree of social danger and the legal classification of the act provided for in Article 276[7] of the Criminal Code, it is first necessary to examine the subjective element of the offence.

In this offence, fault is expressed in negligence. Under Article 276[7], a violation of the established rules for the production, acquisition, storage, accounting, dispensing, transportation or shipment of potent or toxic substances not classified as narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues constitutes the offence only where, through negligence, it results in the misappropriation of such substances or otherwise causes significant harm. Therefore, if the unlawful conduct does not negligently result in misappropriation or significant harm, the elements of the offence under Article 276[7] are not present.

Article 276[7] of the Criminal Code consists of a single part and provides for a fine ranging from fifty to one hundred times the basic calculation value,

[1] Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг 27.11.2021 йилдаги "Кучли таъсир қилувчи ёки заҳарли моддаларни қонунга хилоф равишда муомалага киритиш билан боғлиқ жиноят ишлари бўйича суд амалиёти тўғрисида"ги 33-сонли қарори, 3-бет. // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 27.06.2007 й

correctional labor for up to three years, restriction of liberty for a term of two to five years, or imprisonment for up to five years.

Under Article 15 of the Criminal Code, offences are classified according to their nature and degree of social danger as offences of low social danger, less serious offences, serious offences and especially serious offences. Offences of low social danger include intentional offences punishable by imprisonment for a term not exceeding three years, as well as offences committed through negligence and punishable by imprisonment for a term not exceeding five years.

Accordingly, the offence under analysis falls within the category of offences of low social danger.

The offence provided for in Article 276^7 has a special subject: it may be committed only by a person who is legally required to comply with the relevant rules for handling potent or toxic substances.

A comparative analysis of foreign criminal legislation shows that similar offences are regulated in a number of post-Soviet jurisdictions.

Part 4 of Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation, entitled “Illegal trafficking of potent or toxic substances for the purpose of sale”, establishes liability for violating the rules for the production, acquisition, storage, accounting, dispensing, transportation or shipment of potent or toxic substances, where such violation negligently results in their theft or causes other substantial harm[1].

Paragraph 34 of Resolution No. 14 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, dated 15 June 2006, explains that other substantial harm may include a person’s long-term illness, environmental contamination by toxic substances, the prolonged suspension of a production process, the outbreak of a fire and similar consequences. At the same time, death or grievous bodily harm caused by negligence is not covered by Part 4 of Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation. In such cases, the act must be qualified cumulatively under Part 4 of Article 234 and

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. https://www.consultant.ru/

the relevant provisions on causing death by negligence or causing grievous bodily harm by negligence[1].

The legislation of the Kyrgyz Republic also contains provisions concerning potent or toxic substances. However, if the article relies on the current Criminal Code of the Kyrgyz Republic, the reference should be made to Article 293, which concerns violation of the rules for the lawful circulation of potent or toxic substances, rather than to Article 254. A reference to Article 254 may be retained only if the author is analysing an earlier version of the Criminal Code.

Article 334 of the Criminal Code of the Republic of Belarus establishes liability for violating the rules for the production, acquisition, storage, accounting, dispensing, transportation or shipment of potent or toxic substances not classified as narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues, where such violation negligently results in their loss, misappropriation or other substantial harm[2].

Under Article 303 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, liability arises for violating the rules governing the production, manufacture, processing, acquisition, storage, accounting, dispensing, transportation, import, export, shipment or destruction of narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues, precursors, toxic or potent substances, where the act is committed by a person legally needed to comply with those rules. Part 2 of Article 303 provides liability where the same act results in the theft of such substances or other grave consequences[3].

Unlike Uzbek legislation, the Criminal Code of Kazakhstan contains a general statutory explanation of “grave consequences”. This makes the Kazakh approach useful for comparative analysis, although the terminology is not identical to the Uzbek concept of “significant harm”.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 16.05.2017) "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/

[2] Уголовный кодекс Республики Беларусь. https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275

[3] Уголовный кодекс Республики Казахстан. https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226

The comparison shows that the analyzed jurisdictions follow a similar legislative model: liability is generally linked to a breach of legally established rules for handling potent or toxic substances and to the occurrence of harmful consequences such as theft, loss, substantial harm or grave consequences. At the same time, the scope and legal interpretation of those consequences differ. This confirms the need to clarify the concept of "significant harm" in Uzbek criminal law and judicial practice.

Despite the gradual development of the regulatory framework in this area, Uzbek criminal legislation does not provide a sufficiently clear definition of "significant harm" for the purposes of Article 276^7 of the Criminal Code. This uncertainty may complicate the criminal-law qualification of the offence and hinder the consistent application of the provision in judicial and investigative practice.

Paragraph 21 of Resolution No. 33 of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan, dated 27 November 2021, explains that a violation of the rules for the production, acquisition, storage, accounting, dispensing, transportation or shipment of potent or toxic substances may be manifested in a person's long-term illness, environmental contamination by toxic substances and similar consequences. It also states that bodily injury or death caused by negligence is covered by the relevant part of Article 251^1 of the Criminal Code and does not require additional qualification under the provisions of the Special Part of the Criminal Code concerning offences against human life and health.

In view of the amendments made to criminal legislation and in order to avoid difficulties in judicial and investigative practice, it would be appropriate to amend and supplement Resolution No. 33 of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan, dated 27 November 2021.

In particular, the phrase "if it has otherwise caused significant harm" in Article 276^7 of the Criminal Code should be clarified in the Resolution of the Plenum, and the concept of "significant harm" should be defined for the purposes of this offence.

The wording “and similar consequences” in paragraph 21 of the Resolution may create excessive interpretative discretion for investigative bodies and courts. As a result, similar factual circumstances may be assessed differently, which may lead either to an unjustified accusation or to an incorrect legal assessment of conduct that should fall within the scope of criminal liability.

Accordingly, it would be appropriate to amend paragraph 21 as follows:

“For the purposes of Article 276^{7} of the Criminal Code, “significant harm otherwise caused” as a result of violating the rules governing the production or use of potent or toxic substances not classified as narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues may include: significant material damage to the rights or legally protected interests of citizens, or to state or public interests; a fire causing significant damage; death caused by negligence; moderate or grievous bodily injury caused by negligence, including prolonged treatment resulting from poisoning; environmental contamination by toxic substances, including air, soil or water pollution caused by leakage or spillage; or the prolonged suspension of a production process, including the closure of a workshop, warehouse or institution for more than one month due to danger.”

Clarifying these provisions would contribute to more consistent judicial and investigative practice and to the correct criminal-law qualification of offences under Article 276^{7} of the Criminal Code.

The analysis shows that the concept of “significant harm” in Article 276^{7} of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan requires further clarification. Although judicial explanations developed in relation to Article 251^{1} remain relevant to the extent that they concern the same rules for handling potent or toxic substances, the restructuring of the relevant provisions under Law No. ZRU-1151 makes it necessary to update the interpretative guidance of the Plenum of the Supreme Court.

Clarifying the meaning of “significant harm” would help reduce inconsistent legal assessments in judicial and investigative practice, support the correct criminal-law qualification of offences under Article 276[7], and strengthen the practical application of criminal liability for violations of the rules governing the production or use of potent or toxic substances.

KHALMURATOV AYBEK ORAZBAYEVICH
Senior Lecturer at the Department
of Criminal Law and Criminology,
Law Enforcement Academy
of the Republic of Uzbekistan

FACTUAL CONTROL OVER A DIGITAL INSTRUMENT AS A MATTER TO BE PROVED IN CYBERCRIME INVESTIGATIONS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Аннотация: *Мазкур мақолада кибержиноятларни тергов қилишда рақамли қурилма устидан фактик назоратни ўрнатиш муаммоси тадқиқ этилган. Ўзбекистон Республикасининг жиноят-процессуал қонунчилиги, кибержиноят тушунчасига оид илмий ёндашувлар, тергов ва экспертиза амалиёти материаллари таҳлили асосида рақамли қурилма устидан фактик назоратни текширишнинг мустақил криминалистик мезони сифатида кўриб чиқиш таклиф қилинади. Муаллиф томонидан рўйхатдан ўтишга оид, техник, хулқ-атворга оид ва молиявий-транзаксиявий белгиларни ўз ичига олган фактик назоратни исботлаш ёндашуви ишлаб чиқилган.*

Аннотация: *В статье исследуется проблема установления фактического контроля над цифровым инструментом при расследовании киберпреступлений. На основе анализа уголовно-процессуального законодательства Республики Узбекистан, научных подходов к понятию киберпреступления, материалов следственной и экспертной практики предлагается рассматривать фактический контроль над цифровым инструментом как самостоятельный криминалистический критерий проверки. Автором разработана подход доказывания фактического контроля, включающая регистрационные, технические, поведенческие и финансово-транзакционные признаки.*

Abstract: *This article examines the problem of establishing factual control over a digital instrument in cybercrime investigations. Based on an analysis of the criminal procedure legislation of the Republic of Uzbekistan, scholarly approaches to the concept of cybercrime, and materials from investigative and expert practice, the article proposes that factual control over a digital instrument should be considered an*

independent forensic criterion for verification. The author develops an approach to proving factual control based on registration, technical, behavioural, and financial-transactional indicators.

***Калит сўзлар**: кибержиноят, рақамли далил, электрон маълумотлар, рақамли из, фактик назорат.*

***Ключевые слова:** киберпреступление, цифровое доказательство, электронные данные, цифровой след, фактический контроль.*

***Keywords:** cybercrime; digital evidence; electronic data; digital trace; factual control.*

Modern cybercrime investigations face not only the need to detect digital traces, but also the problem of their proper interpretation in terms of criminal procedure and forensic analysis. A bank card, SIM card, messenger account, IP address, electronic wallet, crypto wallet, or crypto address may help identify a particular digital or financial instrument used in a criminal scheme. However, such an instrument, by itself, does not show who actually controlled it, who disposed of the data or funds obtained, or who had the real ability to perform a legally significant digital action.

The relevance of this problem has increased with the development of the legal framework governing digital evidence in the Republic of Uzbekistan. Law of the Republic of Uzbekistan No. ZRU-1003 of 21 November 2024 supplemented criminal procedure legislation with provisions on electronic data and digital evidence. Under the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, electronic data are defined as data created, processed, and stored using electronic devices, information systems, and information technologies, while digital evidence means electronic data containing information on circumstances relevant to a case[1].

[1] Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, approved by Law of the Republic of Uzbekistan No. 2013-XII of 22 September 1994, Arts. 204¹, 204². National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan. Available at: https://lex.uz/acts/111463 (accessed: 10 June 2026); Law of the Republic of Uzbekistan No. ZRU-1003 of 21 November 2024 “On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Uzbekistan Aimed at Improving the System of Working with Digital Evidence”. National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan. Available at: https://lex.uz/ru/docs/7228823 (accessed: 12 June 2026). (In Russian)

These amendments have created a normative basis for working with digital information, but they do not resolve the forensic issue of linking a digital object to a specific person.

The practical significance of this issue is confirmed by the dynamics of crimes committed using information technologies. According to analytical materials of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, the number of such crimes amounted to 5,399 in 2023, 58,698 in 2024, and 38,195 in the first eight months of 2025[1]. These figures indicate not only a quantitative increase in this category of crime, but also the growing complexity of pre-investigation verification, preliminary investigation, expert examination, and the assessment of digital information.

The central problem is that formal ownership of a digital or financial instrument does not always coincide with factual control over it. A bank card may be issued to one person but used by another participant in a scheme; a SIM card may be transferred to a third party or used to receive one-time codes; an account may be created, sold, hacked, or administered remotely; an IP address may reflect a connection through a public network, a VPN service, or another technical means; and a crypto wallet may be controlled not by its formal owner, but by the person who possesses the seed phrase, private key, login, or password. In these circumstances, identifying the owner of a card, phone number, account, IP address, or crypto wallet as the actual perpetrator creates a risk of premature personalization of the investigative theory.

The aim of this article is to substantiate the need to treat the establishment of factual control over a digital instrument as an independent matter to be proved in cybercrime investigations. To achieve this aim, the article addresses the following objectives: to analyse scholarly approaches to cybercrime as a forensic category; to clarify the concepts of “digital

[1] Analytical note submitted to the Prosecutor General’s Office on the results of research conducted by the Law Enforcement Academy on current issues of expert activity in the field of information technologies and theoretical and practical aspects of computer-technical examination. Tashkent, 2025, p. 1. (In Uzbek)

instrument", "digital trace", and "factual control"; to demonstrate how the problem arises in practice in connection with bank cards, SIM cards, accounts, and crypto-assets; and to propose a methodological model for verifying factual control.

The methodological basis of the article consists of formal legal, systemic-structural, comparative-analytical, and forensic methods, as well as the method of scientific modelling.

The category of factual control should be grounded in the premise that the concept of "cybercrime" in criminal procedure and forensic analysis does not coincide with its everyday or purely technical meaning. In criminal law, the focus is placed on the elements of the offence, the object of criminal encroachment, the form of guilt, the consequences, and qualifying features. For investigative purposes, however, this is insufficient. An investigator must establish not only the legal model of the act, but also how that act is reflected in the digital environment: where the traces were formed, who holds them, and by what means they can be obtained, preserved, verified, and procedurally recorded.

Several approaches to defining cybercrime can be identified in legal scholarship. The first may be described as a narrow approach: cybercrimes are understood primarily as acts that directly infringe upon computer information, information systems, or the security of their operation. Its advantage lies in legal certainty; however, it does not cover a significant range of offences in which the digital environment is used as a means of commission, concealment, or subsequent disposal of the criminal result. The second approach is broader: it includes any offences committed through the use of information technologies. This position reflects the contemporary transformation of crime, but if applied too broadly, it may blur the distinction between cybercrime as such and a general criminal offence in which a digital means was used only in an auxiliary capacity. The third approach is forensic in nature: cybercrime is examined through the influence of the digital environment on the preparation, commission, and concealment of the act,

the formation of traces, the distribution of evidentiary information, and the tactics for obtaining it[1].

For the purposes of this article, the third approach is the most appropriate. Cybercrime should be treated as a forensic category not because it replaces criminal-law classification, but because it helps determine the evidentiary model of investigation. In this context, the decisive factor is not the mere use of a phone, computer, banking application, or the Internet, but whether the digital environment affects the mechanism of the offence and the process of proof. If the digital element does not influence the method of commission, the trace pattern, or the sources of information, it does not create a distinct forensic specificity. Conversely, where digital data are necessary to establish the event, the method, the participant, the route of funds, or the links between the actions of several persons, the offence requires a specialised investigative methodology[2].

Within this approach, it is necessary to define the concept of a digital instrument. For the purposes of this article, a digital instrument is understood as a technical, software-based, communication, payment, or crypto-asset-related means through which a person gains access to the digital environment, performs a legally significant action, manages information, disposes of funds, or conceals the connection between himself or herself and the criminal result. Such instruments include a mobile device, computer,

---

[1] Shevchenko, E. S. Taktika proizvodstva sledstvennykh deystviy pri rassledovanii kiberprestupleniy: dis. … kand. yurid. nauk [Tactics of Conducting Investigative Actions in the Investigation of Cybercrimes: Cand. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow, 2016, pp. 15–38. (In Russian); Zavyalova, D. V. Rassledovanie prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt: dis. … kand. yurid. nauk [Investigation of Crimes in the Sphere of Computer Information: Domestic and Foreign Experience: Cand. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow, 2021, pp. 17-37. (In Russian); Smakhtin, E. V., Sharapov, R. D., and Morozov, V. I. (eds.). Prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem informatsionnykh tekhnologiy: problemy kvalifikatsii i osobennosti rassledovaniya: monografiya [Crimes Committed Using Information Technologies: Issues of Legal Qualification and Specific Features of Investigation: A Monograph]. Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2021, pp. 22-35, 266-295. (In Russian)

[2] Convention on Cybercrime: ETS No. 185. Budapest, 23 November 2001. Council of Europe Treaty Office. Available at: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=185 (accessed: 15 June 2026)

SIM card, bank card, mobile application, account, electronic wallet, crypto wallet, domain name, IP connection, cloud service, payment profile, authentication tool, password, one-time code, private key, and seed phrase. This list is not exhaustive, since the forensic significance of an object lies not in its form, but in its role in the mechanism of the offence.

A digital instrument must be distinguished from a digital trace. An instrument is used to perform an action, whereas a trace reflects that action in the electronic environment. Logging into an account, changing a password, receiving an SMS code, following a phishing link, making a payment transaction, connecting to a network, creating a file, deleting correspondence, carrying out a crypto-asset transaction, or transferring access credentials all generate digital traces. However, a digital trace initially has only oriented evidentiary value. It indicates that a particular action, event, or state was recorded in the digital environment, but it does not, by itself, establish who performed the action, whether that person had access to the instrument, or whether the person acted personally, through an intermediary, remotely, or by using another person’s credentials.

The evidentiary value of a digital trace arises only after its source has been identified, its integrity verified, the legality of its acquisition confirmed, its procedural recording ensured, and its relevance to the investigated event and connection with a specific person established. Electronic data, a login log, an IP address, a bank transaction, account information, or a crypto-transaction hash may confirm the existence of a digital event, but they do not always confirm the identity of the actual user. Between a digital trace and a conclusion about a person’s involvement, there must be a verification stage involving the comparison of technical, registration, behavioural, telecommunications, and financial data.

On this basis, the concept of factual control may be formulated. Factual control over a digital instrument should be understood as a person’s real ability, confirmed by a body of evidentiary data, to use the relevant instrument to gain access, exercise control, confirm an operation, transfer

information, or dispose of funds or crypto-assets, regardless of whether that person is the formal owner, registered user, or holder of the relevant credentials. Factual control may be manifested through physical possession of a device, knowledge of a password, use of a PIN code, receipt of a one-time SMS code, confirmation of an operation through a push notification, access to an account, use of a banking application, control over a bank card, use of a SIM card, possession of a private key, a seed phrase, or another means of access.

This understanding makes it possible to distinguish formal ownership of a digital instrument from its actual use and factual control. A bank card may be registered in one person's name but used by another person through a mobile application or through transferred card details. A SIM card may be issued to a formal subscriber but used by a third party to register an account, receive SMS codes, or confirm payments. An account may be created using one phone number but factually controlled by another user. An IP address may indicate a network connection, but it does not always identify a specific person, since the connection may be made through a public network, a VPN service, a proxy server, a shared device, or remote access. A crypto wallet may be linked to a particular address, but the asset is disposed of by the person who possesses the private key, seed phrase, login, or password.

Accordingly, the formal registration of a card, phone number, account, electronic wallet, or crypto wallet cannot be regarded as independent confirmation of a person's involvement. It is an initial investigative lead, but not a final evidentiary conclusion. Otherwise, there is a risk of substituting the formal owner for the actual user, which may lead to an incorrect assessment of a person's role in cases involving straw persons, "drop" instruments, transferred accounts, remote control, anonymisation services, and crypto-asset tools. A well-founded conclusion about involvement requires establishing not only the ownership of the relevant credentials, but also the person who factually controlled the digital instrument at the time when the significant actions were performed.

The theoretical and conceptual basis of the study is therefore built on a distinction between four levels: cybercrime as a forensically significant act; the digital instrument as a means of commission or concealment; the digital trace as a reflection of an action in the electronic environment; and factual control as a provable link between a person and the use of the relevant instrument. This distinction provides a methodological basis for analysing practical methods of proving factual control.

The theoretical distinction between a digital trace, a digital instrument, and factual control becomes practically significant when typical sources of evidentiary information are assessed. In cybercrime cases, the initial digital object often points not to the person who directly managed the criminal scheme, but to the technical or financial channel through which the action was carried out. Therefore, identifying the owner of a bank card, SIM card, account, IP address, electronic wallet, or crypto address is only an initial investigative step and does not complete the process of proof.

The most common situation involves bank cards and electronic payment instruments issued to one person but used by another. Formal ownership of a card confirms the registration link between the bank and the account holder; however, it does not identify the actual user of the banking application, the recipient of the SMS code, the person who initiated the transfer, the person who withdrew cash, or the person who transferred the card details to third parties. A bank statement should therefore be assessed in conjunction with the device used to access the account, the time of authorisation, IP data, the method of transaction confirmation, subsequent transfers, cash withdrawals, and the receipt of remuneration. Otherwise, the mere fact that funds were credited to a card may be incorrectly treated as sufficient confirmation of the cardholder’s role in the offence, although that person may have acted as an intermediary, a money mule, a nominal holder, or a person who was not fully aware of the nature of the scheme[1].

[1] Konovalov, I., Yuldoshev, T., and Aripov, A. O‘zbekiston Respublikasida jinoiy maqsadlarda bank hisobvaraqlarini taqdim etish va ulardan foydalanishga qarshi kurashishning jinoyat-huquqiy

A similar problem arises in relation to SIM cards. The registration of a phone number in the name of a particular subscriber does not, in itself, prove that this person used the SIM card to commit the offence. In cybercrime schemes, a phone number may be used to register an account, receive one-time codes, confirm banking transactions, restore access to a service, communicate with a victim, or link an account to an electronic wallet. At the same time, factual control over a SIM card may pass to another person without any change in the registration data held by the mobile operator.

For this reason, verification should not be limited to the subscriber's personal data. It should also cover the device, IMEI, period of activity, geography of use, replacement or restoration of the number, and links with banking applications, accounts, and payments. Without such verification, the phone number remains an identifier of a communication channel rather than evidence of the registered subscriber's involvement.

A separate set of difficulties concerns accounts on messengers, social media platforms, marketplaces, payment services, and other digital platforms. An account may be created using the formal data of one person, transferred to another user, sold, hacked, used remotely, or administered by several participants in a scheme. An investigator must therefore establish not only the account's registration data, but also its login history, IP addresses, linked phone numbers, email addresses, profile changes, correspondence, contacts, user complaints, links to payment details, and actions taken after the offence. A screenshot of correspondence or a link to a profile has orienting value, but it cannot replace verification of the primary source, since the content of an account may be altered, deleted, or falsified.

Remote use of an account creates a particular evidentiary difficulty. Outwardly, communication with a victim may appear to originate from a

---

mexanizmlarini takomillashtirish: ilmiy risola [Improving Criminal-Law Mechanisms for Countering the Provision and Use of Bank Accounts for Criminal Purposes in the Republic of Uzbekistan: A Scientific Treatise]. Tashkent: Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Research Institute of Digital Forensics, 2025, pp. 9–18, 54–60. (In Uzbek)

specific profile, while factual control over that profile may be exercised from another device, through remote access, a VPN service, a proxy connection, or previously stolen credentials. Account information must therefore be compared with platform data, the access device, time parameters, financial transactions, and user behaviour[1]. If such verification is not carried out, the investigation remains limited to an external digital indicator and does not ensure identification of the person who actually controlled the communication channel.

Crypto-assets further complicate this problem, since the movement of an asset in a blockchain environment may be technically observable, but not necessarily personalised. A transaction hash makes it possible to establish the fact of a transaction, the network, the sender's and recipient's addresses, the time, the amount, and the subsequent movement of the asset. However, it does not disclose the identity of the person who disposed of the crypto-asset. The public verifiability of a transaction confirms a digital event, but it does not answer the question of who possessed the private key, seed phrase, login, password, access to a hardware wallet, or access to a crypto-exchange account. Accordingly, a transaction hash must be verified in conjunction with data from the device, the crypto-exchange account, login IP addresses, the KYC profile, correspondence concerning the transfer of access, conversion history, the source from which the asset was acquired, and its subsequent disposal[2].

It is in this context that the relevance of the author's scholarly and practical proposals for the draft resolution of the Plenum of the Supreme

[1] Practical Guide for Requesting Electronic Evidence Across Borders. United Nations Office on Drugs and Crime, Counter-Terrorism Committee Executive Directorate, International Association of Prosecutors. Vienna, 2019. UNODC SHERLOC. Available at: https://www.unodc.org/cld/en/publications/practical-guide/practical-guide.html (accessed: 17 June 2026); Common Challenges in Cybercrime. Eurojust, Europol. The Hague, 2024. Available at: https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/Common_Challenges_in_Cybercrime_2024.pdf (accessed: 19 June 2026)

[2] Musayev, G. F., Gadjiyev, Kh. M., Kudratov, B. B. et al. Raqamli kriminalistika: darslik [Digital Forensics: Textbook]. Tashkent: Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Research Institute of Digital Forensics, 2025, pp. 156-168. (In Uzbek)

Court of the Republic of Uzbekistan becomes apparent. These proposals draw attention to the fact that a crypto-asset may be transferred not only through a direct transaction, but also by communicating a crypto wallet address, login, password, or seed phrase. This provision is not treated in this article as an existing judicial clarification and is not relied upon as a source of binding legal regulation. Its significance lies in the practical testing of the research idea that, in investigations involving crypto-assets, it is necessary to prove not only the fact that the asset was moved, but also that a specific person had the actual means of access to and disposal of that asset.

This approach helps avoid conflating two different circumstances: the technical recording of a transaction and the criminal procedural proof of a person's involvement. A crypto wallet may be linked to an address, but the asset is disposed of by the person who controls the access keys. A bank card may be issued to one person, while the mobile banking application may be controlled by another. A SIM card may be registered to a formal subscriber, while it is used by a participant in the scheme to confirm transactions. An account may contain the data of one user, while being factually used by another. Therefore, the practical task of an investigation is not to mechanically establish registered ownership, but to determine who had real control over the digital instrument at the time of the legally significant action.

This problem also arises when assessing the role of money mules, or "drops". A person who provides a bank card, account, SIM card, electronic wallet, or access to an account may perform different functions: a nominal holder, a technical intermediary, a recipient of a transfer, a participant in the withdrawal of funds, a person who transfers access, or an informed link in an organised scheme. The same external indicator – the receipt of funds on a card – may have different evidentiary significance depending on whether the holder knew about the criminal origin of the funds, transferred the relevant details, received remuneration, participated in further transfers, concealed traces, or interacted with the organiser. Therefore, the assessment

of a person's role should be based on a combination of registration, technical, behavioural, and financial data, rather than on the mere fact that the instrument was registered in that person's name.

The practical and evidentiary significance of the problem under consideration lies in the need to move from the linear model "credentials – owner – involvement" to the verification model "instrument – access – action – disposition – benefit". This model requires the sequential establishment of the following circumstances: who had access to the device; who received confirmation codes; who logged into the account; who changed the settings; who initiated the payment; who controlled the wallet; who directed the subsequent movement of funds; and who ultimately obtained the financial benefit. Only such a sequence makes it possible to link the digital trace to the actual user and to avoid premature personalisation of the investigative theory[1].

Eliminating the methodological risk whereby the formal owner of a digital or financial instrument is automatically perceived as the actual user requires a distinct methodological model of verification. Such a model should be applicable to bank cards, SIM cards, accounts, electronic wallets, crypto wallets, devices, IP activity, and other digital objects used in the commission of cybercrimes. Its purpose is to shift the investigation from the mere recording of credentials to the identification of the person who actually controlled the instrument at the time of the legally significant digital action.

The proposed model for verifying factual control is based on four groups of indicators: registration, technical, behavioural, and financial-transactional indicators. These groups do not constitute isolated evidentiary blocks. Their significance emerges only when they are assessed in combination, since each individual indicator may have a neutral, orienting, or potentially misleading meaning. The registration of a card, possession of

[1] Second Additional Protocol to the Convention on Cybercrime on Enhanced Co-operation and Disclosure of Electronic Evidence: CETS No. 224. Strasbourg, 12 May 2022. Council of Europe Treaty Office. Available at: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=224 (accessed: 20 June 2026)

a SIM card, logging into an account, an IP connection, receipt of an SMS code, or a crypto-asset transaction should not be treated as a ready-made conclusion about involvement, but as an element of an evidentiary construction that requires verification.

The first group consists of registration indicators. These include information about the person in whose name a bank card, bank account, SIM card, account, electronic wallet, crypto-exchange profile, domain, payment service, or other digital instrument is registered. Such indicators make it possible to establish the initial formal link between a person and an object, but they do not reveal the nature of actual use. Therefore, registration data should be recorded as a starting point for verification, not as an independent basis for a conclusion about a person's involvement. Their evidentiary significance increases only when they are corroborated by other data: the access device, operational activity, correspondence, movement of funds, the person's conduct, and the receipt of financial benefit.

The second group consists of technical indicators. These include data relating to the device, IP address, IMEI, IMSI, MAC address, geolocation, connection time, login logs, browser or application used, password, PIN code, SMS code, push confirmation, electronic signature, private key, seed phrase, and other means of authentication. This group is particularly important because it makes it possible to move from a formal identifier to the actual mechanism of access. If a card is issued to one person, but the banking application was accessed from another person's device, the actual user must be verified. If an account is registered to a particular number, but logins were made from another device or location, the registration link cannot be considered sufficient. If a crypto-asset was moved from a particular address, but the data indicate that a seed phrase or private key was used by another person, the matter to be proved is not only the transaction itself, but also control over the means of access.

The third group consists of behavioural indicators. These include correspondence, voice messages, instructions to other participants,

coordination of transfers, searching for victims, creating or posting advertisements, deleting data, renaming an account, changing a password, clearing history, logging out of a profile after an operation, attempts to block access, the person's explanations, the nature of his or her contacts, and actions taken after the receipt of funds. Behavioural indicators make it possible to assess not only the technical possibility of using the instrument, but also the person's volitional connection with the criminal scheme. This group helps distinguish between a nominal holder, an unaware user, a technical intermediary, a money mule, a direct perpetrator, and an organiser.

The fourth group consists of financial-transactional indicators. These include the route of funds, the first recipient, intermediate transfers, repeated use of the same credentials, a short interval between the receipt and withdrawal of funds, cash withdrawal, transfers to electronic wallets, conversion into crypto-assets, exchange through crypto services, subsequent withdrawal, distribution of funds among participants, and receipt of remuneration. This group makes it possible to establish who actually disposed of the criminal proceeds. The mere receipt of funds on a card or wallet is not, by itself, a sufficient basis for concluding that the owner was involved. However, subsequent disposal, coordinated transfers, regularity of transactions, and links with other participants may give these data evidentiary significance.

The methodological value of the proposed model lies in the fact that it rejects the linear chain of proof based on "instrument – owner – involvement". Instead, it proposes a sequential verification framework: "instrument – access – action – disposition – benefit". At the first stage, it is established which digital or financial instrument was used. At the second stage, it is determined who had technical and factual access to that instrument. At the third stage, the actions performed through the instrument are identified. At the fourth stage, the disposition of the criminal proceeds is analysed. At the fifth stage, the existence of benefit, coordination, or another link with the participants in the scheme is verified.

For practical application, this model may be presented in the form of a factual control matrix. For each digital instrument, such a matrix should record the formal owner, the presumed factual user, the source of information, indicators confirming control, indicators refuting control, the procedural method by which the information was obtained, the need for the involvement of a specialist or the appointment of an expert examination, links with other instruments, links with other persons, and the level of evidentiary support. Such a matrix does not replace the procedural assessment of evidence, but it helps structure the investigation and prevents the unfounded equation of the registered owner with the factual user.

The matrix is of particular importance in investigations of theft committed through electronic payment systems and crypto-assets. In such cases, one participant may use several instruments: a SIM card to register an account, a bank card to receive funds, a messenger account to communicate with the victim, an electronic wallet for an intermediate transfer, and a crypto wallet to conceal the financial trail. If these objects are assessed separately, each may appear to be an independent digital episode. A matrix-based assessment, however, makes it possible to identify the interconnected structure of the scheme: who provided access, who controlled communication, who received the funds, who withdrew the assets, who coordinated the actions, and who ultimately obtained the proceeds.

Under the proposed model, crypto-assets require a specific approach. A transaction hash should be recorded as technical confirmation of the movement of an asset, but not as proof of the identity of the person who disposed of it. To establish factual control, it is necessary to verify the wallet address, network type, transaction time, crypto-exchange account, KYC data, login IP addresses, device, seed phrase, private key, login credentials,

correspondence concerning the transfer of access, exchange history, and the subsequent disposal of the asset[1].

The scholarly and practical proposals prepared by the author for the draft resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan state that a crypto-asset may be transferred not only through a direct transaction, but also by communicating the crypto wallet address, login, password, or seed phrase. In this article, this provision is used not as an existing judicial clarification, but as a practical test of a broader forensic idea: evidentiary significance attaches not only to the movement of the asset, but also to control over the means of access to it.

An important condition for applying the model is the verification of both corroborating and refuting indicators of factual control. The investigator must establish not only the circumstances indicating a person's connection with a digital instrument, but also data that may weaken or exclude such a connection. These may include the loss of a card, the transfer of a phone to another person, remote access, account compromise, the use of a public network, IP address spoofing, lack of access to SMS codes, the physical impossibility of using the device at a particular time, absence of benefit, and behaviour inconsistent with the role of an active participant. This approach is consistent with the requirement of objectivity in proof and reduces the risk of an accusatory interpretation based on a single digital indicator.

The proposed model also makes it possible to differentiate more precisely between the roles of participants in a cybercrime scheme. The formal owner of a bank card or SIM card may be a victim, an unaware owner, a money mule, an intermediary, a technical participant, or a co-perpetrator. Distinguishing between these roles is impossible on the basis of registration data alone. It requires verification of the person's awareness, the nature of

[1] FATF. Money Laundering and Terrorist Financing Red Flag Indicators Associated with Virtual Assets. Paris: FATF, 2020. Available at: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/reports/Virtual-Assets-Red-Flag-Indicators.pdf.coredownload.pdf (accessed: 22 June 2026)

the transfer of access, the receipt of remuneration, the recurrence of actions, participation in correspondence, links with the organiser, subsequent disposal of funds, and conduct after the transaction. Therefore, the factual control model is important not only for identifying a person, but also for correctly assessing that person's procedural status and role in the event under investigation.

From a procedural perspective, the application of the model must be linked to the lawful acquisition and recording of electronic data. Information relating to accounts, devices, banking operations, telecommunications connections, crypto-asset transactions, and electronic messages must be incorporated into the body of evidence through the procedural forms prescribed by law[1]. The legislative recognition of digital evidence in the Republic of Uzbekistan increases the importance of this requirement, since electronic data must be assessed with regard to their source of origin, method of acquisition, integrity, relevance, admissibility, and reliability. The methodology of factual control does not replace these requirements; rather, it specifies which circumstances must be verified in order to link a digital trace to a specific person.

Accordingly, the author's proposed solution is to recognize factual control over a digital instrument as an independent forensic criterion for verification in cybercrime cases. It should not be understood as a new presumption of guilt or as a substitute for criminal procedural proof. On the contrary, this category is aimed at improving the quality of proof, since it requires establishing not only formal ownership of a card, phone number, account, or wallet, but also the person's real ability to use that instrument, perform a legally significant action through it, dispose of the result, and obtain a benefit.

[1] Kent, K., Chevalier, S., Grance, T., and Dang, H. Guide to Integrating Forensic Techniques into Incident Response: NIST Special Publication 800-86. Gaithersburg: National Institute of Standards and Technology, 2006. DOI: 10.6028/NIST.SP.800-86. https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/Legacy/SP/nistspecialpublication800-86.pdf (accessed: 25 June 2026).

The analysis conducted makes it possible to formulate the main conclusion: in cybercrime investigations, it is necessary to prove not only the existence of a digital trace, but also a specific person's factual control over the digital instrument through which an action was performed, access was provided, an operation was confirmed, data were transferred, or the criminal proceeds were disposed of. A digital trace records an electronic event, but it does not always identify the person who controlled the relevant device, account, card, SIM card, electronic wallet, or crypto-asset.

Formal ownership of a digital instrument has orienting, but not conclusive, evidentiary significance. The registration of a bank card, phone number, account, or wallet indicates an initial link between a person and the relevant object, but it does not automatically confirm that person's involvement in a crime. This link must be verified through a combination of registration, technical, behavioural, and financial-transactional indicators. Only their combined assessment makes it possible to establish who actually used the instrument, possessed the means of access, initiated the digital action, controlled the movement of funds, and received or secured the benefit.

The proposed category of factual control does not create a presumption of a person's involvement in a crime. Its purpose is the opposite: to prevent the unfounded identification of the holder of credentials with the actual user and to ensure verification of both corroborating and refuting circumstances. Therefore, in cybercrime cases, the investigative theory should not be built around the formal status of the owner of a card, phone number, account, or crypto wallet, but around the person's provable connection with access, action, disposition, and result.

This approach is particularly important in investigations involving crypto-assets. A transaction hash confirms the movement of an asset in the relevant network, but it does not identify the person who disposed of it. To attribute a crypto-asset transaction to a specific person, it is necessary to verify the wallet address, private key, seed phrase, login, password, crypto-

exchange account, login IP addresses, device, KYC data, correspondence concerning the transfer of access, and the subsequent disposal of the asset. This demonstrates the distinction between the technical observability of a transaction and criminal procedural proof of a specific person's involvement.

The author's scholarly and practical proposals for the draft resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan are used in this article as a form of testing the approach to proving control over crypto-assets, without treating them as an existing judicial clarification.

The methodological significance of the article lies in substantiating the verification model "instrument – access – action – disposition – benefit". This model makes it possible to assess digital information systematically, without being limited to its external content. It directs the investigator to establish the source of electronic data, the lawfulness of their acquisition, their technical integrity, their connection with the event, and their connection with a specific person. In this form, digital evidence acquires not only informational value, but also procedural stability.

Factual control over a digital instrument should be regarded as an independent forensic criterion for verification in cybercrime cases. Establishing it helps bridge the gap between a digital trace and an evidentiary conclusion about the person involved in a criminal scheme. For investigative practice, this means that an algorithm should be developed in which banking, telecommunications, platform-related, expert, and crypto-asset data are assessed within a unified system aimed at identifying the actual user of the digital instrument.

JASIMOVA ASIYA ISLAMOVNA
Employee of the Law Enforcement
Academy of the Republic
of Uzbekistan

DIGITAL TRANSFORMATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER ENSURING THE RIGHTS OF WOMEN AND MINORS VICTIMS OF VIOLENCE IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN: NATIONAL AND INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS

The relevance *of the study is determined by the strengthening of the global and national agenda in the field of combating violence against women and minors, as well as the active digital transformation of the public administration system in the Republic of Uzbekistan. In the context of growing demands for the effectiveness of human rights protection mechanisms, the transition from a traditional reactive model of prosecutorial supervision to a digital, analytically supported, and risk-oriented system becomes particularly important.*

The existing fragmentation of interagency information flows reduces the effectiveness of identifying latent forms of violence and limits the possibilities of early prevention of offenses, which creates the need to develop integrated digital platforms for prosecutorial supervision and new managerial approaches based on data analysis and predictive analytics.

Abstract. *This article examines the process of digital transformation of prosecutorial supervision over ensuring the rights of women and minors who are victims of violence in the Republic of Uzbekistan. International legal standards, national legislation, and institutional mechanisms for combating violence are analyzed. Special attention is paid to the formation of a unified digital platform of prosecutorial supervision based on interagency data integration, Big Data technologies, and predictive analytics. The transition from a reactive model of supervision to a proactive risk-oriented system aimed at early identification of threats, reducing the latency of violence, and increasing the effectiveness of human rights protection is substantiated.*

Kewwords. *prosecutorial supervision, digitalization, domestic violence, women's rights, child rights, protection order, interagency integration, Big Data, predictive analytics, human rights protection mechanisms.*

The modern model of combating violence against women and minors in the Republic of Uzbekistan is characterized by a transition from classical reactive prosecutorial supervision to a digital, analytically supported, and risk-oriented system of state response. This process is driven by two simultaneous factors: the transformation of the national public administration system toward digitalization and the strengthening of international human rights obligations requiring not only formal but also effective protection of individuals.

The existing fragmentation of interagency information flows reduces the effectiveness of identifying latent forms of violence and limits the possibilities of early prevention of offenses. This creates the need to develop integrated digital platforms for prosecutorial supervision and new management approaches based on data analysis and predictive analytics.

The international legal framework in this field is formed by the provisions of the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women of 1979 and the Convention on the Rights of the Child of 1989. According to the interpretations of treaty bodies of these conventions, states are obliged to exercise "due diligence" in order to prevent, investigate, and suppress acts of violence. International practice consistently expands the content of this obligation, including requirements for systematic risk analysis and the creation of effective early warning mechanisms.

Gender-based violence is considered not as a private conflict, but as a form of discrimination and a structural violation of human rights, which imposes on the state the obligation to form an institutionally sustainable protection system.

In the national legal system of the Republic of Uzbekistan, these approaches are implemented through the Constitution, which enshrines the

principles of equality, protection of the family, motherhood, and childhood, as well as through the Law “On Protection of Women from Harassment and Violence,” the Law “On Guarantees of the Rights of the Child,” the Law “On the Prosecutor’s Office,” as well as norms of criminal and administrative legislation. A significant stage was the institutional consolidation of protection order mechanisms as an emergency response measure aimed at the immediate suppression of the threat of violence.

However, the key limitation of the national system is not the insufficiency of legal regulation as such, but the fragmentation of the information and analytical infrastructure. Data on incidents of violence, repeated complaints, medical documentation of injuries, social risks, and family circumstances are distributed among different agencies, which objectively reduces the effectiveness of forecasting and early identification of latent forms of violence. This gap between the regulatory framework and information integration forms the main challenge for the modernization of prosecutorial supervision.

In these conditions, digitalization acquires not an auxiliary, but a system-forming character. Prosecutorial supervision is transformed into a model of digital legal monitoring, within which the prosecutor’s office acts not only as a subject of legality supervision but also as a center of interagency analytical coordination. This transformation means a shift from retrospective control to proactive risk management.

A key element of this model is the formation of a unified digital platform of prosecutorial supervision in the field of protection of the rights of women and minors. Its functional architecture should include several interconnected modules.

The first module is the integration module, ensuring the collection and synchronization of data from information systems of internal affairs bodies, the prosecutor’s office, courts, healthcare institutions, education authorities, and social protection bodies. Its task is not merely data accumulation, but

the creation of a unified digital profile of the violence situation, allowing the identification of systemic patterns.

The second module is the analytical module, based on Big Data processing and the application of event correlation and recurrence detection algorithms. It allows the identification of indicators of increased risk, including repeated calls to a single address, multiple medical visits with signs of injury, declining school performance of minors, as well as repeated violations of protection orders. Based on these data, a digital risk map is formed, enabling prosecutors to make informed managerial decisions.

The third module is the predictive module, aimed at forecasting the probability of repeated violence. Unlike traditional reactive response based on already committed offenses, this module enables a transition to an early warning model. Its significance lies in identifying situations where the risk of violence is high, but a legally significant event has not yet occurred.

The fourth module is the procedural coordination module, ensuring monitoring of protection order enforcement, investigation deadlines, and procedural decisions. It allows minimizing administrative delays and ensuring transparency of actions of all involved bodies.

The fifth module is a secure digital platform for interaction with victims, enabling electronic submissions and recording of incidents of violence in digital form. In the context of the Republic of Uzbekistan, this element is of particular importance, as it facilitates access to internal affairs bodies and the prosecutor’s office and reduces the risk of secondary victimization. It is especially significant for minors, as it minimizes the need to repeatedly reproduce traumatic circumstances during testimony and interaction with competent authorities.

Thus, the digital platform of prosecutorial bodies performs not only an accounting function but also a managerial and analytical function, ensuring a transition to a data-driven model of prosecutorial supervision.

The introduction of digital technologies does not replace legal guarantees but, on the contrary, increases the effectiveness of their implementation and strengthens legal protection mechanisms.

At the same time, the application of digital solutions is accompanied by a number of legal and institutional risks, including issues of personal data protection, transparency of algorithmic decisions, and the need to establish legal limits for the use of analytical models in prosecutorial activity.

These circumstances necessitate further improvement of legal regulation of digital prosecutorial supervision in the Republic of Uzbekistan.

Of particular importance, digitalization acquires in the context of protection of minors. In accordance with the principle of the best interests of the child, assessment of the situation must be based on a comprehensive analysis not only of legal facts but also of the social environment. Integration of data from educational, medical, and social systems allows the identification of hidden forms of disadvantage that remain outside the legal field under traditional approaches.

International experience confirms that the most effective models of combating violence are based on interagency digital platforms ensuring a unified framework of analysis and response. In such systems, the prosecutor’s office acts as a coordinator of legal assessment of data, rather than only a body of procedural response. This ensures a reduction in recidivism, faster response times, and lower latency of offenses.

Thus, the digital transformation of prosecutorial supervision in the Republic of Uzbekistan reflects a broader process of transition toward an intelligent model of public administration in the field of human rights. Its essence lies in the integration of legal, institutional, and digital mechanisms into a unified system for preventing violence.

The key conclusion is that the effectiveness of prosecutorial supervision under modern conditions should be assessed not by the number of initiated cases or response measures taken, but by the ability of the state to prevent threats based on digital data analysis. In this model, the

prosecutor’s office becomes not only a supervisory body but also an institutional center for early risk detection and interagency coordination.

In the future, the development of digital prosecutorial supervision in the Republic of Uzbekistan should be aimed at institutionalizing a unified analytical platform, developing predictive models of violence, normative consolidation of digital protection procedures, and forming specialized personnel with competencies at the intersection of law, analytics, and digital technologies.

The conducted analysis allows us to conclude that prosecutorial supervision in the field of protection of the rights of women and minors who are victims of violence in the Republic of Uzbekistan is in a stage of systemic transformation, expressed in the transition from a traditional reactive model of response to a digital, risk-oriented, and analytically supported system of public administration. This transformation is driven by both international human rights obligations and internal digitalization of public administration mechanisms.

In these conditions, the key limitation of the current model is not so much the insufficiency of legal regulation, but the fragmentation of the interagency information space, which reduces the effectiveness of early detection, forecasting, and prevention of violence cases. The absence of a unified analytical infrastructure leads to fragmentation of data coming from internal affairs bodies, the prosecutor’s office, healthcare, education, and social protection agencies, which objectively limits the possibility of comprehensive risk assessment.

As a systemic response to these challenges, the need arises to create an integrated digital platform of prosecutorial supervision combining functions of collection, analysis, forecasting, and coordination. Such a platform should ensure not only recording of violence facts but also the formation of digital risk models allowing identification of potentially dangerous situations before the occurrence of a legally significant event.

At the same time, digitalization of prosecutorial supervision objectively transforms the very nature of supervisory activity, shifting it from exclusively reactive response to the sphere of proactive prevention. This means that the effectiveness of prosecutorial activity should be evaluated not only and not so much by quantitative indicators of criminal prosecution, but by the system's ability to prevent violence and reduce its latency.

At the same time, the development of digital supervision requires the formation of adequate legal and institutional support, including regulation of personal data protection, permissible limits of use of analytical and predictive models, and ensuring transparency and accountability of digital algorithms used in law enforcement practice.

Thus, further development of prosecutorial supervision in the Republic of Uzbekistan is objectively linked to the institutionalization of digital platforms, implementation of risk-oriented and predictive models of analysis, as well as formation of specialized competencies at the intersection of law, analytics, and digital technologies, which collectively form the basis of a modern system for preventing violence and protecting vulnerable population groups.

DOVLETOV SHOKHRAT ALLABERGENOVICH
Senior Prosecutor of the
Educational and Methodological
Department, Law Enforcement Academy
of the Republic of Uzbekistan

THE ROLE OF CYBERSECURITY IN ENSURING PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE ENFORCEMENT OF COURT DECISIONS AND OTHER AUTHORITIES' DOCUMENTS

Abstract: *This article examines the significance of cybersecurity issues in the exercise of prosecutorial oversight over the enforcement of court decisions and documents issued by other authorities. The rapid development of digitalization, the transition of enforcement proceedings to electronic formats, and the expansion of data exchange among information systems have created new challenges for prosecutorial oversight. The article analyzes potential cyber threats that may arise during enforcement proceedings, as well as their legal and organizational aspects. It also explores the role of prosecutorial oversight in this area and identifies the main directions for ensuring digital security.*

Keywords: *prosecutorial oversight, court judgments, enforcement proceedings, cybersecurity, digitalization, electronic document management, information security, cyber threats.*

At present, the widespread introduction of digital technologies into public administration is having a significant impact on the system for the enforcement of court decisions and documents issued by other authorities. Electronic document management, the integration of databases, and the implementation of automated information systems contribute to improving the efficiency of enforcement proceedings.

However, the development of the digital environment has also given rise to new risks. Unauthorized access to information systems, alteration of

electronic data, as well as the falsification or destruction of information may adversely affect the timely and proper enforcement of court decisions and other official documents. Therefore, prosecutorial oversight should not be limited solely to monitoring compliance with the requirements of enforcement legislation. It should also encompass issues related to ensuring information security and protecting digital infrastructure involved in enforcement proceedings.

In recent years, the digitalization of enforcement proceedings has expanded considerably, leading to the development of electronic document management, interagency information exchange, and the use of automated databases. As the British scholar Richard Susskind has noted, “while technology can make the legal system more efficient and accessible, ensuring digital justice also brings issues of information security and reliability to the forefront.”[1] This observation underscores the growing importance of cybersecurity in maintaining the integrity and effectiveness of modern enforcement mechanisms. According to Susskind, as modern legal systems increasingly rely on digital infrastructure, the protection of data becomes an essential prerequisite for ensuring the proper administration of justice.

In the author's view, although the widespread introduction of digital technologies into the enforcement of court decisions and documents issued by other authorities has enhanced the efficiency and transparency of enforcement proceedings, it has also necessitated greater attention to issues relating to the security of information systems. This is because the stable functioning of digital infrastructure constitutes an essential prerequisite for the effective protection of the rights and legitimate interests of participants in enforcement proceedings.

In enforcement proceedings, the electronic storage of court decisions, information concerning debtors and creditors, data on property, and other confidential information imposes heightened requirements for information

[1] Susskind R. Online Courts and the Future of Justice. Oxford University Press, 2019.

security. Analyzing the concept of digital justice, the American legal scholar Ethan Katsh notes that “new technologies give rise to new forms of legal relationships; therefore, issues related to their regulation and the provision of information security acquire particular significance.” In his view, protecting the interests of legal subjects in the process of using digital technologies remains one of the fundamental responsibilities of the state.

Furthermore, in his textbook Prosecutorial Oversight, the legal scholar O. Madaliyev emphasizes that the primary purpose of prosecutorial oversight is to ensure the precise and uniform implementation of laws. He argues that the content and mechanisms of oversight should continuously evolve in accordance with changes taking place in society and public administration. In this regard, the widespread introduction of digital technologies is placing new responsibilities and challenges before prosecutorial oversight.

According to Luciano Floridi, a prominent scholar in the fields of information philosophy and digital society, the deep penetration of digital technologies into social life and public administration has made information security and data protection one of the priority areas of state activity. In his view, the stable functioning of information systems and the reliable protection of digital resources constitute one of the essential guarantees for safeguarding the rights and freedoms of citizens.[1]

In the author's view, the deep integration of digital technologies into public administration necessitates a reconsideration of the content and scope of prosecutorial oversight. Whereas prosecutorial oversight was previously focused primarily on ensuring the legality and timeliness of enforcement actions, today the stable functioning of information systems, the integrity of data, and the security of electronic resources have also become important objects of oversight.

[1] Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Oxford University Press, 2014

Violations committed in the digital environment may possess not only legal but also technical characteristics. Therefore, prosecutorial oversight should not be confined solely to assessing the legality of enforcement actions. It should also encompass the reliability of information systems, the adequacy of data protection measures, and compliance with cybersecurity requirements. This demonstrates that, in the context of digitalization, the scope of prosecutorial oversight is gradually expanding, with new dimensions related to ensuring information security becoming an integral part of its functions.

Practice shows that while the digitalization of enforcement proceedings has enhanced the speed and efficiency of enforcement activities, it has also generated new risks associated with information security. In particular, unauthorized access to information systems, the alteration or destruction of data, interference with databases through malicious software, and the acquisition of official information through phishing and social engineering techniques have become some of the most serious threats in the digital environment. Such risks may undermine the timely execution of court decisions and documents issued by other authorities and, consequently, cause harm to the rights and legitimate interests of citizens.

The Israeli scholar Yuval Noah Harari notes that, as information technologies increasingly penetrate social life, data are becoming a strategic resource, stating that “those who control information will possess significant power in the future”[1]. His view represents one of the fundamental principles of the modern digital age. Ensuring the security of digital data is an essential prerequisite for public administration and law enforcement activities. This principle is equally applicable to enforcement proceedings, as this field involves the handling of large volumes of official and personal data.

According to Bruce Schneier, a renowned expert in cryptography and network security, any digital system may be exposed to both external and

[1] https://bdtechtalks.com/2018/01/31/yuval-harari-wef-ai-big-data-digital-dictatorship/. AI, big data and the future of humanity

internal threats, emphasizing that security should be ensured not only through technical means, but also through organizational and legal measures.[1] This suggests that the human factor is one of the principal causes of many cyber incidents, and that the risk of obtaining confidential information through various methods is always present.

Practice shows that the majority of cybersecurity-related incidents arise not from complex technical failures, but rather from human factors. Therefore, improving the digital literacy of personnel and fostering a culture of information security should be regarded as one of the key preventive measures aimed at reducing potential cyber risks.

In my view, ensuring cybersecurity should not be regarded solely as the responsibility of technical specialists. The digital skills of personnel involved in the enforcement of court decisions and documents issued by other authorities, as well as their knowledge of information security and awareness of cyber threats, are of considerable importance. Therefore, it is advisable to enhance the digital literacy of officials, foster a culture of information security, and strengthen preventive measures aimed at mitigating potential cyber threats. An analysis of international practice demonstrates that many cyber incidents occur not as a result of sophisticated technical failures, but rather due to human factors, particularly negligence and insufficient knowledge and skills.

In practice, the unlawful use of electronic digital signatures or the acquisition of their credentials by third parties may also give rise to certain risks. Such situations may cast doubt on the authenticity of court documents and lead to violations of the rights of participants in enforcement proceedings. Moreover, the possibility of temporary or complete loss of data resulting from technical failures of servers or cyberattacks cannot be ruled out.

[1] Schneier B. Secrets and Lies: Digital Security in a Networked World. New York: John Wiley & Sons, 2000.

According to the Russian legal scholar V.A. Kopylov, the expansion of informatization processes has made the effectiveness of public authorities increasingly dependent upon the reliable functioning of information systems and their proper legal regulation. Therefore, alongside ensuring legality in public administration, particular importance should be attached to improving organizational, technical, and legal measures aimed at ensuring information security[1].

The rapid development of digitalization processes necessitates a reconsideration of the traditional forms and methods of prosecutorial oversight. In modern conditions, ensuring legality is no longer limited to supervising legal procedures alone. The stable functioning of information systems, data security, and the effectiveness of measures aimed at countering cyber threats are also becoming increasingly important.

From this perspective, ensuring the reliable functioning of information systems is not merely a technical issue, but also one of legal and organizational significance. Indeed, the stable operation of databases has a direct impact on the legality and effectiveness of enforcement proceedings.

Accordingly, prosecutors should continuously strengthen their knowledge and practical skills in the field of information security and develop effective oversight mechanisms aimed at ensuring compliance with cybersecurity legislation. Achieving the desired results in assessing the functioning of information systems requires not only a legal approach but also close cooperation with technical specialists.

Ensuring legality in the digital environment is not an issue that can be addressed solely through legal instruments. In this regard, the coordinated application of legal, organizational, and technical measures is of decisive importance. Therefore, efforts aimed at enhancing the effectiveness of prosecutorial oversight should continuously evolve in line with the development of modern technologies.

[1] Kopylov V.A. Information Law. 2nd ed. Moscow: Yurist, 2002.

Accordingly, the fundamental objectives of prosecutorial oversight over the enforcement of court decisions and documents issued by other authorities, namely ensuring the rule of law and restoring violated rights and legitimate interests of citizens, have become closely linked to the uninterrupted and stable functioning of information systems, as well as to the effectiveness of cybersecurity measures. Under modern conditions, prosecutorial oversight should not be confined solely to verifying the legality of enforcement actions, but should also encompass the assessment of the protection of electronic information resources and their use in compliance with legal requirements.

In this regard, particular attention should be paid to issues relating to the security of digital infrastructure in the course of prosecutorial oversight. In particular, it is important to examine compliance with the procedures governing the use of information systems, the effectiveness of organizational and technical measures aimed at protecting electronic data, the lawful use of electronic digital signature tools, the procedures for storing official and other confidential information, as well as the existence and effectiveness of internal control mechanisms designed to identify and prevent potential cyber incidents.

These factors have a direct impact on the reliable functioning of information systems, the timely and complete enforcement of court decisions and documents issued by other authorities, and, most importantly, the effective protection of the rights and legitimate interests of citizens. In turn, this contributes to ensuring the transparency and reliability of enforcement proceedings.

These considerations demonstrate the necessity of adopting a systematic approach to cybersecurity in the enforcement of court decisions and documents issued by other authorities.

In this regard, it is advisable to pay greater attention to further enhancing the existing digital capabilities in the exercise of prosecutorial oversight. In particular, priority should be given to the introduction of risk

management mechanisms aimed at assessing potential cyber threats that may arise within information systems related to enforcement proceedings and determining their level of severity.

Analyzing the impact of digital transformation on public administration, Klaus Schwab, the founder of the World Economic Forum, emphasizes that "the Fourth Industrial Revolution is changing not only technologies, but also institutions and systems of governance."[1] In his view, risk management mechanisms in the digital environment should become an integral component of public administration.

In the author's view, the introduction of risk management mechanisms serves not only to ensure technical security, but also to strengthen the preventive functions of prosecutorial oversight. This, in turn, makes it possible to prevent future cyber incidents and ensure the uninterrupted functioning of information systems.

Secondly, it would be advisable to expand the practice of involving information technology specialists and independent experts in prosecutorial inspections in order to assess the reliability of information systems and their compliance with cybersecurity requirements.

Thirdly, the systematization of information concerning cybersecurity-related deficiencies and violations identified during prosecutorial oversight, as well as the establishment of an analytical database based on such information, would make it possible to prevent the recurrence of similar risks in the future.

In this regard, the Japanese futurist Kenichi Ohmae emphasizes that "information and the ability to analyze it are becoming the principal sources of competitiveness."[2] Therefore, the collection and systematic analysis of data contribute to ensuring the effectiveness of managerial decision-making.

[1] Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva: World Economic Forum, 2016. P. 78.
[2] Ohmae K. The Next Global Stage: Challenges and Opportunities in Our Borderless World. Philadelphia: Wharton School Publishing, 2005. P. 62.

Fourthly, considerable importance should be attached to studying international experience in the field of cybersecurity, developing cooperation with foreign law enforcement agencies and specialized institutions, and continuously improving the practical skills of prosecutorial personnel in this area in accordance with international standards.

The American political scientist Joseph Nye emphasizes that, in the context of globalization, cooperation among states constitutes an essential prerequisite for ensuring security. As he notes, "in the information age, cooperation is becoming an important component of power."[1]

In this context, effective cooperation and information exchange contribute to strengthening preventive mechanisms aimed at protecting information systems from emerging cyber threats.

Fifthly, improving internal control procedures aimed at identifying threats to the stable functioning of information systems and mitigating their consequences would also contribute to enhancing the effectiveness of prosecutorial oversight.

In the modern digital environment, ensuring cybersecurity cannot be confined solely to measures taken at the national level. In this regard, international cooperation, information exchange, and the study of advanced practices are of particular importance.

Within the framework of the "Network Society" theory, the American economist and sociologist Manuel Castells points out that information networks are increasingly becoming the foundation of the functioning of modern states and societies. In his view, the reliability and security of information infrastructure constitute one of the key factors determining the effectiveness of state institutions.[2]

At present, cybersecurity issues are gradually emerging as an independent dimension of prosecutorial oversight. In the context of the rapid

[1] Nye J.S. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011. P. 113.
[2] Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd Edition. Oxford: Blackwell Publishing, 2010. P. 407.

development of digital technologies, ensuring legality, guaranteeing the timely and full enforcement of court decisions and documents issued by other authorities, and effectively protecting the rights of citizens are closely linked to the security of information systems. Therefore, cybersecurity requirements should be regarded as an integral component of prosecutorial oversight.

Thus, cybersecurity should be viewed not merely as a technical issue, but as one of the essential conditions for ensuring legality in enforcement proceedings. Under the conditions of digital transformation, the effectiveness of prosecutorial oversight increasingly depends on the reliability of information systems, the level of protection of electronic resources, and the ability to promptly identify and prevent cyber threats.

Unauthorized interference with information systems, data falsification, and cyberattacks may pose serious threats to the legality of enforcement proceedings. Therefore, the modern model of prosecutorial oversight should incorporate elements aimed at ensuring digital security alongside traditional legal supervision. Strengthening cybersecurity mechanisms within the prosecutorial oversight system, enhancing the protection of information systems, and developing specialized personnel in this field will contribute to ensuring the timely and full enforcement of court decisions and documents issued by other authorities.

ЕСЕМУРАТОВ АЛИШЕР ИЗБАСАРОВИЧ
Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси
Халқаро ҳуқуқ ва инсон ҳуқуқларини
ҳимоя қилиш кафедраси доценти,
ю.ф.ф.д., доцент

ХАЛҚАРО ҲУҚУҚДА МИГРАЦИЯ ТУШУНЧАСИ, ТУРЛАРИ ВА ҲУҚУҚИЙ ТАРТИБГА СОЛИШ МЕХАНИЗМЛАРИ

Аннотация: *Мақолада миграция тушунчаси, унинг асосий турлари — меҳнат, оилавий, экологик ва ноқонуний миграция илмий-назарий жиҳатдан таҳлил қилинган. Миграция жараёнларига таъсир этувчи объектив ва субъектив омиллар, шунингдек мигрантлар ҳуқуқларини ҳимоя қилишнинг миллий ва халқаро механизмлари ўрганилган. Муаллиф самарали миграция сиёсатини шакллантириш зарурлигини асослаб беради.*

Аннотация: *В статье проводится научно-теоретический анализ понятия миграции, её основных видов — трудовой, семейной, экологической и незаконной миграции. Рассматриваются объективные и субъективные факторы, влияющие на миграционные процессы, а также национальные и международные механизмы защиты прав мигрантов. Обосновывается необходимость формирования эффективной государственной миграционной политики.*

Abstract: *The article provides a theoretical and legal analysis of migration, its main types including labor, family, environmental and irregular migration. Special attention is paid to objective and subjective factors influencing migration processes, as well as national and international mechanisms for the protection of migrants' rights. The study substantiates the necessity of developing effective migration policies in accordance with international standards.*

Калит сўзлар: *миграция, меҳнат миграцияси, экологик миграция, ноқонуний миграция, мигрантлар ҳуқуқлари, халқаро ҳуқуқ.*

Ключевые слова: *миграция, трудовая миграция, экологическая миграция, незаконная миграция, права мигрантов, международное право.*

Keywords: *migration, labor migration, environmental migration, irregular migration, migrants' rights, international law.*

Кириш

Ҳозирги глобаллашув шароитида миграция жараёнлари халқаро муносабатларнинг энг долзарб йўналишларидан бирига айланмоқда. Иқтисодий, ижтимоий, экологик ва сиёсий омиллар таъсирида аҳолининг давлатлар ўртасида ҳаракатланиши кучайиб, мигрантлар ҳуқуқларини таъминлаш масаласи халқаро ва миллий даражада алоҳида аҳамият касб этмоқда. Айниқса, меҳнат, оилавий ва экологик миграциянинг турли шакллари, шунингдек ноқонуний миграциянинг кўпайиши давлатлар олдида янги ҳуқуқий ва институционал вазифаларни қўймоқда. Мазкур мақолада миграция тушунчаси, унинг асосий турлари, таъсир этувчи омиллар ҳамда мигрантлар ҳуқуқларини ҳимоя қилишнинг миллий ва халқаро механизмлари илмий-назарий жиҳатдан таҳлил қилинади.

Мақолани тайёрлаш жараёнида умумий илмий билиш усуллари, хусусан таҳлил ва синтез, индукция ва дедукция, қиёсий-ҳуқуқий, тизимли ва формал-юридик усуллар қўлланилди. Шунингдек, халқаро конвенциялар, декларациялар, халқаро ташкилотлар ҳужжатлари, шунингдек, олимларнинг илмий қарашлари таҳлил қилинди. Миллий ва халқаро ҳуқуқий механизмларни солиштириш орқали миграцияни тартибга солишдаги мавжуд муаммолар ва истиқболли ёндашувлар аниқланди.

Ихтиёрий миграция — бу шахсларнинг ўз хоҳишига кўра ҳаракатланиши. Бу турдаги миграция 1990 йилдаги “Барча меҳнаткаш мигрантлари ва уларнинг оила аъзоларининг ҳуқуқларини ҳимоя қилиш тўғрисида”ги халқаро конвенцияда меҳнат миграциясининг аниқ таърифи ҳам келтирилган бўлиб, унга кўра, меҳнаткаш мигрант - бу ўз ватани бўлмаган давлатда даромад келтирадиган иш билан шуғулланаётган шахсдир[1].

[1] Отажонов А., Баратова Д. Меҳнаткаш-мигрант тушунчаси ва унинг миграция жараёнларининг ўзига хос субъектлари сифатидаги мақоми //ЮРИСТ АХБОРОТНОМАСИ. – 2022. – Т. 2. – №. 5. – С. 125-133.

Миграциянинг бу шакли иқтисодий ва бошқа омилларга асосланган ҳолда меҳнатга қобилиятли аҳолининг бир давлатдан бошқа давлатга кўчиб ўтиши билан боғлиқдир.

Шунингдек, оила миграцияси ҳам бор бўлиб, унинг мақсади оила аъзоларини бирлаштиришдан иборат. Бунда оиланинг бир аъзоси қонуний асосда миграциянинг турли шаклларидан бири орқали бошқа давлатга кўчиб ўтган бўлса, қолган аъзолар унга қўшилиш учун миграция қилишади.

Таснифимизнинг кейинги тури бу экология билан боғлиқдир. Экологик миграция муаммоси айниқса Африка каби баъзи минтақалар учун долзарбдир. Шунинг учун уни ҳал қилишга уринишлар айнан шу минтақавий даражада амалга оширилди.

Д.В. Иванов ва Д.К. Бекяшевга кўра “экологик мигрантлар - бу атроф-муҳитга жиддий зарар етказилганлиги сабабли (масалан, табиий офатлар туфайли), ўз ҳаётига хавф туғилгани ёки турмуш шароитларига жиддий таъсир кўрсатилгани учун вақтинча ёки номаълум муддатга ўз одатдаги яшаш жойини тарк этишга мажбур бўлган шахслардир”[1].

Бонн шаҳрида 2008 йилда ўтказилган экологик миграцияга бағишланган конференцияда қуйидаги турдаги мигрантлар ажратилди: экологик фавқулоддаги мигрантлар - атроф-муҳитдан келиб чиққан катта хавф ва таҳдидлардан қочиб, ўз ҳаётларини сақлаб қолишга уринаётганлар; экологик мажбурий мигрантлар - атроф-муҳитнинг жиддий ва тикланмайдиган зарарланишлари сабабли ўз доимий яшаш жойларини тарк этишга мажбур бўлганлар; экологик ихтиёрий мигрантлар - экологик шароитлар ёмонлашгани сабабли яхшироқ ҳаёт қидириб, уйларини тарк этаётган ва молиявий жиҳатдан буни амалга ошириш имкониятига эга бўлган шахслар[2].

[1] Иванов Д. В., Бекяшев Д. К., Экологическая миграция населения: Международно-правовые аспекты: Научное издание / Д. В. Иванов, Д. К. Бекяшев. – М.: Аспект Пресс, 2013. С.43.

[2] Environmental migrants: UN meeting aims to build consensus on definitions, support, protection https://www.eurekalert.org/news-releases/917437.

Юқоридаги таҳлилларга асосан, мигрантларнинг турли тоифалари ва уларнинг ҳуқуқий мақомлари халқаро ҳужжатларда белгилаб қўйилган бўлса-да, миграцияни тартибга солиш борасидаги муаммолар ҳамон мавжуд. Бизнигча, миграция билан боғлиқ муаммоларни ечиш учун давлатлар самарали миграция сиёсати яратишга кўпроқ эътибор беришлари лозим. Сиёсий ҳуқуқ ва эркинликларнинг етишмаслиги, коррупция, шунингдек, шахсий эркинликка интилиш асосий омиллар ҳисобланади. Таъқиб қилинмаган ҳолатларда ҳам, шахсий эркинликнинг чеклангани одамларни ўз ватанларини тарк этишга мажбур қилади.

Шу билан бирга, иқтисодий миграция ишчи кучига бўлган талаб билан боғлиқ бўлиб, доимий жараён ҳисобланади. Айрим ҳолатларда, сиёсий сабаблар билан бирга иқтисодий омиллар ҳам миграцияни кучайтириши мумкин. "Иқтисодий миграция" атамаси фақат меҳнат мигрантларига эмас, балки уларнинг оила аъзоларига нисбатан ҳам қўлланилиши зарур.

Шу ўринда, ноқонуний меҳнат миграциясининг келиб чиқиши сабабларини тадқиқ этиш мақсадга мувофиқ бўлади. Масалан, С.В. Рязанцев ноқонуний меҳнат миграциясининг пайдо бўлишининг бир қатор сабабларини, жумладан, қуйидагиларни белгилайди[1]:

биринчидан, бу глобаллашув тушунчасини ифода этади. Технологияларнинг тараққиёти ахборот тарқатиш жараёнини самарали ва осонроқ қилди, бу эса мобил телефонлардан фойдаланишнинг кенгайиши ва телекўрсатувлар сонининг ортишига сабаб бўлди. Натижада, узоқ масофаларга саёҳат қилиш олдингига нисбатан осонлашди. Глобаллашув саноати ривожланган мамлакатларда яшаш даражасининг яхшиланишига олиб келди, бироқ у халқаро ва миллий даражада тенгсизликнинг кучайиши билан ҳам узвий боғлиқдир.

[1] Рязанцев С.В. Мировой рынок труда и международная миграция: Учебное пособие. Москва, 2010. С.218.

Шунингдек, глобаллашув халқаро савдо ва капитал оқими олдидаги тўсиқларни камайтиришга ёрдам берди.

иккинчидан, ижтимоий-иқтисодий омиллар сифатида фуқароларни ижтимоий ҳимоя қилишга оид қонунларнинг заифлиги, миграция оқимини қонунийлаштириш чора-тадбирларининг етарли даражада амалга оширилмаслиги ва давлатлараро келишувларнинг камлиги қайд этилади.

учинчидан, қабул қилувчи мамлакатлардаги ижтимоий-иқтисодий шароитлар қатор муаммоларни ўз ичига олади. Бу, жумладан, меҳнат стандартларини жорий этиш ва назорат қилишдаги етишмовчиликлар, қишлоқ хўжалиги ҳамда маиший хизматлар каби иқтисодиётнинг чекка соҳаларида иш ўринларининг мониторинг қилинмаслиги ва инвесторларнинг юқори даромад олишга бўлган катта қизиқиши киритилади[1].

1960-йилларнинг охирига келиб, миграция омилларини учта асосий гуруҳга ажратилди: бошқариш имкони йўқ бўлган “доимий” омиллар, билвосита таъсир қилиб назорат қилиниши мумкин бўлган “вақтинчалик” омиллар; ва “ўзгарувчан” омиллар[2].

Тақдим этилган миграция биринчи гуруҳга ҳудуднинг географик жойлашуви ва унинг табиий компонентлари, масалан, метеорологик, геологик ва бошқалар киради. Сув тошқинлари, зилзилалар, мавсумий ҳароратнинг юқори тафовути - буларнинг барчаси бошқа омилларга қараганда кўпроқ аҳолининг кўчиб кетишига ёрдам беради.

Иккинчи гуруҳга аста-секин ўзгариб турадиган омиллар киради. Буларга ҳудудларнинг ривожланиш даражаси ва аҳолининг ёши, этник ва жинсий таркиби киради. Аҳолининг умр давомийлиги бўйича таркиби вақтинчалик омиллардан бири, аммо миграция жараёнларига

[1] Рязанцев С.В. Мировой рынок труда и международная миграция: Учебное пособие. Москва, 2010. С.218.

[2] Троцук И.В. Миграционные процессы в советском обществе 1960-х – 1980-х годов: наблюдения и прогнозы Т.И. Заславской // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2013. №3-4 (116).

энг кўп таъсир кўрсатадиган омиллардан биридир. Бу аҳолининг юқори миграция ҳаракатчанлигига ёрдам беради.

Учинчи гуруҳига иш ҳақининг ошиши, давлат сиёсатининг ўзгариши, кадрлар сиёсати, маълум имтиёзларнинг ўрнатилиши ёки бекор қилиниши ва бошқалар киради.

Юқоридаги барча миграция омилларини етарлича объектив, деб ҳисоблаш мумкин. Худди шу шароитда қабул қилинган қарорларнинг фарқланишига олиб келадиган шахснинг ўзига хос хусусиятлари миграциянинг субъектив омиллари сифатида қаралиши мумкин.

Мигрантлар ҳуқуқларини ҳимоя қилишнинг миллий механизмлари қуйидаги бир қатор мезонларга кўра таснифланди:

- *қонунчиликка асосланган мезонларга кўра*, миграцион муносабатларни тартибга солувчи конституциявий нормалар, қонунлар, Президент фармон ва қарорлари, ҳукумат қарорлари, идоравий буйруқ ва бошқа норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар;

- *институционал мезонларга кўра*, Ўзбекистонда миграция масалалари билан шуғулланувчи бир қатор давлат институтлари мавжуд. Масалан, Президент, Прокуратура, Ички ишлар вазирлиги, Ўзбекистон Республикаси Миграция агентлиги, Инсон ҳуқуқлари ҳуқуқлари бўйича миллий марказ, Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлисининг Инсон ҳуқуқлари бўйича Вакили (омбудсман), Болалар ҳуқуқлари бўйича Вакили (Омбудсман) ва ҳуқуқни муҳофаза қилиш органлар мигрантларнинг ҳуқуқларини ҳимоя қилишда муҳим роль ўйнайди.

- *фуқаролик жамияти мезонларига кўра*, нодавлат нотижорат ташкилотлар Ўзбекистонда мигрантлар ҳуқуқларини ҳимоя қилишда фаол қатнашади. Улар ҳуқуқий маслаҳатлар, таълим ва маълумот бериш орқали мигрантларга ёрдам кўрсатади.

Мигрантлар ҳуқуқларини ҳимоя қилишнинг халқаро механизмлари қуйидаги бир қатор мезонларга кўра таснифланди:

- *халқаро нормаларга асосланган мезонларга кўра*, аъзо-давлатлар учун мажбурий бўлган халқаро шартномалар ва бошқа ҳужжатлар, миграция соҳасида тавсиявий хусусиятдаги халқаро ҳужжатлар (декларация ва йўриқномалар).

- *халқаро институционал мезонларга кўра*, БМТ, МХТ, ХМТ, UNHCR, ва минтақавий ташкилотлар (Европа Иттифоқи, ЕХҲТ, МДҲ) мигрантлар ҳуқуқларини ҳимоя қилишда ва уларнинг ҳуқуқий мақомини сақлашда муҳим роль ўйнайди.

- *халқаро судлов мезонларига кўра*, халқаро судлар ва трибуналлар томонидан қабул қилинган, мигрантларнинг ҳуқуқлари ва ҳимоясини таъминлашда асосий мезонлар ва суд амалиётини билдирувчи принциплар, қоидалар ва стандартларни ўз ичига олади. Улар халқаро низоларни ҳал қилиш, ҳуқуқий тўқнашувларни ҳал қилиш ва мигрантларнинг ҳуқуқий масалалари бўйича ҳал этилган қарорларни қабул қилиш учун мўлжалланган. Бу мезонлар асосан халқаро судлар, ёки бошқа махсус халқаро трибуналлар томонидан ишлатилиши мумкин. Улар халқаро конвенциялар ва шартномалар асосида қабул қилинган бўлиб, уларнинг асосида мигрантлар билан боғлиқ ҳуқуқий масалаларни ҳал қилиш ва адолатни таъминлаш вазифалари белгиланган.

- *халқаро нодавлат ва фуқаролик жамияти ташкилотлари мезонларига кўра*, халқаро нодавлат ва фуқаролик жамияти ташкилотлари мезонлари мигрантларнинг ҳуқуқларини ҳимоя қилишда муҳим роль ўйнайди. Ушбу мезонлар халқаро ҳуқуқий тизимдаги давлатлар ва халқаро ташкилотлардан мустақил бўлган ташкилотлар, у ёки бу тарзда мигрантларнинг ҳуқуқларини таъминлаш ва ҳимоя қилиш учун ишлайди. Улар давлатлараро ва халқаро ҳуқуқий нормаларга таянмасдан, жамият ва фуқаролик ташкилотлари томонидан қабул қилинган стандартлар ва принципларга асосланган.

- *халқаро кузатув ва мониторинг мезонларига кўра*, Халқаро кузатувчилар миссиялари, шу жумладан **БМТнинг Халқаро**

миграция ташкилоти (IOM) ва **Европа Хавфсизлик ва Ҳамкорлик Ташкилоти**нинг миграция бўйича мониторинг ишлари, миграция жараёнларини кузатади, маълумот йиғади ва мигрантлар ҳуқуқлари билан боғлиқ ҳолатларни таҳлил қилади.

Хулоса ўрнида шуни алоҳида таъкидлаш лозимки, миграция турли мезонларга кўра таснифланади, жумладан, ҳуқуқий ҳолати, ҳудудий жиҳатлар, миграция сабаблари ва мақсадлари. Бу таснифлар миграция жараёнларини тушуниш ва уларни самарали тартибга солиш учун муҳимдир. Ноқонуний миграциянинг бу тури давлат қонунларини бузиш билан боғлиқ бўлиб, унинг сабаблари турли ижтимоий-иқтисодий ва глобаллашув жараёнларига боғлиқдир. Ноқонуний миграциянинг олдини олишда самарали давлат сиёсати муҳим аҳамиятга эга.

Миграцияга таъсир қилувчи омиллар объектив ва субъектив сабаблардан иборат бўлиб, уларнинг таҳлили миграция жараёнларини яхшироқ тушунишга ёрдам беради. Миграция сиёсати ушбу омилларни ҳисобга олган ҳолда ишлаб чиқилиши лозим.

Хулоса

Тадқиқот натижалари шуни кўрсатадики, миграция турли мезонларга кўра таснифланиб, унинг ҳар бир шакли ўзига хос ҳуқуқий тартибга солишни талаб қилади. Меҳнат, оилавий ва экологик миграция халқаро ҳуқуқ нормаларида маълум даражада тартибга солинган бўлса-да, ноқонуний миграция, айниқса меҳнат миграцияси соҳасида жиддий муаммолар сақланиб қолмоқда. Миграция жараёнларига таъсир этувчи объектив ва субъектив омилларни ҳисобга олган ҳолда, самарали давлат миграция сиёсатини ишлаб чиқиш ва миллий ҳамда халқаро механизмлар ўртасидаги ҳамкорликни кучайтириш мигрантлар ҳуқуқларини ишончли ҳимоя қилишнинг муҳим шарти ҳисобланади.

IBRAGIMOV MURODJON JUMANAZAROVICH
Senior Lecturer of the Department
of Law Enforcement Academy
of the Republic of Uzbekistan

ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF SOME COUNTRIES IN IMPROVING COMPLIANCE-CONTROL IN THE HEALTH SECTOR

Abstract: *This article examines the relevance, role, and importance of improving the compliance and oversight system in preventing corruption in the healthcare sector, as well as the experience of developed countries in this area, as well as current processes in Uzbekistan in this regard, scientifically, theoretically, and practically, and provides relevant proposals and conclusions.*

Key words: *health care, corruption, anti-corruption policy, compliance control, legal regulation, international experience.*

Corruption has been one of the main factors that threaten social justice, the rule of law and the effective functioning of government institutions throughout the history of the development of states. Corruption is particularly dangerous in areas of social importance, such as education, the judiciary, and health care. Among them, the healthcare sector, which is directly related to protecting the life and health of the population, is the most vulnerable to corruption, the consequences of which can be very serious not only for an individual, but also for society as a whole.

The health sector is inherently prone to corruption risks. This sector requires large budget expenditures, covers millions of service recipients, operates in conditions of high levels of information asymmetry between doctors and patients, and often has limited control over resource allocation. In such circumstances, corruption can manifest itself in various forms, from, for example, simple bribes to speed up the treatment process, to large-scale

embezzlement schemes, "gaming" in the purchase of drugs and medical equipment , and abuses within the framework of insurance programs.

However, in recent decades, in many countries around the world, corruption in healthcare has become increasingly recognized as not only a moral issue but also a direct contributor to mortality, low trust in government, economic inequality, and political instability. This has prompted international organizations, national governments, and civil society to intensify efforts to develop systemic solutions to combat this scourge.

One of the most promising areas in the fight against corruption is the introduction of compliance control, that is, an internal control system. This system is aimed at preventing violations, strengthening ethical standards, and creating mechanisms for self-cleaning within the organization. Advanced forms of compliance were first used in the corporate sector in the United States in the 1970s and 1980s [1], but later spread to the healthcare sector, where they have shown high effectiveness. Today, compliance in healthcare is a mandatory requirement, for example, in the United States, Canada, the European Union, and Australia. Compliance programs are developed in both public and private medical institutions and include a set of measures such as employee training, anonymous reporting channels for violations, regular audits, and risk analysis.

Therefore, the study of the issues of combating corruption and developing compliance control in the healthcare sector against the background of global experience and national tasks is gaining not only scientific, but also practical significance. International experience shows that sustainable results can be achieved only through a systemic approach. Such an approach, along with legislative reforms, includes internal changes in

[1]Agafonov, A. V. Evolution of corporate complaens-practice v sisteme obespecheniya ekonomicheskoy
bezopasnosti: teoretiko-metodicheskiy i praktonoy aspekti / A. V. Agafonov, I. A. Lebedev // Vestnik Eurasian science. — 2025. — T. 17. — No. s2. — URL: https://esj.today/PDF/31FAVN225.pdf.

organizations, increasing the level of openness, active involvement of society, and the development of legal culture.

Corruption in healthcare is a recurring and constantly developing negative socio-legal phenomenon, which is expressed in the illegal use of official positions in public and private healthcare systems by medical professionals for their own interests, obtaining various benefits and privileges [1]. This problem is not unique to our country, but exists throughout the world. In this regard, the World Health Organization has developed a program aimed at preventing corruption by increasing transparency and strengthening accountability mechanisms in healthcare systems in its member states [2].

Of the trillions of dollars spent on healthcare worldwide each year, [3]much of it is channeled through large government contracts for medicines, equipment and the construction of medical facilities. However, analyses suggest that 10–25% of global spending on public procurement is lost to corruption and waste [4].

Corruption in the health care system varies depending on the country's income level, and in developing countries it can exceed 15%, while in the United States, fraud and abuse account for approximately 10% of the health care budget [5]. In 2019, the US government recovered [6]$3.6 billion in health care fraud settlements and settlements . However, it is estimated that this is only the "tip of the iceberg" of US health care fraud, with between $58.5

[1]https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-v-sisteme-zdravoohraneniya
[2]Reinforcing the Focus on Anti-Corruption, Transparency and Accountability in National Health Policies, Strategies and Plans // World Health Organization. - Electronic text data.
[3]World Health Organization. Spending on Health: A Global Overview. 2012. http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs319/en/
[4]Transparency International. Global Corruption Report 2006: Corruption and Health. London and Ann Arbor: Pluto Press and Transparency International; 2006.
[5]https://blog.theaaci.com/transparency-and-corruption1prevention-in-the-healthcare-industry/
[6]US Department of Justice, US Department of Health and Human Services. Health Care Fraud and Abuse Control Program Annual Report for Fiscal Year 2019. Washington, DC: US Department of Health and Human Services Office of the Inspector General; (2020)

billion and $83.9 billion lost annually to fraud and abuse [1]. This trend is also reflected in the assessment of global health spending, where at least 7% of the funds go to corruption, which is about 500 billion US dollars [2]. These data show that the financial resources allocated to health care may not have the expected impact on the health of the population if they are used for corrupt purposes.

Corruption can affect all stages of the health care delivery chain, from policy development to the management of organizational resources and procurement of medical supplies, as well as bribery and extortion in the process of service delivery [3]. Some examples of corruption include:

1. Bribes and informal payments. Patients pay money to expedite treatment, receive free services, or skip the waiting list—a practice that is widespread even in countries with public healthcare.

2. Absence of employees, "ghost" employees, duplicate salaries. Human resource fraud, i.e., individuals who are not employed but are paid ("ghost workers"), duplicate positions with unclear responsibilities, are widespread in low- and middle-income countries.

3. Procurement fraud and abuse. This includes overpricing contracts, bid rigging, secret agreements with suppliers, and the use of private companies. This leads to shortages of medicines, increased prices for services, and a decline in the quality of purchased products.

4. Conflicts of interest and biased prescribing practices. Pharmaceutical companies may incentivize doctors to prescribe certain drugs—through gifts or bonuses. This undermines the impartiality of medical advice and jeopardizes the interests of patients.

5. Data manipulation and false reporting. False hospitalizations, inflated reporting, and payment through incorrect coding of services are

[1]Shrank WH, Rogstad TL, Parekh N. Waste in the US health care system: estimated costs and potential for savings. JAMA. (2019) 322:1501–9. 10.1001/jama.2019.13978

[2]The Ignored Pandemic [Internet]. Transparency International. (2019). Available online at: http://ti-health.org/content/the-ignored-pandemic/

[3]Taryn Vian and Carin Nordberg. 2008. Corruption in the Health Sector 2008.

common occurrences even in developed countries under pay-for-performance systems [1].

6. Public indifference and acceptance of corruption as a cultural norm. In the CIS and Central Asian countries, corruption is accepted as a part of the system, low wages and lack of transparency increase the tendency to bribes and "gratitude" [2].

According to a July 2025 study by the Movement for the Advancement, 15% of patients in polyclinics confirmed cases of unofficial payments, while 56% of medical workers believe that corruption does not exist — indicating a high level of self-deception or fear of revealing the truth[3].

Thus, corruption in the health sector has a devastating impact, both financially and humanitarian-wise. Its manifestations include bribery, fraud in personnel and procurement, and manipulation of data. An effective fight requires a systemic and comprehensive approach, increasing transparency, developing compliance mechanisms, and strengthening public oversight . This problem is also relevant in the conditions of Uzbekistan, and we believe it is necessary to integrate these approaches into the healthcare system being reformed in the country.

In the healthcare industry , compliance is a system of internal controls and ethical standards designed to ensure compliance with legal, regulatory, and industry requirements, as well as to prevent fraud and corrupt practices. According to the U.S. Office of Inspector General (OIG) , a compliance program is required for participation in federal programs such as Medicare and Medicaid and is an important tool for ensuring the ethical, efficient, and safe operation of healthcare organizations [4].

---

[1]Anticorruption resource center - https://www.u4.no/topics/health/basics

[2]https://one.uz/en/news/society/8603-informal-payments-in-healthcare-are-becoming-widespread-in-uzbekistan.html

[3]https://one.uz/en/news/society/8603-informal-payments-in-healthcare-are-becoming-widespread-in-uzbekistan.html

[4]https://health.uconn.edu/healthcare-compliance-privacy/2020/02/06/elements-of-an-effective-compliance-program/

compliance in healthcare is an integrative mechanism that combines legal responsibility, internal governance, ethics, and a culture of trust. It includes preventing conflicts of interest, controlling financial transactions, protecting patient data, internal complaints systems, and responding promptly to violations of regulations.

OIG (Office of Inspector General) practices and standards, an effective compliance program should consist of seven integrative components:

1. Written Standards, Policies and Procedures. Codes of conduct, policies and procedures should be documented and address key risks such as fraud, coding errors, confidentiality, bribery, and conflicts of interest. These documents must be regularly updated and accessible to employees.

2. Compliance leadership and oversight. An independent Compliance Officer should be appointed, with the necessary resources and direct access to the organization's leadership. A compliance committee should also be established with the participation of various departments, which ensures a multidisciplinary approach and decision-making at the top management level.

3. Education and communication. All staff (from clinical staff to administrative services) should be trained regularly, especially when legislation changes. The key principles of compliance, sources of support and reporting channels are communicated through interactive tools, presentations and knowledge testing.

4. Effective communication channels. Establish “hotlines,” web platforms, or email channels for anonymous reporting of violations. An “open door policy” between the compliance officer and employees should be mandatory.

5. Monitoring and auditing. Regular internal audits and data analytics identify anomalies and risks in high-risk processes such as invoicing, repeat medical procedures, and access to patient data. Audit results are documented and used to take corrective action.

6. Consequences and incentives. Develop a system of disciplinary measures for violations and rewards for compliance with standards. Incentives can take the form of public praise or bonuses, and disciplinary measures should be applied consistently and transparently.

7. Incident response and corrective actions. Once an incident is identified, an investigation is required, root cause determination, policy updates, training re-evaluations, and changes to procedures are required. All actions are documented.

Anti-corruption policies in healthcare in the European Union are based on standards set by the Council of Europe, the European Commission and GRECO. The main areas of focus include ensuring transparency in the allocation of medical resources, creating public access to information on contracts and hospital purchases, declaring the income of doctors and officials, and mandatory disclosure of financial relationships between medical professionals and pharmaceutical companies.

The German healthcare system is based on the principle of insurance medicine and a high level of internal control. One of the main tools in the fight against corruption is the introduction of electronic prescriptions and medical records, which minimizes the possibility of manipulation. There is also an independent medical audit system (MDK), which monitors the validity of the appointment and payment of medical services [1].

In Germany, the fight against corruption in the healthcare sector is also regulated by Article 299 of the Criminal Code. In 2016, this article was supplemented with a new section aimed at criminalizing cases of bribery and corruption in the healthcare system. Particular attention is paid to doctors in private practice and their connections with the pharmaceutical business. The German prosecutor's office actively uses mechanisms for cooperation with tax authorities, and also conducts financial audits of private clinics. In 2016, the Law on Combating Corruption in the Healthcare Sector (Gesetz zur Bekämpfung von Korruption im Gesundheitswesen) was adopted, which

[1] Medical Dienst der Krankenversicherung (MDK). https://www.mdk.de/

provides for criminal prosecution of cases of bribery and corruption by doctors, including private specialists [1].

In France, anti-corruption legislation, including the Sapin II law , requires certain organizations, in particular pharmaceutical companies and other organizations that interact with healthcare institutions to implement corruption risk management programs. The Sapin II law establishes mandatory requirements for the creation and implementation of anti-corruption programs . These programs include risk assessments, the development of control measures, staff training, monitoring and reporting mechanisms. According to the Sapin II Act , the main elements of corruption risk management programs are as follows: the enterprise must identify and assess the corruption risks inherent in its activities; develop internal policies and procedures and implement control measures to prevent and detect corruption; organize mandatory training courses for employees on the topic of corruption prevention; create internal mechanisms for reporting corruption cases; and regularly monitor and evaluate the effectiveness of anti-corruption measures. In addition, France has created a public platform called Transparence Santé , through which citizens can monitor the relationships between doctors and industrial sponsors [2].

Since 1998, the UK National Health Service (NHS) has had a Counter Fraud Authority (NHSCFA) - a separate structure that is responsible for detecting, investigating and preventing fraud and corruption. The NHS also employs specially trained local anti-fraud officers ([3]Local Counter Fraud Specialists) . In addition, the NHS has introduced a digital procurement and contract monitoring system called NHS Supply Chain , which allows any citizen to obtain information about government purchases, suppliers, prices and conditions. In addition, every doctor is required to declare any gifts or

[1] Law gold Combating corruption im Healthcare, 2016
[2]https://www.transparence.sante.gouv.fr
[3]NHS Counter Fraud Authority. https://cfa.nhs.uk

travel received from private companies. These reports are placed in a public register [1].

According to the Global Corruption Barometer, Lithuania has one of the highest levels of bribery in the healthcare sector among EU countries. In Romania, 22% of respondents admitted to paying bribes to healthcare professionals – the only EU country with a higher rate than Lithuania. In Denmark, only 1% of respondents said they had paid bribes in healthcare institutions, in Estonia 2%, and in Latvia and Poland 10% each [2].

In addition, it is worth noting that the European Healthcare Fraud & Corruption Network (EHFCN) is an organization that brings together experts from 13 countries to prevent, detect and investigate fraud and corruption in the healthcare sector. The network organizes international conferences and webinars, covering topics ranging from system design to law enforcement. The EHFCN emphasizes the importance of exchanging experiences and harmonizing approaches to combating corruption [3].

In the United States, the fight against corruption in the healthcare sector is based on a complex set of laws. These laws include the False Claims Act [4], the Foreign Corrupt Practices Act (FCPA [5]), the Anti-Kickback Statute [6], and the Stark Law [7]. These laws allow public and private entities in the healthcare sector to be held liable for fraud, bribery, and collusion between healthcare institutions and pharmaceutical companies.

As noted above, the internal compliance program in the United States occupies a special place - it is implemented in almost all hospitals and insurance companies. Healthcare organizations are instructed to establish compliance departments, which report directly to the board of directors or

[1]https://www.supplychain.nhs.uk
[2]https://www.delfi.lt/ru/news/live/transparency-international-19-zhiteley-litvy-davali-vzyatki-medikam-87465085
[3]https://ehfcn.org/home/about/
[4]https://www.justice.gov/civil/false-claims-act
[5]https://www.justice.gov/criminal/criminal-fraud/foreign-corrupt-practices-act
[6]https://www.justice.gov/archives/jm/criminal-resource-manual-927-anti-kickback-act-1986
[7]https://hzlegal.ae/ru/the-stark-law-preventing-conflicts-of-interest-in-medicine/

auditors. These departments operate to monitor compliance with internal ethics, confidentiality standards, and the prevention of conflicts of interest. These compliance programs operate on the basis of recommendations from the Office of Inspector General (HHS) of the US Department of Health and Human Services. The Office publishes "Compliance Program Guidance" for various participants in the healthcare sector. In the United States, anti-corruption and compliance oversight in the healthcare sector is carried out at the institutional, legislative, and corporate levels [1].

has a comprehensive system for combating fraud in the healthcare sector, especially within the Medicare and Medicaid programs. The main actors in this area are: the Office of Inspector General (OIG) under the US Department of Health and Human Services , the Centers for Medicare & Medicaid Services (CMS) , the FBI , and special units under the attorney general's offices [2].

The general conclusion from the experience of the US and European countries is that the main element of anti-corruption policy in the healthcare sector is institutionalized compliance, which is closely linked to digital control, transparency and citizen monitoring mechanisms. Creating an environment that is intolerant of corruption is possible only when there is a stable legal framework, an independent judiciary and a political will for a fair distribution of medical resources. The experience of the EU and the US also shows that legal accountability and enforcement of strong anti-corruption laws are important. The US False Claims Act and the Anti-Kickback Statute create a legal framework that leads to large fines and compensation. The US Department of Justice and the Office of Inspector General (OIG) require healthcare organizations to implement compliance programs, whistleblower hotlines, employee training and internal audits. As a result, a culture of accountability and internal control is formed.

[1] https://oig.hhs.gov/compliance/general-compliance-program-guidance/
[2] US Department of Health and Human Services, OIG. https://oig.hhs.gov

Thus, the lesson from the European and American experience is that sustainable results can only be achieved by combining a legal framework, digital transparency, strong whistleblower protection and constant public monitoring . Otherwise, even with a high level of state development, health systems remain vulnerable to hidden corruption risks.

ИСОҚОВ ЛУҚМОНЖОН ХОЛБОЕВИЧ
Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси
Халқаро ҳуқуқ ва инсон ҳуқуқларини
ҳимоя қилиш кафедраси бошлиғи,
юридик фанлар доктори, профессор

МАРКАЗИЙ ОСИЁДА РАҚАМЛИ ЧЕГАРАЛАР ВА МИГРАЦИЯ БОШҚАРУВИНИНГ ЯНГИ НАЗАРИЯЛАРИ

***Аннотация**: Ушбу мақола XXI аср шароитида чегара тушунчасининг анъанавий географик чизиқдан кўпқиррали, динамик ва рақамли бошқарув тизимига трансформация бўлишини Ўзбекистон мисолида таҳлил қилади. Тадқиқот доирасида 2016 йилдан кейинги чегара сиёсатидаги ислоҳотлар, биометрик идентификация ва миграция бошқарувининг секьюритизация жараёнларига таъсири ўрганилган. Шунингдек, Марказий Осиёдаги тарихий мерос, анклавлар ва экологик омилларнинг глобал чегара тадқиқотлари назарияларини бойитишдаги илмий аҳамияти очиб берилган. Мақолада чегараларнинг хавфсизлик ва инсон ҳуқуқлари ўртасидаги мувозанатни таъминловчи ижтимоий-институционал макон сифатидаги роли концептуаллаштирилган.*

***Аннотация**: В данной статье на примере Узбекистана анализируется трансформация понятия границы в условиях XXI века из традиционной географической линии в многогранную, динамичную и цифровую систему управления. В рамках исследования изучены реформы пограничной политики после 2016 года, биометрическая идентификация и влияние управления миграцией на процессы секьюритизации. Кроме того, раскрывается научная значимость исторического наследия, анклавов и экологических факторов в Центральной Азии для обогащения теорий глобальных пограничных исследований. В статье концептуализируется роль границ как социально-институционального пространства, обеспечивающего баланс между государственной безопасностью и правами человека.*

***Abstract**: This article analyzes the transformation of the concept of borders in the 21st century from a traditional geographic line into a multifaceted, dynamic, and*

digital management system, using the case of Uzbekistan. The study examines post-2016 border policy reforms, biometric identification, and the impact of migration management on securitization processes. Furthermore, it highlights the scientific significance of historical legacy, enclaves, and ecological factors in Central Asia in enriching theories of global Border Studies. The article conceptualizes the role of borders as a socio-institutional space that ensures a delicate balance between state security and human rights.

***Калит сўзлар**: чегара тадқиқотлари, секьюритизация, миграция бошқаруви, рақамлаштириш, биометрик назорат, Марказий Осиё, инсон ҳуқуқлари, экологик миграция.*

***Ключевые слова**: пограничные исследования, секьюритизация, управление миграцией, цифровизация, биометрический контроль, Центральная Азия, права человека, экологическая миграция.*

***Keywords**: border studies, securitization, migration management, digitalization, biometric control, Central Asia, human rights, ecological migration.*

Замонавий халқаро муносабатлар ва сиёсий география дискурсида чегаралар фақатгина суверен юрисдикцияларни демаркация қилувчи вестфалча статик чизиқ мақомидан чиқиб, инсон мобиллиги, хавфсизлик таҳдидлари ва биосиёсий назорат механизмларини ўзида мужассамлаштирган мураккаб, кўп ўлчовли институционал тушунчага (“bordering”) айланди. Рақамли инфратузилмаларнинг кенгайиши, секьюритизация жараёнлари ҳамда Марказий Осиёдек мураккаб геосиёсий ва экологик тизимлардаги тарихий-маъмурий қатламдорлик фонида, чегара маконининг давлат хавфсизлиги ва инсон ҳуқуқлари ўртасидаги мувозанатни таъминловчи восита сифатидаги эволюциясини илмий-назарий жиҳатдан концептуаллаштиради.

XXI аср шароитида чегара тушунчаси анъанавий равишда давлат суверенитетини белгилайдиган статик географик чизиқ сифатида эмас, балки инсон ҳаракатини бошқаришга қаратилган кўпқиррали, динамик ва технологиялашган бошқарув тизими сифатида талқин этилиши зарур. Шу нуқтаи назардан, Ўзбекистон мисоли замонавий чегара

режимларининг трансформациясини таҳлил қилишда ўзига хос илмий-эмпирик майдон сифатида намоён бўлади.

2016 йилдан кейин амалга оширилган кенг кўламли ислоҳотлар натижасида мамлакатда чегара сиёсати бир вақтнинг ўзида очиқлик, минтақавий ҳамкорлик ва инсон ҳаракатини тартибга солиш механизмларини кучайтириш тенденцияларини уйғунлаштирди. Бироқ мазкур жараёнлар оддий либераллашув ёки чекловларни кучайтириш эмас, балки ҳаракатланишни тартибга солиш ва бошқарувнинг янада мураккаб, маълумотларга асосланган ва институционал жиҳатдан кўп босқичли моделини шакллантирди.

Хусусан, биометрик идентификация, рақамлаштириш ва маълумотлар инфратузилмасининг кенгайиши чегара назоратини анъанавий маъмурий амалиётлардан техник тизимларга кўчириб, ҳуқуқлардан фойдаланиш шартларини қайта белгиламоқда.

Шу билан бирга, минтақавий ва глобал миграция жараёнлари, иқтисодий ўзаро боғлиқлик ва хавфсизлик омиллари чегара сиёсатининг шаклланишига бевосита таъсир кўрсатмоқда. Бу ҳолат чегаранинг иккиламчи функциясини хавфсизликни таъминлаш ва ҳуқуқларни дифференциал тарзда тақсимлаш бир вақтнинг ўзида амалга оширишини кўрсатади.

Натижада, Ўзбекистон мисоли чегараларнинг замонавий эволюциясини тушунишда муҳим назарий аҳамият касб этади: у чегарани хавфсизлик, ҳаракат эркинлиги ва инсон ҳуқуқлари ўртасидаги мураккаб мувозанатни таъминловчи, доимий равишда қайта шаклланиб борувчи процессуал макон сифатида талқин қилиш имконини беради. Бу эса мамлакатнинг халқаро илмий майдондаги нуфузини мустаҳкамлаш билан бирга, глобал чегара тадқиқотлари ривожига салмоқли ҳисса қўшади.

Ушбу тадқиқотнинг эмпирик объекти чегара, хавфсизлик ва мигрантлар ҳуқуқларини инсон ҳаракатини тартибга солувчи ягона, ўзаро боғлиқ институционал тизимнинг ажралмас таркибий қисмлари

сифатида комплекс таҳлил қилишдан иборат. Ўзбекистон шароитида чегара оддий ажратувчи чизиқ эмас, балки бир вақтнинг ўзида тарихий ва замонавий мазмунга эга бўлган мураккаб ижтимоий-институционал конструкция сифатида намоён бўлади. У 1924 йилдаги маъмурий-ҳудудий тақсимот натижасида шаклланган тарихий мерос билан бир қаторда, бугунги кунда меҳнат миграцияси, савдо, транзит ва халқаро ҳимоя жараёнларини тартибга солувчи замонавий инфратузилма вазифасини ҳам бажаради.

Мазкур тарихий ва моддий қатламдорлик чегара маконини ўзига хос мураккаб ҳудудий конфигурациялар билан бойитади. Жумладан, анклавлар мавжудлиги чегарани таҳлил қилишда алоҳида илмий аҳамиятга эга бўлган кўпқиррали тадқиқот объектига айлантиради.

Шу асосда илмий муаммо қуйидагича шакллантирилади: Ўзбекистон тажрибаси глобал чегара тадқиқотлари нуқтаи назаридан давлатлар қандай қилиб чегарани бир вақтнинг ўзида ҳам хавфсизлик макони, ҳам ҳуқуқлар амалга ошириладиган макон сифатида шакллантирадиганини қандай намоён этади? Бу жараён, айниқса, биометрик технологиялар, ўзаро интеграциялашган маълумотлар базалари ва тезлаштирилган миграция бошқаруви каби рақамлаштириш амалиётларининг кучайиши шароитида янада долзарб аҳамият касб этади.

Мазкур ёндашувнинг назарий аҳамияти шундаки, у чегара тадқиқотларида устун бўлган евро-атлантик моделлар доирасидан чиқиб, Марказий Осиёни мустақил таҳлил майдони сифатида илгари суради. Бу ҳудудда чегара бошқаруви собиқ совет тизимига хос ҳаракатлар назорати мероси, анклавлар ва ҳудудий аралашувлар билан боғлиқ маҳаллий омиллар, айниқса Фарғона водийсидаги мураккаб ҳудудий тузилмалар ҳамда ташқи меҳнат миграциясига юқори даражада боғлиқлик каби омиллар таъсирида шаклланган.

Шу нуқтаи назардан, “хавфсизлик” тушунчаси фақат давлат функцияси сифатида эмас, балки сиёсий-ижтимоий конструкция

сифатида ҳам қаралиши лозим. Секьюритизация назариялари айрим миграция шаклларининг хавф сифатида қайта талқин этилиши орқали фавқулодда чораларнинг жорий қилиниши ва бошқарув механизмларининг кенгайишини тушунтириб беради. Бироқ бу ёндашув “bordering” ва “borderwork” концепциялари билан уйғун ҳолда қўлланилиши зарур, чунки улар чегарани ҳужжатлар, маъмурий категориялар, техник инфратузилмалар ва масофавий бошқарув амалиётлари орқали амалга ошириладиган тарқоқ, кўп босқичли жараён сифатида англаш имконини беради.

Замонавий чегаралар бўйича илмий адабиётлар таҳлили шуни кўрсатадики, XXI асрда чегара бошқарувини тушунишда давлат суверенитети ва инсон ҳуқуқларини ҳимоя қилиш ўртасидаги мувозанат асосий назарий мезон сифатида намоён бўлади. Шу маънода, чегара фақат тартибга солиш воситаси эмас, балки бошқарув ва инсон қадр-қиммати ўртасидаги фундаментал мувозанат қайта белгилаб бориладиган ижтимоий-сиёсий макон сифатида намоён бўлади.

Чегара тадқиқотлари доирасидаги замонавий ёндашувлар чегара институтларининг нафақат техник, балки сиёсий ва перформатив хусусиятга эгалигини таъкидлайди. Хусусан, деворлар ва тўсиқлар қурилиши орқали суверенитетнинг рамзий намоён қилиниши кузатилади, бу эса уларнинг амалий самарадорлигидан қатъи назар, хавфсизлик сиёсатининг намойишкорона шаклланишини англатади. Бироқ Марказий Осиё шароитида чегара бошқаруви давлат марказлашуви, ҳудудий баҳслар ва умумий ресурслардан фойдаланиш каби омиллар билан белгилангани сабабли, евроцентрик таҳлил моделларини қайта кўриб чиқиш заруратини юзага келтиради.

Постсовет маконидаги миграция жараёнлари таҳлиллари эса давлатлар ўртасидаги миграцион ўзаро боғлиқликни очиб беради. Бунда меҳнат миграциясига юқори даражада боғлиқ бўлган

мамлакатлар иқтисодий жиҳатдан қабул қилувчи давлатлар сиёсатига сезиларли даражада таъсирчан бўлиб қолади.

Шу билан бирга, замонавий тадқиқотлар чегараларни экологик ва ресурс омиллари билан боғлиқ ҳолда ҳам кўриб чиқмоқда. Хусусан, Фарғона водийси юқори аҳоли зичлиги, этник хилма-хиллик ва тарихий ноаниқ чегаралар туфайли мураккаб геосиёсий ва ижтимоий макон сифатида намоён бўлади. Иқлим ўзгариши, сув танқислиги ва ер ресурсларининг деградацияси каби омиллар эса ички ва трансчегаравий ҳаракатларни рағбатлантирувчи қўшимча факторлар сифатида аҳамият касб этади.

Сўнгги назарий ёндашувлар чегарани статик чизиқ эмас, балки “жараён” (bordering) ва “амалий фаолият” (borderwork) сифатида талқин қилишни таклиф этади. Бу ёндашув чегаранинг кундалик шаклланишида ҳужжатлар, маълумотлар базалари, маъмурий тартиблар ва техник инфратузилмалар ҳал қилувчи ўрин тутишини кўрсатади. Айни пайтда, секьюритизация назарияси айрим ҳаракат турларининг хавф сифатида қайта талқин қилиниши орқали бошқарув ва рақамли маълумотлар йиғиш тизимларининг кенгайишини тушунтиради. Бироқ техник имкониятларнинг ошиши инсон ҳуқуқларини автоматик равишда кафолатламайди.

Шу нуқтаи назардан, глобал чегара тадқиқотлари Марказий Осиё каби ҳудудларни периферия эмас, балки мавжуд назарий ёндашувларни бойитувчи мустақил илмий майдон сифатида кўришни тақозо этади. Айниқса, Фарғона водийси каби ҳудудлар чегаранинг кўп функцияли табиатини — суверенитет институти, ресурсларни бошқариш механизми, миграцияни тартибга солиш тизими ва давлат бошқаруви ҳамда инсон қадр-қиммати ўртасидаги музокара майдони сифатида — яққол намоён этади.

Методологик жиҳатдан тадқиқот кўп манбали ёндашувга асосланиб, миллий ва халқаро илмий адабиётлар, ҳуқуқий ҳужжатлар ва статистик маълумотларни комплекс таҳлил қилишни ўз ичига олади.

Ҳужжатли таҳлил, норматив қайта қуриш ва таққослама статистик усуллар орқали чегара сиёсатининг институционал ва амалий трансформациялари ўрганилади. Шу билан бирга, маълумотлар манбаларидаги айрим тафовутлар, жумладан, чиқиш тартибларига оид ислоҳотлар хронологиясидаги фарқлар, қўшимча эмпирик текширувларни талаб этади.

Умуман олганда, мазкур ёндашув Ўзбекистонни замонавий чегара бошқаруви, хавфсизлик ва инсон ҳуқуқлари ўртасидаги мураккаб ўзаро алоқаларни илмий жиҳатдан чуқур таҳлил қилиш имконини берувчи муҳим тадқиқот майдони сифатида намоён этади.

Айниқса, экологик ва иқлим омиллари билан боғлиқ миграция соҳасида халқаро ҳуқуқдаги мавжуд бўшлиқлар долзарб масала сифатида намоён бўлади. Амалдаги халқаро ҳимоя механизмлари бевосита экологик омиллар сабабли юзага келган кўчишларни қамраб олмагани сабабли, бу тоифадаги шахслар ҳуқуқий ҳимоядан четда қолиш хавфига дуч келмоқда. Бу ҳолат Марказий Осиё учун ҳам хос бўлиб, атроф-муҳит ўзгаришлари ва ресурслар танқислиги миграция жараёнларига бевосита таъсир кўрсатмоқда.

Ўзбекистон мисолида амалга оширилган маъмурий-ҳуқуқий ислоҳотлар, жумладан, чиқиш рухсатномаларини бекор қилиш ва биометрик паспорт тизимини жорий этиш, давлат бошқарувини соддалаштириш ва шаффофликни оширишга қаратилган муҳим қадамлар сифатида баҳоланади. Шу билан бирга, хорижий фуқаролар ва фуқаролиги бўлмаган шахсларнинг ҳуқуқий мақомини белгилашга оид замонавий қонунчилик нормалари халқаро ҳуқуқ тамойиллари билан уйғунлаштирилмоқда.

Бироқ рақамлаштириш ва биометрик идентификация тизимларининг кенгайиши бошқарув механизмларининг янада мураккаблашувига олиб келмоқда. Бу эса процессуал кафолатларни ахборотдан фойдаланиш, маълумотларни тўғрилаш, шикоят қилиш ва

мустақил бошқарув механизмларини кучайтириш заруратини кескин оширади.

Чегара сиёсатининг амалий ривожланиши Ўзбекистонда минтақавий ҳамкорлик ва прагматик ёндашув асосида амалга оширилмоқда. Чегараларни делимитация ва демаркация қилиш, назорат пунктларини қайта очиш, транспорт ва савдо алоқаларини тиклаш ҳамда логистика инфратузилмасини ривожлантириш орқали мамлакат минтақавий интеграцияни мустаҳкамлашга интилмоқда. Шу билан бирга, халқаро транспорт йўлаклари ва транзит салоҳиятини ривожлантириш Ўзбекистонни Марказий ва Жанубий Осиёни боғловчи стратегик марказ сифатида шакллантирмоқда.

Мигрантлар ҳуқуқларига таъсир нуқтаи назаридан қаралганда, хавфсизликка йўналтирилган сиёсатлар ва рақамли бошқарув тизимлари маъмурий жараёнларни соддалаштиради. Шу боис, чегараларнинг “маълумотлашган” табиати уларни ахлоқий ва ҳуқуқий жиҳатдан тартибга солиш масаласини долзарб қилиб қўяди.

Шу билан бирга, чегаралар ресурслар бошқаруви, айниқса сув ва ер муносабатлари билан узвий боғлиқ бўлиб, Фарғона водийси каби ҳудудларда бу омиллар хавфсизлик ва миграция сиёсатининг ажралмас қисмига айланади. Бу ҳолат чегарани фақат назорат объекти эмас, балки ижтимоий-экологик тизим сифатида кўриш зарурлигини кўрсатади.

Тадқиқот натижалари давлат сиёсатини такомиллаштириш учун бир қатор устувор йўналишларни белгилайди. Жумладан, ҳуқуқий базанинг шаффофлигини таъминлаш, рақамли тизимлар устидан самарали бошқарув механизмларини жорий этиш, инсон хавфсизлигига йўналтирилган ёндашувни кучайтириш, меҳнат миграциясида халқаро ҳамкорликни институционаллаштириш ҳамда экологик омилларни ҳисобга олган ҳолда интеграциялашган сиёсат юритиш муҳим аҳамият касб этади. Шунингдек, миграция маълумотларини шакллантириш ва улардан фойдаланиш

жараёнларининг очиқлиги илмий ва амалий жиҳатдан устувор вазифалардан бири ҳисобланади.

Хулоса сифатида таъкидлаш жоизки, Ўзбекистон мисоли чегарани кўп функцияли ва кўпқиррали тизим сифатида намоён этади. У бир вақтнинг ўзида тарихий мерос, маъмурий ислоҳот объекти, хавфсизлик механизми ва иқтисодий-миграцион жараёнларни тартибга солувчи институт сифатида фаолият юритади. Бу ҳолат чегарани “ёпиқ” ёки “очиқ” тизим сифатида эмас, балки хавфсизлик, масъулият ва инсон ҳуқуқлари ўртасидаги мураккаб мувозанатни таъминловчи динамик бошқарув макони сифатида талқин қилиш зарурлигини кўрсатади.

Шу тариқа, мазкур тадқиқот глобал чегара тадқиқотлари доирасида Ўзбекистоннинг илмий аҳамиятини мустаҳкамлаб, уни замонавий чегара сиёсатининг инновацион ва мураккаб моделларини таҳлил қилишда муҳим масала сифатида намоён этади.

Хулоса ўрнида шуни алоҳида қайд этиш зарурки, Ўзбекистоннинг замонавий чегара бошқаруви тажрибаси глобал илмий доиралар учун чегараларни бинар (“очиқ-ёпиқ”) категориялар доирасида эмас, балки поливалент ва динамик транзакцион макон сифатида талқин қилишнинг янги эпистемологик уфқларини очади. Рақамли бошқарув, биометрик идентификация ва минтақавий прагматизмга асосланган ҳозирги чегара режимлари давлатнинг хавфсизликни таъминлашдаги эксклюзив ҳуқуқи ва мигрантларнинг процессуал кафолатларига бўлган эҳтиёжи ўртасидаги мураккаб синтезнинг яққол ифодасидир. Бинобарин, экологик детерминантлар ва тарихий-ҳудудий асимметрияларни ҳисобга олган ҳолда шакллантирилаётган ушбу янги бошқарув модели Марказий Осиёни периферик кузатув объектидан глобал миграция ва чегара тадқиқотларининг фундаментал назарияларини бойитувчи муҳим геостратегик ҳамда илмий-эмпирик марказга айлантиради.

ИСРАИЛОВ ДИЛШОД ШАВКАТОВИЧ
Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академиясининг мустақил изланувчиси, ю.ф.ф.д. (PhD), доцент

БОЛАЛАРГА НИСБАТАН КИБЕРБУЛЛИНГНИ ОЛДИНИ ОЛИШ МАСАЛАЛАРИ

Аннотация: *Мазкур мақолада болаларга нисбатан кибербуллингнинг мазмун-моҳияти, унинг психологик ва ҳуқуқий жиҳатлари, келиб чиқиш сабаблари ҳамда салбий оқибатлари таҳлил қилинган. Шунингдек, интернет ва ижтимоий тармоқлар орқали амалга ошириладиган рақамли зўравонликнинг хусусиятлари ёритилиб, кибербуллингнинг олдини олиш бўйича таълим муассасалари, ота-оналар ва жамиятнинг ўрни ҳамда профилактик чора-тадбирлар бўйича таклифлар илгари сурилган.*

Аннотация: *В данной статье анализируются сущность кибербуллинга в отношении детей, его психологические и правовые аспекты, причины возникновения и негативные последствия. Также рассматриваются особенности цифрового насилия, осуществляемого через интернет и социальные сети, и предлагаются профилактические меры по противодействию кибербуллингу с акцентом на роль образовательных учреждений, родителей и общества.*

Annotation: *This article analyzes the essence of cyberbullying against children, its psychological and legal aspects, causes, and negative consequences. The study also examines the specific features of digital violence carried out through the Internet and social networks, and proposes preventive measures aimed at combating cyberbullying, emphasizing the role of educational institutions, parents, and society.*

Калит сўзлари: *кибербуллинг, болалар ҳуқуқлари, рақамли зўравонлик, интернет хавфсизлиги, профилактика, руҳий зўравонлик, таълим муассасаси, ижтимоий тармоқлар, ҳуқуқий ҳимоя, онлайн таҳдид.*

Ключевые слова: *кибербуллинг, права детей, цифровое насилие, интернет-безопасность, профилактика, психологическое насилие, образовательные учреждения, социальные сети, правовая защита, онлайн-угрозы.*

Keywords: *cyberbullying, children's rights, digital violence, internet safety, prevention, psychological violence, educational institutions, social networks, legal protection, online threats.*

Маълумки, бугунги кунда ёш авлод онги ва қалбига сингдириш, уларни турли салбий иллатлардан ҳуқуқий ҳимоя қилишни ва улар ҳуқуқларини таъминлашни амалий фаолият дастурига айлантириш вазифаларини амалга ошириш билан боғлиқ бўлиб, бунинг ҳуқуқий механизмини такомиллаштиришнинг ўрни муҳимдир.

Зеро, ёш авлодни ҳар томонлама баркамол шахс сифатида шакллантириш ва уларнинг ҳуқуқларини ҳар томонлама таъминлаш, бунда турли субъектларнинг ролини ошириш, ҳозирги замон тараққиётининг асосий хусусиятларини чуқурроқ ўрганиш, миллий қадриятларни асраш ва келгуси авлодларга етказиб бериш каби муҳим масалалар ечими билан узвий алоқадордир. Шу боисдан ҳам баркамол шахс тарбияси жамиятда асрлар давомида муҳим ҳаётий ва ижтимоий муаммо сифатида қараб келинганлиги бежиз эмас.

Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2026 йил 3 мартдаги ПФ-33-сонли "Аёллар ва болалар ҳуқуқларининг ҳимоясини кучайтириш ҳамда уларга нисбатан тазйиқ ва зўравонлик ҳолатларининг олдини олиш бўйича қўшимча ташкилий-ҳуқуқий чоралар тўғрисида" ги фармонининг 19-банди "а" кичик бандида Адлия вазирлигига Бош прокуратура, Ижтимоий ҳимоя миллий агентлиги, Ички ишлар вазирлиги, Оила ва хотин-қизлар қўмитаси ҳамда Олий Мажлиснинг Инсон ҳуқуқлари бўйича вакили (Омбудсман) билан биргаликда аёллар ва болаларнинг ҳуқуқларини ҳимоя қилиш бўйича халқаро стандартлар ва илғор хорижий амалиётни ўрганган ҳолда Интернет ёки ижтимоий тармоқларда содир этиладиган зўравонлик (киберзўравонлик) учун қонунчиликда жавобгарлик белгилаш бўйича таклифлар тайёрлаш вазифаси белгиланган.

Болалар ва ўсмирларга нисбатан кибербуллинг муаммоси аллақачон хорижий ва рус тилида сўзлашувчи фанларда сезиларли

даражада ёритилган, бироқ унинг ривожланиш даражаси бир хил эмас. Кибербуллингнинг психологик, педагогик, социологик ва тиббий-ижтимоий жиҳатлари: унинг сабаблари, намоён бўлиш шакллари, хавф омиллари, вояга етмаганларнинг руҳий саломатлиги учун оқибатлари, шунингдек, оила ва мактаб даражасидаги профилактика чоралари тўлиқ ўрганилган. Шу билан бирга, айнан кибербуллингни квалификация қилиш, криминаллаштириш чегаралари, исботлаш хусусиятлари ва жазо тайинлаш билан боғлиқ жиноят-ҳуқуқий масалалар анча суст ишлаб чиқилган.

Бу, айниқса, рақамли тажовуз кўпинча интизомий, фуқаролик-ҳуқуқий, маъмурий ва жиноий жавобгарлик чорраҳасида жойлашган мактаб муҳитига нисбатан яққол кўзга ташланади[1].

Қонунга кўра, таъқиб қилиш (буллинг*)* — бир гуруҳ болалар ёки битта бола томонидан бошқа болага ёки болаларга нисбатан ҳақоратли лақаблардан фойдаланиши, у билан ҳар қандай мулоқотни рад этиши, унинг мулкини тортиб олиши ва зарар етказиши, жисмоний, руҳий ёки ақлий хусусиятларини омма олдида муҳокама қилиши, шаъни ва қадр-қимматини камситиши ёки соғлиғи ва ҳаётига зарар етказиши, шу жумладан, интернет орқали амалга ошириладиган узоқ муддатли руҳий ва жисмоний тажовузкор таъсир ўтказишидир.

Буллинг (bullying - инглизча таъқиб, зўравонлик) руҳий ва жисмоний зўравонликнинг кўриниши бўлиб, мунтазам равишда такрорланиб турадиган шахсга, жамоа аъзоларидан бирига (айниқса, мактаб ўқувчиси, талаба, ҳамкасб) бошқа шахс томонидан (бир гуруҳ шахслар томонидан) қасддан зарар етказишдир. Буллинг муайян шахс томонидан, бир гуруҳ шахслар томонидан, жамоада раҳбар томонидан, ҳамкасблар томонидан уюштирилиши мумкин. Буллинг қурбонга

[1] Makarova E.A. Psihologicheskie osobennosti kiberbullinga kak formy internet-prestuplenija [Psychological features of cyberbullying as a form of Internet crime] / E.A. Makarova, E.L. Makarova, E.A. Mahrina // Rossijskij psihologicheskij zhurnal [Russian Psychological Journal]. — 2016. — № 3. — P. 293–311

ўзига нисбатан зўравонликни тўхтатишига имкон бермайдиган кучлар тенгсизлигини назарда тутувчи ҳаракатдир.

Буллинг (инглиз тилидаги bullying сўзидан олинган бўлиб, bully – урушқоқ, безори, жиғига тегувчи, қўрс, зўравон) – бу бир шахс томонидан ўзини ҳимоялай олмайдиган бошқа шахсга нисбатан юқорида баён қилинган зўравонлик ва таҳқирлашнинг ҳар хил турлари такрорланувчи актидир.

Буллинг жинс, ёш, насл-насаб, ирқ, миллий мансубликдан қатъи назар ижтимоий гуруҳларда ўзини намоён қилади. Безориликнинг махсус шакли сифатида буллинг жамоавий безорилик (жамоавий буллинг), жамоанинг айрим гуруҳлари томонидан (микросоциум буллинги), мактабда ўқитувчилар ёки ўқувчилар томонидан (мактаб буллинги, болалар буллинги), иш берувчи томонидан (моббинг), интернет, ижтимоий тармоқлар, электрон почта, СМС орқали безорилик (кибербуллинг), муайян ижтимоий гуруҳга қабул қилинишда таҳқирлаш (хейзинг (инг л. hazing – таҳқирлаш)) шаклида содир этилиши мумкин. Армиядаги хейзинг буллингнинг бир туридир[1].

Буллинг қачонки жисмоний имкониятлари бир хил бўлган икки ўқувчи кўпинча баҳслашганида ёки курашганида, қачонки гижгижлаш дўстона ва ўйин шаклида амалга оширилганида содир бўлмайди. Буллинг ҳамиша жабрдийдага зарар етказиш, унда қўрқув уйғотиш, тушкунликка тушириш, камситиш, бўйсундириш мақсадини кўзлайди.

Таълим муассасаларида буллинг тенгдошлар орасида учрайди ва кўпинча анча катта ёшдаги ўқувчилар томонидан кичик ёшдаги ўқувчиларга нисбатан содир этилади. Ташкилот ходимлари ҳамкасблари ёки раҳбарият томонидан буллингга дучор қилинишлари мумкин.

[1] И. С. Кон. Школьное насилие: буллинг и хейзинг // Мальчик — отец мужчины. — М.: Время, 2010.— ISBN 978-5-9691-0527-0.

Буллинг ҳеч қачон ўз-ўзидан тўхтамайди: ҳар доим жабрдийдага, буллинг ташаббускори (дилозор)га ва гувоҳларга ёрдам ва ҳимоя талаб қилинади. Буллинг турлича намоён бўлади[1].

Кибербуллинг – бу рақамли технологиялар орқали амалга ошириладиган зўравонликнинг бир тури. Интернет, ижтимоий тармоқлар, хабар алмашиш иловалари орқали одамларни қўрқитиш, ҳақорат қилиш, шантаж қилиш ёки обрўсизлантиришга қаратилган ҳар қандай ҳаракат кибербуллинг ҳисобланади. Бу кўпинча интернет ёки мобил алоқа воситаларидаги хабар алмашиш платформаларида юз беради[2].

Кибербуллинг – бу рақамли дунёдаги жиддий муаммо. Унга қарши курашиш учун жамиятнинг барча аъзолари – ота-оналар, ўқитувчилар, ҳуқуқни муҳофаза қилиш органлари, ижтимоий тармоқлар ва фойдаланувчилар биргаликда ҳаракат қилишлари керак. Фақат шу йўл билан рақамли маконни хавфсиз ва қулай жойга айлантира олиш мумкин.

Бизнинг фикримизча, бу ҳодисани энг тўлиқроқ очиб берувчи тадқиқотчилар Ж.В.Патчин, С.Ҳиндужа кибербуллингни ўзини ҳимоя қила олмайдиган шахсга қарши ижтимоий тармоқларда турли замонавий техник электрон воситалардан фойдаланган ҳолда қасддан, доимий (такрорий) тажовузкор хатти-ҳаракатлар деб тушунади.

Улар кибербуллингнинг (анъанавий безорилик, баҳс-мунозара, масхара қилишдан фарқли ўлароқ) хусусиятларини таъкидлайдилар, масалан 1) қасддан безорилик; 2) зарарли таъсир (мақсад қўрқитиш); 3) доимий такрорлаш (безорилик кунига 24 соат, ҳафтада 7 кун давом этиши мумкин). Кибербуллинг ва анъанавий безорилик ўртасидаги яна бир фарқ шундаки, онлайн безориликнинг чегараси йўқ. Олимларнинг таъкидлашича, кибербуллинг кўпинча аноним (жабрланувчи ҳар доим

[1] Зинцова, А.С. Социальная профилактика кибербуллинга / А.С. Зинцова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского – 2014. – № 3. – С. 122-128.
[2] https://www.ishonch.uz/news/kiberzravonlik-raamli-dunda-imolan

ҳам ўз жиноятчисини билмайди), вирус тарқалиши (қисқа вақт ичида кўп одамларни қамраб олади), жабрланувчига оғир азоб-уқубатларни келтириб чиқаради.

Ушбу ҳодисанинг аноним табиати тажовузкорнинг масъулиятини камайтиради, олиб ташлайди, у виртуал маконда «юзма-юз» айта олмайдиган ёки қилиб билмайдиган нарсани айтади ёки қилади. Бундан ташқари, анъанавий безориликда безорилар ўзларининг хатти-ҳаракатлари жабрланувчига қандай таъсир қилишини кузатиши мумкин. Онлайн зўравонлик билан безовталанувчи ўз ҳаракатларининг натижасини, жабрланувчининг азобини “кўрмайди” ва зўравонлик нишонининг барча оқибатларини ҳисобга олмайди.

Шунинг учун, бу тажовузкорнинг минимал эмпатиясига ва унинг жабрланувчидан ажралишига олиб келиши мумкин. Кибербуллинг ҳеч қандай ўзига хос фазилатларни, масалан, офлайн зўравонлик учун зарур бўлган жисмоний кучни талаб қилмайди. Онлайн зўравонликка жалб қилинган ўқувчи-ёшлар ёши, жисмоний тури, гуруҳдаги рейтинги ва бошқалар бўйича фарқ қилмаслиги мумкин, аммо турли даражадаги техник маҳоратга эга ўқувчилар бошқаларга таъсир қилиш қобилиятига эга деб қаралиши мумкин. Бу факт Интернетдаги безорилик ҳолатига таъқибчиларнинг катта қисмини жалб қилишга ёрдам беради.

Юқоридагилардан келиб чиққан ҳолда, шуни таъкидлаш керакки, онлайн безориликнинг аноним хусусияти туфайли тажовузкор жабрланувчини кузатиб бўлмайди ва тўхтатиб бўлмаслигини билиб, унинг руҳий саломатлигига тузатиб бўлмайдиган зарар этказади. Жабрланувчи ўзини заиф, ёлғиз ва кучсиз ҳис қилади.

Шундай қилиб, кибербуллинг деярли ҳамма жойда (техник қурилма ва Интернетга киришнинг ўзи кифоя), исталган вақтда ва доимий равишда амалга оширилиши мумкин.Кибербуллинг тажовузкорнинг Интернет маконида турли хил ҳаракатлари орқали амалга оширилади: миш-мишлар, шахс ҳақида ёлғон маълумотлар,

ҳақоратли шарҳлар, такрорий ҳақоратомуз хабарлар, таҳдидли хабарлар, шу жумладан оила аъзоларига, жамоалардан чиқариб ташлаш, шахсий маълумотларни ўғирлаш. ва уларни Интернетда тарқатиш, унинг рухсатисиз бошқа шахснинг махфий маълумотларини, интим фотосуратларини тарқатиш учун кўп сонли одамлар иштирокидаги кучли эмоционал фикр алмашиш.

Ушбу салбий ҳаракатларни амалга ошириш учун электрон почта, чатлар, ижтимоий тармоқ сайтлари, веб-саҳифалар, фотосуратлар, видеолар, онлайн ўйинлар ва бошқалар ишлатилади. Кибербуллинг жабрланувчига салбий таъсир кўрсатади, масалан, ўз-ўзини ҳурмат қилишни пасайтириш, депрессияни кучайтириш ва кучсизлик ҳиссини келтириб чиқариш. Онлайн зўравонликни бошдан кечирган ўқувчилар умидсизлик, ғазаб, норозилик, ташвиш ва ижтимоий изоляцияни бошдан кечирадилар.

Олиб борилган кузатиш ва таҳлиллар шуни кўрсатадики, онлайн безорилик ва ўзини паст баҳо, оиладаги муаммолар, ўқув натижаларининг пасайиши, мактабдаги зўравонлик ва турли хил жиноий хатти-ҳаракатлар ўртасидаги боғлиқликни кўрсатади ва нафақат ўқувчи қурбонлари, балки ўқувчи тажовузкорлари ҳам муаммоларга дуч келишади. Кибербуллинг ахборот ва коммуникация технологияларидан қасддан, алоҳида шахснинг ёки шахслар гуруҳининг бошқаларга зарар етказишга қаратилган такрорий ва душманона хатти-ҳаракатлари.

Кибербуллингни бошдан кечирган ўқувчиларнинг 60% дан ортиғи салбий тажриба уларнинг ўрганиш ва мактабда ўзини хавфсиз ҳис қилиш қобилиятига сезиларли таъсир кўрсатди. Мактабда ёки Интернетда таҳқирланган ўрта ва ўрта мактаб ўқувчилари ўз жонига қасд қилиш фикрлари ва ниятлари ҳақида кўпроқ хабар беришган.

Бироқ, тадқиқотчиларнинг таъкидлашича, кибербуллинг қурбони бўлиш мактабдаги зўравонлик қурбонига қараганда ўз жонига қасд қилиш фикрлари ва хатти-ҳаракатлари билан кўпроқ боғлиқдир.

Шундай қилиб, ўқувчи қурбонлари нафақат психологик ва хулқ-атвор билан боғлиқ муаммоларга дуч келишади, балки ўқувчи тажовузкорлари ҳам ушбу ҳодисанинг оқибатларидан азият чекишади ва хатти-ҳаракатларнинг оғишлари ва руҳий саломатлик муаммолари хавфи остидадирлар.

Онлайн зўравонлик мактаб ҳудудидан ташқарида содир бўлишига қарамай, бу ижтимоий мослашувга ва ўқувчи шахсининг деформациясига ёрдам беради ва жабрланувчилар учун жиддий оқибатларга олиб келиши мумкин.

Юқоридагиларга асосланиб, биз кибербуллингга қарши курашиш учун қуйидаги стратегияларни ишлаб чиқиш лозим:

1.Ўқитувчилар ва психологлар учун: мактабда қулай муҳит яратиш, безорилик/кибербуллинг ҳолатларини аниқлаш, жабрланганларга психологик ва педагогик ёрдам кўрсатиш; ўқувчилар ва ота-оналарга кибербуллинг ва Интернетда ўзини тутиш қоидалари тўғрисидаги маълумотларни тарқатиш ва тушунтиришга қаратилган маърифий тадбирларни ўтказиш. Онлайн зўравонликка қарши тура оладиган ва жабрланувчига ёрдам берадиган гувоҳларга алоҳида эътибор қаратиш лозим.

Тадқиқотлар шуни кўрсатдики, безовта қилувчиларнинг тажовузкор ҳаракатларини тўхтатиш учун энг кўп аралашадиганлар, юқори эмпатияга эга, тенгдошлари томонидан ёқтириладиган ва ота-оналари, ўқитувчилари ва мактаблари билан ижобий муносабатларга эга бўлган қизлардир.

2. Ота-оналар учун: Ота-оналар фарзандлари билан ҳиссий қабул қилиш, ишонч, қўллаб-қувватлаш ва ҳоказо муносабатларни ўрнатишга ёрдам беришлари керак. Ҳар бир ота-она ўз фарзандларининг интернетдаги фаолиятини кузатиши ва уларга кибербуллингдан эҳтиёт чораларини кўришга ўргатиши керак. Онлайн зўравонликнинг биринчи белгилари сезилганда, кирувчи таркибни олиб ташлаш сўрови билан дарҳол жамият ёки веб-сайт маъмурига

мурожаат қилиш керак. Бундан ташқари, ота-оналар фарзандларини ушбу салбий ҳодисанинг оқибатлари ҳақида хабардор қилишлари керак.

3. Ўқувчилар учун: шубҳали хабарларга жавоб бериш керак эмас, шахсий профили учун юқори даражада ҳимояланган паролларга эга бўлиш лозим, шахсий маълумотларни узатиш / нашр қилиш керак эмас, тажовузкордан сақланиш керак.

Юқоридагиларни умумлаштириб, қуйидаги хулосага келдик: биринчидан, сўнгги йилларда мамлакатимизда, жумладан, таълим муҳитида ўқувчилар ўртасида кибербуллинг ҳолатлари сезиларли даражада кўпайди.

Шу муносабат билан, таълим ташкилотининг барча субъектлари (психологлар, ўқитувчилар, ота-оналар, талабалар учун) учун кибербуллингга қарши курашиш стратегияларини ишлаб чиқиш зарурати мавжуд;

иккинчидан, ўқитувчилардан жисмоний ва руҳий хавфсизлик ҳиссини сақлаб қолиш учун қулай мактаб муҳитини яратишни талаб қилади;

учинчидан, ўқувчилар ўртасида безорилик/кибербуллинг ҳолатларини ўз вақтида аниқлаш ва салбий оқибатларнинг олдини олиш чораларини кўришга алоҳида эътибор қаратиш зарур;

тўртинчидан, профилактика дастурида ушбу ҳодисаларни тушунтиришга қаратилган таълим тадбирлари бўлиши керак.

Бундан ташқари, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2026 йил 3 мартдаги ПФ-33-сонли фармонининг 19-бандида белгиланган вазифалар асосида тайёрланган Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодексига янги модда киритиш таклиф қилинмоқда:

141²-модда. Кибербуллинг

1. Кибербуллинг, яъни ахборот-коммуникация технологиялари, Интернет жаҳон ахборот тармоғи, ижтимоий тармоқлар, мессенжерлар ёки бошқа рақамли платформалар орқали шахсни мунтазам равишда

ҳақорат қилиш, камситиш, таъқиб қилиш, қўрқитиш, обрўсизлантириш, у ҳақда ҳақиқатга тўғри келмайдиган ёки шахсий ҳаётига оид маълумотларни тарқатиш ёхуд тарқатиш билан таҳдид қилиш, агар ушбу ҳаракатлар жабрланувчининг шаъни, қадр-қиммати, руҳий ҳолати ёки ижтимоий ҳаётига жиддий зарар етказса, —

базавий ҳисоблаш миқдорининг эллик бараваридан юз бараваригача миқдорда жарима ёки уч юз соатгача мажбурий жамоат ишлари ёхуд икки йилгача ахлоқ тузатиш ишлари билан жазоланади.

2. Ўша ҳаракатлар:

а) вояга етмаган шахсга нисбатан;

б) бир гуруҳ шахслар томонидан;

в) шахснинг хизмат, ўқиш ёки оилавий аҳволига боғлиқ ҳолда;

г) жабрланувчининг шахсий фотосуратлари, видеолари ёкишахсий ёзишмаларини тарқатиш орқали;

д) такроран ёки хавфли рецидивист томонидан содир этилган бўлса, —

базавий ҳисоблаш миқдорининг юз бараваридан уч юз бараваригача миқдорда жарима ёки уч йилгача озодликни чеклаш ёхуд уч йилгача озодликдан маҳрум қилиш билан жазоланади.

3. Ушбу модданинг биринчи ёки иккинчи қисмида назарда тутилган ҳаракатлар ўн тўрт ёшга тўлмаган шахсга нисбатан содир этилган бўлса, —

уч йилдан беш йилгача озодликни чеклаш ёки уч йилдан беш йилгача озодликдан маҳрум қилиш билан жазоланади.

4. Ушбу моддада назарда тутилган ҳаракатлар эҳтиётсизлик орқасида жабрланувчининг ўлимига ёки бошқа оғир оқибатларга сабаб бўлса, —

беш йилдан саккиз йилгача озодликдан маҳрум қилиш билан жазоланади.

Изоҳ. Ушбу моддада “ахборот-коммуникация технологиялари” деганда Интернет тармоғи, ижтимоий тармоқлар, мессенжерлар,

электрон почта, форумлар, онлайн ўйин платформалари, веб-сайтлар ва бошқа рақамли алоқа воситалари тушунилади.

Кибербуллинг учун жиноий жавобгарлик, агар қилмишда оғирроқ жиноят аломатлари мавжуд бўлмаса, қўлланилади.

КАМИЛОВ ДАВРОН ЗАФАРОВИЧ
Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси
фалсафа фанлари бўйича фалсафа
доктори (PhD), доцент

ИЖТИМОИЙ ВОҚЕЛИКНИ МЕТОДОЛОГИК ҚАЙТА АНГЛАШДА СИНКРЕТИК ФАЛСАФИЙ ТАФАККУРНИНГ ЭВРИСТИК ФУНКЦИЯСИ

Замонавий жамиятдаги ижтимоий-сиёсий жараён кескинлашаётган шароитда воқеликнинг анъанавий монопарадигмал ёндашувлари бир ёқлама хусусият касб этмоқда. Шу боис, бу жараёнларнинг зиддиятларини аниқлаш, моҳиятини билиш мақсадида синкретик фалсафий тафаккурнинг эвристик функциясидан фойдаланиш ижтимоий борлиқнинг кўп ўлчовли ва ночизиқли динамикасини яхлит назарий асослашга эҳтиёж сезилди. Зеро, айнан синкретик ёндашув мазкур жараёнда ижтимоий тажрибанинг турли қатламларини, жумладан, эмпирик билимлар, мафкуравий жараёнлар ва қадриятларни ягона методологик тизим доирасида мувофиқлаштирувчи когнитив механизм сифатида намоён этмоқда. Бу эса жамият трансформациясини назарий жиҳатдан деконструкция қилиш, мавжуд воқеликларни қайта англаш ҳамда янги ижтимоий маъно яратиш ва эвристик талқинларни шакллантиришга хизмат қилади.

Шуни алоҳида таъкидлаш лозимки, ижтимоий воқеликнинг кўп қатламли зиддиятларини англашда классик рационаллик моделларининг эвристик турғунликка учраши бевосита методологик ригидлик, яъни ўзгармаслик феномени орқали концептуал тавсифланади. Ушбу ригидлик янгиланаётган ижтимоий динамикани

эскирган қолиплар доирасида талқин қилишга уриниш натижасида шаклланиб, тафаккурнинг воқеликдан узилишига сабаб бўлади.

Бизнинг фикримизча, эвристик янгиланиш ва ижтимоий жараёнларни қайта англаш феномени, аввало, зиддиятли вазиятларда ўзининг энг юқори нуқтасига кўтарилади. Зиддиятсиз ҳолатларда тафаккур ўз инерцияси бўйича ҳаракат қилса, инқирозли вазиятларда синкретизм "эвристик портлаш" катализатори сифатида намоён бўлади. Айнан мажбурий зиддиятлар экзистенциал инқирозлар шароитида тафаккур бир-бирини инкор этувчи унсурларни ягона функционал тизимга интеграция қилиш орқали ностандарт ечимларни ишлаб чиқишга йўналтирилади. Шу боис, синкретик эвристика тафаккурнинг ижтимоий хаос ва зиддиятларга нисбатан намоён этган конструктив-ижодий реакцияси деб баҳолаш мумкин. Бунда синкретизм эклектикадан фарқли ўлароқ, элементларни механик тарзда бирлаштириш билан чекланмай, балки уларни субъектнинг эҳтиёж ва манфаатларига мувофиқ муайян функционал мантиқий изчиллик асосида боғланган тизимга айлантиради.

Синкретик тафаккурнинг конструктив моҳиятини ва унинг билиш жараёнидаги ўрнини қуйидаги иккита асосий модус орқали тавсифлаш мақсадга мувофиқдир**:**

биринчи модус – "функционал синкретизм" бўлиб, у онгнинг мураккаб ва ноаниқ вазиятларга мослашишга ҳамда пайдо бўган муаммони қисқа вақт оралиғида ҳал этишга қаратилган адаптив стратегияси сифатида намоён бўлади. Бундай ҳолатда субъект синкретлашув жараёнида хаос ва экзистенциал инқирозни бартараф этишга, тизим барқарорлигини сақлаб қолишга мўлжалланган тезкор фикрлаш моделига мурожаат қилади. Мазкур модуснинг асосий гносеологик вазифаси тўлиқ прагматик зарурат асосида воқеликнинг минимал, аммо амалий "ишчи модели"ни яратишдан иборатдир;

иккинчи модус – "лойиҳавий синкретизм" бўлиб, унда субъект мавжуд ижтимоий ва маънавий тизимларнинг анъанавий мазмунини

онгли равишда қайта баҳолайди, унинг таркибий қисмларига янги эвристик маънолар юклайди. Мазкур модус мавжуд тизимни трансформатив қайта лойиҳалаш ва мақсадли реинтерпретация қилиш хусусияти билан ажралиб туради. Шу жиҳатдан, лойиҳавий синкретизмни тафаккур эволюцияси занжиридаги янги парадигмаларни шакллантирувчи муҳим синтез олди ҳолатидир, деб баҳолаш мумкин.

Бу жараёнда синкретик тафаккур модусларининг ижтимоий воқеликда намоён бўлиши бевосита вазиятнинг мураккаблик ва ноаниқлик даражаси билан боғлиқ. Хусусан “функционал синкретизм” модусини объектив реалликдаги яққол ифодасини дастлаб микро даражада, индивидуал-когнитив миқёсда – инсон ва юқори алгоритмик тизимга эга компьютер шахмат дастурлари ўртасидаги ўйинлар мисолида кузатиш мумкин. Ушбу фикримизни 2002 йил гроссмейстер Владимир Крамник сониясига 3-8 миллион позицияни таҳлил қилувчи “Deep Fritz 7” шахмат дастурига қарши дуранг қайд этгани[1], 2003 йил Гарри Каспаров сониясига 5-12 миллион позицияни ҳисобловчи “Deep Junior” дастури билан ўтказилган баҳсда умумий ҳисобда дуранг натижаси[2], 2023 йил Хикару Накамуранинг сониясига ўн миллионлаб вариантларни баҳолайдиган замонавий нейрон тармоқ асосида ишловчи шахмат дастури билан дурангга эришгани[3] ҳақидаги маълумотлар асосида исботлаш мумкин.

АҚШлик математик Клод Шеннон шахмат ўйинининг дарахтсимон мураккаблиги ҳисоблаб “Бошаланғич позициядан ҳисобланиши керак бўлган вариантлар сони тахминан 10^{120} ни ташкил

[1] Fritz Defends to Draw Game 8 and the Match! Final Score: 4-4 // ChessBase. – 2003. – URL: https://en.chessbase.com/post/fritz-defends-to-draw-game-8-and-the-match-final-score-4-4 (мурожаат қилинган сана: 30.03.2026).

[2] Kasparov ties man vs machine chess series // ABC News. – 2003. – URL: https://www.abc.net.au/news/2003-11-19/kasparov-ties-man-vs-machine-chess-series/1511140 (мурожаат қилинган сана: 30.03.2026).

[3] Man versus machine: when Garry Kasparov met his match // Financial Times. – 2021. – URL: https://www.ft.com/content/d152fd54-8d56-4988-b42b-9e656dd8adf0 (мурожаат қилинган сана: 30.03.2026).

этади. Агар машина ҳар бир вариантни бир микросекундда ҳисоблай олса ҳам, биринчи юришни аниқлаш учун 10^{90} йилдан ортиқ вақт талаб қилинади”[1], деб қайд этган. Бироқ, шуни ҳам алоҳида таъкидлаш лозимки, гносеологик ва когнитив нуқтаи назардан инсон миясининг ҳисоблаш тезлиги мураккаб шахмат дастурларига тенг эмас ва барча эҳтимолий юришларни аввал алгоритмик тарзда тўлиқ таҳлил қилиш имконсиз бўлиб, айнан мана шундай ўта ноаниқлик ва ахборот кўплиги (индетерминизм) шароитида инсонда функционал синкретизм шаклланади. Демак, инсон барча вариантларни аввалдан ҳисоблаш имконига эга бўлмаган шароитда эвристик тафаккур ва позицион интуиция воситасида тезда воқеликнинг минимал “ишчи моделини” яратади ҳамда тизим мувозанатини таъминлашга интилади. Ушбу жараёнда фақат юқори малакали гроссмейстерларгина машинага қарши тенг кураш олиб бора олиши касбий фаолият ва тажрибанинг нақадар муҳим омил эканлигини намоён этади. Бу жараёнда тажриба шунчаки пассив ахборот базаси эмас, балки мураккаб вазиятларда энг мақбул ечимни тезкор сараловчи мослашувчан механизм вазифасини бажаради. Демак, функционал синкретизм ҳолатида тафаккур қарор қабул қилишнинг алгоритмик миқдорига эмас, балки вазиятнинг сифат кўрсаткичларига, яъни ёндошувнинг моҳиятига таянади. Тафаккурнинг мазкур трансформатив ва эвристик табиати унинг анъанавий, қатъий-рационал моделлар асосида шаклланмаслигини намоён этади. Бу ҳолат замонавий когнитив тадқиқотлар, хусусан, Г. Гигерензер ва Р. Хертвиг каби олимларнинг илмий ёндашувларида ҳам ўз тасдиғини топганлиги функционал синкретизмнинг аҳамиятини оширади. Мазкур тадқиқотчилар инсоннинг ҳукм чиқариш ва қарор қабул қилиш жараёнларини соф математик-идеал моделлар орқали тушунтиришни кескин танқид қилганлар. Уларнинг хулосасига кўра, инсон онгининг реал (дескриптив) фаолиятини тавсифлашда классик

[1] Shannon C. E. Programming a Computer for Playing Chess // Philosophical Magazine. Ser. 7. – 1950. – Vol. 41. – № 314. – P. 257.

“кутилаётган фойдалилик назарияси” яроқли асос бўла олмайди[1]. Ушбу тамойил лойиҳавий ва функционал синкретизмнинг гносеологик моҳиятини янада аниқ акс эттиради. Таҳлилларда мураккаб ижтимоий-маънавий тизимларни қайта баҳолашда субъектнинг барча эҳтимолий вариантларни компьютер алгоритми каби тўлиқ ҳисоблаб чиқмаслигини, балки у мослашувчан адаптив механизмлар ва оддий эвристикалар ёрдамида воқеликни тизимли реинтерпретация қилишини исботлаган.

Бизнинг фикримизча, инсоннинг замонавий шахмат дастурлари устидан ғалаба қозона олмаётгани, аммо айрим ҳолларда дуранг натижани қайд этаётгани башарият тафаккурининг антропологик ва гносеологик табиатининг чекланганлигидан далолат беради. Инсон онги минг йиллар мобайнида абстракт-математик алгоритмларни ечишга эмас, балки ўзгарувчан ва беқарор муҳитда яшаб қолиш ҳамда унга мослашишга мўлжал олган. Шу боис, инсон тафаккурининг ҳисоблаш тезлиги, воқеаларни таҳлил қилиш кўлами ва қатъий мантиқий изчилликни таъминлашда сунъий интеллект технологиялари билан рақобатлаша олмайди. Табиийки, инсоннинг когнитив фаолиятига хос бўлган хотира ҳажмининг чекланганлиги, диққатнинг бўлинувчанлиги, руҳий-эмоционал ва жисмоний ҳолатларда қарор қабул қилиш жараёнига бевосита таъсир кўрсатиб, хатога йўл қўйиш эҳтимолини оширади. Шундай бўлса-да, инсоннинг тобора такомиллашиб бораётган алгоритмик дастурлар билан жузъий рақобати башариятнинг юқори даражадаги эвристик ва интуитив потенциали мавжудлигини тасдиқлайди. Чунки рақамли тизимлар ахборотни аввал қисмларга тақсимлаб кейин комбинаторлик таҳлил орқали баҳоласа, инсон тафаккури ўзининг кўп йиллик тажрибаси, эвристик топилмалари, позицион интуицияси ва вазиятни яхлит идрок

[1]Khalil R., Brüne M. Adaptive decision-making “fast” and “slow”: A model of creative thinking // European Journal of Neuroscience. – 2025. – Vol. 61. – № 5. – P. e70024. – DOI: https://doi.org/10.1111/ejn.70024

этиш қобилияти асосида функционал синкретлашувни амалга ошириши билан баҳоланади. Шу нуқтаи назардан инсон онги мураккаб шахмат позицияларини алоҳида бўлаклар сифатида эмас, балки барча деталларни яхлит мазмун асосида бирлаштиришга йўналтирилган “ишчи модель” сифатида намоён бўлади. Айни пайтда, шахмат гроссмейстрларининг ўйинлардаги дуранг натижа инсоннинг ҳисоблаш ва таҳлил кучи эмас, балки вазиятга оид қисқа парчаларни синкретлаш орқали эришилган интеллектуал мувозанатидир. Шу маънода функционал синкретизм мураккаб хаос ва ноаниқлик шароитида тафаккурнинг энг мақбул ва когнитив тежамкорликка асосланган мослашиш усули бўлиб, у алгоритмик изчиллик заиф бўлган вазиятда тизимнинг вақтинча барқарорлигини таъминлашга хизмат қилади.

Албатта, инсон тафаккурининг ахборот бўшлиғида соф мантиқий амалларни бажариш борасида имконияти кескин чекланган. Бундай шароитда субъект ўзининг назарий имкониятлари ва янги таассуротларини мавжуд тажриба тизимига сингдирувчи апперцепция механизмига таянади. Шу сабабли, субъект янги ва номаълум объектни англаш ҳамда зиддиятли вазиятларни ҳал этишда ўзида мавжуд бўлган когнитив ва информацион имкониятларни мақсадли равишда ўзаро мувофиқлаштиради. Мазкур жараёнда мавҳумлик ва зиддиятни бартараф этиш учун рационал ва иррационал когнитив ресурслардан ихитёрий нисбатларда бирлаштирилиб, вақтинчалик назарий лойиҳалар яратилиши кузатилади. Синкретизмнинг синтез ва эклектика феноменларидан қатъий фарқловчи гносеологик хусусияти ҳам айнан шундай жараёнда яққол акс этади. Агар синтез жараёнида элементларнинг органик уйғунлашуви қонуният асосида зиддиятни бартараф этиш орқали шаклланса, синкретлашув жараёнида зиддиятли элементлар муайян паргматик мақсадда ҳамда тизимни тезкор мувозанатга келтириш учун бириктирилади. Синкретлашувнинг айнан мана шу мақсадга йўналтирилганлиги унинг тартибсиз ва мантиқий бўлмаган эклектикадан кескин фарқланади.

Бизнинг фикримизча, функционал синкретизмнинг ижтимоий-тарихий жараёнларда макро даражада акс этишига СССР парчалангандан сўнг унинг ўрнида мустақил давлат сифатида шаклланган республикаларида содир бўлган айрим сиёсий-иқтисодий ва ижтимоий-маданий муаммоларни ҳал этишга қаратилган ечимлар яққол мисол бўлади. Хусусан, Ўзбекистонда бундай мураккаб вазиятда ижтимоий-сиёсий барқарорликни сақлаб қолиш ва иқтисодий хавфсизликни таъминлаш мақсадида бозор иқтисодиётининг "ўзбек модели"[1] ишлаб чиқилган. Мазкур модел фалсафий моҳиятига кўра функционал синкретлашув ҳодисасини объективлигини намоён этади. Чунки мазкур модель "иқтисоднинг сиёсатдан устунлиги" каби либерал прагматизм, "давлат бош ислоҳотчи" каби иқтисодий дирижизм, сиёсий этатизм ва ижтимоий патернализм унсурларини ўзида мужассам этган ягона функционал тизим сифатида давлат бошқарувининг устувор йўналиши сифатида амал қилган. Бизнинг фикримизча, мазкур синкрет модель давлат ва бозор муносабатларининг қатъий тизимлаштирилган ҳамда институционал жиҳатдан мустаҳкамланган яхлит синтезлашган тизимни ифодаламасада, амалда кескин ижтимоий трансформациялар таъсирини юмшатувчи, жамиятни кескин сиёсий-ижтимоий инқироздан сақлаб қолишга қаратилган муваққат "ишчи модель" вазифасини бажарган. Мазкур модель ҳақида ўзбек файлсуфи Омонулла Файзуллаев "Жамиятимиз равнақи йўлида ривож топаётган, ижтимоий йўналтирилган, бозор муносабатларига асосланган миллий иқтисодиётимиз тараққиётида муҳтарам Президентимиз И.Каримов олға суран тамойилларнинг мазмун ва моҳияти шу талаблардан иборатдир"[2], деб баҳолаган.

---

[1] Қаранг: Каримов И.А. Ўзбекистон бозор муносабатларига ўтишнинг ўзига хос йўли. – Т.: Ўзбекистон, 1993. 128 б.

[2] Тўраев Б. Мутафаккир файласуф билан суҳбат// Бизнинг файласуф устоз. − Тошкент: Ўзбекистон Республикаси Вазирлар маҳкамаси ҳузуридаги Имом Бухорий халқаро маркази, 2021.−Б. 69.

Бизнинг фикримизча, “функционал синкретизм” асосидаги эвристик ёндашув узоқ муддатли ва доим ҳам ижобий ҳамда истиқболли лойиҳа вазифасини бажармайди. У айрим вазиятларда фақатгина прагматик эҳтиёжларга асосланиб, табиатан бир-бирига зид ва деструктив унсурларнинг синкретлаши ва натижада жамият тараққиёти учун ўта хавфли бўлган салбий ижтимоий қарорлар ва гибрид лойиҳаларнинг юзага келишига ҳам замин яратади. Унда муваққат барқарорлик таъминлаган ҳолатда ҳам тизим ичидаги тўлиқ ҳал этилмаган номутаносибликлар ва зиддиятлар таъсиридаги амалда турғунлик ҳолати сақланиб қолади. Шу боис, дастлабки хаос бартараф этилиб, тизим мувозанатга келгандан сўнг, жамият ушбу муваққат “ишчи модель”ни танқидий деконструкция қилишга ва уни мақсадли, институционал жиҳатдан мукаммалроқ бўлган бошқа тизимга алмаштиришга ёки кейинги босқичда “лойиҳавий синкретизм”га трансформация қилишга объектив эҳтиёж сезади.

Биз илгари сураётган ёндашувга кўра эса ижтимоий тизимларни қайта лойиҳалаш механизмини назарий жиҳатдан асослашда “лойиҳавий синкретизм” модуси муҳим концептуал аҳамият касб этади. Мазкур жараён, асосан, ижтимоий трансформациялар ва тизимли ўзгаришлар зарурияти юзага келган тарихий шароитда фаоллашади. У жамиятда мавжуд институционал, маданий ва мафкуравий тузилмаларни мутлақ инкор этиш ёки уларни шунчаки сақлаб қолиш билан чекланмайди. Аксинча, улар муайян ижтимоий-тарихий вазият таъсирида мавжуд тузилмаларнинг таркибий элементларини танқидий таҳлил қилиш, уларнинг функционал имкониятларини қайта баҳолаш ҳамда янги ижтимоий мақсадларга йўналтирилган концептуал қайта лойиҳалашга хизмат қилувчи мураккаб эвристик-интеллектуал фаолият сифатида намоён бўлади. Бизнинг фикримизча, ижтимоий тизимларни қайта англаш жараёни мазкур тизимларни қайта лойиҳалаш билан чамбарчас боғлиқ бўлиб, тадрижий уч босқични ўз ичига олади.

Биринчи – “танқидий рефлексия ва деконструкция” босқичи бўлиб, унда ижтимоий тизимларнинг қайта англаш жараёни мавжуд тизимларнинг танқидий рефлексияси орқали уларнинг тарихи, мазмуни ва функционал имкониятлари деконструкция қилинади. Мазкур босқичда асосий эътибор ижтимоий институтларнинг норматив аҳамияти ва уларнинг янги давр талаби ва манфаатларига мувофиқ бўлмаган, эскирган жиҳатларини аниқлашга қаратилади.

Иккинчи – “реинтерпретация ва эвристик мослашув” босқич бўлиб, уда тизим элементларининг моҳияти ва функционал вазифалари янги ижтимоий жараёнлар талабларидан келиб чиққан ҳолда қайта пайдо бўлади. Бунда турли маданий анъаналар, институционал моделлар ва назарий концепциялар ўртасида эвристик боғланишлар шаклланиб, мавжуд ресурсларнинг янги комбинациялари юзага келади. Айнан мана шу ўринда синкретик тафаккур ўзининг энг муҳим вазифасини бажариши кузатилади. Натижада турли қараш ва ёндашувлар ўртасидаги диалектик зиддиятлар тўлиқ бартараф этмайди ва улар конструктив интеграциялаш орқали тизимни янги сифат даражасига олиб чиқади.

Учинчи – “синкретик синтез ва институционал қайта лойиҳалаш” босқичида қайта талқин этилган элементлар янги концептуал тизим доирасида яхлит синкретлашган синтезга киришади. Бунда ижтимоий тизимнинг институционал архитектураси ва цивилизацион вектори онгли равишда қайта лойиҳаланади. Натижада турли маданий, сиёсий ва иқтисодий моделларнинг функционал жиҳатдан бир-бирини тўлдирувчи элементлари ягона янада барқарор тизимга бирлаштирилади. Шу маънода, “лойиҳавий синкретизм” шунчаки назарий тушунча эмас, балки ижтимоий трансформация жараёнида янги институционал конструкциялар ва цивилизацион моделларни шакллантиришга хизмат қилувчи муҳим эвристик механизм сифатида намоён бўлади. Ушбу механизм фалсафий тафаккурнинг давр талабига мос равишда ўзгарувчанлигини таъминлайди.

Биз “Лойиҳавий синкретизм”нинг уч босқичли моделини ижтимоий онтология миқёсида ва эмпирик жиҳатдан асослаш учун XIX асрнинг иккинчи ярмида Японияда рўй берган Мэйдзи ислоҳотига мурожаат қилиш ва унинг аҳамиятини очиб беришга ҳаракат қиламиз. Чунки мазкур тарихий-ижтимоий транзиция жараёни ўзида жамиятни эвристик қайта лойиҳалашнинг мумтоз синкретик намунасини акс эттиради ҳамда биз илгари сураётган трансформациянинг уч босқичли мантиқий алгоритмига тўлиқ мувофиқ келади:

“Танқидий рефлексия ва деконструкция” деб номланган дастлабки босқичда Япониянинг анъанавий институционал тузилмаси бўлган феодал Токугава сёгунати тизими танқидларга учраган. Жамият янги геосиёсий ва ижтимоий-иқтисодий таҳдидлар қаршисида ёпиқлик (сакоку) сиёсатининг гносеологик ва прагматик жиҳатдан самарасиз эканини англаб етган. Натижада, эски ижтимоий институтларнинг норматив-ҳуқуқий ва бошқарув асослари деконструкция қилинган.

“Реинтерпретация ва эвристик мослашув” деб номланган иккинчи босқичда япон ижтимоий тафаккури мавжуд миллий қадриятларни мутлақ инкор этмаган, балки уларга янги эвристик маъно юклаган. Жумладан, синтоизм диний эътиқоди ва император ҳокимияти анъанавий-архаик институт сифатида эмас, балки миллий бирлик, давлат модернизацияси ва ижтимоий тараққиётнинг мутлақ легитим маркази сифатида қайта талқин қилинган. Бу эса жамиятдаги консерватив ва ислоҳотчи кучлар ўртасидаги ғоявий зиддиятларни бартараф этиб, ўзгаришлар учун зарур бўлган когнитив база яратилишига хизмат қилган.

“Синкретик синтез ва институционал қайта лойиҳалаш” деб номланган учинчи босқичда синкретик синтез жараёнида янги ижтимоий-сиёсий архитектура шакллантирилган ва мазкур жараён япон ижтимоий тафаккурида “Вакон-ёсай” (Япон руҳи ва Ғарб технологиялари) формуласи асосида концептуаллаштирилган. Иқтисодчи ва социолог Митио Морисим мазкур синкретик

ёндашувнинг амалий моҳиятини таҳлил қилар экан, “Японлар ўз миллий маданиятини, турмуш тарзини, юқори ва қуйи табақа ўртасидаги ўзига хос муносабатларни ҳамда оилавий тузилмасини сақлаб қолишга кучли иштиёқ билан интилдилар ва айни пайтда, қудрати жиҳатидан Ғарб мамлакатлари билан тенглаша оладиган замонавий давлат барпо этишни мақсад қилдилар”[1], деб таъкидлаган. Дарҳақиқат XIX аср охири ва XX бошларида японлар Ғарб стандартларида давлат қурлиши тамойилларини асосан моддий шакл ва амалий мазмунда татбиқ қилганлар. Бироқ улар Ғарб илм-фани, технологияси, таълими, иқтисодиёти, қуролли кучлари ва сиёсий тузилмаларини юқори суръатларда ўзлаштирган бўлсалар-да, руҳий-маънавий қадриятлар борасида миллий ўзига хосликни қатъий муҳофаза қилганлар. Бу ҳодиса ижтимоий тафаккурда Ғарб институционал прагматизми ва Шарқ аксиологиясининг муваффақиятли синкретик синтезини таъминланишига хизмат қилганлигидан далолат далолат беради.

Бизнинг фикримизча, Япония ижтимоий тафаккурида намоён бўлган “Вакон-ёсай” формуласи тарихий тасодиф эмас, балки асрлар давомида шаклланган миллий қадриятларни сақлашнинг мантиқий давомидир. Зеро, Япон жамиятида турли хил маданият ва диний-фалсафий таълимотларни синкретлашув тажрибаси аввалдан мавжуд бўлиб, бу мисли кўрилмаган эвристик муросани, яъни синтоизм, буддавийлик, даосизм ва конфуцийликнинг бир-бирини инкор этмаган ҳолда, ягона ижтимоий организм сифатида зиддиятсиз фаолият кўрсатишида ўз аксини топган. Айни пайтда, мазкур тизимда ҳар бир таълимот ўзининг қатъий ижтимоий-онтологик вазифани бажарган. Жумладан, синтоизм –миллий идентликни ва табиат билан уйғунликни сақлашга, буддавийлик – инсоннинг руҳий барқарорлигини таъминлашга, даосизм – ўзига хос япон эстетикаси ва мистик

[1] Morishima M. Why Has Japan 'Succeeded'?: Western Technology and the Japanese Ethos. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – P.32.

тажрибасининг таркибий қисми сифатида намоён бўлган. Конфуцийлик эса прагматик асосда ижтимоий тартиб, ахлоқ ва давлат бошқарувини тизимлаштириш вазифасини бажарган.

Турли дунёқарашларнинг ягона мақсад йўлидаги бундай ноёб синкретик яхлитлиги япон жамиятида: “Японлар синтоист бўлиб туғилади, конфуций таълимоти асосида яшайди ва буддавий бўлиб вафот этади”, деган иборада ўзининг ёрқин амалий ифодасини топган. Бу эса Япониядаги ижтимоий субъектларнинг мураккаб шароитларда догматик қолипларга тушиб қолмасдан, мавжуд барча маънавий-когнитив ресурслардан жамият барқарорлигини таъминлаш йўлида эвристик тарзда фойдалана олиш ҳамда уларни доимий равишда қайта баҳолаш салоҳиятини оширганидан далолат беради.

Шунингдек, у ижтимоий воқеликни синкретик англаш жараёнининг ички табиати “конструкция – деконструкция – реконструкция” триадасига асосланади. Унда универсал диалектика қонуниятларини, хусусан, “инкорни инкор” қонуни яққол акс этади. Ушбу жараёнлар муайян тарихий-сиёсий воқеалар таъсирида муваққат конструкция бўлган “функционал синкретизм” муайян даврда ўзининг эвристик салоҳиятини йўқотади, инкор этилиб деконструкцияга учрайди. Аммо бу инкор мутлақ йўқлик ва хаосга олиб келмайди, балки спиралсимон тараққиёт тамойилига мувофиқ, мазмунан реконсрукция қилинган ҳамда сифат жиҳатидан янги босқич бўлган “лойиҳавий синкретизм”га олиб келади. Шу нуқтаи назардан, синкретик эвристика ижтимоий тафаккурнинг статик эмас, балки динамик эволюциясини таъминловчи асосий ҳаракатлантирувчи кучи сифатида хизмат қилади.

Хулоса сифатида шуни таъкидлаш лозимки, ижтимоий жараёнларни қайта англашда синкретик фалсафий тафаккурнинг эвристик функцияси, унинг юзага келиши ва шаклланиш босқичлари ва намоён бўлиш хусусиятлари қуйидагиларда ўз ифодасини топади:

биринчидан, замонавий ижтимоий трансформациялар ва экзистенциал инқирозлар шароитида классик рационалликка хос

бўлган монопарадигмал ёндашувлар ўзининг эвристик салоҳиятини йўқотиб бормоқда. Бундай мураккаб ва ноаниқ вазиятларда синкретик фалсафий тафаккур ўта мослашувчан интеллектуал стратегия сифатида намоён бўлади. У “эвристик портлаш” катализатори сифатида фаоллашиб, турли хил когнитив, мафкуравий ва аксиологик унсурларни ягона методологик тизимга мувофиқлаштирувчи фундаментал гносеологик механизмга айланади. Натижада, мазкур эвристик функция классик моделлар билан англаб бўлмайдиган воқеликни қайта идрок этиш ва янги маънони конструкциялаш имкониятини бериб, фалсафий билишнинг илғор шакли сифатида ўзини тўлақонли намоён этади;

иккинчидан, ижтимоий воқеликни англашда синкретик тафаккурнинг конструктив-ижодий моҳияти иккита мустақил, аммо ўзаро узвий боғлиқ “функционал синкретизм” ва “лойиҳавий синкретизм” модустда намоён бўлади. Бунда “функционал синкретизм” ахборот ва ресурслар чекланган мураккаб вазиятларда тизим барқарорлигини сақлашга хизмат қилувчи, прагматик заруратга асосланган тезкор “ишчи модель” яратиш стратегияси сифатида юзага келса, “лойиҳавий синкретизм” қайта баҳолаш ҳамда унга янги эвристик маънолар юклаш орқали амалга ошириладиган мақсадли концептуал трансформация жараёни сифатида ҳисобланади;

учинчидан, “лойиҳавий синкретизм” воситасида ижтимоий тизимларни қайта лойиҳалаш тадрижий ва ўзаро тақазоланган уч босқичли мантиқий алгоритм асосида кечади, улар мавжуд эскирган институтларни танқидий рефлексия қилиш ва деконструкциялаш; институционал моделлар ва назарий концепцияларга янги эвристик маъно юклаш орқали уларни реинтерпретация қилиш; турли маданий, сиёсий ва иқтисодий моделларнинг функционал унсурларини янги архитектура доирасида яхлит синкретик синтезлаш кабила бўлиб, улар жамият тараққиётининг барча соҳаларида ўз ифодасини топади;

тўртинчидан, синкретизм – элементларнинг тартибсиз, юзаки жамланмасини ифодаловчи эклектизм ёки постмодернизм намояндалари таъкидлаганидек шунчаки тармоқсимон (ризоматик) спонтан алоқалар йиғиндисидан иборат тасодифий бирикма эмас. Синкретик эвристика – бу ижтимоий объектни онгли ва мақсадли равишда реинтеграция қилувчи, унга изчил назарий архитектоника, яъни маъно бахш этувчи мураккаб интеллектуал конструкциялаш жараёнидир. Айнан шу механизм фалсафий тафаккурнинг давр талабларига мос равишда ўзгарувчанлигини таъминлашга хизмат қилади;

бешинчидан, синкретик эвристика субъектни концептуал қолиплар бандилигидан озод этиб, унга ижтимоий борлиқни доимий равишда қайта баҳолаш ҳамда англаш салоҳиятини тақдим этади, тафаккурнинг айнан мана шу узлуксизлиги мураккаб трансформация шароитларида цивилизацион барқарорлик ва тараққиётнинг бош кафолати бўлиб хизмат қилади.

QANDAHOROVA DILNOZA SOTTAROVNA
Senior Lecturer of the Department,
Law Enforcement Academy of the
Republic of Uzbekistan

CONCEPT OF AN ORPHAN AND A CHILD DEPRIVED OF PARENTAL CARE, AND THEIR LEGAL NATURE

Annotation: *The article examines the concept and classification of orphans and children deprived of parental care, analyzes scholarly views on this issue, and explores the concept of social orphanhood and the factors contributing to its emergence. It also identifies differences in the interpretation of these categories of children within national legislation and develops practical proposals aimed at unifying the legal terminology used in legislative acts.*

Keywords: *orphan child, child deprived of parental care, social orphanhood, family, obligation.*

The issue of social protection of orphaned children is broad in scope and remains a pressing concern not only for individual states but for the entire international community. According to analytical data from international organizations, there are more than 163 million orphaned children worldwide[1].

Approximately 30 million of these children are in India, and only 0.3 percent of them have lost their parents due to death[2].

This indicates that the majority of children belonging to this category are social orphans.

According to information published on the website of the United Nations Children's Fund (UNICEF), more than 2.7 million children around the world are currently being raised in orphanages, boarding schools, and

[1] https//reg-nko.ru>partners>pom
[2] https//www.worldlifeexpectancy.com>

other similar residential institutions. In some cases, orphaned children living in such institutions are exposed to negative consequences, including sexual abuse, psychological trauma, and delays in mental, intellectual, and social development[1].

The aforementioned statistical data clearly demonstrate that issues related to orphaned children constitute one of the most significant social problems worldwide and require special attention and support from governments. The placement and care of orphans and children deprived of parental care are matters that are often addressed at the level of international relations, since citizens of developed countries may, in certain cases, adopt or assume the care of such children from countries experiencing high levels of poverty and economic hardship. In protecting the rights and legitimate interests of these children, the application of international legal norms plays a crucial role.

In the Republic of Uzbekistan, a key priority of state policy in the field of social protection of orphans and children deprived of parental care is the establishment of a social protection system aimed at ensuring their upbringing in a family environment. Particular emphasis is placed on preventing social orphanhood through supporting families, assisting them in overcoming poverty, and strengthening family-based care mechanisms.

Before examining this issue in greater depth, it is necessary to first address the legal status of orphans and children deprived of parental care. In this regard, it should be noted that the concept of an “orphan child” is not defined as a separate legal category within the family legislation of Uzbekistan. Instead, it is addressed together with the category of children deprived of parental care.

When parents die, are deprived of parental rights, have their parental rights restricted, are declared legally incapable, suffer from illness, are absent for a prolonged period, evade their responsibilities for raising their children or protecting their rights and interests, including refusing to take

[1] https//www.dw.com>

their child from educational, medical, social protection, or other similar institutions, as well as in other cases where a child is deprived of parental care, the protection of the rights and legitimate interests of such children is carried out by guardianship and trusteeship authorities[1].

The term “orphan child” was introduced into the legislation of the Republic of Uzbekistan for the first time with the adoption of the Law of the Republic of Uzbekistan “On Guarantees of the Rights of the Child”[2].

Article 3 of the Law defines an “orphan child” as “a child whose father and mother have both died or have been declared deceased by a court decision.” The adoption of this Law was regarded as the first special legislative act in Uzbekistan dedicated to guaranteeing children's rights and has been described as a “Constitution for Children” in the history of the country[3].

According to the Explanatory Dictionary of the Uzbek Language, the word *“orphan”* conveys meanings such as being sorrowful, lonely, dependent on others, and remaining in a vulnerable and helpless condition. An orphan is generally understood as a person who has permanently or temporarily lost family care. The causes of orphanhood include the death of one or both parents, abandonment of a child, and deprivation of parental rights resulting from a parent's failure to care for the child.

In legal scholarship, the concepts of an “orphan child” and a “child deprived of parental care” are distinguished from one another.

For example, A. Gorbachev argues that the concept of a child deprived of parental care is complex in terms of both its internal structure and formal legal grounds. Such a situation may arise due to biological factors, namely the death of both parents, a sole parent, or the father, as well as other objective circumstances beyond the parents’ control that prevent them from

[1] Family Code of the Republic of Uzbekistan. [Electronic resource]. Accessed 27.02.2025. Available at: https://lex.uz/docs/104720

[2] A. Saidov. Scientific Commentary on the Law of the Republic of Uzbekistan “On Guarantees of the Rights of the Child”. 2009.

[3] A. Saidov. Scientific Commentary on the Law of the Republic of Uzbekistan “On Guarantees of the Rights of the Child”. 2009.

raising the child, such as serious physical illness or mental health disorders. In his view, an orphan child constitutes only one category within the broader group of children deprived of parental care. Therefore, he suggests that the term "orphans and other children deprived of parental care" is more appropriate. Furthermore, situations in which a child is deprived of parental care despite the biological parents being alive may be classified as *social orphanhood*[1].

Supporting this position, it is reasonable to regard orphaned children as one category within the broader group of children who have been deprived of parental care due to various objective and subjective circumstances. This approach more accurately reflects the legal and social nature of the phenomenon and allows for a clearer classification of children requiring special protection and support from the state.

The legal scholar identifies the following grounds on which a child may become an orphan or be deprived of parental care:

- the prolonged serious illness or death of a parent;
- the parents' refusal or evasion of their responsibilities to raise the child;
- the long-term absence of parents from their place of residence, including residence in a foreign country;
- restriction or deprivation of parental rights;
- recognition of the parents as legally incapacitated;
- the creation by parents of conditions within the family that pose a threat to the child's life or health;
- the serving of a criminal sentence by parents in places of deprivation of liberty;
- other circumstances established by law[2].

[1] Gorbachev A.N., Zholnerova L.K. "Children left without parental care as children in need of state assistance." Scientific Journal "Economics. Sociology. Law", 2022, No. 3 (27).
[2] Markovkina A.A. "The concept of a child deprived of parental care." Vesnik Nauki (International Journal), No. 3 (36), Vol. 4.

These circumstances demonstrate that the loss of parental care may result not only from the death of parents but also from a variety of legal, social, and factual situations that prevent parents from fulfilling their parental duties and responsibilities. Consequently, the category of children deprived of parental care is broader than that of orphaned children and encompasses a wider range of circumstances requiring state protection and support.

In our view, the circumstances listed by the scholar should not be regarded as exhaustive. Depending on specific social realities and factual situations, this list may be expanded further. One of the reasons why the scholar does not consider these grounds to be definitive is that the obligations imposed upon parents toward their children by law are themselves broad and multifaceted.

Failure to fulfill these obligations may result in a number of adverse consequences, including:

- impairment of the child's health;
- in certain cases, the commission of offenses or criminal acts by a child deprived of parental care;
- in exceptional circumstances, the death of the child[1].

At the same time, there are grounds to conclude that the definitions of the term *"orphan child"* provided in the current legislation are not sufficiently comprehensive.

First of all, a child may acquire the status of an orphan not only when both biological parents—whose names are recorded in the child's birth registration documents—have died, but also when, in the case of a child born outside a registered marriage, the sole mother has died, or where the mother is deceased and the sole father subsequently dies.

Accordingly, it would be appropriate to provide a clear and precise definition of the concept of an *"orphan child"* within family legislation.

[1] Markovkina A.A. "The concept of a child deprived of parental care." Vesnik Nauki (International Journal), No. 3 (36), Vol. 4.

Furthermore, the definition of an *"orphan child"* contained in Article 3 of the Law "On Guarantees of the Rights of the Child" does not fully encompass the legal status of all children belonging to this category.

Therefore, it is proposed that the concept of an *"orphan child"* be defined in legislation as follows:

"A child whose father and mother have both died, or have been declared deceased by a court decision, as well as a child whose sole mother or sole father has died or has been declared deceased pursuant to a court decision."

Another factor that may serve as a ground for a child being deprived of parental care is the unknown identity of the biological parents or the abandonment of the child.

However, it is not appropriate for such children to be granted the legal status of "orphan." This is because, although the child has been abandoned and the identity of the parents remains unknown, the legal fact of their death has not been established. Therefore, the child may only be classified as a child deprived of parental care.

The status of being an orphan is confirmed, in turn, by an official death certificate verifying the death of the child's parents.

In this regard, the causes of social orphanhood are much broader in scope.

Even when a child is living within a family, the failure of parents to fulfill their obligations regarding child upbringing may turn them into one of the most vulnerable and socially unprotected groups in society. Conversely, lack of supervision within the family may create conditions that lead to neglect, delinquency, or other antisocial behavior by the child[1].

In our view, it would be important to provide a clear definition of the concept of an "orphan child" in family legislation and to harmonize it with

[1] Shenshina L.A. "The Concept and Essence of Social Orphanhood of Orphans and Children Left Without Parental Care" CyberLeninka: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-sotsialnogo-sirotstva

the definition contained in the Law "On Guarantees of the Rights of the Child." Such harmonization would play a significant role in improving law enforcement practice in determining the legal status of orphaned children and children deprived of parental care in the future.

KENJAEV TIMUR ISOMOVICH
associate professor, Independent Applicant
Law Enforcement Academy of the
Republic of Uzbekistan, PhD

THE SYSTEM OF TYPES OF ANTI-CORRUPTION EXPERTISE OF REGULATORY LEGAL ACTS AND THEIR DRAFTS: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Abstract. *The article examines the theoretical and practical foundations for classifying anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their drafts. It analyzes the main types of anti-corruption expertise depending on the object and subject of its conduct, and reveals the specific features of official, internal, control and supervisory, independent, public, and scientific expertise. Particular attention is paid to the correlation between scientific, public, and independent expertise, as well as to the need to develop criteria for genuine institutional independence of expert activity.*

Keywords: *anti-corruption expertise, regulatory legal acts, corruption-generating factors, classification, official expertise, independent expertise, public expertise, scientific expertise, lawmaking.*

Effective counteraction against corruption is impossible without the use of scientific knowledge, since corruption has a complex socio-legal nature and affects institutional, economic, political, and legal relations. In this sphere, science performs not only a cognitive function, but also an expert-analytical one, ensuring the development of approaches to identifying corruption-generating factors, assessing the quality of regulatory legal acts, and improving legal regulation.

Anti-corruption expertise, having developed as an independent legal institution, is characterized by a variety of objects, subjects, procedures, and legal consequences of expert opinions. This necessitates a scientifically grounded classification of its types. Such a classification has both theoretical and practical significance, since it makes it possible to determine the place

of individual types of anti-corruption expertise within the system of corruption prevention, to delimit the competence of subjects, and to identify the specific features of expert mechanisms.

M.S. Bakhtina rightly notes the absence of a legislative classification of anti-corruption expertise[1]. At the same time, this conclusion can be accepted only partially: although there is indeed no special legal norm establishing such a classification, a systematic analysis of legislation makes it possible to identify certain types of expertise through differences in their objects, subjects, procedure for conduct, and legal force of expert opinions. Consequently, the current legal regulation contains prerequisites for the doctrinal identification of the types of anti-corruption expertise.

An analysis of national legislation makes it possible to classify anti-corruption expertise according to several main criteria.

First, **depending on the object** of research, it is appropriate to distinguish between:

anti-corruption expertise of draft regulatory legal acts;

anti-corruption expertise of existing regulatory legal acts.

Anti-corruption expertise of draft regulatory legal acts is conducted at the lawmaking stage and has a preventive character, since it is aimed at preventing the inclusion of corruption-generating factors in the text of a future act.

Anti-corruption expertise of existing regulatory legal acts, by contrast, is carried out in relation to acts that have already entered into force and has a corrective significance, as it makes it possible to identify corruption risks that have emerged in the course of law enforcement practice.

This distinction reflects the difference in the functional purpose of expertise: in the first case, it prevents the emergence of corruption-generating defects, while in the second, it ensures their identification and elimination within the existing system of legal regulation. Each of these

[1] Бахтина М.С. Административно-правовые основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов: дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021.

types has its own normative nature, implementation mechanisms, and significant foreign experience of application.

Second, depending on the subject conducting it, anti-corruption expertise should be divided into:

official, or state, expertise;

unofficial, or non-state, expertise, including independent, public, and scientific expertise.

Official anti-corruption expertise is conducted by authorized state bodies within the limits of their competence. It has a public-authoritative character, while its results have legal significance and entail an obligation to respond, including the revision of a draft regulatory legal act, amendments to an existing act, or the elimination of identified corruption-generating factors.

Unofficial anti-corruption expertise is conducted by civil society institutions, scientific organizations, independent experts, and other subjects not vested with public-authoritative powers. Its results, as a rule, are recommendatory in nature; however, the importance of this type of expertise increases in the context of openness in lawmaking and the expansion of public participation in the formation of state policy.

Although the legislation of the Republic of Uzbekistan does not directly закрепить this classification, a systematic analysis of the Law on Anti-Corruption Expertise and the Methodology for Identifying Corruption-Generating Factors makes it possible to speak of its actual existence. In addition, the division into official and unofficial anti-corruption expertise is provided for in the 2003 CIS Model Law[1].

Other approaches are also proposed in the scientific literature. Thus, M.S. Bakhtina distinguishes between internal, control and supervisory, and public anti-corruption expertise. This classification is of scientific interest,

[1] См. статья 14 Модельного закона государств - участников СНГ от 15.11.2003 г. № 22-15 «Основы законодательства об антикоррупционной политике». Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. https://iacis.ru/public/upload/files/1/1..

since it shows which subjects participate in identifying corruption-generating factors and at what stage. At the same time, it does not fully reflect differences in the legal status of the subjects of expertise, as it фактически includes both state bodies vested with public-authoritative powers and civil society institutions within a single system.

Moreover, public expertise should not always be considered as an independent type isolated from other forms of anti-corruption analysis. Representatives of civil society and independent experts may participate in both internal and control and supervisory expertise, for example, as invited specialists.

In this regard, it appears more justified to use the legal status of the subject as the main criterion for classification, distinguishing between state, or official, anti-corruption expertise and non-state, or public, anti-corruption expertise, while internal and control and supervisory expertise may be considered as forms of its implementation within the system of state lawmaking.

Third, internal anti-corruption expertise is conducted by specialists of the legal services of entities vested with the authority to draft and adopt regulatory legal acts. It is carried out within the activities of the relevant state body and is aimed at identifying and preventing corruption-generating factors in regulatory legal acts and their drafts.

The **main features** of internal anti-corruption expertise include:

– conducting expertise in direct interaction with the drafters;

– covering both draft regulatory legal acts and existing acts;

– integration of draft expertise into the lawmaking activities of the relevant body;

– connection between the expertise of existing acts and the monitoring of law enforcement practice;

– use of checklists for identifying corruption-generating factors.

The effectiveness of internal anti-corruption expertise is assessed ambiguously in the scientific literature. On the one hand, it makes it possible

to identify corruption-generating factors already at the stage of internal departmental preparation of a draft regulatory legal act. As Yu.A. Tikhomirov and E.I. Spektor note, direct interaction between drafters and experts creates opportunities for the timely elimination of defects in the draft[1].

On the other hand, this type of expertise does not always ensure sufficient independence and impartiality of analysis. Yu.S. Izbachkov and K.E. Rybak rightly point out that, when certain officials are interested in the adoption of an act, the expert may find themselves in a dependent position[2]. M.S. Bakhtina also links the problems of internal expertise to the lack of time allocated for high-quality analysis[3]. However, in our view, the key risk lies not only in the time factor, but primarily in the institutional dependence of experts on the drafting body.

In this regard, internal anti-corruption expertise has significant preventive potential; however, it requires additional guarantees of objectivity, sufficient time for analysis, and subsequent external expert review.

Fourth, control and supervisory anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their drafts is carried out by justice bodies, the Anti-Corruption Agency, and, taking into account recent institutional changes, prosecution bodies.

A special role in this system belongs to the Ministry of Justice. Its activities are related to identifying corruption-generating factors at the stage of legal expertise of draft regulatory legal acts, as well as to the organizational and methodological support of this sphere, including the development of methodology, maintenance of the register of experts, and coordination of expert activity. As S.N. Sheverdyaev, V.S. Markina, and

[1] Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов: науч.-практ. пособие. Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.И. Спектор. М., 2012. С. 57.

[2] Избачков Ю.С., Рыбак К.Е. О качестве антикоррупционных экспертиз. Культура: управление, экономика, право. 2011. № 1. С. 36.

[3] Бахтина М.С. Административно-правовые основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов: дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С.41

A.K. Baldin note, anti-corruption expertise conducted by justice bodies is characterized by its integration into expert-registration activity and its close connection with legal expertise[1]. To this, one should add the broad scope of objects of expertise and the methodological role of the Ministry of Justice. At the same time, it is more accurate to regard such expertise as a form of control activity rather than supervisory activity, since it is aimed at reviewing draft acts but does not imply supervision over the bodies that adopted them.

Anti-corruption expertise conducted by the Anti-Corruption Agency is distinguished by its broader analytical and coordinating nature. The Agency has the authority to conduct expertise of both draft regulatory legal acts and existing legislation, including on its own initiative or on the instructions of the chambers of the Oliy Majlis, their bodies, and the President of the Republic of Uzbekistan[2]. Its coordinating role is reflected in organizing interaction among state bodies and organizations in identifying and eliminating corruption risks, primarily in existing legislation.

At the same time, prosecution bodies have also been vested with powers in the sphere of analyzing corruption-generating factors. The establishment of a specialized unit within the structure of the Prosecutor General's Office indicates the formation of a new mechanism of anti-corruption analysis based on materials of law enforcement practice. The specific feature of prosecutorial participation is that it covers not only regulatory legal acts, but also non-normative acts of state bodies and

[1] Шевердяев С.Н. Влияние антикоррупционных институтов российской административной реформы на развитие конституционного законодательства. Право: журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 30;
Маркина В.С. Проблемы проведения Министерством юстиции РФ антикоррупционной экспертизы нормативных актов. Административное право и процесс. 2012. № 11. С. 69;
Балдин А.К. Правовые вопросы организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органами Минюста России. С. 67.

[2] Указ Президента Республики Узбекистан от 30.12.2025 г. № УП–270 «О дальнейшем совершенствовании системы предупреждения и противодействия коррупции в Республике Узбекистан». https://lex.uz/ru/docs/7962927.

officials. This makes it possible to identify corruption risks not only at the level of normative regulation, but also in the practice of applying the law.

The specific features of prosecutorial analysis include its connection with the function of prosecutorial supervision, its focus on law enforcement practice, the broad scope of analysis, the possibility of applying acts of prosecutorial response, and the use of the results obtained for improving legislation. This mechanism is at the stage of institutional formation and requires further development, taking into account foreign experience, including Russian practice of prosecutorial participation in identifying corruption-generating factors.

In general, control and supervisory anti-corruption expertise serves as an important element in preventing corruption risks. Its value lies in its relative independence from drafting bodies, the regularity of its conduct, and accumulated expert experience, which make it possible to ensure a more objective assessment of draft and existing legislation.

Fifth, unofficial, independent, public, and scientific anti-corruption expertise. Unofficial anti-corruption expertise is conducted by civil society institutions, scientific organizations, experts, and other subjects not vested with public-authoritative powers. It represents a mechanism of public and scientific expert activity aimed at assessing normative and administrative decisions in terms of their impact on the rights and legitimate interests of citizens and the conditions of social development[1].

Various approaches exist in the scientific literature regarding the relationship between public and scientific anti-corruption expertise. M.S. Bakhtina considers scientific expertise to be a type of public anti-corruption expertise. This position is difficult to fully accept[2]. Public and scientific expertise should be regarded as independent forms of unofficial expertise,

[1] Правотворчество органов власти в Российской Федерации: проблемы теории и практики. Под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов, 2009. С. 200.

[2] Бахтина М.С. Административно-правовые основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов: дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С.45.

since they differ in terms of subject composition and the nature of expert activity.

Public anti-corruption expertise is carried out by independent experts, non-governmental non-profit organizations, and other civil society institutions. Scientific anti-corruption expertise is conducted by specialists of educational and research institutions who possess special knowledge in the field of legal regulation.

However, neither public nor scientific expertise is always genuinely independent in practice. As M.V. Grebenyuk rightly notes, the very concept of "independent" expert activity contains a certain challenge to the established vertical of state power[1]. The degree of an expert's independence is determined not only by the absence of the status of a state body, but also by their institutional autonomy, sources of funding, the procedure for initiating the research, and freedom in formulating conclusions.

The legal nature of scientific anti-corruption expertise is particularly debatable. If such expertise is initiated by state bodies, financed from the state budget, and accompanied by the administrative distribution of projects among experts or scientific institutions, its independence becomes predominantly formal.

This problem is especially relevant in cases where educational and research institutions are organizationally subordinate to state bodies. Examples include Tashkent State University of Law, the Institute for Legislative Analysis and Regulatory Impact Assessment, the Institute for Retraining and Advanced Training of Legal Personnel, and other organizations within the system of the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan. Under such conditions, it is difficult to speak of the full

[1] Гребенюк М.В. Реализация законодательства о независимой антикоррупционной экспертизе и опыт работы интернет-портала «Независимая антикоррупционная экспертиза». Первая всероссийская научно-практическая конференция «Реализация законодательства о независимой антикоррупционной экспертизе: проблемы и перспективы». Сборник материалов. М. 2012. С. 55.

institutional autonomy of experts, since their activities are, to one degree or another, carried out within the system of public administration.

In the scientific literature, the problem of the independence of subjects conducting anti-corruption expertise is examined by O.B. Nematillayev[1], P.A. Kabanov[2], N.T. Leonenko[3], A.N. Korobkin[4], and other authors. The general conclusion arising from the analysis of these approaches is that "scientific" and "public" expertise are not identical to "independent" expertise in their substantive meaning. Independence implies not only the absence of a formal state status, but also the freedom to determine the subject of analysis, the research methodology, the formulation of conclusions, and the dissemination of results.

In the absence of these conditions, the phenomenon of "quasi-independence" arises, whereby the procedure outwardly preserves the features of public participation but in fact reproduces elements of departmental control. In this regard, it is necessary to develop doctrinal and normative criteria for genuine institutional independence of anti-corruption expertise.

The specific features of unofficial anti-corruption expertise include its non-state character, diversity of subject composition, recommendatory nature of results, initiative-based conduct, orientation toward public and scientific control, and the relative nature of independence.

Thus, anti-corruption expertise is a multi-level legal institution comprising various types depending on the object and subject of its conduct. Its classification makes it possible to more accurately determine the

[1] Нематиллаев О.Б. Проблемы совершенствования механизмов антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов: магистерская диссертация. Ташкент: Правоохранительная академия Республики Узбекистан, 2023. С.28.

[2] Кабанов П.А. Независимая антикоррупционная экспертиза: понятие, содержание, правовое регулирование и перспективы повышения качества экспертной деятельности. Russian Journal of Economics and Law, 2009, № 4. С.57-64.

[3] Леоненко Н.Т. Независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: осмысление теории и практики. Развитие территорий. 2016. № 3/4 (6). С.28-34.

[4] Коробкин А.Н. Проблемы осуществления независимой антикоррупционной экспертизы. Журнал российского права. 2012, № 9 (189). С.60-65.

functional purpose of expertise, the competence of participants, and the significance of expert opinions. The further development of this institution requires strengthening the objectivity of official expertise, expanding public and scientific participation, and developing clear criteria for genuine independence of expert activity.

MAMATALIYEV TULKIN KHUSHMAMAT UGLI
Prosecutor of the Educational and Methodological Department,
Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GUARANTEES OF THE RIGHT TO DISTANCE EDUCATION AND CYBERSECURITY ISSUES IN THE ERA OF DIGITALIZATION OF EDUCATION

Abstract: *This article examines the organizational and legal framework for guaranteeing human digital rights and protection against cybersecurity threats in a virtual educational environment amid rapid digital transformation and global evolution of the educational system. Through the prism of the norms of the newly revised Constitution of the Republic of Uzbekistan, a fundamental analysis of the "digital divide" phenomenon was conducted, as well as the constitutional boundaries for ensuring the inviolability of students' biometric data in distance learning platforms and AI-powered proctoring systems. The concept of the state's "educational sovereignty" in the digital space is unveiled, and conceptual proposals and recommendations aimed at improving national legislation (the Laws "On Education" and "On Cybersecurity") are put forward.*

Keywords: *digitalization, distance education, constitutional guarantees, human rights, cybersecurity, digital divide, educational sovereignty, proctoring, personal data, administrative regulation*

The current stage of human development is characterized by global digitalization and digital transformation processes that encompass all spheres of social and state life. These trends fundamentally alter the core essence of traditional state and legal institutions, generating an entirely new legal reality for modernizing the public administration system and ensuring human rights. Under such conditions, one of the sectors undergoing the

deepest systemic transformation is, undoubtedly, the education system and its organizational and legal forms.

In the context of building a digital society in the Republic of Uzbekistan, implementing the “Digital Uzbekistan – 2030” Strategy[1], and shaping an innovative educational environment, distance education manifests not merely as a technical alternative or a supplementary tool to the traditional teaching system, but as an independent, inevitable, and strategically significant institution that realizes citizens’ right to education.

The most vital fundamental cornerstone of these institutional changes is reflected in Article 50 of the newly revised Constitution of the Republic of Uzbekistan[2].

This constitutional norm strictly solidifies the state’s socio-legal obligations to ensure the development of the continuous education system, as well as its various types and forms. This elevates the definition of the legal status of distance education platforms and their systemic development from a simple departmental task to a state obligation at the highest constitutional level.

“As foreign researchers I. Barvika-Tilek and A. Ceglarska emphasize, in the era of digitalization and vocational education, it is imperative not to reduce the process solely to technical and procedural efficiency; rather, preserving the human factor, empathy, and practical wisdom must serve as the primary criterion of legal education.[3]”

The digitalization of the education sector represents a new constitutional dimension of ensuring human rights in cyberspace.

However, the transformation of the educational environment from physical space to virtual/cyberspace creates a number of systemic gaps and

[1] Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. UP-6079 dated October 5, 2020 "On approval of the Strategy 'Digital Uzbekistan-2030' and measures for its effective implementation". National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan (Lex.uz).

[2] The Constitution of the Republic of Uzbekistan (2023).

[3] Barwicka-Tylek, I., Ceglarska, A. Law beyond craft: Aristotle, legal education, and the practiced universal. Synthese 206, 274 (2025). https://doi.org/10.1007/s11229-025-05339-2

conceptual problems in maintaining a delicate balance between the guarantees of citizens' constitutional rights and state cybersecurity.

First, the processing of citizens' biometric and personal data on distance education platforms and artificial intelligence systems controlling examinations (proctoring) requires the creation of new administrative and legal mechanisms to protect the right to privacy, guaranteed by Article 27 of the Constitution, from cyber threats[1].

Second, the process of digital transformation gives rise to the phenomenon of the "digital divide," which imposes an obligation on the state to equally ensure citizens' constitutional right to education without discrimination in regions with varying information and communication infrastructures.

Third, the penetration of cross-border educational platforms into national cyberspace demands the development of new methods for administrative and legal regulation of the state's "educational sovereignty" and information security.

Despite the existence of these issues, the constitutional-administrative foundations and cybersecurity regimes of the distance education institution in the era of digitalization have not yet become an object of comprehensive and fundamental research in national legal science. The aforementioned factors determine the scientific and practical relevance of researching the constitutional and legal guarantees of the right to distance education and cybersecurity issues during the era of educational digitalization.

The primary theoretical and practical objective of this research is to develop and scientifically substantiate a conceptual state-legal model that ensures a perfect constitutional-legal and administrative-institutional balance between guaranteeing human digital rights in a virtual educational environment and protecting the state's interests in ensuring cybersecurity within the national information space under the conditions of rapid digital transformation and the global evolution of the education system.

[1] The Constitution of the Republic of Uzbekistan (2023).

From the Universal Declaration of Human Rights to the national system of constitutional legislation, the right to education is recognized in all legal sources as one of the inherent and inalienable fundamental rights of an individual. In Article 50 of the newly revised Constitution of the Republic of Uzbekistan, the substantive and procedural guarantees of this right have been further expanded, and the state's obligation to develop a continuous education system and its various forms has been solidified. However, the transformation of the educational environment from physical classrooms to virtual and cybernetic spaces has brought a completely new theoretical and practical problem before the doctrine of constitutional law — the phenomenon of the "digital divide."

In legal science, the concept of the "digital divide" refers to the disparities among citizens regarding their access to information and communication technologies, high-speed internet infrastructure, and digital skills. From the perspective of constitutional law theory, this phenomenon directly links citizens' legal opportunities to receive education with their geographical location (the infrastructural gap between urban and rural areas) and socio-economic status. Consequently, a risk arises where the form of distance education proclaimed by the state virtually becomes a restricted right for technologically and economically disadvantaged segments of the population. This contradicts the principle of citizens' equality before the law and the court, as well as non-discrimination regardless of social origin, as enshrined in Article 19 of our Basic Law[1].

The process of digitalizing education gives rise not only to technical risks but also to internal threats related to learners' rights and their psycho-emotional state. "Specifically, according to the results of studies conducted by Çebi (2023), Karakoç Öztürk (2024), and others on the impact of distance education within the higher education system of Turkey (utilizing latent growth analysis), distance learning exerts pressure on students' psycho-

[1] The Constitution of the Republic of Uzbekistan (2023).

emotional state, which directly affects the quality indicators of the right to education.[1]”

In the context of building a digital state, the concept of "equality of human rights" must expand its scope to encompass the concept of "digital equality." In other words, for the right to distance education to be genuinely guaranteed, the right of equal access to the virtual educational space (*access to digital education*) must be integrated into the system of the state's constitutional and socio-legal obligations. In this regard, the state must act not merely as a lawmaker that permits distance education, but as the primary entity ensuring the following state-legal guarantees:

Creating free or subsidized internet traffic systems, even in remote regions of the country, for educational institutions (HEIs) and their digital platforms where distance education systems have been implemented (for instance, expanding national secure network zones similar to "Ziyonet" for educational resources).

Enshrining in legislation the administrative and financial mechanisms to provide students from disadvantaged backgrounds registered in social registries or students with disabilities with the minimum necessary technical devices (computers, tablets) required for distance learning.

Establishing a legal obligation ensuring that the interface and software of national distance education platforms comply with inclusivity standards (international **WCAG criteria**[2]) for persons with disabilities (visually or hearing-impaired citizens).

The conceptual ideas of the international forum "TASHKENT CYBERLEX - 2026" are also specifically aimed at protecting human rights from technological discrimination in the digital age. As noted in UNESCO‘s

[1] Dağdeviren Ertaş, B., Barış Pekmezci, F. & Yüner, B. Students’ Academic Burnout and Perceived Satisfaction During Distance Education. *J Knowl Econ* (2026). https://doi.org/10.1007/s13132-026-03335-6

[2] World Wide Web Consortium. (2018). Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.1. W3C Recommendation. https://www.w3.org/TR/WCAG21

global monitoring reports on technology in education[1], if the digitalization process is not legally regulated and equality is not guaranteed, it will further deepen the existing social divide in education.

Ensuring the right to equal access to the virtual educational space means adapting the state's constitutional social function to the digital era. This determines the necessity of introducing guarantees for citizens to utilize the digital educational environment and imposing explicit administrative obligations on state bodies to eliminate the "digital divide" into the Law "On Education."

The rapid popularization of distance education platforms and the migration of educational processes into virtual space demand new technological methods for monitoring educational quality and ensuring academic integrity. As a result of this necessity, digital monitoring systems based on artificial intelligence algorithms—namely, proctoring systems—have begun to be actively implemented within the higher education system. However, the operational mechanism of proctoring systems (recognizing the student's facial features, tracking eye movements, recording voice samples, and scanning the room interior) creates a direct interference with the most sensitive legal sphere of a human being—the right to privacy and the domain of personal data. This situation places the problem of protecting an individual's fundamental rights and defining their legal boundaries on the agenda of the doctrine of constitutional law.

Article 31 of the newly revised Constitution of the Republic of Uzbekistan firmly establishes that everyone has the right to the protection of their personal data[2], and the state is obliged to create legal mechanisms for protecting personal data. In accordance with the Law of the Republic of Uzbekistan "On Personal Data[3]," data collected during the proctoring

[1] UNESCO. (2023). Global Education Monitoring Report 2023: Technology in education: A tool on whose terms? Paris, UNESCO. Retrieved from unesco.org

[2] The Constitution of the Republic of Uzbekistan (2023).

[3] Law of the Republic of Uzbekistan. (2019). On Personal Data (Law No. LRU-547, July 2, 2019; Effective October 1, 2019). National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan (lex.uz).

process, such as facial images and voice, fall into the category of "biometric personal data" that allows identifying the subject's identity, and they are subject to a separate, strict legal regime.

An educational institution's administrative need to exercise control over a student must not absolutely restrict a citizen's constitutional rights regarding the privacy of personal life. To ensure constitutional legality in the use of proctoring systems, the following three fundamental constitutional limits must be explicitly reflected in the legislation:

Educational platform operators must collect only the minimum data strictly necessary for conducting the examination. For instance, scanning a student's personal belongings in the room or other personal files within the computer's memory constitutes a gross violation of the principle of proportionality.

The primary condition for processing personal data is the subject's consent. However, a state of "legal inequality" exists in the relationship between a higher education institution and a student, whereby the student is compelled to give consent solely to pass the examination. Therefore, as a constitutional guarantee, an alternative form of taking a traditional (offline) examination must be legally guaranteed for students who object to submitting their biometric data to digital systems.

Proctoring software is frequently developed by foreign EdTech companies. The storage or cross-border transfer of national citizens' biometric data on foreign servers poses a direct threat to the state's digital sovereignty and individual security. The experience of the European Union's GDPR demonstrates that educational institutions must assume full administrative and civil liability for the security of student data in their capacity as "data controllers."

At the international scientific and practical forum "TASHKENT CYBERLEX - 2026," the priority of human dignity and rights in the application of artificial intelligence systems was precisely discussed as a central issue. UNESCO's recommendations on technology in education also

note that excessive monitoring of learners through biometric systems negatively affects their psychological integrity as well.

Defining the constitutional boundaries for protecting students' biometric data within distance education platforms and proctoring systems is the most urgent task of human rights protection in the digital age. This necessitates the introduction of special norms into the Law "On Personal Data"[1] and the Regulation approved by Resolution of the Cabinet of Ministers No. 559[2], establishing strict procedural rules for collecting, storing, and destroying biometric data in distance education, as well as the administrative liability of educational institutions for their violation.

In the era of globalization and rapid digitalization, the concept of state sovereignty has transcended its traditional territorial boundaries, giving rise to an entirely new doctrinal substance-the phenomenon of digital sovereignty and its constituent part, "educational sovereignty." The electronic educational space possesses a cross-border nature, wherein physical borders and state control become, to a certain extent, virtualized. Under such conditions, the active penetration of global educational platforms (Coursera, edX, Udacity, etc.) and foreign digital educational content into the national information-educational environment places the problem of constitutionally protecting the state's sovereign policy in the field of education, the national value system, and information security on the agenda.

From the perspective of constitutional law theory, educational sovereignty is the state's absolute and independent legal authority to autonomously define national educational standards, shape educational content based on national interests and ideological security, and ensure the rule of law within the digital educational space. Article 1 of the newly

[1] Law of the Republic of Uzbekistan. (2019). On Personal Data (Law No. LRU-547, July 2, 2019; Effective October 1, 2019). National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan (lex.uz).
[2] Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan. (2022). *On measures for organizing distance learning in higher education institutions* (Resolution No. 559, October 3, 2022). National Database of Legislation (lex.uz).

revised Constitution of the Republic of Uzbekistan establishes that Uzbekistan is a sovereign state, while Article 50 stipulates that the state ensures the development of the education system. Therefore, regardless of the form in which the educational environment is organized, the state bears constitutional liability for its content and security.

"As European researcher G. Resta rightfully emphasizes, the traditional legal system in modern society is undergoing a powerful transformation driven by digitalization and artificial intelligence technologies. Under such conditions, it is an error to view distance education merely as a collection of technical programs. To guarantee human rights in the era of digitalization, it is required to reform legal education based on an interdisciplinary approach, teaching students not only legal norms but also the technical and social dynamics of the digital environment.[1]"

Protecting "educational sovereignty" within the digital educational environment is an essential condition for ensuring national security and the stability of the constitutional system. This necessitates the introduction of special normative blocks into the Law "On Education" and regulatory documents on informatization, which guarantee the legal boundaries of providing cross-border distance education services and the sovereign inviolability of the national digital educational space.

"As the global studies of international experts W. L. Filho and M. Mifsud covering 52 countries demonstrate, distance education serves as an essential platform for higher education institutions to achieve the United Nations Sustainable Development Goals, particularly quality education (Goal 4) and gender equality (Goal 5). The capacity of distance education to overcome physical limitations, alongside its flexibility and inclusivity, serves as a modern constitutional guarantee for ensuring citizens' right to education.[2]"

---

[1] Resta, G. "So Lonely": Comparative Law and the Quest for Interdisciplinary Legal Education. *Int J Semiot Law* **37**, 1569–1586 (2024). https://doi.org/10.1007/s11196-024-10143-1

[2] Leal Filho, W., Mapar, M., Viera Trevisan, L. et al. Awareness and skills at a distance: the contribution of distance learning higher education institutions to the implementation of the United

In the context of digital public administration, the stable operation of distance education systems directly depends not only on the quality of technological infrastructure but also on the level of legal and institutional protection of this virtual space from cyber threats. Today, educational platforms, electronic databases, and remote proctoring systems have become primary targets for transnational cybercriminals, DDoS attacks, and targeted phishing campaigns. Cyberattacks and mass data breaches occurring within the distance education environment not only violate the constitutional rights of citizens but also directly threaten the security of the public administration system. This necessitates a comprehensive review of the institutional and legal mechanisms for ensuring cybersecurity in the education sector within the framework of administrative law doctrine.

Based on the requirements of the Law of the Republic of Uzbekistan "On Cybersecurity," national distance education platforms and the unified information systems of higher education institutions must be classified as objects of critical information infrastructure. Such a legal status imposes strict administrative and legal obligations on educational institutions to ensure information security.

As a result of the research on the institution of distance education in the context of digital public administration and educational transformation, the following conclusions have been reached:

Distance education is not merely a technical alternative to traditional teaching, but a strategic and sovereign state-legal institution that realizes the right to education guaranteed in Article 50 of the newly revised Constitution of the Republic of Uzbekistan within the virtual space.

Ensuring human rights in the digital environment requires the legal elimination of the concept of the "digital divide" and the strict definition of the boundaries of the privacy of personal life, as enshrined in Article 27 of

Nations Sustainable Development Goals. Discov Sustain 6, 1450 (2025). https://doi.org/10.1007/s43621-025-02319-x

the Constitution, during the process of processing students' biometric data in remote proctoring systems.

Ensuring the state's "educational sovereignty" and cybersecurity in the electronic educational space is a systematic administrative and legal process that requires the classification of educational platforms as objects of critical information infrastructure and the clear delineation of administrative and legal obligations between state bodies and educational institutions.

In order to eliminate the aforementioned systemic problems and systematize national legislation based on international standards, the following conceptual legislative proposals are put forward:

Introducing the concepts of "Digital Educational Environment," "Educational Sovereignty," and "Inclusive Digital Educational Space" into Article 3 of the Law "On Education." It is proposed to normatively solidify the right of equal access to digital infrastructure for remote regions as a state-legal guarantee of citizens' right to distance education.

Legally classifying distance education platforms and electronic databases as objects of "Critical Information Infrastructure" within the Law "On Cybersecurity." Concurrently, it is proposed to approve the "Unified State Administrative Regulation on Ensuring Cybersecurity and Responding to Data Breach Incidents in Distance Education Systems" via a Resolution of the Cabinet of Ministers.

Introducing a new article into the Code of Administrative Responsibility that establishes specific administrative liability dispositions and sanctions for educational platform operators. These measures should target the failure to ensure the security of students' personal and biometric data, the unlawful storage of data on foreign servers, and the failure to promptly notify authorized state bodies regarding cyber incidents.

MENGLIQULOV UMID MAMADIYEVICH
Huquqni muhofaza qilish akademiyasi
dotsenti, falsafa doktori (PhD), dotsent

ILMIY TADQIQOT VA YURIDIK JAVOBGARLIK

Аннотация: *Ушбу мақолада илмий тадқиқотлар билан боғлиқ юридик жавобгарлик масалаларига оид илмий таҳлиллар ёритилади. Ҳозирги кунда тадқиқотларда юзага келиши мумкин бўлган юридик жавобгарликнинг турли шакллари – фуқаролик, маъмурий ва жиноий жавобгарлик таҳлил қилиниб, уларнинг ижтимоий аҳамияти ва ҳуқуқий механизмлари ўрганилади. Шунингдек, интеллектуал мулк ҳуқуқлари, шахсий маълумотларни ҳимоя қилиш, ахлоқий меъёрларга риоя қилиш каби асосий қонуний талаблар ва уларнинг бузилиши оқибатлари муҳокама қилинади.*

Аннотация: *В данной статье рассматриваются научные аспекты юридической ответственности, связанной с научными исследованиями. Анализируются различные формы юридической ответственности, которые могут возникнуть в ходе исследований – гражданская, административная и уголовная, изучается их социальная значимость и правовые механизмы. Кроме того, обсуждаются основные правовые требования, такие как защита интеллектуальной собственности, конфиденциальность персональных данных, соблюдение этических норм, а также последствия их нарушения.*

Abstract: *This article examines scholarly aspects of legal liability related to scientific research. It analyzes various forms of legal liability that may arise in research – civil, administrative, and criminal – exploring their social significance and legal mechanisms. Additionally, it discusses key legal requirements, including intellectual property rights, personal data protection, adherence to ethical standards, and the consequences of their violation.*

Калит сўзлар: *илмий тадқиқот, метод, методология, юридик жавобгарлик, плагиат.*

Ключевые слова: *научное исследование, метод, методология, юридическая ответственность, плагиат.*

Keywords: *scientific research, method, methodology, legal liability, plagiarism.*

Kirish. Ilmiy tadqiqotlar zamonaviy jamiyatning barqaror rivojlanishida muhim o‘rin egallaydi. Ular yangi bilimlarni yaratish, texnologik yutuqlarni hayotga tatbiq etish, shuningdek, murakkab ijtimoiy, iqtisodiy va madaniy muammolarga innovatsion yechimlar topishda hal qiluvchi rol o‘ynaydi. Shu bilan birga, ilmiy izlanishlar insoniyatning ma'naviy, madaniy va iqtisodiy taraqqiyotiga xizmat qiluvchi muhim omil sifatida ham e’tirof etiladi. Biroq, ilmiy faoliyat faqat texnik va metodologik jihatlar bilangina cheklanmaydi. U huquqiy va axloqiy mas’uliyatni ham o‘z ichiga oladi. Tadqiqotchilar va ilmiy muassasalar faoliyati ko‘pincha huquqiy me’yorlar doirasida amalga oshiriladi. Bu me’yorlar ilmiy sohada yuzaga keladigan qonunbuzarliklarning oldini olish va mas’uliyatni belgilashga xizmat qiladi. Shu sababli, ilmiy tadqiqotlar jarayonida huquqiy javobgarlik masalalari nafaqat alohida tadqiqotchilar, balki butun ilmiy hamjamiyat va ijtimoiy tizim uchun ham dolzarb ahamiyat kasb etadi.

Ilmiy faoliyatda yuzaga keladigan yuridik javobgarlik ko‘p qirrali bo‘lib, u intellektual mulk huquqlari, axborotning haqqoniyligi, tadqiqot etikasi, moliyalashtirish shartlari va grant bitimlarining buzilishi kabi masalalarni qamrab oladi. Ayniqsa, ilmiy natijalarning noto‘g‘ri taqdim etilishi yoki soxtalashtirilishi ilmiy hamjamiyat va keng jamoatchilik ishonchiga putur yetkazishi, natijada yuridik choralar ko‘rilishiga sabab bo‘lishi mumkin. Shu bois ilmiy tadqiqotlar jarayonida yuridik javobgarlikning mohiyati, shakllari va qo‘llanilish mexanizmlarini chuqur o‘rganish zarurati ortib bormoqda. Ayniqsa, bugungi kunda ilmiy faoliyat innovatsiyalar, texnologiyalar va ilmiy bilimlarni rivojlantirishning asosiy omiliga aylangani bois, ko‘plab mamlakatlarda bu soha maxsus qonunchilik bilan tartibga solinmoqda. Bu esa tadqiqotchilar, ilmiy muassasalar hamda jamiyat manfaatlarini himoya qilishga qaratilgan.

Ilmiy tadqiqotlarning huquqiy asoslari bir qator muhim yo‘nalishlarni o‘z ichiga oladi. Ular jumlasiga intellektual mulk huquqi, axloqiy me’yorlar, shaxsiy ma’lumotlarni himoya qilish, tajriba ishtirokchilarining huquqlari va xavfsizligini ta’minlash kabi sohalar kiradi. Shu bilan birga, xalqaro tajriba

shuni ko‘rsatadiki, ilmiy faoliyatda huquqiy javobgarlik va etika tamoyillar bir-birini to‘ldiruvchi asosiy elementlar sifatida qaraladi. Ilmiy tadqiqotlarning huquqiy asoslarini ishlab chiqishda xalqaro normalar va konvensiyalar, xususan, Birlashgan Millatlar Tashkiloti, YuNESKO, Jahon sog‘liqni saqlash tashkiloti kabi xalqaro institutlar tomonidan qabul qilingan qoidalar muhim ahamiyat kasb etadi. Ushbu huquqiy asoslar orqali ilmiy izlanishlarda ishtirok etuvchi shaxslarning huquqlari, ma’lumotlarning maxfiyligi, tajribalar o‘tkazishda inson xavfsizligi hamda natijalarning haqqoniyligi ta’minlanadi.

Ilmiy faoliyatni tartibga soluvchi huquqiy mexanizmlarning mavjudligi bir nechta maqsadlarga xizmat qiladi. Ulardan asosiylari quyidagilardir:

- Tadqiqot ishtirokchilarining huquq va manfaatlarini himoya qilish – bu, ayniqsa, tibbiyot va ijtimoiy sohalarda o‘tkaziladigan ilmiy ishlar uchun dolzarb hisoblanadi;

- Ilmiy natijalarning haqqoniyligi va ishonchliligini ta’minlash – yolg‘on yoki soxtalashtirilgan ma’lumotlar tarqalishining oldini olish orqali ilmiy hamjamiyatga va keng jamoatchilikka nisbatan ishonchni mustahkamlash;

- Mualliflik va intellektual mulk huquqlarini kafolatlash – tadqiqotchilarning mehnatini munosib qadrlash va rag‘batlantirish orqali ilmiy innovatsiyalarni rivojlantirish;

- Moliyaviy resurslardan samarali va shaffof foydalanishni ta’minlash – grantlar va byudjet mablag‘lari hisobiga amalga oshiriladigan loyihalarda javobgarlik mexanizmlarini kuchaytirish. Shunday qilib, ilmiy tadqiqotlarning huquqiy asoslarini mustahkamlash nafaqat tadqiqotchilar faoliyatini qonuniy asosda olib borishga xizmat qiladi, balki jamiyat taraqqiyotini ta’minlovchi ilmiy-innovatsion muhitni shakllantirishda ham muhim omil hisoblanadi.

Kelgusida mamlakatimizda ham ilmiy faoliyat bilan bog‘liq huquqiy asoslarni xalqaro standartlar bilan uyg‘unlashtirish, ilmiy etikani

kuchaytirish va ilmiy natijalarning jamoatchilik bilan ochiq ulashilishini ta’minlash orqali ushbu sohaning samaradorligini oshirish mumkin bo‘ladi. Xususan, grantlar monitoringi, ilmiy hisobotlar shaffofligi, mustaqil ekspertizalar instituti kabi mexanizmlarni joriy qilish dolzarb masalalardan biri hisoblanadi.

O‘zbekiston Respublikasida ilmiy tadqiqotlar faoliyati 2006-yil 20-iyulda qabul qilingan “Mualliflik huquqi va turdosh huquqlar to‘g‘risida”gi O‘RQ-42-son qonuni[1], 2019-yil 29-oktabrda qabul qilingan “Ilm-fan va ilmiy faoliyat to‘g‘risida”gi O‘RQ-576-sonli qonunlari bilan tartibga solinadi[2]. Mazkur qonunlar ilmiy faoliyatni moliyalashtirish, axloqiy va huquqiy me’yorlarni belgilash, shuningdek, intellektual mulk huquqlarini himoya qilish bo‘yicha asosiy tamoyillarni o‘z ichiga oladi. Jumladan, quyidagi jihatlarga alohida e’tibor qaratilgan:

- ilmiy tadqiqotlarning qonuniy va axloqiy tamoyillarga rioya etilgan holda amalga oshirilishi;
- tadqiqot natijalarining intellektual mulk ob’yekti sifatida himoya qilinishi;
- tadqiqot jarayonida shaxsiy ma’lumotlarning maxfiyligi va himoyalanishi;
- tajriba ishtirokchilarining xavfsizligi va ularning roziligi.

Mazkur qonunchilik bazasi ilmiy faoliyatni tartibga solish orqali jamiyat manfaatlarini ta’minlash, mualliflik huquqlarini himoya qilish va ilmiy natijalarni ijtimoiy foydaga aylantirish imkonini yaratadi.

Ilmiy tadqiqotlarning huquqiy asoslari nafaqat O‘zbekistonda, balki dunyoning rivojlangan davlatlarida ham keng qamrovli va mukammal normativ-huquqiy bazaga ega. Jumladan, AQShda ilmiy tadqiqotlar bir qator federal qonunlar va qoidalar orqali tartibga solinadi. Ular orasida “The Bayh-Dole Act”[3] alohida o‘rin tutadi. Ushbu hujjat universitetlar va davlat

[1] https://lex.uz/docs/-1022944
[2] https://lex.uz/docs/-4571490

[3] https://research.wisc.edu/bayhdole/

tomonidan moliyalashtirilgan ilmiy tadqiqotlar natijalarining patentlash huquqini ta’minlab, intellektual mulk huquqlarini tartibga soladi. Bundan tashqari, “Health Insurance Portability and Accountability Act” (HIPAA) hamda “Common Rule”[1] kabi normalar tadqiqotlarda shaxsiy ma’lumotlarning himoyasi va etika talablarni belgilovchi asosiy huquqiy hujjatlardir.

Yevropa Ittifoqida ham ilmiy tadqiqotlarni tartibga soluvchi huquqiy tizim keng qamrovga ega bo‘lib, ayniqsa shaxsiy ma’lumotlarni himoya qilishga katta e’tibor qaratiladi. 2018-yilda kuchga kirgan “General Data Protection Regulation” (GDPR)[2] hujjati ilmiy tadqiqotlarda shaxsiy ma’lumotlarning yig‘ilishi, saqlanishi va foydalanilishiga qat’iy talablar qo‘yadi. Shu bilan birga, “European Code of Conduct for Research Integrity”[3] (Ilmiy halollik bo‘yicha Yevropa davlatlarining etika kodeksi) Yevropa ilmiy hamjamiyati uchun muhim axloqiy va kasbiy tamoyillarni belgilaydi.

Yaponiya esa ilmiy tadqiqotlar va innovatsiyalar sohasida huquqiy va etika normalarni joriy qilishda o‘ziga xos yondashuvga ega. Davlat tomonidan intellektual mulkni himoya qilish va bioetika bo‘yicha qat’iy tartibga solish tizimi yo‘lga qo‘yilgan. Bundan tashqari, tadqiqotlarda ishtirok etuvchi sub’ektlarning huquqlarini himoya qilish uchun maxsus qonunlar va standartlar ishlab chiqilgan bo‘lib, ular ilmiy faoliyatning xavfsiz, qonuniy va insonparvarlik tamoyillariga asoslangan holda amalga oshirilishini ta’minlaydi.

Xalqaro tajriba shuni ko‘rsatmoqdaki, ilmiy tadqiqotlarning huquqiy asoslari bir qator umumiy va muhim tamoyillar atrofida shakllanadi. Ular quyidagilardan iborat:

---

[1] https://www.cdc.gov/phlp/php/resources/health-insurance-portability-and-accountability-act-of-1996-hipaa.html

[2] https://gdpr.eu/what-is-gdpr/#:~:text=The%20General%20Data%20Protection%20Regulation,to%20people%20in%20the%20EU.

[3] https://allea.org/wp-content/uploads/2023/06/European-Code-of-Conduct-Revised-Edition-2023.pdf

- Intellektual mulk huquqlarini himoya qilish — mualliflik huquqlari, patentlar, savdo sirlari kabi intellektual mulk ob’yektlarini qonuniy jihatdan himoyalash;

- Tadqiqot etikasi va mas’uliyati — ilmiy halollik, ya’ni ma’lumotlarni soxtalashtirish, plagiat va boshqa etiket buzilishlarga qarshi kurashish;

- Shaxsiy ma’lumotlarni himoya qilish — tadqiqot ishtirokchilarining roziligini olish, ularning maxfiy ma’lumotlarini yig‘ish, saqlash va qayta ishlashda xavfsizlikni ta’minlash;

- Tajribalar xavfsizligi va roziligi — inson yoki hayvonlar ustida o‘tkaziladigan tajribalarda qatnashuvchilarning huquqlarini himoya qilish va ularning roziligini huquqiy jihatdan ta’minlash.

Shunga qaramay, ilmiy tadqiqotlar sohasida huquqiy tartibga solish bilan bog‘liq muammolar ham mavjud. Xususan, quyidagi muammolar dolzarb hisoblanadi:

- qonunchilik bazasining tez-tez o‘zgarib turishi;

- milliy va xalqaro me’yorlarning o‘zaro mos kelmasligi;

- texnologik rivojlanishlarga huquqiy javoblarning sustligi yoki kechikishi.

Ilmiy tadqiqotlarning huquqiy asoslari har bir mamlakatda o‘ziga xos shakllanadi. Biroq, umumiy jihatdan ularni intellektual mulkni muhofaza qilish, axloqiy me’yorlarga rioya etish, shaxsiy ma’lumotlarni himoyalash va tajriba ishtirokchilarining huquqlarini ta’minlash yo‘nalishlari birlashtiradi.

So‘nggi yillarda mamlakatimizda ham ilmiy faoliyatni tartibga soluvchi milliy qonunchilikni takomillashtirish bo‘yicha muhim qadamlar qo‘yilmoqda. Bunda xalqaro standartlarga moslashuv, huquqiy normalarni uyg‘unlashtirish va zamonaviy ehtiyojlarga javob beruvchi huquqiy mexanizmlarni ishlab chiqish asosiy yo‘nalish bo‘lib qolmoqda.

Xorijiy mamlakatlar tajribasi esa ilmiy tadqiqotning huquqiy asoslarini rivojlantirishda foydali model va mexanizmlarni taklif etadi. Shu bilan birga, ilmiy faoliyat doimo o‘zgarib borayotgan texnologik va ijtimoiy muhit bilan

chambarchas bog‘liq bo‘lgani sababli, yangi muammolarga tezkor va samarali yuridik javoblar ishlab chiqish zarurati doimiy dolzarblik kasb etmoqda.

Ilmiy tadqiqotlarning yuridik javobgarlikka ta'sir qiluvchi asosiy jihatlari

Ilmiy tadqiqot jarayonida yuzaga keladigan yuridik javobgarlik ko‘plab jihatlar orqali namoyon bo‘ladi. Eng asosiy jihatlar quyidagilardan iborat bo‘lib, ular nafaqat tadqiqotning qonuniyligini, balki uning axloqiy va ijtimoiy maqbul ekanligini ta’minlaydi.

1. Intellektual mulk huquqlari

Ilmiy tadqiqotlarning natijalari ko‘pincha yangi ixtirolar, kashfiyotlar va ilmiy ishlanmalarni o‘z ichiga oladi. Ushbu natijalar mualliflik huquqi, patent va boshqa intellektual mulk huquqlari bilan himoyalanishi shart. Bunda ilmiy hamjamiyat va qonunchilik sohasida plagiat — boshqalar mehnatini o‘zlashtirish — jiddiy yuridik va axloqiy huquqbuzarlik sifatida ko‘riladi. Plagiat natijasida tadqiqotchi intellektual mulk huquqlari buzilishi bo‘yicha sudga tortilishi, moddiy jarimalar va ilmiy maqolalarining bekor qilinishi kabi jiddiy oqibatlarga duch keladi.

Xalqaro tajribada, masalan, AQShda va Yevropa mamlakatlarida intellektual mulkni himoya qilish qonunlari aniq va qat’iy hisoblanadi. “Bayh-Dole Act” kabi qonunlar universitetlar va tadqiqot institutlariga ixtirolar ustidan huquq berib, ularni tijoratlashtirish imkonini yaratadi. Shu bilan birga, plagiatga qarshi kurashish uchun ilmiy jurnallar va ilmiy muassasalar maxsus dasturlar va siyosatlarni joriy qilgan.

2. Shaxsiy ma'lumotlarning maxfiyligi

Tibbiyot, ijtimoiy fanlar va boshqa sohalardagi tadqiqotlarda shaxsiy ma’lumotlarni yig‘ish va ishlatish keng tarqalgan. Bunday holatlarda shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish va maxfiylik talablariga qat’iy rioya qilish zarur. “Shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish to‘g‘risida”gi qonunlar — O‘zbekistonda ham — tadqiqotlarda respondentlar yoki bemorlarning

roziligi, ma’lumotlarning anonimligi va xavfsizligi bo‘yicha talablarni belgilaydi.

Xorijiy mamlakatlarda bu borada huquqiy mexanizmlar ancha rivojlangan. Masalan, Yevropa Ittifoqining GDPR qoidalari tadqiqot jarayonida shaxsiy ma’lumotlarni yig‘ishda rozilik olish, ma’lumotlarni minimal darajada ishlatish va ularni xavfsiz saqlashni ta’minlashni shart qiladi. AQShda esa HIPAA qonuni tibbiy ma’lumotlar maxfiyligini ta’minlashga yo‘naltirilgan.

Shaxsiy ma’lumotlarning noto‘g‘ri ishlatilishi, maxfiylikning buzilishi esa nafaqat etika jihatdan, balki yuridik javobgarlikka ham sabab bo‘ladi. Bu holatlar tadqiqotchilar va ilmiy tashkilotlarning obro‘siga putur yetkazishi mumkin.

3. Axloqiy me'yorlar

Insonlar yoki hayvonlar ishtirokidagi tadqiqotlarda axloqiy me’yorlarga amal qilish eng muhim shart hisoblanadi. Xalqaro darajada biomedikal tadqiqotlarda qo‘llaniladigan Xelsinki deklaratsiyasi tadqiqotchilarga inson sub’ektlari bilan ishlashda qat’iy axloqiy tamoyillarni belgilaydi. Ular orasida sub’ektlarning roziligi, zarar yetkazmaslik, maxfiylik, va xavfsizlikni ta’minlash mavjud.

Shuningdek, hayvonlar bilan olib boriladigan tadqiqotlarda ham maxsus axloqiy standartlar — masalan, “3R tamoyillari” qo‘llaniladi. Ushbu tamoyillar hayvonlarga zarar yetkazmaslik va tadqiqot jarayonini iloji boricha yumshatishni nazarda tutadi.

Axloqiy me’yorlarga rioya qilmaslik, masalan, majburiy yoki noto‘g‘ri rozilik olish, zarar yetkazish, tadqiqot natijalarini soxtalashtirish yuridik va ma’muriy javobgarlikka sabab bo‘ladi. Bunday holatlar ilmiy hamjamiyat tomonidan qat’iyan qoralanadi va qonuniy sanksiyalarni keltirib chiqaradi.

Ilmiy tadqiqotlarda yuridik javobgarlikning uchta asosiy jihati — intellektual mulk huquqlari, shaxsiy ma’lumotlarni himoya qilish va axloqiy me’yorlarga rioya qilish — tadqiqotning qonuniyligi va ijtimoiy maqbulligini ta’minlaydi. Zamonaviy huquqiy tizimlar va xalqaro

standartlar ushbu sohalarni mukammal tartibga solgan bo‘lib, tadqiqotchilar va muassasalar faoliyatining huquqiy asoslarini mustahkamlaydi. Shu bois, ilmiy tadqiqotlar jarayonida ushbu jihatlarga qat’iy rioya qilish har bir mutaxassis va muassasa uchun fundamental talab hisoblanadi.

Ilmiy tadqiqotlar jarayonida yuzaga kelishi mumkin bo‘lgan yuridik javobgarlik shakllari ko‘p qirrali bo‘lib, har birining o‘ziga xos huquqiy asoslari, shartlari va oqibatlari mavjud. Bu javobgarlik turlari tadqiqotning turiga, natijalariga va qonuniy me’yorlarga rioya qilinishiga bog‘liq holda yuzaga keladi. Quyida eng ko‘p uchraydigan uchta yuridik javobgarlik turi ko‘rib chiqiladi.

1. Fuqarolik javobgarligi

Fuqarolik javobgarligi — bu bir tomonning boshqa tomonga yetkazilgan zarar uchun kompensatsiya to‘lash majburiyatidir. Ilmiy tadqiqotlar jarayonida, masalan, noto‘g‘ri o‘tkazilgan tibbiy sinovlar yoki kimyoviy moddalarning salbiy ta’siri sababli uchinchi shaxslarga zarar yetkazilgan taqdirda, tadqiqotchi yoki uni moliyalashtirgan muassasa zararlarni qoplashga majbur bo‘ladi.

Xalqaro amaliyotda, ayniqsa AQShda, bunday holatlar uchun fuqarolik da’volari keng tarqalgan. Masalan, farmatsevtika kompaniyalari tomonidan noto‘g‘ri sinov o‘tkazilishi natijasida bemorlar zarar ko‘rgan taqdirda sudda katta moliyaviy kompensatsiyalar to‘lanishi talab qilinadi. Shu bilan birga, tadqiqotchi shaxsiy javobgarlikni kamaytirish uchun sug‘urta qilish va aniq protokollarni bajarish zarurati borligini hisobga olishi lozim.

2. Ma’muriy javobgarlik

Ma’muriy javobgarlik ilmiy tadqiqot jarayonida qonun hujjatlarining talablariga rioya qilinmasligi natijasida yuzaga keladi. Misol uchun, litsenziyasiz yoki ruxsatsiz tajribalar o‘tkazish, xavfsizlik qoidalarini buzish, shaxsiy ma’lumotlarni noto‘g‘ri ishlatish kabi holatlar ma’muriy jarima yoki tadqiqot faoliyatining vaqtincha to‘xtatilishiga olib keladi.

Yevropa Ittifoqida ma’muriy javobgarlik tizimi tadqiqotlar ustidan nazoratni kuchaytirish maqsadida rivojlangan. Masalan, GDPR talablariga rioya qilmaslik ma’muriy jarimalarni keltirib chiqaradi, ularning miqdori kompaniyaning yillik daromadining 4% gacha yetishi mumkin. Shu tariqa, ma’muriy javobgarlik tadqiqotchi va muassasalarning qonunlarga qat’iy rioya qilishini ta’minlaydi.

3. Jinoiy javobgarlik

Jinoiy javobgarlik ilmiy tadqiqotlar jarayonida yuzaga keladigan eng jiddiy yuridik javobgarlik shaklidir. Agar tadqiqotlar odamlar hayotiga yoki sog‘lig‘iga bevosita xavf tug‘diradigan noqonuniy tajribalar o‘tkazish, soxta ma’lumotlar taqdim etish yoki boshqa jiddiy qonunbuzarliklar sodir etilsa, tadqiqotchilar yoki muassasalar jinoiy javobgarlikka tortilishi mumkin.

Masalan, tarixda insonlar ustida noqonuniy tajribalar o‘tkazgan ba’zi olimlar jinoiy javobgarlikka tortilgan. Zamonaviy qonunchilik esa bunday holatlarga qarshi aniq jazo choralarini belgilaydi. Shu bois, tadqiqotchilar jinoiy javobgarlikdan saqlanish uchun etika qo‘mitalari va huquqiy organlar tomonidan belgilangan tartib-qoidalarga qat’iy rioya qilishlari zarur.

Ilmiy tadqiqot jarayonida yuzaga kelishi mumkin bo‘lgan yuridik javobgarlik turlari – fuqarolik, ma’muriy va jinoiy javobgarlik – har biri tadqiqotning turiga, oqibatlariga va qonuniy talablariga mos ravishda qo‘llaniladi. Zamonaviy huquqiy tizimlar ushbu javobgarliklarni tartibga solib, tadqiqotlarning qonuniy va axloqiy asosda olib borilishini ta’minlashga xizmat qiladi. Tadqiqotchilar va ilmiy muassasalar ushbu javobgarlik shakllarini chuqur anglab, faoliyatlarini shunga muvofiq tashkil etishlari zarur.

Ilmiy tadqiqotlarda yuridik javobgarlik ko‘pincha axloqiy muammolar bilan chambarchas bog‘liq bo‘lib, ularning har biri ilmiy faoliyat sifatini va ishonchliligini ta’minlashda muhim o‘rin tutadi. Quyida bu muammolarning eng dolzarb jihatlari ko‘rib chiqiladi.

1. Plagiat va ilmiy yolg‘on

Plagiat — bu boshqa olimlarning ishlarini o‘zlashtirish yoki ularni mos ravishda ko‘rsatmasdan ishlatish bo‘lib, ilmiy axloqiy normalarga zid. Ilmiy yolg‘on esa ma’lumotlarni soxtalashtirish, ma’lumotlarni noto‘g‘ri taqdim etish yoki natijalarni manipulyatsiya qilishdir.

Axloqiy nuqtai nazardan bunday amallar ilmiy hamjamiyat ishonchini zaiflashtiradi, ilmiy bilimlarning haqiqiy rivojlanishiga to‘sqinlik qiladi. Yuridik jihatdan, plagiat intellektual mulk huquqlarining buzilishi sifatida qaraladi va ko‘plab mamlakatlarda sudda jiddiy oqibatlarga olib keladi. Masalan, AQSh va Yevropa universitetlarida plagiat uchun o‘qishdan chetlatish, moliyalashtirishni to‘xtatish va sud jarayoni qo‘llaniladi.

2. Tajriba ishtirokchilarining huquqlari

Tibbiy va ijtimoiy tadqiqotlarda inson ishtirokchilarning huquqlari alohida ahamiyatga ega. Informed consent (rozilik olish) — bu ishtirokchilarning o‘zlari to‘liq va aniq ma’lumotlarga asoslangan holda tadqiqotda qatnashishga rozilik berishi. Rozilik olinmasligi inson huquqlarining buzilishi sifatida qaralib, jiddiy axloqiy va yuridik muammolarni keltirib chiqaradi.

Xalqaro huquqda, jumladan, Xelsinki deklaratsiyasi va Nyu-Yorkda joylashgan Milliy Bioetik Komissiyaning qoidalari bu tamoyillarni belgilaydi. AQShda HIPAA qonuni shaxsiy ma’lumotlarni himoya qilish va ishtirokchilar huquqlarini ta’minlash bo‘yicha qat’iy talablarni o‘rnatadi.

3. Moliyaviy mas'uliyat va shaffoflik

Ilmiy tadqiqotlarni moliyalashtirishda shaffoflik va moliyaviy javobgarlik talab qilinadi. Grant mablag‘larini noto‘g‘ri ishlatish, xususiy yoki davlat fondlarini suiiste’mol qilish nafaqat axloqiy jihatdan noto‘g‘ri, balki yuridik javobgarlikka olib keladi.

Masalan, Yevropa Ittifoqida Horizon Europe dasturida moliyaviy nazorat va hisobotlar qat’iy amalga oshiriladi, moliyaviy buzilishlar aniqlanganda jarimalar va moliyaviy to‘lovlarni qaytarish majburiyati yuzaga keladi. AQShda esa Federal Grant va Kontraktlarni Suiiste’mol

qilish to‘g‘risidagi qonunlar mavjud bo‘lib, ular buzilgan taqdirda jinoiy va ma’muriy javobgarlik qo‘llanadi.

Ilmiy tadqiqotlarda axloqiy va yuridik muammolar bir-biri bilan chambarchas bog‘liq bo‘lib, plagiat va ilmiy yolg‘on, tajriba ishtirokchilarining huquqlari va moliyaviy shaffoflik kabi muammolar tadqiqot sifatiga va ishonchliligiga sezilarli ta’sir ko‘rsatadi. Xalqaro tajriba ko‘rsatadiki, ushbu sohalarda qat’iy qonuniy va etika me’yorlari joriy etilishi tadqiqotlarning barqaror va ishonchli rivojlanishini ta’minlaydi.

Xulosa. Ilmiy tadqiqot faoliyati zamonaviy jamiyatning rivojlanishida hal qiluvchi ahamiyat kasb etsa-da, u qat’iy yuridik va axloqiy me’yorlarga asoslangan holda olib borilishi shart. Intellektual mulk huquqlarining himoyasi, shaxsiy ma’lumotlar maxfiyligini ta’minlash va axloqiy tamoyillarga qat’iy rioya qilish — bu ilmiy jarayonning qonuniyligi va ijtimoiy maqbulligini kafolatlovchi asosiy omillardir.

Xalqaro tajriba shuni ko‘rsatmoqdaki, huquqiy mexanizmlarni takomillashtirish orqali nafaqat ilmiy natijalarning sifati oshadi, balki ilmiy hamjamiyatga bo‘lgan ishonch ham mustahkamlanadi. Shu bois, ilmiy tadqiqot subyektlarining yuridik javobgarligini aniqlashtirish, qonun hujjatlarini xalqaro standartlarga moslashtirish va ilmiy-axloqiy madaniyatni shakllantirish zamonaviy davrda dolzarb vazifalardan biridir.

Ilmiy izlanishlar faqat ilmiy natijalargagina emas, balki huquqiy va axloqiy asosga ega bo‘lgan yondashuv orqali haqiqiy ilmiy yutuqlarga olib keladi. Shu nuqtai nazardan, yuridik javobgarlikni chuqur tushunish va unga amal qilish ilmiy faoliyatning ajralmas tarkibiy qismi bo‘lib qoladi.

OCHILOV ASADBEK
BAHODIR OGLI
Officer of the Law Enforcement Academy
of the Republic of Uzbekistan

INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS FOR COMBATING CORRUPTION IN PUBLIC PROCUREMENT AND THE PROSPECTS FOR THEIR IMPLEMENTATION IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Abstract: *Purpose. The article systematizes the international legal standards that govern anti-corruption in public procurement and develops a sequenced pathway for advancing their harmonization with the public-procurement legislation of the Republic of Uzbekistan. Methodology. A doctrinal and comparative legal method is applied to the principal instruments — UNCAC, the OECD Recommendation on Public Procurement, the UNCITRAL Model Law and the FATF standards — together with Uzbekistan's 2021 Law on Public Procurement and peer-reviewed scholarship; the study uses no subjective scoring or cross-country statistics. Findings. The instruments converge on nine operational standards. Uzbekistan's 2021 reform established strong foundations on transparency, competition and e-procurement; building on these, the article identifies the standards whose fuller integration would most advance the system — independent review, whistleblower protection and beneficial-ownership transparency — and arranges them into a phased roadmap. Value. Grounded in the theory of legal transplantation, the article argues that the value of an imported standard depends on the domestic institutions that give it effect.*

Keywords: *public procurement; anti-corruption; international standards; UNCAC; UNCITRAL Model Law; OECD; legal transplantation; whistleblower protection; beneficial ownership; Uzbekistan.*

Public procurement accounts for a substantial share of national budgets and is a recurring focus of international anti-corruption law, the cornerstone of which is the United Nations Convention against Corruption, whose Article 9 obliges states parties to maintain transparent, competitive and

objective systems[1]. The Republic of Uzbekistan ratified the Convention in 2008 and, as part of a broad modernization agenda, adopted a dedicated Law on Public Procurement in 2021[2].

The article pursues three connected aims: to systematize the operative international standards; to map Uzbekistan's current procurement framework against them on a strictly source-based footing; and to propose a realistic, sequenced pathway for advancing harmonization. The analysis draws on the scholarly literature rather than on the author's own scoring.

The scholarship converges on a few recurring themes. Søreide[3] maps the mechanisms of procurement corruption and argues that political commitment is a necessary precondition for reform, while Rose-Ackerman and Palifka[4] situate it within the economics of rent-seeking, holding that durable reform must reduce rents and strengthen accountability rather than merely add rules. Thai[5] treats procurement as a complex system whose integrity rests on a coherent legal framework and a professionalised workforce, and Fazekas, Tóth and King[6] show that integrity is increasingly measurable through objective, data-driven "red-flag" indicators such as single bidding and restricted competition.

On instruments and prospects, Williams-Elegbe[7] analyses debarment as a powerful but conceptually demanding tool that requires robust due-

[1] United Nations. (2003). United Nations Convention against Corruption (UNCAC). United Nations. https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/uncac.html

[2] Law of the Republic of Uzbekistan 'On Public Procurement' No. ZRU-684 (2021). https://lex.uz/docs/6121273

[3] Søreide, T. (2002). Corruption in public procurement: Causes, consequences and cures (CMI Report R 2002:1). Chr. Michelsen Institute. https://www.cmi.no/publications/843-corruption-in-public-procurement-causes

[4] Rose-Ackerman, S., & Palifka, B. J. (2016). Corruption and government: Causes, consequences, and reform (2nd ed.). Cambridge University Press.

[5] Thai, K. V. (2001). Public procurement re-examined. Journal of Public Procurement, 1(1), 9–50.

[6] Fazekas, M., Tóth, I. J., & King, L. P. (2016). An objective corruption risk index using public procurement data. European Journal on Criminal Policy and Research, 22(3), 369–397. https://doi.org/10.1007/s10610-016-9308-z

[7] Williams-Elegbe, S. (2012). Fighting corruption in public procurement: A comparative analysis of disqualification or debarment measures. Hart Publishing.

process safeguards, and Berkowitz, Pistor and Richard[1] demonstrate a "transplant effect" whereby imported rules underperform unless adapted to local institutions and supported by domestic demand. In the Uzbek context, Mardieva[2] advocates combining statutory and technological reform, and Mamadaliyeva[3] emphasizes the role of strong institutions and civil-society engagement. Three propositions frame the present study: formal rules are necessary but insufficient[4]; integrity is measurable through procurement data; and implementation success turns on institutional fit[5].

The study applies a doctrinal and comparative legal method. The primary materials are the relevant international instruments — UNCAC, the OECD Recommendation on Public Procurement[6], the UNCITRAL Model Law[7]and the FATF Recommendations on beneficial ownership — and Uzbekistan's Law on Public Procurement. The instruments are distilled into a set of operational standards, against which the national framework is mapped on a strictly normative basis; consistent with the doctrinal method, no quantitative alignment scores or cross-country statistical comparisons are used, and statements about the national framework are attributed to identifiable legal sources or to the cited literature.

[1] Berkowitz, D., Pistor, K., & Richard, J.-F. (2003). The transplant effect. The American Journal of Comparative Law, 51(1), 163–204. https://doi.org/10.2307/3649143

[2] Mardieva, L. (2023). Public procurement: How can legislative reforms and technological innovations be harnessed to effectively combat corruption in Uzbekistan? Educational Research in Universal Sciences, 2(17 Special), 978–987. https://erus.uz/index.php/er/article/view/5336

[3] Mamadaliyeva, F. (2025). Anti-corruption reform in Uzbekistan: What can be learned from Singapore? Irshad Journal of Law and Policy. https://irshadjournals.com/index.php/ijlp/article/view/342

[4] Søreide, T. (2002). Corruption in public procurement: Causes, consequences and cures (CMI Report R 2002:1). Chr. Michelsen Institute. https://www.cmi.no/publications/843-corruption-in-public-procurement-causes

[5] Berkowitz, D., Pistor, K., & Richard, J.-F. (2003). The transplant effect. The American Journal of Comparative Law, 51(1), 163–204. https://doi.org/10.2307/3649143

[6] OECD. (2015). Recommendation of the Council on public procurement (OECD/LEGAL/0411). OECD. https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0411

[7] UNCITRAL. (2011). UNCITRAL Model Law on Public Procurement. United Nations. https://uncitral.un.org/en/texts/procurement/modellaw/public_procurement

International Legal Standards for Anti-Corruption in Public Procurement

At the binding core, UNCAC Article 9 requires procurement systems based on transparency, competition and objective decision-making, together with an effective domestic review mechanism. The OECD Recommendation on Public Procurement elaborates these obligations into twelve integrated principles — among them transparency, integrity, access, e-procurement and accountability — and is widely treated as the operative benchmark even for non-members, while the UNCITRAL Model Law supplies a ready legislative template. Layered onto this core are the FATF Recommendations on beneficial ownership and UNCAC Article 33 on the protection of reporting persons. Read together, these instruments converge on the nine standards summarized in Table 1.

Table 1. International anti-corruption standards for public procurement and their sources

Standard / requirement	Principal source	Core obligation
Transparency & publication	UNCAC Art. 9(1)(a); OECD Rec. (2015)	Public, advance distribution of procurement information
Open competition	UNCAC Art. 9(1); UNCITRAL Model Law (2011)	Competition as the default; narrow, justified exceptions
Objective award criteria	UNCAC Art. 9(1)(c)	Predetermined, objective decision criteria

Standard / requirement	Principal source	Core obligation
E-procurement & open data	OECD Rec. (2015), e-procurement principle	End-to-end digital procurement and open data
Integrity & conflict of interest	OECD Rec. (2015), integrity principle	Declarations, recusal and supplier-integrity measures
Supplier debarment	UNCAC Art. 9; Williams-Elegbe (2012)	Exclusion of corrupt suppliers with due-process safeguards
Independent review	UNCAC Art. 9(1)(d)	Effective domestic review of procurement decisions
Whistleblower protection	UNCAC Art. 33	Legal protection of persons who report wrongdoing
Beneficial-ownership transparency	FATF Rec. 24–25	Identification of the true owners of bidding entities

The standards are interdependent — transparency without an effective remedy yields visible but uncorrectable violations, and a remedy without beneficial-ownership data cannot reach the parties who benefit from collusion — and unevenly demanding, since publication is achievable administratively whereas independent review and whistleblower protection require institutional change.

The Public Procurement Framework of the Republic of Uzbekistan

Uzbekistan’s 2021 Law on Public Procurement consolidated the rules, entrenched electronic procedures, introduced open forms of competition, restricted the use of direct contracts and created a basis for registering

affiliated parties. These measures establish strong foundations on the transparency, publication, competition and e-procurement standards. The reform agenda continues to deepen: in 2025 the authorities set a target to further increase the share of openly competed tenders relative to direct contracts.

Building on this foundation, the scholarly literature points to the measures that would most advance the system at the next stage. Mardieva highlights the value of combining statutory and technological reform, and Mamadaliyeva underscores the contribution of strong institutions and civil-society engagement. Read against the nine standards, the priorities for fuller integration are the institutionally demanding dimensions — independent review, whistleblower protection and beneficial-ownership transparency— which complement the transparency and competition foundations already in place.

Discussion: Prospects for Implementation

The transplant effect identified by Berkowitz, Pistor and Richard implies that standards should be introduced in a sequence that builds institutional capacity before sophistication, rather than all at once. This reasoning yields the phased model in Figure 1. The short term consolidates what is already within reach — completing mandatory e-publication, refining the grounds for direct contracting and publishing a transparent supplier register, the design of which is well documented. The medium-term builds institutions: an open-data standard, conflict-of-interest declarations and an independent bid-protest body giving effect to UNCAC Article 9(1)(d). The long term integrates advanced tools: beneficial-ownership screening, statutory whistleblower protection and data-driven risk analytics of the kind validated by Fazekas et al.

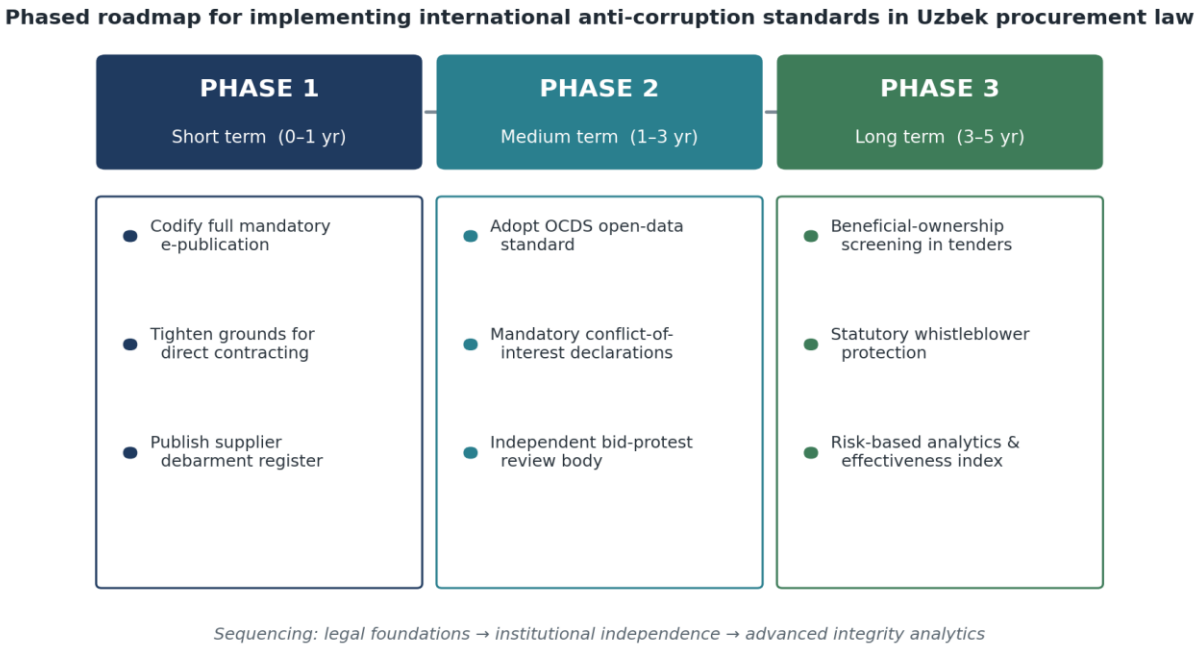


Figure 1. Proposed sequencing of reforms (a normative model derived from the analysis, not an empirical assessment).

Recommendations:

1. **Complete mandatory, structured e-publication** of every notice, criterion and award decision in machine-readable form[1].

2. **Refine the grounds for direct contracting,** codifying a narrow, exhaustive list of exceptions, each with a published, reasoned justification.

3. **Adopt an open-data standard** so that oversight bodies, civil society and red-flag analytics can reuse procurement data[2].

4. **Establish an independent bid-protest review body** with structural autonomy, short statutory deadlines and the power to suspend awards (UNCAC Art. 9(1)(d)).

[1] United Nations. (2003). United Nations Convention against Corruption (UNCAC). United Nations. https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/uncac.html

[2] Fazekas, M., Tóth, I. J., & King, L. P. (2016). An objective corruption risk index using public procurement data. European Journal on Criminal Policy and Research, 22(3), 369–397. https://doi.org/10.1007/s10610-016-9308-z

5. **Enact dedicated whistleblower protection** for reporting persons, with confidential channels, implementing UNCAC Article 33.

6. **Integrate beneficial-ownership screening,** requiring bidders to disclose ultimate owners, cross-checked against a central register.

7. **Strengthen supplier debarment with due process,** using transparent criteria and procedural safeguards.

8. **Sequence reform and build institutional capacity,** phasing the standards and investing in workforce professionalization.

The international standards governing anti-corruption in public procurement are coherent and, for Uzbekistan, increasingly internalized: the 2021 reform provides strong transparency and competition foundations on which fuller harmonization can build. The decisive lesson of comparative experience is that alignment is an institutional achievement rather than a drafting exercise: an imported standard delivers integrity when a domestic institution is empowered to give it effect. A phased pathway — foundations first, institutional independence next, advanced analytics last — offers a realistic route from formal compliance to substantive effectiveness.

ОЧИЛОВ САМАРИДДИН КАМОЛИДДИНОВИЧ
Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси
Бакалавриат факультети
катта прокурори

ЖАЗОНИ ЎТАШДАН МУДДАТИДДАН ИЛГАРИ ШАРТЛИ ОЗОД ҚИЛИШДА МАЖБУРИЯТЛАРНИ ҚЎЛЛАШ МАСАЛАЛАРИ

Аннотация: *Бугунги кунда жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинган шахслар зиммасига жазони ўталмаган қисми давомида суд томонидан юклатиладиган мажбуриятларни қўллаш масалалари юзасидан илмий-назарий ва амалий масалалар мазмуни ёритилган бўлиб, ушбу мажбуриятлар маҳкумларни тарбиялашни ташкил этишнинг янги модели сифатида намоён бўлиши, мажбуриятларни қўллашда қонун нормалари бузилишини олдини олиш, мажбуриятларни қўллаш самарадорлигини ошириш юзасидан расмий тушунтириш берилиши ҳақида ишлаб чиқилган таклифлар баён этилган.*

Аннотация: *В настоящей статье освещены научно-теоретические и практические вопросы применения судом обязанностей, возлагаемых на лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, на неотбытую часть наказания. Раскрыто, что данные обязанности выступают в качестве новой модели организации воспитательной работы с осужденными. Изложены предложения, направленные на предотвращение нарушений норм закона при применении обязанностей, повышение эффективности их применения, а также на необходимость дачи официальных разъяснений по данным вопросам.*

Abstract: *This article highlights the scientific-theoretical and practical issues regarding the application by the court of duties imposed on persons conditionally released early from serving their sentence for the unserved part of the punishment. It reveals that these duties act as a new model for organizing educational work with convicts. The article presents proposals aimed at preventing violations of legal norms in the application of duties, increasing the effectiveness of their application, as well as the need for official clarifications on these issues.*

Калит сўзлар: *жазо, маҳкум, мажбурият, ҳуқуқни қўллаш, тушунтириш.*

Ключевые слова: *наказание, осужденный, обязанность, правоприменение, разъяснение.*

Keywords: *punishment, convict, duty, law enforcement, clarification.*

Кириш

Жиноят қонунчилигида жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш амалиётини такомиллаштириш зарурияти кундан кунга долзарб масалалардан бири сифатида намоён бўлмоқда. Шунингдек, ушбу институтнинг самарали қўлланилиши маҳкумнинг тузалиш даражасини холисона баҳолаш, суд ва ижро органлари фаолиятида шаффофликни кучайтириш ҳамда жазо мақсадларига эришишда ҳуқуқий механизмларни такомиллаштириш заруриятини юзага келтирди.

Жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш институти суд қарорларининг “тирик” бўлишини (барқарорлигини) таъминлайди, яъни суд фақат ҳукм чиқариш билан чекланмайди, балки унинг ижросини ҳам назорат қилади ҳамда жазо ва маҳкумни қайта баҳолаш имкониятини яратиш билан бирга жазонинг тузатиш, жиноятнинг олдини олиш ва ижтимоий адолатни тиклаш мақсадларига эришишни таъминлайди, суд қарорлари амалий қийматини оширади, суд тизимининг инсонпарварлик ва самарадорлик даражасини оширади.

Сўнги йилларда жиноят қонунчилигига жазони ўташдан мудддатидан илгари шартли озод қилиш институтини такомиллаштириш борасида киритилган ўзгартириш ва қўшимчаларда асосий эътибор маҳкумни жазодан ташқари ҳолатда хулқ-атвори устидан назорат қилиш механизмларини жорий этишга, хусусан жазо ўрнига мажбуриятлар юклаш орқали маҳкумга тарбиявий таъсир чораларини қўллаш, қайта жиноят содир этиш ҳолатларига барҳам бериш тадбирларини амалга ошириш, пировард натижада маҳкумни ахлоқан тузатиш ва жамиятга мослаштириш назарда тутилди.

Жамладан, жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинган шахслар зиммасига жазони ўталмаган қисми давомида муайян мажбуриятлар юклаш амалиёти жорий этилиб, ушбу мажбуриятлар маҳкумларни тарбиялашни ташкил этишнинг янги модели сифатида намоён бўлди. Мажбурият институти янги норма амалга киритилиши орқали жорий этилган бўлиб, уни қўллашда қонун нормалари бузилишини олдини олиш, мажбуриятларни қўллаш самарадорлигини ошириш масалалалари тадқиқ этилмаган.

Мажбуриятлар маҳкумнинг хулқ-атвори ва содир этилган жиноятнинг хусусиятидан келиб чиққан ҳолда белгиланиши ҳамда унинг такроран жиноят содир этишини олдини олиш ҳамда ахлоқан тузалишига хизмат қилиши муҳим аҳамият касб этиб, мажбуриятларни асоссиз ҳамда зарурат бўлмаса-да қўллаш ҳолатларини олдини олиш, шунингдек мажбуриятларни қўллашда қонун нормаларида белгиланган талабларга риоя қилиниши масалалалари илмий-амалий жиҳатдан ўрганилиши ва бу борада расмий тушунтиришлар беришни тақозо қилмоқда.

Материаллар ва методлар

Тадқиқотнинг методологик асоси диалектик, тарихий-ҳуқуқий, тизимли ёндашув ва таққослама-ҳуқуқий таҳлил усулларига таянган. Мазкур ёндашувлар орқали жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш тушунчасининг пойдо бўлиши, шаклланиши ва ривожланиш босқичлари таҳлил қилинди.

Жазони ижро этиш, хусусан маҳкумларни алоқан тузатиш, уларнинг хулқ-атвори устидан назорат олиб боришнинг янги механизмларининг амалга жорий этилишининг натижадорлиги баҳоланди.

Маҳкумларнинг ҳуқуқларини таъминлашга оид халқаро стандартлар ҳамда жазони ўташдан шартли озод қилиш борасида хорижий мамлакатлар тажрибаси таҳлил қилиниб, халқаро стандартларнинг миллий қонунчиликка имплементацияси ўрганилди.

Тадқиқот жараёнида норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар, суд амалиёти, илмий адабиётлар ва статистик маълумотлар ўрганилиб, инсонпарварлик, адолат, индивидуаллаштириш ва реабилитация тамойиллари асосида илмий хулосалар чиқарилди.

Халқаро жиноий сиёсат жазони инсонпарварлаштиришга қаратилган, шу жумладан ҳуқуқни қўллашни такомиллаштириш орқали маҳкумларни шартли равишда озод қилиш ислоҳ қилинган. Европа Иттифоқининг Вазирлар қўмитаси тавсияларида муддатидан илгари шартли озод қилишга шундай шундай таъриф берилади: “Муддатидан илгари шартли озод қилиш маҳкумларни такроран жиноят содир этишларини олдини олишда жуда самарали таъсир ва усуллардан бири ҳисобланиб, режали ва тизимли назорат қилиш орқали маҳкумни жамиятга қайтариш ва ижтимоийлаштиради.

Озодликдан маҳрум қилиш жойларини сақлаш учун қилинадиган моддий харажатлар жамият зиммасига оғир юк бўлади, жазони ўташни давом эттириш аксарият ҳолларда маҳкумни ахлоқан тузалмаслигини ифода этадиган салбий оқибатларни келтириб чиқаради. Имкон қадар суд томонидан тайинланган жазони қисқартиб бориш мақсадга мувофиқ. Жазодан кўзланган мақсадга эришининг муҳим воситаси маҳкум жазо муддатини тўлиқ ўтагунча уни шартли равишда жазодан озод қилиб боришдир”[1].

Миллий тадқиқот ишларида[2] жазони индивидуаллаштириш, маҳкумнинг жиноят содир этишни олдини олишга қаратилган хулқ-атворни рағбатлантириш, жиноий жавобгарликдан ва жазодан озод қилиш бўйича қонун нормаларини такомиллаштириш ва халқаро стандартларнинг имплементациясини кучайтириш, қўллаш

[1] Рекомендация № (2003) 22 Комитета министров Совета Европы «Об условно-досрочном освобождении» (принята 24.09.2003 на 853-м заседании представителей) // Международное право. 2006. 1 ноября.

[2] *Э.О. Тургунбоев.* Жазодан озод қилиш институтини такомиллаштириш масалалари. Юридик фанлар доктори (Dsc) диссертацияси. Тошкент давлат юридик университети. Тошкент., 2023-й., 274 бет. 105-бет.

амалиётини яхшилаш йўналиш ва истиқболларини тадқиқ этиш муҳим аҳамият касб этиши илгари сурилди.

Жиноятчини жазодан озод қилиш маҳкумнинг ҳаракатлари тўғри малакаланганлигига, маҳкумга тайинланган жазонинг адолатли бўлишига боғлиқ эмас. Маҳкумни шартли равишда озод қилиш тўғрисида қарор чиқарилиши дастлабки ҳукмни ўзгартирмайди ёки бекор қилмайди.[1] Маҳкум жазони ўташдан муддатидан илари шартли озод қилинса-да, жазонинг ўталмаган қисми мобайнида қасддан янги жиноят содир этадиган бўлса, шахсга нисбатан суд ушбу бир неча ҳукм юзасидан жазо тайинлаш қоидаларга мувофиқ жазо тайинлайди. Бунда дастлабки ҳукмдаги ҳуқуқий оқибатлар ҳаракатга келади.

Жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинадиган маҳкумнинг ўрганилган хусусиятлари унинг хатти-ҳаракатлар тўғрисидаги тақдим этиладиган материалларда маҳкумнинг “меҳнатга алоқадорлиги ва виждонан муносабатда бўлиши”, “интизоми таъминот ва меҳнат режимини бузишга йўл қўймаслиги”, “маърифий тадбирларда мунтазам қатнашишга ҳарактери ва хулқ-атвори мос келади”, “қариндошлари билан алоқада бўлиб туради”, “содир этган жиноятини тан олган ва пушаймонлик билдирган” ва ҳоказо белгилари билан тавсифланади.[2]

Пенитенциар тизимнинг профилактикаси ўзига хос аҳамиятга эга бўлиб, мукаммал пенетенциар механизм остида жазони ўтаган маҳкум жазодан озод қилинадиган бўлса, кейинчалик уни ижтимоий мослашуви самарали натижа беради. Пенетенциар тизимга оид

---

[1] *И.А. Ефримова.* Институт освобождения от наказания в теории уголовного права, законадателной и судебной практике. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Саратовская государственная юридичкая академия. Саратов – 2018. 504 стр., 199-стр.

[2] *О.А. Пипиленко.* Условно-досрочное освобождения от наказания: проблемы теории и практики. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук: Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД Россия, 2009, – стр 21.

тадқиқот ишларида[1] олимлар томонидан “Пенитенциар тизим – жиноий жазолар ва бошқа жиноят-ҳуқуқий таъсир чораларни ижро этувчи давлат органлари ва муассасаларининг маҳкумларнинг ахлоқан тузалиши ва қайта ижтимоийлашувига қаратилган тарбиявий-ахлоқий, педагогик-психологик, сиёсий-ҳуқуқий, ижтимоий-иқтисодий ва бошқа фаолият йўналишларини ўз ичига қамраб олган тизим” деб илмий-назарий таъриф берилган.

Айнан, жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиган маҳкумлар зиммасига мажбуриятлар юклатилиши ҳамда ушбу мажбуриятлар бажарилишини назорат орқали маҳкумни тарбиялаш тадбирларини амалга ошириш механизмларини жорий этиш сўнги йилларда жиноят қонунчилигини такомиллаштиришнинг устувор йўналишларидан бири сифатида номоён бўлди.

Криминологик прогноз қилишнинг предмети жиноятчиликнинг ривожланишидаги кузатилган ўзгаришлар, жиноятчилик сабаблари ва унга имкон берган шарт-шароит (детерминант)лар, жиноятчи шахси, жиноят содир этиш механизми, жиноий хатти-ҳаракатлар ҳисобланади.[2] Шунга кўра, сўнги йилларда жазони ўташдан муддатидан илгари озод қилишни қўллашни такомиллаштиришда асосий эътибор маҳкумни ахлоқан тарбиялаш механизмларини ривожлантириш ва қайта жиноят содир этишини олдини олишга қаратилди.

Пробация каби кўп қиррали феноменнинг мавжудлиги унинг моҳиятини тушунишда турли илмий ёндашувларни вужудга келтиради. Пробация жиноят ҳуқуқи нуқтаи назаридан — жиноят-ҳуқуқий мажбурлаш чораси сифатида; жиноят-ижроия ҳуқуқи нуқтаи назаридан — жамиятдан ажратилмаган маҳкумлар устидан назорат

[1] *Н.С. Салаев.* Пенетенциар тизимнинг профилактик функцияси. Юридик фанлар доктори (Dsc) диссертацияси автореферати. Тошкент давлат юридик университети. Тошкент., 2017-й. 61 бет, 24-бет.

[2] *Р.Й. Буранова.* Ўзбекистон Республикасидаги жиноятчиликни криминологик прогноз қилиш. Юридик фанлар бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертацияси автореферати. Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академияси. Тошкент., 2025-й., 48 бет. 16-бет.

қилиш тизими сифатида; криминология нуқтаи назаридан эса — такрорий жиноятчиликнинг олдини олишга қаратилган ижтимоий-ҳуқуқий чора сифатида қаралиши мумкин.[1] Жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинган шахслар томонидан жазони ўталмаган қисми давомида юклатилган мажбуриятлар бажарилишини назорат қилиш пробация тизими орқали амалга оширилади.

Жаҳонда пенитенциар тизимни такомиллаштириш, маҳкумни жамиятдан ажратиш билан боғлиқ бўлмаган жазо турларини ижро этишда халқаро стандартларни миллий қонунчиликка имплементациясини кучайтириш, маҳкумларни жазони ўташ вақтида ёки уни ўтаб чиққанидан сўнг қайта жиноят содир этишларини олдини олишнинг янги самаралироқ механизмини ишлаб чиқиш, пенитенциар тизимда жиноий жазоларнинг функсионал вазифалари ва мақсадларини кенгайтириш, шунингдек, жазоларни янада либераллаштириш бўйича тадқиқотлар ўтказиш муҳим аҳамият касб этмоқда.[2] Қонунчилик нормаларида маҳкумларни жазони ўталмаган қисми давомида хул-атвори устидан назорат қилиш механизми, яъни мажбуриятлар юклаш амалиёти белгиланган бўлса-да, мажбуриятларни қўллаш услубиёти шаклланмаган.

Тадқиқот натижалари.

Бир қатор мамлакатларда (АҚШ, Буюк Британия ва бошқалар) шартли ҳукм қилиш шакли сифатида эътироф этилиб, унда маҳкум суд томонидан белгиланган синов муддати давомида махсус органлар назорати остида сақланади. Баъзи давлатларнинг қонунларида судларга муайян шароитларда жазо тайинламасдан гуноҳкорнинг

[1] *А.К. Исергепова.* Институт пробации в уголовном протсесси: проблеми, тенденсии и развития (на примиере стран-участников содружества независимих государств). Диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Федералное государственное казенное образователное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федератсии». Санкт-Петербург. 2020. 196 стр, стр 17.

[2] *Т.Х. Алтмишев.* Ахлоқ тузатиш ишлари жазосининг ижросини такомиллаштириш (пробатсия гаолияти таҳилили асосида). Юридик фанлар бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертацияси. Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академияси. Тошкент., 2025-й., 249 бет. 3-бет.

қилмиши учун жазо сифатида синов муддатини тайинлаш ҳуқуқи берилган. Россия Федерациясида пробация институти амалда бўлган суд-ҳуқуқ институти билан яқин жойлашган ва амалда мазмуни бўйича қамоққа олиш билан боғлиқ бўлмаган жиноий жазонинг бир тури ҳисобланади[1].

Ўзбекистон Республикасининг 2024 йил 7 августда “Пробация тўғрисида”ги ЎРҚ–938-сон Қонуни[2] қабул қилиниб, ушбу қонунга асосан пробация назорати муайян ҳуқуқдан маҳрум қилиш, мажбурий жамоат ишлари, ахлоқ тузатиш ишлари, озодликни чеклаш тарзидаги жазога ҳукм қилинган шахсларнинг, шартли ҳукм қилинган шахсларнинг ва *жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинган шахсларнинг* хулқ-атвори устидан назоратни амалга оширишга, уларда қонунга итоаткорлик хулқ-атворини ҳамда жамиятда юриш-туриш қоидаларига ҳурмат билан муносабатда бўлишни шакллантиришга, суд томонидан белгиланган тақиқларга (чекловларга) ва *мажбуриятларга риоя этилишини таъминлашга*, шунингдек уларни ижтимоий реабилитация қилишга қаратилган фаолият сифатида белгиланди.

Ўзбекистон Республикасининг “Пробация тўғрисида”ги Қонуни 71-моддасига асосан Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодексининг 3-моддаси[3] бешинчи-саккизинчи қисмлар билан тўлдирилиб, ушбу модданинг бешинчи қисмида жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш чоғида суд асослар мавжуд бўлган тақдирда, маҳкумнинг зиммасига ишга ёки ўқишга жойлашиш, муддатидан илгари шартли озод қилинган шахснинг яшаш жойи, иш ёки ўқиш жойи ўзгарганлиги ҳақида унинг хулқ-атвори устидан назоратни амалга оширувчи органга хабар бериш, муайян жойларга бормаслик,

---

[1] *В.Б.Малинин, Л.Б.Смирнов,* "Уголовное право: учебник для юридическая шклолы и факультети". Москва, 2015 г.

[2] Ўзбекистон Республикасининг 2024 йил 7 августдаги “Пробация тўғрисида”ги ЎРҚ–938-сон Қонуни. Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 07.08.2024 й., 03/24/938/0591-сон.

[3] Ўзбекистон Республикасининг Жиноят кодекси. Ўзбекистон Республикаси Олий Кенгашининг Ахборотномаси, 1995 й., 1-сон. https://lex.uz/docs/111453#195407

алкоголизм, гиёҳвандлик, заҳарвандлик ёки таносил касаллигидан даволаниш курсини ўташ, Ўзбекистон Республикасидан ташқарига чиқмаслик каби мажбуриятларни юклатиши мумкинлиги белгиланди.

Мазкур Қонун қабул қилингунга қадар жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинган маҳкумлар хулқ-атвори устидан назорат қилиш амалиёти жорий этилмаган, ҳатто улар томонидан жазони ўталмай қолган қисми давомида жиноятлар содир этилишини олдини олиш ҳамда ахлоқан тузатиш тадбирларини амалга ошириш йўлга қўйилмаган эди.

Тадқиқот ишларида жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинган шахс жазодан озод қилинса-да, суд томонидан унга нисбатан муайян турдаги шартлар, талаблар ва мажбуриятлар юклатилган ҳолда белгиланган муддат давомида назорат ўрнатилиши, пробация жазодан озод қилишнинг жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш турида қўлланилиши, жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинган шахснинг зиммасига ўқишга ёки ишга кириш, даволаниш, яшаш ёки иш жойи ўзгаргани ҳақида хабар бериш каби мажбуриятлар юклатилиб, пробацияга оид ҳуқуқий муносабатлар давом этиши ҳақида таклифлар[1] илгари сурилиб, ушбу таклифлардан Ўзбекистон Республикасининг 2024 йил 7 августдаги ЎРҚ-938-сон “Пробация тўғрисида”ги қонуни ва ушбу қонунга асосан Жиноят кодексининг 73-моддасига ўзгартириш ва қўшимчалар киритиш ҳақида нормаларни шакллантиришда фойдаланилган.

Қонунчиликка киритилган ушбу ўзгартириш ва қўшимчалар жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш амалиётида янги институт пайдо бўлишига асос бўлди. Жумладан, жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинган шахслар хулқ-атвори устидан жазони ўталмаган қисми давомида назорат олиб бориш амалиёти жорий этилди.

[1] *С.К. Очилов.* Жазодан озод қилиш институтининг пробация билан боғлиқлиги таҳлили. Ҳуқуқ ва бурч. 2019 й., 12-сон. 36-39 бетлар.

Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодексининг 73-моддасига киритилган бешинчи-тўққизинчи қисмлар жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинган шахснинг зиммасига юклатиладаган мажбуриятлар ва мажбуриятлар бажарилишини таъминлаш тадбирлари баён этилиб, жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш амалиётида янги институтни вужудга келтирди.

Бугунги кунда жазони ўташдан мудддатидан илгари шартли озод қилинган шахслар зиммасига жазони ўталмаган қисми давомида юклатиладиган мажбуриятлар мазмуни, турлари ва уларни бажармаслик оқибатлари ҳақида қонун нормасида баён этилган тушунчалар мавжуд. Бироқ, ушбу мажбуриятларни қўллашнинг назарий тавсифи ва уни қўллаш услублари тадқиқ этилмаган, бу борада ҳуқуқни қўллаш самарадорлигини оширишга қаратилган тушунтиришлар берилмаган.

Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг “Жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш ва жазони енгилроғи билан алмаштириш бўйича суд амалиёти тўғрисида”ги 2016 йил 27 декабрдаги 28-сон қарори[1] 4-бандида мажбуриятларни қўллаш бўйича “Судларга тушунтирилсинки, жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш чоғида маҳкумнинг зиммасига ЖК 73-моддаси бешинчи исмидаги мажбуриятлар етарли асослар мавжуд бўлган тақдирдагина юкланиши мумкин” деган мазмунда Жиноят кодексининг 73-моддаси бешинчи қисми мазмуни билан деярли бир хил тушунтириш бериш билан чекланган.

Бироқ, жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишни қўллаш механизми, шу жумладан ушбу мажбуриятларни тўғри ва мақсадли қўллаш, мажбуриятларни қўллашда хатоларга йўл

[1] Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг “Жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш ва жазони енгилроғи билан алмаштириш бўйича суд амалиёти тўғрисида”ги 2016 йил 27 декабрдаги 28-сон қарори. https://lex.uz/uz/docs/3115182.

қўйилишини олдини олишга қаратилган зарур тушунтиришлар берилмаган. Жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишда маҳкумнинг зиммасига мажбуриятлар юклатилиши амалиёти янги институт бўлиб, ушбу институтни қўллаш механизмини такомиллаштириш ҳамда уни қўллашдан кўзланган мақсадга эришишга хизмат қиладиган тушунтиришлар беришни тақозо қилади.

Хусусан, судларга жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш чоғида мажбуриятларни юклашга етарли асослар ҳисобланиши, мажбуриятлар қўлланиладиган маҳкумлар тоифаси, белгиланмаган мажбуриятлар юклатилмаслиги, мажбуриятларни қўллаш муддатлари, шунингдек, мажбуриятлар ўталмаган жазо муддати давомида бажарилмаслик оқибатлари, мажбуриятларни бекор қилишни кўриб чиқиш тартиби, мажбуриятларни бажармаслик оқибатлари юзасидан тушунтиришлар берилиши лозим.

Хулосалар

Юқорида баён этилган тадқиқот ва таҳлиллардан келиб чиққан ҳолда Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг “Жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш ва жазони енгилроғи билан алмаштириш бўйича суд амалиёти тўғрисида”ги 2016 йил 27 декабрдаги 28-сонли қарорига қуйидаги ўзгартириш ва қўшимчалар киритиш таклиф этилади:

Қарорнинг 3-бандига “Оғир жинояти ёки ўта оғир жинояти учун енгилроқ турдаги жазо тайинланган (ЖК 57-моддаси) маҳкумга нисбатан жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишни қўллашда Жиноят кодексининг 73-моддаси 3-қисми “б” ва “в” кичик бандларига асосан амалга оширилишига эътибор қаратилсин.” деган мазмундаги қўшимчалар киритиш;

Қарорнинг 4-бандига:

“Судлар маҳкумни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш чоғида унинг зиммасига мажбуриятларни юклаш масаласини ҳал қилишда ЖК 73-моддаси бешинчи қисмида

кўрсатилган мажбуриятлар фақатгина жиноят содир этган вақтида вояга етган маҳкумларга нисбатан қўлланилиши, ЖК 73-моддаси бешинчи қисмида кўрсатилмаган мажбуриятларни юкламаслик, мажбуриятларни юклашга асос бўладиган ҳолатлар мавжудлиги ажримда кўрсатилиши, мажбуриятларни амал қилиш муддати ўталмай қолган жазо муддатидан ортиқ бўлмаслиги, ЖК 73-моддаси бешинчи қисми “а” ва “б” кичик бандларидаги мажбуриятларни юклашга асосий эътибор қаратиш.

ЖК 73-моддаси тўққизинчи қисмига кўра агар жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилинган шахс суд томонидан ўз зиммасига юклатилган мажбуриятларни ўталмаган жазо муддати давомида бажармаса, суд унинг хулқ-атвори устидан назоратни амалга оширувчи органнинг тақдимномасига биноан уни жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишни бекор қилиш ва ўталмаган жазо муддатини ўташи ҳақидаги масалани кўриб чиқади.

Шу билан бирга, мажбуриятларни бажармаслик сабаблари ва муайян ҳолатларини, маҳкумнинг шахси ва жазони ўталмаган муддати давомидаги хулқ-атворига доир маълумотларни ҳисобга олиб, суд тақдимномани қаноатлантиришни рад этиш тўғрисида қарор қабул қилиши мумкин.

Судлар жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилиш чоғида зиммасига ЖК 73-моддаси бешинчи қисмидаги мажбуриятларни юклаганда, судья маҳкумга, ЖК 73-моддасининг тўққизинчи қисмида назарда тутилган қоидаларни тушунтириши шарт бўлиб, бу ҳақда ажримнинг қарор қисми ва суд мажлиси баённомасида кўрсатилиши лозим.” деган мазмундаги қўшимчалар киритиш орқали жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишда мажбуриятларни қўллаш ҳақида судларга тушунтириш берилиши мақсадга мувофиқ деб ҳисоблаймиз.

Жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишни қўллашга оид қонун нормаларини қўллашда юқорида қайд этилган

таклифлар инобатга олиниши ва амалиётга жорий этилиши жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишни қўллашда хато ва қонунбузилишларни олдини олиш бир қаторда жазодан шартли озод қилиш амалиёти самарадорлигини оширишда аҳамият касб этади.

ТАИРОВА ГУЛМИРА МУРОДЖОНОВНА
Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси
кафедра катта ўқитувчиси, ю.ф.ф.д.(PhD)

ЖИНОЯТ СОДИР ЭТИЛИШИНИНГ САБАБЛАРИГА ДОИР ЁНДАШУВЛАР

Жиноятчиликка қарши курашишнинг самарадорлиги кўп жиҳатдан жиноят содир этилишининг сабабларини қай даражада тўғри англаш ва баҳолашга боғлиқ. Шу нуқтаи назардан, жиноят сабабларини тадқиқ этиш криминология фанининг марказий масалаларидан бири ҳисобланади. Турли тарихий даврларда ва турли илмий мактаблар доирасида жиноятнинг келиб чиқиш сабабларини изоҳлашга қаратилган кўплаб назария ва таълимотлар шаклланган. Уларда жиноятчиликнинг манбалари инсоннинг иродаси ва онгли танлови, биологик ва психологик хусусиятлари, ижтимоий муҳит, иқтисодий муносабатлар ёки ҳокимият ва ҳуқуқ тизимининг ўзи билан боғлаб тушунтирилган.

Замонавий криминологияда жиноят сабабларини ўрганишга оид назарияларни тизимлаштириш нафақат илмий, балки амалий аҳамиятга ҳам эга. Чунки ҳар бир назарий ёндашув жиноятчиликка қарши курашишнинг муайян модели ва устувор чора-тадбирларини шакллантиришга таъсир кўрсатади. Шу боис мазкур тезисда криминологияда шаклланган асосий ёндашувлар — теологик, классик ва постклассик, позитив, социологик ҳамда радикал (танқидий) йўналишларнинг мазмун-моҳияти, ўзаро фарқлари ва жиноятчиликка қарши курашиш амалиёти учун аҳамияти таҳлил қилинади.

Теологик йўналиш криминологик таълимотлар қаторида алоҳида ёритилмаса-да ҳуқуқий-фалсафий таълимотлар ичида ўз ўрнига эга. Қолаверса, мазкур йўналишдаги жиноятга оид ёндашувлар классик

қарашларга асос бўлганлиги билан характерли. Теологик қарашлар зардуштийлик, буддавийлик, яҳудийлик, насронийлик, ислом каби динлар ақидасида, шунингдек, Забур, Таврот, Инжил ва Қуръон каби илоҳий китобларда муайян қилмишнинг жиноят сифатида тақиқланиши билан боғлиқ диний нормаларда акс этади. Мисол учун, ислом динига оид шариат қоидаларида маст қилувчи ичимликларни ичиш инсон онгига салбий таъсир кўрсатгани боис жиноят ҳисобланади[1]. Таъкидлаш лозимки, қатор давлатларда ҳуқуқий тизим диндан ажратилган бўлиб, уларда жиноятчиликка қарши курашишда теологик таълимотларга деярли таянилмайди. Бироқ, ислом таълимоти бугунги кунга қадар бир неча мусулмон давлатларнинг ҳуқуқ тизимига асос бўлиб келаётгани ҳолатининг ўзи жиноятчиликка қарши курашишда теологик таълимотларнинг ўрни ва аҳамияти мавжудлигини англатади.

*Классик йўналиш*нинг пайдо бўлиши 18-асрда яшаб ўтган италиялик файласуф, ҳуқуқшунос олим Чезаре Беккариа (1738-1794) номи билан боғлиқ. Кейинчалик Т.Гобсс, Ж.Бентам, Г.Познер, Г.Беккер кабилар мазкур йўналишдаги таълимотлар ривожига ҳисса қўшди. Классик йўналишга оид таълимотларнинг асосини қуйидаги ғоялар ташкил этади: инсон рационал, яъни онгли мавжудот бўлиб, унда жиноят содир этиш ёки этмаслик танлови мавжуд; ҳар бир инсон ҳаёти давомида ушбу дилеммага тўқнаш келади ҳамда ҳар қандай инсон жиноят содир этиши мумкин; жиноятга йўл қўймаслик мақсадида қонунчилик ҳамда ҳуқуқни муҳофаза қилиш тизимини такомиллаштириш лозим[2].

Ч.Беккариа таълимотига кўра, ҳар қандай жиноятни товар сифатида кўриш мумкин, яъни жиноят ўз “нархи”га эга. Жиноят учун жазони белгиловчи қонунчилик (масалан, қотиллик учун 15 йил қамоқ,

[1]*Одилхон қори Юнусхон ўғли*. Шайҳонтоҳур туман бош имом хатиби. https://islom.uz/maqola/1574

[2]https://apps.openedu.ru/learning/course/course-v1:spbu+CRIMINOLOGY+fall_2020/block-v1:spbu

ўғрилик учун 5 йил қамоқ каби) – бу прейскурант. Агар жиноятнинг нархи арзон бўлса, инсон жиноят содир этади. Шунга кўра, инсонни жиноят содир этишдан тийиб тура оладиган тўсиқлар (прейскурат) жиноятдан кўзланган манфаат ва жиноятга ундовчи эҳтиёжлардан қимматроқ ва устунроқ бўлиши лозим[1]. Фикримизча, Ч.Беккарианинг мазкур таълимоти бугунги кун нуқтаи назаридан ҳам эътиборга лойиқ ҳисобланади ҳамда у бизни жиноятчиликка қарши курашишда иқтисодий характердаги чора-тадбирларни кучайтиришга ундайди. Постклассик йўналиш вакили Р.Познернинг таъкидлашича, ҳар қандай жиноят бозор қонуниятларини четлаб ўтишда ифодаланиб, иқтисодий нуқтаи назардан зараралидир. Г.Беккер инсон ўзи кўрадиган фойда унга етиши мумкин бўлган зарардан кўп бўлган тақдирда жиноят содир этади, шу боис баъзи инсонлар уларнинг хоҳиш-истаклари бошқалардан фарқ қилгани учун эмас, балки фойда ва зарарларининг нисбати ўзгача[2] бўлгани боис жиноят йўлига киради деб ҳисоблайди. Г.Беккернинг фикрича, жиноятлар турлича бўлиб, уларнинг айримлари бошқаларига нисбатан жамиятга кўпроқ зарар етказади. Аммо давлат барча турдаги жиноятчиликка қарши курашиш ишларини ташкил этиш ҳамда амалга оширишда бирдай катта маблағ сарфлайди[3].

Классик йўналиш 20-асрнинг охирларига келиб постклассик йўналиш сифатида қайта туғилди ва унда “тийиб туриш”, “рационал танлов”, “иқтисодий таҳлил”, “қайноқ нуқталар”, “хатарни моделлаштириш” каби қатор назариялар[4] шаклланди. Таъкидлаш лозимки, кўплаб давлатларнинг жиноятчиликка қарши курашиш амалиёти айнан классик назарияларга таяниб келди ҳамда классик

---

[1]*Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях.–С.67-69, 83. http://krotov.info/library/02_b/ek/karia

[2]Изоҳ: бу ерда олиниши мумкин бўлган фойданинг зарарга нисбатан кўплиги назарда тутилмоқда

[3]*Цуриков В.И.* Экономический подход к проблеме сдерживания преступности.Часть 1//Теоретическая и прикладная экономика.–2017/3.– С.41-43

[4]*Таирова Г.М.* Жиноятчиликка қарши курашишнинг назарий асослари [Матн] / Илмий рисола.– Т.:Nurafshon business.2024.–Б.46-51

назариялар жиноят қонунчилигини ривожлантириш учун салмоқли ҳисса қўшди.

Позитив йўналиш 19-аср ўрталарида классик таълимотлар билан баҳсга киришган йўналиш сифатида[1] юзага келди. Ушбу йўналишдаги таълимотларнинг асосини қуйидаги ғоялар ташкил этади: инсонлар ўз танловида эркин эмас; инсон хулқ-атвори унинг назорати остида бўлмаган кўплаб (генетик, физиологик, психологик) омилларга боғлиқ; шу сабабли жазо жиноят содир этган шахсни жиноятдан тўса олмайди; жазолар жамиятни жиноятчи шахслардан ҳимоялаш (жиноят содир этганни изоляциялаш) мақсадида қўлланилади[2]. Мазкур йўналишнинг йирик намоёндаларидан бири – италиялик психиатр Чезаре Ломброзо ҳисобланади. Ч.Ломброзони баъзи олимлар "криминологиянинг отаси" сифатида эътироф этади. У ўз ҳаётини жиноят содир этган шахсларнинг биологик хусусиятларини ўрганишга бағишлади ҳамда инсонларда жиноятга мойиллик туғма бўлишини таъкидловчи машҳур "Туғма жиноятчи" (1876 й.) асарини ёзди. Позитив йўналишнинг вакиллари, шунингдек Ч.Ломброзонинг издошлари сифатида Э.Ферри, Р.Горофало, Д.Дриль, Э.Кречмер, У.Шелдон, Ф.Гальтон, Ж.Уотсон, А.Бандура, З.Фрейд, К.Юнг[3] каби қатор олимлар фаолият олиб борди ва ўз тадқиқот натижаларини тақдим этди. Эътиборли жиҳат шундаки, Ч.Ломброзо ва унга эргашганларнинг ғоялари кўплаб илм-фан вакиллари томонидан инкор қилинди ҳамда позитив йўналишдаги таълимотлар кўплаб давлатларнинг жиноятчиликка қарши курашиш амалиётида муносиб ўринни эгаллай олмади.

*Социологик йўналиш*нинг пайдо бўлиши 19-асрнинг биринчи ярмига тўғри келиб, у А.Герри, А.Кетле, Э.Дюркгейм, Р.Мертон, А.Коэн, Р.Клауорд, Р.Эгнью, С.Месснер, Р.Розеньфельд, Э.Сатерленд,

---

[1]*Glory Nirmala.k*. Criminology. Prepared under the Sponsorship of the Justice and Legal System Research Institute. 2009.– P.27-37. https://ru.scribd.com/doc/89392529/Criminology

[2]https://apps.openedu.ru/learning/course/course-v1:spbu+CRIMINOLOGY+fall_2020/block-v1:spbu

[3]https://studlife.net/preview/989652/page:7/ (м.в.2025, март)

Т.Селлин, Т.Хирши, Ф.Тоненбаум[1] каби олимларнинг жиноятчиликка қарши курашишга оид социологик назариялари билан боғлиқ. В.Лунеев социологик назарияларни позитив йўналишнинг таркибий қисми сифатида кўради[2]. Фикримизча, жиноятчилик сабабларига доир социологик йўналишдаги криминологик таълимотлар[3] ичида энг катта қисми ҳисобланиб, бир неча ўнлаб таълимотларни ўз ичига олиши ҳамда у жиноятларнинг уни содир этган шахс билан боғлиқ субъектив сабабларини эмас, балки жиноятчиликка замин яратувчи ижтимоий ёки объектив шарт-шароитларини тадқиқ қилиши боис позитив йўналиш таълимотларидан ажралиб туради. Социологик йўналишдаги таълимотлар қуйидаги асосий ғояларни назарда тутади: инсон ўз танловига кўра ёки саломатлиги (руҳияти) ёмонлашгани боис эмас, балки жиноятга далолат этадиган муҳитда яшагани сабабли жиноятга қўл уради; макросоциологик омиллар, яъни ижтимоий институтлар ва нормаларга якка шахслар таъсир кўрсата олмайди, балки инсонлар уларнинг таъсир доирасида бўлади; жиноятлар микросоциолик омиллар таъсирида шахслар ва гуруҳлараро ижтимоий муносабатларда ифодаланади[4].

Мазкур йўналишнинг йирик ва машҳур намоёндаларидан бири Э.Дюркгейм: “Жиноятчилик – нормал ҳодиса, сабаби усиз жамият мавжуд бўлиши мумкин эмас”, – дея фикр билдирган эди[5]. А.Кетле эса жиноятчилик барқарор ижтимоий ҳодиса экани, кузатувлар орқали унинг маълум қонуниятларга асосланган миқдорий кўрсаткичларда акс

---

[1]*Долгова А.И.* Социологическое направление в криминологии. 2005. https://be5.biz/pravo/k008/14.html

[2]*Лунеев В.В.* Курс мировой и российской криминологии:учебник.В 2 т.Т.I.Общая часть. – М.: Изд. Юрайт.2015. –С.77

[3]Theories and causes of crime. University of Glasgow. The Scottish Centre of crime and justice research. https://www.sccjr.ac.uk/wp-content/uploads/2016/02/SCCJR-Causes-of-Crime.pdf .–P.3-8

[4]https://apps.openedu.ru/learning/course/course-v1:spbu+CRIMINOLOGY+fall_2020/block-v1:spbu

[5]*Штрассер Г., Бирк Х.* Преступность на службе общества, или: что могь сказать Э.Дюркгейм о профилактике преступности в местах сообществах // Преступность и борьба с ней. Новейшие правовые исследования.2008/1.–С.8

этишини аниқлаш мумкинлигини исботлади. А.Герри илк бор Францияда жиноятчиликка оид статистика (ахлоқий статистика)ни йўлга қўйди ва статистик маълумотлардан келиб чиқиб жиноятчиликни прогнозлаш мумкинлиги ҳақидаги фикрни илгари сурди. Таъкидлаш жоизки, социологик йўналишга доир таълимотлар[1] жиноятчилик ҳолатини ўрганиш, унинг олдини олиш ва профилактика қилишга доир ишларни ташкил этиш учун аҳамиятли эканлиги билан ажралиб туради.

*Радикал (*т*анқидий) йўналиш*га доир таълимотлар 20-асрнинг ўрталаридан шакллана бошлади. Уларнинг характерли хусусияти[2] – аввалги йўналишдаги назарияларни танқид остига олганлигида намоён бўлади. Ушбу йўналиш вакилларини инсонлар томонидан нима сабабдан жиноят содир этилиши эмас, балки нима учун айрим қилмишлар қонунчиликда жиноят деб эътироф этилиши, бошқа бир қилмишлар эса жиноят сифатида баҳоланмаганлиги масаласи кўпроқ қизиқтиради. Шунга кўра, мазкур йўналиш криминологик таълимотлар ичида танқидий йўналиш деб ҳам аталади. Радикал йўналиш вакиллари сифатида К.Маркс, М.Фуко, У.Бонгер, Ж.Волд, О.Терк, Р.Куини каби олимларни, мазкур йўналишга оид таълимотлар сифатида “Марксизм назарияси”, “Конфликтлар назарияси”, “Радикал назария”, “Яшиллар назарияси”, “Феминизм назарияси” кабиларни кўрсатиш мумкин[3].

Таҳлил натижалари шуни кўрсатадики, жиноят содир этилишининг сабабларини биргина омил ёки ягона назария орқали тўлиқ тушунтириб бўлмайди. Криминология тарихида шаклланган ҳар бир йўналиш жиноятчилик феноменининг муайян жиҳатини очиб

---

[1]*Таирова Г.М*. Жиноят содир этилишининг сабабларига доир макро-социологик таълимотлар // Фалсафа ва ҳуқуқ журнали.2023/3.–Б.125-129. https://doi.org/10.24412/2181-7294-2023-3-125-129

[2]*Dr.Shereen Hassan and Dan Lett*. Introduction to Criminology. Copyright MA is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, except where otherwise noted.© 2023.–P.26-27

[3]https://apps.openedu.ru/learning/course/course-v1:spbu+CRIMINOLOGY+fall_2020/block-v1:spbu

беришга хизмат қилган. Хусусан, классик йўналиш инсоннинг эркин иродаси ва рационал танловини асослаган бўлса, позитив йўналиш биологик ва психологик омилларга эътибор қаратган. Социологик йўналиш жиноятчиликнинг ижтимоий шарт-шароитларини очиб берган бўлса, радикал (танқидий) криминология жиноят ва жиноятчилик тушунчаларининг ижтимоий-сиёсий табиатини таҳлил қилишга уринган.

Шу муносабат билан, замонавий криминологик тадқиқотларда мазкур назарияларни бир-бирига муқобил эмас, балки ўзаро тўлдирувчи ёндашувлар сифатида қабул қилиш мақсадга мувофиқдир. Жиноятчиликка қарши курашиш сиёсати ҳам инсон хулқ-атворига таъсир этувчи шахсий, ижтимоий, иқтисодий ва институционал омилларни комплекс ҳисобга олган ҳолда шакллантирилган тақдирдагина юқори самарадорликка эришиши мумкин. Шу жиҳатдан, жиноят сабабларига доир криминологик таълимотларни чуқур ўрганиш ва уларнинг ижобий жиҳатларини миллий амалиётга татбиқ этиш долзарб илмий ва амалий вазифалардан бири бўлиб қолмоқда.

TURGUNOV ASRORJON ANVAROVICH
Senior Lecturer Department of Operational Investigative Activity and Cyber Law, Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan

DIGITAL TRANSFORMATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS: AI INTEGRATION, THE «E-TERGOV» PLATFORM AND THE INVESTIGATOR'S TABLET AS TOOLS FOR ADVANCING CRIMINAL JUSTICE IN UZBEKISTAN

Аннотация: *Ушбу мақолада Ўзбекистонда жиноят процессининг рақамли трансформацияси — «e-tergov» платформаси, «терговчи планшети» концепцияси ва сунъий интеллект интеграцияси ҳамда уларнинг жиноий одил судлов самарадорлигини оширишдаги истиқболари тадқиқ этилади. Мақолада Эстония, Америка Қўшма Штатлар ва Индонезия тажрибаларининг қиёсий таҳлилига таянган ҳолда Ўзбекистондаги «гибрид тузоқ»нинг асосий сабабларини очиб берилади ҳамда ягона Рақамли процессуал кодексни, ўзаро мувофиқликни таъминловчи «U-Road» архитектурасини ва жиноят содир бўлган жойда рақамли криминалистикани амалга оширишнинг тезкор-амалий воситаси сифатида «терговчи планшети»ни жорий этилиши илгари сурилади.*

Аннотация: *В статье исследуется цифровая трансформация уголовного судопроизводства Узбекистана — платформа «e-tergov», концепция "планшета следователя" и интеграция искусственного интеллекта — с точки зрения их потенциала для повышения эффективности уголовного правосудия. На основе сравнительного анализа (Эстония, США, Индонезия) выявляются причины "гибридной ловушки" и разрабатываются предложения по принятию единого Цифрового процессуального кодекса, внедрению архитектуры U-Road и широкому использованию планшета следователя.*

Abstract: *This paper examines the digital transformation of criminal proceedings in Uzbekistan — the «e-tergov» platform, the "investigator's tablet" concept, and AI integration — and their potential to advance criminal justice efficiency. Drawing on comparative analysis of Estonia, the United States, and Indonesia, it*

identifies the structural causes of Uzbekistan's "hybrid trap" and proposes the adoption of a unified Digital Procedural Code, the U-Road interoperability architecture, and the Investigator's tablet as an operational instrument for crime scene digital forensics.

Калит сўзлар: *"e-tergov"; терговчи планшети; электрон жиноят иши; сунъий интеллект; рақамли криминалистика; жиноят процессуал кодекси.*

Ключевые слова: *"e-tergov"; планшет следователя; электронное уголовное дело; искусственный интеллект; цифровая криминалистика; Уголовно-процессуальный кодекс.*

Keywords: *"e-tergov"; investigator's tablet; electronic criminal case; artificial intelligence; digital forensics; criminal procedure code.*

1. Introduction

The digitalization of criminal proceedings has evolved from an administrative convenience into a normative imperative. The "digital forensic crisis" identified by Garfinkel [1] — the impending inability of manual investigation workflows to process exponentially growing digital data — has materialized as the defining challenge of contemporary criminal justice. Uzbekistan stands at a critical inflection point. Presidential Decree No. PF-204 (November 2025) launched the «e-tergov» (e-investigation) platform, mandating the digitization of the entire pre-trial chain from receipt of a crime report to execution of sentence[2]. Yet the justice system currently operates in a "hybrid trap": digital tools supplement rather than replace paper workflows, multiplying rather than reducing investigative burden[3].

This paper addresses three interconnected questions: (1) What structural factors sustain Uzbekistan's hybrid trap? (2) What do international models — Estonia, the United States, Indonesia — reveal about the

[1] Garfinkel S.L. Digital forensics research: The next 10 years // Digital Investigation. — 2010. — Vol. 7. — P. S64–S73. — DOI: 10.1016/j.diin.2010.05.009

[2] Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. PF-204, 3 November 2025, On approval of the 'Digital Prosecutor's Office — 2030' strategy. — URL: https://www.lex.uz/uz/docs/7813706.

[3] Evandy A., Latipulhayat E., Rusmiati E., Wulandari W., Sukma A.N.A. The digital transformation of criminal justice: A comparative examination of Indonesia's e-court system and global best practices // Lex Scientia Law Review. — 2025. — Vol. 9, No. 1. — P. 1500–1534.

preconditions for successful digital justice reform? (3) What legislative, technical, and operational architecture — anchored in the "e-tergov" platform and the Investigator's tablet — is required to achieve genuine electronic criminal justice? The analysis employs comparative legal methodology and empirical assessment of the "e-material" pilot (2023–2024) in Navoi and Syrdarya regions.

2. Uzbekistan's 'Hybrid Trap': Structural Diagnosis

2.1. The "e-material" pilot: achievements and limits

The "e-material" system, operated by the Prosecutor General's Office, automates crime registration and has generated tangible efficiency gains — reducing paper consumption by 727.7 tonnes over five years[1]. However, the system's digital functionality terminates at the intake stage. Core investigative acts — interrogations, confrontations, on-site inspections, forensic examinations — remain anchored in paper. Investigators perform a "dual workflow": digital registration for statistical compliance combined with paper dossiers to satisfy procedural requirements. This redundancy mirrors what Evandy et al. describe as "technology superimposed on existing bureaucracy without re-engineering underlying workflows, producing a digitized version of the existing inefficiency rather than a reformed process"[2].

2.2. Root Cause: Legislative Fragmentation

The hybrid trap is fundamentally legislative, not technological. More than fifty normative acts regulate digital justice in Uzbekistan — Laws on Electronic Digital Signature (2003), Electronic Document Management (2004), Electronic Government (2015) — none addressing the specific

[1] Turgunov A.A. Implementation of electronic criminal case in Uzbekistan: Challenges and prospects // The
Investigator of Uzbekistan. — 2024. — No. 3(6). — P. 60–68.

[2] Evandy A., Latipulhayat E., Rusmiati E., Wulandari W., Sukma A.N.A. The digital transformation of criminal justice: A comparative examination of Indonesia's e-court system and global best practices // Lex Scientia Law Review. — 2025. — Vol. 9, No. 1. — P. 1500–1534.

evidentiary requirements of criminal procedure[1]. Although Law No. ZRU-1003 introduced the concept of "electronic data" into the Criminal Procedure Code (CPC), comprehensive mechanisms for digital evidence lifecycle management — collection, forensic verification, chain-of-custody — remain absent. The contrast with Estonia is instructive: Article 160¹ of the Estonian CPC explicitly mandates that "documents saved in the e-toimik system replace the documents on paper media"[2], granting digital files unambiguous legal primacy. No functionally equivalent provision exists in Uzbek procedural law, compelling investigators and courts to default to paper as the authoritative record.

2.3. Interoperability Deficit

The Supreme Court's "e-sud", the Prosecutor General's "e-material", and the Ministry of Internal Affairs' "e-ma'muriy ish" function as data silos connected by bilateral API calls rather than a unified semantic data exchange layer. Case files created digitally by investigators cannot be accessed directly by judges or prosecutors without physical transmission or manual re-entry. This structural fragmentation mirrors Indonesia's "e-Berpadu" experience, where "sectoral ego" — agencies prioritizing internal protocols over interoperability — undermined a technically sound system[3].

3. International Benchmarks

The comparative analysis reveals that successful digital transformation depends on three non-negotiable conditions: legislative declaration of digital primacy, a secure interoperable architecture connecting all agencies, and proactive management of the human and infrastructural digital divide. Table 1 synthesizes key dimensions across four jurisdictions.

---

[1] Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, 1994, as amended to 2025. — URL: https://lex.uz/docs/111460

[2] Code of Criminal Procedure (Estonia), RT I 2003, 27, 166, as amended to 1 April 2023. — URL: https://www.riigiteataja.ee/en/eli/530102013093/consolide

[3] Singarimbun D.A., Pakpahan K. Implementation of the Electronic Criminal Case File Transfer System // Yurisdiksi: Journal Wacana Hukum dan Sains. — 2024. — Vol. 20, No. 1. — P. 58–65. — DOI: 10.55173/yurisdiksi. v20i1.229

Table 1. Comparative Analysis of Digital Justice Models

Criterion	Estonia	USA	Indonesia	Uzbekistan
Legal status of file	Original — replaces paper (Art. 160¹ CPC)	Mandatory e-filing; PDF repository	Hybrid — paper dossier parallel	Hybrid — digital supplements paper
Interoperability	X-Road (decentralised)	CM/ECF per-court servers	Evolving APIs; sectoral silos	Bilateral APIs; no unified layer
AI governance	Advisory; strict human oversight	Analytics only	Emerging; ethics unclear	Planned; ethical framework absent
Key barrier	ID-card dependency	PACER paywall; fragmentation	Human capital shortage	No Digital Code; rural divide

Estonia's model demonstrates that legislative boldness — declaring the digital file primary — combined with the X-Road decentralised data exchange layer creates a self-reinforcing digital ecosystem[1]. The United States model confirms that mandating digital participation by professional users (attorneys via CM/ECF) accelerates institutional adoption, while fee-based public access (PACER) risks creating a “paywall to justice”. Indonesia's “e-Berpadu” and India's Virtual Courts confirm that technology deployment without institutional reform produces digitized bureaucracy: 32 million virtual court cases processed in India have not eliminated the rural digital divide, and cyber-attacks on the Supreme Court's website exposed critical infrastructure vulnerabilities[2].

4. The «E-Tergov» Ecosystem: Proposed Architecture

4.1. Strategic Mandate

[1] Code of Criminal Procedure (Estonia), RT I 2003, 27, 166, as amended to 1 April 2023. — URL: https://www.riigiteataja.ee/en/eli/530102013093/consolide

[2] Gronic I.A. Transforming digital dispute resolution in India // RUDN Journal of Law. — 2023. — Vol. 27, No. 4. — P. 1113–1124. — DOI: 10.22363/2313-2337-2023-27-4-1113-1124

Presidential Decree No. PF-204[1] mandates «e-tergov» as a single digital workspace integrating the entire pre-trial procedural chain — from crime report reception through execution of sentence — unifying the investigative, inquiry, and prosecution functions of all law enforcement bodies. This provides the legislative mandate to enforce interoperability that the current “e-material” system lacks. The Decree's strategic ambition is correct; what remains is the specific architectural decisions to realize it.

4.2. U-Road: Decentralised interoperability layer

This paper proposes the “U-Road” (Uzbek Road) architecture as the technical backbone of “e-tergov” — adapted from Estonia's X-Road model to Uzbekistan's unitary legal and administrative context. U-Road would function as a government-operated, encrypted semantic data exchange layer connecting the Ministry of Internal Affairs, the Prosecutor General's Office, courts at all levels, the penitentiary system, and forensic laboratories. Unlike a centralised super-database — which presents a single point of failure — U-Road connects independent agency databases, enabling real-time authenticated data exchange without requiring agencies to surrender internal sovereignty.

Critical architectural components include: (a) end-to-end encryption of all inter-agency communications; (b) a permissioned blockchain ledger for immutable procedural logging — every file creation, access, modification, and deletion attempt recorded as a verifiable, tamper-proof entry, as recommended by Kshetri[2]; (c) a government cloud (G-Cloud) hosting layer for scalability and regional equity; and (d) smart contracts to automate procedural deadline management. The blockchain's distributed architecture — across MIA, Prosecutor, and Court nodes — means no single cyberattack can compromise the integrity of the entire criminal case record.

---

[1] Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. PF-204, 3 November 2025, On approval of the 'Digital Prosecutor's Office — 2030' strategy. — URL: https://www.lex.uz/uz/docs/7813706

[2] Kshetri N. Blockchain's roles in strengthening cybersecurity and protecting privacy // Telecommunications Policy. — 2018. — Vol. 41, No. 10. — P. 1027–1038. — DOI: 10.1016/j.telpol.2017.09.003

4.3. AI integration and algorithmic accountability

The “e-tergov” platform is designed to incorporate AI advisory tools for: preliminary legal qualification of offences; workload optimisation; automated document drafting; and predictive analytics for resource allocation. However, the “e-material” pilot reveals two prerequisites: a data quality deficit — unstructured archival data limits AI accuracy[1] — and an educational gap — a critical scarcity of Cyber Law specialists capable of training investigators in the ethical dimensions of algorithmic tools[2].

More fundamentally, AI integration must be governed by an Algorithmic Accountability Framework. Following the European Ethical Charter on AI in Judicial Systems, as analyzed by Ismailov and Atajanov[3], the “e-tergov” legislation must: prohibit AI from making final procedural decisions; mandate human review and signature of every AI recommendation; require that algorithmic outputs display their reasoning in auditable, human-readable form; and establish independent annual bias audits of qualification modules. The 'human-in-the-loop' principle must be codified in the Digital Procedural Code — not left to administrative guidance — to protect fair trial guarantees against algorithmic opacity.

5. The Investigator's Tablet: Mobile Digital Forensics At The Crime Scene

5.1. Concept and Justification

The “Investigator's tablet” is proposed as the field-operational interface of the “e-tergov” ecosystem: a ruggedized, tamper-evident mobile device issued to each investigator and connected to “U-Road” via encrypted channels. Its fundamental purpose is to move the point of digital evidence creation from the office — where paper protocols are later scanned — to the

[1] Turgunov A.A. Implementation of electronic criminal case in Uzbekistan: Challenges and prospects // The Investigator of Uzbekistan. — 2024. — No. 3(6). — P. 60–68.

[2] Nazarov F., Turgunov A.A. Artificial Intelligence: Opportunities and Prospects // Bulletin of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan. 2024. — No. 3(59). — P. 22–27.

[3] Ismailov B., Atajanov A. Foreign experience in implementing modern technologies in the justice system // Society and Innovations. — 2020. — Special Issue 2(1). — P. 270–284. — URL: https://inlibrary.uz/index.php/socinov/article/view/35064

crime scene itself, where all investigative acts are documented in native digital form from the first moment. This operationalizes the “single source of truth” principle and eliminates the double-work paradox that defines the current hybrid trap.

Comparative precedent supports this concept. Mobile-enabled platforms processed over 32 million cases in India's Digital Lok Adalat system[1]. China's 'Mobile Court' demonstrated that purpose-built mobile interfaces reduce procedural delays and geographic barriers. Estonia's mandatory digital participation confirms that standardized, state-issued tools drive universal adoption more effectively than voluntary incentives.

5.2. Six Integrated Operational Modules

Module 1 — Crime Scene Documentation: GPS-tagged photography, 4K video, 3D photogrammetric mapping, and audio recording — all hash-signed at the moment of capture using SHA-256 cryptographic hashing, producing an immutable tamper-evidence record. Any subsequent file modification invalidates the hash, satisfying Casey's requirement for “forensic soundness”[2].

Module 2 — Biometric Identification: Fingerprint scanning, facial recognition, iris scanning, and document scanning cross-referenced in real time against the MIA biometric database via U-Road, enabling on-site identity verification within seconds and replacing manual radio enquiries.

Module 3 — Digital Evidence Intake: Hardware write-blockers and forensic acquisition software for mobile phones, USB drives, and memory cards. Every acquisition step — read, image, hash — is automatically logged in the blockchain ledger, creating an unbroken digital chain of custody from the moment of evidence seizure. This operationalizes the Identification–

[1] Gronic I.A. Transforming digital dispute resolution in India // RUDN Journal of Law. — 2023. — Vol. 27, No. 4. — P. 1113–1124. — DOI: 10.22363/2313-2337-2023-27-4-1113-1124

[2] Casey E. Digital Evidence and Computer Crime: Forensic Science, Computers, and the Internet. — 3rd ed. — Academic Press, 2011.

Preservation–Collection phases of Reith et al.'s forensic lifecycle model[1] directly at the crime scene.

Module 4 — AI-Assisted Legal Advisory: Based on entered facts, the AI module proposes a preliminary legal qualification citing CPC provisions, displaying its reasoning chain for investigator review. The recommendation is advisory only: the investigator retains full decision-making authority, preserving the 'human-in-the-loop' principle established in Section 4.3.

Module 5 — Automated Protocol Generation: After each investigative act, the tablet auto-generates a draft procedural protocol populated with timestamps, GPS coordinates, participant identities (Module 2), evidence list with hashes (Module 3), photographic and video attachments, and the AI qualification (Module 4). The investigator approves with a Qualified Electronic Signature (QES); the protocol is simultaneously the legally signed original and the e-tergov database record — no paper intermediate required.

Module 6 — Encrypted Operational Communications: End-to-end encrypted text, voice, and video channels between investigators, prosecutors, forensic experts, and command. All communications are metadata-logged in the blockchain audit trail for accountability without compromising content privacy.

5.3. Projected Impact

The tablet is projected to generate three categories of operational gain. Temporal: elimination of post-scene transcription reduces documentation time per investigative act by an estimated 40–60%, freeing capacity for analytical rather than clerical work. Evidential: automated hashing and blockchain chain-of-custody logging from the moment of capture significantly reduce the risk of evidence being ruled inadmissible due to chain-of-custody deficiencies — a vulnerability currently unaddressed in the

[1] Reith M., Carr C., Gunsch G. An examination of digital forensic models // International Journal of Digital Evidence. — 2002. — Vol. 1, No. 3. — P. 1–12.

Uzbek CPC. Institutional: real-time data availability to prosecutors and courts via “U-Road” transforms the investigator from paper-document producer to digital data contributor within a shared evidential ecosystem.

6. Legislative And Institutional Recommendations

6.1. Adopt a Unified Digital Procedural Code

Consolidating over fifty fragmented normative acts into a unified Digital Procedural Code is the sine qua non of escaping the hybrid trap. The Code must: (a) declare that documents saved in authorised electronic systems replace paper originals, following Article 160¹ of the Estonian CPC[1]; (b) mandate exclusive digital participation by professional actors — investigators, prosecutors, attorneys; (c) establish forensic protocols for digital evidence lifecycle management incorporating the Reith et al. framework[2]; (d) codify hash-value integrity verification and blockchain chain-of-custody requirements; (e) legalise electronic service of procedural documents; and (f) establish an Algorithmic Accountability Framework prohibiting AI final decisions and mandating explainability and bias audits.

6.2. Deploy “U-Road” architecture and “G-Cloud” infrastructure

The government must commit to “U-Road” as the mandatory technical backbone of “e-tergov”, with a phased implementation roadmap: Phase 1 (2026–2027) — pilot integration of MIA, Prosecutor General, and Supreme Court via U-Road in Tashkent and two regions; Phase 2 (2027–2029) — national rollout including regional courts and forensic laboratories; Phase 3 (2029–2030) — full integration of the penitentiary system and historical archive migration.

6.3. Bridge the Digital Divide

Equitable implementation requires a mandatory minimum technical standard for all district courts and police stations, including modern hardware, stable high-speed connectivity, and redundant power supplies.

[1] Code of Criminal Procedure (Estonia), RT I 2003, 27, 166, as amended to 1 April 2023. — URL: https://www.riigiteataja.ee/en/eli/530102013093/consolide

[2] Reith M., Carr C., Gunsch G. An examination of digital forensic models // International Journal of Digital Evidence. — 2002. — Vol. 1, No. 3. — P. 1–12.

Lessons from African jurisdictions[1] — where power outages and unreliable internet render digital courts inaccessible to rural populations — underscore the necessity of satellite internet backup for remote nodes and uninterruptible power systems for court infrastructure. Without this baseline, digital justice becomes urban privilege rather than a national standard.

6.4. Develop human capital and Institutional culture

Curricula at the Law Enforcement Academy and the Higher School of Judges must incorporate mandatory modules on Digital Criminal Procedure: digital evidence assessment, QES verification, chain-of-custody management, and AI ethics. Continuous professional certification should require demonstration of digital proficiency for qualification retention. This aligns national standards with UNODC best-practice guidelines[2]. Institutional incentive structures — investigator KPIs rewarding digital workflow adoption — must complement legal mandates to overcome the 'sectoral ego' documented in the Indonesian experience.

7. Conclusion

Uzbekistan's digital transformation of criminal justice is characterized by genuine political ambition and measurable early achievements — yet the system remains structurally trapped in a hybrid reality that multiplies administrative burden rather than reducing it. The “e-material” system has automated crime registration; it has not yet automated investigation. Presidential Decree No. PF-204 provides the strategic mandate; it requires the specific legislative, technical, and operational architecture to realize it.

This paper proposes three synchronized transformations. Legislatively: a unified Digital procedural code must declare the electronic file primary, mandate digital participation, establish forensic evidence protocols, and codify algorithmic accountability — learning from Estonia's transformative

[1] Lawyers Hub. An analysis of virtual courts in Africa. Africa Law Tech. — 2020. — URL: https://www.lawyershub.org

[2] UNODC, CTED, IAP. Practical guide for requesting electronic evidence across borders. — United Nations, 2019. — URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/GPTOC/GPTOC2/_ebook.pdf

model. Architecturally: the “e-tergov” ecosystem must be built on the “U-Road” interoperability layer, with blockchain integrity assurance and “G-Cloud” scalability, transforming institutional data silos into a shared, trusted evidential ecosystem. Operationally: the Investigator's tablet must bring the digital revolution to the crime scene — real-time documentation, biometric verification, forensic evidence acquisition, AI advisory, and automated protocol generation from the first moment of investigative action.

The success of this transformation depends ultimately not on software but on the synchronized modernization of laws, institutions, and professional culture. The digital file must be declared — in statute — the authoritative source of legal truth. Until it is, paper will persist, and with it, the inefficiency, opacity, and vulnerability that digital justice is designed to eliminate.

KHIKMATOV AZIZ BOBONAROVICH
Head of the Department of Preliminary Investigation and Inquiry, Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Associate Professor

PROSPECTS FOR USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN DRAWING UP THE INTERROGATION PROTOCOL

Abstract. *The article discusses the investigative action of interrogation and the procedure for recording testimony in the protocol, the introduction of modern computer technologies and artificial intelligence into the practice of interrogation, as well as the prospects of converting oral testimony (speech) into text.*

Keywords: *interrogation, recording testimony, neuro-linguistic programming, speech-to-text, transcription, electronic criminal case.*

The reforms being carried out in the judicial and legal sphere in our country, together with the development of society, have led to improvements in how the investigative action of interrogation is conducted under criminal procedure legislation, and strict requirements for interrogating participants in criminal proceedings have been introduced. As a multifaceted investigative action, interrogation encompasses procedural, forensic-medical, psychological, and ethical aspects. Numerous manuals and monographs have been prepared on the procedural order and tactics of interrogation, many scholarly works have been defended, and a great number of scientific articles have been published.

By Resolution No. PQ-3723 of the President of the Republic of Uzbekistan dated May 14, 2018, “On Measures for the Radical Improvement of the System of Criminal and Criminal Procedure Legislation,” the gradual digitalization of criminal proceedings and the introduction of electronic criminal-case management were envisaged—that is, conducting all

investigative actions using digital technologies and developing a unified electronic form of criminal procedure documents[1].

Under this Resolution, the following tasks were set: optimizing criminal proceedings—including electronic case management in criminal cases—by shortening procedures and eliminating unnecessary stages; conducting case management in electronic form and, while carrying out procedural actions, introducing a protected system that enables the investigative and inquiry bodies to exchange data with other agencies and organizations, including through the integration of information systems and databases; introducing the automation of criminal-case statistics; developing a unified electronic form of criminal procedure documents; and simplifying the procedures for carrying out procedural actions, including by obtaining sanctions in electronic form, collecting evidence, conducting expert examinations, holding court hearings, and executing court decisions.

In recent years, the question of using artificial intelligence and neuro-linguistic programs (hereinafter "NLP"—Natural Language Processing) in the interrogation process has increasingly become a subject of discussion among scholars worldwide. NLP involves modeling human behavior in various situations using linguistic methods and applied psychology. In such modeling, the speech, conduct, and personal characteristics of both the person being interrogated and the interrogator during their interaction are taken into account, and a psychological interaction arises between them. NLP serves to increase the effectiveness of interrogation in obtaining complete and impartial testimony.

Scholars continue to study how the rules governing the investigative action of interrogation are regulated by legislation at the various stages of criminal proceedings, depending on the status of the person being interrogated (suspect, accused, minor, and others). The number of scholarly studies concerned with conducting interrogation by video conference is also growing.

[1] https://lex.uz/docs/3735818

An analysis of scholarly research and practical developments shows that scholars in the field focus their main attention on the tactics and psychology of interrogation. Interrogation tactics recommend the techniques and methods for conducting this investigative action, the essence of which lies in the fundamentals of the psychology of communication between the investigator and the person being interrogated. Interrogation tactics also address the specific features of using technical means such as audio and video recording, as well as the requirements for the content and structure of interrogation protocols.

Under national legislation, the protocol is the principal means of recording the testimony of persons being interrogated. According to Article 106 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, the results of an interrogation are recorded in the interrogation protocol, and testimony is written down in the first person and, as far as possible, verbatim[1].

Interrogation is usually carried out in four main stages: the preliminary stage, the free-narration stage, the question-and-answer stage, and the concluding stage. Keeping the interrogation protocol—that is, recording the testimony—is one of the most time- and labor-intensive of these final stages. Investigative practice shows that recording testimony in the protocol is a more time-consuming process than the interrogation itself. Interrogation, in turn, is one of the most frequently conducted investigative actions. When investigating certain complex, multi-episode crimes, investigators are required to interrogate dozens of witnesses and other participants.

The process of drawing up the interrogation protocol remains complex because its written form is labor-intensive, and this affects the investigator's efficiency in investigating a crime. Moreover, this factor also has a negative effect on the investigator's tactics for establishing communication with the person being interrogated. In light of present-day requirements, the demand to pay particular attention to detailed interrogation in investigative practice

[1]Ўзбекистон Республикаси Жиноят-процессуал кодекси.https://lex.uz/docs/111460

is steadily increasing. This is, of course, explained by the strengthening of requirements to comply with criminal procedure legislation when investigating crimes.

As a rule, the testimony of those being interrogated is recorded mainly with the help of computer technologies, which has of course made it much easier to keep the interrogation protocol and, through copying, to draw up indictments and other procedural documents. Computer technologies have, in turn, brought such conveniences as printing the testimony recorded in the protocol, scanning data, and converting it into electronic form. There are also possibilities for printing template-form copies of interrogation protocols.

Today, researchers and practitioners in the field are paying particular attention to simplifying the recording of testimony obtained through interrogation—that is, to creating automated working conditions for the investigator in order to reduce the time spent conducting the interrogation. These measures, however, bypass the issue of introducing modern technologies into the recording of testimony in the interrogation protocol.

In this regard, the problem of formalizing interrogation protocols remains relevant at the present stage of criminal proceedings. Using computer technology merely as a device for recording testimony requires considerable effort and time to draw up an interrogation protocol. In our view, it is necessary to introduce the practice of using artificial intelligence and modern information and communication technologies for recording the results of interrogation in the protocol. Such technologies should be able to automatically recognize the speech of the participants in the interrogation process and convert their oral utterances into text form.

In his study, the Russian scholar N. I. Sotnikov argued for the need to introduce modern computer technologies and artificial intelligence into interrogation practice—namely, a system that makes it possible to convert oral speech into text in the form of digital data, that is, “transcription” (from the Latin transcriber, meaning “to rewrite”). In his opinion, transcription has entered various spheres of social life; in online education, for example, video

content is presented together with text, which makes it easier to understand the study material. Speech-recognition technology accelerates the process of converting speech into text during communication and ensures a high degree of verbatim accuracy in the converted speech[1].

Today, advanced countries make use of professional programs that convert speech into text or convert audio files into text (Windows Dictation, Dragon Professional Individual, Sobolsoft, Bear File Converter, Voice Finger, and others). Modern speech-recognition programs can be installed on computer systems and on mobile devices (smartphones). These programs can also be used as online services.

This shows that using the appropriate software and additional small equipment (a microphone, a voice-recording device) does not require large financial investments. Modern young investigators can also easily master the use of such specialized software.

Our national legislation contains specific provisions on the possibilities of using technical means (audio recording, video recording, and others) when conducting certain investigative actions. The existence of procedural norms concerning the technical means that may be used to convert testimony into text when conducting the investigative action of interrogation has been analyzed.

In particular, pursuant to Article 91 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, in addition to drawing up a protocol to record evidence, sound recording, video recording, filming, photography, the making of casts and impressions, copying, the preparation of plans and schemes, and other methods of representing information may be used; moreover, the methods used by the inquiry officer, investigator, or court to record evidence, together with the technical characteristics of the apparatus, instruments, equipment, and materials used, are stated and reflected

[1] К.И. Сотников, Г.В. Парамонова. О возможности использования современных технологий конвертации показаний в целях составления протокола допроса в уголовном судопроизводстве.// Журнал правовых и экономических исследований. 2023, 4: 125–131

accordingly in the protocol of the investigative action or in the protocol of the court session.

The rules set out in this norm make it possible to use any scientifically substantiated technical means and methods to record evidence without violating citizens' rights. Here, the technical means envisaged include audio recording, computer equipment, and scientifically substantiated programs. The person being interrogated familiarizes himself with the recording and has the right to leave comments on the content of the recorded testimony.

Likewise, in accordance with Article 106 of the Criminal Procedure Code, the process and results of interrogation are recorded in the interrogation protocol at the inquiry and preliminary-investigation stages, and in the protocol of the court session during the trial. Along with keeping a protocol during interrogation, sound recording, video recording, and filming may also be used. The protocol likewise notes whether sound recording, video recording, or filming was carried out during the interrogation. The phonogram, video recording, and film are attached to the protocol.

In this case, after audio and video recording has been used, it is advisable to convert it into text. When converting speech into text, these technical means can be used in the following several ways:

First method—audio and video recordings are used; they are converted into text and may subsequently be attached to the interrogation protocol as additional documents.

Second method—testimony is recorded using a voice-recording device (a dictaphone) and can be used to convert the oral speech in the audio recording into text. This audio recording must subsequently be attached to the interrogation protocol.

Third method—transcription: using a microphone and the appropriate software, oral speech can be converted into text on a technical device (a computer) without saving the audio recording. In other words, technically only the oral speech is converted into text.

An analysis of the existing norms in criminal procedure legislation has shown that it would be advisable to provide in the law for the use of transcription (converting oral speech into text), alongside audio and video recordings, as an additional means of recording. Converting oral speech into text using a microphone as a technical means creates a basis for formalizing the interrogation protocol quickly and economically. Once the oral speech of the person being interrogated has been obtained in text form, the interrogator (investigator) needs to evaluate the content of the testimony and, where necessary, edit the text, because the testimony of the person being interrogated may not always convey its original meaning with sufficient accuracy. In such cases, additional and control questions are used to clarify the testimony. Furthermore, when oral speech is converted into text, software errors may occur in rendering words and sentences, and these require further correction. After this, the interrogation protocol is printed out for the person being interrogated using computer equipment. If the person being interrogated expresses any opinions or remarks, the appropriate corrections are made to the protocol, after which it is printed via a printer, and the electronic copy can be saved for future use during the investigation. Compared with formalizing the interrogation protocol in the traditional way, editing the completed text requires less time, especially when drawing up a multi-page document. In addition, it makes it possible to record testimony verbatim and to take into account the specific features of the speech of the person being interrogated.

As is known, in practice investigators use different approaches to the sequence of conducting the investigative action of interrogation and to drawing up the protocol. Usually, when short testimony is given, investigators listen to the person being interrogated and, after asking clarifying questions, proceed to draw up the interrogation protocol. To record large volumes of testimony, the investigator listens to the person being interrogated about specific circumstances and then records the testimony in the protocol. The person being interrogated is then questioned

again through separate questions about each subsequent circumstance, clarifying questions are put, and after that the testimony is once more written down. In some cases, investigators begin drawing up the protocol from the very start of the interrogation, often stopping the person being interrogated while recording. In such cases, the investigator cannot critically evaluate the testimony, fails to attend to the behavior of the person being interrogated, and exercises little control over the investigative process. The use of speech-to-text tools enables the investigator to focus on communicating with the person being interrogated, to establish psychological contact, to evaluate the testimony given, to make broad use of tactical methods, and so on.

In conclusion, criminalistics faces such important tasks as the active use of modern information-technology tools and artificial intelligence in conducting investigative actions and their introduction into investigative practice. As a modern method of converting oral speech into text, transcription facilitates the completeness and objectivity of recorded testimony, accelerates the process of drawing up interrogation protocols, and makes interrogation tactics more effective.

ШОМИРЗАЕВ САХОДУЛЛА ХАСАНБОЕВИЧ
Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси
кафедра доценти, ю.ф.ф.д. (PhD),
доцент

ВОЯГА ЕТМАГАН ШАХСНИ СЎРОҚ ҚИЛИШНИНГ ЎЗИГА ХОС ХУСУСИЯТЛАРИ

Ҳозирги кунда мамлакатимизда болалар ҳуқуқ ва эркинликларини таъминлаш давлат сиёсатининг устувор йўналишларидан бири сифатида белгиланиб, бу борада кенг қамровли ислоҳотлар амалга оширилмоқда. Жумладан, жиноят ва жиноят-процессуал қонунчиликни такомиллаштириш жараёнида вояга етмаганлар ҳуқуқларини кафолатлашга алоҳида эътибор қаратилаётганлигини эътироф этиш жоиз. Бунда Жиноят кодексига жиноят содир этган вояга етмаган шахсни судланмаган деб ҳисобланиши тартибини белгиловчи ўзгартиришлар, Жиноят-процессуал кодексига эса вояга етмаган гувоҳларни сўроқ қилиш муддатларини чеклаш, тергов ҳаракатларида педагог ёки психолог иштирокини таъминлаш, қонуний вакил иштирокини кафолатлаш, боланинг руҳиятига салбий таъсир кўрсатувчи ҳолатларни бартараф этишга қаратилган бир қатор нормалар жорий этилди. Хусусан, жиноят содир этган вояга етмаган шахсларни қайта тарбиялаш, уларда қонунга ҳурмат руҳини шакллантириш ва жамиятда муносиб ўрин эгаллаши учун шароит яратиш, шу билан бирга, улар томонидан содир этилган қилмиш келгусида ҳаёти давомида доимий тўсиқ бўлиб қолмаслиги, ҳаётда ўз ўрнини топиши, меҳнат қилиши ва ижтимоий муносабатларда чекловларга дуч келмаслигини таъминлаш мақсадида жиноят қонунчилигига ўн саккиз ёшга тўлгунига қадар содир этган жинояти учун жазони ўтаб бўлган шахсни судланмаган деб

ҳисоблашнинг алоҳида тартибини белгиловчи қўшимчалар киритилди. 2025 йил 23 октябрда Ўзбекистон Республикасининг “Вояга етмаганларга нисбатан жиноий жавобгарлик янада либераллаштирилиши муносабати билан Ўзбекистон Республикасининг Жиноят кодексига қўшимча ва ўзгартиришлар киритиш тўғрисида”ги ЎРҚ-1092-сон қонуни қабул қилинган бўлиб, унга кўра, Ўзбекистон Республикаси ЖПКнинг 77-моддаси тегишли тартибда олтинчи қисм билан тўлдирилди, яъни “ўн саккиз ёшга тўлгунига қадар содир этган жинояти учун тайинланган жазони ўтаб бўлган шахс судланмаган ҳисобланади, бундан ўта оғир жиноятлар ёки содир этган жинояти учун тайинланган жазони ўтаб бўлганидан кейин ўн саккиз ёшга тўлгунига қадар қасддан янги жиноят содир этиш ҳоллари мустасно”[1] эканлиги белгиланди.

Бундан ташқари, Жиноят-процессуал кодексига ҳам вояга етмаган шахсларни ҳуқуқ ва манфаатларидан келиб чиққан ҳолда ўзгартириш қа қўшимчалар киритиилди. Жумладан, Ўзбекистон Республикасининг 2026 йил 3 майдаги “Болаларни зўравонликдан ҳимоя қилиш тизими такомиллаштирилиши муносабати билан Ўзбекистон Республикасининг айрим қонун ҳужжатларига ўзгартириш ва қўшимчалар киритиш тўғрисида” ЎРҚ-1130-сон Қонуни қабул қилинди. Ушбу қонунга мувофиқ, ЖПКнинг 121-моддасининг тўртинчи қисми мазмуни ўзгартирилган ҳолда тўртинчи ва бешинчи қисмлар билан алмаштирилди. Унга кўра, ЖПКнинг 121-моддаси тўртинчи қисми қуйидагича яъни: “Вояга етмаган гувоҳни ёки жабрланувчини сўроқ қилишнинг бир кун мобайнидаги умумий давомийлиги вояга етмаганнинг ёшидан ва ҳолатидан келиб чиқиши ҳамда:

1) 7 ёшгача бўлганларга нисбатан — танаффусларсиз ўттиз дақиқадан, жами бир соатдан;

[1] Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодекси, 77-модда. https://lex.uz/docs/111453

2) 7 ёшдан 14 ёшгача бўлганларга нисбатан — танаффусларсиз бир соатдан, жами икки соатдан;

3) 14 ёшдан 18 ёшгача бўлганларга нисбатан — танаффусларсиз икки соатдан, жами тўрт соатдан ошмаслиги керак”лиги, бешинчи қисми эса “Вояга етмаган гувоҳни ёки жабрланувчини қўшимча сўроқ қилиш сўроқ қилинувчи ишнинг ўзига маълум бўлган барча ҳолатлари тўғрисида кўрсатув бера олиши учун ушбу модданинг тўртинчи қисмида назарда тутилган сўроқнинг умумий давом этиш вақти етарли бўлмаган ҳолларда, шунингдек ЖПК 108-моддасининг 2-7-бандларида назарда тутилган асослар мавжуд бўлган тақдирда ҳам амалга оширилиши”[1] белгилаб қўйилди.

Бу борада хорижий қонунчилик сифатида Қозоғистон ва Молдова қонунчилиг ўрганилганда, қуйидагилар маълум бўлди. Жумладан, Қозоғистон Республикаси ЖПКнинг 209-моддасига кўра, “Вояга етмаганни сўроқ қилиш кун давомида ўтказилади ва узлуксиз икки соатдан кўп, жами эса кунига тўрт соатдан кўпроқ давом этмаслиги керак”лиги белгиланган. Вояга етмаган гумон қилинувчи, айбланувчини сўроқ қилиш кун давомида ўтказилади ва танаффуссиз икки соатдан кўпроқ, жами эса кунига тўрт соатдан кўпроқ давом этмаслиги керак. Агар вояга етмаганда аниқ чарчоқ бўлса, сўроқ муддат тугашидан олдин тўхтатилади[2].

Вояга етмаган гумон қилинувчи ёки айбланувчини сўроқ қилишга оид бу каби қоидалар Молдова Республикаси Жиноят-процессуал кодексида ҳам ўз аксини топган. Хусусан, Молдова ЖПКнинг 479-моддасига кўра, “вояга етмаган гумон қилинувчи, айбланувчи ва судланувчини 104-моддага мувофиқ сўроқ қилинади. Ҳар қандай сўроқ танаффусларсиз икки соатдан ортиқ давом этмаслиги ва жами бўлиб кунига тўрт соатдан ошмаслиги керак. Вояга етмаган гумон

[1] Ўзбекистон Республикаси Жиноят-процессуал кодекси, 121-модда. https://lex.uz/docs/111460

[2] Қозоғистон Республикаси Жиноят-процессуал кодекси https://adilet.zan.kz/eng/docs/K1400000231?utm

қилинувчи, айбланувчи ва судланувчини сўроқ қилишда ҳимоячи ва ўқитувчи ёки психологнинг иштироки мажбурийдир[1].

Франциянинг вояга етмаганлар билан боғлиқ жиноятларни кўриб чиқилиши борасидаги қонунчилик таҳлили шуни кўрсатадики, бунда:

биринчидан, ихтисослашган судьяларнинг мавжуд, яъни бу тоифадаги судьялар фақат вояга етмаганлар ишларини кўриб чиқади ва бошқа судьяларнинг вояга етмаганлар ишини кўришга ваколати йўқ;

иккинчидан, жиноий ножўя ҳаракат ёки ҳуқуқбузарлик содир этган вояга етмаан шахснинг психологияси ўрганилишига алоҳида эътибор қаратилади;

учинчидан, вояга етмаган ҳуқуқбузарга нисбатан жазо қўллашдан олдин унга нисбатан тарбиявий таъсир чоралари қўлланилади[2].

Дарҳақиқат, жиноят ишлари бўйича нафақат вояга етмаган гувоҳларни, балки вояга етмаган гумон қилинувчи ва айбланувчиларни ҳам сўроқ қилишни ўзига хос хусусиятларга эга бўлиб, шу боисдан жиноят процессуал қонунчилиги билан вояга етмаган айбланувчиларни ҳам сўроқ қилиш тартибини белгиловчи алоҳида қоидалар мавжуд. Хусусан, Ўзбекистон Республикаси ЖПКнинг 553-моддаси вояга етмаган гумон қилинувчи ва айбланувчини сўроқ қилиш тартибини белгилаб беради. Мазкур модда талабларига мувофиқ, вояга етмаган гумон қилинувчини ва айбланувчини сўроқ қилиш ҳимоячи, қонуний вакил иштирокида амалга оширилиши, шунингдек, ҳимоячи ва қонуний вакил гумон қилинувчига ва айбланувчига саволлар беришга, сўроқ якунлангач, ҳимоячи ва қонуний вакил баённома билан танишишга ва у ҳақда ўз мулоҳазаларини билдиришга ҳақли эканлиги, вояга етмаган гумон қилинувчини, айбланувчини сўроқ қилишнинг умумий давомийлиги кун давомида дам олиш ва овқатланиш учун бир

[1] Молдова Республикаси Жиноят-процессуал кодекси. https://continent-online.com/Document//doc_id=30397729

[2] Франция // Правовые системы стран мира. -М.: Норма. 2000. -С. 526.

соатлик танаффусни ҳисобга олмаганда олти соатдан ошмаслиги кераклиги белгиланган[1].

Шу ўринда таъкидлаш жоизки, вояга етмаган шахсни сўроқ қилишнинг ўзига хос хусусиятларидан бири ҳақиқатдан ҳам тўғри психологик алоқа ўрнатиш муҳим ҳисобланади. Лекин вояга етмаган шахс психологиясига сўроқ қилинаётган жой ва сўроқ қилувчининг ташқи кўриниши ҳам салбий таъсир кўрсатиши, яъни унда қўрқув ва ҳаяжон каби ҳисларни кучайишига бу эса уни тўғри кўрсатув бериш имкониятини пасайишига олиб келиши мумкин. Масалан, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи орган биносида, хизмат кийимидаги мансабдор шахс томонидан сўроқ қилиниши болада қўрқув ҳиссини оширади. Бундан ташқари, вояга етмаган шахсларга катта ёшдагиларни тазйиқ ўтказиши ёки сўроқ жараёнида маълум бир мазмундаги кўрсатувларни беришга ундовчи турли хил таъсирлар ўтказиши ёки йўл-йўриқлар кўрсатиши мумкин бўлиб, ушбу ҳолатлар вояга етмаган шахс билан алоқа ўрнатишни қийинлаштиришига олиб келиши мумкин. Бундай ҳолатларда эса терговчига жиноят иши бўйича ҳақиқатга аниқлашга қаратилган сўроқ қилиш тергов ҳаракати натижасиз бўлаётганлиги салбий таъсир қилмаслиги ва вояга етмаган шахсга руҳий босим ўтказмаслиги муҳим ҳисобланади. Чунки бу сўроқ қилинувчидаги қўрқув ва ҳис-ҳаяжон янада ортишига ҳамда зиддиятли вазиятларни юзага келишига сабаб бўлади. Бундай ҳолатларда эса терговчи вазиятни тўғри баҳолаган ҳолда юзага келган муаммоли ҳолатни бартараф этиш ва самарали руҳий алоқа ўрнатиш учун вояга етмаган сўроқ қилинувчини ўзини эркин ҳис қилишига шароит яратиб бериши ҳамда вазият назоратини вақтинча ишдаги иштирок этаётган психологга топшириши лозим ҳисобланади. Шу билан бирга терговчи ўз эътиборини психологнинг ҳатти-ҳаракатларига қаратиши, вазиятни тўлиқ назорат қилиши керак. Чунки психолог томонидан ҳам вояга

[1] Ўзбекистон Республикаси Жиноят-процессуал кодекси, 553-модда. https://lex.uz/docs/111460

етмаган шахс билан мулоқот ўрнатишда ва юзага келган муаммоли ҳолатларни бартараф этишда ноўрин усуллардан фойдаланиб қўйишини олдини олиш лозим.

Психолог Александр Лурия бу борада қуйидагиларни баён этади, яъни болаларнинг эслаб қолиш жараёни катталарга нисбатан беқарорроқ бўлишини, стресс ва қўрқув ҳолати кўрсатувларнинг мазмунига таъсир қилишини, тергов муҳити қанчалик босимсиз бўлса, вояга етмаганнинг кўрсатувлари шунчалик ишончли бўлишини таъкидлайди[1].

Америкалик психолог Элизабет Лофтус ўзининг тадқиқотларида болалар хотирасига ташқи таъсирнинг кучли таъсир қилишини илмий жиҳатдан асослаб берган. Унинг фикрига кўра, нотўғри ёки йўналтирувчи саволлар болада сохта хотира шакллантириши мумкин[2]. Шунга ўхшаш фикрларни ўзбек психологи Э.Ғозиев ҳам таъкидлаб, ўсмирларнинг эмоционал таъсирчанлиги юқори эканлигини, улар мулоқот жараёнида катталар таъсирига тез берилишини таъкидлаб, бу ҳолат тергов жараёнида кўрсатувларнинг мазмунига таъсир кўрсатиши мумкинлигини баён этади[3].

Хулоса ўрнида таъкидлаш жоизки, вояга етмаган шахсни нафақат сўроқ қилишнинг ўзига хос хусусиятлари мавжудлигини, балки вояга етмаганлар билан боғлиқ бўлган ҳар қандай тергов ҳаракатини амалга ошириш алоҳида билим ва малакага эга бўлган мансабдор шахслар томонидан амалга оширилиши лозим. Шунинг учун ҳам халқаро норматив-хуқуқий ҳужжатларда акс этган вояга етмаганларга оид ишларни кўриб чиқишда махсус билим ва малакага эга бўлган мансабдор шахслар томонидан қисқа фурсатларда адолатли кўриб чиқилиши лозимлиги борасидаги тавсиялар ва хорижий мамлакатлар

---

[1] А.Р.Лурия Основы нейропсихологии [Текст]: [Для фак. психологии гос. ун-тов]. - Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1973. - 374 с.

[2] Elizabeth Loftus, David Miller, Helen Burns, Semantic Integration of Verbal Information into a Visual Memory, 1978.

[3] Э.Ғозиев Психология: [Текст]: Ёш даврлари психологияси: педагогика институтлари ва университетларнинг талабалари учун ўқув қўлланма / - Тошкент : Ўқитувчи, 1994. – 223 б.

тажрибасидан келиб чиққан ҳолда вояга етмаганларни жиноятларини юритиш бўйича алоҳида судья ва терговчи лавозими жорий этиш лозим деб ҳисоблаймиз.

CHORIEV MIRSARDOR
a teacher at the Department of
Criminal law and criminology
at Law Enforcement Academy
of the Republic of Uzbekistan

ON THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PAROLE DECISIONS: A PHILOSOPHICAL OVERVIEW

Nowadays artificial intelligence is increasingly being used in many dimensions of human life: from personal communication up to warfare. Legal system, including but not limited to criminal justice system is not immune from this tendency, too. Countries are at different stages of technological development, so the prospective of the deployment of AI tools in the resolution of legal issues is not even around the world. The most developed countries have tried to introduce such tools and already had experienced public backlash. Developing countries, some of them seriously, are considering the utilization of artificial intelligence in their criminal justice systems. Naturally, academics, politicians and conscious citizens are wondering on this issue. We will try to outline the main questions that must be answered for the artificial intelligence to be deployed in legal decision-making.

The first question: why is artificial intelligence becoming increasingly popular? What is its advantage over a human?

In order to answer this question, we should have a basic understanding of what the artificial intelligence is. In general, artificial intelligence is the advanced level of computing. It is the capacity of a computer to scan enormous amount of information, search common features and find patterns. Some people say that artificial intelligence is a computer's ability 'to think' which is, from a scientific point of view, quite a premature claim, at least now.

In short, artificial intelligence may scan huge amount of information quickly, much faster than a person can do. That is commonly held to be the main advantage of artificial intelligence. It means that the use of artificial intelligence allows that much work can be done during the little time. Since criminal justice systems in many countries are becoming increasingly stretched due to mounting workload, governments around the world hope the artificial intelligence to be the relatively fast (and cheap) solution.

We have tried to comprehend the nature of the AI and its possible advantage over a human. And now we turn to the next question: do people accept artificial intelligence as a tool for decision-making in criminal justice?

Here we have several objections. The first one is a purely philosophical objection. Specifically, some people maintain that, since criminal justice is concerned with the fate of individuals, decision-making process here should not be passed to the computer equipped with artificial intelligence. It is because human is considered to be 'the lord of the world'. Possibly, human is the cleverest creature in the universe, nobody and nothing else can be equal to him.

So, if decisions about justice and punishment are made by the AI, then it would mean that essentially a human is granting the computer a power of him. Such a situation would damage a human's status of lordship in the world. Conservative people would possibly reject such a change. It is because people have throughout their history, and especially after Industrial revolutions dominated the order in the world and are used to master the world around him. The deployment of the Artificial intelligence would possibly end such a monopoly. Personally, I somehow support this objection. And I think that such an objection is legitimate because eventually it comes down to the issue of self-esteem which is the very essence of a human's nature.

The next objection against the use of artificial intelligence is a religious one. We can't ignore the fact that most people around the world have some

kind of faith. Those people sincerely believe that anything and anybody in the universe, including a human, are created and governed by supernatural force that is out of the scope of human imagination, let alone of human perception. And religious people think that God, as a sole master of the world, gave soul to nobody, but a human, so the most wonderful, complex and responsible activity in the Earth must be conducted exclusively by human. As I have already mentioned above, criminal justice concerns the most sensitive aspects of human life. Therefore, from religious perspective, issues of guiltiness and social harm shall be performed by people themselves. The use of artificial intelligence would put people in an awkward situation when soleless thing could decide on life or death of mortal people.

Considering the possibility of the use of artificial intelligence it should not be taken for granted that AI always takes right decisions. Although earlier we mentioned that AI has an advantage over human in the speed of analyzing the information, in fact, it is difficult to comprehend, let alone explain, how AI performs its task. Unarguably, the work of artificial intelligence is not equal to a human's thinking. The foundation of AI is the complex algorithm of finding probabilities on the basis of input data. More simply, first you need to load the initial dataset, for example, 1000 parole decisions and information about convict's behavior after release. Then You ask the AI to find features common to those convicts who did not commit crime after their release. Then You analyses this data and assign weight to each feature and train your AI assistant to process initial data, count features and answer the question: How much is it possible that convict with particular characteristics commits crime after his release? Artificial intelligence then, relying on the initial dataset and assigned weight of features, try to find patterns and give you most typical possible outcome, for example: "Man prisoner convicted of drug dealing at the age of 38 and having served 6 years of term commits a new crime after release in 84% of cases, so the particular prison of this type should not be released".

It appears that such AI tool can be of great help for courts and probation service. But we must not be impelled to introduce AI in criminal justice system. Because, as I have pointed out, the AI, analysing information, advices You the most common and typical anticipation. But would such a decision be acceptable for criminal justice system, and specifically, in parole decisions? Here the matter is rather complicated. Ideally, decision on parole must be taken responsibly in each individual case after careful consideration of all relevant circumstances where the question to be answered is whether a convict could pose a danger to society if he is released. However, when decision-making process is transferred from human to AI, it may become more routinised. The danger here is that a fate of a particular convict would heavily depend not on his heart and mind, but on the average rate of recidivism for offenders with common features. When unique relevant circumstances are disregarded in a particular case, the possibility of an unfair decision raises. Such a situation would contradict morality, because a convict would be treated as a creature of little significance, not as an equal moral agent with his soul and beliefs.

When we elaborate on the mechanism of work of the AI, we should be cautious that it is not the same with human thinking. In other words, AI calculates the probability through the ‘black box’ of complex mathematical algorithms. However fast and precise it is, the AI, unlike from human, lacks the key quality necessary for legal decision-making: judgement. Decisions on parole require the judgement which, apart from mechanical calculation of probability, is also about emotions and empathy. Of course, decision-makers in criminal justice system often try to avoid the influence of sentiments and subjective opinion on their decisions, but, actually, a human can’t and shouldn’t completely ignore its inherent feelings.

In the beginning of my thesis, I have mentioned that some developed countries attempted to deploy artificial intelligence. For example, in the US the AI has been used by Parole Boards in order to facilitate their workflow. But, so far, the experiment has been unsuccessful. Why? The main reason

lies in the quality of initial dataset. It is widely recognized that in the US and some other First World countries the criminal justice system, as many other dimensions of social life, has historically been impacted by racism. That is why particular segments of population have been targeted by criminal justice system more widely than others. As a result, the input data for the artificial intelligence reflected that historical oppression. It has led to the situation that a convict belonging to a marginalized group would be of heightened risk for society despite the other mitigating circumstances, because, the input data showed that people of his background are more likely to reoffend.

Well, we have reviewed the main objections against the use of artificial intelligence in criminal justice, namely, parole decisions. The next question which shall be answered: is it possible to deploy the artificial intelligence in spite of those objections?

Of course, people have generally been reluctant to accept a novation which somehow contradicts their established beliefs and customs. Overcoming stereotypes is time-consuming process. The first thing which must be avoided by governments is to try to accelerate the deployment of AI in their criminal justice systems. It can hardly be stated that nowadays criminal justice systems around the world are operating smoothly. But it is also the case that premature introduction of the AI could make things even worse.

It is true that decision-making process by the artificial intelligence is complicated and not transparent. Even people who deploy such systems themselves can't explain confidently how it came to its decision in a particular case. Such limitations of the AI could be overcome by two means: first, the quality of an initial dataset, and second, careful design of an algorithm. When preparing the input data, it is important to make it as representative as possible and take into account historical context, so that particular common features would not unduly influence the big picture of things. Then, when an algorithm is designed, it must rely on the responsible consideration of relevant circumstances. In general, the creation of the AI

system for criminal justice system, and namely, for issues of parole, is very complicated task. This task can never be performed by coders alone, but needs collaboration of professionals in various spheres: jurists, psychologists, police officers, programmers, etc.

In my view, at current state of affairs, the AI may promise optimism, but we should not consider it as a panacea. Even in the best scenario, it is a mistake to grant the AI power to make decisions independently. The main reason is that not everything that matters can be converted into numerical data and put into the AI. It means that however scrupulously the artificial intelligence system is designed, its decisions would be imperfect anyway and thus require human oversight.

Artificial intelligence is better regarded as a tool assisting a human, not replacing him. Parole Boards and courts could try to use the AI in order to manage their limited resources more effectively, but with additional consideration of each case by human professionals, because any unfair decision has long-term negative consequences for society and damages trust to criminal justice system.

ЭСАНАЛИЕВ САДРИДДИН НУРИДДИН ЎҒЛИ
Ҳуқуқни муҳофаза қилиш Академияси
кафедра ўқитувчиси, ю.ф.ф.д (PhD)

ДАСТЛАБКИ ТЕРГОВНИНГ ТЕХНИК ЙЎСИНДАГИ КАМЧИЛИКЛАРИНИ БАРТАРАФ ЭТИШ УЧУН ИШНИ ПРОКУРОРГА ЮБОРИШ АСОСЛАРИ ТАҲЛИЛИ

Аннотация: *Мақолада дастлабки терговнинг техник йўсиндаги камчиликларини бартараф этиш учун ишни прокурорга юбориш асослари, процесс иштирокчиларининг ҳуқуқ ва мажбуриятлари, процессуал муддатлари, жиноят-процессуал қонунчиликни такомиллаштириш масалалари илгари сурилган.*

Аннотация: *В статье выдвинуты положения о направлениях уголовного дела прокурору для устранения технических недостатков предварительного расследования, о правах и обязанностях участников процесса, о процессуальных сроках, а также о вопросах совершенствования уголовно-процессуального законодательства.*

Annotation: *The article advances provisions concerning the referral of a criminal case to the prosecutor for the elimination of technical deficiencies in the preliminary investigation, the rights and obligations of the parties to the process, procedural time limits, as well as issues related to improving criminal procedure legislation.*

Калит сўзлар: *дастлабки тергов, техник йўсиндаги камчиликлар, суд ажрими, прокурорга юбориш, айбланувчи, судья, прокурор.*

Ключевые слова: *предварительное расследование, технические недостатки, судебное определение, направление дела прокурору, обвиняемый, судья, прокурор.*

Key words: *preliminary investigation, technical deficiencies, judicial ruling, referral of the case to the prosecutor, accused, judge, prosecutor.*

Суриштирув ёки дастлабки тергов жараёнида йўл қўйилган техник йўсиндаги камчиликлар деганда, “*жиноят ишида айбланувчи*

тариқасида иштирок этишга жалб қилиш тўғрисидаги қарор, айблов далолатномаси ёки айблов хулосаси, шунингдек, тиббий йўсиндаги мажбурлов чораларини қўллаш учун ишни судга юбориш тўғрисидаги қарор ёзувида йўл қўйилган хатолар, ҳарфий хатолар ва арифметик хатолар тушунилади"[1].

Жиноят процессининг суриштирув ва дастлабки тергов босқичида иш юритишнинг асосий воситалари сифатида процессуал ҳужжатлар расмийлаштирилади. Улар қаторига *айбланувчи тариқасида иштирок этишга жалб қилиш тўғрисида*, *айблов далолатномаси, айблов хулосаси, тиббий йўсиндаги мажбурлов чораларини қўллаш ҳақидаги қарор* ва бошқаларни кўрсатиш мумкин. Мазкур процессуал ҳужжатларда йўл қўйилган ҳарфий, арифметик, техник йўсиндаги хатолар жиноят ишларини мазмунан кўриб чиқилишига ўзининг салбий таъсирини кўрсатиши мумкин. Масалан, йўл қўйилган хатолар айбланувчининг ҳуқуқлари чекланишида, суднинг ишни моҳиятан кўришида, айблов мазмунида аниқликнинг йўқлигида, процессуал ҳужжатнинг юридик аҳамиятида кўринади.

Эндиликда, юқорида қайд этилган техник йўсиндаги камчиликларнинг айрим турларига тўхталиб ўтишни жоиз деб биламиз.

Арифметик хатолар сифатида айблов далолатномасида ёки айблов хулосасидаги рақамлар, саналар, ҳамда ҳисоб-китоблар нотўғри кўрсатилиши билан боғлиқ ҳолатларни келтириб ўтиш мумкин. Мисол учун, суриштирув, дастлабки тергов босқичидаги процессуал ҳужжатда терговчи (суриштирувчи) томонидан айбланувчи А.А.А томонидан содир этилган жиноят 2024 йил 15 январда деб кўрсатилган, ваҳоланки, жиноят иши бўйича тўпланган далилларга кўра воқеа 2023 йил 15 январда содир этилган.

[1] Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг 14.05.2022 йилдаги "Жиноят ишларини биринчи инстанцияда кўриб чиқишга тайёрлаш бўйича суд амалиёти тўғрисида"ги 6-сонли Қарори. https://lex.uz/uz/docs/6033146.

Ёки, шахсга айб эълон қилишда жиноят натижасида етказилган зарар миқдори 58.000.000 сўм деб кўрсатилган, бироқ жиноят ишида мавжуд бўлган далилларга кўра етказилган зарар 38.000.000 сўм деб қайд этилган. Юқоридаги ҳолатлар ҳуқуқни қўллаш амалиётида жиноят ишларининг ижтимоий хавфлилиги, таснифланиши, зарар миқдори бўйича турли талқинларни юзага келтириши ва суднинг жиноят ишларини моҳиятан кўришда қийинчиликларни юзага келтириши табиий.

Амалдаги қонун ҳужжатларида арифметик хатолар тушунчасига юридик тариф берилмаганлиги боис илмий-назарий жиҳатдан мазкур тушунчага қуйидагича муаллифлик тарифи ишлаб чиқишни жоиз деб биламиз.

Арифметик хатолар — жиноят иши материалларидаги ҳисоб-китобларга, рақамли кўрсаткичларга, сана ва вақт кўрсаткичларига, моддий зарар миқдорига, экспертиза хулосасидаги рақамли маълумотларга, жиноят квалификациясига таъсир этувчи рақамли фактларга доир йўл қўйилган хато, чалкашлик ва аниқликнинг йўқлиги билан боғлиқ техник бузилишлар ҳисобланади.

Бундан ташқари, ҳарфий (имло) хатоларни ҳуқуқни қўллаш амалиёти мисолида асослантирадиган бўлсак, айбланувчининг Ф.И.Ш, манзили, паспорт маълумотлари, жиноят кодекси моддаси қисмлари нотўғри ёзилиши кабиларни келтириб ўтиш мумкин. Мисол учун, фуқаро Б.А.га нисбатан ЖКнинг 167-моддаси 2-қисми “а” банди билан юритилган жиноят ишининг айблов хулосасида айбланувчининг ҳаракатларида ЖКнинг 167-моддаси 2-қисми “г” банди аломатлари кўрсатилиши, ёки, айбланувчининг фамилияси *Каримов* ўрнига *Каримонов* деб ёзилиши, тиббий йўсиндаги мажбурлов чорасини қўллаш бўйича қарорда шахснинг фамилияси, исми, отасининг исми нотўғри кўрсатилгани каби.

Бизнингча, бундай ҳолатлар ҳуқуқни қўллаш амалиётида тушунмовчиликлар келтириб чиқариши мумкин. Юқоридаги

мисоллардан келиб чиққан ҳолда ҳарфий (имло) хатолар тушунчасига қуйидагича муаллифлик тарифи ишлаб чиқишни жоиз деб биламиз.

Ҳарфий (имло) хатолар — процессуал ҳужжатларнинг матний қисмларида процесс иштирокчиларининг фамилияси, исми, отасининг исми, манзиллар, жиноят моддалари бандлари, ҳодиса жойлари каби идентификация учун мажбурий бўлган маълумотларни нотўғри ёзиш, ҳарфни тушириб қолдириш, алмаштириб юбориш, имло қоидаларини бузиш натижасида юзага келадиган расмий-техник хато тури ҳисобланади.

Ёзув-техник хатолар сифатида процессуал ҳужжатларнинг расмий бўлиши учун зарур бўлган қисмларнинг йўқлиги, бошқа процессуал ҳужжатлар билан номувофиқлик, жиноятнинг қисқача баёнини нотўғри ифодаланиши ҳолатларини келтириб ўтиш мумкин. Мисол тариқасида айбланувчининг ҳуқуқ ва мажбуриятлари тушунтирилгани ҳақида белгилар бор, лекин ваколатли шахсларнинг имзоси қўйилмагани каби.

Бизнингча, ***ёзув-техник хатолар*** - процессуал ҳужжатнинг расмийлаштирилиши, тузилиши ва матний-ташкилий қисмидаги техник бузилишлар бўлиб, ҳужжат шакли, реквизитлари, таркибий қисмларининг етишмаслиги, ҳужжатнинг бошқа материаллар билан мувофиқ келмаслиги, хронологик кетма-кетликнинг бузилиши, процессуал ҳужжатлар (баённома, қарорлар) ўртасида тафовутлар мавжудлиги каби ҳолатлар билан ифодаланади. Бир сўз билан айтганда ҳужжатнинг шакл, таркиб ва расмийлаштириш меъёрларига оид техник бузилишлардир.

Статистик маълумотларга кўра *2022-2025* йилларда жами *518 та* жиноят ишлари (*839 нафар шахс*) судлар томонидан амалдаги Жиноят-процессуал кодексининг 401^1-моддаси тартибида прокурорга юборилган. Хусусан, 2022 йилда 76 та иш (*117 нафар шахс*), 2023 йилда 75 та иш (*114 нафар шахс*), 2024 йилда 127 та иш (*242 нафар*

шахс), 2025 йилда 240 та ишлар (*366 нафар*) бўйича суд ажримлари расмийлаштирилган.

Мазкур таҳлилий маълумотдан кўринадики, суд ажримлари *2023 (75) – 2024 (127) йилларда* ***+69.3%га****, 2024 (127)- 2025 (240) йилларда* ***+88,9 %га****, 2022 (76)- 2025 (240) йилларда* ***+216 %га*** *ошган*. Бу эса, жиноят ишлари бўйича йўл қўйилган техник хатолар жадал ўсаётганлигини, процессуал ҳужжатлар сифати устидан назорат етарли эмаслигини кўрсатади.

Бу борада амалдаги жиноят-процессуал қонун ҳужжатларида қандай қоидалар белгиланганлигига қисқача тўхталиб ўтишни жоиз деб биламиз.

Ўзбекистон Республикасининг “Фуқароларнинг ҳуқуқ ва эркинликларини ишончли ҳимоя қилиш кафолатларини таъминлашга доир қўшимча чора-тадбирлар қабул қилинганлиги муносабати билан Ўзбекистон Республикасининг айрим қонун ҳужжатларига ўзгартиш ва қўшимчалар киритиш тўғрисида”ги[1] қонунига кўра Жиноят-процессуал кодекси 401[1]-модда (дастлабки терговнинг техник йўсиндаги камчиликларини бартараф этиш учун ишни прокурорга юбориш) билан тўлдирилди.

Амалдаги ЖПКнинг 401[1]-моддаси биринчи қисмига асосан “*Суриштирув ёки дастлабки тергов жараёнида йўл қўйилган техник йўсиндаги камчиликлар, шу жумладан ёзувдаги хатолар, ҳарфий хатолар ва арифметик хатолар аниқланган тақдирда, судья уларни бартараф этиш учун ишни прокурорга юбориши*, мазкур модданинг иккинчи қисмига кўра *“техник йўсиндаги камчиликлар бартараф этилганидан ва иш прокурор томонидан қайтарилганидан кейин беш*

[1] Ўзбекистон Республикасининг Қонуни. “Фуқароларнинг ҳуқуқ ва эркинликларини ишончли ҳимоя қилиш кафолатларини таъминлашга доир қўшимча чора-тадбирлар қабул қилинганлиги муносабати билан Ўзбекистон Республикасининг айрим қонун ҳужжатларига ўзгартиш ва қўшимчалар киритиш тўғрисида”. Ўзбекистон Республикаси қонун ҳужжатлари тўплами, 2017 й., 13-сон, 194-модда; Қонун ҳужжатлари маълумотлари миллий базаси, 30.01.2018 й., 03/18/463/0634-сон; Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 29.07.2021 й., 03/21/703/0723-сон.

сутка ичида суд ушбу Кодексда белгиланган умумий қоидаларга кўра жиноят ишини судда муҳокама қилиш учун тайинлаш билан боғлиқ масалаларни ҳал этиши”[1] қайд этилган.

Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг “*Жиноят ишларини биринчи инстанцияда кўриб чиқишга тайёрлаш бўйича суд амалиёти тўғрисида*”ги Қарорининг 3-бандига мувофиқ “Судья ЖПК 395-моддасининг биринчи қисмига кўра, жиноят ишини судда кўриш учун тайёрлаш чоғида қонуннинг ушбу нормасида назарда тутилган ажримлардан бирини ёки ЖПК 401[1]-моддасининг биринчи қисмига кўра ишни дастлабки терговда йўл қўйилган техник йўсиндаги камчиликларни бартараф этиш учун прокурорга юбориш тўғрисида ажрим чиқариши мумкин”[2].

Бироқ, амалдаги ЖПКнинг 395-моддаси биринчи қисмида судья жиноят ишини айблов далолатномаси ёки айблов хулосаси ёхуд тиббий йўсиндаги мажбурлов чораларини қўллаш ҳақидаги масалани кўриб чиқиш учун ишни судга юбориш тўғрисидаги қарор билан қабул қилиб олгач, қуйидаги яъни *ишни судловга тегишлилигига кўра ўтказиш, ишни судда кўриш учун тайинлаш, дастлабки эшитув ўтказиш тўғрисидаги* ажримлардан бирини чиқариши кўрсатилган.

Юқоридаги қоидалардан келиб чиқиб айтиш мумкинки, Олий суди Пленумининг қарорида кўрсатилган “*дастлабки терговда йўл қўйилган техник йўсиндаги камчиликларни бартараф этиш учун прокурорга юбориш тўғрисида”ги* ажрим амалдаги ЖПКнинг 395-моддаси биринчи қисмида кўрсатилмаган.

Ваҳоланки, Ўзбекистон Республикасининг “Судлар тўғрисида”ги қонунининг 25-моддаси 4-қисмига кўра “*қонунчиликни қўллаш*

---

[1] Ўзбекистон Республикасининг Жиноят-процессуал кодекси. Ўзбекистон Республикаси Олий Кенгашининг Ахборотномаси, 1995 й., 2-сон; 03/25/1038/0188-сон. https://www.lex.uz/docs/111460.

[2] Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг “Жиноят ишларини биринчи инстанцияда кўриб чиқишга тайёрлаш бўйича суд амалиёти тўғрисида”ги Қарори. 26-банд Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг 2024 йил 16 декабрдаги 39-сонли қарори таҳририда. https://www.lex.uz/uz/docs/6033146

масалалари бўйича Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг тушунтиришлари судлар, ушбу тушунтириш берилган қонунчиликни қўллаётган давлат органлари ва бошқа органлар, корхоналар, муассасалар, ташкилотлар ва мансабдор шахслар учун мажбурийдир".

Бизнинг қарашимизча, амалдаги ЖПКнинг 395-моддаси биринчи қисмини *"Судья жиноят ишини айблов далолатномаси ёки айблов хулосаси ёхуд тиббий йўсиндаги мажбурлов чораларини қўллаш ҳақидаги масалани кўриб чиқиш учун ишни судга юбориш тўғрисидаги қарор билан қабул қилиб олгач, қуйидаги ажримлардан бирини чиқаради: 1) ишни судловга тегишлилигига кўра ўтказиш тўғрисида; 2) ишни судда кўриш учун тайинлаш ҳақида; 3) дастлабки эшитув ўтказиш тўғрисида"; **4) "ишни дастлабки терговда йўл қўйилган техник йўсиндаги камчиликларни бартараф этиш учун прокурорга юбориш тўғрисида"*** деб қайд этиш таклиф этилади.

Амалдаги ЖПКнинг 401^1-моддаси талабларига кўра судья жиноят ишидаги техник йўсиндаги камчиликларни бартараф этиш учун ишни прокурорга юбориши, техник йўсиндаги камчиликлар бартараф этилганидан ва иш прокурор томонидан қайтарилганидан кейин беш сутка ичида суд умумий қоидаларга кўра жиноят ишини судда муҳокама қилиш учун тайинлаш билан боғлиқ масалаларни ҳал этиши кўрсатилган.

Бироқ, амалдаги ЖПК талабларида жиноят ишида аниқланган техник йўсиндаги камчиликлар *қанча муддатда бартараф этилиб прокурор орқали судга қайтариш масалалари кўрсатилмаган*. Бу эса жойларда ҳуқуқни қўллаш амалиётида турли талқинларни юзага келтириши мумкин. Бу борада айрим процессуалистлар техник йўсиндаги камчиликлар бартараф этилиб прокурор орқали судга қанча муддатда қайтариш масалаларини амалдаги ЖПКда аниқ белгилашни илгари суради.

“Судларнинг ажримларига асосан қўшимча процессуал ҳаракатларни ўтказиш ва тергов давомида йўл қўйилган техник йўсиндаги камчиликларни бартараф этиш тартиби тўғрисида”ги Қўшма кўрсатманинг *(18.06.2018 йилдаги)* 17-банди талабларига кўра суриштирув ва тергов органлари техник йўсиндаги камчиликларни *5 сутка* ичида бартараф этиб, ишни айблов хулосаси ёки айблов далолатномасини тасдиқлаган прокурор орқали қайтариши қайд этилган.

Бундан ташқари, қўшма кўрсатма талабларига мувофиқ жиноят иши ЖПКнинг 401^1-моддаси тартибида қайтарилганида *иш бўйича қўшимча процессуал ҳаракатлар ўтказилишига, шу жумладан, айбловни ўзгартириш, тўлдириш ёки тугатиш, шахсни гумон қилинувчи ёки айбланувчи тариқасида жалб қилиш, эҳтиёт чорасини қўллаш ёки ўзгартириш, суриштирув ва дастлабки терговни тўхтатиш, жиноят ишини бирлаштириш ёки ажратиш, жиноят ишини ёки унинг қисмини тугатиш тўғрисида қарорлар қабул қилишга* ***йўл қўйилмаслиги*** қайд этилган.

Шу ўринда агар судья жиноят ишидаги техник йўсиндаги камчиликларни бартараф этиш учун ишни прокурорга юборган вақтда, *айбланувчи яширинган ҳолларда жиноят ишининг кейинги тақдири нима бўлади? бундай ҳолларда жиноят ишини юритишга бевосита масъул бўлган ходимлар қандай процессуал ҳаракатларни амалга оширади?* деган турли саволларни юзага келтириши табиий.

Амалдаги жиноят-процессуал қонунчиликда бу борада аниқ тартиб-таомиллар белгиланмаган.

Бизнинг қарашимизча, дастлабки терговнинг техник йўсиндаги камчиликларини бартараф этиш учун прокурорга юборилган жиноят ишлари бўйича қандай ҳаракатлар амалга оширилиши билан боғлиқ аниқ тартиб-таомилларни амалдаги жиноят-процессуал қонунчилигида белгилаш мақсадга мувофиқ.

Хорижий мамлакатлар тажрибаси шуни кўрсатадики, жиноят ишларини судга юборишда техник хатоларни камайтиришнинг энг самарали йўли процессуал ҳужжатлар айланишини **рақамлаштириш ва автоматлаштирилган текширув механизмларини жорий этишдир**.

Ўзбекистон жиноят процессида AI технологияларини жорий этишда уни *қарор қабул қилувчи субъект эмас, балки техник хатоларни аниқловчи, процессуал ҳужжатлар ўртасидаги номутаносибликларни кўрсатувчи ва прокурор назоратини кучайтирувчи ёрдамчи восита сифатида белгилаш* мақсадга мувофиқ.

Юқоридаги қайдлардан келиб чиққан ҳолда айрим субъектив қарашларни илгари суришимиз мумкин.

Жиноят иши бўйича айблов хулосаси, айблов далолатномаси, айбланувчи тариқасида жалб қилиш тўғрисидаги қарор ва бошқа процессуал ҳужжатлардаги техник хатолар асосан терговчи, прокурор ёки судья томонидан қўлда текширилади. Бу эса инсон омили сабабли хатоларнинг суд босқичигача етиб боришига олиб келади.

Бизнингча, жиноят иши доирасида **AI-ҳуқуқий текширув тизими** жорий этилиши ва у қуйидаги хатоларни автоматик аниқлаши мақсадга мувофиқ деб биламиз. Масалан, айбланувчининг Ф.И.Ш, туғилган санаси, паспорт маълумоти ва манзилидаги номутаносибликлар, жиноят кодекси моддаси, қисми ва банди нотўғри ёзилган ҳолатлар, зарар миқдори, сана, вақт, рақам ва ҳисоб-китоблардаги арифметик хатолар, айблов хулосаси ва иш материаллари ўртасидаги мазмуний тафовутлар, имзо, сана, муҳр, лавозим, процесс иштирокчилари ҳақидаги маълумотлар, бир ҳужжатдаги маълумот бошқа ҳужжатда бошқача кўрсатилган ҳолатлар каби. Мазкур тартиб-таомиллар амалда жорий этилиши асносида амалдаги ЖПКда “*Суриштирувчи, терговчи ва прокурор жиноят ишини судга юборишдан олдин процессуал ҳужжатларни махсус тизими орқали техник, арифметик ва ёзув хатолари юзасидан*

автоматлаштирилган текширувдан ўтказиши шарт” деган қоидаларни мустаҳкамлаш мақсадга мувофиқ. Бизнингча бу механизм суд томонидан ишни прокурорга қайтариш ҳолатларини камайтиради, тергов ҳужжатларининг сифатини оширади ва техник хатоларни суд босқичигача бартараф этиш имконини беради.

Бундан ташқари, судлар томонидан ишларни амалдаги ЖПК 401[1]-моддаси асосида прокурорга юбориш ҳолатлари статистик жиҳатдан мавжуд бўлса-да, қайси турдаги техник хатолар кўпроқ учраётгани, қайси орган ёки ҳудудда бундай камчиликлар кўплиги, қайси тергов ҳужжатларида хатолар такрорланаётгани тўлиқ таҳлил қилинмайди. Фикримизча, Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратураси, Олий суди ва бошқа тергов органлари ахборот тизимлари интеграцияси асосида *“Техник хатолар электрон реестри”* жорий этилиши ва мазкур реестрда процессуал хатонинг тури, хато қайси ҳужжатда аниқланганлиги, хатони бартараф этиш муддати, масъул шахс, хатолар қайта содир этилганлиги билан боғлиқ маълумотлар акс эттирилиши лозим. Бизнингча бу нафақат процесессуал хатоларни тузатиш, балки унинг сабабини аниқлаш имконини беради.

АЛИХОДЖАЕВ КОМИЛ КАДИРОВИЧ
Фарғона вилоят прокуратураси
бўлим бошлиғи, мустақил изланувчиси

АҲОЛИ БАНДЛИГИНИ ТАЪМИНЛАШГА ҚАРАТИЛГАН ҚОНУНЧИЛИК ИЖРОСИ УСТИДАН ПРОКУРОР НАЗОРАТИНИНГ ҲУҚУҚИЙ АҲАМИЯТИ

Аннотация. *Ушбу мақолада аҳоли бандлигини таъминлашга қаратилган қонунчилик ҳужжатлари ижроси устидан прокурор назоратининг ҳуқуқий аҳамияти ва долзарблиги баён этилган. Муаллифнинг фикрига кўра, бугунги кунда аҳоли бандлигини таъминлаш, аҳоли даромадларини янада ошириш йўналишида амалга оширилаётган изчил ислоҳотлар натижасига мазкур соҳада прокурор назоратини самарали ташкил қилиш муҳим ҳуқуқий аҳамиятга эга.*

Калит сўзлар: *прокурор назорати, бандлик, аҳоли бандлигини таъминлашга қаратилган қонунчилик ҳужжатлари ижроси устидан прокурор назорати.*

Азалдан инсоният яратилибдики, шахсларнинг меҳнат билан бандлиги асосий вазифалардан бири бўлиб келган. Жамият ва давлат вужудга келганидан кейин эса, аҳолининг бандлигини таъминлаш энг асосий масалалардан бири ҳисобланган.

Зеро, аҳолининг самарали меҳнат қилиши, моддий манфаатдорлигини ошириш учун муносиб шарт-шароит яратиб бериш мамлакатимизда олиб борилаётган ижтимоий-иқтисодий ислоҳотларнинг туб мазмун-моҳиятини ташкил этади. Меҳнатга лаёқатли кишиларнинг бандлигини таъминлаш, уларнинг турмуш фаровонлигини ошириш ҳаёт даражасини юксалтиришнинг муҳим омилидир.

Чунончи, ҳар йили аҳоли сони ошиб бориши сабабли меҳнат бозорига минглаб янги фуқаролар кириб келади, уларни бандлигини

таъминлаш, янги иш ўринлари яратиш ва фуқароларни муносиб ҳаёт кечиришлари учун зарур шарт-шароитлар ташкил қилиш энг муҳим масалалардан бири ҳисобланади.

Аҳоли бандлигини самарали таъминланишининг аҳамияти хусусида кўплаб олимлар ўз тадқиқотларида қайд этишган.

Жумладан, аҳоли бандлигини таъминлаш бўйича илмий изланишлар олиб борган Д.В.Зябликов фикрича, самарали бандликни таъминлаш чуқурроқ илмий ўрганиш ва тушунишни талаб қилади[1].

Н.А.Волгин “Меҳнат бозори ва аҳоли даромадлари” дарслигида қайд этилишича, ижтимоий йўналтирилган бозор иқтисодиётида самарали бандлик муносиб даромад, соғлиқ ва жамиятнинг ҳар бир аъзосининг ижтимоий нумдорликни ошириш асосида ва касбий ривожланишни таъминлайдиган бандлик сифатида белгиланади[2].

Д.В.Зябликовнинг фикрича, самарали бандлик тушунчаси барча иқтисодиётлар учун умумийдир. Иқтисодиётда самарали бандлик шаклланади ёки иқтисодий тизим қулайди[3].

Аҳоли бандлигини таъминлаш, уларнинг ижтимоий-иқтисодий ҳуқуқларини ҳимоя қилиш юзасидан бир қатор халқаро ҳуқуқий ҳужжатлар ҳам мавжуд.

Хусусан, “Инсон ҳуқуқлари умумжаҳон декларацияси” (1948), Халқаро меҳнат ташкилотининг “Бандлик сиёсати тўғрисида” (1964), “Бандликка кўмаклашиш ва ишсизликдан ҳимоя қилиш тўғрисида”ги (1988) Конвенциялар соҳага оид халқаро ҳужжатлар ҳисобланади.

Шунингдек, БМТнинг аҳоли турмуш даражасини ошириш, бандлик, иқтисодий ва ижтимоий тараққиёт ва ривожланиш учун шарт-шароит, соғлиқни сақлаш соҳасидаги халқаро муаммоларни ҳал қилиш

---

[1] Зябликов Д.В. Теоретические аспекты эффективной занятости населения // Электронный журнал Исследовано в России, 2004. http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2004/ С.3-4.

[2] Рынок труда и доходы населения: Учеб. пособие/Под ред. Н.А. Волгина.. – М.: Информационно-издат. дом «Филинъ», 1999. (С. 32)

[3] Зябликов Д.В. Теоретические аспекты эффективной занятости населения // Электронный журнал Исследовано в России, 2004. http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2004/ С.5-6.

учун иқтисодий ва ижтимоий ҳимоя соҳасиа етакчи орган сифатида Иқтисодий ва ижтимоий кенгаш (ЕКОСОС) ташкил этилган.

Конституциямизнинг 43-моддасига кўра, давлат фуқароларнинг бандлигини таъминлаш, уларни ишсизликдан ҳимоя қилиш, шунингдек камбағалликни қисқартириш чораларини кўради.

Сўнгги йилларда аҳоли бандлигини таъминлаш йўналишида муҳим ижтимоий-иқтисодий ва ҳуқуқий ислоҳотлар амалга оширилиб, аҳоли бандлиги муносабатларини тартибга солувчи ҳуқуқий қонунчилик тизими такомиллаштирилди.

Жумладан, Меҳнат кодекси ҳамда “Аҳоли бандлиги тўғрисида”ги Қонун умуман янгитдан ишлаб чиқилди, 30 дан ортиқ Президент Қарор, Фармон ва Вазирлар Маҳкамасининг Қарорлари қабул қилинди.

Эътибор берсак, аввалари, аниқроғи 2020 йилга қадар аҳоли бандлиги 1992 йилда қабул қилинган “Аҳолини иш билан таъминлаш тўғрисида”ги Қонун билан тартибга солиниб, бандликни таъминлаш фақатгина ишга жойлаштиришни назарда тутган.

Пировард натижада, аҳоли билан ишлаш маҳалла даражасигача тушурилди, ҳар бир маҳаллада аҳоли бандлигини таъминлашга бевосита масъул бўлган ҳоким ёрдамчилари, маҳалла банкирлари фаолияти йўлга қўйилди, аҳолини тадбиркорликка кенг жалб қилиш ва даромадини ошириш бўйича имтиёзли кредитлар ва субсидиялар ажратиш тизими соддалаштирилди, аҳоли томорқаларидан самарали фойдаланишга эътибор кучайтирилди.

Натижада, аҳоли бандлигини таъминлаш аввалги фақат иш билан таъминлаш, ишга жойлаштиришдангина иборат бўлмай, балки, ўзини ўзи банд қилиш, оилавий тадбиркорликни ривожлантириш, тадбиркорликка жалб қилиш, деҳқон хўжаликлари ва томорқа майдонларидан самарали фойдаланишга қаратилган.

Шунингдек, Республикада ҳар йили аҳоли бандлигини таъминлаш бўйича тасдиқланадиган дастурларни амалга ошириш, бўш ва квоталанадиган иш ўринларига ишга жойлаштириш

механизмларини такомиллаштириш, ўзини ўзи банд қилишнинг самарали шаклларини ривожлантириш борасида таъсирчан чора-тадбирлар кўрилмоқда.

Аҳолининг ишчанлик фаоллигини ва тадбиркорлик ташаббусларини рағбатлантиришга, ижтимоий заиф қатламлар бандлигини таъминлашга, аҳоли бандлигини таъминлаш бўйича давлат хизматларидан фойдаланиш имконияти, сифати ва тезкорлигини оширишга қаратилган бир қатор норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар қабул қилинди.

Ўзбекистон Республикасининг “Аҳоли бандлиги тўғрисида”ги Қонунининг 5-моддасида аҳоли бандлиги соҳасидаги асосий принциплар белгиланган.

Унга кўра, ушбу соҳадага асосий принциплар қуйидагилардан иборат:

бандлик турини танлашнинг ихтиёрийлиги ва эркинлиги;

аҳоли бандлигини давлат томонидан қўллаб-қувватлаш ва рағбатлантириш;

камситишга йўл қўйилмаслиги;

шаффофлик ва очиқлик;

ишсизликдан ҳимоя қилиш ва ишга жойлашишда, касбга тайёрлашдан, қайта тайёрлашдан ҳамда малака оширишдан ўтишда кўмаклашиш;

Ўзбекистон Республикасидан ташқарида меҳнат фаолияти билан шуғулланиш, мустақил иш излаш ва ишга жойлашиш учун ҳуқуқни таъминлаш;

касб эгаллаш ва ишга киришдаги, меҳнат қилиш ва бандликни таъминлаш шароитларидаги, меҳнатга ҳақ тўлашдаги, хизмат поғоналари бўйича кўтарилишдаги имкониятлар тенглигининг кафолати;

мажбурий меҳнатни тақиқлаш, яъни бирон-бир жазо қўллаш таҳдиди билан иш бажаришга мажбурлашни тақиқлаш[1].

Ҳозирги вақтда Президентимиз томонидан қонунлар қоғозда эмас, амалда қатъий бажарилиши, ислоҳотлар ҳар бир хонадон, ҳар бир маҳаллага кириб бориши, юртдошларимиз уларнинг самарасини ҳаётида доимо ҳис қилиши зарурлигига муҳим эътибор қаратилмоқда.

Аҳоли бандлиги, янги иш ўринларини яратишга қаратилган дастурлар ижросини таъминлаш, экологик муҳитни, табиий бойликлар ва маданий меросимизни асраб-авайлаш борасидаги ишларимиз жадал давом эттирилади[2].

Аҳоли бандлиги соҳасидаги давлат сиёсатининг асосий йўналишлари қуйидагилардан иборат:

иш ўринлари ташкил этилишини рағбатлантириш ва аҳоли бандлигига кўмаклашиш, шу жумладан иш ўринларини ташкил этишга доир давлат буюртмасини ҳамда иш қидираётган шахсларни ва ишсиз шахсларни касбга тайёрлашга, қайта тайёрлашга ҳамда уларнинг малакасини оширишга доир давлат буюртмасини шакллантириш орқали кўмаклашиш;

ишсиз шахсларни моддий жиҳатдан қўллаб-қувватлаш ва ижтимоий ҳимоя қилиш, ишсизликни камайтириш чораларини кўриш, аҳолининг ижтимоий эҳтиёжманд тоифаларини ишга жойлаштиришга кўмаклашиш;

ёшларни, айниқса қишлоқ жойлардаги ёшларни, умумий ўрта ва ўрта махсус таълим ташкилотлари, касб-ҳунар мактаблари, коллежлар, техникумлар, олий таълим муассасалари битирувчиларини ишга жойлаштиришни таъминлаш бўйича чораларни амалга ошириш;

---

[1] Ўзбекистон Республикасининг “Аҳоли бандлиги тўғрисида”ги Қонунининг 5-моддаси. https://lex.uz/docs/5055690

[2] Ўзбекистон Республикаси Бош прокурорининг мамлакатимиз аҳолисига мурожаати. Ҳуқуқ газетаси, 3 (1408), 2024 йил 18 январь

аҳоли бандлиги соҳасида замонавий касбий стандартларни жорий этиш, меҳнатни нормалаштириш ҳамда меҳнатга ҳақ тўлаш механизмларини такомиллаштириш;

аҳоли бандлиги соҳасида аёллар ва эркаклар учун тенг ҳуқуқлар ҳамда имкониятларни таъминлаш;

ишга жойлаштириш жараёнларига илғор ахборот технологияларини жорий этиш, аҳолининг ишга жойлашишига кўмаклашиш бўйича хизматлар бозорида замонавий инфратузилмани ва рақобат муҳитини яратиш;

Ўзбекистон Республикаси фуқароларига Ўзбекистон Республикасидан ташқарида ишга жойлашишида кўмаклашиш, Ўзбекистон Республикасидан ташқарида вақтинчалик меҳнат фаолиятини амалга ошириш даврида уларнинг ҳуқуқий ва ижтимоий жиҳатдан ҳимоя қилинишини таъминлаш[1].

Шунга қарамай, ҳудудлардаги меҳнат бозорида ҳали-ҳамон юқори даражада кескинлик сақланиб қолмоқда, доимий иш ўринларини ташкил этиш, ёшлар, хотин-қизлар, кам таъминланган оилалар аъзолари бандлигини, айниқса, қишлоқ жойларда таъминлаш, шунингдек, ташқи меҳнат миграцияси жараёнларини тартибга солиш масалалари ҳал этилмаяпти.

Ишга жойлаштириш соҳасида аҳоли ва тадбиркорлик субъектлари учун кредит, молиявий, маслаҳат-ахборот бериш хизматлари ва бошқа зарур хизматлар даражаси пастлигича қолмоқда.

Ишлаб чиқариш кадрлари кўпинча иқтисодиёт тармоқларининг жорий ва истиқболдаги эҳтиёжларини, уларнинг имкониятлари ва ресурсларини ҳисобга олмаган ҳолда касбга тайёрланмоқда ва қайта

[1] Ўзбекистон Республикасининг “Аҳоли бандлиги тўғрисида”ги Қонунининг 6-моддаси. https://lex.uz/docs/5055690

тайёрланмоқда. Оқибатда меҳнат бозорида айрим мутахассисликлар бўйича малакали кадрлар тақчиллиги кузатилмоқда[1].

Шунингдек, ташкил этилган иш ўринларининг ҳисобини юритиш ва ҳаққонийлигини таъминлаш масалаларида маҳаллий ижро этувчи ҳокимият органлари, давлат ва хўжалик бошқаруви органлари, фуқароларнинг ўзини ўзи бошқариш органлари ҳамда кенг жамоатчилик ўртасида ўзаро ҳамкорлик механизмларидан етарлича фойдаланилмаяпти.

Бу ҳолатлар ўз навбатида, соҳада қонунчилик ижроси устидан назоратни янада такомиллаштиришни тақазо этади.

Президентимиз Ш.М.Мирзиёев ўзларининг “Янги Ўзбекистон тараққиёт стратегияси” номли асарида ““Қонун устувор, жазо муқаррар” тамойили прокуратура органлари фаолиятининг бош мезони бўлиши, бунинг учун мамлакатимизда қонунийликни қатъий таъминлайдиган, очиқ ва адолатли прокуратура тизимининг янги ҳуқуқий асослари яратилиши лозим” - деб таъкидлаган эди.

Таъкидлаш жоизки, ушбу соҳада қонунчилик ижроси устидан назоратни таъминлаш прокурор назоратининг энг муҳим йўналишларидан бири ҳисобланади.

Мамлакатимизда прокуратура органларининг ташкил этилиши ва фаолияти тартиби, шунингдек прокурорларнинг ваколатлари ҳамда вазифалари Ўзбекистон Республикасининг Конституцияси, “Прокуратура тўғрисида”ги Қонуни ва бошқа қонун ҳужжатлари билан белгиланган.

Конституциямизнинг 143-моддасига асосан Ўзбекистон Республикаси ҳудудида қонунларнинг аниқ ва бир хилда бажарилиши устидан назоратни Ўзбекистон Республикасининг Бош прокурори ва унга бўйсунувчи прокурорлар амалга оширади.

[1] LEX.UZ. Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2018 йил 14 июлдаги “Аҳоли бандлигини таъминлаш борасидаги ишларни такомиллаштириш ва самарадорлигини ошириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПҚ-3856-сон қароридан олинди.

Ўзбекистон Республикасининг “Прокуратура тўғрисида”ги янги таҳрирдаги Қонуннинг 2-моддасига мувофиқ, Ўзбекистон Республикаси прокуратура органларининг асосий вазифалари қонун устуворлигини таъминлаш, қонунийликни мустаҳкамлаш, фуқароларнинг ҳуқуқ ҳамда эркинликларини, жамият ва давлатнинг қонун билан қўриқланадиган манфаатларини, Ўзбекистон Республикаси конституциявий тузумини ҳимоя қилиш, ҳуқуқбузарликларнинг олдини олиш ва профилактика қилишдан иборат.

Шундан келиб чиққан ҳолда, айтиш жоизки мамлакатимизда барча йўналиш ва соҳаларда, шу жумладан, аҳоли бандлигини таъминлаш соҳасида қонунчиликка риоя этилиши устидан прокурорлик назорати амалга оширилади.

Аҳоли бандлигини таъминлашга қаратилган қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратининг самарадорлиги бевосита назорат фаолиятини тўғри ташкил этишга боғлиқ бўлиб, уларга қўйиладиган умумий талаблар Ўзбекистон Республикаси Бош прокурорининг буйруқлари билан белгиланади.

Зеро, “прокуратура томонидан ҳуқуқни ҳимоя қилиш фаолиятининг асоси қонунлар билан, унинг батафсил тартибга солиниши эса прокуратуранинг ўз норматив ҳужжатлари билан ўрнатилади[1].

Бош прокурорнинг 24.11.2017 йилдаги “Ижтимоий ва иқтисодий қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратини янада такомиллаштириш тўғрисида”ги 166-сон буйруғида аҳоли бандлигини таъминлаш прокуратура органларининг асосий вазифаларнидан бири эканлиги белгиланган.

---

[1] Дворецкий М.Ю. Приоритетные направления деятельности прокуратуры Российской Федерации при реализации правозащитных функций и обоснованному привлечению к ответственности // «Вестник ТГУ», 2015, №5 (145). – С. 203 // URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/prioritetnye-napravleniya-deyatelnosti-prokuratury-rossiyskoyfederatsii-pri-realizatsii-pravozaschitnyx-funktsiy-i-obosnovannomu. С.203.

Бугунги кунда аҳоли бандлигини таъминлаш, оилаларнинг даромадини ошириш, камбағалликни қисқартириш бўйича амалга оширилаётган ислоҳотларда прокуратура органларига муҳим янги вазифалар юклатилиб, муайян натижаларга эришилмоқда.

Зеро, аҳоли бандлигини таъминлаш усуллари кўп жиҳатдан жамиятнинг ривожланиш даражасини кўрсатади.

Ушбу масалада ҳуқуқшунос олим В.Г.Бессарабовнинг фикрига тўлиқ қўшилиш мумкин. Унинг айтишича, қонунлар ижросини амалга оширишда прокурор назоратининг вазифаларини доимий қилиб белгилаб қўйиб бўлмайди, улар давлат ва жамиятда содир бўладиган иқтисодй, ижтимоий-сиёсий жараёнлар натижасида ўзгариб туради[1].

Аҳамиятлиси, Давлат Раҳбари раислигида ижтимоий-иқтисодий, қишлоқ хўжалиги ва бошқа қайси соҳа бўлмасин ўтказилган видеоселектор йиғилишларида ҳамда ҳудудларга ташрифларида аҳоли бандлигини таъминлаш, уларнинг даромадини ошириш асосий ўринни эгалламоқда, бу борада прокурорларга ҳам бир қатор масъулиятли вазифалар юклатилмоқда.

Сўнгги сўз ўрнида айтиш мумкинки, бугунги кунда аҳоли бандлигини таъминлашга қаратилган қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратини такомиллаштириш масаласи нафақат соҳада қонун устуворлигини таъминлашга, балки аҳолининг турмуш-тарзини янада яхшилаш, уларнинг барқарор даромадга эга бўлишида ҳал қилувчи муҳим ҳуқуқий аҳамиятга эга ҳисобланади.

[1] Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор. М.: 2006. –С.189-190.

БАБАЕВ АДИЛЖОН МАХАМАДЖАНОВИЧ
Сирдарё вилояти прокуратураси бўлим прокурори

ЖИНОЯТ ПРОЦЕССУАЛ ҲУҚУҚИДА ВОЯГА ЕТМАГАНЛАР ИШЛАРИНИ ЮРИТИШНИНГ ҲУҚУҚИЙ АСОСЛАРИ

Инсон ҳуқуқлари тизимида бола ҳуқуқлари алоҳида ўрин тутади, зотан, бундай ҳолат бир неча омиллар билан тавсифланади, жумладан, бир томондан, болалар катталар эга бўлган ва фойдаланадиган ҳуқуқларнинг ҳаммасидан ҳам фойдалана олмайдилар, иккинчи томондан эса, айнан уларнинг ҳали вояга етмаганликлари боис давлат ва жамият томонидан алоҳида ғамхўрона муносабат кўрсатилиши ва айрим имтиёзлар берилиши талаб этилади.[1]

Ўзбекистон Жиноят процессуал кодексида вояга етмаганларнинг жиноятлари ҳақидаги ишларни юритиш тартиби алоҳида 60-бобда кўрсатилган бўлиб, ҳозирги замон ривожланган чет мамлакатларнинг жиноят қонунчилигига мос келади ва у 1985 йилда БМТ томонидан қабул қилинган вояга етмаганлар тўғрисидаги стандартлар, 1989 йилдаги БМТнинг болаларни ҳимоя қилиш Конвенцияси асосида ва бошқа халқаро ҳуқуқий меъёрлар асосида ишлаб чиқилган. Бу тоифадаги шахсларга нисбатан жиноят ишлари юритишни алоҳида бобда кўрсатилиши қонунларнинг уларга нисбатан ўзга меъёрлар асосида қўлланиши билан боғликдир.

Вояга етмаганлар деб, давлат Конституциясида ва бошқа қонунларида кўрсатилган фуқароларнинг бурч, ҳуқуқ ва мажбуриятларини бажариш учун белгиланган ёшга тўлмаган шахслар назарда тутилади.

[1] Ғанибоева Ш. Международный механизм контроля реализации конвенции о правах ребенка. // Давлат ва ҳуқуқ. -2022. -№2.- Б.31.

Вояга етмаганлар деб, давлат Конституциясида ва бошқа қонунларида кўрсатилган фуқароларнинг бурч, ҳуқуқ ва мажбуриятларини бажариш учун белгиланган ёшга тўлмаган шахслар назарда тутиладиҳолатларини ҳисобга олиш эътиборга моликдир. 14 ёшдан 18 ёшгача бўлган шахсларда бир томондан етуклик аломатлари, яъни уларда мустақилликнинг шаклланиши, ўзини тута билиш ва идора қилиши намоён бўлса, иккинчи томондан уларда ижтимоий улғайишнинг давом этаётганлиги (мактаб ёки бошқа билим даргоҳида ўқишни давом эттириши, жамиятда ўз ўрнини топишга интилиш, муомала лаёқатининг ривожи) кўринади.

“Вояга етмаганларга ортиқча кескин фикрлаш, тез жаҳл чиқиши, ўзини тута билмаслик, вазиятни тўла баҳолай олмаслик ҳолатлари мос келади. Бу ёшдагиларнинг ўзига хос томонларидан келиб чиққан ҳолда қонунчиликда чекинишлар қилишга ва қўшимчалар киритишга тўғри келади”.[1]

Ҳали характери шаклланиб улгурмаган ёшларга нисбатан “хавфли ёшда” деган ибора қўлланади. Катта бўлса, ақли кириб қолади, дейишади. Бу ҳолатда фақат вақтнинг кучига ишониш қийин. Етуклик фақат йиллар ўтиши билан келиб қолмайди, у инсонлар, жамият ва қонун олдида масъулиятни ҳис қилиш билан кириб келади.

Вояга етмаганлар жиноятчилигига қарши кураш умумий жиноятчиликка қарши курашнинг ажралмас қисми ҳисобланади ва, фикримизча, умуман жиноятчилик сабаблари вояга етмаганлар жиноятчилиги сабаблари билан узвий боғликдир.

Вояга етмаганларнинг ҳуқуқбузарликларига қарши курашни тартибга солувчи қонун ҳужжатларини такомиллаштириш ҳуқуқни муҳофаза қилиш органлари ходимларининг касбий билим доираларини кенгайтириш, ҳуқуқий маданиятини ошириш, ҳар бир ҳуқуқбузарнинг тақдирини ҳал этишда бурч ва жавобгарлик ҳиссини ошириш, жамоат

[1] Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. –М.: 1970. – Б.20.

тартибини муҳофаза қилиш, жиноятчиликнинг олдини олиш чораларини кўриш, озодликдан маҳрум қилиш муассасаларида жазони ўтаётган шахсларга нисбатан яхши муносабатда бўлиш, уларни тузатиш ва қайта тарбиялаш бўйича дифференциялашган усул қўллаш имкониятларини беради.

Бу йўналишда “Вояга етмаганларга нисбатан одил судловни амалга оширишга тегишли БМТ қоидаларининг минимал стандартлари” га қўшилиш ниҳоятда муҳимдир. Бу қоидалар лойиҳасини ишлаб чиқиш 1984 йил 14-18 май кунлари Пекинда БМТнинг VII Конгрессида ҳудудлараро тайёрлов йиғилишида тугалланганлиги сабабли ҳам “Пекин қоидалари” деган номни олган резолюцияда, “...зарур ҳолларда ўз миллий қонун ҳужжатларини, сиёсатини ва амалиётини, айниқса вояга етмаганларга нисбатан одил судловни амалга ошириш билан боғлиқ мутахассисларни тайёрлашда Пекин қоидаларига мослаштириш ва ушбу қоидаларни тегишли органлар ва кенг жамоатчилик эътиборига етказиш» тавсия этилади.

Бу ўринда “Ёшлар ўртасида тинчлик, халқлар ўртасида ўзаро ҳурмат ва ишонч ғояларини тарқатиш тўғрисидаги” Декларацияни алоҳида таъкидлаш лозим. Ушбу Декларация 1965 йил 7 декабрда БМТ Бош Ассамблеясида қабул қилинган. Унинг принципларидан бири - ёшларни барчанинг ирқи, ранги, этник келиб чиқиши ва эътиқодидан қатъи назар, шаъни ва тенглигини ҳурмат қилиш асосида, шунингдек инсоннинг асосий ҳуқуқлари ва халқларнинг ўз тақдирини ўзи белгилаш ҳуқуқларига ишонч руҳида тарбиялаш лозимлигидир.[1]

Хорижий давлатлар тажрибаси таҳлили шуни кўрсатадики, вояга етмаганлар иштирокидаги жиноят ишларини юритишда, аввало, жазолашдан кўра тарбиявий ва реабилитацион ёндашув устувор аҳамият касб этади. Хусусан, Германия жиноят қонунчилигида вояга етмаганларга нисбатан махсус ювенал одил судлов тизими

[1] Инсон ҳуқуқлари. Умуминсоний ва миллийликнинг бирлиги. Ўзбекистон Республикаси халқаро шартномалари ва қонунлари тўплами. -Т.: 4.-Т, 1999. – Б.337-339.

шакллантирилган бўлиб, унда суд томонидан шахснинг ёши, руҳий ҳолати, ижтимоий муҳити ва тарбиясига алоҳида эътибор қаратилади.[1] Мазкур давлатда вояга етмаганларга нисбатан озодликдан маҳрум қилиш чораси сўнгги восита сифатида қўлланилиб, асосий эътибор ижтимоий мослаштириш ва қайта тарбиялашга қаратилган.

Шунингдек, Япония тажрибасида вояга етмаганлар ишларини кўриб чиқишда Оила судлари институти муҳим ўрин тутади.[2] Япония қонунчилигига кўра, вояга етмаган шахс содир этган ҳуқуқбузарлик ҳолатида суд нафақат қилмишнинг ҳуқуқий жиҳатларини, балки боланинг оилавий муҳити, ахлоқий тарбияси ва келгусида тузалиш имкониятларини ҳам баҳолайди. Бу эса профилактика ва ижтимоий реабилитация механизмларининг самарадорлигини таъминлашга хизмат қилади.

АҚШда эса ювенал юстиция тизими алоҳида мустақил институт сифатида ривожланган бўлиб, унда вояга етмаганларнинг процессуал ҳуқуқларини таъминлашга қаратилган кафолатлар кенг қўлланилади.[3] Жумладан, ҳимоячи иштирокининг мажбурийлиги, психолог ва ижтимоий ходимлар жалб қилиниши ҳамда суд муҳокамасининг ёпиқ тартибда ўтказилиши каби қоидалар боланинг манфаатларини муҳофаза қилишга қаратилган муҳим механизмлар ҳисобланади.

Халқаро тажрибада вояга етмаганларга нисбатан одил судловни амалга оширишда “бола манфаатларининг устуворлиги” принципи асосий мезон сифатида эътироф этилади. Бу принцип БМТ томонидан қабул қилинган “Бола ҳуқуқлари тўғрисидаги конвенцияси” ҳамда “Пекин қоидалари” номи билан машҳур бўлган «Вояга етмаганларга нисбатан одил судловни амалга оширишга тегишли минимал стандарт қоидалар»да ҳам мустаҳкамланган.[4] Ушбу халқаро ҳужжатларда вояга

[1] Germany Juvenile Courts Act (Jugendgerichtsgesetz).
[2] Саидов А.Х. Международное право прав человека. – Тошкент, 2021. – Б. 302–305.
[3] Feld B. Juvenile Justice Administration in the United States. – New York, 2019. – P. 54–59.
[4] United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (“Beijing Rules”). – 1985.

етмаганларга нисбатан инсонпарварлик, дискриминацияга йўл қўймаслик, қайта ижтимоийлаштириш ва тарбиявий таъсир чораларини устувор қўллаш зарурлиги белгиланган.

Ўзбекистонда ҳам кейинги йилларда вояга етмаганлар ҳуқуқларини муҳофаза қилиш ва жиноят процессуал кафолатларни кучайтириш борасида изчил ислоҳотлар амалга оширилмоқда. Хусусан, тергов ва суд жараёнларида вояга етмаганларнинг қонуний вакиллари, педагог ёки психолог иштирокини таъминлаш, процессуал ҳаракатларнинг инсонпарварлик принциплари асосида амалга оширилиши ҳамда боланинг ҳуқуқий мақомини мустаҳкамлашга қаратилган нормалар жорий этилган. Бироқ халқаро тажриба таҳлили миллий қонунчиликни янада такомиллаштириш, хусусан, махсус ювенал судлар фаолиятини кенгайтириш ва реабилитацион ёндашувларни кучайтириш зарурлигини кўрсатмоқда.

Тадқиқот натижалари шуни кўрсатадики, жиноят процессида вояга етмаганларнинг ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини таъминлаш нафақат миллий ҳуқуқ тизимининг, балки халқаро ҳамжамиятнинг ҳам устувор вазифаларидан бири ҳисобланади. Зеро, бола ҳуқуқларини ҳимоя қилиш даражаси давлатнинг демократик тараққиёти, инсонпарварлик тамойиллари ва ҳуқуқий давлат сифатидаги мавқеини белгилаб берувчи муҳим мезонлардан биридир. Шу нуқтаи назардан, Ўзбекистон Республикасида вояга етмаганлар иштирокидаги жиноят ишларини юритишга оид процессуал кафолатлар миллий қонунчиликда мустаҳкамланган бўлса-да, амалиётда мазкур институтни янада такомиллаштириш зарурати сақланиб қолмоқда.

Айниқса, суриштирув, дастлабки тергов ва суд муҳокамаси босқичларида вояга етмаган гумон қилинувчи, айбланувчи, гувоҳ ва жабрланувчиларнинг ҳуқуқларини таъминлашда замонавий ювенал адлия тамойилларини кенг жорий этиш муҳим аҳамият касб этади. Анъанавий жазолаш ёндашувидан фарқли равишда, ювенал адлия тизими боланинг психофизиологик хусусиятлари, ёши, ижтимоий

муҳити ва қайта тарбияланиш эҳтимолини инобатга олган ҳолда, унинг ижтимоий реабилитацияси ва жамиятга мослашувини таъминлашга қаратилган. Шу боис, халқаро ҳуқуқнинг умумэътироф этилган нормалари, жумладан, БМТнинг “Бола ҳуқуқлари тўғрисида”ги Конвенцияси, “Пекин қоидалари”, “Эр-Риёд қоидалари” ҳамда миллий қонунчилик ўртасидаги уйғунликни таъминлаш жиноят процесси самарадорлигини оширишга хизмат қилади.

Мазкур тадқиқот доирасида миллий жиноят-процессуал қонунчилигини такомиллаштириш юзасидан қуйидаги таклиф ва тавсиялар ишлаб чиқилди.

Биринчидан, вояга етмаганлар ишларини кўрувчи терговчи, прокурор ва судьяларнинг мажбурий ихтисослашувини қонун даражасида мустаҳкамлаш мақсадга мувофиқ. Чунки болалар билан ишлаш жараёни нафақат юридик билимларни, балки педагогик ва психологик ёндашувни ҳам талаб қилади. Шу муносабат билан, Жиноят-процессуал кодексига вояга етмаганлар ишларини юритиш ҳуқуқи фақат махсус малака ва сертификатга эга бўлган соҳа вакилларига берилиши ҳақидаги нормани киритиш зарур.

Иккинчидан, психолог иштирокининг процессуал мақомини кучайтириш муҳим аҳамиятга эга. Амалдаги тартибда психолог ёки педагог иштироки айрим ҳолатлардагина мажбурий ҳисобланади. Ваҳоланки, вояга етмаган шахснинг руҳий ҳолатини ҳисобга олмасдан ўтказилган тергов ҳаракатлари унинг ҳуқуқларига салбий таъсир кўрсатиши мумкин. Шу боис, вояга етмаганлар иштирокидаги барча тергов ҳаракатларида психолог иштирокини мажбурий этиб белгилаш, шунингдек, унга процессуал баённомада мустақил фикр ва мулоҳазаларини қайд этиш ҳуқуқини бериш мақсадга мувофиқ ҳисобланади.

Учинчидан, вояга етмаганларни сўроқ қилишнинг максимал давомийлигини қисқартириш лозим. Чунки узоқ давом этувчи сўроқ жараёни боланинг руҳий толиқишига, стресс ҳолатига тушишига ва

кўрсатмаларнинг ишончлилиги пасайишига олиб келиши мумкин. Шу сабабли, вояга етмаган шахсни узлуксиз сўроқ қилиш муддатини бир соатдан, кунлик умумий сўроқ муддатини эса икки соатдан оширмаслик ҳақидаги чекловни қонунчиликда қатъий белгилаш таклиф этилади.

Тўртинчидан, вояга етмаганлар иштирокидаги тергов ҳаракатларида мажбурий видеоёзув тизимини жорий этиш долзарб аҳамият касб этади. Халқаро амалиётда қўлланилаётган “Барнаҳус” модели болани қайта-қайта сўроқ қилиш орқали юзага келадиган иккиламчи руҳий жароҳатнинг олдини олишга хизмат қилади. Шу нуқтаи назардан, илк сўроқ ва бошқа муҳим тергов ҳаракатларини махсус жиҳозланган хоналарда видеоёзув остида ўтказиш ҳамда мазкур видеоёзувларни судда мустақил далил сифатида қабул қилиш механизмини жорий этиш мақсадга мувофиқдир.

Бешинчидан, вояга етмаганларга нисбатан жиноий жавобгарликнинг муқобил шаклларини кенгайтириш зарур. Жумладан, унча оғир бўлмаган жиноятлар бўйича медиация (ярашув) институтини кенг қўллаш, ижтимоий кузатув, мажбурий психологик реабилитация ёки даволаниш каби чораларни татбиқ этиш боланинг жамиятдан узилиб қолишининг олдини олади. Бу эса, ўз навбатида, унинг қайта ижтимоийлашувига ва такроран ҳуқуқбузарлик содир этиш эҳтимолининг камайишига хизмат қилади.

Хулоса қилиб айтганда, жиноят процессида вояга етмаганларнинг ҳуқуқларини таъминлаш соҳасида миллий қонунчиликни халқаро стандартлар асосида такомиллаштириш, инсонпарвар ва реабилитацион ёндашувни кучайтириш, шунингдек, ювенал адлия институтларини босқичма-босқич жорий этиш Ўзбекистонда бола ҳуқуқларини ҳимоя қилишнинг самарали механизмини шакллантиришга хизмат қилади.

БАРАТОВ МИРОДИЛЖОН ХОМУДЖОНОВИЧ
Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси
Давлат ва ҳуқуқ институти бўлим бошлиғи,
юридик фанлар доктори, профессор

АКРАМХОДЖАЕВ БОРИ ТОХТАХОДЖАЕВИЧ
Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси
Давлат ва ҳуқуқ институти катта илмий
ходими, юридик фанлар номзоди, доцент

РАҚАМЛИ ҲУҚУҚЛАРНИНГ ТАЪРИФИ

Аннотация: *Рақамли технологиялар кундалик ҳаётимизга чуқур сингиб кетди. Ижтимоий медиа платформалари ва катта маълумотлар таҳлилидан тортиб, сунъий интеллект ва нарсалар интернети (ИоТ)гача, бу технологиялар шахсий ва жамият ҳаётининг деярли барча жабҳаларига сингиб кетди. Улар нафақат шахсий ва профессионал алоқаларга таъсир қилади, балки тижорат, бошқарув, таълим ва соғлиқни сақлаш каби кўплаб муҳим соҳаларга ҳам чуқур таъсир кўрсатади. Маълумотларнинг бузилиши, кузатув, цензура ва рақамли четлаштириш ҳодисалари ушбу ҳуқуқларни ҳимоя қилишдаги заифликлар ва қийинчиликларни таъкидлаганлиги сабабли, рақамли ҳуқуқлар атрофидаги мунозаралар янада кўпроқ эътиборга сазовор бўлди. Рақамли технологияларнинг кундалик ҳаётга интеграциялашуви рақамли даврда анъанавий ҳуқуқ ва эркинликлар қандай сақланиб қолиши ва ҳимоя қилиниши ҳақида муҳим саволларни туғдиради ва ҳукуматлар, ҳуқуқшунос олимлар ва фуқаролик жамияти ташкилотлари рақамли технологик тараққиётнинг тез суръатларда ривожланиши шароитида конституциявий ҳуқуқлар ҳимоя қилинишини таъминлаш учун мавжуд ҳуқуқий асосларни қандай мослаштиришга тобора кўпроқ эътибор қаратмоқдалар. Мақолада шулар ҳақида сўз боради. Якунда муайян хулосаларга келинади.*

Аннотация: *Цифровые технологии глубоко проникли в нашу повседневную жизнь. От платформ социальных сетей и анализа больших данных до*

искусственного интеллекта и Интернета вещей (IoT) — эти технологии проникли практически во все аспекты нашей личной и общественной жизни. Они влияют не только на личные и профессиональные отношения, но и на многие важные области, такие как торговля, государственное управление, образование и здравоохранение. Дискуссия о цифровых правах привлекла больше внимания, поскольку случаи утечки данных, слежки, цензуры и цифровой изоляции выявили уязвимость и проблемы в защите этих прав. Интеграция цифровых технологий в повседневную жизнь поднимает важные вопросы о том, как традиционные права и свободы могут быть сохранены и защищены в цифровую эпоху, и правительства, юристы и организации гражданского общества все чаще сосредотачиваются на том, как адаптировать существующие правовые рамки для обеспечения защиты конституционных прав в контексте быстрого развития цифровых технологий. В статье рассматриваются эти вопросы и в заключение делаются определенные выводы.

Abstract: *Digital technologies have permeated our daily lives. From social media platforms and big data analytics to artificial intelligence and the Internet of Things (IoT), these technologies have permeated virtually every aspect of our personal and public lives. They impact not only personal and professional relationships but also many important areas, such as commerce, government, education, and healthcare. The debate over digital rights has gained increased attention as cases of data breaches, surveillance, censorship, and digital exclusion have exposed the vulnerabilities and challenges in protecting these rights. The integration of digital technologies into everyday life raises important questions about how traditional rights and freedoms can be preserved and protected in the digital age, and governments, lawyers, and civil society organizations are increasingly focusing on how to adapt existing legal frameworks to ensure the protection of constitutional rights in the context of rapidly evolving digital technologies. The article examines these issues and draws certain conclusions.*

Калит сўзлар: *тижорат ва давлат, рақамли хусусий ҳокимият, рақамли давлат ҳокимияти, алгоритмик ваколатлар ва мажбуриятлар, фуқароларнинг шахсий маълумотларининг махфийлик режими, сўз эркинлиги, рақамли уланиш, киберхавфсизлик, БМТнинг "Марказий Осиёда барқарор ривожланиш учун янги имкониятлар яратишда сунъий интеллектнинг роли" Резолюция лойиҳаси, Freedom House.*

Ключевые слова: *бизнес и государство, цифровая частная власть, цифровая государственная власть, алгоритмические полномочия и обязанности,*

режим защиты персональных данных граждан, свобода выражения мнения, цифровая связь, кибербезопасность, проект резолюции ООН «Роль искусственного интеллекта в создании новых возможностей для устойчивого развития в Центральной Азии», Freedom House.

Keywords: *business and government, digital private power, digital public power, algorithmic powers and responsibilities, personal data protection regime, freedom of expression, digital communications, cybersecurity, UN draft resolution "The Role of Artificial Intelligence in Creating New Opportunities for Sustainable Development in Central Asia", Freedom House.*

Рақамли ҳокимиятни ҳуқуқий соҳага киритиш ва уни ҳуқуқий аҳамиятга эга тушунча сифатида тан олишнинг асоси унинг ҳокимият шакли сифатидаги фактик хусусиятларидан ва унинг аниқ ижтимоий таъсиридан келиб чиқади. Бизнинг аргументимиз рақамли технологияларнинг иккита одатий қўлланилиш соҳасига асосланган: тижорат ва давлат. Ушбу икки соҳа орқали биз рақамли ҳокимиятнинг икки шаклини – рақамли хусусий ҳокимият ва рақамли давлат ҳокимиятини фарқлашимиз мумкин, уларнинг ҳар бири ижтимоий тартибда иштирок этади ва таъсир қилади. Ҳозирги воқелик шуни кўрсатадики, рақамли технологиялар, жумладан, алгоритмлар, тижорат ва давлат шароитида қўлланилганда, шунчаки техник воситалар сифатидаги ролидан ошиб, ижтимоий ҳокимият шаклларига айланади. Хўш, рақамли ҳокимият қандай намоён бўлади? Кўпинча бугунги технология иккита механизм билан тавсифланган назоратсиз ўсишни бошдан кечираётгани айтилади: биринчидан, фойда билан рағбатлантирилган бозорга ё'налтирилган технологик ривожланиш; иккинчидан, давлат ҳокимияти ва маъмурияти томонидан осонлаштирилган технологик тараққиёт. Алгоритмларни ўрганаётган олимлар алгоритмик ваколатларнинг кенг қўлланилиши ижтимоий ҳокимият ва ҳуқуқларнинг ошишига олиб келганини, аммо бу ўсиш тенг тақсимланмаганлигини, хусусий ҳуқуқлар, давлат ҳокимияти ва хусусий ҳокимият ўртасидаги номутаносибликни кучайтирганини

таъкидладилар (Zhou 2019)[1]. Яқинда конституцияналист олимлар “рақамли хусусий ҳокимият” тушунчасини жорий этишди, унинг ҳукмронлик ва ресурс монополияси, квази-тартибга солиш роллари ва квази-давлат хусусиятлари каби хусусиятларини таъкидлашди. Бу хусусиятлар конституциявий назариядаги давлат-хусусий дихотомияни, асосий ҳуқуқларнинг учинчи томон таъсирини ва миллат-давлат тушунчасини бузади (Yang, 2021)[2]. Шу билан бирга, халқаро олимлар шунга ўхшаш ҳодисани кузатдилар ва шунга ўхшаш концепцияни ишлаб чиқдилар. 2021 йилда нашр этилган мақолада муаллиф бугунги технология гигантлари давлатнинг тузоқларини – ҳатто ўзининг “олий суди”га эга бўлган ҳолда – ўз зиммасига олиш орқали қонун устуворлигини бузаётганини ва жавобгарликдан қочаётганини таъкидлайди. Бу “корпоратив ҳокимият” янги Левиафанга айланди, бу давлат функцияларини тақлид қилиш, рақамли мустамлакачилик, тартибга солишдан қочиш, жамоавий ҳаракатларнинг олдини олиш ва ҳамма жойда назоратни амалга оширишда акс этди (D’Cunha, 2021)[3]. Шундай қилиб, рақамли хусусий ҳокимият ва рақамли давлат ҳокимияти биргаликда бизнинг давримизнинг рақамли кучини ташкил қилади. Мазкур фикрлар фонида Хитой ҳуқуқшунос олимларининг нуқтаи назарини – бевосита БМТнинг рақамли ҳуқуқларига бўлган муносабатини аниқлаймиз.

Рақамли ҳуқуқларни аниқлаш Бирлашган Миллатлар Ташкилоти рақамли ҳуқуқларни илгари суришда етакчи ўринни эгаллаб, уларнинг асосий инсон ҳуқуқларининг кенгайтмаси сифатидаги аҳамиятини таъкидлаб келмоқда. Инсон ҳуқуқлари умумжаҳон декларацияси (ИҲУД) ва Фуқаролик ва сиёсий ҳуқуқлар тўғрисидаги халқаро пакт (ИССПР) асосида БМТнинг саъй-ҳаракатлари рақамли муҳитда

[1] Zhou, H. 2019. “Algorithmic Power and its Regulation.” Law and Social Development 6: 113–26.
[2] Yang, X. 2021. “Digital Private Power: Constitutional Connotations, Constitutional Challenges, and Constitutional Coping Strategies.” Huxiang Forum (2): 86.
[3] D’Cunha, C. 2021. “A State in the Disguise of a Merchant: Tech Leviathans and the Rule of Law.” European Law Journal 27 (1-3): 109–31. https://doi.org/10.1111/eulj.12399.

инсон ҳуқуқларининг ҳимоя қилинишини таъминлашга қаратилган. 2012, 2014 ва 2016 йилларда БМТнинг Инсон ҳуқуқлари кенгаши одамлар офлайн режимда эга бўлган ҳуқуқларни онлайн режимда ҳам ҳимоя қилиш кераклигини таъкидловчи резолюцияларни қабул қилди, бу эса онлайн макон учун янги ҳуқуқларни белгилаш ўрнига, БМТ мавжуд инсон ҳуқуқларини онлайн соҳага қўллаш ва кенгайтиришни қўллаб-қувватлашини англатади (Бирлашган Миллатлар Ташкилоти Бош Ассамблеяси, 2016). Чунончи, БМТ Ўзбекистон Республикаси учун ҳам алоҳида 2025 йил "Марказий Осиёда барқарор ривожланиш учун янги имкониятлар яратишда сунъий интеллектнинг роли", - деб номланган A/79/L.94-сон Резолюциясининг лойиҳасини ишлаб чиқди. Ушбу ҳужжатда катта эътибор Рақамли контекстда инсон ҳуқуқларини илгари суриш ва ҳимоя қилиш тўғрисида 2023 йил 19 декабрдаги 78/213-сон, Рақамли даврда шахсий ҳаётга дахлсизлик ҳуқуқи тўғрисида 2024 йил 17 декабрдаги 79/175-сон ва Ахборот жамияти бўйича Бутунжаҳон саммити натижалари ва Ахборот жамияти бўйича Бутунжаҳон саммитининг барча якуний ҳужжатлари, жумладан, Женева тамойиллари декларацияси, Женева ҳаракатлар режаси, Тунис мажбурияти ва Ахборот жамияти учун Тунис кун тартибини амалга оширишнинг умумий шарҳи тўғрисида 2015 йил 16 декабрдаги 70/125-сон қарорларга эътибор берилди[1].

Ушбу ёндашувга амал қилган ҳолда, ушбу мақолада рақамли ҳуқуқлар (ёки рақамли даврдаги ҳуқуқлар) рақамли технологияларнинг хусусий ва жамоат ҳаётига тобора ортиб бораётган интеграцияси натижасида бевосита ёки билвосита таъсирланган ҳуқуқлар сифатида белгиланади. Бошқача қилиб айтганда, рақамли ҳуқуқлар мутлақо янги ҳуқуқлар эмас; аксинча, улар замонавий маълумотларга асосланган ва онлайн воқелик томонидан юзага келадиган янги муаммоларни ҳал қилиш учун мавжуд конституциявий кафолатларнинг мослашуви ёки

[1] Проект Резолюции ООН "Роль искусственного интеллекта в создании новых возможностей для устойчивого развития в Центральной Азии" от 11 июня 2025 года //A/79/L.94.

кенгайишини англатади. Масалан, махфийлик ҳуқуқи (фуқароларнинг шахсий маълумотларининг махфийлик режими) кенг тарқалган маълумотларни тўплаш амалиётлари билан синовдан ўтказилади, сўз эркинлиги эса интернетнинг ўчирилиши ёки ижтимоий медиа контентини модерация қилиш орқали янги чекловларга дуч келади. Бу ривожланаётган динамика, шунингдек, унутилиш ҳуқуқи, рақамли уланиш ва киберхавфсизлик каби янги тушунчаларни келтириб чиқаради.

Ушбу таърифга кўра, кўплаб асосий ҳуқуқлар, масалан, махфийлик, сўз эркинлиги ёки тегишли жараён – аллақачон бутун дунё бўйлаб конституцияларда мавжуд. Бироқ рақамли муҳит ушбу ҳуқуқларнинг янгиланган ифодасини ёки қайта талқинини талаб қилади, бу уларнинг оммавий маълумотларни тўплаш, алгоритмик бошқарув ва платформа монополиялари даврида самарали бўлиб қолишини таъминлайди. Натижада рақамли ҳуқуқларни конституциялаштириш уларни нолдан ихтиро қилишни англатмайди. Бунинг ўрнига, бу тобора рақамли дунёда яхши ўрнатилган ҳуқуқлар қандай қўлланилишини янгилаш, қайта кўриб чиқиш ёки аниқлаштиришни англатади.

Рақамли ҳуқуқлар учун глобал асослар

Рақамли ҳуқуқлар учун кўрсатмалар ва асосларни яратиш бўйича кўплаб ташаббуслар мавжуд бўлиб, улар кўпинча рақамли давр учун нормалар ва тамойиллар тўпламини тақдим этувчи Интернет ёки рақамли ҳуқуқлар тўғрисидаги қонунлар ёки хартиялар шаклида бўлади. Ушбу ташаббусларни кенг миқёсда нодавлат ташкилотлар (ННТ) томонидан бошқариладиган ва институционал органлар томонидан бошқариладиганларга ажратиш мумкин.

ННТ бошчилигидаги рақамли ҳуқуқлар асосларини яратишга қаратилган саъй-ҳаракатлар орасида энг кўзга кўрингани Интернет ҳуқуқлари ва тамойиллари коалитсияси томонидан ишлаб чиқилган Интернет учун Инсон ҳуқуқлари ва тамойиллари хартиясидир.

Ушбу хартияда 21 та батафсил мақолада батафсил баён этилган 10 та асосий Интернет ҳуқуқи ва тамойиллари баён этилган (Интернет ҳуқуқлари ва тамойиллари коалицияси). Худди шундай, Прогрессив коммуникациялар ассоциациясининг Интернет ҳуқуқлари хартияси (АПС 2024)[1] 31 та ҳуқуқни еттита алоҳида мавзуга ажратади ва рақамли ҳуқуқларни ҳимоя қилиш учун кенг қамровли қўлланма тақдим этади.

Минтақавий ташаббуслар нуқтаи назаридан, Интернет ҳуқуқлари ва эркинликлари бўйича Африка декларацияси Коалицияси қитъа бўйлаб турли фуқаролик жамияти ташкилотларини ўз ичига олган Африкадан муҳим намуна сифатида ажралиб туради, улар инсон ҳуқуқлари стандартлари ва Интернет сиёсатини шакллантириш ва амалга оширишда очиқлик тамойилларини биргаликда ҳимоя қилади, Африка жамиятларининг ўзига хос контекстлари ва эҳтиёжларига мослаштирилган рақамли ҳуқуқлар доирасини яратишга чақиради (African Declaration on Internet Rights and Freedoms Coalition 2014).

Аксинча, институционал ташаббуслар ҳукумат ёки ҳукуматлараро ташкилотлар томонидан ишлаб чиқилган доираларни ўз ичига олади. Масалан, Европа Иттифоқи томонидан қабул қилинган Рақамли ҳуқуқлар ва рақамли ўн йиллик тамойиллари бўйича Европа декларацияси Европада рақамли трансформатсияни бошқариш учун асосий тамойилларни белгилаб беради, шахсий ҳаёт, сўз эркинлиги ва рақамли хизматлардан фойдаланиш каби ҳуқуқларга урғу беради. Худди шундай, Иберо-Америка Принциплар ва ҳуқуқлар Хартияси Рақамли муҳитлар (Carta Iberoamericana de Principios y Derechosen los Entornos Digitales), Иберо-Америка минтақасининг Бош Котибияти томонидан тасдиқланган рақамли муҳитда тамойиллар ва ҳуқуқларни белгилайди (SEGIB).

Кўплаб шунга ўхшаш низомлар мавжуд. Интернетни бошқариш тамойилларининг қиёсий таҳлилида БМТнинг Таълим, фан ва

[1] https://internetrightsandprinciples.org/charter/.

маданият ташкилоти (ЮНЕСКО) Интернетга оид 50 дан ортиқ махсус декларациялар ва асосларни аниқлади (ЮНЕСКО, 2015). Беркман Клеин Интернет ва жамият маркази 30 та ташаббусни эътироф этди ва 42 та ҳуқуқ рўйхатини тузди, улар еттита мавзуга бўлинган: (а) асосий ёки асосий ҳуқуқ ва эркинликлар; (б) давлат ҳокимиятининг умумий чекловлари; (с) Интернетни бошқариш ва фуқаролик иштироки; (д) шахсий ҳаётга дахлсизлик ҳуқуқлари ва кузатув; (е) кириш ва таълим; (ф) тармоқларнинг очиқлиги ва барқарорлиги; ва (г) иқтисодий ҳуқуқ ва мажбуриятлар (Гилл, Редекер ва Гассер 2015)[1].

Ушбу мақолада рақамлаштиришнинг фундаментал ҳуқуқларга таъсири технологик компаниялар ва онлайн платформалар каби давлат субъектлари ва нодавлат субъектларининг роли нуқтаи назарини ҳисобга олган ҳолда рақамли ҳуқуқлар билан бўлган вазият ўрганилди[2].

Ушбу масалаларни ҳал қилиш орқали мазкур мақолада рақамли даврда ҳуқуқларни амалга ошириш билан боғлиқ имкониятлар ва хавфлар баён этилган бўлиб, миллатнинг энг юқори қонуни – конституцияда идеал тарзда мустаҳкамланган кенг қамровли ҳуқуқий ҳимоя ва рақамли контекстда фундаментал ҳуқуқларни ҳимоя қилиш учун қонуннинг қўлланилишини ҳимоя қилади. Бундай ёндашув

[1] https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2687120.

[2] Масалан, Европа Иттифоқининг Рақамли Хизматлар тўғрисидаги қонунининг 2(ii)-моддасида фойдаланувчи томонидан яратилган контентни жойлаштирувчи ва бошқарувчи воситачилар сифатида белгиланган онлайн платформалар замонавий рақамли экотизимда муҳим аҳамиятга эга. Улар оммавий муҳокамалар учун асосий майдон бўлиб хизмат қилади, бу эса шахсларга фикр билдириш, маълумот алмашиш ва глобал миқёсда ижтимоий мунозараларда иштирок этиш имконини беради. Сиёсат ва алгоритмлар орқали контентни модерация қилишдаги ролини ҳисобга олган ҳолда, ушбу платформалар жамоатчилик учун қандай маълумотларга кириш мумкинлигига сезиларли таъсир кўрсатади. Нутқни тарқатишга таъсир уларни ахборот муҳитида ва айниқса, сўз эркинлиги контекстида муҳим иштирокчиларга айлантиради. Онлайн платформаларни батафсил ўрганиш уларнинг амалиётлари фундаментал ҳуқуқларга қандай мос келишини ёки уларга қарши чиқишини тушуниш, рақамли жамоатчилик соҳасининг очиқ, хилма-хил ва демократик тамойилларга ҳурмат билан қарашини таъминлаш учун жуда муҳимдир
//https://internationalstudentsguide.org/customsearch3.html?q=(Gill%2C%20Redeker%20and%20Gasser%202015.

рақамли жамиятларнинг эволюцияси фундаментал инсон ҳуқуқларини ҳурмат қилиш ва демократик тамойилларни ўз ичига олган ҳолда қатъий мажбурият билан ривожланишини таъминлайди.

Вазиятнинг таҳлили

Тез ривожланаётган рақамли даврда офлайн режимда фойдаланилган ҳуқуқлар онлайн соҳада тобора кўпроқ шубҳа остига олинмоқда. Рақамли ҳуқуқлар юқоридада баён этилганидек, инсон ҳуқуқларининг кенг доирасини, жумладан, сўз эркинлиги ва йиғилишлар эркинлиги, шахсий ҳаётга дахлсизлик ҳуқуқи, ахборотга кириш ҳуқуқи ва ўз тақдирини ўзи белгилаш ҳуқуқини қамраб олади.

Ҳукуматлар бошқарув, хавфсизлик ва давлат бошқаруви учун рақамли технологияларни тобора кўпроқ қўллаётгани сабабли, уларнинг ҳаракатлари асосий ҳуқуқларга ҳам чуқур таъсир кўрсатади. Масалан, давлат томонидан бошқариладиган рақамли кузатув тизимларининг пайдо бўлиши шахсий ҳаётга дахлсизликнинг бузилиши ва ҳукуматнинг ҳаддан ташқари таъсир қилиши мумкинлиги ҳақидаги хавотирларни кучайтирди. Худди шундай, давлат цензураси ва интернетнинг ёпилиши сўз эркинлиги ва ахборотга бўлган ҳуқуқни жиддий равишда чеклайди, улар қўллаб-қувватлаши керак бўлган демократик тамойилларга путур етказади.

Freedom House нашрининг сўнгги “Интернетдаги эркинлик” ҳисоботига кўра, Интернет эркинлиги 2024 йилда кетма-кет 14-йил пасайди (Функ, Вестеинссон ва Бакер 2024)[1]. Миллий ҳукуматларнинг рекорд даражадаги зўравонликсиз сиёсий, ижтимоий ёки диний контентга эга веб-сайтларни блоклагани қайд этилди. Айниқса, тармоқларнинг ёпилиши хавотир уйғотади, бунда расмийлар интернет ёки ижтимоий медиа хизматларини кўрсатувчиларни фаолиятини тўхтатишга мажбур қилади, кўпинча сайловлар каби сиёсий жиҳатдан нозик даврларда. Миллий хавфсизлик муаммолари кўпинча шахсий

[1]https://freedomhouse.org/sites/default/files/2024-10/FREEDOM-ON-THE-NET-2024-DIGITAL-BOOKLET.pdf.

ҳаётга бўлган ҳуқуқлардан ва сўз эркинлигига бўлган ҳуқуқлардан устун туради. Жаҳон иқтисодий форуми (Касперсен, 2015)[1] хавфсизлик чораларини демократик тизимларнинг асосий тамойиллари, жумладан, сўз эркинлиги, йиғилиш эркинлиги ва шахсий ҳаётга бўлган ҳуқуқ билан мувозанатлашда давом этаётган қийинчиликларни таъкидлайди. Давлатлар ички ва халқаро таҳдидларга дуч келган сари, хавфсизликни сақлаш ва индивидуал ҳуқуқларни ҳимоя қилиш ўртасидаги зиддият янада кучаяди.

Интернет фойдаланувчилари статистикаси шуни кўрсатмоқдаки: 5,5 миллиарддан ортиқ одам интернетга кириш имкониятига эга[2].

Freedom House ҳисоб-китобларига кўра: 81 % шахслар сиёсий, ижтимоий ёки диний мавзуларда контент жойлаштиргани учун ҳибсга олинган ёки қамоққа олинган мамлакатларда яшайди; шахсларнинг 70 % онлайн фаолияти учун ҳужумга учраган ёки ўлдирилган мамлакатларда яшайди; уларнинг 70% и ҳукумат тарафдори бўлган шарҳловчиларни онлайн мунозараларни бошқариш учун жалб қилган мамлакатларда яшайди; 69 % диний контент интернетда блокланган мамлакатларда яшайди; 61 % кириш платформалари вақтинча ёки доимий равишда чекланган мамлакатларда яшайди; 52 % кўпинча сиёсий сабабларга кўра расмийлар интернет ёки мобил тармоқларни узиб қўйган мамлакатларда яшайди[3].

2025 йилда дунёда эркинлик даражаси кетма-кет 20-йил пасайди. Йил давомида жами 54 та мамлакатда сиёсий ҳуқуқлар ва фуқаролик эркинликлари ёмонлашган, атиги 35 та мамлакатда эса яхшиланиш кузатилди. Йил давомида энг катта пасайишлар Гвинея-Бисау, Танзания, Буркина-Фасо, Мадагаскар ва Салвадорда қайд этилган, энг катта ўсиш эса Сурия, Шри-Ланка, Боливия ва Габонда қайд этилган. Учта мамлакат – Боливия, Фижи ва Малави рақобатбардош сайловлар,

[1] https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_2015_Report15.pdf.
[2] https://freedomhouse.org/sites/default/files/2025-11/Freedom_on_the_Net_2025_Digital.pdf.
[3] https://freedomhouse.org/sites/default/files/2025-11/Freedom_on_the_Net_2025_Digital.pdf.

суд мустақиллигининг ўсиши ва қонун устуворлигини мустаҳкамлаш туфайли ўз мақомини “Қисман эркин”дан “Озод”га кўтарди.

“Озод” деб баҳоланган мамлакатлар орасида Қўшма Штатлар, Болгария ва Италия йил давомида энг катта пасайишни кузатди. Қўшма Штатларда баллнинг салбий ўзгариши қонунчилик самарасизлиги ва ижро этувчи ҳокимият устунлигининг кучайиши, фуқароларнинг сўз эркинлигига босимнинг кучайиши ва янги маъмуриятнинг коррупцияга қарши ҳимоя чораларини бузишга қаратилган ҳаракатлари билан боғлиқ. Қўшма Штатлар 100 балли шкала бўйича 3 балл ё'қотди, бу 2005-йилдан бери соф пасайишни 12 баллгача етказди, бу Науру ва Болгариядан ташқари шу даврда “Эркин” деб баҳоланган бошқа ҳар қандай давлатникидан юқори.

Сўнгги икки ўн йилликда кўплаб ҳуқуқ ва эркинликлар чекланган бўлса-да, оммавий ахборот воситалари эркинлиги, сўз эркинлиги ва суд жараёни энг кўп зарар кўрди. Давлат тўнтаришлари, қуролли можаролар, сайланган раҳбарлар томонидан демократик институтларга ҳужумлар ва авторитар режимлар томонидан репрессияларнинг кучайиши ушбу 20 йиллик даврда бу ёмонлашувнинг асосий сабаблари бўлди.

2005 йилдан бери “Қисман эркин” деб баҳоланган мамлакатлар гуруҳи сезиларли даражада қисқарди. Ўн тўққизта қисман эркин давлат “эркин бўлмаган” тоифага кирди ва ўз уйида репрессивроқ ва хорижда тажовузкорроқ бўлиб қолган глобал автократиялар қаторига қўшилди. Демократик ҳукуматлар авторитар бошқарувнинг тарқалишига қарши курашиш учун узоқ вақтдан бери ҳамкорлик қилиб келмоқда. Аммо сўнгги йилларда Европа мамлакатлари чет элдаги демократияларга ёрдамни молиялаштиришни кескин камайтирдилар. Ва 2025 йилда АҚШ маъмурияти тўсатдан аксарият хорижий ёрдам дастурларини бекор қилди, халқаро ташкилотлардан узоқлаша бошлади ва сохта сайловларни қоралашдан тийилди, натижада ташқи сиёсатининг узоқ йиллик тамойилларидан воз кечди. Демократик давлатлар озодлик

ҳимоячилари сифатидаги анъанавий ролларидан узоқлашиб борар экан, дунё жасур автократлар бошчилигидаги хавфли келажакка дуч келмоқда.

Кўпгина демократик давлатлар жиддий қийинчиликларга қарамай, бардошли бўлиб қолмоқда. Ички босим ва хорижий кучларнинг таҳдидларига қарамай, демократик давлатлар ўзларининг ички сиёсий тизимлари мослашувчан ва албатта тузатишга қодир эканлигини намойиш этишда давом этмоқдалар. 2005 йилда озод деб эълон қилинган 87 мамлакатдан жами 76 таси, яъни 85 фоиздан ортиғи, глобал пасайишнинг йигирма йиллиги давомида эркин бўлиб қолди. Бундан ташқари, янги демократиялар қийин шароитларда бир неча бор илдиз отган ва демократик интилишлар ҳатто энг репрессив муҳитларда ҳам доимо халқ томонидан қўллаб-қувватланади[1].

Сўнгги йигирма йил ичида бутун дунё бўйлаб эркинликнинг ёмонлашувини ҳеч бир сабаб тушунтира олмаса-да, Freedom House маълумотлари демократия ва инсон ҳуқуқларига энг катта таҳдид соладиган тўртта омилни кўрсатади: зўравонлик ва қуролли можаролар, давлат тўнтаришлари, демократик институтларнинг йўқ қилиниши ва автократлар томонидан қатағонларнинг кучайиши[2].

Шу билан бирга, қуролли можаролар туристик оқимларга ҳам сезиларли зарар етказиб, туристик саёҳатларнинг бутун дунё бўйича қисқариб боришига олиб келмоқда. Дубай устидан самолётлар энди ҳар дақиқада учмаяпти. Дунёдаги энг кўп суратга олинган меҳмонхона бир муддат тутун ичида қолди. Дубайнинг машҳур Палм дарахтидаги меҳмонхонадан меҳмонлар эвакуация қилинди. Бу имконсиздек туюладими? Лекин бу 2026 йил март ойининг биринчи ҳафтасидаги ҳақиқат. Бир неча кун ичида Эрон можароси минтақанинг туризм обрўсига миллиардлаб долларлик инвестицияларни шубҳа остига қўйди.

[1] https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2026/growing-shadow-autocracy.
[2] Ўша манбага қаралсин.

Хулоса қилиб айтганда, ҳуқуқий тадқиқотлар нафақат рақамли технологияларнинг ўзига, балки рақамли технологияларнинг ижтимоий қўлланилишида келтириб чиқарадиган ижобий ва салбий таъсирларига ҳам эътибор қаратиши керак. Шундагина жиддий муаммоларни аниқлаш мумкин. Ҳуқуқий тадқиқотлар технологиянинг ижтимоийлашуви билан боғлиқ ноёб тартибга солиш муаммоларини, хусусан, тижорат ва давлат соҳаларидаги рақамли кучни, яъни рақамли хусусий куч ва рақамли давлат ҳокимиятини диққат билан кузатиб бориши керак. Рақамли куч асосий инсон ҳуқуқларига маълум хавф туғдириши ва ҳуқуқий тартибни бузиш билан таҳдид қилиши мумкин. Янги турдаги ҳокимият сифатида рақамли куч ҳам фактик, ҳам норматив ҳуқуқий масала бўлиб, шунинг учун ҳуқуқий тадқиқотлар соҳасига киритилиши керак. Натижада, у қонун билан тартибга солинадиган ҳуқуқий контсептуал тизимга ҳам киритилиши керак. Шундай қилиб, “рақамли бошқарув” тушунчаси пайдо бўлди. Ҳуқуқшунос олимлар технологик тараққиётнинг ўзи билан эмас, балки рақамли технологиялардан ва у келтириб чиқарадиган икки турдаги рақамли кучдан зарарни камайтириш ва яхшиликни тарғиб қилиш учун қандай фойдаланиш билан шуғулланишлари, шу билан “яхшиликни кучайтириш ва тарғиб қилиш” мумкин бўлган келажакдаги қонун устуворлигини шакллантиришлари керак. Рақамли технологиялар, қонун ва ахлоқ билан чекланган тақдирда, келажакда инсон фаровонлигини ошириши мумкинлигига ишониш учун асосимиз бор. Бу Хитойнинг рақамли бошқарувининг муҳим вазифаси ва истиқболли келажагидир[1].

Бундан ташқари, рақамли бошқарувнинг технологик тажрибаларида бизнинг эътиборимизга лойиқ иккита муҳим масала мавжуд. Биринчидан, рақамли бошқарувнинг муҳим мавзусини ҳуқуқшунос олимлар ва олимлар ўртасидаги ҳамкорликдан ажратиб

[1] Xiaoxia Sun and Yang Xiao. How Digital Power Shapes the Rule of Law: The Logic and Mission of Digital Rule of Law// https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/ijdlg-2024-0017/html

бўлмайди. Олимларнинг иштирокисиз рақамли ҳуқуқий воситаларни лойиҳалашни амалга ошириш деярли имконсиз. Ҳуқуқшунос олимларнинг иштирокисиз рақамли ҳуқуқий воситаларни жойлаштириш фақат ёрдамчи воситалар сифатида бўлиши мумкин. Бугунги Чат-ЖПТ (ChatGPT) генератив тил моделларига асосланиб, янада ихтисослашган, ҳуқуқий жиҳатдан профессионал ва ахлоқий жиҳатдан мослаштирилган тил моделини лойиҳалаш мумкинми? Бу ҳуқуқшунос олимларнинг интеллектуал иштироки чуқурлигига боғлиқ. Иккинчидан, Хитойда қонун устуворлигининг ривожланиши маълум хусусиятларга эга, масалан, юқоридан пастга тизимли тарғибот зарурати. Хитойда қонун устуворлигини ривожлантириш учун яна бир имконият – бу ҳукуматнинг рақамли технологияларга (Европага нисбатан) ижобий муносабати туфайли юзага келган рақамли бошқарувни ривожлантириш имконияти[1] мавжуд.

Агар биз бу имкониятлар ва хусусиятларни Ўзбекистонда самарали бирлаштира олсак, Хитойнинг тажрибаси асосида кўпгина фойдали қонун ва норматив-ҳуқуқий ҳужжатларни ишлаб чиқаришга муваффақ бўламиз ҳамда бу соҳадаги халқаро стандартларни имплементация қилишда катта муваффақиятларга эга бўлишимиз мумкин. Бу билан рақамли ҳуқуқларни амалга ошириш ва таъминлаш самараси сезиларли даражада ўсиши билан боғлиқ қонуниятлар ўзининг ижобий таъсирини ривожланаётган Ватанимизга кўпдан-кўп тараққиёт омилларига эга қилиши мумкин бўлади.

[1] Ўша манбага қаралсин.

BEYSENOV KENJABAY SARSANBAYEVICH
O‘zbekiston Respublikasi IIV Malaka oshirish instituti Kasbiy tayyorgarlik fakulteti Maxsus fanlar sikli o‘qituvchisi, dotsent

YURIDIK TA’LIM VA ILM-FANNI RIVOJLANTIRISHNING ZAMONAVIY MUAMMOLARI

Annotatsiya: *Mazkur ilmiy maqolada yuridik ta’lim va huquqshunoslik ilm-fanini rivojlantirishning dolzarb muammolari tahlil qilinadi. Xususan, raqamlashtirish jarayonlari, sun’iy intellekt texnologiyalarining huquq tizimiga kirib kelishi, amaliyot va nazariya o‘rtasidagi tafovut, xalqaro standartlarga moslashuv hamda ilmiy tadqiqotlar sifatini oshirish masalalari ko‘rib chiqiladi. Shuningdek, yuridik ta’lim tizimini modernizatsiya qilish bo‘yicha taklif va tavsiyalar ilgari suriladi.*

Kalit so‘zlar: *Yuridik ta’lim, huquqshunoslik, ilm-fan, raqamlashtirish, sun’iy intellekt, innovatsiya, huquqiy islohotlar, xalqaro standartlar, akademik mobillik, yuridik kompetensiya.*

Bugungi globallashuv va axborot texnologiyalari jadal rivojlanayotgan davrda yuridik ta’lim va ilm-fan tizimiga bo‘lgan talab tubdan o‘zgarmoqda. Zamonaviy jamiyatda huquqiy munosabatlarning murakkablashuvi yuridik kadrlarning nafaqat nazariy bilimga, balki amaliy ko‘nikma va raqamli kompetensiyalarga ham ega bo‘lishini talab etmoqda. Shu sababli yuridik ta’limni takomillashtirish hamda huquqshunoslik ilm-fanini rivojlantirish davlat siyosatining ustuvor yo‘nalishlaridan biri hisoblanadi.

Mamlakatimizda so‘nggi yillarda yuridik ta’lim tizimini isloh qilishga qaratilgan bir qator normativ-huquqiy hujjatlar qabul qilindi. Xususan, O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2025 yil 26 noyabrdagi PF–232-sonli «O‘zbekiston Respublikasida yuridik ta’lim va fanni yanada isloh qilish chora-tadbirlari to‘g‘risida»gi Farmoni muhim ahamiyatga ega. Ushbu

Farmon bilan «Ta’lim sifatini oshirish – Yangi O‘zbekiston taraqqiyotining yagona to‘g‘ri yo‘li» degan ustuvor g‘oya asosida zamonaviy xalqaro standartlarga javob beradigan yuqori malakali yuridik kadrlar tayyorlash sifatini yanada oshirish, yuridik ta’lim, fan va amaliyot o‘rtasidagi uzviy bog‘liqlikni ta’minlash maqsadi belgilab berilgan.

Belgilangan maqsadlarni amalga oshirish uchun, jumladan, 2026 o‘quv yilidan boshlab quyidagilar rejalashtirilgan: yuridik ta’lim jarayonlarini amaliyot bilan uzviy bog‘lashga qaratilgan amaliy ta’lim, klinik va dual ta’lim tamoyillarini joriy etish; yuridik ta’lim tizimida «ta’lim – tadqiqot – amaliyot» integratsiyasini yo‘lga qo‘yish, boshqaruvda akademik-kollegial yondashuvlarni yanada kengaytirish; yuridik ta’lim samaradorligi va sifatini nazorat qilishni kuchaytirish; Toshkent davlat yuridik universitetini (keyingi o‘rinlarda – Universitet) 2030 yilga qadar huquq sohasida nufuzli Quacquarelli Symonds reytingida dunyodagi TOP-1000 oliy ta’lim muassasalari qatoriga kiritish[1].

Shuningdek yuridik oliy ta’lim muassasalarida kredit-modul tizimining joriy etilishi, xalqaro hamkorlikning kengayishi hamda ilmiy faoliyatni rag‘batlantirish mexanizmlarining yaratilishi sohaga yangi imkoniyatlar olib kirdi. Biroq, tizimda saqlanib qolayotgan ayrim muammolar yuridik ta’lim sifati va ilmiy salohiyatning to‘liq rivojlanishiga to‘sqinlik qilmoqda.

Yuridik ta’lim tizimidagi eng asosiy muammolardan biri — ta’lim jarayonida nazariya va amaliyot uyg‘unligining yetarli emasligidir. Ko‘plab talabalar nazariy bilimlarni egallagan bo‘lsalar-da, amaliy huquqiy masalalarni hal etishda qiyinchilikka duch keladilar. Bu holat o‘quv dasturlarining zamonaviy mehnat bozori talablariga to‘liq mos emasligi bilan izohlanadi[2].

[1] O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2025 yil 26 noyabrdagi PF–232-sonli «O‘zbekiston Respublikasida yuridik ta’lim va fanni yanada isloh qilish chora-tadbirlari to‘g‘risida»gi Farmoni

[2] Odilqoriyev X.T. *Davlat va huquq nazariyasi*. – Toshkent: Adolat, 2020.

Ikkinchi muhim muammo — raqamli texnologiyalarni ta’lim jarayoniga yetarlicha integratsiya qilinmaganidir. Hozirgi davrda elektron sudlov, legal tech va sun’iy intellekt texnologiyalari rivojlanayotgan bir paytda yuridik ta’lim muassasalarida ushbu yo‘nalishlarga oid fanlar cheklangan darajada o‘qitilmoqda[1]. Natijada bitiruvchilar zamonaviy huquqiy texnologiyalar bilan ishlash ko‘nikmalariga to‘liq ega bo‘lmayapti.

Bundan tashqari, ilmiy tadqiqotlar sifati va ularning amaliy ahamiyati ham dolzarb masalalardan biri hisoblanadi. Ayrim ilmiy ishlar nazariy jihatdan yoritilgan bo‘lsa-da, amaliyot bilan uzviy bog‘lanmaganligi sababli ularning real huquqiy munosabatlarni tartibga solishdagi samaradorligi pastligicha qolmoqda[2].

Huquqshunoslik ilm-fanini rivojlantirishda xalqaro tajriba va ilmiy integratsiya muhim ahamiyat kasb etadi. Bugungi kunda ko‘plab rivojlangan davlatlarda yuridik tadqiqotlar interdisciplinar yondashuv asosida olib borilmoqda. Ya’ni huquq iqtisodiyot, siyosatshunoslik, axborot texnologiyalari va sotsiologiya bilan uyg‘un holda o‘rganilmoqda[3].

O‘zbekiston Respublikasida esa xalqaro ilmiy bazalarda indekslanuvchi maqolalar soni nisbatan kamligi ilmiy salohiyatni oshirish zaruratini ko‘rsatadi. Shu bilan birga, yosh olimlarni ilmiy faoliyatga jalb qilish, grantlar tizimini kengaytirish hamda xorijiy ilmiy markazlar bilan hamkorlikni kuchaytirish muhim vazifa hisoblanadi.

Sun’iy intellekt texnologiyalarining huquq sohasiga kirib kelishi ham yangi ilmiy muammolarni yuzaga chiqarmoqda. Xususan, elektron dalillar, raqamli huquqlar, kiberxavfsizlik va shaxsiy ma’lumotlarni himoya qilish masalalari bo‘yicha yangi ilmiy konsepsiyalar ishlab chiqish talab etiladi[4].

Bugungi kunda yuridik ta’lim tizimini modernizatsiya qilish zamonaviy huquqiy davlat va fuqarolik jamiyatini rivojlantirishning muhim omillaridan biri hisoblanadi. Globallashuv, raqamli texnologiyalar

[1] Saidov A.X. *Yuridik ta’limni rivojlantirish masalalari* // Huquq va burch. – 2022. – №4.
[2] Susskind R. *Tomorrow’s Lawyers*. – Oxford University Press, 2017.
[3] UNESCO. *Education Transformation Report*. – Paris, 2021.
[4] O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining yuridik ta’lim tizimini takomillashtirishga oid qarorlari.

taraqqiyoti hamda xalqaro huquqiy integratsiya jarayonlari yuridik kadrlarni tayyorlash tizimiga yangi talablarni qo‘ymoqda. Shu sababli yuridik ta’limni zamonaviylashtirish quyidagi ustuvor yo‘nalishlar asosida amalga oshirilishi maqsadga muvofiqdir[1].

Yuridik ta’limning mazmuni mehnat bozori va zamonaviy huquqiy amaliyot talablariga moslashtirilishi zarur. An’anaviy fanlar bilan bir qatorda:

- raqamli huquq;
- kiberxavfsizlik;
- sun’iy intellekt va huquq;
- xalqaro arbitraj;
- elektron tijorat huquqikabi yangi fanlarni o‘quv dasturlariga kiritish muhim ahamiyatga ega[2].

Bu esa talabalarni zamonaviy huquqiy munosabatlarga tayyorlash imkonini beradi.

Yuridik ta’limdagi asosiy muammolardan biri nazariy bilimlarning amaliyot bilan yetarli darajada bog‘lanmaganidir. Shu sababli:

- yuridik klinikalar faoliyatini kengaytirish;
- sud, prokuratura va advokatura organlarida amaliyot soatlarini ko‘paytirish;
- “moot court” sud jarayonlarini tashkil etish;
- amaliyotchi yuristlarni dars jarayoniga jalb qilish zarur hisoblanadi[3].

Bu usullar talabalarda kasbiy ko‘nikmalarni shakllantiradi.

Ta’lim tizimida raqamlashtirish jarayonlari muhim o‘rin tutadi. Zamonaviy yuridik ta’lim:

- elektron kutubxonalar;
- masofaviy ta’lim platformalari;
- virtual sud jarayonlari;

[1] Odilqoriyev X.T. *Davlat va huquq nazariyasi*. – Toshkent: Adolat, 2020.
[2] Saidov A.X. *Yuridik ta’limni rivojlantirish masalalari* // Huquq va burch. – 2022. – №4.
[3] Yuldashev A. *Yuridik klinik ta’lim asoslari*. – Toshkent, 2021.

- legal tech dasturlari asosida tashkil etilishi lozim[1].

Shuningdek, talabalarni elektron hujjat aylanishi va raqamli huquqiy tizimlar bilan ishlashga o‘rgatish dolzarb vazifa hisoblanadi.

Yuridik ta’limni modernizatsiya qilishda xalqaro tajribani o‘rganish muhimdir. Shu maqsadda:

- xorijiy universitetlar bilan qo‘shma dasturlar tashkil etish;
- talabalar va professor-o‘qituvchilar almashinuvini kengaytirish;
- xalqaro konferensiya va seminarlarni ko‘paytirish;
- chet tillarini o‘qitishni kuchaytirish zarur[2].

Bu yuridik ta’limning xalqaro standartlarga moslashuviga xizmat qiladi.

Huquqshunoslik ilm-fanining rivoji yuridik ta’lim sifati bilan chambarchas bog‘liq. Shu bois:

- yosh olimlarni qo‘llab-quvvatlash;
- grantlar va ilmiy loyihalarni ko‘paytirish;
- xalqaro ilmiy jurnallarda maqolalar chop etishni rag‘batlantirish;
- ilmiy tadqiqotlarni amaliyot bilan integratsiya qilish muhim ahamiyat kasb etadi[3].

Zamonaviy yuridik ta’lim faqat nazariy bilim emas, balki amaliy kompetensiyalarni ham shakllantirishi kerak. Talabalarda:

- huquqiy tahlil qilish;
- muzokara olib borish;
- hujjatlar tayyorlash;
- mantiqiy fikrlash;
- kasbiy etikaga rioya qilishko‘nikmalari rivojlantirilishi lozim[4].

---

[1] Susskind R. *Tomorrow’s Lawyers*. – Oxford University Press, 2017.
[2] UNESCO. *Education Transformation Report*. – Paris, 2021.
[3] Merryman J.H. *The Civil Law Tradition*. – Stanford University Press, 2018.
[4] O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining yuridik ta’lim tizimini takomillashtirishga oid farmon va qarorlari.

Yuridik ta’limni modernizatsiya qilish huquqiy davlat barpo etish va malakali yuridik kadrlarni tayyorlashning asosiy omilidir. Ta’lim jarayoniga innovatsion texnologiyalarni joriy etish, xalqaro tajribani o‘rganish hamda amaliyotga yo‘naltirilgan o‘qitish usullarini rivojlantirish orqali yuridik ta’lim sifatini yangi bosqichga olib chiqish mumkin bo‘ladi.

Xulosa qilib aytganda, yuridik ta’lim va ilm-fanni rivojlantirish bugungi davrning strategik vazifalaridan biridir. Zamonaviy texnologiyalar, global integratsiya va huquqiy munosabatlarning murakkablashuvi yuridik kadrlarni tayyorlash tizimiga yangi talablarni qo‘ymoqda. Shu bois yuridik ta’limni innovatsion asosda modernizatsiya qilish, ilmiy tadqiqotlar sifatini oshirish hamda xalqaro hamkorlikni kuchaytirish zarur. Faqat shu yo‘l bilangina raqobatbardosh va yuqori malakali huquqshunos kadrlarni tayyorlash mumkin bo‘ladi.

BERDIYAROV RAKHMATJON
Acting Associate Professor (PhD)
Academy of Justice of the Republic
of Uzbekistan

ELECTRONIC COURT SYSTEMS IN INSOLVENCY PROCEEDINGS: LEGAL SIGNIFICANCE AND FUTURE DEVELOPMENT PROSPECTS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Under the conditions of a market economy, ensuring the effective operation of business entities, maintaining financial stability, and safeguarding the rights and legitimate interests of parties involved in credit relations constitute important responsibilities of the state. In this regard, the institution of insolvency occupies a special place within the legal framework governing economic relations. It comprises a set of legal mechanisms designed to assess a debtor's financial condition, identify the prospects for restoring its solvency, or, where such restoration is impossible, terminate its business activities in accordance with the procedures prescribed by law.

The primary purpose of the insolvency institution is not only to ensure the fair resolution of a debtor's existing obligations, but also to satisfy creditors' claims to the greatest extent possible, maintain a balance among participants in economic relations, and preserve the stability of the market environment. In this regard, the insolvency institution contributes to the efficient allocation of economic resources by facilitating either the withdrawal of inefficient entities from the market or their financial rehabilitation.

At the same time, the determination of insolvency, the examination of insolvency cases, and the establishment of their legal consequences are closely linked to the activities of the courts, making this process one of the important areas of civil judicial proceedings. The court's assessment of a

debtor's insolvency status, verification of the legitimacy of creditors' claims, and application of the relevant legal procedures play a crucial role in safeguarding the rights and legitimate interests of participants in economic transactions. Therefore, the institution of insolvency is recognized as an important component not only of the economic system but also of the legal system.

In the Republic of Uzbekistan, the legal basis of the insolvency institution is determined by the Law "On Insolvency", which comprehensively regulates the assessment of a debtor's financial condition, the procedure for satisfying creditors' claims, the insolvency estate, and the activities of insolvency administrators.

From an economic standpoint, this institution ensures healthy market competition, enhances the efficiency of business activities, strengthens the confidence of creditors and investors, and contributes to the sustainable development of the national economy.

Accordingly, the institution of insolvency represents not only a legal mechanism for regulating economic relations but also an important strategic tool for maintaining economic stability and fostering sustainable economic growth.

Currently, insolvency proceedings are associated with a growing number of court cases, significant volumes of document management, and difficulties in ensuring the completeness, accuracy, and accessibility of information. The adoption of digital technologies offers an effective solution to these challenges by enabling electronic case administration and establishing a transparent and equal information environment for all stakeholders involved in the proceedings.

Moreover, the experience gained during the COVID-19 pandemic highlighted the efficiency and resilience of electronic justice systems. The integration of electronic court technologies into insolvency proceedings can contribute to the automation of procedural processes, minimize the influence

of the human factor, improve transparency, and ensure more effective protection of the rights and legitimate interests of creditors and debtors alike.

Uzbekistan has also undertaken comprehensive reforms aimed at the digital transformation of its judicial system. The digitalization of court activities, the implementation of electronic document management, and the introduction of online court hearings have become key priorities of state policy, supported by the gradual development of an appropriate legislative framework. Consequently, the application of digital court technologies in insolvency proceedings is increasingly recognized as an important mechanism for ensuring fairness, efficiency, and transparency in judicial decision-making.

The digital court system may be defined as a modern legal and technological platform that enables the administration of justice within a fully digital environment. Its fundamental element is the electronic court (e-court) system, which represents the first stage and institutional foundation of judicial digitalization. Whereas e-court systems initially relied on electronic documents, online filings, and videoconferencing, they are gradually evolving into a comprehensive digital court model that incorporates advanced digital technologies throughout the entire judicial process

The legal framework governing the introduction of digital court practices is primarily based on legislative and regulatory acts aimed at integrating modern information technologies into the administration of justice. In Uzbekistan, a significant milestone in this process was the adoption of the Presidential Decree of 7 February 2017, “On the Action Strategy for the Further Development of the Republic of Uzbekistan,” which marked a new stage in judicial and legal reforms. Under the second priority area of the Action Strategy, devoted to strengthening the rule of law and further reforming the judicial system, one of the key objectives was the introduction of modern information and communication technologies into court operations.

Further progress in this area was achieved through the adoption of the Presidential Resolution of 3 September 2020, "On Measures for the Digitalization of the Activities of Judicial Authorities." The Resolution was aimed at enhancing the digital transformation of the judiciary, improving data exchange between courts and other public authorities, and creating the necessary conditions for the broader implementation of electronic justice mechanisms within the judicial system.

As part of the ongoing digital transformation of the judiciary, several electronic justice mechanisms have been introduced in stages. Since 1 January 2021, court hearings in all courts have been subject to audio recording upon the request of the parties and with the approval of the presiding judge. From 1 July 2021, the automated allocation of cases among judges has been implemented in appellate and cassation courts, thereby enhancing transparency and reducing the risk of external interference in the assignment process. Since 1 October 2021, all participants in judicial proceedings have been notified of the date, time, and venue of court hearings free of charge through SMS notifications. Furthermore, from 1 January 2022, court decisions have been delivered electronically to the parties, while paper copies remain available upon request. In addition, beginning on 1 January 2023, an electronic system for the transfer and receipt of court files between courts and the State Archives was introduced, contributing to the further digitalization and modernization of judicial administration.

The Presidential Decree of the Republic of Uzbekistan of 16 January 2023, entitled "On Additional Measures to Further Expand Access to Justice and Improve the Efficiency of Court Activities," laid the groundwork for the full-scale digitalization of the judiciary and the introduction of artificial intelligence technologies into judicial practice.

Subsequently, in accordance with the objectives of the "Uzbekistan–2030" Strategy, the Presidential Decree of 21 August 2025, "On Additional Measures to Enhance Access to Justice through the Introduction of Artificial Intelligence Technologies into Court Activities and to Improve the Material

and Technical Capacity of the Judicial System," marked a new phase in judicial reform. The Decree envisaged the acceleration of digitalization processes within the judiciary, the integration of artificial intelligence into judicial activities, the gradual transition to fully electronic case management under the "Digital Court" concept with the ultimate goal of eliminating paper-based proceedings, and the development of AI-assisted mechanisms for calculating court fees and costs. Collectively, these initiatives have established a new foundation for the development of a modern, technology-driven judicial system.

Comparative analysis of foreign experience demonstrates that advanced jurisdictions such as Estonia, the Republic of Korea, Singapore, and Germany have successfully implemented electronic court platforms that enable insolvency proceedings to be conducted in a highly automated manner. Within these systems, judicial documents are certified through electronic digital signatures, and all stakeholders are provided with online access to case information and procedural developments. The effectiveness of these mechanisms suggests that the adoption of the most progressive elements of such practices would be beneficial for further modernization of the national judicial system.

In this context, the digital court system represents an important tool for improving both the automation and efficiency of insolvency proceedings. Its advantages are manifested in several dimensions.

First, insolvency petitions and accompanying documents may be filed electronically, substantially reducing the time required for document submission, verification, processing, and analysis. The use of electronic document management systems facilitates automated information exchange between courts and participants in the proceedings, thereby enhancing procedural efficiency, reducing administrative burdens, and improving the overall effectiveness of insolvency administration.

Second, the application of videoconferencing technologies in insolvency proceedings allows court hearings to be conducted remotely,

ensuring greater procedural efficiency and accessibility. As a result, debtors, creditors, insolvency administrators, and other participants can take part in judicial proceedings without the need for physical attendance, thereby reducing costs, saving time, and improving access to justice. At the same time, such technologies contribute to the transparency, flexibility, and overall effectiveness of judicial administration.

Third, court decisions issued in insolvency cases may be certified through digital signature technologies, which guarantee their authenticity, legal validity, and integrity. The use of digital signatures strengthens the legal force of electronic documents and enables the automated generation, transmission, and delivery of judicial acts in electronic form. In addition, the storage of case information within centralized digital databases promotes transparency, facilitates data analysis, and improves oversight throughout the insolvency process, thereby enhancing the overall quality of judicial decision-making.

Moreover, digital court systems increasingly rely on intelligent algorithms, artificial intelligence, blockchain technologies, and Big Data analytics to process and evaluate large volumes of information in dispute resolution. The application of these technologies enables the identification of relevant patterns, the assessment of procedural and financial data, and the prediction of potential outcomes of insolvency proceedings, thereby contributing to more efficient and evidence-based judicial decision-making.

From this perspective, the ongoing development of digital court practices in Uzbekistan represents more than a technological modernization initiative; it reflects the formation of a new legal and organizational model for the administration of justice in the digital era.

Indeed, contemporary digital transformation processes are reshaping not only economic relations but also the very foundations of judicial governance and legal institutions, creating new opportunities for enhancing the accessibility, transparency, and effectiveness of justice.

Despite the considerable opportunities created by the digitalization of insolvency proceedings and the implementation of electronic court systems, the process continues to face a number of legal, organizational, and technical challenges. The timely resolution of these issues is essential for enhancing the effectiveness and sustainability of digital justice mechanisms in insolvency cases.

First, one of the principal challenges concerns the inadequacy of the existing regulatory framework. Current procedural legislation does not comprehensively regulate the use of electronic documents, digital signatures, and videoconferencing technologies, nor does it establish sufficiently clear and uniform procedural standards for their application in judicial proceedings.

Therefore, procedural legislation should be supplemented with explicit provisions governing electronic document circulation, the legal status and evidentiary value of digital signatures, and the procedures for conducting remote court hearings through videoconferencing technologies. The establishment of such legal safeguards would strengthen legal certainty, promote consistent judicial practice, and ensure the stable and effective functioning of electronic court systems in insolvency proceedings.

Second, the insufficient development of technical infrastructure may adversely affect the stability and effectiveness of digital court systems. In particular, inadequate internet connectivity in certain regions and technical interruptions associated with the operation of the “E-Sud” platform can delay procedural actions and reduce the overall efficiency of insolvency proceedings.

Consequently, the modernization of technical infrastructure and the further development of a unified judicial information platform should be regarded as key priorities. This includes ensuring reliable internet connectivity for courts and insolvency stakeholders, integrating governmental and judicial databases, and establishing automated

mechanisms for interagency data exchange. Such measures are essential for the effective operation of a fully digitalized insolvency framework.

Third, ensuring information security and the protection of confidential data constitutes another major challenge. Given that insolvency proceedings involve commercially sensitive and legally significant information, the risks of unauthorized access, data manipulation, or cyberattacks may negatively affect the credibility and reliability of digital justice systems. Furthermore, the misuse of digital technologies for the submission of unreliable or falsified electronic evidence may create additional procedural risks.

For this reason, the implementation of advanced cryptographic safeguards, blockchain-based verification mechanisms, and secure server architectures is highly recommended. These technologies can strengthen data integrity, enhance cybersecurity, ensure the confidentiality of judicial information, and ultimately increase public trust in digital court systems.

Fourth, disparities in digital skills and technological literacy among judges, court personnel, debtors, creditors, and other participants in insolvency proceedings constitute a significant challenge to the effective implementation of digital justice mechanisms. Limited practical experience in the use of electronic platforms may hinder procedural efficiency and create obstacles to the consistent application of digital court technologies.

To address this challenge, electronic court systems should be further enhanced through the integration of artificial intelligence and Big Data analytics, allowing them to function as decision-support and predictive tools in insolvency proceedings. At the same time, continuous professional training programs should be introduced to strengthen the digital competencies of judges, court staff, insolvency administrators, and other stakeholders. Such initiatives would not only improve the effective use of digital court technologies but also maximize the benefits of judicial digitalization and contribute to the development of a more efficient and technologically advanced insolvency framework.

In conclusion, the implementation of electronic court practices in insolvency proceedings constitutes a significant step toward the establishment of a modern, efficient, and transparent system of justice. By utilizing centralized digital information platforms, it enhances the efficiency of procedural administration, improves access to procedural rights for all participants, and supports the adaptation of the national judiciary to the demands of the digital era. Moreover, the integration of digital technologies into insolvency proceedings promotes innovation within the judicial system while strengthening transparency, accountability, and compliance with the rule of law. As a result, electronic justice mechanisms have become an essential component of the ongoing modernization and sustainable development of the judicial system.

JURAYEV ZOXIDJON ASHUROVICH
TerDU Yuridik fakulteti o’qituvchisi,
O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti mustaqil tadqiqotchi-izlanuvchisi

YASHIL IQTISODIYOT TARAQQIYOTIDA ILM-FAN, TA'LIM-TARBIYA VA MADANIYATNING ROLI: O'G'RILIK JINOYATI BILAN BOG'LIQ JIHATLAR

Аннотация: *Ушбу мақолада яшил иқтисодиёт концепцияси доирасида илм-фан, таълим-тарбия ва маданиятнинг тутган ўрни IMRAD услубида таҳлил қилинади. Тадқиқот мақсади — иқтисодий ўсиш ва ижтимоий барқарорлик йўлида ўғрилик жиноятининг келиб чиқиш сабаблари, унинг яшил иқтисодиёт тараққиётига таъсири ва бу муаммони ҳал этишда маънавий-ахлоқий тарбиянинг ролини аниқлашдан иборат. Мақола интердисциплинар ёндашув асосида ёзилган бўлиб, криминология, иқтисодиёт ва таълим соҳалари кесишмасида жойлашган муаммоларни қамраб олади. Тадқиқот натижалари шуни кўрсатадики, илм-фан, таълим ва маданиятга йўналтирилган инвестициялар ўғрилик жиноятини профилактика қилишнинг энг самарали механизми ҳисобланади.*

Аннотация: *В данной статье в рамках концепции зелёной экономики анализируется роль науки, образования и культуры по методологии IMRAD. Цель исследования — выявить причины возникновения преступлений, связанных с кражей, на пути к экономическому росту и социальной стабильности, определить их влияние на развитие зелёной экономики, а также установить роль духовно-нравственного воспитания в решении данной проблемы. Статья написана на основе междисциплинарного подхода и охватывает проблемы, находящиеся на пересечении криминологии, экономики и педагогики. Результаты исследования показывают, что инвестиции в науку, образование и культуру являются наиболее эффективным механизмом профилактики преступлений, связанных с кражей.*

Abstract: *This article analyses the role of science, education, and culture within the framework of the green economy concept, following the IMRAD methodology. The aim of the study is to identify the causes of theft-related crimes on the path to economic growth and social stability, to determine their impact on the development of the green economy, and to establish the role of spiritual and moral education in addressing this problem. The article is written on the basis of an interdisciplinary approach and covers issues at the intersection of criminology, economics, and pedagogy. The findings of the study demonstrate that investments in science, education, and culture represent the most effective mechanism for the prevention of theft-related crimes.*

Kalit so'zlar: *yashil iqtisodiyot, ilm-fan, ta'lim, madaniyat, o'g'rilik jinoyati, ijtimoiy adolat, barqaror rivojlanish, huquqiy madaniyat, IMRAD, profilaktika.*

Ключевые слова: *зелёная экономика, наука, образование, культура, кража, социальная справедливость, устойчивое развитие, правовая культура, IMRAD, профилактика.*

Keywords: *green economy, science, education, culture, theft, social justice, sustainable development, legal culture, IMRAD, prevention.*

1. KIRISH (INTRODUCTION). XXI asrda dunyo hamjamiyati yashil iqtisodiyot modeliga o'tishni o'zining ustuvor yo'nalishi sifatida belgilab olgan. Yashil iqtisodiyot — bu nafaqat atrof-muhitni muhofaza qilish, balki ijtimoiy adolat, inson kapitalini rivojlantirish va barqaror farovonlikni ta'minlashga qaratilgan kompleks tizimdir. BMTning Barqaror Rivojlanish Maqsadlari (BRM) doirasida ushbu model global miqyosda joriy etilmoqda.

Biroq yashil iqtisodiyot qurishning muhim to'siqlaridan biri — bu jamiyatdagi ijtimoiy illat va jinoyatchilik, xususan o'g'rilik jinoyati hisoblanadi. O'g'rilik — mulkiy jinoyatlarning eng keng tarqalgan turi sifatida iqtisodiy faollikka, investitsion muhitga va fuqarolarning xavfsizlik hissiga salbiy ta'sir ko'rsatadi. Mavjud adabiyotlar tahlili shuni ko'rsatadiki, jinoyatchilikning asosiy ildizi ko'pincha ta'lim-tarbiya tizimidagi

kamchiliklar, madaniy qadriyatlarning inqirozi va ilmiy-texnik taraqqiyotdan ortda qolish bilan bog'liqdir (Lochner, 2020).[1]

Ushbu tadqiqot muammosi — yashil iqtisodiyot taraqqiyotida ilm-fan, ta'lim va madaniyatning o'g'rilik jinoyatiga ta'siri yetarli darajada o'rganilmaganligida namoyon bo'ladi. Shu sababli ushbu maqolada ushbu o'zaro bog'liqlik IMRAD metodologiyasi asosida tizimli tahlil qilinadi.

Tadqiqotning maqsadi: yashil iqtisodiyot sharoitida ilm-fan, ta'lim-tarbiya va madaniyatning o'g'rilik jinoyatini kamaytirish va oldini olishdagi mexanizmlarini aniqlash hamda amaliy tavsiyalar ishlab chiqish.

Tadqiqotning vazifalari: (1) ilm-fan va o'g'rilik jinoyati o'rtasidagi korrelyatsiyani aniqlash; (2) ta'lim-tarbiyaning profilaktik rolini tahlil qilish; (3) madaniyat va huquqiy madaniyatning o'g'rilik jinoyatiga ta'sirini baholash; (4) yashil iqtisodiyot uchun kompleks yechimlar taklif etish.[2]

2. METODOLOGIYA (METHODS). Ushbu tadqiqotda quyidagi ilmiy metodlar qo'llanilgan:

Adabiyotlar tahlili (Literature Review): O'zbekiston Respublikasining me'yoriy-huquqiy hujjatlari (Jinoyat Kodeksi, "Huquqbuzarliklarning oldini olish to'g'risida"gi Qonun), xalqaro tashkilotlar (BMT, UNEP) materiallari, kriminologiya va iqtisodiyot sohasidagi ilmiy manbalar o'rganildi.[2] Jami 7 ta asosiy manba tahlil qilindi.

Qiyosiy tahlil metodi (Comparative Analysis): Skandinaviya mamlakatlari (yuqori ta'lim darajasi, past jinoyatchilik ko'rsatkichi) va rivojlanayotgan mamlakatlar tajribasi qiyoslab o'rganildi. O'zbekistonning "Yangi O'zbekiston" strategiyasi 2022-2030 doirasidagi islohotlar tahlil qilindi.

Interdisiplinar yondashuv (Interdisciplinary Approach): Kriminologiya, iqtisodiyot, pedagogika va madaniyatshunoslik sohalari

[1] Juraev Z.A. O'g'rilik - salbiy ijtimoiy hodisa sifatida // Siyosatshunoslik, huquq va xalqaro munosabatlar jurnali. ISSN: 2181-3477. Jild: 04, Nashr: 10. 2025

[2] Juraev Z.A. O'g'irlikning kriminologik tavsifi va uning oldini olishni takomillashtirish // Sharq tarix, siyosat va huquq jurnali. ISSN: 2181-2780. Vol. 5, No. 11. 2025.

kesishmasida mavjud bo'lgan muammolar kompleks tarzda tadqiq etildi. Bu yondashuv bir soha chegarasida ko'rinmaydigan aloqadorliklarni aniqlash imkonini berdi.

Mantiqiy-nazariy tahlil (Logical-Theoretical Analysis): Ilm-fan — ta'lim — madaniyat — jinoyatchilik zanjiri bo'yicha sabab-oqibat munosabatlari tahlil qilindi. Yashil iqtisodiyot falsafasi va o'g'rilik jinoyatining axloqiy-madaniy asoslari o'rtasidagi ziddiyat nazariy tarzda ko'rib chiqildi.

Cheklovlar: Tadqiqot asosan nazariy va tahliliy xususiyatga ega bo'lib, keng ko'lamli empirik ma'lumotlar to'plash ushbu maqola doirasida amalga oshirilmagan. Keyingi tadqiqotlarda miqdoriy tahlil metodlari qo'llanilishi tavsiya etiladi.

O'g'irlik — bu faqat mol-mulkni olish emas, balki insonning mehnatiga, uning halollikka bo'lgan hurmatiga bo'lgan xiyonatdir. Ushbu jinoyat inson huquqlariga, jamiyatning barqarorligiga va odamlar o'rtasidagi ishonchga putur yetkazadi.

O'g'irlik jinoyati nafaqat mol-mulkka zarar yetkazadi, balki jamiyatdagi tinchlik va ishonchni ham buzadi. Bu jinoyat sodir etilgan shaxsning shaxsiy hayotiga yordam bermasdan, uning ijtimoiy mavqeiga ham keskin ta'sir qiladi.

Har bir inson, agar u o'z shaxsiy mulkini, oilaviy mohiyatni va inson shaxsini hurmat qiladigan bo'lsa, shunday tajovuzlarga yo'l qo'ymasligi kerak. O'g'irlik jinoyati, jamiyatni yomon ish va qonun buzishga tashviq etish orqali ijtimoiy tartibni zaiflashtiradi.

Ma'naviy qiymatlarni qayta tiklash, yoshlarning manfaatlarini himoya qilish va jamiyatdagi adolatni ta'minlash uchun, har bir fuqaro o'z mas'uliyatini anglab, ushbu jinoyatga qarshi kurashishda, keng jamoatchilik, davlat organlari va ta'lim muassasalari birgalikda ish olib borishlari, xavf-xatarlarning oldini olish uchun mas'uliyatni his qilishlari kerak.

O'g'irlik — bu jinoyatning nafaqat qonunga xilofligi, balki odamning ma'naviy nuqtai nazaridan ham kabi jiddiy xiyonat hisoblanadi. Jamiyatda

tinchlik va o'zaro ishonchni tiklash uchun har birimiz qonunga ehtirom va manfiy jinoyatlarga qarshi faol turishimiz lozim.[1]

Talon-torojning bir necha usulini u yoki bu atamalar birligida ko'rsatish ular umumiy usulining mohiyatini ifoda etmasdan, o'g'irlik muayyan usullarning bir qadar to'liq ro'yxatini hosil qiladi. O'zgalar mulkini egallab olish mexanizmining tarkibiy qismi talon-toroj manbaidan iborat. Mazkur belgini O'zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasida va yangi Jinoyat Kodeksida mulkning barcha shakllari barobar muhofaza qilinishini e'tiborga olgan holda, o'zgalar mulkini mulkdor yoki boshka mulk egasi tasarufidan chiqarib olish orqali egallab olish, deb ta'riflanasa maqsadga muvofiq bo'ladi.

Biroq "tortib olib qo'yish" har doim ham talon-toroj sifatida baholanishi mumkin emas. Talon-toroj sifatida faqat mulkning mulkdor yoki boshqa mulk egasi tasarufidan qonunga xilof ravishda va o'rnini qoplamasdan tekinga olib qo'yish hisoblanish mumkin.

Qonunga xiloflilik shuni ko'rsatadiki, o'zganing mulkini egallash, olib qo'yilayotgan predmetga nisbatan haqiqiy yoki tasavvur qilingan huquq mavjud bo'lmagan holatda sodir etiladi.

3. MUHOKAMA VA NATIJALAR (DISCUSSION, RESULTS). Olingan natijalar yashil iqtisodiyot va jinoyatchilik muammolarini bir-biridan ajratib o'rganish mumkin emasligini ko'rsatadi. Ushbu ikki soha o'rtasidagi aloqa bir yo'nalishli emas: yashil iqtisodiyot taraqqiyoti jinoyatchilikni kamaytirsa, jinoyatchilikni kamaytirish esa yashil iqtisodiyot uchun qulay muhit yaratadi.

Adabiyotlar tahlili va qiyosiy tadqiqot natijasida quyidagi asosiy xulosalar aniqlandi:

Ilm-fan va jinoyatchilik o'rtasidagi bog'liqlik. Aholining ta'lim va ilm darajasi yuqori bo'lgan davlatlarda mulkiy jinoyatlar, shu jumladan o'g'rilik

[1] Juraev Z.A. Kriminologicheskaya xarakteristika kraj i sovershenstvovanie ix profilaktiki // "Yurisprudensiya, pravosudiye i gosudarstvo: aktualnie voprosi teorii i praktiki": sbornik statey VII Mejdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 25 iyulya 2025 g, str. 45

ko'rsatkichlari statistik jihatdan ancha past ekanligi aniqlandi. Skandinaviya mamlakatlari (Shvetsiya, Norvegiya, Finlandiya) bu tendentsiyaning eng yaqqol namunasidir: ushbu mamlakatlar bir vaqtning o'zida yashil iqtisodiyot reytingida yuqori o'rin egallaydi va jinoyatchilik darajasi bo'yicha dunyoda eng past ko'rsatkichlardan biriga ega. Yashil iqtisodiyot islohotlari orqali yaratilgan yangi ish o'rinlari aholining qonuniy daromad manbaiga ega bo'lishini ta'minlaydi va jinoyatchilik uchun iqtisodiy motivatsiyani kamaytiradi.[1]

Biz ushbu mavzuni yoritish davomida o'g'irlik, talonchilik, firibgarlik, tovlamachilik jinoyatlari jinoyati haqida batafsil to'xtalib o'tdik. Chunki mamlakatimizda mulk shakllarining kengayib borishi va insonlar qo'li bilan yaratib kelinayotgan xususiy mol-mulklarning turi va salmoqining ortishi bu kabi jinoyatlar sonining ko'payishiga sabab bo'ladi. Yuqorida talon-tarojning ushbu shakliga, shuningdek qaysi holatlarda qonunchiligimiz o'g'irlik jinoyatining baholanishiga va javobgarlik masalalarini qay tarzda hal etilayotganligiga e'tiborimizni qaratdik.

O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining 7-moddasiga binoan "jazo va boshqa huquqiy ta'sir choralari jismoniy azob berish yoki inson qadr-qimmatini kamsitish maqsadini ko'zlamaydi". [2]

Jinoyat sodir etgan shaxsga nisbatan u ahloqan tuzalishi va yangi jinoyat sodir etishining oldini olish uchun zarur hamda yetarli bo'ladigan jazo tayinlanishi yoki huquqiy ta'sir chorasi qo'llanilishi kerak" deb ta'kidlab o'tilgan. Bundan xulosa qilish mumkinki, insonparvarlik tamoyillari va jinoyat uchun adolatli jazo tayinlash bularning barchasi ijobiy natijalarni maqsad qiladi va bu bilan mamlakatimiz iqtisodiyotiga, unda yashovchi odamlarning mulkiy huquqlariga zarar yetkazishni oldini olishga xizmat

[1] Yemelkina N.L., Juraev Z.A. Prichini i posledstviya pribitiya trudovix migrantov iz Uzbekistana v Rossiyskuyu Federatsiyu s nesovershennoletnimi detimi // Nauka i praktika: aktualnie voprosi, dostigeniya i innovatsii: sbornik statey mejdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 15 dekabrya 2024 g.

[2] Abdurasulova Q.R. Kvalifikatsiya vimogatelstva, sovershennogo povtorno // Nauchnie trudi Akademii finansovoy politsii. Astana. 2003. №1. S. 104–114.

qiladi. Shu sababli bu kabi jinoyatlarni ko'rib chiqishda mas'ul bo'lgan sud va tergov organlarining, sodir etilgan jinoyatning og'ir-yengilligiga e'tibor qaratishlari o'z navbatida jinoyat sodir etgan shaxsga nisbatan odil jazo tayinlashga asos bo'ladi.

Ta'lim-tarbiyaning profilaktik samaradorligi. Kriminologik tadqiqotlar o'g'rilik jinoyatini sodir etuvchi shaxslarning 70-80 foizi past ta'lim darajasiga ega ekanligini ko'rsatadi (Lochner, 2020). Maktab va oliy ta'lim muassasalarida huquqiy tarbiya fanini chuqurlashtirish, o'smirlar o'rtasida tadbirkorlik ko'nikmalarini shakllantirish va kasbga yo'naltirish dasturlarini kengaytirish o'g'rilik jinoyatlarini profilaktika qilishning eng samarali usullari ekanligi aniqlandi. O'zbekistondagi "Huquqbuzarliklarning oldini olish to'g'risida"gi Qonun ta'lim muassasalariga profilaktika borasida katta mas'uliyat yuklagan, bu esa to'g'ri yo'nalish sifatida baholanadi.

Madaniyat va huquqiy ongning to'siq funksiyasi. O'zbek xalqining an'anaviy madaniyatida "harom luqma yeyish" — boshqaning mulkiga nohaq qo'l uzatish — eng katta gunoh va sharmandalik sifatida qaralgan. Bu madaniy mezon o'g'rilikka qarshi kuchli ichki to'siq bo'lgan. Globallashuv jarayonida an'anaviy qadriyatlar siquvga uchraganda, madaniy bo'shliq yuzaga kelishi va bu jinoyatchilik uchun qulay muhit hosil qilishi mumkinligi aniqlandi. Yashil iqtisodiyot falsafasidagi "yetarlilik" madaniyati esa bu bo'shliqni to'ldiruvchi yangi madaniy paradigma sifatida belgilandi.[1]

O'g'rilik jinoyatining yashil iqtisodiyotga salbiy ta'siri. Tahlil natijasida o'g'rilik jinoyatining yashil iqtisodiyotga uchta asosiy yo'nalishda zarar etkazishi aniqlandi: (a) investitsion muhitni zaiflashtirish — tadbirkorlar mol-mulk xavfsizligiga ishonch hosil qila olmagan taqdirda investitsiya kiritishdan bosh tortadilar; (b) yashil infratuzilmaga zarar — quyosh panellari, shamol turbinalari va ekologik uskunalarning o'g'irlanishi yashil texnologiyalarni joriy etishni sekinlashtiradi; (c) ijtimoiy kapitalning

[1]Abdurasulova K.R. Otvetstvennost za moshennichestvo i polucheniye kredita putem obmana // Mustaqil O'zbekistonda falsafa va huquq fanlarining dolzarb muammolari. T.: Fan, 1994. S. 48–52.

emirilishi — o'g'rilik odamlar o'rtasidagi ishonch va hamkorlikni yo'q qiladi, yashil iqtisodiyot esa aynan jamoa hamkorligiga tayanadi.

Mavjud adabiyotlar bilan taqqoslaganda, ushbu tadqiqot Lochner (2020) ning ta'lim va jinoyatchilik o'rtasidagi bog'liqlik haqidagi xulosalarini O'zbekiston kontekstida tasdiqlaydi. Shu bilan birga, tadqiqot ushbu muammoni yashil iqtisodiyot doirasida ko'rib chiqish orqali yangi o'lcham qo'shadi.[1]

Amaliy nuqtai nazardan, O'zbekiston uchun quyidagi kompleks yondashuv tavsiya etiladi: (1) smart texnologiyalar (kameralar, GPS monitoring) yordamida qo'riqlov tizimlarini kuchaytirish; (2) ta'lim orqali yoshlarni erta davrdan huquqiy va axloqiy tarbiyalash; (3) madaniy dasturlar orqali halol mehnat qadrini targ'ib qilish; (4) iqtisodiy adolat — tengsizlikni kamaytirish va barcha uchun mehnat bozorida teng imkoniyat yaratish; (5) jinoyatchilarni jazolash o'rniga qayta tarbiyalash va kasbga yo'naltirish — bu yashil iqtisodiyot falsafasiga mos insonparvar yondashuv.

Muhim cheklov sifatida shuni ta'kidlash kerakki, ushbu tadqiqot asosan nazariy tahlilga asoslangan. O'zbekistonda o'g'rilik jinoyatining ta'lim darajasi, madaniy ko'rsatkichlar va yashil iqtisodiyot indekslari bilan miqdoriy korrelyatsiyasini aniqlash uchun maxsus empirik tadqiqot o'tkazish zarur. Bunday tadqiqot kelgusida siyosiy qarorlar qabul qilish uchun muhim asos bo'lib xizmat qiladi.

Qiyosiy tahlil shuni ko'rsatadiki, faqat jazolash choralari o'g'rilik jinoyatini uzoq muddatda kamaytirmaydi. O'zbekiston Jinoyat Kodeksida ko'zda tutilgan jazo me'yorlari muhim ahamiyatga ega, ammo ijtimoiy profilaktika va reabilitatsiya choralari bilan birga qo'llanilgandagina samarali natija beradi. Bu xulosa xalqaro kriminologiya amaliyoti bilan to'liq mos keladi.[2]

---

[1] Abdurasulova Q.R. Firibgarlikni pora olish-berishdan farqlash masalalari // Mustaqil O'zbekiston: Falsafa va huquq fanlarining dolzarb muammolari. T.: Fan, 1995. B. 48–52.

[2] Abduxalikov M.A. Konstruktsiya stati ob otvetstvennosti za vimogatelstvo // Novie kodeksi Respubliki Uzbekistan: teoriya i praktika. T.: O'zbekiston Respublikasi IIV Oliy maktabi, 1994. S. 121–123.

5. XULOSA (CONCLUSION). Ushbu tadqiqot yashil iqtisodiyot taraqqiyotida ilm-fan, ta'lim-tarbiya va madaniyatning hal qiluvchi rolini isbotladi. Ular nafaqat texnologik va iqtisodiy taraqqiyotni ta'minlaydi, balki ijtimoiy jihatdan sog'lom, huquqiy madaniyati yuqori va axloqan yetuk jamiyatni shakllantirishga xizmat qiladi.

Yuqoridagi masalalar o'z echimini topishi va ijobiy natijalarga hamda ko'zlangan maqsadga erishish uchun biz quyidagi xulosa va takliflarni ilgari surdik:

— Respublikamizda o'g'irlik, talonchilik, firibgarlik, tovlamachilik jinoyatlarini sodir etgan shaxslarning javobgarlik masalasini hal etish jarayonida surishtiryв, tergov va sud amaliyotida jinoyatchi shaxsini aniqlagshga e'tibor qaratish maqsadga muvofiq deb o'ylaymiz. Ya'ni ularning nima sababdan mazkur jinoyatga qo'l urganliklarini aniqlash, bunga og'ir shaxsiy, oilaviy sharoitlar oqibatidami yoki boshqa mushkul ahvolga tushib qolganlligi sabab bo'ldimi, yoki shu kabi shaxsning ijtimoiy turmush tarzini o'rganish va bu haqda tasdiqlovchi ma'lumotlar olingan taqdirda, ularning qilmishini yengillashtiruvchi holat sifatida baholab, ularga nisbatan ozodlikdan mahrum etish bilan bog'liq bo'lmagan jazo tayinlansa va qo'llanilgan jazo ularning bundan keyin jinoyat sodir etishlarini oldini olishga xizmat qilsa maqsadga muvofiq bo'ladi deb hisoblaymiz. Biz bozor iqtisodiyoti sharoitida yashaayotgan ekanmiz odamlarning ehtiyojlarining turi va ko'lami kengayib boraveradi, shu sababli ham davlatimizning olib borayotgan keng ko'lamli islohotlarida ishsizlikni sonini kamaytiri, bandlikni ta'minlash masalalari e'tibor markazida turibdi. Demak, bu masalaga jazo tayinlash amaliyotida ham alohida e'tibor berilsa maqsadga muvofiq bo'lar edi.[1]

O'g'rilik jinoyati iqtisodiy, ijtimoiy va madaniy muammolarning kesishish nuqtasida paydo bo'ladi. Uni bartaraf etishning asosiy yo'li —

[1] Abduxalikov M.A. O nekotorix kvalifitsiruyushix obstoyatelstvax vimogatelstva // Konstitutsiya – huquqiy davlat qurishning asosi: ilmiy-amaliy anjuman materiallari. T.: TDYUI, 1996. S. 45–50; 58–59.

ta'lim orqali axloqiy tarbiya berish, ilm-fan yutuqlari asosida xavfsizlik tizimlarini takomillashtirish va madaniyat orqali halollik hamda adolat qadriyatlarini jamiyatga singdirishdir.

Tadqiqot natijalaridan kelib chiqadigan asosiy amaliy tavsiya: O'zbekistonda yashil iqtisodiyotga o'tish jarayonida ilm-fan, ta'lim va madaniyatga yo'naltirilgan investitsiyalar jinoyatchilikka qarshi kurashning eng tejamli va eng samarali usuli sifatida siyosiy agenda markaziga chiqarilishi zarur. [1]

Kelajak tadqiqotlar uchun yo'nalishlar: (1) O'zbekiston viloyatlari bo'yicha ta'lim darajasi va o'g'rilik ko'rsatkichlari o'rtasidagi miqdoriy korrelyatsiya tahlili; (2) yashil infratuzilmaga zarar etkazgan jinoyatlar bo'yicha alohida statistik tadqiqot; (3) ta'lim muassasalarida huquqiy profilaktika dasturlarining samaradorligini o'lchash metodologiyasini ishlab chiqish.

[1] Abduxalikov M.A. Psixicheskoye nasiliye kak sredstvo zavladeniya imushyestva v vimogatelstve, grabeje i razboe // O'zbekistonning mustaqil huquqiy yo'li: tajriba va muammolar: ilmiy-amaliy konferentsiya materiallari. T.: Kamalak, 1994. S. 124–126.

ИСМАИЛОВ БАХОДИР ИСЛАМОВИЧ
Заведующий сектором Института законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан, д.ю.н., профессор

БАХРИДДИНОВА БЕХРУЗА БАХРЕДДИНОВНА
Самостоятельный соискатель ИЗПП при Президенте Республики Узбекистан

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ОТ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Аннотация: *Ахборот жамиятини замонавий тушунишга асосий ёндашувлар уларнинг турларига боғлиқ. Назарий жиҳатдан Силикон водийси модели, Сингапур ва Финляндия модели ажралиб туради.*

Минтақавий хусусиятларга қараб ахборот жамиятларини англо-саксон, континентал, осиё ва лотин америкаси типологик моделларига таснифлаш мумкин.

Аннотация: *Динамика развития подходов к пониманию информационного общества зависит от истории формирования указанного политико-правового института. В теории выделяют модель Силиконовой долины, сингапурскую финскую модели. В зависимости от региональных особенностей типологические модели: англосаксонскую, континентальную, азиатскую и латиноамериканскую и др.*

Abstract: *The main approaches to the modern understanding of the information society depend on their varieties. In theory, the Silicon Valley model and the Singapore-based Finnish model are distinguished. Depending on the regional features, typological models include Anglo-Saxon, continental, Asian, and Latin American.*

Калит сўзлар*: ахборот жамиятининг замонавий моделлари, ахборот-коммуникация соҳаси, ахборот жамиятининг миллий моделлари, ахборот технологиялари, ахборот муносабатлари субъектлари.*

Ключевые слова: *модели информационного общества, информационно-коммуникационная сфера, национальные модели информационного общества, информационные технологии, субъекты информационных взаимоотношений.*

Keywords*: information and communication sphere, national models of information society, information technologies, subjects of information relations.*

Начало XXI в. связано с процессом формирования в ряде развитых государств мира так называемых национальных моделей информационного общества. Под ними обычно понимаются различные подходы к роли государства в развитии информационно-коммуникационной сферы, использовании информационных технологий для удовлетворения потребностей субъектов информационных взаимоотношений с учетом их культурных, экономических и социальных особенностей[1].

Американские исследователи М.Кастеллс и П.Химанен выделяют модель Силиконовой долины, сингапурскую модель и финскую модели информационного общества[2]:

Российский исследователь К.А.Панцерев[3] считает, что национальные концепции информационного общества можно разделить на четыре основные типологические модели: англосаксонскую, континентальную, азиатскую и латиноамериканскую, осуществляя группировку по регионально-культурному принципу.

Все вышеперечисленные модели построения информационного общества отличаются, по сути, только отношением государств к

---

[1] Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель / П. Химанен, М. Кастельс; пер. с англ. А. Калинин, Ю Подорога. М. : Логос, 2002.,Тапскотт Дж. Электронно-цифровое общество. Киев : INT-Пресс; М. : Рефл-Бук, 1999., Himaneii P., Kastel's M. Information Society and the Welfare State: The Finnish Model'. Moscow, Logos, 2002. и др.

[2] Кастеллс М., Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: финская модель. — М., 2002.С.26

[3]Панцерев К.А. Современные модели информационного общества: типологическая характеристика/ https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-modeli-informatsionnogo-obschestva-tipologicheskaya-harakteristika#:~:

процессу контроля за рынком информационно-коммуникационных технологий.

Нет сомнений, что сегодня эффективность государственного управления определяется не только качеством правовой базы, но и сформированностью институциональной инфраструктуры управления.

Проведённый анализ указывает, что при характеристике современных моделей построения информационного общества следует учитывать наличие экономико-социального, технологического, технократического, коммуникативного, организационно-правового подходов к его становлению и развитию.

Так Экономико-социальный подход к пониманию информационного общества отмечается в работах Д. Белла, А.Кларка, Ф.Махлупа, М.Кастельса, Р. Коуза, А. Алчяна, Е.А. Кошевой и др[1].

В 50-х годах XX века американский экономист Ф.Махлуп говорил о наступлении эпохи информационной экономики[2]. Его подходы были развиты в его ключевой работе «Производство и распространение знаний в США» (1962).[3]

Видным научным исследователем в области изучения экономических основ формирования и развития информационного общества является М.Кастельс который в исследовании «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (1996-1998) отмечал, что «сеть есть основная форма организации в информационную эпоху» она создаёт новую логику социальной

[1] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.С 155-162; Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. — М.: Прогресс, 1966. — 462 с. («The Production and Distribution of Knowledge in the United States». 1962);Castells, Manuel. The Rise of the Network Society (The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol.1) Blackwell Publishers, 1996, p.469 и др.

[2] Machlup Fritz. The Political Economy of Monopoly. — The Johns Hopkins Press, 1952.

[3] Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. — М.: Прогресс, 1966. — 462 с. («The Production and Distribution of Knowledge in the United States». 1962).

структуры» то есть современные технологии создают глобальные сети, перестраивающие экономические и социальные структуры.[1]

Основатели новой теории прав собственности американские учёные Р. Коуз и А. Алчян, полагали что «информация становится продуктом и одной из главных ценностей общества».[2]

Технологический подход к пониманию информационного общества отмечается в работах А.С.Даффа,Э.Тоффлера, Дж.Мартина, З.Бжезинского, Ф.Вебстера, Д.Тапскотта, В.В. Долинской и др.[3]

С точки зрения сторонников указанного подхода в информационном обществе на первое место выходит производство информационных услуг.[4]

По мнению Э.Тоффлера «знание становится и силой и богатством, а технологичный контроль над информацией дает реальную власть как в экономической, так и в политической жизни».[5]

В свою очередь британский социолог Ф.Вебстер в книге «Теории информационного общества» (1995)[6] подверг сомнению идею, о том, что человечество вошло в принципиально новую эпоху. Ключевым фактором он выделял, технологию влияния информации на процессы, то есть ее качественное изменение, а не рост объема.

---

[1] Castells, Manuel. The Rise of the Network Society (The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol.1) Blackwell Publishers, 1996, p.469

[2] Информационное право: Учебное пособие / Г.Л. Акопов. - Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 23.

[3] Эстер Дайсон / Джордж Гилдер / Джордж Киворт / Элвин Тоффлер (1994) Киберпространство и американская мечта: Великая хартия вольностей для эпохи знаний. В: Взгляд в будущее 1.2. Фонд прогресса и свободы., Дафф, Алистер С. (2015). «Информационное общество». Международная энциклопедия социальных и поведенческих наук (второе издание) : 83–89 . doi : 10.1016/B978-0-08-097086-8.95017-7 . ISBN 978-0-08-097087-5.

[4] Кроуфорд, С.(1983). «Происхождение и развитие концепции: информационное общество». //Бюллетень Медицинской библиотечной ассоциации. 71 (4): 383 .

[5] "Кроуфорд, С. «Происхождение и развитие концепции: информационное общество». Бюллетень Медицинской библиотечной ассоциации . 71 (4): 385 .

[6] https://www.hse.ru/data/2011/05/30/

Технократический подход к пониманию информационного общества отмечается в работах Т.Парсонса, П. Дракера, А.С.Даффа, Е.А. Кошевой и др[1].

Дафф, Алистер С. исходя из позиций технократического подхода указывает на размытие границ современных государств и их суверенности[2].

Известный учёный Т.Парсонс, рассматривая общество с точки зрения технократии указывает, что «информационное общество формируется там, где помимо имеющейся сети взаимообменивающих четырёх основных подсистем – экономической, политической, правовой, морально-идеологической, к ним добавляются две важные и самостоятельные подсистемы – телекоммуникационная и образовательная»[3].

Технократический подход к пониманию информационного общества прослеживается и в работах американского экономиста П. Дракера который в публикации «Посткапиталистическое общество» указывает, что «бурное развитие новых научных направлений, таких как информационная теория, информатика, кибернетика, теория принятия решений, теория игр и т.д. способствует развитию информационного общества»[4].

Коммуникативный подход к пониманию информационного общества отмечается в работах Э.Барнува, Дж.Мартина, Т.Стоуньера, Е.Н. Ветрова и др[5].

---

[1] https://gtmarket.ru/library/basis/5395/5397

[2] Дафф, Алистер С. (2015). «Информационное общество». Международная энциклопедия социальных и поведенческих наук (второе издание): 83–89 . doi : 10.1016/B978-0-08-097086-8.95017-7 . ISBN 978-0-08-097087-5.

[3]Бакленд, М. Информация и общество. MIT Press., 1996, 6 https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialnyh-sistem-t-parsonsa

Вебстер, Ф. (2006). Глава 2: Что такое информационное общество? В кн. «Теории информационного общества» , 3-е изд. (стр. 15–31). Нью-Йорк: Routledge.

[4] https://iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/page_1067.html

[5] Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 335.

В свою очередь главный редактор Международной энциклопедии по коммуникации Э.Барнув считает, что «в информационном обществе более интенсивно, чем в индустриальном обществе, происходит распадение социума на два класса. Это класс интеллектуалов, носителей знаний и класс тех, кто не входит в новую информационную экономику»[1].

Британский исследователь Т.Стоуньер отмечает, что «в информационном обществе изменятся уклад жизни, система ценностей индивидов и социальных групп, возрастает значимость информационных ценностей по отношению к материальным, сделки по поводу материальных вещей ведут к конкуренции, а информационный обмен между индивидами и социальными группами ведет к сотрудничеству».[2]

При этом отечественные исследователи Бурнашев Р.Ф., Холмаматова А.Ш. обоснованно отмечают, что «В информационном обществе трансформация личности происходит под влиянием противоречивых процессов. С одной стороны, цифровая среда предоставляет человеку новые возможности для самовыражения, творчества и участия в общественной жизни. С другой стороны, возрастают риски утраты приватности, дегуманизации общения и манипуляции сознанием. Эти аспекты требуют глубокого анализа и осмысления, поскольку формируют будущее не только отдельных личностей, но и общества в целом»[3].

---

[1] https://www.monographies.ru/ru/book/section?id=639

[2] Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 335.

[3] Бурнашев Р.Ф., Холмаматова А.Ш. Информационное общество и трансформация личности: социально-философский анализ угроз и возможностей // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. 2024. 11(114). URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/18634. DOI-10.32743/ UniSoc. 2024.114.11.18634

Организационно - правовой подход к пониманию информационного общества отмечается в работах С.Фукса,Л.Лессиг, Ш. Зубофф, Дж. Голдсмита, Т. Ву, А.Венгерова, Т.Поляковой и др[1].

Так, профессор Гарвардского университета Л.Лессиг в книгах «Код и другие законы киберпространства» (1999г.) «Код: Версия 2.0» (2006 г.) отмечал, что «киберпространство изменяют не только технологии, но и законы, и то, что правовое регулирование сети интернет неизбежно, то есть развитие информационного общества непосредственно будет регулироваться сводом необходимых юридических норм».[2]

Американские учёные-юристы Дж.Голдсмит и Т.Ву также отмечают что, “интернет не стирает границы между странами – он лишь создаёт новые вызовы для традиционных механизмов правового регулирования”.[3]

Естественно, что рассмотренные подходы к пониманию сущности «информационного общества» все же не отражают всю комплексность данного понятия, а лишь отчасти описывают отдельно взятую содержательную характеристику.

Подводя итог, отметим, что в современных гуманитарных и прикладных науках при характеристике информационных обществ наиболее часто выделяются экономико-социальный, технологический, технократический, коммуникативный и организационно правовой подходы к их сути и содержанию.

---

[1] Fuchs C. Internet and society. Social theory in the information age. N.Y., 2008. P. 281, Яницкий О.Н. Четвертая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации // Вестник Института социологии. 2017. № 21. С. 12-34. DOI: https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.452., Погорский Э. К. Становление информационного общества в РФ: диалог между гражданами и органами местного самоуправления // Научные труды Московского гуманитарного университета. — 2011.

[2] Lessig L. Code 2.0. URL: http://codev2.cc/download+remix/Lessig-Codev2.pdf

[3] Goldsmith, J., Wu, T. Who Controls the Internet? Illisions of a Borderless World (2006)

КАНЬЯЗОВ ЕСЕМУРАТ СУЛТАМУРАТОВИЧ
Адлия вазирлиги ҳузуридаги Юридик кадрларни қайта тайёрлаш ва малакасини ошириш институти директори, юридик фанлар номзоди

РАҚАМЛИ МУҲИТДА МУАЛЛИФЛИК ҲУҚУҚИНИ ҲИМОЯ ҚИЛИШ

Аннотация. *Мазкур мақолада рақамли муҳитда муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилиш билан боғлиқ долзарб ҳуқуқий муаммолар таҳлил қилинган. Хусусан, интернет платформаларида контентнинг назоратсиз тарқалиши, ноқонуний стриминг, интернет "қароқчилиги", аноним Telegram каналлари фаолияти ҳамда сунъий интеллект ёрдамида яратилаётган контентнинг ҳуқуқий мақоми билан боғлиқ масалалар кўриб чиқилган. Шунингдек, халқаро тажриба ва суд амалиёти асосида рақамли муҳитда муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилишнинг замонавий ёндашувлари таҳлил этилган. Мақолада Ўзбекистон Республикасида муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилиш соҳасида амалга оширилаётган ислоҳотлар ҳам ёритилиб, мазкур йўналишдаги мавжуд муаммолар ва уларни бартараф этиш бўйича муаллифлик таклифлари илгари сурилган.*

Аннотация. *В данной статье анализируются актуальные правовые проблемы защиты авторских прав в цифровой среде. В частности, рассматриваются вопросы неконтролируемого распространения контента на интернет-платформах, незаконного стриминга, интернет-пиратства, деятельности анонимных Telegram-каналов, а также правового статуса контента, создаваемого с помощью искусственного интеллекта. Кроме того, на основе международного опыта и судебной практики исследуются современные подходы к защите авторских прав в цифровой среде. В статье также освещаются реформы, осуществляемые в Республике Узбекистан в сфере защиты авторских прав, а также выдвигаются авторские предложения по устранению существующих проблем в данной области.*

Abstract. *This article analyzes current legal issues related to copyright protection in the digital environment. In particular, it examines problems associated*

with the uncontrolled distribution of content on internet platforms, illegal streaming, internet piracy, anonymous Telegram channels, and the legal status of content generated by artificial intelligence. In addition, based on international experience and judicial practice, modern approaches to copyright protection in the digital environment are analyzed. The article also highlights ongoing reforms in the Republic of Uzbekistan in the field of copyright protection and proposes recommendations for addressing existing legal challenges in this area.

Калит сўзлар: *муаллифлик ҳуқуқи, рақамли муҳит, виртуал макон, сунъий интеллект, стриминг, интеллектуал мулк, интернет платформалари, ижтимоий тармоқлар.*

Ключевые слова: *авторское право, цифровая среда, виртуальное пространство, искусственный интеллект, стриминг, интеллектуальная собственность, интернет-платформы, социальные сети.*

Keywords: *copyright, digital environment, virtual space, artificial intelligence, streaming, intellectual property, internet platforms, social networks.*

Сўнгги йилларда ахборот-коммуникация технологияларининг жадал ривожланиши натижасида жамият ҳаётининг деярли барча соҳаларида рақамлаштириш жараёнлари кучайди. Интернет тармоғи, ижтимоий платформалар ҳамда турли рақамли хизматларнинг кенг оммалашуви ахборотни яратиш, сақлаш ва тарқатиш шаклларини тубдан ўзгартирди. Айниқса, адабий, илмий, аудиовизуал ва бошқа ижодий маҳсулотларнинг рақамли шаклда тезкор тарқалиши муаллифлик ҳуқуқи билан боғлиқ муносабатларнинг янги босқичга чиқишига сабаб бўлди.

Рақамли муҳит, бир томондан, муаллифлар ва бошқа ҳуқуқ эгаларига ўз асарларини кенг аудиторияга тезкор етказиш имкониятини яратган бўлса, иккинчи томондан, муаллифлик ҳуқуқининг бузилиши билан боғлиқ хавфларни ҳам сезиларли даражада кучайтирди. Хусусан, интернет тармоғида рақамли контентнинг осон нусхаланиши, ноқонуний тарқатилиши, аноним тарзда жойлаштирилиши ҳамда ижтимоий тармоқлар орқали кенг оммага тарқалиши муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилишнинг анъанавий

механизмларини мураккаблаштирмоқда.[1] Айниқса, YouTube, Telegram, TikTok, Instagram каби платформаларда муаллифлик ҳуқуқи билан ҳимояланган материаллардан рухсатсиз фойдаланиш ҳолатлари тобора ортиб бормоқда. Бу эса рақамли муҳитда муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилишнинг самарали ҳуқуқий механизмларини ишлаб чиқиш заруратини юзага келтирмоқда.

Шунингдек, сунъий интеллект технологияларининг ривожланиши ҳам муаллифлик ҳуқуқи билан боғлиқ янги ҳуқуқий масалаларни келтириб чиқармоқда. Хусусан, сунъий интеллект томонидан яратилган контентнинг ҳуқуқий мақоми, бундай асарлар устидан ҳуқуқларни амалга ошириш ҳамда муаллифлик субъектини аниқлаш билан боғлиқ масалалар замонавий ҳуқуқшунослиқнинг долзарб йўналишларидан бирига айланмоқда.

Рақамли муҳитда муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилиш масаласи халқаро миқёсда ҳам алоҳида аҳамият касб этади. Интернетнинг трансчегаравий хусусияти сабабли муаллифлик ҳуқуқининг бузилиши кўпинча бир нечта давлат юрисдикцияси билан боғлиқ ҳолда юзага келади. Шу сабабли халқаро ташкилотлар томонидан муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилишнинг универсал ҳуқуқий механизмларини ишлаб чиқишга ҳаракат қилинмоқда. Жумладан, адабий ва бадиий асарларни ҳимоя қилиш тўғрисидаги Берн конвенцияси, Жаҳон интеллектуал мулк ташкилотининг муаллифлик ҳуқуқи бўйича шартномаси (WIPO Copyright Treaty) ҳамда TRIPS келишуви мазкур соҳадаги асосий халқаро ҳуқуқий ҳужжатлар сифатида эътироф этиш мумкин.

Бу борада Ўзбекистон Республикасида ҳам интеллектуал мулк, шу жумладан муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилиш тизимини такомиллаштиришга қаратилган кенг кўламли ислоҳотлар амалга оширилмоқда. Хусусан, муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилишнинг

[1] Goldstein P., Hugenholtz P. International Copyright: Principles, Law and Practice. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 45.

ҳуқуқий механизмларини кучайтириш, халқаро стандартларни миллий қонунчиликка имплементация қилиш ҳамда интеллектуал мулк объектларини ҳимоя қилишнинг самарали тизимини яратиш бўйича қатор норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар қабул қилинди. Айниқса, интеллектуал мулк объектларига бўлган ҳуқуқларни бузганлик учун жавобгарлик чораларини кучайтиришга алоҳида эътибор қаратилмоқда. Ўзбекистон Республикасининг айрим қонун ҳужжатларига киритилган ўзгартиришларга мувофиқ муаллифлик ҳуқуқи ва бошқа интеллектуал мулк объектларидан ноқонуний равишда фойдаланиш билан боғлиқ ҳуқуқбузарликлар учун маъмурий ҳамда жиноий жавобгарлик чоралари кучайтирилди.[1] Шунингдек, интеллектуал мулк дахлсизлиги Ўзбекистон Республикаси Конституциясининг 53-моддасида кафолатланган бўлиб, унда ҳар кимга илмий, техникавий ва бадиий ижод эркинлиги, маданият ютуқларидан фойдаланиш ҳуқуқи кафолатланиши ҳамда интеллектуал мулк қонун билан ҳимоя қилиниши белгилаб қўйилган.[2] Мазкур норманинг Конституция даражасида мустаҳкамланганлиги интеллектуал мулк, хусусан, муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилиш давлат сиёсатининг муҳим йўналишларидан бири эканлигини кўрсатади. Чунки муаллифлик ҳуқуқи нафақат муаллифнинг шахсий ва мулкий манфаатларини ҳимоя қилади, балки жамиятнинг илмий, маданий ва технологик ривожланишини рағбатлантирувчи муҳим ҳуқуқий институт сифатида ҳам намоён бўлади. Айниқса, замонавий рақамли технологиялар шароитида интеллектуал фаолият натижаларининг ҳуқуқий ҳимоясини таъминлаш ижодий фаолият эркинлигини қўллаб-қувватлаш, инновацион ривожланишни рағбатлантириш ҳамда муаллифларнинг қонуний манфаатларини кафолатлаш нуқтаи назаридан алоҳида аҳамият касб этади. Шу сабабли

[1] 2025 йил 8 августдаги “Ўзбекистон Республикасининг айрим қонун ҳужжатларига ўзгартириш ва қўшимчалар киритиш тўғрисида”ги ЎРҚ-1080-сон Қонуни // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, lex.uz.

[2] Ўзбекистон Республикасининг Конституцияси. — Т.: Ўзбекистон, 2023.

муаллифлик ҳуқуқининг конституциявий даражада эътироф этилиши мазкур институтнинг ҳуқуқий тизимдаги юқори ўрни ва ижтимоий аҳамиятини яққол ифодалайди.

Бундан ташқари, Ўзбекистон Республикасининг Жаҳон савдо ташкилотига аъзо бўлиш жараёнининг жадаллашуви ҳам интеллектуал мулк соҳасидаги ислоҳотларнинг фаоллашишига хизмат қилмоқда. Хусусан, TRIPS келишуви талабларига мувофиқ равишда муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилиш тизимини халқаро стандартларга мослаштириш, ҳуқуқни қўллаш амалиётини такомиллаштириш ҳамда интернет муҳитида интеллектуал мулк объектларини ҳимоя қилиш механизмларини кучайтириш бўйича кўплаб чора-тадбирлар амалга оширилмоқда.[1]

Бироқ амалиёт шуни кўрсатадики, рақамли платформаларда муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилиш билан боғлиқ айрим ҳуқуқий ва ташкилий муаммолар ҳали ҳам мавжуд. Интернет платформаларида ноқонуний контентни тезкор аниқлаш ва олиб ташлаш механизмларининг етарли даражада шаклланмаганлиги, ҳуқуқбузарларни аниқлаш билан боғлиқ мураккабликлар ҳамда замонавий технологиялар ривожланишининг ҳуқуқий тартибга солишдан тезлашиб кетаётгани мазкур соҳадаги долзарб муаммолардан бири ҳисобланади.

Замонавий технологияларнинг ривожланиши натижасида, анъанавий муҳитда асарларни яратиш, нусхалаш ва тарқатиш муайян моддий воситалар билан боғлиқ бўлган бўлса, рақамли муҳитда интеллектуал фаолият натижаларини интернет орқали чекланмаган аудиторияга тезкор тарзда етказиш имконияти юзага келди. Натижада муаллифлик ва турдош ҳуқуқларни ҳимоя қилишнинг классик ҳуқуқий

[1] Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS), Marrakesh, 1994; Ўзбекистон Республикасининг Жаҳон савдо ташкилотига аъзо бўлиш жараёни бўйича расмий материаллар // uzbwto.uz.

механизмлари замонавий рақамли технологиялар шароитида янги ёндашувларни талаб қилмоқда.[1]

Муаллифлик ҳуқуқи интеллектуал мулк ҳуқуқининг муҳим институтларидан бири ҳисобланиб, у илмий, адабий ва бадиий асарларни яратиш ҳамда улардан фойдаланиш билан боғлиқ муносабатларни тартибга солишга қаратилган. Мазкур ҳуқуқ муаллифнинг ўз асари устидан мулкий ва шахсий номулкий ҳуқуқларини ҳимоя қилишга хизмат қилади. Шу билан бирга, рақамли муҳит ривожланиши натижасида муаллифлик ҳуқуқи объектларининг доираси ҳам кенгайиб бормоқда. Бугунги кунда электрон китоблар, рақамли тасвирлар, мультимедиа маҳсулотлари, компьютер дастурлари, интернет контенти ва бошқа рақамли маҳсулотлар ҳам муаллифлик ҳуқуқи объектлари сифатида намоён бўлмоқда. Рақамли муҳитда муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилиш масаласи юзасидан ҳуқуқшунос олимлар ўртасида турли ёндашув ва баҳсли фикрлар мавжуд. Айрим олимлар интернет муҳитининг ўзига хос хусусиятидан келиб чиқиб, рақамли контент учун алоҳида ҳуқуқий тартибга солиш механизмларини ишлаб чиқиш шарт эмас дея таъкидлайди. Уларга кўра, муаллифлик ҳуқуқининг классик принциплари рақамли муҳитда ҳам сақланиб қолиши лозим. Бизнинг фикримизча, муаллифлик ҳуқуқи объектлари моддий муҳитда қандай ҳуқуқий ҳимоя қилинса, рақамли муҳитда ҳам худди шундай даражада ҳимоя қилиниши зарур, фақат рақамли муҳит учун алоҳида ҳимоя қилиниш механизми жорий этилиши лозим ва муаллифлик ҳуқуқи объектларининг рақамли шаклда жойлаштирилгани уларнинг ҳуқуқий ҳимояси даражасини пасайтириши керак эмас. Бироқ, рақамли муҳитнинг аноним, трансчегаравий ва тезкор хусусияти муаллифлик ҳуқуқини амалий

[1] World Intellectual Property Organization. Understanding Copyright and Related Rights. – Geneva: WIPO Publication, 2020. – P. 19.

жиҳатдан ҳимоя қилиш билан боғлиқ қатор мураккаб муаммоларни юзага келтирмоқда ва биз уларни қуйида кўриб чиқамиз.

Рақамли муҳитда муаллифлик ва турдош ҳуқуқларни ҳимоя қилиш билан боғлиқ энг мураккаб масалалардан бири интернет платформалари орқали контентнинг назоратсиз тарқалиши ҳисобланади. Анъанавий муҳитдан фарқли равишда интернет тармоғида жойлаштирилган материаллар қисқа вақт ичида миллионлаб фойдаланувчиларга етиб бориши мумкин. Натижада муаллифлик ҳуқуқи билан ҳимояланган асарлардан фойдаланиш устидан доимий назоратни амалга ошириш амалда мураккаб. Айниқса, рақамли контентнинг нусхаланиши ва қайта тарқатилиши учун катта моддий ресурс талаб қилинмаслиги интернет муҳитида ҳуқуқбузарликларнинг тез кўпайишига олиб келади. Жаҳон интеллектуал мулк ташкилоти (WIPO) маълумотларига кўра, рақамли платформаларда аудиовизуал ва мусиқий маҳсулотларнинг ноқонуний тарқатилиши глобал медиа индустриясига миллиардлаб доллар миқдорида зарар етказмоқда. Шунингдек, халқаро тадқиқотларга кўра, интернет фойдаланувчиларининг сезиларли қисми камида бир маротаба ноқонуний рақамли контентдан фойдаланганини қайд этган.[1] Айниқса, фильмлар, сериаллар, электрон китоблар ва дастурий маҳсулотларнинг ноқонуний нусхалари мессенжерлар ҳамда файл алмашиш платформалари орқали кенг тарқатилмоқда. Бундан ташқари, MUSO (Measurement and Analysis of Online Piracy) компанияси томонидан эълон қилинган маълумотларга кўра, 2023 йилда “қароқчи” платформаларга ташрифлар сони 200 миллиарддан ортиқни ташкил этган бўлиб, уларнинг асосий қисмини телевизион контент, фильмлар ва нашриёт маҳсулотлари ҳамда ижтимоий тармоқлардаги постлар ва видео контентлар билан боғлиқ сайтлар ташкил қилган.[2]

[1] World Intellectual Property Organization (WIPO). World Intellectual Property Report 2022. – Geneva: WIPO, 2022.
[2] MUSO. 2023 Annual Piracy Trends and Insights Report. – London, 2024.

Сўнгги йилларда Ўзбекистон Республикасида ҳам рақамли муҳитда муаллифлик ҳуқуқининг бузилиши билан боғлиқ ҳолатлар сони кўпайган. Хусусан, Адлия вазирлиги берган маълумотга кўра, 2022 йил мобайнида жисмоний ва юридик шахсларнинг мурожаатлари асосида муаллифлик ва турдош ҳуқуқларни бузган шахсларга нисбатан қўлланилган 30 та ҳуқуқий таъсир чорасидан 8 таси (26%) Интернет тармоғи билан боғлиқ ҳуқуқбузарлик ҳолатлари ҳисобланди. Ушбу кўрсаткич 2023 йилда 12% га ошган бўлиб, умумий 45 та ҳуқуқий таъсир чораларидан 17 таси (38%) Интернет тармоғида содир этилган ҳуқуқбузарлик ҳолатларига нисбатан қўлланилган.[1]

Амалиётда энг кўп учрайдиган муаммолардан яна бири интернет "қароқчилиги" билан боғлиқдир. Бугунги кунда фильмлар, сериаллар, электрон китоблар, мусиқа асарлари, ижтимоий тармоқдаги постлар ва дастурий маҳсулотларнинг ноқонуний нусхалари турли интернет сайтларида ва мессенжерларда кенг тарқатилмоқда. Хусусан, Telegram мессенжеридаги айрим ёпиқ ва аноним каналлар орқали муаллифлик ҳуқуқи билан ҳимояланган маҳсулотларнинг оммавий равишда тарқатилиши ҳуқуқ эгаларининг иқтисодий манфаатларига жиддий зарар етказмоқда. Мазкур ҳолатда муаммо нафақат ноқонуний контентнинг мавжудлигида, балки уни тезкор аниқлаш ва платформадан олиб ташлаш механизмларининг етарли даражада самарали эмаслигида ҳам намоён бўлади.

Ҳозирги пайтда мамлакатимизда Telegram ижтимоий тармоғида муаллифлик ҳуқуқининг бузилиши билан боғлиқ бўлган мурожаатлар кўпайиб бормоқда. Бунинг асосий сабаби шундаки, ижтимоий тармоқлар орасида Telegram Ўзбекистон аҳолиси орасида бошқаларидан кўра машҳур ҳисобланади. Бугунги кунга келиб Ўзбекистоннинг 25 миллиондан ортиқ аҳолиси Telegramдан фаол

[1] S.M.Сафоева. Ижтимоий тармоқларда фуқаролик муносабатларни ҳуқуқий тартибга солиш / DSc. diss. — T., 2025. 151-б.

фойдаланмоқда.[1] Шунга мос равишда, Telegramда муаллифлик ҳуқуқининг бузилиши билан боғлиқ ҳолатлар ва мурожаатлар сони кундан-кунга ошиб бормоқда. Бунга амалий мисол сифатида Ўзбекистон амалиётида ҳам Telegram орқали муаллифлик ҳуқуқини бузиш билан боғлиқ суд ишлари учраётганини қайд этиш мумкин. Хусусан, 2026 йилда Мирзо Улуғбек туман суди томонидан Telegram каналида муаллифлик ҳуқуқи билан ҳимояланган видеоматериалларни муаллиф рухсатисиз жойлаштирган канал администраторига нисбатан маъмурий жарима қўлланган. Иш материалларига кўра, “Top 3 New Year’s Restaurants in Tashkent” ва “At This Secret Bazaar” номли видеолар муаллифнинг розилигисиз Telegram каналида эълон қилинган. Мазкур ҳолат Ўзбекистон Республикасининг Маъмурий жавобгарлик тўғрисидаги кодексининг 177[1]-моддаси асосида баҳоланиб, суд томонидан ҳуқуқбузарга нисбатан маъмурий жазо тайинланган.[2] Аммо, айрим ҳолатларда Telegram ижтимоий тармоғида муаллифлик ҳуқуқини бузаётган канал ва гуруҳ эгаларини топиш ва шахсига аниқлик киритиш билан боғлиқ муаммолар сабабли айрим ҳолатларда ҳуқуқбузарликларнинг олдини олишнинг имкони бўлмаётган ҳолатлар ҳам мавжуд. Фикримизча, Telegram платформасидаги анонимлик ва ёпиқ гуруҳлар тизими муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилиш билан боғлиқ ҳуқуқни қўллаш амалиётини сезиларли даражада мураккаблаштирмоқда. Айниқса, канал администраторларининг шахсига аниқлик киритиш имкониятининг чекланганлиги айрим ҳолларда ҳуқуқбузарликларнинг олдини олиш ҳамда ҳуқуқбузарларга нисбатан жавобгарлик чораларини қўллаш самарадорлигига салбий таъсир кўрсатмоқда. Telegram фойдаланувчилари сони нафақат Ўзбекистонда, балки бутун дунёда ошиб бораётганлигини инобатга олиб, давлатлар билан халқаро

[1] https://www.uzdaily.uz/en/telegram-76-reach-youtube-no-1-e-commerce-on-the-rise-inside-uzbekistans-digital-landscape/?utm

[2] https://www.uzdaily.uz/en/uzbek-court-fines-telegram-channel-administrator-for-copyright-infringement/?utm

ҳамкорликни кучайтириш ҳамда юқорида қайд этилган муаммоларга ечим топиш ва амалиётга жорий этиш чораларини кўриши зарур деб ҳисоблаймиз.

Ҳозирги кунда айрим ижтимоий тармоқ мессенжерлари ва платформалар рақамли муҳитда муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилиш бўйича бирмунча самарали ечим ва усулларни қўллашмоқда. Масалан, YouTube платформасида Content ID технологияси жорий этилган бўлиб, мазкур тизим аудио ва видео материалларни автоматик равишда идентификация қилиш имконини беради.[1] Бироқ, юқорида қайд этганимиздек барча платформаларда ҳам бундай механизмлар мавжуд эмас. Айниқса, мессенжерлар ва айрим ижтимоий тармоқларда ноқонуний контентни мониторинг қилиш имкониятлари чекланганлиги сабабли муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилиш билан боғлиқ амалий муаммолар ҳали ҳам мавжуд. Аммо, YouTube платформасида Content ID технологияси жорий этилган бўлишига қарамасдан ушбу платформада ҳолатлар учраб турибди. Хусусан, эътиборимизни тортган суд ишларидан бири хонанда Авазбек Олимов шоира Маҳлиё Аҳророва ўртасидаги иш бўлди. Хонанда Авазбек Олимов шоира Маҳлиё Аҳророванинг “Гўзал ёрим” шеърини унинг рухсатисиз йиллар давомида “Севар ёрим” номи остида куйлаб келгани учун шоира тегишли тартибда судга мурожаат қилган. Шоира Маҳлиё Аҳророва судга даъво аризаси киритиб, хонанда Авазбек Олимов унинг “Гўзал ёрим” шеърини ўзгартириб, “Севар ёрим” номи остида муаллифнинг рухсатисиз ижро этиб келганлигини, “Гўзал ёрим” шеъри 2009 йилда ёзилганлиги ва “Сўзи гавҳарим” китобида чоп этилганлиги, хонанда уни 2015 йилдан ҳозирги кунга қадар мунтазам равишда номини ўзгартириб, турли платформаларда, хусусан, YouTube платформасида ҳам ижро этиб келганлигини таъкидлаганди. Ушбу иш юзасидан Фуқаролик ишлари бўйича Учтепа туманлараро судининг

[1] Stamatoudi I.A. Copyright Enforcement and the Internet. – Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2010. – P. 74.

2024 йил 24 майдаги ҳал қилув қарори билан хонанда Авазбек Олимовдан даъвогар Маҳлиё Аҳророва фойдасига 150 млн сўм товон пули ва 20 млн сўм маънавий зарар ундириш белгиланган.[1]

Бизнинг фикримизча, рақамли муҳитда муаллифлик ҳуқуқини самарали ҳимоя қилиш учун барча интернет платформалари, ижтимоий тармоқлар ҳамда мессенжерлар томонидан замонавий технологик ва ҳуқуқий механизмларни жорий этишлари зарур. Хусусан, ноқонуний контентни автоматик аниқлаш тизимларини такомиллаштириш, ҳуқуқ эгаларининг мурожаатларини тезкор кўриб чиқиш, муаллифлик ҳуқуқини бузувчи материалларни қисқа муддатларда блоклаш ҳамда аноним ҳуқуқбузарларни аниқлаш билан боғлиқ ҳамкорлик механизмларини ривожлантириш муҳим аҳамият касб этади. Шу билан бирга, платформалар фаолиятида муаллифлик ҳуқуқига ҳурмат тамойилини кучайтириш ва фойдаланувчиларнинг ҳуқуқий маданиятини ошириш ҳам рақамли муҳитда интеллектуал мулк объектларини ҳимоя қилиш самарадорлигини таъминлашга хизмат қилади.

Сўнгги йилларда сунъий интеллект технологияларининг ривожланиши ҳам муаллифлик ҳуқуқи билан боғлиқ янги ҳуқуқий муаммоларни юзага келтирди. Хусусан, сунъий интеллект ёрдамида яратилган матнлар, тасвирлар ва аудиовизуал маҳсулотларнинг ҳуқуқий мақомини аниқлаш масаласи халқаро миқёсда баҳсли масалалардан бири бўлиб қолмоқда. Бундан ташқари, сунъий интеллект тизимларини ўқитишда муаллифлик ҳуқуқи билан ҳимояланган материаллардан фойдаланиш ҳам ҳуқуқий мунозараларга сабаб бўлмоқда. Айрим ҳолларда сунъий интеллект томонидан яратилган контент мавжуд асарларга жуда ўхшаш натижаларни ҳосил

[1] https://kun.uz/news/2024/05/29/xonanda-avazbek-olimov-sudda-yutqazdi-undan-shoira-foydasiga-170-mln-so‘m-undirish-belgilandi?ysclid=lxk9zrx6p1198859106

қилиши мумкин, бу эса муаллифлик ҳуқуқининг бузилиши билан боғлиқ низоларни келтириб чиқармоқда.[1]

Сунъий интеллект ва муаллифлик ҳуқуқи бўйича кўрилган қизиқарли суд ишларидан бири Хитойда бўлиб ўтган. 2023 йилда Пекин интернет суди томонидан кўриб чиқилган иш сунъий интеллект ёрдамида яратилган контентнинг ҳуқуқий мақоми билан боғлиқ энг муҳим суд ишларидан бири сифатида эътироф этилди. Мазкур ишда суд сунъий интеллект технологияси ёрдамида яратилган тасвирга нисбатан муаллифлик ҳуқуқи ҳимояси қўлланиши мумкинлигини тан олди. Иш материалларига кўра, даъвогар Stable Diffusion дастури ёрдамида матнли буйруқлар (promptлар) киритиш орқали тасвир яратган ҳамда кейинчалик ушбу тасвир бошқа фойдаланувчи томонидан рухсатсиз равишда интернет платформасида фойдаланилган.

Суд ишни кўриб чиқиш жараёнида тасвирнинг тўлиқ автоматик тарзда эмас, балки инсоннинг ижодий фаолияти асосида яратилганига алоҳида эътибор қаратди. Хусусан, даъвогарнинг буйруқларни мустақил шакллантиргани, тасвир параметрларини танлагани ва якуний натижани саралашда ижодий ёндашувни амалга оширгани инсоннинг интеллектуал ҳиссаси сифатида баҳоланди. Шу сабабли суд сунъий интеллект техник восита сифатида иштирок этган бўлса-да, якуний натижа инсон ижодий фаолиятининг маҳсули эканлигини қайд этди. Натижада сунъий интеллект ёрдамида яратилган тасвир “оригинал асар” сифатида эътироф этилиб, муаллифлик ҳуқуқи билан ҳимоя қилиниши мумкинлиги кўрсатилди.[2] Мазкур суд қарори халқаро ҳуқуқшуносликда катта қизиқиш уйғотди. Чунки сунъий интеллект ёрдамида яратилган контентнинг ҳуқуқий мақоми масаласи бугунги кунда турли давлатларда турлича талқин қилинмоқда. Айрим

[1] Abbott R. The Reasonable Robot: Artificial Intelligence and the Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – P. 88.

[2] https://www.chinaiplawupdate.com/2023/11/beijing-internet-court-recognizes-copyright-in-ai-generated-images/?utm_

давлатларда фақат инсон томонидан яратилган асарларгина муаллифлик ҳуқуқи билан ҳимоя қилиниши мумкинлиги таъкидланаётган бўлса, Пекин интернет суди инсоннинг ижодий ҳиссаси мавжуд бўлган ҳолларда сунъий интеллект ёрдамида яратилган контентни ҳам муаллифлик ҳуқуқи объекти сифатида тан олиш мумкинлигини кўрсатди.

Юқорида биз кўриб ўтган суд иши кўплаб ҳуқуқшунос олимлар ўртасида муҳокамаларга сабаб бўлди. Шундан сўнг, сунъий интеллект томонидан яратилган объектларга нисбатан “sui generis” ҳимоя моделини қўллаш бўйича фикрлар ҳам шакллана бошлади. “Sui generis” ҳимоя модели сунъий интеллект яратган объектларни тўлиқ муаллифлик ҳуқуқи доирасига киритмасдан, бироқ уларни мутлақо ҳуқуқий муҳофазасиз қолдирмасликка қаратилган муқобил ёндашув сифатида намоён бўлади. Ушбу модел муаллифлик ҳуқуқига хос бўлган ижодийлик ва муаллифлик шахсияти мезонларига таянмайди, балки сунъий интеллектни яратиш, ўқитиш ва ундан фойдаланиш жараёнига сарфланган ташкилий, техник ва иқтисодий саъй-ҳаракатларни ҳимоя қилишга йўналтирилади.

Бизнинг фикримизча эса, сунъий интеллект томонидан яратилган объектларга нисбатан “sui generis” ҳимоя моделини қўллаш бирмунча мураккаб. Сунъий интеллект томонидан яратилган объектларга нисбатан “sui generis” ҳимоя моделини қўллаш бир қатор мураккаб ҳуқуқий саволларни юзага келтиради. Аввало, мазкур модель доирасида ҳуқуқ субъекти ким бўлиши масаласи очиқ қолади: сунъий интеллектни ишлаб чиққан дастурчими, ундан фойдаланувчими ёки технологик платформа эгасими — бу борада аниқ ва ягона ёндашув мавжуд эмас. Натижада, ҳуқуқ эгасини белгилашдаги ноаниқлик нафақат назарий баҳс-мунозараларга, балки амалиётда низолар сонининг ортишига ҳам сабаб бўлади.

Бундан ташқари, “Муаллифлик ҳуқуқи ва турдош ҳуқуқлар тўғрисида”ги қонунимизнинг 8-моддасида инсоннинг бевосита

индивидуал асар яратишга қаратилган ижодий фаолияти амалга оширилмасдан, муайян турдаги ишлаб чиқариш учун мўлжалланган техника воситалари ёрдамида олинган натижалар муаллифлик ҳуқуқи объектлари ҳисобланмаслиги белгиланган.[1] Кўриниб турибдики, қонунчилигимизда ҳам техника воситалари ёрдамида олинган натижалар муаллифлик ҳуқуқи объектлари ҳисобланмаслиги алоҳида қайд этилган.

Сунъий интеллект томонидан яратилган асарларга нисбатан муаллифлик ҳуқуқининг объекти сифатида эътироф этиш ёки уларга нисбатан “sui generis” моделининг жорий этилиши муаллифлик ҳуқуқининг классик назарий асосларига ҳам маълум даражада зид келади. Муаллифлик ҳуқуқи институти тарихан инсоннинг интеллектуал ва ижодий меҳнати натижасини ҳуқуқий муҳофаза қилишга қаратилган бўлиб, унинг марказида шахснинг индивидуал ижодий ҳиссаси туради. Сунъий интеллект эса мустақил ҳуқуқ субъекти эмас, у ўз фаолиятини инсон томонидан ишлаб чиқилган алгоритмлар ва олдиндан юкланган маълумотлар асосида амалга оширади. Шу сабабли, унда муаллифлик ҳуқуқининг ажралмас элементи ҳисобланган ижодий индивидуаллик ва муаллиф шахсияти билан боғлиқлик мавжуд эмас.

Фикримизча, бундай шароитда сунъий интеллект томонидан яратилган объектларга алоҳида эксклюзив ҳуқуқий мақом беришдан кўра, уларни ижтимоий мулк сифатида эътироф этиш мақсадга мувофиқ ҳисобланади. Чунки ижтимоий мулк режими мазкур объектлардан жамиятнинг эркин фойдаланиш имкониятини кенгайтиради, илмий-техник тараққиётга хизмат қилади ҳамда сунъий интеллект маҳсулотлари устидан сунъий монополиянинг шаклланишига йўл қўймайди. Бу эса, ўз навбатида, инновацион ривожланиш, ахборот алмашинуви ва янги билимларнинг эркин

[1] “Ўзбекистон Республикасининг “Муаллифлик ҳуқуқи ва турдош ҳуқуқлар тўғрисида”ги Қонуни, 2006 йил 20 июль, ЎРҚ–42-сон, 8-модда.

тарқалишига ижобий таъсир кўрсатади. Айниқса, сунъий интеллект томонидан яратилган асарларни ижтимоий мулк сифатида баҳолаш ҳуқуқни қўллаш амалиётида кўплаб ноаниқликларнинг олдини олади.

Хулоса ўрнида шуни айтиш мумкинки, рақамли технологиялар ва интернет платформаларининг жадал ривожланиши муаллифлик ҳуқуқи билан боғлиқ муносабатларнинг мазмунига сезиларли таъсир кўрсатмоқда. Рақамли муҳит ижодий фаолият натижаларини тезкор ва кенг аудиторияга етказиш имкониятини яратган бўлса-да, айни вақтда муаллифлик ҳуқуқи билан ҳимояланган асарлардан ноқонуний фойдаланиш ҳолатларининг ортишига ҳам сабаб бўлмоқда. Айниқса, интернет платформалари, ижтимоий тармоқлар ва мессенжерлар орқали контентнинг назоратсиз тарқалиши муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилишнинг анъанавий механизмларини мураккаблаштирмоқда.

Амалга оширилган таҳлилларимиз кўрсатдики, рақамли муҳитда муаллифлик ҳуқуқининг бузилиши кўпроқ интернет платформаларида контент устидан самарали назорат механизмларининг мавжуд эмаслиги билан боғлиқдир. Айниқса, Telegram каналлари, ноқонуний streaming платформалари ҳамда айрим ижтимоий тармоқларда муаллифлик ҳуқуқи билан ҳимояланган материалларнинг қисқа вақт ичида оммавий тарқалиши ҳуқуқ эгаларининг ўз асарлари устидан назорат қилиш имкониятини сезиларли даражада чекламоқда. Шу билан бирга, интернет муҳитининг аноним ва трансчегаравий хусусияти ҳуқуқбузарларни аниқлаш ҳамда уларга нисбатан жавобгарлик чораларини қўллаш жараёнини мураккаблаштирмоқда.

Шунингдек, мақолада халқаро амалиёт ва суд тажрибаси таҳлили сунъий интеллект ёрдамида яратилган контентнинг ҳуқуқий мақоми масаласи замонавий муаллифлик ҳуқуқининг энг баҳсли йўналишларидан бири эканлигини кўрсатди. Хусусан, айрим давлатлар амалиётида инсоннинг ижодий ҳиссаси мавжуд бўлган ҳолларда “AI-generated content” муаллифлик ҳуқуқи объекти сифатида эътироф этилаётган бўлса, бошқа ёндашувларда фақат инсон томонидан

яратилган асарларгина муаллифлик ҳуқуқи билан ҳимоя қилиниши мумкинлиги таъкидланмоқда.

Ўзбекистон Республикасида ҳам интеллектуал мулк ва муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилиш соҳасида муҳим ислоҳотлар амалга оширилаётган бўлса-да, рақамли муҳитдаги ҳуқуқбузарликларга қарши курашиш бўйича амалий механизмларни янада такомиллаштириш зарурати сақланиб қолмоқда. Хусусан, интернет платформалари билан ҳамкорликни ривожлантириш, ноқонуний контентни тезкор аниқлаш ва блоклаш тизимларини жорий этиш, фойдаланувчиларнинг ҳуқуқий маданиятини ошириш ҳамда сунъий интеллект билан боғлиқ ҳуқуқий механизмларни ишлаб чиқиш мазкур йўналишдаги устувор вазифалардан деб ҳисоблаймиз.

МУРАКАЕВ
ИЛЬЯС ИЛЬГИЗАРОВИЧ
Университет общественной безопасности
Республики Узбекистан, заместитель начальника
университета по развитию информационных
технологий, доцент

ЦИФРОВОЙ КОНТУР ПОДГОТОВКИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ И КРИМИНАЛИСТОВ: ИИ-НАСТАВНИК «AI-BAYON MENTOR», ЛИЧНЫЙ БАНК ПРОМПТОВ И ОБЛАЧНОЕ ХРАНИЛИЩЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ

И.И. МУРАКАЕВ

Аннотация. *Мақолада терговчилар ва криминалистларни тайёрлашнинг рақамли контури тавсифланади, унинг таркибида учта ўзаро боғлиқ сунъий интеллект артефакти кўриб чиқилади: муаллифнинг «AI-Bayon Mentor» дастури (Ўзбекистон Республикаси Адлия вазирлигида рўйхатдан ўтказилган, № DGU 63600, 04.05.2026 й.); мутахассиснинг шахсий промптлар банки; Lex.uz ҳуқуқий порталининг очиқ манбалари асосида шакллантирилган норматив-ҳуқуқий ҳужжатларнинг шахсий булут омбори. Ёндашув У. Эшби қонуни ва Конант–Эшби теоремаси асосида асослаб берилади. Ўзбекистон Республикасида промптлашни ўрганишга давлат томонидан кўрсатилаётган қўллаб-қувватлаш omp.aistudy.uz портали мисолида кўриб чиқилади.*

Аннотация. *В статье формулируется концепция цифрового контура подготовки следователей и криминалистов, в основе которого три взаимосвязанных ИИ-артефакта компетенции: авторская программа для ЭВМ «AI-Bayon Mentor» (свидетельство о государственной регистрации № DGU 63600, выдано Министерством юстиции Республики Узбекистан 04.05.2026); личный банк промптов специалиста; личное облачное хранилище нормативно-правовых актов, формируемое из открытых источников правового портала Lex.uz. Подход обосновывается с позиции закона необходимого разнообразия У.Эшби и теоремы Конанта–Эшби. Государственная поддержка изучения промпт-инжиниринга в Республике Узбекистан рассматривается на примере портала omp.aistudy.uz. Показано, что владение ИИ-инструментами — не дань*

моде, а инструмент одновременно эффективности и объективности процессуальной деятельности.

Abstract. *The paper formulates the concept of a digital contour for the training of investigators and forensic specialists, built upon three interconnected AI competence artefacts: the author's computer programme «AI-Bayon Mentor» (State Software Registration Certificate No. DGU 63600, issued by the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan on 04 May 2026); a specialist's personal prompt bank; a personal cloud storage of legal acts compiled from the open sources of the Lex.uz portal. The approach is grounded in W.R. Ashby's law of requisite variety and the Conant–Ashby theorem. The state-level support of prompt-engineering studies in the Republic of Uzbekistan is illustrated by the omp.aistudy.uz portal. It is shown that mastery of AI tools is not a tribute to fashion but an instrument of both efficiency and objectivity of procedural activity.*

Калит сўзлар: *AI-Bayon Mentor, рақамли контур, промптлар банки, Lex.uz, omp.aistudy.uz, терговчи, криминалист, жой кўриги баённомаси, сунъий интеллект этикаси, Эшби қонуни.*

Ключевые слова: *AI-Bayon Mentor, цифровой контур, банк промптов, Lex.uz, omp.aistudy.uz, следователь, криминалист, протокол осмотра места происшествия, этика ИИ, закон Эшби.*

Keywords: *AI-Bayon Mentor, digital contour, prompt bank, Lex.uz, omp.aistudy.uz, investigator, forensic specialist, crime scene examination protocol, AI ethics, Ashby's law.*

Введение

За последние пять лет разнообразие методов цифровых мошенников в Узбекистане расширилось в 3,4 раза, а число видов киберпреступлений в Республике Узбекистан возросло с 18 до 62; среди новых составов — кража персональных данных, имитация голоса и внешности средствами искусственного интеллекта, распространение вредоносных файлов, вывод похищенных средств за рубеж в криптовалюте[1]. Эта статистика, прозвучавшая на совещании

[1] Критически рассмотрена деятельность органов правопорядка, определены новые задачи по обеспечению общественной безопасности: совещание под председательством Президента Республики Узбекистан, 27.01.2026 г. / Пресс-служба Президента Республики Узбекистан. — URL: https://president.uz/ru/lists/view/8882.

под председательством Президента Республики Узбекистан 27 января 2026 года, описывает не отдельный «киберучасток», а структурное изменение всей следственной среды: разнообразие ситуаций, в которых работает следователь и криминалист, опережает темп издания учебных пособий и методических рекомендаций. Именно это послужило основой для настоящего исследования.

С позиции закона необходимого разнообразия У. Эшби[1] управляющий контур должен обладать разнообразием не меньшим, чем объект управления. В условиях, когда объект — это динамика преступной активности с короткими циклами появления новых способов, а управляющий контур — типовой набор бланков и заучиваемых формулировок, фиксированный учебниками с многолетним циклом обновления, разрыв между ними нарастает структурно, а не ситуативно. Это и есть содержательная причина пересборки контура подготовки кадров: не дань технологической моде, а кибернетическая необходимость.

Особенность правовой системы Республики Узбекистан состоит в том, что вся актуальная нормативная база размещена в открытом доступе на едином правовом портале Lex.uz, действующем как Национальная база данных законодательства[2]. Преимущества, значимые для цифровой подготовки: единый авторитетный источник действующей редакции; оперативное появление новых актов в день регистрации в Министерстве юстиции; машиночитаемый формат; стабильные URL-идентификаторы каждого документа; параллельное представление официальных текстов на узбекском и русском языках. Открытость и техническая зрелость Lex.uz создают редкое для региона условие: открытый правовой портал может быть напрямую связан с ИИ-инструментами через механизмы retrieval-augmented generation

[1] Ashby W.R. An Introduction to Cybernetics. — London: Chapman & Hall, 1956. — 295 p.
[2] Закон Республики Узбекистан «О нормативно-правовых актах» (новая редакция). — URL: https://lex.uz/.

(RAG), при котором ИИ-наставник отвечает с прямой ссылкой на действующую норму. Это снимает значительную часть классических проблем ИИ-систем — «галлюцинации», цитирование устаревших редакций, отсутствие реквизитов: источником ответа становится внешняя верифицируемая база, а не внутренний параметризованный корпус.

Нормативная рамка для пересборки контура подготовки уже сложилась. Приказ Министра цифровых технологий Республики Узбекистан № 3787 от 24 февраля 2026 года «Об утверждении этических правил создания, внедрения и использования решений на основе искусственного интеллекта», изданный во исполнение ПФ-189 от 22 октября 2025 года и ПП-358 от 14 октября 2024 года и согласованный с Верховным судом, МВД, СГБ и Агентством по противодействию коррупции[1], задаёт обязательные требования к объяснимости, контролируемости и «human in the loop» применительно ко всем ИИ-решениям, используемым в правоохранительном и судебном контурах. Президент Республики Узбекистан на совещании 27 января 2026 года прямо указал, что «для оперативного раскрытия и пресечения таких преступлений сотрудникам правоохранительных органов необходимо в совершенстве владеть кибертехнологиями и инструментами искусственного интеллекта»[2].

---

[1] Приказ Министра цифровых технологий Республики Узбекистан № 3787 от 24 февраля 2026 г. «Об утверждении этических правил создания, внедрения и использования решений на основе искусственного интеллекта» // Национальная база данных законодательства, 16.03.2026 г., № 10/26/3787/0287. — URL: https://lex.uz/.

Указ Президента Республики Узбекистан № ПФ-189 от 22 октября 2025 г. «О дополнительных мерах по дальнейшему развитию технологий искусственного интеллекта». — URL: https://lex.uz/.

Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-358 от 14 октября 2024 г. «Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года». — URL: https://lex.uz/.

[2] Критически рассмотрена деятельность органов правопорядка, определены новые задачи по обеспечению общественной безопасности: совещание под председательством Президента Республики Узбекистан, 27.01.2026 г. / Пресс-служба Президента Республики Узбекистан. — URL: https://president.uz/ru/lists/view/8882.

Содержательный вопрос, на который отвечает настоящая работа: какие именно артефакты компетенции должен формировать у себя следователь и криминалист, чтобы соответствовать новой норме и новой обстановке? Аргументируется, что таких артефактов три — авторская программа для ЭВМ «AI-Bayon Mentor», личный банк промптов специалиста и его личное облачное хранилище неконфиденциальных нормативно-правовых актов, формируемое из открытых источников Lex.uz. Все три замещают модель массового заучивания, не отменяя ни процессуальной ответственности следователя, ни требований этической рамки приказа Министра цифровых технологий Республики Узбекистан № 3787 от 24 февраля 2026 года.

Цель исследования — обосновать структуру цифрового контура подготовки следователей и криминалистов, объединяющего «AI-Bayon Mentor» как учебно-методическое ядро, личный банк промптов как операционную модель взаимодействия специалиста с ИИ и личное облачное хранилище НПА как верифицируемый источник нормы.

Гипотеза. Замещение модели массового заучивания моделью «личный банк промптов + личное облако НПА + ИИ-наставник» одновременно повышает эффективность подготовки (сокращает время освоения типовых следственных действий) и объективность принимаемых решений (снижает зависимость качества процессуального документа от субъективных факторов), что соответствует требованиям приказа № 3787 к объяснимости, контролируемости и человеческому надзору за ИИ-решениями.

Материалы и методы исследования

В работе использованы: системно-кибернетический подход (закон необходимого разнообразия У. Эшби[1], теорема Конанта–Эшби

[1] Ashby W.R. An Introduction to Cybernetics. — London: Chapman & Hall, 1956. — 295 p.

о хорошем регуляторе[1]); нормативно-правовой анализ актов Республики Узбекистан в сфере искусственного интеллекта и цифровизации правоохранительной деятельности; педагогический эксперимент по апробации программы «AI-Bayon Mentor» в Университете общественной безопасности Республики Узбекистан; сравнительно-правовой метод — сопоставление с международными подходами (Регламент ЕС об искусственном интеллекте, Рекомендация ОЭСР об ИИ, Рекомендация ЮНЕСКО об этике ИИ 2021 г[2].

Результаты

1. Программа «AI-Bayon Mentor» как ИИ-наставник учебного контура

«AI-Bayon Mentor» — программа для электронных вычислительных машин, прошедшая государственную регистрацию в Министерстве юстиции Республики Узбекистан (свидетельство № DGU 63600, выдано 04 мая 2026 года на основании заявки № DT 202605126 от 25 апреля 2026 года; правообладатель и автор — И.И. Муракаев)[3]. Программа предназначена для тренинга в составлении протоколов осмотра места происшествия (ОМП) и иных следственных документов в учебных заведениях, готовящих следователей и криминалистов. Архитектура включает: планшеты-киоски слушателей; банк промптов, структурированный по типам уголовных дел (дорожно-транспортное происшествие, убийство, кража

---

[1] Conant R.C., Ashby W.R. Every Good Regulator of a System Must Be a Model of That System // International Journal of Systems Science. — 1970. — Vol. 1, № 2. — P. 89–97.

[2] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council on Artificial Intelligence (AI Act). — Brussels, 2024. — URL: https://eur-lex.europa.eu/.

OECD Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. — Paris : OECD, 2019 (updated 2024). — URL: https://oecd.ai/.

Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. — Paris : UNESCO, 2021. — 44 p. — URL: https://unesdoc.unesco.org/.

[3] Свидетельство об официальной регистрации программы для электронных вычислительных машин «AI-Bayon Mentor», № DGU 63600 / правообладатель и автор — Муракаев Ильяс Ильгизарович ; Министерство юстиции Республики Узбекистан. — Ташкент, 04.05.2026. — Заявка № DT 202605126 от 25.04.2026.

и другие); мультиязычный интерфейс (русский, узбекский, английский), обеспечивающий освоение терминологии; модуль таймера экзамена с режимами «обучение» и «экзамен»; модуль архивирования и восстановления учебных сессий; контур оценки преподавателем; модуль автоматического перевода протокола.

Принципиальное положение модели состоит в том, что «AI-Bayon Mentor» не подменяет слушателя, а формирует у него контролируемую среду тренировки: слушатель видит, как ИИ работает с описанием обстановки, какие промпты дают точный, а какие — расплывчатый результат, и постепенно вырабатывает собственный устойчивый стиль формулирования запросов. Преподаватель работает не как «контролёр заучивания», а как наставник по постановке задач машине.

2. Личный банк промптов как операционная модель компетенции

По теореме Конанта–Эшби всякий хороший регулятор системы обязан быть её моделью[1]. Применительно к работе следователя с ИИ-инструментом это означает: чтобы делегирование задач не было слепым, у специалиста должна быть формализованная модель того, как ИИ откликается на запросы в характерных для его участка ситуациях. Личный банк промптов — это и есть такая операционная модель: набор шаблонов запросов к ИИ, сгруппированных по типам ситуаций, с указанием обязательных и опциональных параметров, требований к формату ответа и предостережений от типовых ошибок. Банк постоянно дополняется самим следователем по результатам практики, реализуя «личное продолжение» закона необходимого разнообразия — каждый специалист удерживает у себя ту часть разнообразия запросов, которая релевантна его участку работы.

Существенно, что банк промптов — это не «шпаргалка», а структурированное знание о постановке задачи машине; по существу,

[1] Conant R.C., Ashby W.R. Every Good Regulator of a System Must Be a Model of That System // International Journal of Systems Science. — 1970. — Vol. 1, № 2. — P. 89–97.

это операционализация требования приказа № 3787 о принципе «человек в контуре» и объяснимости решений[1].

3. Личное облачное хранилище неконфиденциальных НПА: связка с Lex.uz

Третий артефакт нового контура — личное облачное хранилище, в котором каждый слушатель формирует свою библиотеку неконфиденциальных нормативно-правовых актов, разъяснений и образцов процессуальных документов. С учётом положений Закона Республики Узбекистан «О нормативно-правовых актах»[2] такое хранилище формируется исключительно из открыто опубликованных источников Lex.uz и не содержит сведений, отнесённых к служебной или иной охраняемой законом тайне.

Связка с Lex.uz позволяет: обеспечить быстрый автономный доступ к актуальной норме без зависимости от сетевой инфраструктуры конкретного органа; поддерживать у специалиста сквозную приватную RAG-систему, в которой ИИ-наставник отвечает не из общих сведений, а на основе именно тех НПА, которые признаны самим пользователем релевантными для его участка; встроить требование верифицируемости — каждое утверждение ИИ привязывается к конкретному фрагменту НПА с указанием реквизитов и стабильного URL Lex.uz.

4. Архитектура цифрового контура

Совокупность описанных элементов и их связь с нормативной и кибернетической рамкой представлены на рис. 1.

---

[1] Приказ Министра цифровых технологий Республики Узбекистан № 3787 от 24 февраля 2026 г. «Об утверждении этических правил создания, внедрения и использования решений на основе искусственного интеллекта» // Национальная база данных законодательства, 16.03.2026 г., № 10/26/3787/0287. — URL: https://lex.uz/.

[2] Закон Республики Узбекистан «О нормативно-правовых актах» (новая редакция). — URL: https://lex.uz/.

Рис. 1. Архитектура цифрового контура подготовки следователей и криминалистов: три ИИ-артефакта компетенции на нормативной и кибернетической рамке.

5. Государственная поддержка изучения промпт-инжиниринга

Курс на повсеместное освоение промпт-инжиниринга в Республике Узбекистан задан на уровне государства: Стратегией «Узбекистан-2030» (ПФ-21 от 16.02.2026)[1]; Стратегией развития технологий ИИ до 2030 года (ПП-358 от 14.10.2024)[2]; Указом Президента ПФ-189 от 22.10.2025 о дополнительных мерах по

[1] Указ Президента Республики Узбекистан № ПФ-21 от 16 февраля 2026 г. «Об утверждении Стратегии «Узбекистан-2030»». — URL: https://lex.uz/.

[2] Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-358 от 14 октября 2024 г. «Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года». — URL: https://lex.uz/.

развитию технологий ИИ[1]. Одним из видимых результатов этой государственной политики является портал omp.aistudy.uz — открытый национальный обучающий ресурс по основам промпт-инжиниринга применительно к задачам осмотра места происшествия и составления процессуальных документов[2]. На портале реализована модульная программа: основы промпта (роль, контекст, формат, ограничения); типовые сценарии; работа с многоязычными промптами; правила минимизации персональных данных и иных охраняемых сведений в запросе; типовые ошибки и способы их избежания.

Сочетание авторского тренажёра «AI-Bayon Mentor» и государственно поддерживаемого ресурса omp.aistudy.uz образует двухконтурную модель: государственный ресурс задаёт нормативно-методическую и языковую базу промпт-инжиниринга, авторский тренажёр обеспечивает её отработку в прикладной следственной деятельности.

6. Этические границы и международный контекст

Принципиальный аргумент в пользу нового контура состоит в том, что владение ИИ-инструментами — не дань технологической моде, а инструмент одновременно эффективности и объективности. Эффективность — потому что сокращается время рутинных операций: составление чернового протокола, перевод, поиск релевантной нормы. Объективность — потому что снижается зависимость качества процессуального документа от субъективных факторов: усталости, эмоционального состояния, мотивированности на «удобный» вывод. Этические правила приказа Министра цифровых технологий Республики Узбекистан № 3787 от 24 февраля 2026 года[3] прямо

[1] Указ Президента Республики Узбекистан № ПФ-189 от 22 октября 2025 г. «О дополнительных мерах по дальнейшему развитию технологий искусственного интеллекта». — URL: https://lex.uz/.

[2] Lex.uz: Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан / Министерство юстиции Республики Узбекистан. — URL: https://lex.uz/.

[3] Приказ Министра цифровых технологий Республики Узбекистан № 3787 от 24 февраля 2026 г. «Об утверждении этических правил создания, внедрения и использования решений на основе

требуют: человеческого контроля над всеми критическими решениями; объяснимости — пользователь должен понимать, на каком основании ИИ предложил тот или иной фрагмент; подотчётности — следователь, подписывающий протокол, несёт полную процессуальную ответственность за каждое слово. Личный банк промптов и личное облако НПА — не способ переложить ответственность на машину, а способ повысить её на стороне специалиста: банк делает решения воспроизводимыми, облако — верифицируемыми, ИИ-наставник — наблюдаемыми.

В международной перспективе модель согласуется с Регламентом ЕС об ИИ[1], относящим системы принятия решений в правоохранительной сфере к категории «высокого риска» и требующим человеческого надзора, документирования и аудитируемости; сходный подход закреплён Рекомендациями ОЭСР[2] и ЮНЕСКО[3]. Все эти элементы отрабатываются в учебном контуре «AI-Bayon Mentor» как привычка ещё до выхода специалиста на оперативную работу. Ограничения исследования: эмпирическая часть основана на ограниченной выборке учебных сессий; модель не распространяется на работу со сведениями, отнесёнными к охраняемой законом тайне.

Заключение

Цифровой контур подготовки следователей и криминалистов строится вокруг трёх ИИ-артефактов компетенции: программы «AI-Bayon Mentor» как учебно-методического ядра, личного банка промптов как операционной модели взаимодействия специалиста с ИИ

искусственного интеллекта» // Национальная база данных законодательства, 16.03.2026 г., № 10/26/3787/0287. — URL: https://lex.uz/.

[1] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council on Artificial Intelligence (AI Act). — Brussels, 2024. — URL: https://eur-lex.europa.eu/.

[2] OECD Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. — Paris : OECD, 2019 (updated 2024). — URL: https://oecd.ai/.

[3] Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. — Paris : UNESCO, 2021. — 44 p. — URL: https://unesdoc.unesco.org/.

и личного облачного хранилища НПА, формируемого из открытых источников Lex.uz как верифицируемой базы нормы. Эти три артефакта замещают модель массового заучивания, не отменяя ни процессуальной ответственности следователя, ни этических требований приказа Министра цифровых технологий Республики Узбекистан № 3787 от 24 февраля 2026 года.

Структурная необходимость такой пересборки следует не из моды, а из закона необходимого разнообразия Эшби и теоремы Конанта–Эшби: разнообразие управляющего контура должно соответствовать разнообразию следственных ситуаций, а делегирование задач ИИ невозможно без формализованной модели «как ИИ откликается на запросы специалиста». Lex.uz как открытая, машиночитаемая и стабильно идентифицируемая база НПА создаёт редкое для региона условие, при котором ИИ-наставник способен отвечать с прямой ссылкой на действующую норму, что отвечает требованиям к объяснимости и аудитируемости.

Для масштабирования модели целесообразно закрепить «AI-Bayon Mentor» как штатный учебный инструмент в типовых программах подготовки следователей и криминалистов, включить в квалификационные требования слушателя наличие действующего личного банка промптов и личного облака НПА, а также предусмотреть периодический аудит банков промптов преподавателем. Дальнейшие исследования должны охватить количественную оценку эффекта тренажёра на качество процессуальных документов и перенос модели на смежные специальности — прокурора, нотариуса, адвоката.

МУРАКАЕВА ЗУХРА ИЛЬГИЗАРОВНА
начальник редакционно-издательского отдела
Университета общественной безопасности
Республики Узбекистан

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ЗАКОННОСТИ ПРИ АВТОМАТИЗИРОВАННОМ ВЫЯВЛЕНИИ НАРУШЕНИЙ АВТОРСКИХ ПРАВ

Аннотация. *Ишда муаллифлик ва турдош ҳуқуқлар бузилишини автоматлаштирилган тарзда аниқлаш тизимларини қўллашда исботлаш юкини тақсимлаш муаммоси тадқиқ этилади. Алгоритмик солиштириш натижалари асосида чеклов чораларининг автоматик қўлланилиши исботлашнинг норматив моделини амалда тескари ўзгартиришга ҳамда рад этиш юкини қонунда белгиланган тартибдан ташқари фойдаланувчи зиммасига ўтказишга олиб келиши кўрсатилган. Муаллиф томонидан муаллифлик ҳуқуқлари бузилишини автоматлаштирилган аниқлашда қонунийликнинг ҳуқуқий кафолатларини белгилаш ҳамда уларни Ўзбекистон Республикаси қонунчилигида мустаҳкамлаш механизмини таклиф этишга ҳаракат қилинган. «Муаллифлик ҳуқуқи ва турдош ҳуқуқлар тўғрисида»ги Қонунни 63¹-модда билан тўлдириш юзасидан таклиф шакллантирилган.*

Аннотация. *В работе исследуется проблема распределения бремени доказывания при применении автоматизированных систем выявления нарушений авторских и смежных прав. Показано, что автоматическое применение ограничительных мер по результатам алгоритмического сопоставления приводит к фактической инверсии нормативной модели доказывания и переносу бремени опровержения на пользователя вне установленной законом процедуры. Автором предпринята попытка определить правовые гарантии законности при автоматизированном выявлении нарушений авторских прав и предложить механизм их закрепления в законодательстве Республики Узбекистан. Сформулировано предложение о дополнении Закона «Об авторском праве и смежных правах» статьёй 63¹.*

Abstract. *The paper examines the allocation of the burden of proof in the operation of automated systems for detecting infringements of copyright and related*

rights. It demonstrates that the automatic application of restrictive measures based on algorithmic content matching results in a de facto inversion of the statutory model of proof, shifting the burden of rebuttal onto the user outside any procedure established by law. The author attempts to define legal safeguards of legality in the automated detection of copyright infringements and to propose a mechanism for their incorporation into the legislation of the Republic of Uzbekistan. An amendment to the Law "On Copyright and Related Rights" introducing Article 63¹ is proposed.

Калит сўзлар: *муаллифлик ҳуқуқи; турдош ҳуқуқлар; ҳуқуқбузарликларни автоматлаштирилган аниқлаш; алгоритмик ҳуқуқни қўллаш; исботлаш юки; қонунийлик; сунъий интеллект; рақамли далиллар.*

Ключевые слова: *авторское право; смежные права; автоматизированное выявление нарушений; алгоритмическое правоприменение; бремя доказывания; законность; искусственный интеллект; цифровые доказательства.*

Keywords: *copyright; related rights; automated infringement detection; algorithmic enforcement; burden of proof; legality; artificial intelligence; digital evidence.*

Защита авторских и смежных прав в интернете всё чаще осуществляется не людьми, а программами. Платформы применяют автоматизированные системы выявления нарушений: каждый загружаемый пользователем файл такая система сравнивает с базой охраняемых произведений по их «цифровым отпечаткам» — уникальным характеристикам звука, изображения или текста. Явление приобрело юридическое значение в силу своего масштаба: решение об ограничении доступа к контенту, о приостановлении монетизации или о санкциях к учётной записи часто система принимает самостоятельно, без участия человека и до какого-либо разбирательства.

Классическая модель защиты авторских прав построена иначе. Факт нарушения устанавливает правоприменитель по итогам состязательной процедуры: правообладатель доказывает, что право принадлежит ему и что произведение использовано, а предполагаемый

нарушитель — что использование было правомерным[1]. Автоматизированное выявление переворачивает эту модель. Алгоритм фиксирует совпадение, система немедленно применяет ограничительную меру, и только после этого пользователь может возражать — причём не перед судом или государственным органом, а перед той же платформой, которая его ограничила.

Формально правила распределения бремени доказывания не менялись. Фактически же доказывать свою правоту теперь должен пользователь — и уже после применённого к нему ограничения. Между нормативной моделью и реальной практикой возник разрыв, не охваченный действующим правовым регулированием. Это создаёт системный риск для законности: мера, по содержанию равная мере ответственности, применяется вне установленной законом процедуры и вне государственного контроля[2]. В отечественной литературе обоснована необходимость внедрения платформенных механизмов оперативного реагирования на нарушения[3]; предлагаемый материал рассматривает проблему с точки зрения обратной стороны этого процесса: о гарантиях законности при применении таких механизмов.

Пределы доказательственного значения результата работы алгоритма. Прежде чем давать автоматизированному выявлению юридическую оценку, нужно понимать, что умеет алгоритм. Ответ простой: алгоритм находит совпадения. Система фиксирует тождество или существенное сходство фрагментов сравниваемых объектов — и

[1]Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 января 2018 года, статья 72 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: https://lex.uz/docs/3517334

[2]Perel M., Elkin-Koren N. Accountability in Algorithmic Copyright Enforcement // Stanford Technology Law Review. 2016. Vol. 19. P. 473–533; о постановке проблемы цифровой защиты авторских прав в отечественной литературе см.: Рузиев Р.Д., Муракаева З.И. Охрана и защита авторских прав в свете глобальной цифровизации // Актуальные вопросы и перспективы цифровизации судебно-правовой деятельности. Ташкент, 2022. С. 152–158. URL: https://inlibrary.uz/index.php/combating-offenses/article/view/14436

[3]Очилова Д. Правовое регулирование авторских прав в социальных сетях: зарубежный опыт и перспективы адаптации в Узбекистане // Общество и инновации. 2025. Т. 6, № 4/S. С. 378–386. DOI: 10.47689/2181-1415-vol6-iss4/S-pp378-386

не более того. Результатом работы является констатация факта использования произведения или его части. Но для нарушения одного этого факта мало: использование становится нарушением, только если у него нет правового основания — лицензионного договора, согласия правообладателя или одного из случаев свободного использования, предусмотренных статьями 24–33 Закона «Об авторском праве и смежных правах»[1].

Эти основания алгоритм проверить не способен в принципе. Лицензия может быть выдана вне платформы и в базы системы не включена. Цитирование в научных, учебных или информационных целях требует оценки цели, объёма и контекста использования. Пародия предполагает суждение о характере переработки. Например: преподаватель включает в видеолекцию минутный фрагмент фильма для учебного разбора. Это законная цитата, но система видит лишь совпадение с охраняемым фильмом — и блокирует лекцию. Совпадение технически достоверно, однако юридически нейтрально: оно в равной мере присутствует и в нарушении, и в правомерном использовании.

Отсюда следует типология ложных срабатываний автоматизированных систем, имеющая юридическое значение: 1) ошибочная идентификация — совпадение зафиксировано в отношении объекта, не являющегося охраняемым произведением либо принадлежащего иному лицу; 2) игнорирование правового основания — использование осуществлено по лицензии или с согласия правообладателя, не известных системе; 3) игнорирование свободного использования — использование охватывается установленными законом изъятиями из исключительного права; 4) ошибочная атрибуция правообладателя — мера применена в пользу лица,

[1]Закон Республики Узбекистан от 20 июля 2006 года № ЗРУ-42 «Об авторском праве и смежных правах» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: https://lex.uz/docs/1023494

включившего объект в эталонную базу без достаточных оснований[1]. Лишь первый тип — ошибка в техническом смысле; в остальных трёх случаях система отработала корректно, но привела к юридически неверному результату. Отсюда — главное для понимания проблемы: повышение точности алгоритмов её не устраняет. Дело не в качестве сопоставления, а в том, что автоматизация выдаёт за «установленное» тот элемент состава нарушения, который требует правовой оценки.

Распределение бремени доказывания. Общее правило доказывания сформулировано в статье 72 ГПК: каждая сторона доказывает те обстоятельства, на которые ссылается. В спорах о нарушении авторских прав оно работает так: правообладатель доказывает принадлежность права и факт использования произведения, ответчик — наличие правовых оснований использования. И пока спор не разрешён, никто не применяет никаких принудительных мер: принуждение следует только за судебным актом.

Платформенная модель разрушает это равновесие. Ограничительная мера применяется немедленно по факту алгоритмического совпадения — до и вне какого-либо разбирательства. Тот, кто запустил автоматизированную процедуру (правообладатель или действующий в его интересах оператор), получает принудительный результат, не доказав ни одного элемента состава нарушения. Пользователь же вынужден опровергать состоявшееся обвинение. Складывается не предусмотренная законом фактическая презумпция неправомерности использования. Это описательная конструкция, а не доктринальная презумпция: речь о том, как в реальности, вопреки нормативной модели, распределяются риски и процессуальная активность сторон.

При этом Закон «Об авторском праве и смежных правах» сам разрешает применять для защиты прав технические средства,

[1]Bar-Ziv S., Elkin-Koren N. Behind the Scenes of Online Copyright Enforcement: Empirical Evidence on Notice & Takedown // Connecticut Law Review. 2018. Vol. 50. P. 339–385.

контролирующие доступ к произведениям (статья 63)[1]. Законодатель легализовал технологическую защиту, но не установил никаких гарантий для тех, к кому она применяется: норма обращена лишь к интересам правообладателя. Асимметрия, описанная выше, заложена и на нормативном уровне — регулирование защищает инструмент, не предусматривая для него противовеса.

Из этой асимметрии следует вывод: для стороны, воспользовавшейся автоматическим принуждением, доказательственный стандарт должен быть повышен. Если правообладатель добился ограничения досудебно, без проверки правомерности использования, то в последующем судебном споре именно он доказывает не только факт использования, но и его неправомерность. Общее правило статьи 72 ГПК при этом не ломается, а уточняется. После автоматической фиксации совпадения факт использования спорным быть перестаёт — единственное обстоятельство, на которое реально ссылается правообладатель, это само нарушение, то есть неправомерность. Похожая логика давно известна институту обеспечительных мер: заявитель, добившийся предварительного ограничения чужих прав, несёт повышенный риск — вплоть до ответственности за убытки, если его право не подтвердится. Автоматическая блокировка действует на пользователя как обеспечительная мера, но применённая без всякого судебного контроля, — тем больше оснований возлагать на её инициатора строгие доказательственные последствия.

Автоматизированное выявление нарушений и требование законности. Перенос ограничительных мер в частную автоматизированную процедуру означает, что воздействие, равное по содержанию мере ответственности, применяется без решения суда или уполномоченного органа — вне установленного законом порядка. В

[1]Закон Республики Узбекистан от 20 июля 2006 года № ЗРУ-42 «Об авторском праве и смежных правах», статья 63.

доктрине это описывают как слияние в алгоритмических системах платформ двух функций, которые традиционно разделены и подчинены публичному контролю, — правоприменения и разрешения споров[1]. Эмпирические исследования подтверждают: без правового надзора такие процедуры систематически блокируют правомерный контент и используются недобросовестно[2].

Национальное право Узбекистана содержит исходную опору для решения проблемы. Этические правила создания, внедрения и использования решений на основе искусственного интеллекта (зарегистрированы Министерством юстиции 14 марта 2026 года; на момент подготовки материала еще не вступили в силу) закрепляют два требования: системы ИИ работают под контролем человека, а юридически значимые решения не могут приниматься исключительно на основе ИИ[3]. Но это принципы — механизма их реализации в отношениях между оператором системы, правообладателем и пользователем пока нет. Образец такого механизма известен из сравнительного права: статья 17(9) Директивы (ЕС) 2019/790 обязывает платформы создать действенную процедуру рассмотрения жалоб, в которой решения об удалении контента проверяет человек[4]. Наконец, ГПК выделяет цифровые доказательства в особую категорию и устанавливает условия их представления, осмотра и исследования (статьи 89¹–89⁴)[5] — готовая база для требований к проверяемости данных автоматизированных систем. Задача состоит не в создании нового правового режима, а в достройке действующего: принцип

[1]Perel M., Elkin-Koren N. Указ. соч. P. 478–484.
[2]Bar-Ziv S., Elkin-Koren N. Указ. соч.
[3]Этические правила создания, внедрения и использования решений на основе искусственного интеллекта: утв. приказом министра цифровых технологий Республики Узбекистан (рег. № 3787 от 14 марта 2026 года). URL: https://lex.uz/docs/8083233. *На момент подготовки тезисов документ не вступил в силу.*
[4]Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market // OJ L 130, 17.05.2019. P. 92–125. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj
[5]Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан, статьи 89¹–89⁴.

человеческого контроля из законодательства об ИИ необходимо соединить с конкретными гарантиями в законе об авторском праве и с доказательственными правилами процессуального закона.

Вышеизложенное приводит к трём положениям, которые в совокупности образуют систему правовых гарантий законности при автоматизированном выявлении нарушений авторских прав.

Во-первых, применение по результатам автоматизированного выявления предполагаемого нарушения мер, ограничивающих доступ к контенту или права пользователя, должно признаваться правомерным лишь при условии обеспечения пользователю права на рассмотрение его возражения человеком — уполномоченным представителем оператора системы — с вынесением мотивированного решения в установленный срок. Несоблюдение этого условия должно влечь ответственность оператора за неправомерное ограничение.

Во-вторых, данные автоматизированной системы выявления подлежат оценке как доказательство факта использования произведения либо его фрагмента, но не как доказательство неправомерности такого использования. Лицо, по инициативе которого применено автоматическое ограничение, при последующем судебном споре доказывает неправомерность использования; ссылка на результат работы автоматизированной системы от этого бремени не освобождает.

В-третьих, отчёты автоматизированных систем могут использоваться в доказывании при условии раскрытия сведений, позволяющих проверить их достоверность: о применённом методе сопоставления, версии системы, составе и происхождении эталонной базы, обеспечении неизменности зафиксированных данных. Отсутствие возможности такой проверки должно учитываться судом при оценке доказательства.

В порядке реализации изложенного предлагается дополнить Закон «Об авторском праве и смежных правах» статьёй 63[1] «Гарантии

законности при применении автоматизированных систем выявления нарушений» следующего содержания:

«Применение технических средств, предусмотренных статьёй 63 настоящего Закона, в автоматизированном режиме, влекущее ограничение доступа к произведению или объекту смежных прав либо иное ограничение прав лица, разместившего их, допускается при условии обеспечения такому лицу права на рассмотрение его возражения человеком с вынесением мотивированного решения в срок, установленный законодательством. Нарушение этого условия влечёт ответственность оператора автоматизированной системы за неправомерное ограничение.

Данные автоматизированной системы подтверждают факт использования произведения или объекта смежных прав, но не неправомерность такого использования. Лицо, по инициативе которого применено автоматическое ограничение, при споре доказывает неправомерность использования.

Данные автоматизированной системы используются в доказывании при условии раскрытия сведений о применённом методе сопоставления, версии системы, составе эталонной базы и обеспечении неизменности зафиксированных данных».

Предлагаемая статья согласуется с действующей системой регулирования: она уравновешивает статью 63 Закона, опирается на принцип человеческого контроля, закреплённый законодательством об искусственном интеллекте, и развивает применительно к рассматриваемой сфере положения статей 89^{1}–89^{4} ГПК о цифровых доказательствах. Полная реализация предложенной модели потребует в дальнейшем согласованной корректировки смежных нормативно-правовых актов, включая гражданское процессуальное законодательство и законодательство в сфере искусственного интеллекта, что составляет предмет самостоятельного исследования.

НУРИДУЛЛАЕВ
АСЛИДДИН АҲРОРОВИЧ
Ўзбекистон Республикаси Жамоат хавфсизлиги университети “Давлат-ҳуқуқий фанлар ва инсон ҳуқуқлари” кафедраси бошлиғи, юридик фанлар доктори, доцент

САФАРОВ ЖАХОНГИР
ИСМОИЛОВИЧ
Ўзбекистон Республикаси Жамоат хавфсизлиги университети “Давлат-ҳуқуқий фанлар ва инсон ҳуқуқлари” кафедраси профессори, юридик фанлар доктори, доцент

РАҚАМЛИ ДАВРДА ҚОНУН УСТУВОРЛИГИ ВА ИНСОН ҲУҚУҚЛАРИ МУТАНОСИБЛИГИНИ ТАЪМИНЛАШНИНГ ДОЛЗАРБ МАСАЛАЛАРИ

Аннотация: *Мазкур мақолада рақамли трансформация шароитида қонун устуворлигини таъминлаш ва инсон ҳуқуқларини ҳимоя қилишнинг долзарб муаммолари таҳлил қилинади. Сунъий интеллект, катта ҳажмли маълумотлар ва оммавий назорат технологияларининг инсон эркинликларига таъсири ўрганилган. Мақолада хавфсизлик ва шахсий ҳаёт дахлсизлиги ўртасидаги мутаносибликни таъминлаш бўйича ҳуқуқий таклифлар илгари сурилган.*

Калит сўзлар: *Рақамли давр, қонун устуворлиги, инсон ҳуқуқлари, шахсий маълумотлар, сунъий интеллект, рақамли детокс, киберхавфсизлик.*

XXI асрнинг учинчи декадасига келиб, инсоният шиддатли рақамли трансформация жараёнини бошдан кечирмоқда. Сунъий интеллект (AI), биометрик идентификация, катта ҳажмли маълумотлар (Big Data) ва булутли технологиялар иқтисодий ва ижтимоий ҳаётнинг

ажралмас қисмига айланди. Рақамли инновациялар давлат бошқарувини шаффофлаштириш, суд-ҳуқуқ тизимини оптималлаштириш ва миллий хавфсизликни таъминлашда беқиёс имкониятлар яратмоқда.

Бироқ, бу жараён анъанавий ҳуқуқ тизими ва “қонун устуворлиги” (Rule of Law) концепцияси олдига ҳам жиддий чақириқларни қўймоқда, десак бу ҳам айни ҳақиқат. Хусусан, кибермаконда давлатнинг назорат функциялари кенгайиши, алгоритмик тизимларнинг инсон ҳаётига оид қарорлар қабул қилиши ва глобал технологик корпорацияларнинг монополияси инсоннинг фундаментал ҳуқуқ ва эркинликларини янгича таҳдидлар остида қолдирмоқда.

Шу сабабли, рақамли даврда инновацияларни рағбатлантириш, давлат хавфсизлигини таъминлаш ва инсон қадр-қимматини муҳофаза қилиш ўртасидаги оптимал мутаносибликни, мувозанатни топиш замонавий ҳуқуқшунослликнинг энг устувор вазифаси ҳисобланади.

Рақамли маконда қонун устуворлиги концепцияси нафақат жисмоний дунёдаги қонунларнинг виртуал муҳитга кўчирилишини, балки инсон ҳуқуқларини рақамли таҳдидлардан ҳимоя қилувчи янги ҳуқуқий институтларнинг яратилишини талаб этади. Умуман олганда, таҳлиллар бугунги кунда ушбу соҳада учта асосий зиддият кузатилаётганини кўрсатмоқда:

Биринчи муаммо – шахсий маълумотлар дахлсизлиги. Рақамли технологиялар яратаётган кенг имкониятлар бузғунчи кучлар, жиноят олами вакиллари қўлида жиноятни содир этишни енгиллаштирувчи муҳим омил бўлиб хизмат қилмоқда. Натижада фуқароларнинг рақамли излари ва шахсий маълумотларини ноқонуний йиғиш ҳамда қайта ишлаш хавфи тобора ортиб бормоқда.

Ўзбекистон Республикаси Конституциявий судининг 2025 йилда мамлакатдаги конституциявий қонунийликнинг ҳолати тўғрисида ахборотида ҳам ушбу масалага тўхталиниб, “ижтимоий тармоқларда

интернет-фирибгарликнинг янги шакллари, айниқса, тиббиётда сертификатдан ўтмаган дорилар, даволаш хизматлари ва таркиби номаълум биологик фаол қўшимчаларни давлат органлари номидан сохта хабарлар ёрдамида тарқатиш ҳолатлари ортиб бораётганлиги" ҳақида хавотирлар билдирилди.

Умуман олганда, экспертларнинг ҳисоб-китобларига кўра, дунё миқёсида кибержиноятлардан кўриладиган йиллик молиявий зарар миқдори рекорд даражага – 10,5 триллион АҚШ долларига етди. Бу рақам рақамли хавфсизликни таъминлаш давлатлар учун нақадар устувор вазифа эканини яна бир карра тасдиқлайди.

Ёки бўлмаса, IBM ва Verizon каби йирик ташкилотларининг сўнгги ҳисоботларига кўра, дунёда битта маълумотлар сизиб чиқиши (data breach) ҳодисасининг ўртача глобал қиймати 4,44 миллион долларни (АҚШда – 10,22 миллион долларни) ташкил этмоқда. Энг ачинарлиси, ушбу глобал киберҳужумлар натижасида ҳар йили юзлаб миллион инсонларнинг шахсий, молиявий ва тиббий маълумотлари жиноятчилар қўлига ўтиб кетмоқда, бу эса, инсоннинг шахсий ҳаёт дахлсизлиги ҳуқуқини бутунлай йўққа чиқармоқда.

Шу боис ҳам бугунги кунда бутун дунёда фуқароларнинг шахсий маълумотларни ҳимоя қилишга оид махсус қонунчиликни шакллантириш ва мустаҳкамлаш бўйича ишлар жадаллашмоқда.

Иккинчи муаммо – давлат хавфсизлиги ва шахсий ҳаёт дахлсизлиги тўқнашуви. Замонавий давлатлар терроризм, кибержиноятчилик ва ижтимоий тартибсизликларга қарши курашиш мақсадида оммавий назорат (mass surveillance) тизимларидан кенг фойдаланмоқда. Кўчалардаги юзни танувчи (Face Recognition) камералар, телефон сўзлашувлари ва мессенжерларни мониторинг қилиш тизимлари фуқароларнинг шахсий ҳаётига доир маълумотларнинг чексиз тўпланишига олиб келмоқда. Бизнес тузилмалар ва давлат идоралари томонидан инсоннинг рақамли профили (Digital Profiling) яратилмоқда. Бу эса Инсон ҳуқуқлари

умумжаҳон декларациясининг 12-моддасида мустаҳкамланган “ҳеч кимнинг шахсий ва оилавий ҳаётига ўзбошимчалик билан аралашилиши мумкин эмас” деган принципнинг амалда заифлашишига олиб келмоқда.

Бу борада Гарвард университети профессори Шошана Зубофф (Shoshana Zuboff) ўзининг “Кузатув капитализми даври” (The Age of Surveillance Capitalism) номли асарида таъкидлашича, “замонавий рақамли платформалар инсон хулқ-атворини назорат қилиш ва башорат қилиш орқали уни товар сифатида сотмоқда”. Унинг фикрича, бу жараён “инсоннинг автоном қарор қабул қилиш эркинлигини (суверенитетини) йўққа чиқаради”. Қонун устуворлиги мана шундай “рақамли кузатув” шароитида инсонни фақат давлатдан эмас, балки трансмиллий технологик корпорациялардан ҳам ҳимоя қилиши лозим.

Колумбия университети профессори ва киберҳуқуқ бўйича эксперт Тим Ву (Tim Wu) давлат хавфсизлигини таъминлаш фуқаролар устидан оммавий кузатув ўрнатилиши учун асос бўла олмайди, деб ҳисоблайди. Унинг фикрича, инновациялар инсон эркинлигини бўғишга эмас, балки уни кенгайтиришга хизмат қилиши керак. У давлат ва йирик IT-компаниялар ўртасида кучлар мутаносиблигини сақлаш учун антимонопол қонунчиликни рақамли маконга мослаштиришни ва инсоннинг диққат-эътиборини сунъий манипуляциялардан ҳимоя қилишни таклиф этади.

Учинчи муаммо – алгоритмик камситиш (дискриминация) ва сунъий интеллект хатолари. Бугунги кунда суд тизимларида, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органларда ва бандлик соҳасида сунъий интеллект алгоритмларидан фойдаланилмоқда. Бироқ, AI тизимлари ўзига юкланган тарихий маълумотлар асосида ўқигани сабабли, уларда инсонга хос бўлган нохолислик ва дискриминация (ирқий, жинсий, ижтимоий белгилар бўйича) сақланиб қолади. Бу инсоннинг одил судловга бўлган ҳуқуқини ва камситилмаслик кафолатларини бузади.

Алгоритмнинг қарори устидан шикоят қилишнинг ҳуқуқий механизмлари эса ҳали тўлиқ шаклланмаган.

Бу борада машҳур математик ва маълумотлар таҳлилчиси Кэти О'Нил (Cathy O'Neil) “Оммавий қирғин қуроллари: Маълумотлар инсонни қандай камситади” (Weapons of Math Destruction) китобида алгоритмларнинг мутлақо холис эмаслигини исботлаб берган. Олимнинг фикрича, “сунъий интеллект тизимлари жамиятдаги мавжуд ижтимоий тенгсизлик ва стереотипларни янада кучайтиради. Шаффоф бўлмаган алгоритмлар томонидан қабул қилинган қарорлар инсоннинг одил судловга ва тенг ҳуқуқлиликка бўлган ҳуқуқларини бевосита хавф остига қўяди”.

Шу ўринда таъкидлаш лозимки, дунёда алгоритмик хатолар туфайли қонун бузилиши ҳолатлари сони ҳам йилдан-йилга ўсиб бормоқда. Масалан, фақатгина Европа Иттифоқида охирги йилларда йирик технологик корпорацияларга 7,1 миллиард евродан ортиқ жарима солингани ҳам ушбу муаммонинг кўламини кўрсатиб беради.

Тўртинчи муаммо – рақамли тенгсизлик ва “ижтимоий рейтинг” хавфи. Технологияларнинг ривожланиши жамиятни рақамли саводхон ва саводсиз қатламларга ажратмоқда. Давлат хизматларининг тўлиқ рақамлаштирилиши интернет ёки замонавий қурилмаларга эга бўлмаган (айниқса, чекка ҳудудлардаги) фуқароларнинг давлат бошқаруви ва ижтимоий неъматлардан фойдаланиш ҳуқуқларини чеклаб қўймоқда. Бундан ташқари, баъзи давлатларда жорий этилаётган “ижтимоий рейтинг” тизимлари инсоннинг рақамли хулқ-атворига қараб унинг ҳуқуқларини (кредит олиш, саёҳат қилиш, таълим олиш) чеклаши, қонун устуворлигини авторитар назорат воситасига айлантириб қўйиш хавфини келтириб чиқармоқда.

Оксфорд университети профессори, рақамли этика бўйича дунёдаги энг етакчи мутахассислардан бири Лучано Флориди (Luciano Floridi) инсоннинг рақамли макондаги мавжудлигини ифодалаш учун “Onlife” концепциясини таклиф этади. Унинг фикрича, “виртуал ва

реал ҳаёт чегаралари йўқолган даврда инсоннинг рақамли дахлсизлиги унинг биологик дахлсизлиги каби муҳимдир. Шахсий маълумотлар – бу инсоннинг мулки эмас, балки унинг шахсияти ва қадр-қимматининг ажралмас қисмидир (информацион эмбодимент). Шу боисдан, маълумотлар дахлсизлигини бузиш инсон қадр-қимматига қилинган ҳужум сифатида баҳоланиши керак”.

Бешинчи муаммо – ҳуқуқий бўшлиқлар, яъни технологик инновациялар тезлиги қонунчиликнинг янгиланиш суръатидан сезиларли даражада илгарилаб кетмоқда. Бу эса, қонунчиликнинг амалиётдан ортда қолишига сабаб бўлмоқда.

Шу билан бирга рақамли даврда инсон ҳуқуқлари контурлари кенгайиб, ҳуқуқшуносликка “тўртинчи авлод инсон ҳуқуқлари” ёки “рақамли ҳуқуқлар” тушунчаси кириб келмоқда. Инсон қадр-қимматини виртуал маконда ҳимоя қилиш учун қуйидаги ҳуқуқларни қонун даражасида тан олиш давр талабидир:

1) унутилиш ҳуқуқи (Right to be forgotten) – фуқаронинг интернет қидирув тизимларидан ўзи ҳақидаги эскирган, нотўғри ёки шахсий ҳаётига оид ортиқча маълумотларни ўчириб ташлашни талаб қилиш ҳуқуқи;

2) рақамли детокс ва оффлайн бўлиш ҳуқуқи (Right to disconnect) – шахснинг ишдан ташқари вақтда рақамли алоқа воситаларидан фойдаланмаслик, доимий назоратда бўлмаслик ҳуқуқи;

3) алгоритмик шаффофликни талаб қилиш ҳуқуқи – ҳар бир инсон ўзига нисбатан бирон-бир давлат органи ёки тизим томонидан сунъий интеллект асосида қарор қабул қилинганда, ушбу қарорнинг мантиқи ва қандай омилларга асосланганини билиш ҳуқуқига эга бўлиши шарт;

4) анонимлик (шифрланиш) ҳуқуқи – кибермаконда сўз эркинлиги ва шахсий хавфсизликни таъминлаш учун фуқароларнинг ўз шахсини яшириш ва хабарларини шифрланган ҳолда узатиш ҳуқуқи кафолатланиши лозим.

Хавфсизликни таъминлаш инновацияларни бутунлай тақиқлаш ёки инсон ҳуқуқларини топташ эвазига бўлмаслиги керак. Бунинг учун Европа Иттифоқининг “Шахсий маълумотларни ҳимоя қилиш умумий регламенти” (GDPR) ва “Сунъий интеллект тўғрисидаги акти” (EU AI Act) каби илғор халқаро тажрибаларни миллий қонунчиликка имплементация қилиш зарур.

Юқоридаги ҳужжатларни ўрганиш ушбу соҳада бир қатор устувор принциплар белгиланганлигини кўрсатмоқда. Хусусан, мутаносиблик принципи асосий принциплардан бўлиб, у давлат хавфсизлик мақсадида инсоннинг рақамли ҳуқуқларини фақат қонунда аниқ кўрсатилган ҳолларда, суд қарори билан ва юзага келган таҳдидга мос равишдагина чеклаши мумкинлиги, оммавий ва узлуксиз яширин назорат тақиқланиши шартлигини белгилайди.

Яна бир муҳим принцип тизим бошиданоқ шахсий дахлсизликка асосланиши лозимлиги (Privacy by Design) принципи бўлиб, унга кўра, ҳар қандай янги рақамли платформа, давлат хизмати ёки инновацион дастур яратилаётган босқичидаёқ унда инсон маълумотларини ҳимоя қилиш функцияси автоматлаштирилган бўлиши керак.

Бу борадаги яна бир асосий принцип сифатида суд назоратининг устуворлиги ҳақида ҳам тўхталиб ўтиш зарур. Ушбу принцип рақамли далилларни йиғиш, киберқидирув тадбирларини ўтказиш ва фуқароларнинг қурилмаларини масофадан текшириш фақат суд санкцияси асосида амалга оширилиши ва тизимни суиистеъмолликдан асровчи бошқа механизмларни қўллашни назарда тутади.

Юқоридагилар асосида Ўзбекистон Республикасида рақамли даврда қонун устуворлигини мустаҳкамлаш мақсадида қуйидаги чораларни амалга оширишни таклиф этамиз:

биринчидан, ягона Рақамли кодексни ишлаб чиқиш, мазкур кодексда нафақат электрон тижорат ёки IT-тадбиркорлик, балки инсоннинг рақамли ҳуқуқлари, уларнинг бузилиши учун давлат ва хусусий секторнинг жавобгарлиги аниқ белгилаш мақсадга мувофиқ;

иккинчидан, сунъий интеллект устидан жамоатчилик ва ҳуқуқий аудит тизимини яратиш, яъни давлат бошқаруви ва ҳуқуқни муҳофаза қилишда қўлланиладиган барча алгоритмларни инсон ҳуқуқларига мослиги бўйича мустақил экспертизадан ўтказиш тартибини йўлга қўйиш мақсадга мувофиқ;

учинчидан, янги таҳрирдаги Конституциянинг 31-моддасида белгиланган шахсий ҳаётнинг дахлсизлиги ҳуқуқи кафолатларини яратиш мақсадида ҳозирги сунъий интеллект технологиялари жадал ривожланаётган шароитда мазкур конституциявий ҳуқуқни таъминлаш мақсадида барча давлат органлари фаолиятини шахсий ҳаёт дахлсизлиги нуқтаи назаридан аудитдан (“privacy audit”) ўтказиш мақсадга мувофиқ;

тўртинчидан, Шахсий маълумотларни ҳимоя қилиш бўйича Омбудсман ташкил этиш масаласини кўриб чиқиш вақти келди, унинг зиммасига давлат идоралари томонидан ҳам фуқароларнинг маълумотлари ноқонуний тўпланиши ёки сизиб чиқиши (data leak) ҳолатларини мустақил текшириш ваколатини тақдим этиш мақсадга мувофиқ;

бешинчидан, судлар ва ҳуқуқшуносларнинг рақамли малакасини ошириш ҳам долзарб вазифага айланиб бормоқда, бу борада “Рақамли ҳуқуқ” (Digital Law) йўналишида юристлар ва судьяларни тайёрлаш, уларга блокчейн, смарт-контрактлар ва кибердалиллар билан ишлаш услубларини ўргатиш тизимини йўлга қўйиш таклиф этилади.

Хулоса қилиб айтганда, пақамли даврда қонун устуворлиги – бу технологияларнинг ривожланишини чеклаш эмас, балки уларни инсон қадр-қиммати, ҳуқуқлари ва эркинликлари атрофида тартибга солиш демакдир. Ҳеч бир инновация ёки хавфсизлик важи инсоннинг шахсий ҳаёти, эркинлиги ва тенглигини йўққа чиқаришга асос бўла олмайди. Хавфсизлик ва инновациялар фақат инсон ҳуқуқлари устувор бўлган демократик ҳуқуқий давлат доирасида ривожлангандагина жамият учун ҳақиқий фаровонлик олиб келади.

ОДИЛОВ НОРДИРБЕК
ОДИЛ ЎҒЛИ
Ўзбекистон Республикаси
ИИВ Малака ошириш институти
“Махсус-касбий фанлар” кафедраси
катта ўқитувчиси

ЗАМОНАВИЙ РАҚАМЛИ МАКОНДА ҚОНУНИЙЛИКНИ ТАЪМИНЛАШНИНГ ДОЛЗАРБ МАСАЛАЛАРИ: ИННОВАЦИЯ, ИНСОН ҲУҚУҚЛАРИ ВА ХАВФСИЗЛИК

Аннотация: *Мазкур мақолада рақамли трансформация шароитида қонунийликни таъминлашнинг илмий-назарий ва амалий жиҳатлари чуқур таҳлил қилинган. Рақамли давлат бошқаруви тизимининг ривожланиши, инновацион технологияларнинг жорий этилиши ҳамда инсон ҳуқуқлари ва ахборот хавфсизлиги ўртасидаги ўзаро боғлиқлик масалалари ёритилган. Шунингдек, киберхавфсизликка оид таҳдидлар, ҳуқуқий тартибга солишдаги муаммолар ва уларни бартараф этиш бўйича илмий асосланган таклифлар ишлаб чиқилган.*

Калит сўзлар: *рақамли давлат, қонунийлик, инсон ҳуқуқлари, киберхавфсизлик, ахборот хавфсизлиги, электрон ҳукумат, инновация, ҳуқуқий тартибга солиш, рақамли трансформация, шахсий маълумотлар.*

Кириш: Ҳозирги глобаллашув ва рақамлашув жараёнлари жамият ҳаётининг барча соҳаларига чуқур таъсир кўрсатмоқда. Ахборот технологияларининг шиддатли ривожланиши давлат бошқаруви, иқтисодиёт, таълим, соғлиқни сақлаш ва ҳуқуқий тизимларда янги имкониятлар яратмоқда. Ўзбекистон Республикасида ҳам рақамли иқтисодиётни ривожлантириш, давлат хизматларини рақамлаштириш ва электрон ҳукумат тизимини такомиллаштириш давлат сиёсатининг устувор йўналишларидан бири сифатида белгиланган.

Бироқ рақамли муҳитнинг кенгайиши билан бирга янги ҳуқуқий муаммолар ҳам юзага келмоқда. Жумладан, шахсий маълумотларни ҳимоя қилиш, кибержиноятчиликнинг олдини олиш, фуқароларнинг ахборотга бўлган ҳуқуқларини таъминлаш ва рақамли назорат воситаларидан фойдаланишда инсон ҳуқуқларига риоя қилиш каби масалалар долзарб аҳамият касб этмоқда. Шу нуқтаи назардан, рақамли маконда қонунийликни таъминлаш мураккаб ва кўп қиррали ҳуқуқий жараён ҳисобланади.

Асосий қисм: Рақамли маконда қонунийликни таъминлаш аввало мустаҳкам ва изчил ҳуқуқий базага таянади. Ўзбекистон Республикаси Конституциясида ҳар бир фуқаронинг шахсий ҳаёти дахлсизлиги, ахборотдан эркин фойдаланиш ҳуқуқи ҳамда давлат ҳимояси кафолатланган бўлиб, ушбу нормалар рақамли муҳитда ҳам тўлиқ амал қилади. Шунингдек, “Ахборотлаштириш тўғрисида”, “Шахсий маълумотлар тўғрисида”, “Электрон ҳукумат тўғрисида”ги қонунлар рақамли муносабатларни ҳуқуқий жиҳатдан тартибга солишда асосий ҳуқуқий пойдевор вазифасини бажаради. Ушбу қонунлар орқали ахборот ресурсларидан фойдаланиш тартиби, давлат органларининг электрон хизматлари, фуқаролар маълумотларини қайта ишлаш ва сақлаш қоидалари аниқ белгилаб берилган.

Амалиётда рақамли технологияларни жорий этиш натижасида давлат бошқаруви тизимида туб сифат ўзгаришлар рўй бермоқда. Хусусан, “Ягона интерактив давлат хизматлари портали” орқали фуқаролар уйдан чиқмасдан туриб бир қатор давлат хизматларидан фойдаланиш имкониятига эга бўлди. Масалан, солиқ тўловлари, паспорт тизими билан боғлиқ хизматлар, лицензия ва рухсатномаларни олиш, иш стажини текшириш каби жараёнлар тўлиқ электрон шаклга ўтказилди. Бу эса нафақат вақт ва маблағни тежаш, балки инсон омилини камайтириш орқали коррупциявий хавфларни ҳам сезиларли даражада қисқартириш имконини берди. Шу нуқтаи назардан, рақамли

давлат бошқаруви қонунийлик, шаффофлик ва самарадорликни таъминловчи муҳим механизм сифатида намоён бўлмоқда.

Бироқ рақамли муҳитнинг кенгайиши билан бир қаторда киберхавфсизлик билан боғлиқ таҳдидлар ҳам кучайиб бормоқда. Амалиётда банк карталаридан ноқонуний пул ечиб олиш, фуқароларнинг ижтимоий тармоқлардаги шахсий маълумотларини рухсатсиз тарқатиш, фишинг ҳужумлари орқали логин ва паролларни ўғирлаш, зарарли дастурлар ёрдамида тизимларга кириб бориш каби ҳолатлар кўпаймоқда. Масалан, баъзи ҳолатларда фуқароларга банк ёки давлат органлари номидан келган сохта ҳаволалар орқали уларнинг шахсий маълумотлари қўлга киритилмоқда. Бу эса давлат органларидан замонавий киберхавфсизлик тизимларини янада кучайтириш, рақамли инфратузилмани доимий равишда модернизация қилиш ва тезкор реакция механизмларини жорий этишни талаб этмоқда.

Шу нуқтаи назардан, Тошкент шаҳрида жорий этилган “Хавфсиз шаҳар” тизими амалиётда рақамли технологияларнинг самарали қўлланилишига яққол мисол бўлади. Ушбу тизим орқали кўчалар, йўллар ва жамоат жойларида видеокузатувлар ўрнатилиб, ҳуқуқбузарликлар автоматик тарзда қайд этилади ҳамда тезкор равишда тегишли хизматларга етказилади. Масалан, йўл-транспорт ҳодисаси содир бўлган ҳолатда камералар орқали воқеа тезкор аниқланиб, қутқарув ва ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар зудлик билан ҳаракат қилади. Шунингдек, жамоат жойларидаги безорилик ёки ўғирлик ҳолатлари ҳам қисқа вақт ичида фош этилаётгани рақамли мониторинг тизимининг амалдаги ижобий натижасидир.

Бироқ инновацион технологияларни жорий этиш инсон ҳуқуқлари билан мутаносиб равишда амалга оширилиши шарт. Масалан, видеокузатув тизимлари жамоат хавфсизлигини таъминлашга хизмат қилса-да, улар шахсий ҳаёт дахлсизлигини бузмаслиги керак. Шу сабабли ҳар қандай рақамли назорат воситалари

қонунчиликка қатъий асосланган ҳолда, аниқ чекловлар ва назорат механизмлари билан қўлланилиши зарур. Шунингдек, фуқаролар қайси маълумотлари қай тарзда тўпланаётгани, ким томонидан ва қандай мақсадда қайта ишланаётгани ҳақида хабардор бўлиш ҳуқуқига эга бўлиши керак.

Рақамли муҳитда инсон ҳуқуқларини ҳимоя қилиш масаласи тобора мураккаблашиб бормоқда, чунки ахборот интернет тармоғида жуда тез тарқалади ва уни тўлиқ назорат қилиш қийинлашади. Шу боис фуқароларнинг рақамли саводхонлигини ошириш стратегик аҳамият касб этади. Амалиётда кўплаб ҳуқуқбузарликлар фуқароларнинг эҳтиётсизлиги оқибатида юзага келади. Масалан, нотаниш ҳаволаларга кириш, паролларни осон танланиши ёки шахсий маълумотларни ижтимоий тармоқларда ортиқча ошкор қилиш уларни кибержиноятчилар қурбонига айлантиради.

Шунинг учун фуқароларга фишинг ҳаволаларини аниқлаш, икки босқичли аутентификациядан фойдаланиш, шахсий маълумотларни ҳимоя қилиш ва ижтимоий тармоқларда хавфсиз мулоқот қилиш бўйича амалий билимларни кенг тарғиб қилиш муҳимдир. Таълим муассасаларида эса “рақамли ҳуқуқ маданияти”ни шакллантириш, кибергигиена қоидаларини ўргатиш ва ахборот хавфсизлиги бўйича махсус курсларни жорий этиш мақсадга мувофиқ ҳисобланади. Бу эса нафақат ҳуқуқбузарликларнинг олдини олишга, балки жамиятда умумий ҳуқуқий онг ва маданиятни юксалтиришга хизмат қилади.

Бундан ташқари, давлат органлари, маҳалла институти ва нодавлат ташкилотлар ўртасида ҳамкорликни кучайтириш ҳам муҳим аҳамиятга эга. Аҳоли ўртасида мунтазам профилактик суҳбатлар, семинарлар ва тушунтириш ишларини ташкил этиш орқали рақамли хавфсизликка нисбатан масъулиятни ошириш мумкин. Узоқ муддатда бу чоралар кибержиноятчилик даражасини камайтиришга ва рақамли муҳитда қонунийликни мустаҳкамлашга хизмат қилади.

Хулоса: Рақамли маконда қонунийликни таъминлаш замонавий давлатнинг энг муҳим вазифаларидан бири ҳисобланади. Инновацион технологиялар жамият ривожига катта ҳисса қўшаётган бўлса-да, улар инсон ҳуқуқлари ва ахборот хавфсизлиги билан уйғун ҳолда қўлланилиши зарур. Амалдаги таҳлиллар шуни кўрсатадики, рақамли давлат бошқаруви тизими самарадорлиги ошгани сари киберхавфсизлик ва ҳуқуқий тартибга солишга бўлган талаб ҳам кучаймоқда.

Келгусида қонунийликни таъминлаш учун ҳуқуқий базани янада такомиллаштириш, киберхавфсизлик инфратузилмасини модернизация қилиш, давлат органлари ўртасида ахборот алмашинувини оптималлаштириш ва фуқароларнинг рақамли саводхонлигини ошириш устувор вазифалардан бўлиб қолади. Шу орқали инновация, инсон ҳуқуқлари ва хавфсизлик ўртасида барқарор мувозанатни таъминлаш мумкин бўлади.

ODILOV SARDORJON SOBIRJON O‘GLI
Namangan viloyat sudi sudya katta yordamchisi, Odil sudlov akademiyasi mustaqil izlanuvchisi

RAQAMLASHTIRISH DAVRIDA SHAXSIY DAXLSIZLIK HUQUQINI TA’MINLASHNING PROTSESSUAL MEXANIZMLARINI TAKOMILLASHTIRISH ISTIQBOLLARI

Аннотация: *Ушбу мақолада, шахсий дахлсизлик ҳуқуқини таъминлаш тизими тушунчасини таҳлил қилинади ва унинг жиноят процессуал фаолиятидаги аҳамиятини Ўзбекистон Республикаси қонунчилиги контекстида ёритилади. Тадқиқотда миллий қонунчиликдаги (Конституция, Жиноят-процессуал кодекси) нормалар ва халқаро ҳуқуқ стандартлари ўртасидаги уйғунликка эътибор қаратилган. Шахсий дахлсизликни чеклашнинг халқаро даражадаги чегаралари, чекловнинг барқарор ва умуминсоний чегараларини халқаро ҳужжатлар ва бошқа халқаро ҳуқуқ нормалари воситаси билан белгилашдан иборатлиги ҳақида тушунтиришларга тўхталиб ўтилган, шунингдек, ривожланган давлатларнинг шахсий дахлсизлик ҳуқуқини таъминлаш тизими ўрганилиб, таҳлил қилинган. Мақола якунида, шахсий дахлсизлик ҳуқуқини таъминлашнинг адолатли судлов тизимини шакллантиришдаги ҳал қилувчи роли ва келажакдаги ривожланиш йўналишлари бўйича хулосалар берилади.*

Аннотация: *В данной статье анализируется концепция системы обеспечения права на личную неприкосновенность и подчеркивается ее важность в уголовно-процессуальной деятельности в контексте законодательства Республики Узбекистан. Исследование фокусируется на согласованности норм natsионального законодательства (Конституция, Уголовно-процессуальный кодекс) и международных правовых норм. Рассматриваются разъяснения на международном уровне пределов ограничения личной неприкосновенности, определение устойчивых и универсальных пределов ограничения посредством международных документов и других норм международного права, а также изучается и анализируется система обеспечения права на личную неприкосновенность развитых стран. В заключение статьи делаются выводы о решающей роли обеспечения права на личную*

неприкосновенность в формировании справедливой судебной системы и направлениях ее дальнейшего развития.

***Abstract**: This article analyzes the concept of the system of ensuring the right to personal integrity and highlights its importance in criminal procedural activities in the context of the legislation of the Republic of Uzbekistan. The study focuses on the harmony between the norms of national legislation (Constitution, Criminal Procedure Code) and international legal standards. The explanations on the international level of the limits of personal integrity restriction, the determination of stable and universal limits of restriction by means of international documents and other norms of international law are touched upon, and the system of ensuring the right to personal integrity of developed countries is also studied and analyzed. At the end of the article, conclusions are drawn on the decisive role of ensuring the right to personal integrity in the formation of a fair judicial system and future development directions.*

***Калит сўзлар:** Шахсий дахлсизлик, инсон ҳуқуқлари, халқаро пакт, ҳуқуқ ва мажбурият, мансабдор шахс, тергов ҳаракатлари, мажбурлов чоралари, қамоққа олиш, уй қамоғи, прокурор назорати, кодекслар, сунъий интеллект.*

***Ключевые слова:** Личная неприкосновенность, права человека, международный пакт, права и обязанности, официальные лица, следственные действия, принудительные меры, задержание, домашний арест, прокурорский контроль, кодексы, искусственный интеллект.*

***Keywords:** Personal integrity, human rights, international covenant, rights and obligations, official, investigative actions, coercive measures, detention, house arrest, prosecutorial control, codes, artificial intelligence.*

Kirish:

Dunyoda ishni sudga qadar yuritish bosqichida inson huquq va erkinliklarini asossiz cheklanishini oldini olish, shaxsiy daxlsizlik huquqini ta’minlashning normativ modelini yaratish, ommaviy manfaatlar va shaxsiy erkinlik, inson huquqlari va protsessual samaradorlik o‘rtasidagi oqilona muvozanatni belgilash huquqiy davlatning asosiy belgilaridan biri hisoblanadi. “Qiynoqlarga hamda muomala va jazolashning boshqa shafqatsiz, g‘ayriinsoniy yoki qadr-qimmatni kamsitadigan turlariga qarshi” Konvensiya preambulasida insonlar oilasi hamma a’zolarining teng va ajralmas huquqlarini tan olish erkinlik, adolat va umumiy tinchlikning asosi deb tan olingan va davlatlarning inson huquqlari va asosiy erkinliklarining

yalpi hurmat qilinishi va ularga rioya etilishiga ko‘maklashish majburiyatlari kerakligi belgilangan.

Jahonda shaxsiy daxlsizlik huquqining chegaralari va huquqlarni cheklashning maqsadlarini aniq belgilash, huquqlarni cheklashda mutanosiblik prinsipini qo‘llashning samarali mexanizmlarini yaratish, huquqlarni cheklashning protsessual shakli va muddatlarini, huquqlarni cheklash ustidan nazoratni takomillashtirish bo‘yicha ilmiy izlanishlar olib borish, ushbu yo‘nalishda qonunchilikni takomillashtirishga jiddiy e’tibor qaratilmoqda.

Asasiy qism:

O‘zbekiston Respublikasi Jinoyat-protsessual kodeksining 26-bobi jinoyat protsessida shaxs huquqlarini cheklash asoslari va chegaralari deb nomlanadi, biroq shaxs huquqlarini cheklashning chegaralaridan faqatgina protsessual majburlov choralarini qo‘llashning qonuniyligi va asosliligi(JPK 214-modda), ushlab turilgan, qamoqda saqlanayotgan yoki tibbiy muassasaga joylashtirilgan shaxslarga nisbatan g‘ayriinsoniy munosabatda bo‘lish mumkin emasligi belgilangan.

Biroq, shaxs huquqlarini cheklashga oid protsessual faoliyatning shaxs huquqlarini cheklashga faqatgina jinoyat protsessi maqsadlari uchun (legitim maqsad) va ob’ektiv zarur bo‘lgan taqdirdagina yo‘l qo‘yilishi, mutanosiblik prinsipi, sud nazorati prinsipi, shaxsning sha’ni va qadr-qimmatini xurmat qilish kabi chegaralari belgilanmagan.

Jinoyat-protsessual qonunchilikda sud nazorati doirasi bir muncha cheklanganligini kuzatishimiz mumkin. Jumladan ushlab turilgan shaxsga nisbatan agar qamoqqa olish yoki uy qamog‘i tarzidagi ehtiyot chorasi qo‘llash haqida sudga iltimosnoma kiritilsa sud ushlab turishning qonuniyligi va asosliligi tekshiradi. Biroq tergov organi qamoqqa olish yoki uy qamog‘i tarzidagi ehtiyot chorasi qo‘llash haqida sudga iltimosnoma kiritilmasa, 48 soatlik muddat o‘tguniga qadar shaxs ushlab turilgan bo‘lsada, sud nazorati umuman ishlamaydi.

Natijada sud nazorati "fakultativ" va tergov organining xohishiga bog‘liq bo‘lib qoladi. Biroq, sud nazorati davlat organining erkiga bog‘liq bo‘lmasligi kerak. Shu sababli ushlab turilgan shaxs 24 soat ichida sudga olib kelinishi va ushlab turishning qonuniyligi, zarurligi va mutanosibligi ehtiyot chorasini qo‘llash haqida iltimosnoma mavjud yoki mavjud emasligidan qat’iy nazar tekshirilishi zarur.

Shubhasiz, shaxsiy daxlsizlik huquqini ta’minlashning protsessual kafolatlaridan eng muhimi shaxsiy daxlsizlik huquqini cheklash asosi, maqsadi va chegaralarini belgilab beruvchi jinoyat-protsessual shakl hisoblanadi. Aynan jinoyat-protsessual shakl huquqlarni cheklashning muddatlarini belgilab berishi zarur. Jinoyat ishlari yurituvida shaxsiy daxlsizlik huquqini cheklash 3 xil tartibda amalga oshiriladi:

1) sud tartibida (qamoqqa olish yoki uy qamog‘i tarzidagi ehtiyot chorasini qo‘llash yoxud qamoqda saqlash yoki uy qamog‘i muddatini uzaytirish; pasportning (harakatlanish hujjatining) amal qilishini to‘xtatib turish, O‘zbekiston Respublikasidan chiqish huquqini vaqtincha cheklash haqida, shaxsni tibbiy muassasaga joylashtirish haqidagi yoki ayblanuvchining tibbiy muassasada bo‘lishi muddatini uzaytirish to‘g‘risidagi, tintuv o‘tkazish haqidagi iltimosnomalarni ko‘rib chiqish),

2) tergovchining qaroriga asosan(shaxs daxlsizligini cheklovchi barcha tergov harakatlari va protsessual majburlov choralari)

3) aralash tartibda (kechiktirib bo‘lmaydigan hollarda o‘tkaazilgan tintuvning qonuniyligini tekshirish)

O‘zbekiston Respublikasining “Prokuratura to‘g‘risida” Qonuni 31-moddasiga muvofiq, prokuror ushlab turilganlarni, qamoqqa olinganlarni saqlash joylarida, jinoiy jazolarni va jinoyat-huquqiy ta’sir ko‘rsatishning boshqa choralarini ijro etish chog‘ida qonunlarga rioya etilishi ustidan nazoratni amalga oshira borib, o‘z vakolatlari doirasida ushbu shaxslarga yoki ularning yaqin qarindoshlariga ruhiy, psixologik, jismoniy ta’sir ko‘rsatilishi yoki boshqacha tarzda ta’sir ko‘rsatilishi ehtimolini tekshirishni amalga oshirishi shart.

Jinoyat ishlari yurituvida shaxsning daxlsizligini cheklovchi qarorlar jinoyat-protsessual qarorlar hisoblanadi, binobarin qarorning qonuniyligi, asosliligi va adolatliligi talablari ularga xam taalluqli bo‘ladi. Shaxsiy daxlsizlik huquqini ta’minlashga qaratilgan protsessual kafolatlarni kuchaytirishning yo‘nalishlaridan biri shaxsiy daxlsizlik huquqini cheklashning muddatlarini qonun bilan qat’iy cheklashdan iborat.

Biroq shaxsiy erkinlik va daxlsizlikni har qanday cheklash qat’iy belgilangan muddatlar doirasida amalga oshirilishi haqida qoida ayrim protsessual majburlov choralari va tergov harakatlariga tatbiq qilinmaganligini ko‘rishimiz mumkin. Jumladan, majburiy keltirish, shaxsini aniqlash uchun keltirish, guvohlantirishdan uchun majburiy keltirish va guvohlantirish, namuna olish uchun majburiy keltirish, shaxsiy tintuv, tergov harakatlarida majburan ushlab turish muddatlari belgilanmagan. Shu bilan birga, huquqlarni cheklash, uni qo‘llash zarurati saqlanib qolganda amal qilishi, zarurat yo‘qolganda bekor qilinishi, huquqlarni cheklashni davom ettirish zarurati ustidan protsessual nazorat tizimi mavjud emasligini alohida ta’kidlash zarur.

Jinoyat protsessida shaxsning shaxsiy daxlsizligini cheklash masalasi har doim inson huquqlari bilan protsessual samaradorlik o‘rtasidagi oqilona muvozanatni topishni talab qiladi. Hozirgi amaliyotda majburlov choralarini qo‘llash, asosan, tergovchi, prokuror va sudyaning sub’ektiv bahosi, shaxsiy tajribasi va konkret ish sharoitlariga qarab qabul qilinadi. Bu esa, tabiiy ravishda, inson omillari bilan bog‘liq qator kamchiliklarga - sub’ektivlik, bir xil bo‘lmagan amaliyot, sudyalarga psixologik bosim kabi omillarga olib keladi.

Ma’lumki, qamoqqa olish yoki uy qamog‘i tarzidagi ehtiyot chorasini qo‘llash haqida iltimosnomani sud tomonidan hal qilish protsessual muddatlar juda qisqa bir sharoitda amalga oshiriladi. Bunday sharoitda sudyaning ayblanuvchining shaxsiga oid ma’lumotlarni shu jumladan individual xavfni baholash, iltimosnomani qanoatlantirish yoki rad qilishga asos bo‘luvchi ma’lumotlarni to‘liq tahlil qilish imkoniyati cheklangan.

Aynan, shuning uchun iltimosnomani qanoatlantirish haqida ajrimlar bir xil shablon jumlalardan iborat.

JPKning 236-moddasida belgilangan ehtiyot choralari qo‘llanilishining maqsad va asoslarining aksariyati (surishtiruvdan, dastlabki tergovdan va suddan bo‘yin tovlashining oldini olish; uning bundan buyongi jinoiy faoliyatining oldini olish, uning ish bo‘yicha haqiqatni aniqlashga halal beradigan urinishlariga yo‘l qo‘ymaslik, hukmning ijro etilishini ta’minlash) prognostik xarakterga egaligi masalani yanada murakkablashtiradi. Ya’ni, sudyada ayblanuvchi, sudlanuvchining harakatlarini prognoz qilish va va individual xavf baholashning vositalari mavjud emas. Sudyalarda individual xavfni baholash metodologiyasi mavjud emasligi, o‘z navbatida xulosani sub’ektivligini keltirib chiqaradi.

Aslida ehtiyot chorasi tanlashda inobatga olinishi lozim bo‘lgan shaxsga oid ma’lumotlar - bu **ko‘p o‘lchovli**, o‘ta murakkab tuzilma bo‘lib, uning 30–40 ga yaqin psixologik, ijtimoiy, kriminologik, iqtisodiy va tibbiy elementlari mavjud. Sun’iy intellekt texnologiyalari esa katta ma’lumotlar (Big Data) asosida ushbu elementlarning tuzilmasini, ularning korrelyatsiyasini, xavfning ehtimoliy modellarini aniqlay oladi.

Bugungi kunda, xorijiy mamlakatlarda ayblanuvchi, sudlanuvchining harakatlarini ishonchli prognozlash va individual xavf baholashda sun’iy intellekt texnologiyalaridan foydalanish keng yo‘lga qo‘yilmoqda. Jumladan, 2010-yillardan boshlab bir qator mamlakatlarda jinoyat protsessida SI asoslangan individual xavf baholash platformalari joriy qilindi. Mazkur yondashuvning afzalligi har bir ayblanuvchiga oid shaxsiy ma’lumotlarni ob’ektivlashtirish imkonini beradi.

2013 yilda AQShda qator shtatlar va federal okruglarda PSA – Public Safety Assessment tizimi ishlab chiqildi. Uning maqsadi ayblanuvchining qochish xavfini, yangi jinoyat sodir etish ehtimolini, sud majlislariga kelmaslik ehtimolini avtomatik baholashdan iborat. Tizim 1000 dan ortiq o‘zgaruvchi asosida statistik modellar qo‘llaydi va har bir ayblanuvchiga 1 dan 10 gacha xavf reytingi beradi. Tadqiqotlar ko‘rsatishicha PSA

platformasidan foydalanish natijasida ba’zi shtatlarda sudlar kafillikka ozod qilish qarorlarini ikki barobar ko‘p qabul qila boshlagan, qamoqda saqlash xarajatlari qisqargan, sud qarorlari sub’ektivligi kamaygan.

PSA taxminan 300 ta yurisdiksiyadagi 750,000 ishni o‘rganish natijasida yaratilgan bo‘lib, keyinchalik, unga yana 500,000 ishning natijalari kiritilgan.

PSA (Pretrial Safety Assessment) tizimi FTA (sudga kelmaslik xavfi), NCA (takroriy bir jinoyat sodir etish xavfi) va NVCA (zo‘ravonlik xususiyatiga ega yangi jinoyat sodir etish xavfi)ni bashorat qilish uchun to‘qqizta omildan foydalanadi.

Ushbu to‘qqiz omil ma’muriy ma’lumotlar asosida baholanadi va quyidagilarni o‘z ichiga oladi:

Joriy ushlab turish / hibs vaqtidagi yoshi;

Joriy ayblov zo‘ravonlik bilan bog‘liq bo‘lishi;

Ushlab turilgan vaqtda shaxsga nisbatan kutilmada turgan (pending) ayblov mavjudligi;

Ilgari ma’muriy huquqbuzarlik (misdemeanor) uchun sudlanganligi;

Ilgari feloniya (og‘ir jinoyat) uchun sudlanganligi;

Ilgari zo‘rlik ishlatish bilan bog‘liq jinoyat uchun sudlanganligi;

So‘nggi ikki yil ichida sudga kelmaslik holati (FTA);

Ikki yildan katta davr oldin sodir etilgan sudga kelmaslik (FTA) holati;

Ilgari ozodlikdan mahrum etish bilan bog‘liq jazoga hukm qilinganligi.

Fransiya, Niderlandiya, Norvegiya, Belgiya, Buyuk Britaniyada predictive justice (prognozlovchi adolat) platformalari pilot tarzda joriy etilgan. Masalan Buyuk Britaniyada “HART” - xavfni avtomatik 3 toifaga ajratadi (past, o‘rta, yuqori).

Recidivism Prediction Model (Niderlandiya) - sudyalarga qayta jinoyat ehtimoli bo‘yicha tavsiya beradi. Bu platformalarning xulosasi sudyalar uchun majburiy emas faqat ilova sifatida ekspert xulosasini taqdim qiladi.

Shu nuqtai nazardan, jinoyat protsessida **individual xavf darajasini baholashni ob'ektivlashtirish** - huquqiy tizimni modernizatsiya qilishning strategik yo'nalishlaridan biridir. Bizningcha, ushbu vazifani hal etishda **sun'iy intellekt (SI) asosidagi prognozlash texnologiyalarini joriy qilish** "inson holati", "jinoyat sodir etish yoki yashirinish ehtimoli", "yuridik-xulqiy portret" kabi tushunchalarni aniq mezonlarga solishga imkon beradi.

SIni protsessual majburlov choralarini qo'llashda joriy etishning ilmiy asosi quyidagilarga tayanadi.

Ob'ektivlik- SI individual xavf baholashda quyidagi omillarni tahlil qiladi:

o'tmishdagi jazolar;

ijtimoiy barqarorlik;

psixoemotsional holatlar;

iqtisodiy vaziyat;

tashqi xavf omillari;

jinoyat xarakteri va oqibati.

Bu - inson ongi qabul qila olmaydigan darajadagi **ko'p o'lchovli model**dir.

Yagona sud amaliyotini yaratish. Sudyalar qarorlarini bir yo'la standartlashtirish imkoni paydo bo'ladi:

Bir xil vaziyatda turlicha qarorlar soni kamayadi;

turli hududlardagi amaliyot umumlashadi;

majburlov choralarini tanlashga tizimli yondashuv shakllanadi.

Inson omili xavfini kamaytirish. SI - emotsional holat, vaqt yetishmasligi, charchoq, shaxsiy qarashlar, tajribaning cheklanganligi kabi omillardan xoli bo'ladi.

Protsessual iqtisod va tezkorlik ortishi. Avtomatik xavf monitoringi natijasida qarorlarni qabul qilish muddatlari qisqaradi, ob'ektiv zaruratsiz protsessual majburlov choralarini qo'llash holatlari kamayishiga erishiladi.

Albatta, SIni protsessual majburlov choralarini qo'llashda joriy etishning potensial xavfli jihatlari xam mavjud. Bular jumlasiga aholining

muayyan guruhlariga nisbatan diskriminatsiya, metodologiya mukammal emasligi, aktuariat modellar samaradorlikni maqsad qilishi, lekin huquqiy tizimning asosiy qadriyati -adolat va tenglik ekanligi, ya’ni samaradorlik va adolat o‘rtasidagi ziddiyat yuzaga kelishi, algoritmlar xolis emasligi kiritiladi.

Jumladan, Bernard E. Harcourtning fikricha, agar algoritm ma’lum guruhlarni “xavfli” deb belgilasa, politsiya ularga nisbatan ko‘proq nazorat o‘rnatadi → ko‘proq jinoyat aniqlanadi → algoritm buni "xavf" sifatida yanada mustahkamlaydi, statistika “haqiqat” emas, politsiya amaliyotining in’ikosiga aylanadi, “Neytral” statistika yo‘q - har qanday algoritm mavjud ijtimoiy tengsizliklarni uzluksiz qayta ishlab chiqaradi. Prognozlash hech qachon “betaraf” emas - u siyosiy tanlovlarni yashiradi. Prognozlash usullari "ilmiy" ko‘rinish oladi, ammo amalda kimni nazorat qilish, kimni xavfli deb topish kabi siyosiy qarorlarni statistika ortiga yashiradi. Jinoyatning ijtimoiy, iqtisodiy va siyosiy omillarini tushunish o‘rniga, tizim individual xavf balliga qarab qaror qabul qila boshlaydi. Bu – jinoyat siyosatidagi reduksionizmga olib keladi.

Lum K., & Isaac W.ning fikricha, “Tarixiy ma’lumotlar” - neytral emas, politsiya amaliyotidan shakllangan ya’ni politsiya ayrim mahallalarni ko‘proq patrul qiladi, shu mahallalarda ko‘proq jinoyat “aniqlanadi”, algoritm bu ma’lumotni “xavflilik” deb qabul qiladi, ya’ni birlamchi ma’lumotlar - politsiya ostidagi nazoratning «kartinasidir». Algoritm yuqori xavf deb topgan toifalar - amalda kam ta’minlangan va irqiy guruhlar bo‘lib qolmoqda. Misol uchun, bir xil jinoyatga ayblangan oq tanli va qora tanli shaxslardan qora tanlilarga 2 baravar ko‘proq “yuqori xavf” balli beriladi. Ya’ni, kim xavfli, kimni qamash kerak, kimga erkinlik berish mumkinligi matematik masala emas, inson huquqlari masalasidir.

Barabas, Broockmanning fikricha algoritmlar inson sudyalardan yaxshiroq emas - ular inson qarorlaridagi adolatsizlikni avtomatlashtiradi.

AQSh adliya vazirligi Milliy adliya institutining hisobotida algoritmlar kriminologik prognoz emas, statistik korrelyatsiya ekanligi, ya’ni modellar

“jinoyatni tushunmasligi”, faqat ma’lumotlar orasidagi korrelyatsiyani topishi, tarkibiy diskriminatsiya tufayli noxolisliklik yuzaga kelishi mumkinligi, ya’ni birlamchi ma’lumotlar adolatsizlikdan ta’sirlangan bo‘lsa - algoritm ham shunday bo‘lishi, adatda algoritm “risk-averse” - ya’ni xavfni orttirib baholashi, bu kam ta’minlangan guruhlar, migrantlar, ozchiliklarning zarariga ishlashi qayd qilingan.

Yuqoridagi fikrlarni umumlashtirgan holda bugungi kunda huquqni qo‘llash amaliyotida individual xavf baholashning normativ tizimi mavjud emasligi, shaxsiy daxlsizlikni cheklash bilan bog‘liq qarorlar ko‘p hollarda intuitiv, bevosita tergovchining sub’ektiv bahosiga tayanishi, xavf kategoriyalari (qochish xavfi, dalillarni yo‘q qilish, ijtimoiy xavflilik) standartlashtirilmaganligi ya’ni amaldagi vaziyat "insonning sub’ektiv bahosiga" asoslanishi - demak, algoritm sub’ektivlikni kamaytiruvchi, tizimlashtirilgan usul sifatida afzallikka ega bo‘lishi mumkin. Algoritm joriy etilsa jinoyat ishlari yurituvida birinchi marta standartlashtirilgan, o‘lchanadigan xavf baholash tizimiga ega bo‘ladi. Algoritm joriy etilishi xavf baholashni standartlashtiradi, mansabdor shaxslarning sub’ektivligini kamaytiradi, qaror qabul qilishni shaffoflashtiradi va hisobotli qiladi sababi har bir omil qayd etilishi keyinchalik tekshirish imkonini beradi. Bundan tashqari, algoritm diskresiyani cheklaydi bu esa o‘z-o‘zidan korrupsiya xavfini kamaytiradi sababi, chunki xavf faqat ob’ektiv ma’lumotga asoslanadi.

Algoritmlar neytral emasligi bilan bog‘liq xatolarni takrorlamaslik uchun esa, algoritm joriy etishdan oldin ma’lumotlardagi tizimli xatolar (masalan, muayyan hududlarda ortiqcha hisobga olish, ma’lumotlarning haqiqiy holatni aks ettirishi) tahlil qilinishi shart. Ya’ni bu yerda muammo algoritmda emas, balki algoritmga kiritilgan ma’lumotlarning xolis emasligi bilan bog‘liq.

Binobarin, joriy etiladigan har qanday algoritm qonun darajasida tartibga solinishi, tegishli protsessual kafolatlar bilan ta’minlanishi, algoritm faqat yordamchi vosita bo‘lishi kerak. Bugungi kunda shaxsning

individual xavfini baholashning aniq, standartlashgan, tekshiriladigan metodikasi mavjud emasligi sababli, algoritmik xavf baholash individual xavfni ob’ektivlashtirish va odil sudlovni optimallashtirish imkoniyatini beradi.

Raqamli texnologiyalarning jadal rivojlanishi inson hayotining barcha sohalariga, shu jumladan jinoyat sud ishlarini yuritish tizimiga ham chuqur kirib keldi. Bu esa shaxs daxlsizligi huquqining an’anaviy (jismoniy va ruhiy) tushunchasini kengaytirishni, uni yangi - **raqamli daxlsizlik** tushunchasi bilan boyitishni taqozo etmoqda.

Raqamli daxlsizlik - shaxsga tegishli raqamli ma’lumotlar, elektron identifikatorlar, aloqa vositalari, raqamli izlar va algoritmik profillarga nisbatan insonning ularni yig‘ish, qayta ishlash, uzatish va avtomatlashtirilgan qaror qabul qilish jarayonlarida qo‘llash ustidan nazorat qilish, ruxsat berish yoki taqiqlash huquqini ifodalovchi, shaxsiy hayot daxlsizligining zamonaviy huquqiy institutidir.

Uning huquqiy tabiati quyidagi xususiyatlar bilan tavsiflanadi:

shaxsiy daxlsizlik huquqining tarkibiy qismi hisoblanadi;

jismoniy aralashuvsiz, biroq shaxs erkinligiga jiddiy ta’sir etuvchi cheklovlarni qamrab oladi;

davlat tomonidan amalga oshiriladigan raqamli nazorat, monitoring va tahlil mexanizmlari bilan bevosita bog‘liq.

Shu ma’noda, raqamli daxlsizlikni alohida, mustaqil huquq sifatida emas, balki shaxsiy daxlsizlik huquqining zamonaviy funksional shakli sifatida qarash ilmiy jihatdan asoslidir.

Jinoyat ishlari yurituvida raqamli daxlsizlik quyidagi shakllarda cheklanishi mumkin:

1) Raqamli ma’lumotlarni yig‘ish – telefon trafigi, geolokatsiya, internet faoliyati, messenjer yozishmalari, bank operatsiyalari, biometrik ma’lumotlar.

2) Algoritmga asoslangan tahlil va profillash – shaxsning xavf darajasini baholash (risk assessment), xulq-atvorni prognoz qilish, ehtiyot chorasini tanlashda avtomatlashtirilgan modellardan foydalanish.

3) Raqamli nazorat va kuzatuv – elektron brasletlar, videoanalitika, yuzni tanish tizimlari, ma’lumotlar bazalari o‘rtasida integratsiya.

Bu shakllarning barchasi insonning jismoniy erkinligiga to‘g‘ridan-to‘g‘ri ta’sir qilmasligi mumkin, biroq shaxsning protsessual maqomi, erkin harakatlanish imkoniyati va huquqlaridan foydalanish darajasini keskin cheklaydi.

Raqamli daxlsizlikni cheklash bilan bog‘liq asosiy huquqiy muammolardan biri huquqiy aniqlik muammosi bo‘lib, jinoyat-protsessual qonunchilikda raqamli daxlsizlikni cheklashga oid aniq qoidalar mavjud emas. Bu esa cheklovning hajmi va chegaralarini noaniqligi, mansabdor shaxslarning diskresiyasi cheklanmasligiga olib keladi.

Misol uchun jinoyat protsessida biometrik ma’lumotlar (shaxsni yagona va takrorlanmas tarzda identifikatsiya qilish imkonini beradigan ma’lumotlar bo‘lib, barmoq izlari, DNK, yuz tasviri, ovoz)dan foydalanish shaxsiy daxlsizlikni cheklashning alohida shakli hisoblanadi, sababi biometrik ma’lumotlar inson tanasi bilan bevosita bog‘liq, uning roziligisiz o‘zgartirib bo‘lmaydi. Biroq jinoyat protsessida biometrik ma’lumotlardan foydalanish tartibga solinmagan.

Raqamli daxlsizik ustidan sud nazoratining cheklanganligi ya’ni raqamli ma’lumotlarni yig‘ish yoki algoritmik baholash sud ruxsatisiz amalga oshirilishi, shaffoflikning yo‘qligi, diskriminatsiya xavfi shaxsiy daxlsizlik huquqi asossiz cheklanishiga sharoit yaratadi.

Xulosa:

Yuqoridagilardan kelib chiqib, raqamli daxlsizlikni huquqiy tartibga solishning quyidagi yo‘nalishlari dolzarb hisoblanadi:

1. JPKda raqamli daxlsizlikni alohida huquqiy institut sifatida tan olish ya’ni JPKning umumiy qismida raqamli daxlsizlikni shaxsiy daxlsizlik huquqining tarkibiy qismi sifatida belgilash.

2. Raqamli cheklovlarni huquqiy tartibga solish, shu jumladan raqamli ma’lumotlarni yig‘ish asoslari, algoritmik baholashdan foydalanish shartlari, avtomatlashtirilgan qarorlarga qarshi e’tiroz mexanizmini belgilash.

3. Raqamli daxlsizlikni cheklash ustidan sud nazoratini joriy qilish

Raqamli daxlsizlikni cheklash huquqiy tartibga solinmasligi inson huquqlarini cheklashning yangi xavflarini vujudga keltiradi.

Shu bois, raqamli daxlsizlikni ta’minlash muammosini nazariy jihatdan chuqurroq o‘rganish, huquqiy mezonlarini belgilash, uning raqamli daxlsizlikni cheklash ustidan sud nazorati o‘rnatish, inson huquqlariga asoslangan tizimini shakllantirishning muhim sharti hisoblanadi.

OTAYEV O‘TKIRBEK MATYOQUBOVICH
O‘zbekiston Respublikasi
IIV Malaka oshirish instituti
Kasbiy tayyorgarlik fakulteti
Maxsus fanlar sikli katta o‘qituvchisi,
dotsent

RAQAMLI DAVRDA QONUN USTUVORLIGINI TA'MINLASH: INNOVASIYALAR, INSON HUQUQLARI VA XAVFSIZLIK MUTANOSIBLIGI

Annotatsiya: *Ushbu maqola raqamli texnologiyalarning jadal rivojlanishi sharoitida qonun ustuvorligini ta'minlashning dolzarb muammolarini tadqiq etadi. Maqolada sun'iy intellekt, katta ma'lumotlar (Big Data), blokcheyn va kibertexnologiyalarning huquqiy tartibga solish sohasiga ta'siri, inson huquqlari himoyasi va milliy xavfsizlik o'rtasidagi muvozanatni saqlash masalalari ilmiy-nazariy asosda ko'rib chiqilgan. Tadqiqot chog'ida taqqoslama huquq, tizimli tahlil va sinergetik yondashuvlardan foydalanildi. Natijada raqamli davrda qonun ustuvorligini ta'minlashning besh asosiy tamoyili ishlab chiqildi va tegishli tavsiyalar berildi. Maqola xuquqshunoslar, davlat boshqaruvi mutaxassislari va raqamli siyosat sohasidagi tadqiqotchilar uchun mo'ljallangan.*

Kalit so'zlar: *qonun ustuvorligi, raqamli huquq, sun'iy intellekt, inson huquqlari, kiberhavfsizlik, ma'lumotlar himoyasi, axborot jamiyati, huquqiy tartibga solish, innovasiya, raqamli suverenitet.*

Kirish

Zamonaviy jamiyat to'rtinchi sanoat inqilobi — sun'iy intellekt, internet of things (IoT), blokcheyn va kvant hisoblash texnologiyalari asosida shakllangan yangi bir sivilizatsiya bosqichiga qadam qo'ymoqda. Ushbu texnologik to'lqin nafaqat iqtisodiyot va madaniyatni, balki huquq va davlat boshqaruvini ham tubdan o'zgartirmoqda. Bunday o'zgarishlar oldida

qonun ustuvorligi demokratik jamiyatning asosiy tayanchi yangicha sinovlar bilan yuzlashmoqda.

Klaus Schwab[1] ta'kidlaganidek: "To'rtinchi sanoat inqilobi nafaqat biz nima qilishimizni, balki biz kimligimizni ham o'zgartiradi." Ushbu o'zgarish huquqiy tizimlar oldiga ulkan savollarni qo'ymoqda: Algoritmlar qarorlar qabul qilganda javobgarlik kimda bo'ladi? Shaxsiy ma'lumotlar xavfsizligi qanday ta'minlanadi? Davlat raqamli kuzatuv orqali xavfsizlikni ta'minlayotganda inson erkinligi chegaralari qayerda tugaydi?

O'zbekiston Respublikasi ham ushbu global jarayonlardan chetda qolmaydi. 2020-2030 yillarga mo'ljallangan "Raqamli O'zbekiston" strategiyasi davlat boshqaruvini raqamlashtirish, e-government tizimlarini kuchaytirish va axborot texnologiyalari sohasida innovasiyalarni rag'batlantirish yo'lida muhim qadam bo'ldi. Biroq ushbu transformatsiya jarayoni yuridik jihatdan puxta huquqiy-tartibga solish mexanizmlarini talab etadi. Ushbu maqolaning maqsadi raqamli davrda qonun ustuvorligini ta'minlashning nazariy asoslarini ishlab chiqish, innovasiyalar, inson huquqlari va xavfsizlik o'rtasidagi muvozanat tamoyillarini tahlil etish hamda O'zbekiston sharoitida ushbu tamoyillarni qo'llashning amaliy yo'llarini ko'rsatishdan iborat.

Adabiyotlar sharhi va nazariy asos

Raqamli davrda qonun ustuvorligi muammosi xalqaro huquqshunoslik ilmida so'nggi o'n yil ichida alohida tadqiqot yo'nalishiga aylandi. Ushbu soha bir necha muhim ilmiy oqimlarni birlashtiradi.

Sun'iy intellekt va huquqiy javobgarlik - Ryan Calo va Frank Pasquale[2] "The Scored Society" asarida algoritmik tizimlar tomonidan qabul qilingan qarorlarning huquqiy oqibatlarini dastlabki bor sistemali tahlil qildi (pp. 89-165). Ular sun'iy intellekt tomonidan qabul qilingan qarorlarda shaffoflikning yo'qligi sud nazoratini qiyinlashtirishini ko'rsatdi. Mazkur

[1] Schwab, K. (2016). The Fourth Industrial Revolution. Geneva: World Economic Forum, pp. 1-172.
[2] Pasquale, F. (2015). The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. Cambridge: Harvard University Press, pp. 1-18.

asarda "algoritmik javobgarlik" tushunchasi birinchi marta ilmiy muomalaga kiritildi.

Lawrence Lessig[1] o'zining "Code and Other Laws of Cyberspace" asarida (pp. 1-56) raqamli muhitda kod qonunning o'ziga xos shakliga aylanishini asosladi. Uning mashhur formulasi — "Code is Law" — raqamli huquqning asosiy paradigmalaridan biriga aylandi va bugungi kunda ham dolzarbligini saqlab qolmoqda.

Ma'lumotlar himoyasi va inson huquqlari - Shoshana Zuboff[2] o'zining fundamental asari "The Age of Surveillance Capitalism" (pp. 1-52, 87-131) da raqamli platformalarning shaxsiy ma'lumotlardan foyda olish maqsadida foydalanishi natijasida yuzaga keladigan "kuzatuv kapitalizmini" tahlil etdi. Muallif fikriga ko'ra, bu fenomen inson avtonomiyasiga va demokratik institutlarga bevosita tahdid solmoqda.

Yovha Bendor va Lior Strahilevitz "Privacy's Constitutional Moment" maqolasida (Harvard Law Review, vol. 131, pp. 1453-1521) ma'lumotlar himoyasining konstitutsiyaviy maqomga ega bo'lishi zarurligi haqidagi argumentlarni keltirdi. Ular maxfiylik huquqining raqamli davrda yangi mazmunga ega bo'lishini, shuning uchun konstitutsiyaviy islohot zarurligi haqidagi muhim tezisni ilgari surdi.

Kiberhavfsizlik va huquqiy tartibga solish - Jack Goldsmith va Tim Wu "Who Controls the Internet?" asarida (pp. 67-149, 179-208) internet suverenitetining milliy huquqiy tizimlar bilan munosabatini tadqiq etdi. Ular mintaqaviy va global kiber-tartibga solishning imkoniyatlari va cheklovlarini taqqoslama tahlil orqali ko'rsatdi.

Marietje Schaake o'zining "The Tech Coup" asarida (pp. 34-98) yirik texnologiya korporatsiyalari tomonidan davlat vakolatlarini "raqamli bosib olish" xavfini muhokama qildi. Muallif demokratik jihatdan hisob beradigan

[1] Lessig, L. (1999). Code and Other Laws of Cyberspace. New York: Basic Books, pp. 1-56, 235-261.
[2] Zuboff, S. (2019). The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, pp. 1-52, 87-131.

sun'iy intellekt muassasalarini yaratish zarurligi haqidagi muhim tavsiyalarni ilgari surdi.

Tadqiqot metodologiyasi

Ushbu tadqiqot quyidagi metodologik yondashuvlar asosida amalga oshirildi:

Taqqoslama-huquqiy metod: Yevropa Ittifoqi, AQSh, Xitoy va Hindistonning raqamli huquq sohasidagi qonunchilik tajribasini qiyosiy tahlil qilish uchun qo'llanildi. Taqqoslash uchun GDPR (2018), AQSh CCPA (2020), Xitoy PIPL (2021) va Hindiston PDPB loyihasidan foydalanildi.

Tizimli tahlil metodi: Raqamli ekotizimning turli qismlarini — texnologik, huquqiy, ijtimoiy va siyosiy — yaxlit tizim sifatida tahlil qilish imkonini berdi.

Sinergetik yondashuv: Innovasiyalar, inson huquqlari va xavfsizlik o'rtasidagi o'zaro ta'sir va muvozanat nuqtalarini aniqlash uchun qo'llanildi.

Empirik tahlil: Yevropa Insonni himoya qilish sudi (ECHR), Birlashgan Millatlar Tashkilotining maxsus hisobotlari va davlatlar amaliyotidan olingan 47 ta real ish misolini tahlil qilish asosida amalga oshirildi.

Raqamli davrda qonun ustuvorligining yangi qirralari, algoritmik tartibga solish va huquqiy legitimlik - Zamonaviy davlat boshqaruvida algoritmik qaror qabul qilish tizimlari tobora keng qo'llanilmoqda. Davlat nafaqat an'anaviy qonun va ko'rsatmalar, balki raqamli platformalar, ma'lumotlar to'plamlari va algoritmlar orqali ham boshqarmoqda. Lessig[1] (1999, pp. 235-261) bu hodisani "tartibga solishning to'rt qatlami" modeli orqali tushuntirdi: qonun, bozor, ijtimoiy me'yorlar va arxitektura (kod). Raqamli davrda to'rtinchi qatlam kod birinchi o'ringa chiqmoqda.

Ammo algoritmik tartibga solish muhim huquqiy muammolarni keltirib chiqaradi. Birinchidan, shaffoflik muammosi: algoritm ichidagi qoida va mezonlar ko'pincha "qora quti" bo'lib qoladi va fuqarolar

[1] Lessig, L. (1999). Code and Other Laws of Cyberspace. New York: Basic Books, pp. 1-56, 235-261.

tomonidan nazorat qilinmaydi. Ikkinchidan, apellatsiya huquqi: sun'iy intellekt tomonidan qabul qilingan qarorni sud tartibida qanday qilib apelyatsiya qilish mumkin? EU Artificial Intelligence Act ning 6-moddasi yuqori tavakkal darajasidagi AI tizimlarida shaffoflik va insoniy nazorat bo'lishini majburiy deb belgiladi (pp. 18-27). Bu tartibga solishning muhim qadam sanaladi.

Ma'lumotlar himoyasi: huquq sifatida tan olinish jarayoni - Yevropa Ittifoqi 2018-yilda qabul qilingan Umumiy ma'lumotlar himoyasi to'g'risidagi nizom (GDPR) global miqyosda ma'lumotlarni himoya qilish standartlarini belgilashda muhim ahamiyatga ega bo'ldi. GDPRning 17-moddasi "unutilish huquqini" belgilab, 83-moddasi esa ushbu qoidalarni buzish uchun umumjahon daromadining 4% gacha jarima belgiladi (Official Journal of the EU, 2016, L 119, pp. 1-88).

Paul Schwartz va Daniel Solove[1] "Reconciling Personal Information in the United States and European Union" maqolasida (California Law Review, vol. 102, pp. 877-915) transatlantik ma'lumot oqimlari va turli huquqiy madaniyatlar o'rtasidagi ziddiyatlarni tahlil qildi. Ular "maxfiylik paradoksi" deb nomlangan hodisani — fuqarolar ma'lumot himoyasini istashi, ammo qulay raqamli xizmatlar uchun ma'lumotlarini berishga tayyor bo'lishini — ilmiy jihatdan asoslab berdi.

O'zbekiston Respublikasida 2019-yil 2-iyulda qabul qilingan "Shaxsga doir ma'lumotlar to'g'risida"gi Qonun ma'lumotlarni himoya qilishning asosiy tamoyillarini belgiladi. Ammo bu qonunning raqamli iqtisodiyot sharoitidagi samaradorligini oshirish uchun GDPR tajribasini hisobga olgan holda yangi islohot zarurligi haqidagi masala hali ochiq bo'lib qolmoqda.

Kiberhavfsizlik va fuqarolik erkinliklari: ziddiyat yoki muvozanat? - Milliy xavfsizlikni ta'minlash maqsadida raqamli kuzatuv texnologiyalaridan foydalanish global muhokama mavzusiga aylangan. Edvard Snoudenning 2013-yildagi oshkoraliklar tufayli NSA (AQSh Milliy

[1] Schwartz, P., & Solove, D. (2014). Reconciling Personal Information in the United States and European Union. California Law Review, 102(4), pp. 877-915.

xavfsizlik agentligi) ommaviy kuzatuv dasturlari dunyo jamoatchiligiga ma'lum bo'ldi. Bu hodisa xavfsizlik va shaxsiy hayot daxlsizligi o'rtasidagi muvozanat masalasini keskin ko'taridi.

Yochai Benkler[1] "The Wealth of Networks" asarida (pp. 1-18, 212-272) internet erkinligining demokratik jamiyatdagi o'rni va davlat nazorati xavfi haqida asosli tahlil keltirdi. Muallif ta'kidlashicha, raqamli muhitdagi erkinlik an'anaviy so'z va matbuot erkinligidan sifat jihatidan farq qilib, u axborot ishlab chiqarish va tarqatishda fuqarolar ishtirokini tubdan o'zgartiradi.

Bruce Schneier "Data and Goliath" asarida (pp. 55-130, 215-258) davlat va korporatsiyalarning kuzatuv infratuzilmasining ikki tomonlama xavfini tahlil qildi. U ommaviy kuzatuvning terrorizmga qarshi samaradorligi haqidagi da'volarni empirik ma'lumotlar orqali shubha ostiga qo'ydi va maqsadli kuzatuv usullarining yuridik jihatdan afzalliklarini ko'rsatdi.

Blokcheyn va qonun ustuvorligi: yangi imkoniyatlar - Blokcheyn texnologiyasi "trustless" ishonchsiz muhitda ishonchli tranzaksiyalarni amalga oshirish imkonini beruvchi inqilobiy texnologiya sifatida paydo bo'ldi. Huquqiy sohadagi qo'llanilishi nuqtai nazaridan blokcheyn: mulk huquqlarini ro'yxatga olish, bajarilishini avtomatlashtrish (smart contracts), sud dalillarini saqlash va saylov jarayonlarini qayd etish kabi sohalarda katta imkoniyat yaratadi.

Primavera De Filippi va Aaron Wright[2] "Blockchain and the Law: The Rule of Code" asarida (Harvard University Press, pp. 1-42, 73-117) blokcheynning huquqiy tartibga solishga ta'sirini keng qamrovli tahlil qildi. Ular "lex cryptographia" — kriptografik qoidalar asosida amalga oshiriladigan avtomatlashtirilgan boshqaruv tushunchasini ishlab chiqdi. Bu yondashuv an'anaviy qonuniy mexanizmlarga muqobil bo'la olishi, lekin

[1] Benkler, Y. (2006). The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven: Yale University Press, pp. 1-18, 212-272.

[2] De Filippi, P., & Wright, A. (2018). Blockchain and the Law: The Rule of Code. Cambridge: Harvard University Press, pp. 1-42, 73-117.

ayni paytda mavjud qonuniyligi muammosini yechish talab etishi aniq bo'ldi.

Raqamli huquq sohasidagi olimlar orasida bir necha fundamental masalalar bo'yicha keskin bahs davom etmoqda.

"Texnologik determinizm" va "huquqiy konstruktivizm" bahsi: Bir tomondan, Marshal McLuhan va uning izdoshlari texnologiyaning mustaqil mantig'i borligini va u jamiyatni o'zgartiradi deb ta'kidlaydi. Boshqa tomondan, Lawrence Lessig va Jack Balkin sifatidagi olimlar huquq texnologiyani shakllantirishi mumkin va xohishi kerak deb hisoblaydi. Balkin o'zining "Free Speech in the Algorithmic Society" maqolasida (UC Davis Law Review, vol. 51, pp. 1149-1210) raqamli platformalar uchun "ikkinchi darajali ifoda qoidalarini" (second-order speech rules) yaratish zarurligini asosladi.

"Raqamli suverenitet" munozarasi - Shira Perlmutter va Daniel Gervais[1] "The Machine Authors" maqolasida (Vanderbilt Journal of Transnational Law, vol. 55, pp. 1217-1284) sun'iy intellekt yaratgan asarlar uchun mualliflik huquqi ega bo'lish mumkin yoki yo'qligini o'rganib, hozirgi qonunlar inson ijodkorligini talab qilishi sababli AI mualliflik huquqiga da'vo eta olmasligini ko'rsatdi. Ammo bu masala hali ham ochiq bo'lib qolmoqda.

Frank Pasquale: "The Black Box Society" asarida (Harvard University Press, pp. 1-18) algorithmic shaffofliksizlik muammosini quyidagicha ifodaladi: "Algoritmlar bo'yicha savollar berish huquqimiz bo'lmasa, ular haqiqiy kuch bo'lib qoladi, lekin demokratik nazoratdan chetda." (p. 9) Ushbu tezis bugungi kunda AI tartibga solish siyosatining markazida turadi.

Margrethe Vestager: Yevropa Komissiyasining raqamli siyosat bo'yicha vitse-prezidenti sifatida u sun'iy intellektni tartibga solish uchun risklarga asoslangan yondashuvni quyidagicha izohladi: "Sun'iy intellektni qanday qilib to'g'ri tartibga solish haqida bilishimiz kerak — innovasiyalarni

[1] Perlmutter, S., & Gervais, D. (2022). The Machine Authors. Vanderbilt Journal of Transnational Law, 55(5), pp. 1217-1284.

bo'g'masdan, lekin asosiy huquqlar himoyasini kafolatlab." (European Commission Policy Brief, 2021, p. 3)

Luciano Floridi[1]: "The Logic of Information" asarida (Oxford University Press, pp. 157-203) ma'lumot huquqi — informatsion huquq — ni alohida huquqiy soha sifatida ajratib ko'rsatdi. Floridi ta'kidlaganidek, raqamli davrda "infosfera" — axborot muhiti — inson hayotining asosiy qatlamiga aylangan va shunga ko'ra axborot huquqlari an'anaviy fuqarolik huquqlari qatorida tan olinishi kerak.

Amalga oshirilgan tahlil asosida raqamli davrda qonun ustuvorligini ta'minlashning beshta asosiy tamoyili ishlab chiqildi:

I. Algoritmik adolat tamoyili. Davlat organlari tomonidan qo'llaniladigan barcha avtomatlashtirilgan qaror qabul qilish tizimlari shaffof, tekshiriladigan va inson nazoratiga bo'ysunadigan bo'lishi shart. AI Act (EU)ning 13-17 moddalarida belgilangan talablar bu borada muhim model bo'lib xizmat qilishi mumkin.

II. Mutanosiblik tamoyili. Raqamli kuzatuv va ma'lumot yig'ish chora-tadbirlari milliy xavfsizlik va inson erkinliklarining mutanosib muvozanatini ta'minlashi zarur. Yevropa Inson Huquqlari Sudi (ECHR) ning Big Brother Watch v. UK (2021) ishida belgilangan 4 kriteriyasi ushbu baholash uchun ishonchli standart yaratdi.

III. Universal huquqiy qamrov tamoyili. Raqamli huquqsizlik — raqamli texnologiyalarga kirish imkoni bo'lmagan fuqarolar — huquqiy tenglikni buzadi. Shuning uchun raqamli infratuzilmaga universal kirish imkoniyati davlat tomonidan kafolatlangan ijtimoiy huquq sifatida belgilanishi kerak.

IV. Texnologik neytrallik tamoyili. Qonunlar muayyan texnologiyaga bog'liq holda emas, balki texnologiyadan mustaqil prinsiplar asosida yaratilishi kerak. Bu qonunni tez eskirib qolmasligini ta'minlaydi.

[1] Floridi, L. (2019). The Logic of Information: A Theory of Philosophy as Conceptual Design. Oxford: Oxford University Press, pp. 157-203.

V. Xalqaro hamkorlik tamoyili. Kiber tahdidlar va raqamli monopollar milliy chegaralarni tan olmaydi. Shuning uchun raqamli huquq sohasida xalqaro konventsiyalar, bilateral va multilateral shartnomalar muhim ahamiyat kasb etadi.

Xulosa qilib aytganda, raqamli davrda qonun ustuvorligi an'anaviy qonunchilik tamoyillarini saqlab qolgan holda innovatsion texnologik muhitga moslashtirishni talab etadi. Sun'iy intellekt, ma'lumotlar himoyasi, kiberhavfsizlik va blokcheyn bularning har biri alohida huquqiy muammolarni keltirib chiqaradi, ammo ular o'rtasida umumiy mavzu bor: quvvat va ma'lumotning kontsentratsiyasi demokratik nazoratdan chetga chiqmasligi kerak.

O'zbekiston uchun ushbu tadqiqotning amaliy ahamiyati shundaki, mamlakatimiz "Raqamli O'zbekiston" strategiyasini amalga oshirish davomida xalqaro eng yaxshi amaliyotlarni xususan, GDPR, EU AI Act va Budapest kiberjinoyatchilik konventsiyasini o'z huquqiy tizimiga moslashtirib qabul qilishi muhim imkoniyatni beradi. Bu nafaqat fuqarolar huquqlarini himoya qiladi, balki xorijiy investorlar uchun huquqiy ishonchni ham oshiradi. Kelajakdagi tadqiqotlar uchun kvant hisoblash va sun'iy umumiy intellekt (AGI) ning huquqiy tartibga solinishi, raqamli pul (CBDC) ning huquqiy maqomi va metaverse ichidagi huquqiy munosabatlar muhim yo'nalishlar bo'lishi mumkin.

РАХИМОВА СИТОРА
АЛИШЕР ҚИЗИ
Мирзо Улуғбек тумани ИИО ФМБ
Тергов бўлими терговчиси
ИИВ Академияси
мустақил изланувчиси

АТРОФ ТАБИИЙ МУҲИТНИ ИФЛОСЛАНТИРИШ ЖИНОЯТИНИНГ ИЖТИМОИЙ ХАВФЛИ ХУСУСИЯТЛАРИ

Аннотация*: Ушбу мақолада атроф-табиий муҳитни ифлослантириш жиноятининг* ***ижтимоий хавфли хусусиятлари*** *таҳлил қилинади. Атроф табиий муҳитни ифлослантириш жиноятининг экологик хавфсизликка, инсон саломатлигига ва жамият манфаатларига салбий таъсири, шунингдек экологик жиноятларнинг келиб чиқиш сабаблари ҳамда уларнинг оқибатлари илмий-ҳуқуқий нуқтаи назардан кўриб чиқилади.*

Аннотация*: В данной статье анализируются общественно опасные особенности преступления, связанного с загрязнением окружающей природной среды. Рассматриваются негативное влияние преступления загрязнения окружающей природной среды на экологическую безопасность, здоровье человека и интересы общества, а также причины возникновения экологических преступлений и их последствия с научно-правовой точки зрения.*

Abstract*: This article analyzes the socially dangerous characteristics of the crime of environmental pollution. The negative impact of the crime of environmental pollution on environmental safety, human health, and public interests, as well as the causes of environmental crimes and their consequences, are examined from a scientific and legal perspective.*

Калит сўзлар: *экологик жиноятлар, атроф табиий муҳит, ифлослантириш, ижтимоий хавф, экологик хафсизлик ва унинг оқибатлари.*

Ключевые слова: *экологические преступления, окружающая природная среда, загрязнение, общественная опасность, экологическая безопасность и её последствия.*

Keywords: *environmental crimes, environment, pollution, social danger, environmental safety and its consequences.*

Атроф-муҳитни муҳофаза қилиш, хусусан, инсоннинг унга кўрсатадиган зарарли таъсирини чеклаш масаласи доимо халқаро ташкилотлар диққат марказида бўлиб келган. Масалан, Бирлашган Миллатлар Ташкилотининг инсон атроф-муҳити муаммолари бўйича 1972[1] йилдаги Стокгольм конференцияси дунё халқлари инсон атроф-муҳитини сақлаб қолиш ва яхшилаш учун амал қилиши лозим бўлган 26 та принципни эълон қилди. Унда ҳар бир давлат атроф-муҳитни муҳофаза қилиш ва яхшилаш учун зарур ресурсларни ажратиши шартлиги, ўз табиий ресурсларини ўз экологик сиёсатига мувофиқ ишлаб чиқиш ҳуқуқига эга эканлиги, шунингдек, ўз юрисдикцияси ёки назорати остидаги фаолият бошқа давлатларнинг атроф-муҳитига ёки миллий юрисдикция доирасидан ташқаридаги ҳудудларга зарар етказмаслигини таъминлаш учун жавобгар эканлиги алоҳида қайд этилди.

Атроф-муҳитни муҳофаза қилиш соҳасидаги ушбу ва кўплаб бошқа халқаро сиёсий-ҳуқуқий ҳужжатлар маҳаллий қонунчиликнинг асосини ташкил этади. Ўзбекистон Республикасининг экологик қонунчилиги тизимидаги асосий, таянч қонун бу Ўзбекистон Республикаси Конституцияси ҳисобланиб, унинг 49-моддасида ҳар бир инсоннинг қулай атроф-муҳитга эга бўлиш ҳуқуқи кўзда тутилган[2], бундан ташқари, Конституциянинг 62-моддасида фуқароларнинг атроф табиий муҳитга эҳтиёткорона муносабатда бўлишга мажбур эканликлари фуқаролик бурчи сифатида белгиланган[3]. 1992 йил 9 декабрдаги “Табиатни муҳофаза қилиш тўғрисида”ги 1-моддасида эса табиий муҳит шароитларини сақлашнинг, табиий ресурслардан

[1]Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды // :https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv

[2] Ўзбекистон Республикаси Конституцияси Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 01.05.2023 й., 03/23/837/0241-сон. https://lex.uz/docs/6445145

[3] Ўзбекистон Республикаси Конституцияси Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 01.05.2023 й., 03/23/837/0241-сон. https://lex.uz/docs/6445145

оқилона фойдаланишнинг ҳуқуқий, иқтисодий ва ташкилий асослари белгиланган[1].

Шу ўринда, 1996 йил 27 декабрда Ўзбекистон Республикасининг “Атмосфера ҳавосини муҳофаза қилиш тўғрисида”ги қонунида ҳам атмосфера ҳавосини муҳофаза қилиш бўйича фуқароларининг ҳуқуқ ва мажбуриятлари, стандартлар ва меъёрий ҳужжатлар, ҳаво муҳитига зарар етказганлик учун жавобгарлик белгиланган. 1994 йил 23 сентабрда қабул қилинган Ўзбекистон Республикасининг “Ер ости бойликлари тўғрисида”ги қонуни, 1993 йил 6 майда қабул қилинган Ўзбекистон Республикасининг “Сув ва сувдан фойдаланиш тўғрисида”ги қонуни, 1999 йил 14 апрелда қабул қилнган Ўзбекистон Республикасининг “Ўрмон тўғрисида”ги қонуни, 2001 йил 6 декабрда қабул қилинган Ўзбекистон Республикасининг “Чиқиндилар тўғрисида” ги қонунлари шулар жумласидандир .

Бундан ташқари, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2019 йил 30 октябрдаги “2030 йилгача бўлган даврда Ўзбекистон Республикасининг атроф- муҳитни муҳофаза қилиш концепциясини тасдиқлаш тўғрисида” ги ПФ-5863-сонли Фармонида ҳам Ўзбекистон Республикаси аҳолисининг ҳаёти ва саломатлик даражасини яхшилашнинг зарур шарти сифатида атроф муҳитнинг қулай ҳолатини таъминлаш мақсади кўзда тутилган[2].

Ҳозирги вақтда экология соҳасидаги жиноятлар давлатнинг экологик хавфсизлигига сезиларли таҳдид солмоқда. Ушбу жиноятларнинг ўзига хослиги шундаки, уларнинг бевосита зарари нафақат ҳозирги авлод ҳаётига, балки келажакдаги инсон ривожланиши имкониятларига ҳам таъсир қилади. Экологик жиноятлар содир этилганда жамият бевосита зарардан ташқари,

[1] Ўзбекистон Республикасининг “Табиатни муҳофаза қилиш тўғрисида”ги Қонуни Ўзбекистон Республикасининг 2021 йил 21 апрелдаги ЎРҚ-683-сонли Қонуни таҳририда — Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 21.04.2021 й., 03/21/683/0375-сон

[2] 2030 йилгача бўлган даврда Ўзбекистон Республикасининг атроф мухитни мухофаза қилиш концепциясини тасдиқлаш тўғрисидаги ПФ 5863 фармони

муқобил характердаги муаммоларга ҳам дуч келади, жумладан, биохилма-хилликнинг қисқариши, ҳаёт сифатининг пасайиши, хавфли сурункали касалликларнинг кўпайиши ва ҳ.к.

Шу муносабат билан, экологик жиноятларни ижтимоий хавфли, оғир ва латент (яширин) деб ҳисоблаш мумкин, бу эса ушбу тоифадаги жиноятларни аниқлаш ва фош этиш самарадорлигини оширишга қаратилган чораларни излашни талаб қилади.

Ҳар қандай жиноятнинг *ижтимоий хавфлилиги* унинг ўрнатилган ижтимоий муносабатларни бузиши, тартибсизликка олиб келиши, иштирокчиларнинг ўз вазифаларини бажаришига, қонун томонидан берилган ҳуқуқ ва эркинликлардан фойдаланишига тўсқинлик қилиши билан изоҳланади. Пировардида бу ҳолат жамиятга умумий зарар етказади. Ҳар қандай ижтимоий муносабатларнинг негизида уларнинг келиб чиқиши ва ривожланиши учун моддий ёки бошқа зарур шарт-шароит бўлиб хизмат қиладиган қадриятлар ётади[1]. Ҳолбуки, жамиятдаги ҳар қандай ижтимоий ҳодисанинг ўзига хос хусусияти бўлгани каби, атроф табиий муҳитни ифлослантириш жиноятинингнинг ҳам ўзига хос салбий оқибатлари мавжуд. Унинг салбий оқибатларини очиб бериш учун, авваламбор ушбу қилмишнинг ижтимоий хавфлилигини баҳоловчи умумий хусусиятларини тушуниб олиш муҳим саналади. Бироқ, бугунги кунда жиноят ҳуқуқи назариясида қилмишнинг ижтимоий хавфлилиги масаласи мунозарали ҳолатлардан бири ҳисобланади. Зеро, ҳар қандай қилмишга жиноийлик тусини бериш (криминаллаштириш) учун, авваламбор унинг ижтимоий хавфлилик даражаси ва хусусиятини аниқлаш лозим. Жиноий-ҳуқуқий нуқтаи назардан айнан ушбу белги қилмишга жиноийлик тусини бериш учун асос сифатида хизмат қилади. Шу сабабли жиноятнинг асосий белгилари қаторида қонун чиқарувчи

[1] Голубев С.И. Классификация экологических преступлений: критический анализ уголовно-правовой литературы // Актуальные проблемы российского права. 2017. N 10(83). С. 140–151. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.83.10.140-151

биринчи навбатда «қилмишнинг ижтимоий хавфлилиги»ни назарда тутади.

Шу ўринда таъкидлаш керакки, адабиётларда муайян қилмишнинг ижтимоий хавфлилиги, унинг жиноят қонуни билан қўриқланадиган ижтимоий муносабатларга зарар етказадиган ёки зарар етказиш реал хавфини келтириб чиқариш хусусияти билан аниқланиши[1] қайд қилинади. Қилмишнинг ижтимоий хавфлигини баҳолашга албатта муайян қилмишнинг содир этилиши натижасида етказилган зарарнинг сифат ва миқдор кўрсатгичлари бевосита таъсир қилади. Бинобарин, бу борада М.Усмоналиев ўз фикрини баён қилиб, ижтимоий хавфлилик кенг ва мураккаб категория, эканлигини ёзади. Унинг тўғри таъкидлашича, «Жиноятнинг ижтимоий хавфлилиги унинг сифат кўрсаткичи ҳисобланади. Айнан қилмишнинг сифат кўрсаткичи уни жиноят деб ҳисоблаш ёки ҳисобламаслик масаласини аниқлаб беради. Қилмишда ижтимоий хавфлиликнинг мавжудлиги унинг ижтимоий муносабатга зарар етказиш ёки зарар етказиш хавфи остида қолдиришини билдиради. Қонун чиқарувчи орган ижтимоий хавфли қилмишнинг ана шу хусусиятларини ҳисобга олиб уни жиноятлар доирасига киритиш ёки киритмаслик масаласини ҳал қилади. Бунда қонун чиқарувчи органнинг вазифаси жамият ривожланишининг муайян босқичида жамиятнинг ҳаётини тўғри баҳолаш ва қилмишни жиноят деб ҳисоблаш ёки декриминализатсия қилишдан иборатдир»[2]. Шунингдек, Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг 2006 йил 3-февралдаги 1-сонли Қарорининг 3-бандида Жиноятнинг ижтимоий хавфлилик хусусияти тажовуз объекти (инсон ҳаёти ва соғлиғи, мулк, жамоат хавфсизлиги ва ҳ.к.), айб шакли,

[1] Рустамбаев М.Х. Ўзбекистон Республикасининг Жиноят кодексига шарҳлар. Умумий қисм. – Т.: «Yuridik adabiyotlar publish», 2021. – Б. 89. (784 б.); Барчашвили И.Ш. Қазақстан Республикасынын Қылмыстық Кодексіңе түсіндерме. Жалпы болік. 1–том. Алматы: Жеті жарғы, 2021. 1 т. – Б. 285; Jinoyat huquqi (Umumiy qism) Darslik. Mualliflar jamoasi // Mas'ul muharrir. X.Ochilov – T.:Adolat nashriyoti, 2020l. – B. 26-32.

[2] *Усмоналиев М.* Жиноят ҳуқуқи. Умумий қисм. Олий ўқув юртлари учун дарслик. – Т., «Янги аср авлоди», 2010, – Б. 71.

жиноий қилмишнинг қонунда қайси тоифага (ЖК 15-моддаси) киритилганлиги билан Жиноятнинг ижтимоий хавфлилик даражаси қилмиш содир этилиши ҳолатлари (жиноий ниятнинг амалга оширилганлиги даражаси ва босқичлари жиноятни содир этиш усули, зарар миқдори ёки келиб чиққан оқибатлар оғирлиги, иштирокчиликда содир этилган жиноятда судланувчининг роли) билан белгиланиши хусусида тушунтириш берилган[1].

Дарҳақиқат, *қилмишнинг ижтимоий хавфлилиги, унинг содир этилиши натижасида шахс, жамият ва давлат манфаатларига етказадиган зарарнинг хусусияти ва даражаси билан белгиланади, у жиноятнинг зарурий белгиларидан бири сифатида баҳоланади ҳамда қилмишнинг ижтимоий хавфлилик даражасини баҳолаш орқали унга қарши кураш йўналишлари ва чоралари аниқланади.* Аммо, ҳорижий давлатлар жиноят ҳуқуқи доктринасида, ижтимоий хавфлилик қилмишни жиноят деб баҳолашда муҳим аҳамият касб этмайди[2], деган фикрлар билдирилади. Масалан, К. Хамдорф бу борада турли ижтимоий қатламларда жиноят содир этишнинг турли мотивлари ва шарт-шароитлари мавжудлигини таъкидлаб, улар ўртасидаги фарқларни ажратади. Бунда у жиноят тушунчасини таърифлашда жиноятнинг моддий белгиси – ижтимоий хавфлиликни ифодалашга зарурат йўқлигидан келиб чиқади[3]. Айни дамда бундай нуқтаи назар

---

[1] Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг “Судлар томонидан жиноят учун жазо тайинлаш амалиёти тўғрисида”ги 03.02.2006 йилдаги 1-сонли Қарори

[2] Criminal Law: Doctrine, Application, and Practice. 2nd Edition by Assistant Professor of Law *Jens David Ohlin*. 2018. – P. 972. *Фристер, Гельмут.* Уголовное право Германии. Общая часть = Strafrecht. Allgemeiner Teil: пер. с нем. – 5-е изд. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 712 с. Smith, Hogan and Ormerod’s Criminal Law. David Ormerod and Karl Laird. Fifteenth Edition. Oxford University Press. 2018. – P. 1143. Simesters and Siillivan’s Criminal Law: Theory and Doctrine. Seventh Edition // AP.Simester, JR.Spencer, F.Stark, GR Sullivan, GR Virgo. Hart Publishing. 2019. – P. 964.

[3] *Hamdorf K.* The concept of a joint criminal enterprise and domestic modes of liability for parties to a crime: a comparison of German and English law // Journal of International Criminal Justice. 2007. Vol. 5, – № 1. – P. 208-210.

бошқа ҳорижий олимлар томонидан ҳам қўллаб-қувватлаанди[1]. Бироқ, назаримизда бундай қарашни тўлиқ қўллаб-қувватлаб бўлмайди, чунки таъкидлаганимиздек қилмишнинг ижтимоий хавфлилиги ҳар қандай жиноятнинг зарурий белгиси сифатида намоён бўлиши керак. Боиси, ижтимоий хавфли бўлмаган қилмиш шахс, жамият ва давлат манфаатларига зарар етказмайди. *Бизнингча, ижтимоий хавфлилик қилмиш содир этилиши натижасида муайян ижтимоий муносабатларга зарар етказиши (зарар етказиш реал хавфини келириб чиқариши) натижасида уларни жиноий-ҳуқуқий воситалар орқали муҳофаза қилиш учун эҳтиёжни юзага келтиришида, ижтимоий хавфли оқибатларни келтириб чиқаришида (бундай оқибатлар ташкилий, мулкий, жисмоний ёки бошқа мазмунга эга бўлиши мумкин) ва уларни содир этишда шахс руҳий ҳолатининг ижтимоийликка зид бўлишида (бундай субектив мезон қилмишнинг ижтимоий хавфини оширишга бевосита таъсир қилади) намоён бўлади.* Зеро, ижтимоий хавфли қилмиш ва ижтимоий хавфли оқибатлар бир-бири билан узвий боғлиқ бўлади, чунки жамият учун хавфли оқибатлар айнан содир этилган қилмишнинг ижтимоий хавфлилиги туфайли юз беради. Шу билан бирга, эътиборга олиш керакки, алоҳида ҳолларда ижтимоий хавфли оқибатлар муайян соҳада белгиланган тартиб ва қоидаларнинг бузилиши натижасида ҳам келиб чиқади. Гарчи, муаян ижтимоий муносабатларнинг алохида ижтимоий аҳамияти, яъни ушбу ижтимоий муносабатларни жиноят қонуни нормалари билан ҳимоя қилишга бўлган эҳтиёжини аниқлаш, авваламбор қилмишнинг Ўзбекистон Республикаси Конституцияси нормалари билан мустаҳкамланган қадриятларга путур етказиши мумкинлигидан келиб чиқади. Шуни ҳисобга олган ҳолда, жиноят ҳуқуқида, биринчи навбатда ҳимоя қилинадиган ижтимоий муносабатлар сифатида шахснинг ҳуқуқ ва

[1] *Innes M.* The appliance of science? The theory and practice of crime intelligence analysis / M. Innes, N. Fielding, N. Cope // The British Journal of Criminology. – 2005. – Vol. 45, iss. 1. – P. 39-57. *Millie A.* Anti-social behaviour, behavioural expectations and an urban aesthetic / A. Millie // British Journal of Criminology. – 2008. – Vol. 48, – № 3. – P. 379-394.

эркинликларини таъминлайдиган ижтимоий муносабатлар инобатг олиади. Бироқ, бунда фақат контитуциявий нормалар билан мустаҳкамланган қадриятларга зарар етказиш ёки зарар етказиш реал хавфини келтириб чиқарадиган қилмишларгина ижтимоий хавфли деб топилади деган хулосага борилмаслиги керак. Балки, қилмишнинг ижтимоий хавфлилиги ва жиноий-ҳуқуқий муҳофаза олишга муҳтожлигини аниқлашда Ўзбекистон Республикаси Конституциясида мустаҳкамланган қадриятлардан ташқари, давлатнинг бошқа қонун хужжатлари, муҳим давлат дастурлари бошқа қонуни хужжатлари, стратегиялари ва концепсияларида белгиланган устувор вазифаларга путур етказиши мумкинлиги ҳам инобатга олиниши зарур. Бинобарин, биз кўриб чиқаётган атроф табиий муҳитни ифлослантириш жиноятининг ижтимоий хафлилигини баҳолаш учун бундай қилмишлар натижасида қандай ижтимоий муносабатларга зарар етиши ёки ижтимоий хафвли оқибатлари нималарда намаён бўлишини таҳлил қилишимиз муҳим ҳисобланади. Бунда айни пайтда, ўрганилаётган муаммо бўйича одиб борилган тадқиқотларни ўрганиш мақсадга мувофиқдир. Жумладан, ушбу муаммонинг жиноий-ҳуқуқий жиҳатларини ўрганган А. И. Чучаев, Э. Н. Жевлаков, Е. В. Виноградова, В. Л. Кудрявцев, И. В. Лавыгина ва бошқа муаллифлар ишларида атроф табиий муҳитни ифлослантириш жиноятининг ижтимоий хавфли хусусияти ва даражаси хусусида турли хил ёндашувлар тавсифланган, таърифлар таклиф қилинган ва белгилар баён қилинган. "Экология соҳасидаги жиноятлар" тушунчаси ҳақида олимлар орасида ягона фикрлар йўқлиги туфайли, уларнинг таърифлари бир хил эмас. Масалан, А. И. Чучаев шундай ёзади: “экология соҳасидаги жиноятлар – бу инсоннинг муносиб ҳаёти учун қулай табиий муҳитни сақлашни таъминлайдиган ижтимоий муносабатларга, унинг ресурсларидан оқилона фойдаланишга ва аҳолининг экологик хавфсизлигини

таъминлашга тажовуз қиладиган, ижтимоий хавфли айбли ҳаракат”[1]. Э. Н. Жевлаков "экология соҳасидаги жиноятлар"ни жиноят қонунида назарда тутилган, ижтимоий хавфли, айбли, жазоланадиган, сифат жиҳатидан қулай муҳитни сақлашга, унинг ресурсларидан оқилона фойдаланишга ва аҳолининг экологик хавфсизлигини таъминлашга қаратилган ижтимоий муносабатларга тажовуз қилувчи ҳаракатлар деб таърифлайди[2]. Е. В. Виноградова, ўз навбатида, Е. Н. Жевлаков томонидан таклиф қилинган тушунчани танқид қилади ва бу таърифнинг номувофиқлигини асослаб, умуман экологик жиноятда ижтимоий хавфилилик ва таъқиқланганганлик мавжудлиги уни бошқа жиноятлар гуруҳидан ажрата олмаслигини айтади; бундан ташқари "сифат жиҳатидан қулай муҳитни муҳофаза қилиш бутун табиатни муҳофаза қилишни англатмайди", шунда "табиий ресурслардан оқилона фойдаланиш экологик муносабатларни эмас, мулкий муносабатларни белгилайди[3]”. Бунда Е.В.Виноградова таъкидлайдики, "экологик жиноят – бу жиноят қонуни билан жазоланадиган, экологик хавфсизлик ва экологик қонун тартибига тажовуз қиладиган ва табиий муҳитга жиддий зарар етказадиган ёки зарар келтириш хавфини келтириб чиқарадиган ижтимоий хавфли ҳаракатдир[4]". Муаллифнинг сўзларига кўра, экология соҳасидаги жиноятлар тушунчаси унинг барча белгилари ва хусусиятларини тўлиқ акс эттирмайди, чунки "табиий муҳит" тушунчаси Жиноят кодекси моддалари амал қилиши мумкин бўлган санкцияларининг таъсирини торайтиради. Бундай ҳолда табиий муҳитни ҳам, антропоген объектларни ҳам ўз ичига олган "атроф-муҳит" тушунчасидан фойдаланиш янада адолатли бўлар еди,

[1] Князьев А.Г., А.И. Чучаев., Д.Б. Чураков Экологические преступления. Научнопрактическое пособие. -Москва: «Проспект», 2014 С.46.
[2] БриллиантоваА.В. Уголовное право России: Части Общая и Особенная – Москва: Проспект, 2011. – 827 с.
[3] Жевлаков Э.Н. Экологические преступления: понятие, виды, проблемы ответственностьи: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.08.- Москва, 1991.- 54 с.
[4] Виноградова Е.В. Преступления против экологической безопасности автореф. дис. доктора. юрид. наук / Виноградова Елена Валеревна. – Ставропол, 2001 – 26 с.

уларнинг одамларга таъсирини камайтириш учун уларнинг хавфсизлиги ҳам таъминланиши керак. В. Л. Кудрявцевнинг сўзларига кўра, "экология соҳасидаги жиноятлар – бу табиий муҳит компонентларининг мажмуи, табиий ва табиий-антропоген объектлар, шунингдек антропоген объектлар тўплами сифатидаги атроф-муҳитга тажовуз қиладиган ижтимоий хавфли ҳаракатлардир"[1].

О.Л.Дубовикнинг таъкидлашича, экология соҳасидаги жиноятлар "жиноят қонунида назарда тутилган ва у томонидан жазо таҳдиди остида тақиқланган, оқилона фойдаланиш ва ҳимоя қилиш инсоннинг мақбул ҳаётини таъминлайдиган атроф муҳитга ва унинг компонентларига, шунингдек, аҳоли ва ҳудудларнинг экологик хавфсизлигига тажовуз қиладиган ва ижтимоий бойлик сифатидаги табиий объектлардан бевосита ноқонуний фойдаланишдан (ёки уларга ноқонуний таъсир қилишдан), атроф-муҳит ҳолати ва сифатининг салбий ўзгаришига олиб келадиган айбли ижтимоий хавфли ҳаракат (ҳаракат ёки ҳаракатсизлик) деб тушунилиши керак"[2]. Экология соҳасидаги жиноятлар тушунчаси буйича олимлар томонидан юқорида билдирилган фикирларни таҳлил қилиб, бизнинг фикримизча О.Л.Дубовик томонидан билдирилган таъриф экология соҳасидаги жиноятларнинг барча хусусиятларини тўлиқ акс эттиради ва ушбу таърифни амалиётда қўллаш қулай деган хулосага келиш мумкин шунингдек, "экология соҳасидаги жиноятлар" тушунчасини шакллантириш учун жиноят ҳуқуқи доктринасида мавжуд бўлган жиноятчиликнинг умумий тушунчасига ва табиатни муҳофаза қилиш бўйича амалдаги қонун ҳужжатларининг қоидаларига риоя қилиш зарур деб ҳисоблаймиз.

Демак, ушбу муаммо бўйича олиб борилган тадқиқотларда, атроф табиий муҳитнинг ижтимоий хавфлилиги эътироф этилади ҳамда

[1] Кудрявцев В.Л. Экологические преступления: Общая характеристика//Вестник Южно-Уралского профессионалного института. 2021 (7) -С.105-116.

[2] Дубовик О.Л. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 УК РФ.-М.: Издво «Спарк», 1998. – С. 81

бундай қилмишларнинг ижтимоий хавфли оқибатлари сифатида атроф-муҳитга, инсон ҳаёти ва соғлиғига, ҳамда экологик хавфсизликни таъминловчи ижтимоий муносабатларга тажовуз қилиш, санитария эпидемиологик вазиятга салбий таъсир қилиш, криминоген вазиятни ёмонлаштириш ва давлатнинг миллий хавфсизлигига жиддий таҳдид солиши кабилар қайд қилинади. Бинобарин, мамлакатимиз Президенти Шавкат Мирзиёев жамият учун умумий хавф-хатарларга ўз эътиборини қаратар экан атроф-муҳит ифлосланишини глобал хавф деб баҳолаб, ҳаво ва сув тозалигини таъминлаш, чўлланишга қарши курашиш ҳамда 2025-йилни «Атроф-муҳитни асраш ва „яшил“ иқтисодиёт йили» деб эълон қилиш орқали экологик вазиятни яхшилашга алоҳида эътибор қаратмоқда. Бу борада "Яшил макон" умуммиллий лойиҳаси, чиқиндиларни бошқариш ва атмосфера ҳавоси мониторингини кучайтириш устувор вазифа этиб белгиланган[1].

Экология соҳасидаги жиноятлар–бу Жиноят кодексида назарда тутилган, инсоннинг ҳаётий фаолиятини табиий муҳитда сифат жиҳатидан сақлаб туришга, унинг ресурсларидан оқилона фойдаланишга, аҳолининг экологик хавфсизлигини таъминловчи ижтимоий муносабатларга тажовуз қилувчи ижтимоий хавфли қилмишдир.

Экология сохасидаги жиноятларнинг хусусияти, ижтимоий хавфлилик даражаси ва диспозиция холатларига кўра таснифлаб таҳлил қилинганида 18 (ўн саккизта) та ижтимоий хавфи катта бўлмаган жиноятлар (қасддан содир этилиб, қонунда уч йилдан кўп бўлмаган муддатга озодликдан махрум қилиш тарзидаги жазо назарда тутилган жиноятлар) 5 (беш та) унча оғир бўлмаган жиноятлар (қасддан содир этилиб, қонунда уч йилдан ортиқ, лекин беш йилдан кўп бўлмаган муддатга озодликдан махрум қилиш тарзидаги жазо

[1] Шавкат Мирзиёевнинг Олий Мажлис Қонунчилик палатасининг бош вазир лавозимига номзодни кўриб чиқиш ва Вазирлар Маҳкамасининг яқин ва узоқ истиқболга мўлжалланган ҳаракатлар дастури муҳокамасига бағишланган мажлисдаги нутқи // Халқ сўзи. – 2024. – 1 июль https:// uza.uz/uz/posts/zhismoniy-va-manaviy-etuk-yeshlar-ezgu-ma-sadlarimizga-etish-30-11-2024

назарда тутилган жиноятлар) одам ўлиши билан боғлиқ 5 (беш) та диспозиция холатини, зарар миқдори билан боғлиқ 5 (беш) та диспозиция холатларни, (қўп миқдорда зарар етказиш – баъзавий хисоблаш миқдорининг уч юз бараваридан беш бз бараваригача бўлган миқдорлаги зарар) иштирокчилик шакли билан боғлик - уч та диспозиция холати ва шу каби жиноятларнинг мазмун-мохиятини очиб берувчи бошқа мезонларни мавжудлигини кўриш мумкин.

Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодексининг 193–204-моддаларида назарда тутилган нормалар билан қўриқланадиган ижтимоий муносабатларнинг асосини табиий муҳитнинг *асосий объектлари – атмосфера, сувлар, ер, экинзор ва ўрмонлар, ҳайвонот дунёси* ташкил этади. Ушбу нормаларнинг Жиноят кодексининг IV бўлимида жойлашувини ҳисобга олган ҳолда, атроф-муҳитнинг асосий компонентлари ифлосланиши билан боғлиқ жиноятларнинг *умумий объекти атроф-муҳитни муҳофаза қилиш ва табиатдан фойдаланиш тартиби* деб тан олиниши лозим[1]. Шунга қарамай, айрим ҳуқуқшунос олимлар атроф-табиий муҳитнинг ифлосланиши билан боғлиқ жиноятларнинг умумий объектини *жамоат хавфсизлиги ва жамоат тартиби* деб ҳисоблайдилар[2]. В.С. Комиссаровнинг таъкидлашича, жамоат хавфсизлиги “жамиятнинг хавфсиз яшаш шароитларини тартибга солувчи, шунингдек, унинг нормал фаолият юритиши учун етарли бўлган ҳимоя даражасини қўллаб-қувватлайдиган ижтимоий муносабатлар мажмуини”[3] назарда тутади. А.В.Наумовнинг фикрича, атроф-муҳитни муҳофаза қилиш ва табиатдан фойдаланиш тартибини белгиловчи нормалар жамоат хавфсизлигининг барча манфаатларини ҳимоя қилишга қаратилмаган. Шу боис у жамоат хавфсизлиги деганда

[1] Рустамбоев М.Х. Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодексига шарҳ. Махсус қисм. – Тошкент: “Адолат”, 2024. – 104-105 б.

[2] Боковня Александра Юрьевна, Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с загрязнением окружающей среды, Текст научной статьи по специальности «Право» 2016г

[3] Комиссаров В.С Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сб. учён. тр. Свердл- ун-та. – 2019.– Вып. 10. – С. 170-171

фақат жамиятнинг ҳаётий муҳим манфаатларининг ҳимояланган ҳолатини тушунади[1].

Кўпгина жамоат хавфсизлиги таърифларида *атроф-муҳит хавфсизлиги* шахс, жамият ва давлатнинг умумий хавфсизлигининг энг муҳим таркибий қисми сифатида эътибордан четда қолади. Ф.Р.Сундуров тўғри таъкидлаганидек, бу жиноятларнинг хавфлилиги шундаки, уларнинг содир этилиши фуқароларга, ижтимоий институтлар фаолиятига нафақат жисмоний, моддий, ташкилий зарар етказиш, балки *атроф-табиий муҳитга ҳам зарар етказиш* билан боғлиқдир[2].

Қонун чиқарувчининг талқинида экология соҳасидаги жиноятларга қуйидагилар киритилиши мумкин: экология хавфсизлигига оид нормалар ва талабларни бузиш; атроф-табиий муҳитнинг ифлосланганлиги тўғрисидаги маълумотларни қасддан яшириш ёки бузиб кўрсатиш; атроф-табиий муҳитнинг ифлосланиши оқибатларини бартараф қилиш чораларини кўрмаслик; атроф-табиий муҳитни ифлослантириш; фойдали қазилмаларни рухсатномасиз қазиб олиш; фойдали қазилмаларни олтин изловчилар усулида рухсатномасиз қазиб олиш; ер, ер ости бойликларидан фойдаланиш шартларини ёки уларни муҳофаза қилиш талабларини бузиш; суғориладиган ерларни ўзбошимчалик билан эгаллаб олишга йўл қўймаслик бўйича чоралар кўрмаслик; экинзорларни, ўрмонларни, дарахтларни ёки бошқа ўсимликларни шикастлантириш ёхуд нобуд қилиш; ўсимликлар касалликлари ёки зараркунандалари билан кураш талабларини бузиш; ветеринария, ветеринария-санитария қоидалари ва нормаларини бузиш; зарарли кимёвий моддалар билан муомалада бўлиш қоидаларини бузиш; ҳайвонот ёки ўсимлик дунёсидан фойдаланиш тартибини бузиш; ҳайвонларга нисбатан шафқатсиз

[1] Наумов А.В. Российское уголовное право: в 2 т. – М.: Юрид. лит., 2004. – Т. 2. Особенная часть. – 361 с

[2] Сундуров Ф.Р. Преступления против общественной безопасности // Сундуров Ф.Р., Талан М.В. Уголовное право России. Особенная часть. – М.: Статут, 2012. – С. 402.

муносабатда бўлиш; сув ёки сув ҳавзаларидан фойдаланиш шартларини бузиш; муҳофаза этиладиган табиий ҳудудларнинг режимини бузиш. Буларнинг барчаси атроф-муҳитни муҳофаза қилиш ва табиатдан фойдаланишнинг энг муҳим ва ажралмас таркибий қисми ҳисобланади.

Шундай қилиб, хулоса қилиш мумкинки, атроф-табиий муҳитни ифлослантириш жинояти жуда юқори даражадаги *ижтимоий хавфлилик* билан тавсифланади, чунки улар одамларнинг, ер юзидаги барча тирик мавжудотларнинг ҳаётий фаолияти асосларига тажовуз қилади. Ҳар йили атроф-табиий муҳитнинг ёмонлашуви, табиатга техноген таъсир нафақат маҳаллий, минтақавий, балки *глобал миқёсдаги салбий ўзгаришларга* ҳам олиб келади. Қонун чиқарувчи, бизнинг фикримизча, атроф-муҳитнинг ифлосланиши билан боғлиқ жиноятлар таркибини экологик жиноятларнинг умумий таркибларидан кейин жойлаштириши бутунлай асослидир.

Экология ва атроф-муҳитни муҳофаза қилиш масаласи бугунги кунда глобал муаммолардан бири эканидан келиб чиқиб, мазкур тоифадаги жиноят ва маъмурий ҳуқуқбузарлик тўғрисидаги ишлар юзасидан қонунийлик ҳамда жазонинг муқаррарлигини таъминлаш билан бир қаторда ҳуқуқбузарликлар профилактикаси ҳам долзарб аҳамият касб этади.

Шунингдек, ушбу тоифадаги жиноятларни олдини олиш юзасидан ўтказилган ҳуқуқий-тарғибот тадбирларини ҳам талаб даражасида деб бўлмайди[1].

Атроф табиий муҳитнинг ифлослантириш жиноятининг ижтимоий хавфли оқибатларидани яни бири, унинг *табиий ресурслардан оқилона фойдаланиш ва уларни муҳофаза қилиш қоидаларини бузиш орқали жамият манфаатларига зарар етказиш* ҳисобланади. Бу борада қанчалик қонунчилик базаси кучайтирилиб, мазкур масалага давлат сиёсати даражасида эътибор қаратилмасин,

[1] https://sud.uz (Ўзбекистон Республикаси Олий суди расмий сайти).

фуқароларнинг табиатга бўлган муносабати ўзгармас экан, кўзланган мақсадларга эришиб бўлмайди. Шу нуқтаи назардан ҳам ушбу соҳада содир этилган жиноят ва маъмурий ҳуқуқбузарликлар юзасидан қонун устуворлиги ва жазонинг муқаррарлигини таъминлаш муҳим аҳамият касб этади. Умуман олганда, *экология соҳасидаги жиноятлар* Жиноят кодекси Махсус қисмининг тўртинчи бўлимдаги —Атроф-муҳитни муҳофаза қилиш ва табиатдан фойдаланиш соҳасидаги жиноятлар деб ном олган XIV бобида ўз ифодасини топган. Экология соҳасидаги жиноятларнинг ижтимоий хавфлилиги хусусияти ва даражаси ушбу жиноятлар содир этилиши натижасида экологияга, табиятга, атроф-муҳитга, ҳайвонот ва ўсимлик (ўрмон) дунёсига экологик зарар етказилишида намоён бўлади.

Ўз навбатида мазкур экологик зарар мамлакат экологияси, атроф-муҳит ва ҳайвонот ҳамда ўсимлик (ўрмон) дунѐсида оғир оқибатларга сабаб бўлишлиги билан бошқа жиноятлардан фарқланади.

Айни пайтда атроф табиий муҳитни ифлослантириш жиноятининг ижтимоий хавфли оқибатларини биз ўтказган тадқиқот натижалари ҳам тасдиқлади. Хусусан, атроф табиий муҳитни ифлослантириш жиноятининг мазкур соҳаларни тартибга солувчи амалдаги қонунчилик нормаларини бузиш ҳисобланиб, унинг содир этилиши натижасида бир қатор ижтимоий хавфли оқибатлар келиб чиқади. Хусусан, биринчидан, атроф табиий муҳитни ифлослантириш жиноятининг ижтимоий хавфли оқибати кўпинча дарҳол кўринмайди, лекин узоқ вақт давомида салбий таъсир қилади (масалан, биохилма-хилликнинг йўқолиши, ерларнинг яроқсиз ҳолга келиши). *бу ҳудудларда криминоген вазиятни мураккаблаштиришга олиб келиши билан боғлиқлигида* ҳисобланади. Ўрганиш натижаларига кўра, таҳлил даврида асосан ҳайвонот ёки ўсимлик дунёсидан фойдаланиш тартибини бузиш *(2024 йилда 116 нафар, 2025 йил 1-ярмида 77 нафар шахс судланган)* ҳамда экинзорларни, ўрмонларни, дарахтларни ёки бошқа ўсимликларни шикастлантириш ёхуд нобуд қилиш *(2024 йилда*

73 нафар, 2025 йил 1-ярмида 21 нафар шахс судланган) каби жиноий қилмишлар содир этилган[1]. Бунга албатта мамлакатга ташриф буюрувчи чет эл фуқаролари сонининг ортиши ва шу билан бирга жиноят қонунида ноқонуний миграция учун жавобгарликнинг назарда тутилмаганлиги ҳам бунга муайян сабаб ва шароитларни яратади. Бу борада баъзи олимларнинг ҳақли равишда таъкидлашларича, ноқонуний мигрантлар сони ва жиноятлар сони ўртасида тўғридан-тўғри боғлиқлик мавжуд[2]. Чунки ноқонуний мигрантларнинг ортиши ва уларнинг назоратсизлиги минтақадаги жиноятчилик даражасига салбий таъсир этади.

Мазкур статистик кўрсаткичлар юқоридаги ҳудудлар, айниқса Қорақалпоғистон Республикаси ва Самарқанд, Навоий, Қашқадарё, Тошкент вилоятида мазкур тоифадаги жиноятларни олдини олиш юзасидан қатъий чора-тадбирлар кўриш лозимлигини кўрсатмоқда.

Таъкидлаш жоизки, судланувчининг шахси ва қилмишига мутаносиб, асосли ва адолатли тайинланган жазо келгусида жиноятчиликни олдини олишдаги энг муҳим омиллардан ҳисобланади.

Ҳисобот даврида асосан сувдан фойдаланиш ва сув истеъмоли қоидаларини бузиш *(2024 йилда 377 нафар, 2025 йил 1-ярмида 180 нафар),* ов қилиш ва балиқ овлаш қоидаларини, шунингдек ҳайвонот дунёсидан фойдаланишнинг бошқа турларини амалга ошириш қоидаларини бузиш *(2024 йилда 199 нафар, 2025 йил 1-ярмида 96 нафар)* ҳамда фойдали қазилмаларни рухсатномасиз қазиб олиш *(2025 йил 1-ярмида 202 нафар шахс)* каби ҳуқуқбузарликлар содир этилган.

Таъкидлаш жоизки, Экология, атроф-муҳитни муҳофаза қилиш ва иқлим ўзгариши вазирлиги тизимидаги органлар томонидан чиқарилган қарорларга нисбатан МЖтКнинг 315-моддаси тартибида

[1] https://sud.uz (Ўзбекистон Республикаси Олий суди расмий сайти).

[2] Рашитов Л.Р. Преступления против порядка управления миграционной деятельностью в РоссийскойФедерации: криминологический и уголовно-правовой аспекты. *Автореф. дис. ... канд. юрид наук – Омск, 2019. – 23. Андрюшенков В. А.* Уголовная ответственность за организацию незаконной миграции: дис. … канд. юрид. наук. – Омск, 2016. – С. 24.

келиб тушган шикоятларни кўришда ҳам шу каби ҳолатларга йўл қўйилган.

Хусусан, таҳлил даврида судларнинг иш юритувига ушбу тоифадаги жами 950 та шикоят келиб тушган *(2024 йил 468 та, 2025 йил 1-ярмида 482 та)*. Шикоятларнинг 890 таси ёки 93,7 фоизи қаноатлантирилган ҳолда:

- 60 нафар *(7 %)* шахсга оид қарорлар бекор қилиниб, ҳуқуқбузарлар МЖтКнинг 21-моддасига асосан огоҳлантирилган;

- 715 нафар *(80 %)* шахсга оиди ўзгартирилиб, МЖтКнинг 33-моддаси қўлланган ҳолда тайинланган жазо чоралари енгиллаштирилган бўлса;

- 115 нафар *(13 %)* шахсга нисбатан бошқа мазмундаги қарорлар қабул қилинган.

Статистик кўрсаткичларга кўра, шикоятларнинг аксарият қисми, хусусан 463 таси *(2024 йилда 226 та, 2025 йил 1-ярмида 237 та)* ёки 48,7 фоизи дарахтларни, буталарни, бошқа ўсимликларни ва ниҳолларни қонунга хилоф равишда кесиш, кундаков қилиш, шикастлантириш, йўқ қилиш ёки бошқа жойга кўчириб ўтказиш *(МЖтК 79-моддаси 1-қисми)* билан боғлиқ ҳуқуқбузарликлар учун қўлланган жарималарга нисбатан келтирилган.

САФАРОВА АДИБА
ШУХРАТ ҚИЗИ
Ўзбекистон Республикаси
Президенти ҳузуридаги
Қонунчилик ва ҳуқуқий сиёсат институти
бош илмий ходими

ЭЛЕКТРОН ТИЖОРАТ ШАРОИТИДА ИСТЕЪМОЛЧИЛАР ҲУҚУҚЛАРИНИ ҲИМОЯ ҚИЛИШ: ЎЗБЕКИСТОН ҚОНУНЧИЛИГИНИ ТАКОМИЛЛАШТИРИШ МАСАЛАЛАРИ

Аннотация. *Ушбу мақолада электрон тижоратнинг жадал ривожланиши шароитида истеъмолчилар ҳуқуқларини ҳимоя қилиш масалалари таҳлил қилинган. Хусусан, онлайн савдода ахборот тақдим этиш мажбуриятлари, шахсий маълумотларни ҳимоя қилиш ва масофавий шартномалардан воз кечиш (cooling-off period) институтининг ҳуқуқий асослари ўрганилган. Ўзбекистон қонунчилигида мавжуд бўшлиқлар аниқланиб, Европа Иттифоқи ва Россия тажрибаси билан қиёсий таҳлил қилинган. Мақолада миллий қонунчиликни такомиллаштириш бўйича таклифлар илгари сурилган.*

Аннотация. *В статье анализируются вопросы защиты прав потребителей в условиях стремительного развития электронной коммерции. Особое внимание уделяется обязанностям по предоставлению информации, защите персональных данных и институту отказа от дистанционных договоров (периоду охлаждения). Выявлены пробелы в законодательстве Узбекистана и проведен сравнительный анализ с правом Европейского союза и Российской Федерации. По результатам исследования предложены меры по совершенствованию национального законодательства.*

Abstract. *This article examines consumer protection issues in the context of the rapid development of e-commerce. Particular attention is given to pre-contractual information obligations, personal data protection, and the cooling-off period in distance contracts. The study identifies gaps in the legislation of Uzbekistan and provides a comparative analysis with European Union and Russian legal frameworks. Based on the analysis, proposals for improving national legislation are presented.*

Калит сўзлар: *электрон тижорат, истеъмолчилар ҳуқуқлари, ахборот тақдим этиш, шахсга доир маълумотларни ҳимоя қилиш, шартномадан воз кечиш.*

Ключевые слова: *электронная коммерция, права потребителей, предоставление информации, защита персональных данных, отказ от договора.*

Keywords*: e-commerce, consumer rights, information disclosure, personal data protection, withdrawal from contract.*

Ахборот технологияларининг ривожланиши халқаро савдода электрон тижорат улушининг ошишига олиб келди. Масалан, **2025 йил** ҳолатига кўра, дунё бўйлаб тахминан **2,77 млрд** киши онлайн харид қилишни афзал кўрмоқда. 2025 йилда электрон тижорат глобал чакана савдо харидларининг **21%ини** ташкил қилиши таҳмин қилинмоқда ва бу улуш 2027 йилга келиб **22,6%га** етиши кутилмоқда[1]. Электрон тижорат Ўзбекистон савдо муносабатларида ҳам катта роль ўйнамоқда.

Ўзбекистондаги электрон тижорат бозори **2021 йилда 201 млн АҚШ долларини** ташкил этган бўлса, **2023 йилда** бу кўрсаткич **543 млн АҚШ долларига** етган. 2024 йил ҳолатига кўра, Ўзбекистонда **50 дан** ортиқ электрон тижорат субъектлари рўйхатдан ўтган бўлиб, уларнинг умумий йиллик айланмаси **300 млн АҚШ долларини** ташкил этмоқда. **2027 йилга** келиб уларнинг айланмаси **1 млрд АҚШ долларига** етиши кутилмоқда. Ўзбекистонда рўйхатдан ўтган электрон тижорат бозорлари, жумладан, Мета, Google, Apple, Booking.com ва Zoom каби компаниялар ўтган йили жами **70 млрд сўм** солиқ тўлаган[2]. Бундан ташқари, электрон тижорат, финтеч ва банк хизматларини бирлаштирган миллий рақамли экотизим бўлган Узум 2024 йилда қарийб **1,2 триллион сўм** солиқ тўлаган. Бу 2023 йилга

[1] "51 eCommerce Statistics in 2025 (Global and U.S. Data)," Sellers Commerce, accessed April 11, 2025, https://www.sellerscommerce.com/blog/ecommerce-statistics/.

[2] Davron Maqsudov, "The Development of E-commerce will Affect Uzbek Business — Davron Maksudov, Deputy of Head of the National Agency for Promising Projects of Uzbekistan" ["Elektron tijoratning rivojlanishi O'zbekiston biznesiga ta'sir qiladi" — O'zbekiston Istiqbolli loyihalar milliy agentligi o'rinbosari Davron Maksudov], The Government Portal of the Republic of Uzbekistan, accessed June 20, 2025, https://gov.uz/oz/miit/news/view/10847.

нисбатан **28% га** кўп. Узум томонидан тўланган солиқлар мамлакат бюджети даромадларининг **0,3%** ни ташкил этган[1]. Онлайн савдонинг глобал ва маҳаллий кенгайиши истеъмолчиларни ҳимоя қилиш ва уларнинг онлайн транзакцияларга бўлган ишончини ошириш нуқтаи назаридан электрон тижорат қонунчилигини таҳлил қилишни талаб қилади.

Электрон транзакциялар истеъмолчиларга нархларни осонгина таққослаш ва маҳсулотларни дўконлардагига қараганда арзонроқ нархларда сотиб олиш имконини беради. Бу афзалликлар Ўзбекистонда электрон тижоратнинг ўсишига олиб келди. Бироқ, бу ўсиш истеъмолчилар ҳуқуқларини ҳимоя қилиш билан боғлиқ қийинчиликларни ҳам келтириб чиқармоқда.

Биринчидан, онлайн транзакцияларда маҳсулотлар ва сотувчилар ҳақида аниқ ва ўз вақтида маълумот олиш муҳимлигига қарамай, сотувчиларнинг маълумот бериш бўйича шартномадан олдинги мажбуриятларини тўлиқ бажармаганликлари ёки электрон тижоратнинг шахссизлиги сабабли истеъмолчилар бундай маълумотларни олишда қийинчиликларга дуч келмоқда. “**Истеъмолчилар ҳуқуқларини ҳимоя қилиш тўғрисида**”ги қонун сотувчилардан истеъмолчиларга аниқ ва тўлиқ маълумот беришни талаб қилсада, истеъмолчиларнинг ахборот олиш ҳуқуқига нисбатан ҳуқуқий бўшлиқлар мавжуд. Хусусан, “**Истеъмолчилар ҳуқуқларини ҳимоя қилиш тўғрисида**”ги қонуннинг 5 ва 6-моддаларида ишлаб чиқарувчи (ижрочи, сотувчи), савдо ва хизмат кўрсатиш қоидалари ҳамда товар (иш, хизмат)лар тўғрисидаги маълумотларни тақдим этиш билан боғлиқ қоидалар тартибга солинган. Бироқ, ушбу маълумотлар электрон шартномаларнинг хусусиятларидан келиб чиқиб такомиллаштирилмаган. Масалан, онлайн савдода сотувчи билан

[1] “Uzum Digital Ecosystem Paid Nearly UZS 1.2 Trillion in Taxes in Uzbekistan in 2024” [Uzum raqamli ekotizimi 2024 yilda O‘zbekistonda qariyb 1,2 trillion so‘m soliq to‘ladi], Kun.uz, accessed May 6, 2025, https://kun.uz/kr/32214134.

боғланиш имконини берувчи алоқа маълумотлари (телефон рақами, факс рақами ва электрон почта манзили) муҳим бўлсада, қонун сотувчи (ижрочи) ўз ташкилотининг фирма номи, унинг жойлашган (юридик) манзили ва иш тартибинигина истеъмолчиларга маълум қилиши шартлигини белгилайди.

Бундан ташқари, кўплаб электрон тижорат платформалари Қонун талабларига мувофиқ ишламайди. Масалан, ҳозирда Ўзбекистондаги энг йирик электрон платформалардан бири бўлган **Узум Маркетда** маҳсулот ҳақида фақат айрим маълумотлар, масалан, маҳсулотнинг қисқача тавсифи ва унинг нархи кўрсатилади.

Европа Иттифоқида сотувчиларнинг шартномадан олдинги маълумотларни тақдим этиш мажбурияти **Истеъмолчилар ҳуқуқлари тўғрисидаги 2011/83/EU директиваси (CRD)** билан тартибга солинади. Ушбу директив истъмолчиларга тақдим этилиши лозим бўлган маълумотларни **шартнома тузиш шаклига** кўра алоҳида белгилайди. Масалан, Директивнинг 6-моддаси **масофавий шартномалар ва бинодан ташқарида тузилган шартномалар** бўйича истеъмолчи билан шартнома тузишдан олдин сотувчи (ёки ишлаб чиқарувчи) томонидан тақдим этилиши керак бўлган маълумот турларини белгиловчи қоидалардан иборат. Буларга маҳсулот ёки хизматнинг асосий хусусиятлари, савдогарнинг номи, савдогарнинг жисмоний манзили ва телефон рақами, факс рақами ва электрон почта манзили каби мавжуд алоқа маълумотлари ва шу каби **20 дан ортиқ** маълумот турлари киради[1].

Иккинчидан, истеъмолчилар тўловлар ва етказиб бериш каби хизматлардан фойдаланиш учун электрон транзакцияларда ўз шахсий маълумотларини тақдим этади. Бу маълумотлардан баъзан онлайн сотувчилар маркетинг мақсадларида нотўғри фойдаланиши мумкин. Бунга мисол сифатида сотувчиларнинг истеъмолчиларга маркетинг

[1] Directive No. 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council of October 25 2011 On Consumer Rights.

хабарларини уларнинг розилигисиз электрон почта ёки СМС орқали юборишини келтириш мумкин. Бундай ҳолларда сотувчилар истеъмолчиларнинг маълумотларидан маркетинг мақсадларида фойдаланишдан олдин уларнинг розилигини олишлари ва бундай хабарларни юбориш учун уларнинг алоқа маълумотларини сўрашлари керак. Бироқ, электрон тижоратда шахсий маълумотларни ҳимоя қилишни тартибга солувчи қонун тўғридан-тўғри маркетингни махсус тартибга солмайди, шунингдек, конституция билан ҳимояланган шахсий ҳаётга бўлган ҳуқуқ, айниқса электрон транзакциялар ҳолатида ҳимоя қилинишини кафолатламайди.

Европа Иттифоқида **Regulation (EU) 2016/679 on General Data Protection (GDPR)** онлайн бозорларнинг умумий хусусияти бўлган **тўғридан-тўғри маркетингни** махсус тартибга солади. GDPR декларациясининг 70-бандига кўра, шахсий маълумотлар тўғридан-тўғри маркетинг учун ишлатилганда, истеъмолчилар исталган вақтда ва ҳеч қандай тўловсиз бунга эътироз билдириш ҳуқуқига эга. Бунга маркетинг билан боғлиқ ҳар қандай профил яратиш киради. Бу ҳуқуқ истеъмолчиларга аниқ тушунтирилиши ва бошқа маълумотлардан алоҳида кўрсатилиши керак. Юқоридагилардан кўриниб турибдики, GDPR тўғридан-тўғри маркетинг бўйича аниқ қоидаларни тақдим этади, бу шахсларга ўзларининг шахсий маълумотларидан маркетинг мақсадларда фойдаланишни **рад этиш ҳуқуқини** беради.

Қонунбузарликларнинг олдини олиш учун GDPR шахсий маълумотлар операторларининг мажбуриятларини тўлиқ ва аниқ белгилайди. Масалан, GDPR 13-моддалари операторларга шахсий маълумотларни қайта ишлаш, маълумотларни қайта ишлашнинг мақсадлари ва ҳуқуқий асослари, шахсий маълумотларни олувчилар, шунингдек, шахсий маълумотларни сақлаш муддати ва маълумотлар субъектининг операторлардан маълумотларга киришни таъминлаш, тузатиш ёки ўчиришни сўраш ҳуқуқи ҳақида маълумот бериш мажбуриятини юклайди. Бундан ташқари, GDPR 82-моддасига

мувофиқ, шахсий маълумотларни қайта ишлаш қоидаларини бузиш натижасида зарар кўрган шахслар шахсий маълумотларни қайта ишлаш оператори ёки қайта ишловчисидан **зарарни қоплаш ҳуқуқига эга**. Шу тарзда, GDPR маълумотлар операторларининг шахсий маълумотларни қайта ишлашда шаффофлик ва ҳисобдорликни таъминлаш мажбуриятларини аниқ белгилаб беради[1].

Учинчидан, масофавий шартномаларда **шартномадан бир томонлама воз кечиш институтини** жорий этиш зарурияти мавжуд. Ўзбекистон қонунчилигида истеъмолчилар учун шартномадан **сабабсиз, умумий ва автоматик воз кечиш ҳуқуқи** алоҳида норма сифатида белгиланмаган. Шу билан бирга, Фуқаролик кодекси ва "Истеъмолчилар ҳуқуқларини ҳимоя қилиш тўғрисида"ги қонун асосида истеъмолчи **қонун ёки шартнома шартлари бузилган ҳолларда**, шунингдек истеъмолчи ҳуқуқларини чекловчи ёки оғирлаштирувчи шартлар мавжуд бўлса, шартномани бир томонлама бекор қилиш ҳуқуқига эга. Қонунга зид ёки истеъмолчи манфаатларига зарар етказувчи шартномавий бандлар ҳақиқий эмас деб топилиши мумкин.

Шартнома электрон тартибда тузилганда, истеъмолчи шартнома тузилишидан олдин ва уни тузиш пайтида харид қилинаётган товарни бевосита синаб кўриш имкониятига эга бўлмайди. Шу сабабли у бундай имкониятга эга бўлган истеъмолчига нисбатан анча заиф ҳолатда бўлади. Шу сабабли масофавий тарзда тузилган шартномаларда қонунчиликда «**совиш даври**» (**cooling-off period**) деб аталувчи **муддат** белгиланади. Бу давр мобайнида истеъмолчи сабаб кўрсатмасдан ва ҳеч қандай харажатларсиз шартномадан воз кечиши мумкин. Шартномадан бир томонлама воз кечиш ҳуқуқини амалга ошириш уни суддан ташқари тартибда бекор қилишни англатади.

[1] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation).

Шартномадан бир томонлама воз кечиш ҳуқуқи бир томоннинг иккинчи томонни шартномадан воз кечиш ҳақида хабардор қилиши орқали амалга оширилади.

Совиш даврининг давомийлиги ижрочи томонидан истеъмолчига шартномани бекор қилиш тартиби тўғрисидаги ахборотни тақдим этиш мажбурияти тегишли равишда (қонунчиликда белгиланган шакл ва муддатда) бажарилган ҳолатлар ҳамда ушбу мажбурият бузилган ҳолатларга қараб турлича белгиланади.

Масалан, Россия қонунчилигида истеъмолчининг истеъмол шартномасидан воз кечишини тартибга солувчи қоидалар шартнома турига, уни тузиш усулига, у билан тартибга солинадиган муносабатлар соҳасига, истеъмолчи ҳуқуқларининг бузилиши мавжудлиги ва турига қараб фарқланади. Агар сотувчи (ижрочи) томонидан масофавий тартибда тузилган шартномани ҳеч қандай асос келтирмасдан совиш даврида бекор қилиш ҳуқуқи тўғрисида истеъмолчини хабардор қилиш мажбурияти бузилмаган бўлса, Россия қонунчилиги Европа Иттифоқи давлатларига нисбатан қисқароқ совиш даврини назарда тутади. РФ ФКнинг 497-моддаси, «Истеъмолчилар ҳуқуқларини ҳимоя қилиш тўғрисида»ги Қонуннинг 26^1-моддасига мувофиқ, масофавий тартибда тузилган товар сотиш шартномасидан истеъмолчи товар истеъмолчига топширилгунга қадар ва уни топширгандан кейин **етти кун** ичида сабаб кўрсатмасдан воз кечиши мумкин.

Европа парламенти ва Европа Иттифоқи Кенгашининг 2011 йил 25 октябрдаги № 2011/83/ЕС «Истеъмолчилар ҳуқуқлари тўғрисида»ги Директивасига (9-модда) кўра эса, сотувчи томонидан ҳеч қандай қоидабузарлик бўлмаган ҳолларда масофавий шартномани бекор қилиш учун истеъмолчига, қоида тариқасида, **14 кун** берилади. Бу муддат товар истеъмолчи тасарруфига ўтган пайтдан ёки хизмат кўрсатиш шартномалари бўйича шартнома тузилган кундан ҳисобланади.

<u>Маълумот учун</u>: *Европа Иттифоқининг 2011/83/ЕС Директивасининг I иловаси (А)да истеъмолчига шартномани бекор қилиш ҳуқуқи тўғрисида тақдим этиладиган ахборотнинг* ***намунавий шакли (model instructions on withdrawal)*** *белгиланган. У мазкур ҳуқуқнинг мазмуни, уни амалга ошириш тартиби ҳамда истеъмолчи ушбу ҳуқуқни амалга оширган тақдирда кўриладиган харажатлар ҳақидаги тушунтиришларни ўз ичига олади. Хусусан, сотувчи истеъмолчига масофавий шартномани бекор қилиш учун намунавий шаклни (model withdrawal form) тақдим этиши шарт.*

Масофавий усулда тузилган шартномадан воз кечиш товарни сотувчига қайтариш тартибини ҳамда сотувчи томонидан истеъмолчидан олинган **пул маблағларини қайтариш тартибини** белгилашни талаб қилади. Россия қонунчилигига мувофиқ, ижрочи истеъмолчидан олинган тўловларни истеъмолчи тегишли талабни билдирган кундан бошлаб **10 кун** ичида қайтариши шарт[1].

Муҳим жиҳати шундаки, ЕИда сотувчига товарни қабул қилиб олмагунга қадар ёки истеъмолчи товар жўнатилганини тасдиқловчи далилларни тақдим этмагунга қадар (қайси бири аввал рўй берса) пул маблағларини **ушлаб туриш ҳуқуқини** беради, бундан сотувчи товарни ўзи олиб кетадиган ҳоллар мустасно. Шу билан бирга, пул маблағларини қайтариш билан боғлиқ харажатлар **истеъмолчи зиммасига** юкланмайди.

Шунингдек, ЕИнинг 2011/83/ЕС Директивасида масофавий ёки сотувчининг хизмат хонасидан ташқарида тузилган шартномалар орасида истеъмолчи **совиш даврида воз кеча олмайдиган шартномалар рўйхати** белгиланган. Уларга, жумладан, истеъмолчининг индивидуал талабларига мувофиқ тайёрланган товарлар, тез бузиладиган товарлар, гигиена сабабларига кўра қайтарилмайдиган ва етказиб берилгандан кейин очилган товарлар,

[1] РФ “Истеъмолчилар ҳуқуқларини ҳимоя қилиш тўғрисида”ги Қонуннинг 26[1]-моддаси 4-қисми. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/

муҳрланган аудио-видео маҳсулотлар ёки дастурий таъминот, газета ва журналлар, оммавий аукцион орқали тузилган шартномалар, маълум санага боғлиқ дам олиш ва кўнгилочар хизматлар, шунингдек рақамли контентга оид шартномалар киради. Шартномадан воз кечишга оид қоидалар молиявий хизматлар кўрсатиш шартномаларида ҳам ўрнатилган.

Хорижий тажрибани инобатга олган ҳолда, Ўзбекистон қонунчилигига шартномадан сабабсиз воз кечиш даврини киритиш, бу ҳақда истеъмолчини хабардор қилишнинг ва шартномадан воз кечишнинг намунавий шаклларини жорий этиш, масофавий харид қилинган қайтарилмайдиган товарлар рўйхатини белгилаш таклиф этилади.

Хулоса қилганда, электрон тижоратнинг ривожланиши истеъмолчилар учун янги имкониятлар яратиши билан бирга, уларнинг ҳуқуқларини ҳимоя қилишга оид янги ҳуқуқий чақириқларни ҳам юзага келтирмоқда. Таҳлиллар шуни кўрсатадики, Ўзбекистон қонунчилигида истеъмолчиларга ахборот бериш, шахсий маълумотларни ҳимоя қилиш ва масофавий шартномалардан воз кечиш каби муҳим институтлар етарли даражада такомиллашмаган. Хусусан, онлайн савдода сотувчиларнинг ахборот бериш мажбуриятлари аниқ белгиланмаган, тўғридан-тўғри маркетингни тартибга солиш механизмлари етарли эмас ва “совиш даври” институти алоҳида ҳуқуқий норма сифатида мустаҳкамланмаган.

Хорижий тажриба, айниқса Европа Иттифоқи ва Россия қонунчилиги таҳлили шуни кўрсатадики, мазкур соҳада аниқ ва комплекс ҳуқуқий механизмларни жорий этиш истеъмолчилар ҳуқуқларини самарали ҳимоя қилишга хизмат қилади. Шу боис, Ўзбекистон қонунчилигига масофавий шартномалардан сабабсиз воз кечиш ҳуқуқини киритиш, истеъмолчиларга тақдим этиладиган ахборот турларини кенгайтириш, шахсий маълумотлардан

фойдаланишни, хусусан маркетинг мақсадларида, аниқ тартибга солиш мақсадга мувофиқ ҳисобланади.

Умуман олганда, электрон тижорат соҳасида ҳуқуқий базани такомиллаштириш истеъмолчилар ишончини ошириш, рақамли иқтисодиётни ривожлантириш ва бозор иштирокчилари ўртасида адолатли рақобат муҳитини таъминлашда муҳим аҳамият касб этади.

ТОШМАТОВ ОТАБЕК МАДАМИНОВИЧ
Ўзбекистон Республикаси
Ҳуқуқни мухофаза қилиш
академияси мустақил изланувчиси
Фарғона вилоят прокурорининг
ўринбосари

ОНАЛИК ВА БОЛАЛИКНИ ТИББИЙ МУХОФАЗА ҚИЛИШГА ҚАРАТИЛГАН ҚОНУНЧИЛИК ИЖРОСИ УСТИДАН ПРОКУРОР НАЗОРАТИНИНГ МАҚСАДИ, ВАЗИФАЛАРИ ҲАМДА ЎЗИГА ХОС ХУСУСИЯТЛАРИ

Аннотация. *Ушбу мақолада оналик ва болаликни тиббий мухофаза қилишга қаратилган қонунчилик ҳужжатлари ижроси устидан прокурор назоратининг мақсади, вазифалари ҳамда ўзига хос хусусиятлари баён этилган. Жумладан, соҳада прокурор назоратининг ҳуқуқий асослари ва тартиби, олимлар ва амалиёт ходимларининг фикрлари, соҳада прокурор назоратини ташкил қилишни тартибга солувчи ҳуқуқий ҳужжатлар ҳамда Бош прокурорнинг буйруқ ва кўрсатмаларидан келиб чиқувчи талаблар ёритилган.*

Калит сўзлар: *прокурор назорати, оналик ва болаликни тиббий мухофаза қилишга қаратилган қонунчилик ҳужжатлари ижроси, Бош прокурор буйруғи,*

Маълумки, оналик ва болаликни тиббий мухофаза қилиш давлатнинг энг муҳим ижтимоий вазифаларидан бири ҳисобланади.

Бу ҳақда кўплаб олимлар ўз тадқиқотларида турлича фикрлар билдиришган.

Хусусан, Е.Е.Мачульская соғлиқни сақлаш ҳуқуқи шахсий ва шу билан бирга ижтимоий-иқтисодий ҳуқуқларнинг табиати билан боғлиқ бўлган бир қатор хусусиятларга эга[1] деган бўлса, А.Е.Козлова эса ушбу

[1] Мачульская Е.Е. Право на социальное оьеспечение-естественное и неотьемлемое право человека // Вести. МГУ. Серия. 11: Право. 1998. №5. С.53-65.

ҳуқуқ “ҳаёт сифати”ни белгиловчи шахсларнинг муҳим эҳтиёжларини қондиришни таъминлашга қаратилган ва шунинг учун мураккаб ва кўп қиррали ҳуқуқ сифатида қаралиши кераклигини айтади[1].

Бу ўринда А.А.Мельников инсон ва фуқаролар учун мувофиқ даражадаги ижтимоий таъминот ва ҳаёт сифати фақат давлатнинг мақсадли сиёсати, давлат томонидан тартибга солишни тўғри ташкил этиш орқали таъминланиши мумкин[2]лиги ҳақидаги фикрларига қўшиламиз.

Сўнгги йилларда оналик ва болаликни мухофаза қилишга қаратилган кенг кўламли ислоҳотлар амалга оширилмоқда.

Хусусан, оналик ва болаликни муҳофаза қилиш иши ҳам давлат сиёсатининг стратегик йўналишларидан бири этиб белгиланганки, бунинг замирида миллат генофондини яхшилаш, оилада тиббий маданиятни юксалтириш, аҳолининг турмуш фаровонлигини ва узоқ умр кўриш даражасини оширишдек улуғвор мақсадлар қўйилди. Мустақилликнинг дастлабки йилларидан бу соҳанинг ҳуқуқий асосларини яратиш чора-тадбирлари олиб борилди[3].

Ўзбекистон Республикаси Конституциясининг 1-моддасида Ўзбекистон – бошқарувнинг республика шаклига эга бўлган суверен, демократик, ҳуқуқий, ижтимоий ва дунёвий давлат эканлиги мустаҳкамланди[4].

Шундан келиб чиқиб, мамлакатимизда оанлик ва болаликни тиббий мухофаза қилишга алоҳида эътибор қаратилиб, соҳани тартибга солувчи ҳуқуқий ҳужжатлар такомиллаштирилди.

---

[1] Козлова А.Е. Социальная политика: конституционно-правовые проблемы. М., 1990. С. 84.

[2] Мельникова А.А. Содержание прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборота лекарственных средств // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10 (83). - С. 197–203.

[3] Тоштемирова Н. Ўзбекистонда оналик ва болаликни мухофаза қилишнинг ҳуқуқий асослари. Жамият ва инновациялар. 2021 йил, 2(8/S), 258-б.

[4] Ўзбекистон Республикаси Конституцияси. 2023 йил 30 апрель куни ўтказилган Ўзбекистон Республикаси референдумида умумхалқ овоз бериш орқали қабул қилинган. https://lex.uz/docs/6445145

Хусусан, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2022 йил 28 январдаги “2022 — 2026 йилларга мўлжалланган Янги Ўзбекистоннинг тараққиёт стратегияси тўғрисида”ги ПФ-60-сон Фармони билан репродуктив ёшдаги ва ҳомиладор аёллар, болалар учун юқори технологик тиббий ёрдам кўрсатиш тизимини такомиллаштириш, перинатал марказларни зарур тиббий техника ва буюмлар билан жиҳозлаш, уларни малакали кадрлар билан таъминлаш вазифаси белгиланди.

Шунингдек, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2022 йил 25 апрелдаги “2022 — 2026 йилларда оналик ва болаликни муҳофаза қилишни кучайтириш тўғрисида”ги ПҚ-216-сонли қарорида 2022 — 2026 йилларда оналар ва болалар саломатлигини мустаҳкамлашнинг устувор йўналишлари этиб белгиланган:

а) соғлиқни сақлаш тизимининг бирламчи бўғинида оналар ва болалар ўртасида касалликлар профилактикаси, уларни барвақт аниқлаш ва соғломлаштириш дастурларини амалиётга жорий этиш, шу жумладан:

соғлом фарзанд туғилиши, ривожланиши ва тарбияси масалалари бўйича тушунтириш ишларини кучайтириш, тўғри овқатланиш ҳамда жисмоний фаолликни оширишни тарғиб этиш, соғлом турмуш тарзи кўникмаларини шакллантириш;

болалар, ҳомиладор ҳамда эмизикли аёлларни витамин ва минераллар билан бепул таъминлаш ҳамда мақсадли скрининг тадбирлари орқали касалликларнинг самарали профилактикасини олиб бориш;

б) 2022 — 2026 йилларда оналар ва болалар учун тиббий хизмат кўрсатиладиган объектларни реконструкция қилиш, мукаммал таъмирлаш ва моддий-техника базасини мустаҳкамлаш;

в) диагностика ва даволашнинг юқори технологияли ҳамда инновацион усулларини амалиётга жорий этиш ҳамда соҳа ходимларининг илмий салоҳиятини мунтазам ошириб бориш[1].

“Фуқароларнинг соғлиғини сақлаш тўғрисида”ги Қонуннинг 2-моддасига кўра, фуқаролар соғлиғини сақлаш тўғрисидаги қонунчиликнинг асосий вазифалари қуйидагилардан иборат:

фуқароларнинг соғлиқни сақлашга доир ҳуқуқлари давлат томонидан кафолатланишини таъминлаш;

фуқароларнинг соғлом турмуш тарзини шакллантириш;

давлат органлари, корхоналар, муассасалар, ташкилотлар, жамоат бирлашмаларининг фуқаролар соғлиғини сақлаш соҳасидаги фаолиятини ҳуқуқий жиҳатдан тартибга солиш[2].

Шунингдек, ушбу қонуннинг 3-моддасида Фуқаролар соғлиғини сақлашнинг қуйидаги асосий принциплари белгиланган:

соғлиқни сақлаш соҳасида инсон ҳуқуқларига риоя қилиниши;

аҳолининг барча қатламлари тиббий ёрдамдан баҳраманд бўла олиши;

профилактика чора-тадбирларининг устунлиги;

соғлиғини йўқотган тақдирда фуқароларнинг ижтимоий ҳимоя қилиниши;

тиббиёт фанининг амалиёт билан бирлиги[3].

Айтиш жоизки, амалга оширилаётган ижтимоий сиёсат оналик ва болаликни тизимли равишда муҳофаза қилиш имконини яратди, натижада оналар ва гўдаклар ўлимининг камайишига эришилди.

Шу билан бирга, олис ҳудудларда тиббий ёрдамни мақсадли йўналтириш тизимини юқори даражада ташкил этиш, оналар ва болаларга кўрсатилаётган тиббий хизматнинг самарадорлигини

[1] Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2022 йил 25 апрелдаги “2022 — 2026 йилларда оналик ва болаликни муҳофаза қилишни кучайтириш тўғрисида”ги ПҚ-216-сонли қарори. Lex.uz

[2] https://lex.uz/docs/26013

[3] https://lex.uz/docs/26013

ошириш бугунги кундаги муҳим ижтимоий масалалардан бири ҳисобланади.

Фуқароларга сифатли тиббий хизмат кўрсатиш, шунингдек, оналик ва болаликни тиббий муҳофаза қилишда мазкур соҳада қонун устуворлигини таъминлаш муҳим аҳамиятга эга.

Соҳада қонун устуворлигини таъминлашнинг аҳамиятини кўплаб олимлар қайд этишган.

Чунончи, А.В.Шибинанинг қайд этишича, прокурорлар томонидан кўплаб қонун бузилиши ҳолатлари аниқланадиган тиббий ёрдам соҳаларидан бири бу репродуктив ҳуқуқлардир. Фуқароларнинг репродуктив ҳуқуқлари бузилишининг сабаблари ва омилларидан бири сифатида ҳуқуқий тартибга солишнинг етарли эмаслиги ҳисобланади[1].

Е.В.Перевозчикова, Д.К.Рашидханова ва М.И.Ковалевлар ҳам ушбу фикрни билдириб, “Репродуктив ҳуқуқлар ўз моҳиятига кўра шахсий номулкий ҳуқуқлардир. Улар яшаш ҳуқуқидан келиб чиқади, шунинг учун давлат унинг давом этишига ёрдам бериши керак. Бироқ, репродуктив саломатлик соҳасидаги муносабатларнинг ҳуқуқий тартибга солинмаганлиги сабабли, кўплаб фуқаролар бепуштликни даволаш учун тиббий ёрдам олиш ҳуқуқидан маҳрум бўлишмоқда”[2] - деб таъкидлайди.

Фуқароларнинг соғлиқни сақлаш ҳуқуқлари устидан прокурор назорати ижтимоий, экологик ва иқтисодий соҳаларда қонунийликни таъминловчи кенг қамровли инсон ҳуқуқлари институти ҳисобланади[3].

Таъкидлаш жоизки, оналик ва болаликни тиббий мухофаза қилишга қаратилган қонунчилик ижроси устидан прокурор назорати

---

[1] Шибина А.В. Прокурорский надзор за соблюдением прав граждан на охрану здровья. дис…. канд. юрид. наук.. М., 2018. С. 34.

[2] Перевозчикова Е.В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 54,57; Рашидханова Д.К. Репродуктивные права личности: сущность и правовая природа // Социал. и пенсион. Право. 2007. № 4; Ковалев М.И. Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. 1992. № 7. С. 68-69.

[3] Шибина А.В. Прокурорский надзор за соблюдением прав граждан на охрану здровья. дис…. канд. юрид. наук.. М., 2018. С. 36

ижтимоий соҳада қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратининг муҳим йўналишларидан бири саналади.

Е.Р.Эргашевнинг фикрича, йўналиш “прокуратура фаолиятининг маълум предмети ва усули, вазифалари, ваколатлари ва ҳуқуқий воситалари билан тавсифланган соҳаси” сифатида қаралади[1].

Ю.Е.Винокуров эса “йўналиш деганда ҳуқуқий муносабатларнинг маълум бир соҳасида муайян қонун ёки қонун ҳужжатларининг бажарилишини назорат қилиш” деб ҳақли равишда таърифлайди[2].

Оналик ва болаликни тиббий мухофаза қилишга қаратилган қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратининг мақсади ва вазифалари ҳақида сўз юритсак, бу борада ҳуқуқшунос олимлар томонидан турлича фикрлар билдирилганлигини кўриш мумкин.

С.И.Ожегов мақсадни интилаётган ёки бажарилиши керак бўлган нарса[3], вазифа бу бажаралиши ва ҳал этилиши талаб қилинадиган нарсадир[4] деб тушунтиради.

Фикримизча, оналик ва болаликни тиббий мухофаза қилишга қаратилган қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратининг мақсади қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратининг мақсади билан ҳамоҳанг бўлиб, соҳада қонун устуворлигини таъминлашга қаратилган.

Айрим олимлар эса прокурор назоратининг вазифалари қонун ҳужжатларида назарда тутилган мақсадлар билан белгиланиши ва қонунлар талаблари ҳамда қонунийлик аҳволидан келиб чиқишини билдиради[5].

---

[1] Эргашев Е.Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учеб. для бакалавров. М.: Юрайт, 2012. С.22.

[2] Прокурорский надзор: курс лекций и практикум. 7-е изд., перераб. И доп. / под ред. Ю.Е.Винокуроров. М., 2006. С. 148-150.

[3] Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. М., 1987. С.873.

[4] Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. М., 1987. С.203.

[5] Винокурор А.Ю., Винокуров К.Ю., Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор: учеб. для акалавров / под ред. А.Ю.Винокуров. М.: Юрайт, 2013. С. 61.

В.И.Басков ва Б.В.Коробейниковларнинг қайд этишича, прокурор назоратининг вазифалари мақсадларига нисбатан аниқроқ ва кўп бўлиб, улар умумий, махсус ва хусусий турларга ажратилади[1].

Вазифалар прокурор назоратининг мақсади билан белгиланади[2].

Ф.Х.Шерегова нуқтаи назарича, прокурор назоратининг мақсад ва вазифалари тушунчаси мазмунини тўғри тушуниш нафақат илмий, балки амалий аҳамиятга эга бўлиб, моҳиятан прокуратура органлариининг назорат фаолиятини ташкил этиш даражасини олдиндан белгилаб беради[3].

Ф.Х.Шерегованинг фикрига қўшилган ҳолда, айтишимиз мумкинки, прокурор амалиёти шуни кўрсатадики, прокурор фаолиятини самарали ташкил қилиш учун аниқ белгиланган ва мақсадга йўналтирилган вазифалар зарур.

Шунингдек, А.В.Шибина ҳақли равишда қайд этганидек, ҳар бир соҳада прокурор назоратининг мақсади якуний натижа сифатида белгиланади[4].

О.М.Мадалиев прокуратура идораларининг бирламчи вазифалари қонуннинг ягоналигини таъминлаш, бузилган ҳуқуқ ва эркинликларни тиклаш ва қонун бузилишини бартараф этиш чораларини кўришдир деб таъкидлайди[5].

Профессор Ю.Винокуровнинг фикрича, қонунлар ижроси устидан прокурор назоратининг вазифалари қуйидагилардан иборат:

- қонун бузилишлари тўғрисида хабарлар келиб тушганда прокурор аралашувининг лозимлиги;

---

[1] Басков В.И., Коробейников В.Б. Курс прокурорского надзора. М., 2000. С.66-68.

[2] Шибина А.В. Прокурорский надзор за соблюдением прав граждан на охрану здровья. дис…. канд. юрид. наук.. М., 2018. С. 63.

[3] Шерегова Ф.Х. Прокурорский надзор за исполнением законадалтельства о правах граждан на медицинскую помощь. Дисс... канд. наук . М. 2009. С.62.

[4] Шибина А.В. Прокурорский надзор за соблюдением прав граждан на охрану здровья. дис…. канд. юрид. наук.. М., 2018. С. 61.

[5] Мадалиев О.М. Прокурор назорати. Дарслик. Умумий қисм. -Тошент, ТДЮИ. 2009. -53 б.

- қонун бузилишларини олдини олишда қонунлар ижроси устидан прокурор назорати амалга оширилишида уларга берилган барча имкониятлардан самарали ва кенгроқ фойдаланиш;

- ҳуқуқбузарликлар содир этилганида жавобгарликнинг муқаррарлиги принципини янада фаол амалга ошириш[1].

Фикримизча, оналик ва болаликни тиббий мухофаза қилишга қаратилган қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратининг моҳияти мақсад ва вазифаларида тўлиқ намоён бўлади.

Зеро, прокурор назоратини амалга оширишнинг асоси қонунчиликда назарда тутилган мақсадларни белгилаш, кутилаётган натижаларга эришиш ва аниқ вазифаларни шакллантиришдан иборат.

“Прокуратура тўғрисида”ги қонуннинг 2-моддаси прокуратура органларининг асосий вазифалари белгиланган.

Унга кўра, Ўзбекистон Республикаси прокуратура органларининг асосий вазифалари қонун устуворлигини таъминлаш, қонунийликни мустаҳкамлаш, фуқароларнинг ҳуқуқ ҳамда эркинликларини, жамият ва давлатнинг қонун билан қўриқланадиган манфаатларини, Ўзбекистон Республикаси конституциявий тузумини ҳимоя қилиш, ҳуқуқбузарликларнинг олдини олиш ва профилактика қилишдан иборат.

Оналик ва болаликни тиббий мухофаза қилишга қаратилган қонун ҳужжатларининг бажарилиши устидан прокурор назоратининг вазифалари Ўзбекистон Республикасининг “Прокуратура тўғрисида”ги Қонуни, Бош прокурорнинг буйруқлари ва кўрсатмалари билан белгиланади.

Назаримизда, ҳуқуқшунос олимларимизнинг фикрлари, қонунчиликдаги прокуратура органларига қўйилган вазифалар ва прокурор амалиётидан келиб чиқиб оанлик ва болаликни мухофаза қилишга қаратилган қонунчилик ижроси устидан прокурор

[1] Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор. М.: 2007. –С.119-120.

назоратининг асосий вазифалари сифатида қуйидагиларни кўрсатиш мумкин:

1) оналик ва болаликни тиббий мухофаза қилиш бўйича давлат томонидан кафолатли тиббий хизмат кўрсатилишини таъминлаш:

2) соҳага ажратилган маблағларнинг мақсадли сарфланиши назорат қилиш.

Хулоса сифатида айтиш жоизки, оналик ва болаликни тиббий мухофаза қилишга қаратилган қонунчилик ижроси устидан прокурор назорати замонавий шароитда амалга оширилаётган кенг ислоҳотларнинг ижобий натижасининг самарали кафолати ҳисобланади.

ТУРҒУНОВА НАЗОКАТХОН СОБИТАЛИЕВНА
“Sparkle of justice” адвокатлик бюроси адвокати

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИДА АДВОКАТЛАР ТОМОНИДАН БЕПУЛ ЮРИДИК ЁРДАМ КЎРСАТИШНИНГ ҲУҚУҚИЙ АСОСЛАРИ

Аннотация*: Ушбу мақолада Ўзбекистон Республикасида адвокат томонидан бепул юридик ёрдам кўрсатишни тартибга солувчи норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар таҳлил қилиниб, бепул юридик ёрдам кўрсатиш тизимида юзага келган муаммолар кўрсатилган. Амалда бўлган ва ўз кучини йўқотган меъёрий ҳуқуқий ҳужжатларни такомиллашиш жараёнлар таҳлил қилинган. Адвокатнинг бепул юридик ёрдам кўрсатиш жараёнида иштироки самарадорлигига доир муаммолар очиб берилган. Фуқароларнинг бепул юридик ёрдамга бўлган ҳуқуқининг амалга оширишга доир қонунчиликни такомиллаштиришга бўйича хулосалар келтирилган*

Аннотация: *В данной статье анализируются нормативные правовые акты, регулирующие оказание бесплатной юридической помощи юристом в Республике Узбекистан, и показаны проблемы, возникшие в системе оказания бесплатной юридической помощи. Совершенствование нормативных правовых актов, которые действуют и утратили силу, анализируется по процессам. Выявлены проблемы с эффективностью участия адвоката в процессе оказания бесплатной юридической помощи. Сделаны выводы о совершенствовании законодательства по реализации права граждан на бесплатную юридическую помощь.*

Annotation: *This article analyzes the regulatory legal acts regulating the provision of free legal aid by a lawyer in the Republic of Uzbekistan, and shows the problems that have arisen in the system of providing free legal aid. The improvement of regulatory legal acts that are in force and have become invalid is analyzed by processes. Problems with the effectiveness of the lawyer's participation in the process of providing free legal aid have been identified. Conclusions are drawn about the improvement of legislation on the implementation of citizens' right to free legal aid.*

Калит сўзлар: *адвокат, бепул юридик ёрдам, ихтиёрий ёрдам, pro bono, адвокатлик фаолияти, юридик ёрдам ахборот тизими, давлат ҳисобидан ҳақ тўлаш, кам таъминланган,* ***сифатли юридик ёрдам.***

Ключевые слова: *юрист, бесплатная юридическая помощь, добровольная помощь, pro bono, адвокатской деятельность, юридическая практика, информационная система правовой помощи, вознаграждение за государственный счет, малообеспеченные, качественная юридическая помощь.*

Keywords: *advocate, free legal aid, voluntary assistance, pro bono, practice of law, legal aid information system, remuneration at public expense, low-income, high-quality legal aid.Some issues of advokat participation in the conclusion of an agreement on confession to guilt.*

Жамиятдаги ҳар бир фуқаронинг малакали юридик ёрдамга бўлган ҳуқуқини амалга оширилишининг кафолатланиши, одил судлов таъминланишининг энг муҳим шартларидан биридир. Бу борада аҳолининг моддий имконияти чекланган қатлами учун малакали юридик ёрдам олишни кафолатлаш ҳар бир демократик давлатдан ушбу тизимнинг ҳуқуқий механизмини шакллантиришни талаб этади.

Ўзбекистон Республикасининг янги таҳрирда қабул қилинган конституцияси бу борадаги ҳуқуқий нормаларнинг асосий мазмун-моҳиятини белгилаб берди. Жумладан, Конституциясининг 29-моддасида ҳар кимга малакали юридик ёрдам олиш ҳуқуқи кафолатланиши ҳамда қонунда назарда тутилган ҳолларда юридик ёрдам давлат ҳисобидан кўрсатилиши белгилаб қўйилди. Маълумки, малакали юридик ёрдам кўрсатувчи субъектлар орасида адвокатлар ўзига хос мақомга эга бўлган, малакали юридик ёрдам кўрсатувчи субъект сифатида алоҳида ҳуқуқ ва мажбуриятларга эга эканлиги билан ажралиб туради.

Адвокат алоҳида мақомга ва малакага эга бўлган, олий маълумотли ҳуқуқшунос сифатида ўз фаолиятини юридик ёрдам кўрсатиш тўғрисидаги битим асосида амалга оширади. Шу билан бирга фуқароларнинг ёрдамга муҳтож ва кам таъминланган қатламига давлат ҳисобидан бепул юридик ёрдамни амалга ошириш вазифаси

адвокатура институти зиммасига юклатилган. Янги таҳрирда қабул қилинган Ўзбекистон Республикаси конституциясининг 41-моддасида “Жисмоний ва юридик шахсларга малакали юридик ёрдам кўрсатиш учун адвокатура фаолият кўрсатади”[1].

Мазкур конституциявий норма билан айнан адвокатларга тергов ва суд ишини юритишда малакали юридик ёрдам кўрсатиш вазифаси юклатилганлигини кўриш мумкин. Фикримизча, адвокатлик фаолиятининг эркинлиги, дахлсизлиги ҳамда ҳар бир процессуал қонунчилик тизимида алоҳида ҳуқуқга эгалиги туфайли, адвокатлар юридик ёрдам кўрсатилаётган фуқароларнинг ҳуқуқ ва эркинликларини амалга оширилишини амалдаги кафолатларидан бир дейиш мумкин.

Ўзбекистон Республикасида ўтган давр мобайнида адвокатлар томонидан бепул юридик ёрдам кўрсатиш соҳасида талайгина муаммолар йиғилиб қолган эди. Жумладан, 2001-2008 йилларда жиноят ишлари бўйича давлат ҳисобидан ҳақ тўлашда ҳам муаммолар кузатилди. Чунки маҳаллий бюджетларнинг харажат қисмида тайинлов асосида қатнашган адвокатлар меҳнат ҳақларини бюджетдан тўланиши кўрсатилмаганлиги боис, шу тоифа ишларга қатнашган адвокатларнинг меҳнат ҳақлари ойлаб, баъзан йиллаб тўланмасдан келинди[2].

Ушбу даврда адвокатлар томонидан давлат ҳисобидан юридик ёрдам кўрсатиш соҳасида юзага келган мазкур муаммоларга ечим сифатида Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг “Адвокатлар томонидан кўрсатилган юридик ёрдам учун давлат ҳисобидан ҳақ тўлаш механизмини такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида” 2008 йил 20 июнда қарор қабул қилинди.

[1] Ўзбекистон Республикасининг Конституцияси 41-модда https://lex.uz/docs/6445145

[2] Саламов Б. Ўзбекистонда Адвокатура: жорий ҳолати ва ривожланиш истиқболлари (таҳлилий маълумот) Тошкент 2020, 22-б

Қарор билан ҳар йили давлат бюджетининг харажатлари параметрларида адвокатлар томонидан юридик ёрдам кўрсатилганлиги учун ҳақ тўлашга маблағларни назарда тутиш ҳамда адвокатлар томонидан юридик ёрдам кўрсатилганлиги учун адвокатлик тузилмаси тегишли молия органига мурожаат қилгандан кейин ўттиз кундан кечикмай Молия вазирлигининг қарор (ажрим) чиқарган орган жойлашган жойдаги Ғазначилиги ҳудудий бўлинмаси орқали ҳақ тўланишини таъминлаш белгиланди[1].

Мазкур қарор талабларидан келиб чиқиб, Ўзбекистон Республикаси Молия вазирлиги ва Адлия вазирлигининг 2008 йил 2 декабрь куни рўйхатдан ўтказилган қўшма қарори билан “Гумон қилинувчи, айбланувчи ёки судланувчига адвокатлар томонидан юридик ёрдам кўрсатиш бўйича харажатларни давлат ҳисобига ўтказиш тартиби тўғрисида” Низом тасдиқланди. Мазкур ҳуқуқий меъёрий ҳужжатлар қабул қилиниши билан соҳадаги мавжуд муаммолар қисман бартараф этилди.

Аслида ўтган давр мобайнида адвокатлар томонидан бепул юридик ёрдам кўрсатиш соҳасида муаммоларни адвокатларга ҳақ тўлаш тизими билангина чекланмаган эди. Юзага келган муаммолардан яна бири бу - адвокатлар томонидан кўрсатиладиган бепул юридик ёрдамнинг сифат даражаси пастлиги эди. Ушбу муаммо юзага келишининг асосий сабаби, аввало, адвокатлик касби мақоми, қадр-қимматини, қолаверса ўзини ҳурмат қилмайдиган айрим адвокатларнинг касб этикасига зид ҳатти-ҳаракатлари дир. Бундан ташқари амалда бўлган тартибга кўра, гумон қилинувчи, айбланувчи ёки судланувчиларга давлат ҳисобидан адвокат тайинлаш жараёни суриштирувчи, терговчи, прокурор ва суднинг ихтиёрида бўлганлиги сабабли, “чўнтак адвокатлар” амалиёти юзага келди. Ҳимоя остидаги

[1] Адвокатлар томонидан кўрсатилган юридик ёрдам учун давлат ҳисобидан ҳақ тўлаш механизмини такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисидаги Вазирлар Маҳкамасининг 137-сонли қарори 20.06.2008й https://lex.uz/uz/docs/1363850?ONDATE=21.11.2024

шахс ҳуқуқ ва эркинликларини таъминлашни эмас, аслида ишда қатнашиш учун таклиф қилган суриштирувчи, терговчи, суднинг талаблари асосида фаолият кўрсатувчи адвокатларнинг ўз касбий вазифаларига виждонан бажармаслиги туфайли, фуқаролар орасида адвокатларга нисбатан ишончсизлик ва беписанд муносабат юзага келди.

Ушбу даврда мавжуд муаммоларни ўрганиш орқали, адвокатларнинг бепул юридик ёрдам кўрсатиш жараёнидаги иштирокини назорат қилишни таъминллайдиган ҳамда улар томонидан кўрсатиладиган бепул юридик ёрдам сифатини баҳолашга имкон берувчи қонунчилик нормаларининг мажуд эмаслиги, мазкур тоифадаги адвокатлар келиб чиқишига сабаб бўлганлигини хулоа қилишимиз мумкин.

Барча ижтимоий муносабатлар қаторида бепул юридик ёрдам кўрсатиш соҳасидаги қонунчилик нормалари такомиллаштирилиши жараёни узлуксиз амалга оширилишни талаб этади. Гарчи ушбу тизимни тартибга солиш учун меъёрий ҳужжатлар амалда бўлсада, ушбу соҳани тартибга солувчи ташкилий-ҳуқуқий механизмларни ҳамда халқаро стандартлар ва тажрибани ўзида жамлаган алоҳида қонун даражасидаги норматив ҳуқуқий ҳужжат қабул қилиниши кейинги даврларда давлат сиёсати даражасига олиб чиқилди.

2017-2021 йилларда Ўзбекистон Республикасини ривожлантиришнинг бешта устувор йўналиши бўйича Ҳаракатлар стратегияси доирасида амалга оширилиши белгиланган тадбирлардан бири сифатида, “Бепул юридик ёрдам тўғрисида”ги қонун лойиҳасини 2021 йил 1 ноябрга қадар ишлаб чиқиш белгиланди.

Норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар лойиҳалари муҳокамаси порталига “Бепул юридик ёрдам тўғрисида”ги қонун лойиҳаси 2021 йил 28 октябрь куни жойлаштирилди. Қонун лойиҳасида бепул ҳуқуқий ёрдам ҳамда адвокатлар томонидан жисмоний ва юридик шахсларга бепул, беғараз ва ихтиёрийлик асосида кўрсатиладиган малакали

юридик ёрдам тури бўлган бепул ихтиёрий юридик ёрдам (pro bono) тушунчаларига қонунчилик даражасида таъриф берилди.

Мазкур қонун лойиҳасида нафақат бепул юридик ёрдам тушунчаси, шу билан бирга уни шакллари ва амалга ошириш усуллари, бепул юридик ёрдамни амалга оширувчи субъектлар доираси кенгроқ даражада кўрсатилди ва қонунчилик даражасида тартибга солиш механизми кўрсатилди.

Қонун лойиҳаси муҳокамасидан сўнг, 2023 йил 16 июнда "Давлат ҳисобидан юридик ёрдам кўрсатиш тўғрисида"ги қонун қабул қилинди. Бироқ, мазкур қонун мазмунида фақатгина бепул юридик ёрдам кўрсатишнинг шакли бўлган давлат ҳисобидан юридик ёрдам кўрсатиш соҳасидаги муносабатлар тартибга солинди.

Фикримизча, бепул юридик ёрдам тушунчаси кенгроқ мазмун ва моҳиятга эга бўлиб, ушбу тушунча давлат ҳисобидан юридик ёрдамни ҳам қамраб олади.

"Давлат ҳисобидан юридик ёрдам кўрсатиш тўғрисида" ги қонун билан

Давлат ҳисобидан юридик ёрдам фақат Давлат ҳисобидан юридик ёрдам кўрсатувчи адвокатлар реестрига киритилган адвокатлар томонидан амага оширилиши кўрсатилди[1].

"Давлат ҳисобидан юридик ёрдам кўрсатиш тўғрисидаги қонун билан белгиланган энг муҳим жиҳати шундаки "Юридик ёрдам" ахборот тизими орқали давлат ҳисобидан юридик ёрдам кўрсатиш учун адвокатни инсон омилисиз автоматик танлаш тартиби белгиланди.

Мазкур қонун кучга киргандан сўнг 2024 йил 21 ноябрь кунида Вазирлар Маҳкамасининг 774-сонли қарори билан "Давлат ҳисобидан юридик ёрдам кўрсатадиган адвокатларни жалб этиш ва уларга ҳақ тўлаш тартиби тўғрисида"ги низом тасдиқланди. Эътиборли жиҳати шундаки, мазкур низомда реестрга киритилган адвокатлар давлат

[1] "Давлат ҳисобидан юридик ёрдам кўрсатиш тўғрисидаги Қонун. 16.06.2023й https://lex.uz/docs/6502543

ҳисобидан юридик ёрдамни қонунчилик ҳужжатларида белгиланган тартибга, шунингдек Адвокатнинг касб этикаси қоидалари ҳамда ушбу соҳага оид бошқа ҳужжатларга мувофиқ сифатли кўрсатиши шартлиги белгиланди[1].

Адвокатлар томонидан сифатли давлат ҳисобидан юридик ёрдам кўрсатиш борасидаги мазкур талабни, бепул юридик ёрдам кўрсатилаётган ҳар бир фуқаронинг ҳуқуқ ва эркинликлари таъминланишининг муҳим кафолатларидан бири сифатида эътироф этиш мумкин.

Ўзбекистон Республикасида адвокатлар томонидан бепул юридик ёрдам кўрсатиш институти мустаҳкам ҳуқуқий асосларга эга бўлиб, инсон ҳуқуқларини таъминлашда муҳим аҳамият касб этади. Ушбу тизимни янада такомиллаштириш орқали аҳолининг ижтимоий ҳимояси кучайтирилиб, ҳуқуқий давлат принциплари амалда тўлиқ рўёбга чиқади.

Адвокатлар томонидан бепул юридик ёрдам кўрсатиш соҳасидаги қонунчилик тизими ҳозирга қадар узвий равишда такомиллаштирилган бўлсада, ушбу соҳада қонунчилик билан тартибга солиниши зарур бўлган муносабатлар мавжуд деб ҳисоблаймиз.

Фикримизча, адвокатлар томонидан фақатгина давлат ҳисобидан кўрсатиладиган юридик ёрдам тизимини тартибга солувчи қонун ҳужжатлари қабул қилинган. Бироқ, адвокатлар томонидан жисмоний ва юридик шахсларга бепул, беғараз ва ихтиёрийлик асосида кўрсатиладиган малакали юридик ёрдам тури бўлган бепул ихтиёрий юридик ёрдам (pro bono) кўрсатишга оид муносабатлар қонунчилик доирасида тартибга солинмаган.

[1] Давлат ҳисобидан юридик ёрдам кўрсатадиган адвокатларни жалб этиш ва уларга ҳақ тўлаш тартиби тўғрисидаги низом ВМнинг 2024 йил 21 ноябрьдаги 774-сонли қарорига 1-ИЛОВА https://www.lex.uz/docs/7228726

Адвокатлар томонидан қонун ҳужжатларида белгиланган адвокатлик фаолиятининг исталган тури бўйича бепул, беғараз, ихтиёрийлик асосида юридик ёрдам кўрсатиш ҳуқуқи қонунчилик даражасида белгиланиши ва ва ушбу фаолиятни амалга ошираётган адвокатлар рағбатлантирилиб борилиши лозим. Адвокатларга мазкур ҳуқуқни қонун доирасида мустаҳкамланиши, энг аввало инсон ҳуқуқлари ва эркинликларини ҳимоя қилинишини таъминлашга хизмат қилади.

ЧУЛЛИЕВ ШУХРАТ АСКАРОВИЧ
Заведующий сектором Института законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ СУДЬИ В КОНТЕКСТЕ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: НОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ И ОБЯЗАННОСТИ

Аннотация: *Мақола одил судловга сунъий интеллект (СИ) интеграцияси шароитида судянинг ролини концептуал трансформация қилишга бағишланган. Муаллиф анъанавий судлов моделидан судянинг алгоритмлар жараёни ахлоқийлиги ва шаффофлиги кафолати сифатида намоён бўладиган янги парадигмага ўтишни таҳлил қилади. Тадқиқотда асосий ўзгаришлар: рақамли компетенцияларни шакллантириш зарурати, алгоритмларнинг «қора қутилари» устидан ахлоқий назорат ва СИ маълумотларини талқин қилиш кўникмаларини ривожлантириш масалалари кўриб чиқилади. «Инсон омили»ни ва қонун устуворлигини сақлаб қолишга алоҳида эътибор қаратилган. Ишда технологик самарадорлик индивидуал ёндашув ўрнини босмаслиги кераклиги, замонавий судя эса рақамли муҳитнинг фаол регуляторига айланаётгани асослаб берилган. Ушбу ўзгаришларни ўрганиш норматив-ҳуқуқий базани янгилаш ҳамда Ўзбекистон суд тизимини рақамли давр чақириқларига мослаштириш учун зарур пойдевор бўлиб хизмат қилади.*

Аннотация: *Статья посвящена концептуальной трансформации роли судьи в условиях интеграции искусственного интеллекта (ИИ) в правосудие. Автор анализирует переход от традиционной модели судейства к новой парадигме, где судья выступает гарантом этичности и прозрачности алгоритмических процессов. Рассматриваются ключевые изменения: необходимость формирования цифровых компетенций, этический надзор за «черными ящиками» алгоритмов и развитие навыков интерпретации данных ИИ. Особое внимание уделяется сохранению «человеческого элемента» и верховенства закона. В работе обосновывается, что технологическая*

эффективность не должна подменять индивидуальный подход, а современный судья становится активным регулятором цифровой среды. Исследование данных изменений служит необходимым фундаментом для обновления нормативно-правовой базы и адаптации судебной системы Узбекистана к вызовам цифровой эпохи.

Abstract: *The article is devoted to the conceptual transformation of the judge's role in the context of integrating artificial intelligence (AI) into justice. The author analyzes the transition from the traditional judicial model to a new paradigm where the judge acts as a guarantor of the ethics and transparency of algorithmic processes. Key changes are considered: the need to develop digital competencies, ethical oversight of algorithmic "black boxes," and the development of skills for interpreting AI data. Special attention is paid to preserving the "human element" and the rule of law. The work argues that technological efficiency should not replace an individual approach, and that the modern judge is becoming an active regulator of the digital environment. The study of these changes serves as a necessary foundation for updating the regulatory framework and adapting the judicial system of Uzbekistan to the challenges of the digital age.*

Kalit so‘zlar: *sun’iy intellekt (SI), sud tizimi, sudya rolining transformatsiyasi, yangi kompetensiyalar, algoritmik tarafkashlik, axloqiy javobgarlik, shaffoflik, inson omili, qonun ustuvorligi.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект (ИИ), судебная система, трансформация роли судьи, новые компетенции, алгоритмическая предвзятость, этическая ответственность, прозрачность, человеческое правосудие, верховенство закона.*

Keywords: *Artificial Intelligence (AI), judicial system, transformation of the judge's role, new competencies, algorithmic bias, ethical responsibility, transparency, human-in-the-loop, rule of law.*

Интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в судебную систему кардинально меняет роль судей. Эта трансформация выходит за рамки технологической адаптации, охватывая новые компетенции, этические обязанности и сдвиги в основных судебных функциях. В этой статье рассматривается меняющаяся роль судей в эпоху ИИ, с упором на новые навыки, обязанности и этические соображения.

Особое внимание уделяется необходимости достижения баланса между технологической эффективностью и сохранением человеческого правосудия. В условиях, когда алгоритмы начинают играть роль инструментов поддержки принятия решений, судья перестает быть просто правоприменителем и становится гарантом этичности и прозрачности цифровых процессов. Исследование данных изменений критически важно для формирования актуальной образовательной среды и обновления нормативно-правовой базы, что позволит судебной системе Узбекистана и других стран успешно интегрировать инновации, не подрывая при этом основы верховенства закона.

Традиционная роль судей: исходный уровень для сравнения

Традиционная роль судей была подробно проанализирована такими учеными-юристами, как Бенджамин Н. Кардозо в «Природе судебного процесса» и Рональд Дворкин в «Империи права»[1]. В работах классиков процессуальной науки и современных исследователей в контексте российской (С. С. Алексеев[2], В. М. Лебедев[3]) и узбекской (Х. Т. Азизов[4], М. Х. Рустамбаев[5], Г. З. Тулаганова[6]) правовых школ данный вопрос получил глубокое освещение через призму законности, судейского усмотрения и независимости правосудия. Если западная традиция (Кардозо, Дворкин) делает акцент на философии права и «судье-герменевте», то российская и узбекская школы (Алексеев, Азизов) традиционно

[1]Cardozo, B. N. (1921). The Nature of the Judicial Process. Yale University Press.
[2]Алексеев С. С. «Восхождение к праву. Поиски и решения». – М.: Норма, 2001.
[3]Лебедев В. М. «Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития». – СПб.: Лань, 2001.
[4]Азизов Х. Т. «Судебная власть в Республике Узбекистан: становление и развитие». – Ташкент: ТГЮИ, 2004.
[5]Рустамбаев М. Х. «Курс уголовного права Республики Узбекистан. Общая часть». – Ташкент: ILM ZIYO, 2010.
[6]Тулаганова Г. З. «Особенности доказывания в судебном разбирательстве». – Ташкент: ТГЮУ, 2017.

рассматривают судью как гаранта законности и стабильности правового порядка в рамках романо-германской правовой семьи.

По своей сути судебная функция охватывает толкование закона, установление фактов, принятие решений и поддержание порядка в суде. Принцип судебного усмотрения, сформулированный в статье 45 Основных принципов ООН, касающихся независимости судебных органов, является основополагающим для этой роли[1].

В системах общего права судьи исторически играли более активную роль в законотворчестве посредством прецедента, как это показано в знаковом деле Донохью против Стивенсона UKHL 100[2]. Системы гражданского права, наоборот, подчеркивают роль судьи как толкователя кодифицированного права, как это изложено в статье 4 Гражданского кодекса Франции[3]. Аналогичный подход закреплен и в современных кодексах стран СНГ: так, статья 6 Гражданского кодекса Российской Федерации[4] и статья 5 Гражданского кодекса Республики Узбекистан[5] обязывают судей при отсутствии прямой нормы использовать аналогию закона. Это подтверждает общую для гражданского права доктрину: судья не «творит» право как законодатель, но обязан «найти» решение внутри правовой системы, обеспечивая непрерывность правосудия.

Смешанные правовые системы, такие как система Южной Африки, сочетают в себе элементы обеих традиций, как обсуждалось в деле Конституционного суда Кармикеле против министра безопасности и охраны 2001 (4) SA 938 (CC)[6]. В этом контексте роль

[1]United Nations. (1985). Basic Principles on the Independence of the Judiciary.
[2]Donoghue v Stevenson [1932] UKHL 100. This landmark case established the modern concept of negligence in common law, demonstrating the law-making role of judges in common law systems.
[3]Code civil [Civil Code] art. 4 (Fr.).
[4]https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/84b5134c56769561e4fd8f33216aeec4e7e3243c/
[5]https://lex.uz/ru/docs/111181
[6]Carmichele v Minister of Safety and Security 2001 (4) SA 938 (CC). This case highlighted the role of the judiciary in developing common law in light of constitutional values in South Africa's mixed legal system.

судьи как гаранта беспристрастности и независимости остается общепризнанной константой, что подчеркивается, например, в каноне 1 Типового кодекса поведения судей Американской ассоциации юристов (ABA Model Code of Judicial Conduct)[1]. Данное традиционное понимание судебной функции – будь то через восполнение пробелов по Гражданским кодексам Франции, Российской Федерации и Узбекистана или через развитие прецедента в общем праве – служит важнейшей основой для оценки преобразований, вызванных интеграцией ИИ. Переход от этой устоявшейся парадигмы к судебной роли, дополненной технологиями искусственного интеллекта, представляет собой значительный вызов для правовых систем во всем мире. Это требует глубокой переоценки основных судебных компетенций и обязанностей, чтобы технологический прогресс не вступил в противоречие с фундаментальными принципами правосудия.

Влияние ИИ на процессы принятия судебных решений

Интеграция ИИ в процессы принятия судебных решений кардинально меняет подход судей к своей основной функции. Алгоритмы машинного обучения теперь способны обрабатывать колоссальные массивы прецедентного права и нормативных актов за считанные секунды, предоставляя судьям глубокую аналитику, которая ранее требовала недель кропотливой работы. Этот технологический сдвиг не просто автоматизирует рутину, но и ставит перед правовой системой новые вопросы о балансе между математической точностью данных и человеческой интуицией в вопросах правосудия.

Инструменты предиктивной аналитики, такие как система COMPAS, используемая в судах США для оценки риска рецидивизма,

[1]American Bar Association. (2011). Model Code of Judicial Conduct, Canon 1.

все больше влияют на судебные решения[1]. Использование таких инструментов поднимает серьезные вопросы о судебном усмотрении и независимости, как подчеркивалось в знаковом деле State v. Loomis, 881 NW2d 749 (Wis. 2016), где Верховный суд Висконсина боролся с использованием алгоритмических оценок риска при вынесении приговора[2]. Несмотря на признание допустимости таких систем, суд выразил глубокую обеспокоенность по поводу «черного ящика» проприетарных алгоритмов, которые могут скрывать предвзятость и ограничивать право подсудимого на оспаривание доказательств.

Европейский суд по правам человека в своем решении по делу Bărbulescu v. Romania (заявление № 61496/08) подчеркнул необходимость сбалансированного подхода, когда технологии пересекаются с основными правами, – принцип, в равной степени применимый к ИИ в принятии судебных решений[3]. В контексте цифровизации правосудия это означает, что внедрение автоматизированных систем не должно нивелировать право на справедливое судебное разбирательство, требуя от государств создания четких механизмов процессуального контроля за логикой работы алгоритмов.

Академические исследования, такие как исследование, проведенное Kleinberg et al. опубликованные в Quarterly Journal of Economics, показали, что принятие решений с помощью ИИ может сократить различия в судебных результатах до 41%[4]. Однако эти достижения сопряжены со значительными этическими проблемами.

[1]Northpointe. (2012). COMPAS Risk & Need Assessment System: Selected Questions Posed by Inquiring Agencies.

[2]State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016). This case addressed the use of algorithmic risk assessments in sentencing, raising important questions about due process and transparency in AI-assisted judicial decision-making.

[3]Barbulescu v. Romania, App. No. 61496/08 (Eur. Ct. H.R. 2017). This case emphasized the need for a balanced approach when technology intersects with fundamental rights, applicable to AI in judicial decision-making.

[4]Kleinberg, J., Lakkaraju, H., Leskovec, J., Ludwig, J., & Mullainathan, S. (2018). Human decisions and machine predictions. The Quarterly Journal of Economics, 133(1), 237-293.

Европейская комиссия по эффективности правосудия Совета Европы (CEPEJ) в своей «Европейской этической хартии об использовании ИИ в судебных системах», особенно в своем первом принципе, подчеркивает необходимость соблюдения ИИ основных прав[1]. Теперь судьи должны ориентироваться в сложной сфере балансирования рекомендаций ИИ с собственными суждениями, что требует новых компетенций и глубокого понимания ограничений и потенциальных предубеждений систем ИИ.

Тем самым, переход к правосудию с участием искусственного интеллекта знаменует собой не просто техническую модернизацию, но и глубокую трансформацию самой природы судейской деятельности. Чтобы ИИ стал инструментом укрепления законности, а не источником новых системных ошибок, правовому сообществу необходимо выработать четкие стандарты этического контроля и «человеческого вмешательства» (human-in-the-loop). Только при условии сохранения за судьей роли финального арбитра, способного критически оценивать цифровые рекомендации через призму ценностей права, технологический прогресс сможет гарантировать подлинную справедливость и равенство перед законом.

Новые компетенции в области технологий и грамотности в работе с данными

Эра ИИ требует, чтобы судьи развивали новые компетенции в области технологий и грамотности в работе с данными. Современному юристу уже недостаточно опираться исключительно на знание нормативной базы; необходимо понимать внутреннюю логику алгоритмов и принципы формирования обучающих выборок, чтобы вовремя распознать системные ошибки. Такое расширение профессионального кругозора становится фундаментом для критического анализа цифровых доказательств, превращая судью из

[1]European Commission for the Efficiency of Justice. (2018). European Ethical Charter on the Use of AI in Judicial Systems and Their Environment.

пассивного пользователя технологий в квалифицированного контролера их применения в правовом поле.

Национальный судебный колледж в Соединенных Штатах признал эту потребность, включив курсы по ИИ и технологиям в свою учебную программу для судей, как того требует Правило 2.5 Типового кодекса поведения судей Американской ассоциации юристов (ABA) о компетентности и осмотрительности[1]. Подобные образовательные инициативы направлены на то, чтобы судьи могли квалифицированно оценивать достоверность алгоритмических выводов и эффективно управлять цифровым правосудием, не становясь заложниками технических решений, которые они не в силах осмыслить.

В Европейском союзе «Принципы подготовки судей» Европейской сети подготовки судей, принятые в соответствии со статьей 81(2)(h) Договора о функционировании Европейского союза, теперь включают технологическую компетентность в качестве ключевой области для судебного образования[2]. Этот шаг направлен на гармонизацию стандартов правосудия во всех государствах-членах, гарантируя, что каждый судья обладает достаточными знаниями для защиты фундаментальных прав граждан в условиях растущей автоматизации юридических процедур.

Проблема интеграции этих новых компетенций в традиционное судебное образование является значительной. Опрос, проведенный Федеральным судебным центром в США, показал, что только 12% федеральных судей чувствовали себя достаточно подготовленными для рассмотрения дел, связанных с ИИ, что подчеркивает острую необходимость в комплексных программах обучения[3]. Для преодоления этого разрыва требуется создание междисциплинарных курсов, которые сочетали бы классическую юриспруденцию с

[1]American Bar Association. (2011). Model Code of Judicial Conduct, Rule 2.5.
[2]Treaty on the Functioning of the European Union, art. 81(2)(h).
[3]Federal Judicial Center. (2020). Judicial Education and Training in U.S. Courts.

прикладным изучением основ обработки данных и кибербезопасности, обеспечивая судьям уверенность в принятии решений в быстро меняющейся технологической среде.

Потенциал «цифрового разрыва» среди судей вызывает обеспокоенность по поводу равного правосудия. В Индии электронный комитет Верховного суда, действующий в соответствии со статьей 145 Конституции Индии, запустил общенациональную программу по повышению цифровой грамотности судей, признавая ее важность для эффективного отправления правосудия в цифровую эпоху[1]. Канадский судебный совет в своих «Этических принципах для судей» обновил свое руководство, включив технологическую компетентность в качестве ключевого аспекта судебной этики, отражая растущую важность этих навыков[2]. Поскольку эти новые компетенции становятся все более важными, они, вероятно, повлияют на критерии назначения и продвижения судей, потенциально изменяя профиль будущих судей.

В конечном итоге, формирование нового стандарта судебной квалификации неизбежно приведет к переосмыслению роли судьи как гаранта справедливости в технологичном обществе. Профессионализм современного арбитра теперь неразрывно связан со способностью дешифровать алгоритмические процессы и предвидеть их социальные последствия. Инвестиции в цифровую грамотность судейского корпуса выступают не просто технической необходимостью, а фундаментальным залогом сохранения общественного доверия к правовой системе, способной защитить права человека даже в условиях полной автоматизации правовой среды.

Этические соображения и надзор за ИИ

Интеграция ИИ в судебные системы ставит новые этические проблемы, с которыми должны справиться судьи. Алгоритмическая предвзятость и отсутствие прозрачности в механизмах принятия

[1]Constitution of India, art. 145.
[2]Canadian Judicial Council. (2021). Ethical Principles for Judges.

решений («черный ящик») создают риски для соблюдения принципа справедливости. В связи с этим возникает острая необходимость в разработке строгих стандартов надзора, которые гарантировали бы, что технологии остаются лишь вспомогательным инструментом, а окончательное слово всегда остается за человеком.

Резолюция Европейского парламента от 16 февраля 2017 года о правилах гражданского права в отношении робототехники (2015/2103(INL)) подчеркивает необходимость этических рамок, регулирующих ИИ, применимых к его использованию в судебных контекстах[1]. Теперь судьи несут ответственность за понимание и смягчение потенциальных предубеждений в алгоритмах ИИ, что требует как технических знаний, так и этического суждения. Более того, на судебную систему возлагается обязанность обеспечить, чтобы использование автоматизированных систем не подменяло собой индивидуальный подход к каждому делу и не нарушало основополагающее право человека на справедливое судебное разбирательство.

Дело Федерации учителей Хьюстона против Независимого школьного округа Хьюстона, 251 F. Supp. 3d 1168 (SD Tex. 2017), подчеркнуло проблемы, с которыми сталкиваются судьи при оценке справедливости и прозрачности систем ИИ, используемых в процессах принятия решений[2]. Резолюция 112 Американской ассоциации юристов об использовании искусственного интеллекта в правовой системе подчеркивает важность судебного надзора для обеспечения этичного использования ИИ[3]. Эти примеры подтверждают, что без четких механизмов аудита и возможности оспорить «логику»

[1]European Parliament. (2017). Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)).

[2]Houston Federation of Teachers v. Houston Independent School District, 251 F. Supp. 3d 1168 (S.D. Tex. 2017). This case highlighted the challenges judges face in evaluating the fairness and transparency of AI systems used in decision-making processes.

[3]American Bar Association. (2019). Resolution 112: Adopting the ABA Model Rules for Judicial Disciplinary Enforcement.

алгоритма, использование автоматизированных систем рискует подорвать доверие общества к объективности правосудия.

Судьи также должны бороться с этическими последствиями доказательств, полученных с помощью ИИ, как это было в британском деле Pyrrho Investments Ltd против MWB Property Ltd[1]EWHC 256 (Ch), где суд рассмотрел использование предиктивного кодирования в электронном раскрытии[2]. Консультативный совет европейских судей Совета Европы в своем Мнении № 14 (2011) подчеркивает роль судьи в поддержании человеческого элемента правосудия в условиях все более технологичной судебной среды[3]. Поскольку системы ИИ становятся все более распространенными, судьи должны соблюдать тонкий баланс между принятием технологических достижений и сохранением фундаментальных человеческих аспектов отправления правосудия.

Таким образом, ответственность за правосудие не может быть делегирована программному обеспечению, независимо от его вычислительной мощности. Будущее судебной системы зависит от способности судей интегрировать цифровые инструменты таким образом, чтобы они расширяли возможности человеческого анализа, а не заменяли его. Поддержание этого суверенитета человеческого разума над алгоритмом остается ключевым условием для защиты прав граждан и сохранения легитимности судебных решений в цифровую эпоху.

Судьи как интерпретаторы информации, созданной искусственным интеллектом

Появление ИИ в судебных процессах поставило судей в новую роль интерпретаторов информации, сгенерированной ИИ. Эта роль

[1]Pyrrho Investments Ltd v MWB Property Ltd [2016] EWHC 256 (Ch). This case addressed the use of predictive coding in e-discovery, setting a precedent for the acceptance of AI-assisted document review in UK courts.
[2]Pyrrho Investments Ltd v MWB Property Ltd [2016] EWHC 256 (Ch).
[3]Consultative Council of European Judges. (2011). Opinion No. 14 on Justice and Information Technologies (IT).

требует от судей понимать сложные выходные данные ИИ и объяснять их сторонам и общественности, что бросает вызов традиционным представлениям о судебном обосновании.

В знаковом деле State v. Loomis, 881 NW2d 749 (Wis. 2016), Верховный суд Висконсина столкнулся с проблемой интерпретации и объяснения оценок риска, сгенерированных ИИ, при вынесении приговоров[1]. Суд постановил, что использование подобных алгоритмов допустимо лишь при условии, что они не являются единственным основанием для решения, а судья способен критически оценить ограничения системы и разъяснить их влияние на итоговый вердикт.

Европейский суд по правам человека в деле Satık v. Turkey (№ 2), заявление № 60999/00, подчеркнул важность предоставления судьями обоснованных решений, принцип, который теперь распространяется на объяснение решений, принятых под влиянием ИИ[2]. Влияние этой новой интерпретационной роли на прозрачность судебной системы и право на справедливое судебное разбирательство является значительным. Статья 6 Европейской конвенции о правах человека, гарантирующая право на справедливое судебное разбирательство, теперь неявно требует от судей гарантировать, что доказательства или рекомендации, созданные ИИ, являются понятными и оспариваемыми всеми сторонами[3].

Исследование, опубликованное в Harvard Journal of Law & Technology, показало, что способность судей объяснять результаты ИИ существенно влияет на доверие общественности к судебным решениям, дополненным ИИ[4]. Канадский центр судебных технологий

[1]State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016). This case grappled with the challenge of interpreting and explaining AI-generated risk assessment scores in sentencing decisions.
[2]Stack v. Turkey (No. 2), App. no. 60999/00 (Eur. Ct. H.R. 2011). This case emphasized the importance of judges providing reasoned decisions, a principle now extending to explaining AI-influenced judgments.
[3]European Convention on Human Rights, art. 6.
[4]Huq, A. Z. (2019). A right to a human decision. Virginia Law Review, 105(3), 611-688.

в своей «Структуре судебных технологий» подчеркивает необходимость развития судьями навыков перевода технической информации на понятный для неспециалистов язык[1]. Эта новая интерпретационная роль представляет собой значительный сдвиг в судебной практике, требующий от судей преодоления разрыва между сложной технологией и доступным правосудием.

Развитие этих компетенций превращает современного судью в своего рода медиатора между цифровыми алгоритмами и человеческим восприятием права. Институциональная поддержка в виде специализированных руководств и образовательных программ становится фундаментом, позволяющим трансформировать технические данные в убедительные правовые аргументы. Подобная адаптация судебной функции гарантирует, что даже в условиях высокой автоматизации процесса, правосудие остается прозрачным и понятным для каждого участника разбирательства.

Управление делами и административная эффективность

ИИ производит революцию в управлении делами и судебном администрировании, существенно изменяя роли судей в этих областях. Автоматизация рутинных процессов позволяет оптимизировать распределение судебной нагрузки и минимизировать задержки в рассмотрении споров. Благодаря внедрению алгоритмов интеллектуальной сортировки документов и предиктивной аналитики сроков, судьи получают возможность сосредоточиться на анализе сложных правовых вопросов, делегируя технический мониторинг хода дел цифровым системам.

Система управления делами/электронных дел (CM/ECF) федеральных судов США, разрешенная в соответствии с правилом 5(d)(3) Федеральных правил гражданского судопроизводства, является примером интеграции ИИ в судебное администрирование[2]. В

[1]Canadian Centre for Court Technology. (2020). Court Technology Framework.
[2]Federal Rules of Civil Procedure, Rule 5(d)(3) (2018).

Сингапуре в плане работы государственных судов на 2023 год описывается внедрение инструментов управления делами на основе ИИ, что отражает глобальную тенденцию к автоматизированному управлению судами[1]. Эти технологические достижения меняют повседневные обязанности судей.

Следует отметить, что и в Узбекистане в данном направлении проводится целенаправленная работа. Уже сейчас 14 судебных услуг доступны в электронном виде. Среди них подача заявлений, отслеживание хода рассмотрения дел и получение копий судебных решений[2].

В отчете Национального центра государственных судов установлено, что управление делами с помощью ИИ может сократить административную нагрузку судей до 30%, что дает больше времени для сложного юридического анализа[3]. Однако этот сдвиг поднимает вопросы о сохранении судебного надзора во все более автоматизированных системах. Европейская комиссия по эффективности правосудия (CEPEJ) в своих «Руководящих принципах по внедрению изменений в киберправосудие» подчеркивает необходимость сохранения судьями контроля над процессами управления делами, даже если ИИ берет на себя больше административных задач[4]. Верховный суд Индии в своем электронном комитете «Проект eCourts, фаза III» излагает видение управления делами с использованием ИИ, подчеркивая при этом важность судебного надзора[5].

Задача заключается в использовании ИИ для повышения эффективности без ущерба для судебной власти. Как отмечается в исследовании, опубликованном в Cornell Law Review, эффективное

[1]State Courts of Singapore. (2023). State Courts Workplan 2023.
[2] https://upl.uz/obshestvo/49373-news.html
[3]National Center for State Courts. (2021). The State of State Courts 2021.
[4]European Commission for the Efficiency of Justice. (2019). Guidelines on How to Drive Change Towards Cyberjustice.
[5]Supreme Court of India. (2021). eCourts Project Phase III.

использование ИИ в судебном администрировании требует от судей развития новых навыков в управлении технологиями и анализе данных, что кардинально меняет их традиционные административные роли[1].

Параллельно с этим, интеграция интеллектуальных систем в административный контур суда диктует необходимость пересмотра внутренних регламентов взаимодействия между аппаратом суда и техническими специалистами. Судьи начинают выступать в качестве архитекторов цифровых рабочих процессов, определяя параметры, по которым алгоритмы фильтруют приоритетные дела и распределяют ресурсы. Такой подход к управлению позволяет правовой системе сохранять устойчивость перед лицом лавинообразного роста объема поступающей информации, трансформируя бюрократические процедуры в гибкие и адаптивные механизмы.

Роль судей в обеспечении надлежащей правовой процедуры в судах с искусственным интеллектом

Интеграция ИИ в суды представляет собой существенные проблемы для обеспечения надлежащей правовой процедуры, которая является основополагающей обязанностью судей. В условиях алгоритмизации правосудия судьи должны выступать гарантами того, что использование технологий не ограничивает право сторон на эффективную защиту и состязательность процесса. Это требует внедрения новых стандартов процессуальной проверки, при которых любые выводы ИИ могут быть открыто оспорены, а методы их получения – подвергнуты тщательному юридическому аудиту.

Теперь судьи должны ориентироваться в сложной сфере обеспечения справедливости, прозрачности и равного доступа к правосудию в судебных разбирательствах с использованием ИИ. Европейский суд по правам человека в объединенных делах C-293/12 и C-594/12 Digital Rights Ireland подчеркнул необходимость гарантий

[1]Krent, H. J. (2019). Artificial intelligence and judicial discretion. Cornell Law Review, 104(6), 1539-1584.

при автоматизированной обработке данных, принцип, в равной степени применимый к ИИ в судах[1].

Судьи играют решающую роль в установлении стандартов использования ИИ в судебных разбирательствах, примером чего является «Протокол обработки записей с использованием технологически-ассистированного обзора» Единой судебной системы штата Нью-Йорк[2]. Проблема обеспечения того, чтобы стороны могли понимать и оспаривать информацию, сгенерированную ИИ, используемую в их делах, является значительной. В Канаде решение Верховного суда по делу R. v. Tessling,[3]3 SCR 432, 2004 SCC 67, установило принципы оценки новых технологий в правовых контекстах, предоставив судьям основу для оценки инструментов ИИ[4].

Последствия для апелляционного пересмотра, когда системы ИИ участвуют в решениях судов низшей инстанции, являются серьезными и потенциально требуют новых стандартов пересмотра. Исследование, опубликованное в Yale Journal of Law and Technology, предполагает, что судьям, возможно, потребуется разработать новые правовые тесты для оценки надежности и справедливости доказательств и решений, сгенерированных ИИ[5].

Разработка подобных критериев влечет за собой необходимость переосмысления классических принципов доказывания, смещая фокус внимания судей на проверку релевантности обучающих данных и логики заложенных в систему алгоритмов. Судебный контроль в этом

[1]Joined Cases C-293/12 and C-594/12, Digital Rights Ireland Ltd v Minister for Communications, Marine and Natural Resources and Others and K?rntner Landesregierung and Others, ECLI:EU:C:2014:238. This case emphasized the need for safeguards in automated data processing, applicable to AI in courts.

[2]New York State Unified Court System. (2018). Protocol for Processing Records Using Technology-Assisted Review.

[3]R. v. Tessling, [2004] 3 S.C.R. 432, 2004 SCC 67. This case established principles for evaluating new technologies in legal contexts, providing a framework for judges to assess AI tools.

[4]R. v. Tessling, [2004] 3 S.C.R. 432, 2004 SCC 67.

[5]Citron, D. K., & Pasquale, F. (2014). The scored society: Due process for automated predictions. Washington Law Review, 89(1), 1-33.

аспекте становится барьером против механического принятия автоматизированных выводов, превращаясь в динамичный процесс верификации технологической точности. Это создает предпосылки для формирования качественно новой процессуальной среды, в которой право на справедливый суд неразрывно связано с прозрачностью используемых цифровых инструментов.

Роль суда в альтернативном разрешении споров с использованием ИИ

Развитие систем альтернативного разрешения споров (ADR) с использованием ИИ существенно меняет традиционную судебную роль судей. Автоматизированные платформы для ведения переговоров и онлайн-арбитража становятся эффективным дополнением к классическому правосудию, позволяя урегулировать конфликты на ранних стадиях без прямого вмешательства государственных судов. В этой новой экосистеме судьи все чаще принимают на себя функции кураторов и гарантов качества, обеспечивая правовую легитимность частных цифровых процедур и проверяя их соответствие публичному порядку.

В Европейском союзе Директива 2013/11/EU об альтернативном разрешении споров для потребительских споров обеспечивает основу для интеграции ИИ в процессы ADR, смещая роль судей в сторону надзора и проверки соглашений, достигнутых с помощью ИИ[1]. Технические заметки Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) по онлайн-разрешению споров содержат рекомендации по обеспечению справедливости и законности соглашений, заключенных с использованием ИИ, – ответственность, которая все больше ложится на судей[2]. В Соединенных Штатах Единый закон о медиации, принятый во многих штатах в различных

[1]Directive 2013/11/EU on alternative dispute resolution for consumer disputes.
[2]United Nations Commission on International Trade Law. (2017). Technical Notes on Online Dispute Resolution.

редакциях, сегодня адаптируется к процессам на базе ИИ, что требует от судов новых подходов к его толкованию[1].

Исследование, опубликованное в Harvard Negotiation Law Review, показало, что суды, интегрирующие платформы онлайн-разрешения споров (ODR) с использованием ИИ, увидели 50%-ное сокращение нерассмотренных дел, что кардинально изменило структуру судебной нагрузки[2]. Этот сдвиг влияет на судебную власть и само понятие правосудия. Верховный суд Канады в деле Hryniak v. Mauldin, 2014 SCC 7, подчеркнул необходимость сдвига культуры в сторону более эффективного разрешения споров, принципа, который теперь распространяется на принятие ADR с поддержкой ИИ[3].

Судьи все чаще становятся разработчиками или руководителями процессов ADR с поддержкой ИИ, как это видно из Закона Британской Колумбии о гражданском разрешении споров [SBC 2012], Глава 25, которая устанавливает рамки для разрешения споров в режиме онлайн[4]. Эта эволюция требует от судей развития новых навыков в проектировании процессов и оценке технологий, что в корне меняет их отношение к процессу разрешения споров.

Вместе с тем, расширение сферы применения цифрового арбитража диктует необходимость формирования новых этических протоколов для контроля за «нейтральностью» используемых алгоритмов. Судебная роль трансформируется из классического арбитра в активном регуляторе цифровой среды, чья задача – не допустить превращения технологической эффективности в инструмент ограничения прав сторон. Такой системный сдвиг подготавливает почву для глубокой интеграции правовых гарантий непосредственно в

[1]Uniform Mediation Act (2001).
[2]Sourdin, T. (2018). Judge v. Robot: Artificial intelligence and judicial decision-making. University of New South Wales Law Journal, 41(4), 1114-1133.
[3]Hryniak v. Mauldin, 2014 SCC 7. This case emphasized the need for a culture shift towards more efficient dispute resolution, a principle that now extends to embracing AI-enabled ADR.
[4]Civil Resolution Tribunal Act, SBC 2012, c 25 (Can.).

архитектуру платформ по разрешению споров, делая технологию органическим продолжением судебной воли.

Судьи как защитники прав человека при внедрении ИИ

Внедрение ИИ в судебные системы ставит судей на передний край защиты прав человека в этом новом технологическом ландшафте. Их миссия заключается в предотвращении цифровой дискриминации, которая может возникнуть из-за непрозрачных алгоритмов или предвзятых наборов данных. В этой связи судейский корпус берет на себя роль «последнего рубежа», гарантируя, что автоматизация правосудия не приведет к дегуманизации процесса и не нарушит священное право на справедливое обращение перед лицом закона.

Резолюция Совета по правам человека ООН 47/23 «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху» подчеркивает важность защиты прав человека в приложениях ИИ, в том числе в судебной системе[1]. Теперь судьи должны сбалансировать технологическую эффективность с основными правами, такими как неприкосновенность частной жизни, недискриминация и доступ к правосудию.

Решение Европейского суда по правам человека по делу S. и Marper против Соединенного Королевства (заявления № 30562/04 и 30566/04) установило принципы защиты персональных данных, которые становятся все более актуальными для ИИ в судах[2]. В Соединенных Штатах дело Loomis против Wisconsin, 881 NW2d 749 (Wis. 2016), подчеркнуло проблемы, с которыми сталкиваются судьи при применении надлежащей правовой процедуры к принятию решений с помощью ИИ[3].

[1]United Nations Human Rights Council. (2021). Resolution 47/23 on the right to privacy in the digital age.
[2]S. and Marper v. The United Kingdom, App. nos. 30562/04 and 30566/04 (Eur. Ct. H.R. 2008). This case established principles for protecting personal data that are increasingly relevant to AI in courts.
[3]State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016). This case highlighted the challenges judges face in applying due process protections to AI-assisted decision-making.

Руководящие принципы Совета Европы по искусственному интеллекту и защите данных предоставляют судьям основу для обеспечения соответствия систем ИИ стандартам прав человека[1]. Теперь судьи должны интерпретировать традиционные рамки прав человека в новых контекстах ИИ, как это было показано в канадском деле R v Sharma, 2020 SCC 39, в котором рассматривались вопросы предвзятости в алгоритмических инструментах оценки риска[2].

Проблема заключается в применении устоявшихся принципов прав человека к быстро развивающимся технологиям ИИ. Исследование, опубликованное в Stanford Technology Law Review, предполагает, что судьям, возможно, потребуется разработать новые правовые тесты для оценки соответствия систем ИИ нормам прав человека[3]. Эта меняющаяся роль требует от судей глубокого понимания как права прав человека, так и технологии ИИ, что кардинально меняет их традиционную опеку над правами.

Эта необходимость порождает потребность в создании динамичных стандартов судебной экспертизы, способных адаптироваться к постоянно усложняющейся структуре нейронных сетей. Судьи становятся интерпретаторами принципа достоинства личности в цифровом пространстве, где защита от автоматизированного произвола требует не только юридической твердости, но и способности видеть за программным кодом потенциальные угрозы частной жизни и свободе воли. Следовательно, судебная функция расширяется до активного контроля за тем, чтобы технологический прогресс оставался в рамках гуманистической правовой парадигмы, обеспечивая баланс между инновациями и неприкосновенностью человеческой личности.

---

[1]Council of Europe. (2019). Guidelines on Artificial Intelligence and Data Protection.

[2]R v Sharma, 2020 SCC 39. This case addressed issues of bias in algorithmic risk assessment tools, providing guidance on their use in the Canadian justice system.

[3]Raso, F. A., Hilligoss, H., Krishnamurthy, V., Bavitz, C., & Kim, L. (2018). Artificial intelligence & human rights: Opportunities & risks. Berkman Klein Center Research Publication, (2018-6).

Непрерывное обучение и адаптация в эпоху искусственного интеллекта

Стремительное развитие технологий ИИ требует от судей приверженности непрерывному обучению и адаптации. Профессиональная компетенция современного юриста теперь выходит далеко за пределы знания законодательства и судебной практики, включая в себя основы цифровой грамотности и понимание принципов работы нейросетей. Регулярное повышение квалификации в области анализа данных становится необходимым условием для сохранения актуальности судебной системы и способности судей эффективно модерировать процессы, в которые интегрированы высокотехнологичные инструменты.

Бангалорские принципы поведения судей, в частности принцип 6 о компетентности и осмотрительности, теперь неявно включают необходимость постоянного обучения в области ИИ и связанных с ними технологий[1]. Программы обучения судей адаптируются к этой новой реальности. Европейская сеть обучения судей, действующая в соответствии со статьей 81(2)(h) Договора о функционировании Европейского союза, внедрила комплексные учебные модули по ИИ для судей во всех государствах-членах[2].

В США Федеральный судебный центр, уполномоченный 28 USC § 620, разработал специализированные курсы по ИИ и его влиянию на судебную практику[3]. Задача оставаться в курсе технологических достижений, сохраняя при этом юридическую экспертизу, является значительной.

Исследование, опубликованное в журнале Journal of Law and Technology в Техасе, показало, что судьи, которые регулярно участвуют в программах обучения ИИ, демонстрируют 40%-ное

[1]United Nations Office on Drugs and Crime. (2002). The Bangalore Principles of Judicial Conduct.
[2]European Judicial Training Network. (2021). AI Training Modules for Judges.
[3]Federal Judicial Center. (2021). Artificial Intelligence and Judicial Practice.

улучшение своей способности рассматривать дела, связанные с технологиями[1].

Коллегиальное обучение и обмен знаниями между судьями по вопросам ИИ становятся критически важными. Международная ассоциация судей в своей «Универсальной хартии судьи» теперь подчеркивает важность международного судебного сотрудничества в решении технологических проблем[2]. Междисциплинарное сотрудничество между судьями, технологами и специалистами по этике становится все более важным. Резолюция 604 Американской ассоциации юристов поощряет такое сотрудничество для разработки передовых методов использования ИИ в судах[3]. Этот акцент на непрерывном обучении отражает фундаментальный сдвиг в судебной роли, требующий от судей быть не только толкователями закона, но и пожизненными студентами технологий и их влияния на правосудие.

Эра ИИ кардинально меняет роль судей, требуя новых компетенций, этической осведомленности и адаптивности. Судьи должны ориентироваться в сложном взаимодействии технологий и правосудия, гарантируя, что ИИ усиливает, а не подрывает фундаментальные принципы справедливости, прозрачности и прав человека при отправлении правосудия.

[1]Sourdin, T. (2021). Judges, technology and artificial intelligence: The artificial judge. Edward Elgar Publishing.
[2]International Association of Judges. (2017). Universal Charter of the Judge.
[3]American Bar Association. (2019). Resolution 604: Urging Study of Artificial Intelligence in the Practice of Law.

ШАМСИДДИНОВА ОЗОДА БЎРИЕВНА
Тошкент шаҳар Учтепа туманлараро фуқаролик ишлари бўйича судининг судьяси, ю.ф.ф.д., доцент

ОИЛАВИЙ МУНОСАБАТЛАРДА БОЛАЛАРНИНГ ШАХСИЙ НОМУЛКИЙ ҲУҚУҚЛАРИНИ ҲУҚУҚИЙ ТАРТИБГА СОЛИШНИНГ НАЗАРИЙ АСОСЛАРИ

Бугунги глобаллашув шароитида болаларнинг шахсий номулкий ҳуқуқларини таъминлаш ва ҳимоя қилиш масаласи халқаро ҳамжамиятда ҳам, миллий ҳуқуқ тизимини такомиллаштириш нуқтаи назаридан ҳам устувор йўналишлардан бирига айланмоқда. Мазкур соҳада давлат сиёсати доирасида оила институтини мустаҳкамлаш, унинг тарбиявий салоҳиятини ошириш, жамиятда анъанавий оилавий қадриятларни сақлаш ва ривожлантиришга қаратилган изчил ислоҳотлар амалга оширилмоқда. Шунингдек, ижтимоий ҳимояга муҳтож оилаларда соғлом маънавий-ахлоқий муҳитни шакллантиришга алоҳида эътибор қаратилмоқда.

Шу билан бирга, амалга оширилаётган ислоҳотларнинг самарадорлиги, хусусан, болаларда юксак маънавий-ахлоқий фазилатларни шакллантириш ва уларнинг баркамол шахс сифатида камол топишига қай даражада таъсир кўрсатаётгани масаласи илмий жиҳатдан чуқур таҳлилни талаб этади. Бу эса мазкур йўналишда комплекс илмий тадқиқотлар олиб бориш зарурлигини янада кучайтиради.

Оиланинг шахс камолотига таъсири бениҳоя катта бўлиб, инсондаги илк ижтимоий кўникмалар, ахлоқий қарашлар ва ҳаётий қадриятлар айнан оила муҳитида шаклланади. Хусусан, инсоннинг энг соф ва покиза туйғулари, дастлабки ҳаётий тасаввурлари, шунингдек,

унинг характери, дунёқараши ва ахлоқий қиёфасини белгилайдиган мезонлар — эзгулик, меҳр-оқибат, инсонийлик, ор-номус ва масъулият каби қадриятлар оила тарбияси негизида қарор топади.

Шу нуқтаи назардан, болаларнинг шахсий номулкий ҳуқуқларини нафақат ҳуқуқий жиҳатдан мустаҳкамлаш, балки уларни амалий таъминлаш механизмларини такомиллаштириш долзарб аҳамият касб этади. Зеро, мазкур ҳуқуқлар боланинг шахс сифатида шаклланиши, унинг қадр-қиммати, шаъни ва эркин ривожланишини таъминлашда муҳим ҳуқуқий кафолат бўлиб хизмат қилади.

Илмий тадқиқотлар ҳамда ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар таҳлиллари шуни кўрсатадики, жиноят йўлига кириб қолган вояга етмаганлар таркиби бир қатор ижтимоий гуруҳлар кесимида шаклланади: уларнинг асосий қисми, яъни 55–60 фоизини умумтаълим мактабларининг юқори синф ўқувчилари ҳамда касб-ҳунар таълими муассасалари (техникумлар) талабалари ташкил этса, 20–25 фоизи етарли назоратдан четда қолган ўсмирларга тўғри келади, қолган 15–20 фоизини эса маънавий-тарбиявий муҳити носоғлом бўлган ёшлар ташкил этади. Мазкур ҳолат вояга етмаганлар жиноятчилигининг келиб чиқишида таълим, бандлик ва оилавий-ижтимоий муҳит омиллари ўзаро узвий боғлиқ эканлигини кўрсатади[1].

Мазкур маълумотлар шуни кўрсатадики, айни пайтда оилада болаларнинг шахсий номулкий ҳуқуқларини таъминлашда, хусусан уларнинг таълим-тарбия олиш ҳуқуқларини рўёбга чиқаришда кўплаб муаммолар мавжуд бўлиб, уларни ҳал этиш учун миллий қонунчилик ва ҳуқуқни қўллаш амалиётидаги камчилик ва бўшлиқларни таҳлил этиш билан боғлиқ долзарб вазифаларни келтириб чиқармоқда.

Таъкидлаш жоизки, боланинг оила ва жамиятдаги мавқеини оширишга қаратилган илк ўзгаришлар XX аср бошларида юз бера бошлади. Хусусан, мазкур йўналишда Бирлашган Миллатлар

[1] Мусаев М.А. Вояга етмаганлар жиноятчилигининг криминологик тавсифи ва профилактикаси. – Тошкент: Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академияси, 2024. – Б. 42-45.

Ташкилоти томонидан «Бола ҳуқуқлари тўғрисида»ги Конвенциянинг қабул қилиниши ўзгаришларнинг муҳим босқичи бўлди. Ушбу Конвенцияда бола ўн саккиз ёшга тўлмаган шахс сифатида таърифланди ва болаларни ҳимоя қилиш зарурлиги тан олинди. Бундан ташқари, бола ҳуқуқларини таъминлаш масалалари «Инсон ҳуқуқлари умумжаҳон Декларацияси»[1], «Фуқаролик ва сиёсий ҳуқуқлар тўғрисида»[2]ги ҳамда «Иқтисодий, ижтимоий ва маданий ҳуқуқлар тўғрисида»[3]ги халқаро пактларда ҳам ўз аксини топди.

Шунингдек, МДҲга аъзо давлатлар томонидан 1993 йил 22 январда Минск шаҳрида қабул қилинган «Фуқаролик, оилавий ва жиноий ишлар бўйича ўзаро ҳуқуқий ёрдам ҳамда ҳуқуқий муносабатлар тўғрисида»[4]ги шартномада ҳам болаларнинг шахсий номулкий ва мулкий ҳуқуқлари ҳимоя қилинган.

Айни пайтда, Ўзбекистон Республикасининг Конституцияси 77-моддаси 1-қисмида ота-оналар ўз фарзандларини вояга етгунларига қадар боқиш ва тарбиялашга мажбур эканлиги эътироф этилган бўлиб, болаларнинг шахсий номулкий ҳуқуқларини қонуний тартибга солишнинг муҳим асослари 2008 йил 7 январдаги «Бола ҳуқуқларининг кафолатлари тўғрисида»ги ЎРҚ-139-сон қонун ва Ўзбекистон Республикасининг Оила кодексининг 11-боби 65-70-моддаларида мустаҳкамланган.

---

[1] Инсон ҳуқуқлари умумжаҳон декларацияси (1948 йил, 10 декабрда Бирлашган Миллатлар Ташкилоти Бош Ассамблеясининг 217 А (III) кўрсатмаси орқали қабул қилинган ва эълон қилинган.)

[2] Фуқаровий ва сиёсий ҳуқуқлар тўғрисида Халқаро пакти (28.12.1995 йилда Бирлашган Миллатлар Ташкилоти қабул қилинган ва эълон қилинган)

[3] Иқтисодий, ижтимоий ва маданий ҳуқуқлар тўғрисида халқаро пакт (Бирлашган Миллатлар Ташкилоти Бош Ассамблеянинг 2200 А (XXI)-сонли резолюсияси билан 1966-йил 16 декабрда қабул қилинган ва 1976-йил 3 январда кучга кирган) Ўзбекистон Республикаси мазкур Халқаро пактга Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлисининг 1995 йил 31 августдаги 126-I-сонли қарорига асосан қўшилган [Електрон ресурс]: http://www.lex.uz.

[4] «Фуқаролик, оилавий ва жиноий ишлар бўйича ўзаро ҳуқуқий-ёрдам ҳамда ҳуқуқий муносабатлар тўғрисида»ги Конвенция

Вояга етмаган болаларнинг шахсий номулкий ҳуқуқларини таснифлаш қуйидаги мезонлар бўйича амалга оширилиши мумкин.

1) шахсдан ажралмас ҳуқуқлар (яшаш ҳуқуқи);

2) болани жамиятда индивидуаллаштиришга қаратилган шахсий ҳуқуқлар (исм, отасининг исми, фамилиясига бўлган ҳуқуқ);

3) бевосита никоҳ ва оилавий муносабатлар соҳасидаги шахсий ҳуқуқлар (оилада яшаш ва тарбияланиш, ота-оналар, бошқа қариндошлар билан мулоқот қилиш ҳуқуқи);

4) боланинг ҳар томонлама ривожланишига ва унинг ижодий индивидуаллигини ифодалашга ёрдам берадиган шахсий ҳуқуқлар (ўз фикрини билдириш ҳуқуқи, ахборот воситаларидан фойдаланиш ҳуқуқи, интеллектуал фаолиятда иштирок этиш ҳуқуқи, интеллектуал мулк ҳуқуқига эгалик қилиш ва тасарруф этиш ҳуқуқи);

5) ҳимоя қилиш ҳуқуқи (суд ва суддан ташқари воситалар орқали).

Вояга етмаган болаларнинг шахсий номулкий ҳуқуқларининг турлари ҳақида гап кетар экан, ОКнинг XI боби вояга етмаганларнинг қуйидаги шахсий номулкий ҳуқуқларининг турларини ажратиб кўрсатади: оилада яшаш ва тарбияланиш ҳуқуқи (65-модда); ота-оналар ва қариндошлар билан мулоқот қилиш ҳуқуқи (66-модда); ўзини ҳимоя қилиш ҳуқуқи (67-модда); ўз фикрини билдириш ҳуқуқи (68-модда); исми, отасининг исми ва фамилиясига бўлган ҳуқуқ (69-модда); исм ва фамилияни ўзгарттириш ҳуқуқи (70-модда).

ОКнинг 65-моддаси боланинг оилада яшаш ва тарбияланиш ҳуқуқини белгилайди. Боланинг фаровонлиги, унинг жисмоний, ақлий, маънавий ривожланиши, таълим олиши каби ҳуқуқлар ҳақиқатан ҳам энг муҳим субъектив ҳуқуқлардан биридир, лекин уларни амалга ошириш, боланинг яшаш ҳуқуқи тўғри таъминланган тақдирда вужудга келади.

Ҳар бир бола оилада яшаш ва тарбияланиш, ўз ота-онасини билиш, уларнинг ғамхўрлигидан фойдаланиш, улар билан бирга яшаш

ҳуқуқига эга, бола манфаатларига зид бўлган ҳолатлар бундан мустаснодир.

Бу ҳуқуқ бир қанча ваколатлардан, ҳуқуқий имкониятлардан иборат: 1) ота-онани билиш; 2) ўз оиласида яшаш ва ўсиш; 3) ота-оналар билан бирга яшаш. Боланинг оиласи деганда, нафақат ота-она ва боладан иборат оила, балки бола ўсадиган ҳар қандай бошқа оила ҳам тушунилиши керак. Бу фарзандликка олувчилар, васийлар, ҳомийлар, болани оилага тарбияга олувчилар оиласи бўлиши мумкин, улар болага яқин бўлган шахслар - бобо-бувилар, холалар, амакилар, ака-ука, опа-сингиллар ва бошқалар бўлиши мумкин[1]. Ўз оиласида тарбияланиш ҳуқуқининг энг муҳим элементи - бу болани оилада тарбиялашнинг устуворлиги ва болани одатдаги муҳитнинг ўзгариши натижасида юзага келадиган психологик травмадан ҳимоя қилиш, ота-оналарнинг ғамхўрлик қилишидир.

Фикримизча, боланинг оилада яшаш ва тарбияланишини ҳуқуқий меъёрлар ўлчаб бўлмайди. Чунки, боланинг тарбиясини аниқ ўлчовини юридик жиҳатдан аниқлаб бўлмайди. Шунингдек, ОКнинг 75-моддасида таъкидланганидек, болаларни тарбиялаш усуллари менсимаслик, шафқатсизлик, қўполликдан, инсоний қадр-қимматни камситувчи муомаладан, болаларни ҳақоратлаш ёки эксплуатация қилишдан холи бўлиши керак. Бу нормалар баҳоловчи хусусиятга эга бўлиб, ОКда тарбия тушунчаси аниқланмаган.

Ўзбек тилининг изоҳли луғатида тарбия - таълим, ахлоқ-одоб ва шу кабиларни ўргатиб, сингдириб, инсонни вояга етказиш, улғайтириш, ўстириш деган маънони билдиради[2]. Шунингек ОКнинг 73-модда 2-қисмига мувофиқ**,** ота-она ўз болаларининг соғлиғи,

[1] Madjidova D.A. Oilalar mustahkamligini ta’minlashda migratsiya ta’sirida-yuzaga keluvchi xatarlarni oldini olishning muhim yo‘nalishlari. Science and innovation issn: 2181-3337 international scientific journal. 2022 №4. – B.230.

[2] O‘zbek tilining izohli lug‘ati. O‘zbekiston Respublikasi fanlar Akademiyasi. Alisher navoiy nomidagi til va adabiyot instituti. – T.:2021.y. 437 b.

жисмоний, руҳий, маънавий ва ахлоқий камолоти ҳақида ғамхўрлик қилишлари шарт.

Тарбия деганда, шахсни ахлоқий шакллантиришга қаратилган фаолият тушунилади, бунинг учун ахлоқий ғоялар, меъёрлар ва тамойиллар кундалик ҳаёт ва фаолиятнинг энг муҳим тартибга солувчиси ҳисобланади.

Амалда, ота-оналарнинг болани тарбиялаш бўйича ўз мажбуриятини бажаришда, шафқатсиз, қўпол, инсон қадр-қимматини камситувчи хатти-ҳаракатларнинг йўқлигини аниқлаш жуда мураккаб саналади. Чунки ота-онанинг болага тарбия мақсадида қўллаган жазоси бола томонидан унинг инсоний қадр-қимматини камситувчи сифатида баҳоланиши мумкинми йўқми буни аниқлашнинг имкони аксарият ҳолатлар мавжуд эмас. Боланинг бу ҳуқуқи ва ота-оналарнинг тегишли мажбуриятлари ахлоқий меъёрлар, ҳаёт қоидалари ва асослари соҳасига тегишли бўлиб, фақат боланинг ҳуқуқлари бузилган тақдирда, бу муносабатларни қонун билан тартибга солишнинг аниқ нормалари марказий ўринга келади. Шундай қилиб боланинг оилада яшаш ва тарбияланиш ҳуқуқи диний-ахлоқий одатлар ва оила қонунчилигининг нормалари билан тартибга солинади.

Боланинг шахсий номулкий ҳуқуқларидан бири бу исм, отасининг исми ва фамилиясига бўлган ҳуқуқи ҳисобланади. Исмга бўлган ҳуқуқ шахснинг энг муҳим шахсий номулкий ҳуқуқларидан бири саналади. Конвенциянинг 7-моддасига мувофиқ, бола туғилган заҳоти рўйхатга олинади ва туғилган дақиқасидан бошлаб исм билан аталиш ва фуқароликка эга бўлиш, шунингдек, ўз ота-онасини билиш ва уларнинг ғамхўрликларидан баҳраманд бўлиш ҳуқуқларини олишга ҳақли ҳисобланади. Хусусан, ЎРҚ-139-сон Қонунининг 9-моддасига кўра ҳар бир бола туғилган пайтдан эътиборан фамилия, исм, ота исми олиш, миллати ва фуқаролигига эга бўлиш, уларни сақлаб қолиш ҳуқуқига эга.

Фуқаронинг исми уни ҳуқуқий муносабатлар иштирокчиси сифатида индивидуаллаштириш воситаларидан биридир, чунки фуқаро ўз номи билан ҳуқуқ ва мажбуриятларга эга бўлади ва амалга оширади. Агар, фуқаронинг исми бўлмаса, унга ҳуқуқ ва мажбуриятларни «бириктириш» қандайдир тарзда амалга ошириш керак бўлади. «Исмга бўлган ҳуқуқ ҳуқуқ лаёқатининг элементи сифатида қаралиши керак»[1]. Бундан ташқари, исм ҳуқуқ лаёқатининг ҳам ички, ҳам ташқи элементи ҳисобланади, чунки исмга бўлган ҳуқуқ туғилган пайтдан бошлаб пайдо бўлади ва исмга эга бўлиш, уни ўзгартириш, исм остида ҳаракат қилиш ҳуқуқи сифатида намоён бўлади. Бошқа томондан, фуқаронинг субъектив ҳуқуқлари унинг номи билан унга тегишли бўлиб, фуқаро ўз номи билан ҳуқуқларни амалга оширади ва мажбуриятларни бажаради[2].

Вояга етмаган болаларнинг шахсий номулкий ҳуқуқларини фуқаролик қонунчилигига кўра шахсларга тегишли бўлган шахсий номулкий ҳуқуқлардан қуйидагича фарқли жиҳатларга ажратиш мумкин.

Биринчидан, вояга етмаган болаларнинг айрим шахсий номулкий ҳуқуқлари (14 ёшгача, 14 ёшдан 18 ёшгача) маълум бир ёшгача бўлиши;

Иккинчидан, бола биологик, рухий мададга муҳтожлиги сабаб ижтимоий муҳитнинг таъсири;

Учинчидан, боланинг ёшига кўра заиф ҳимояланганлиги сабаб вояга етмаган болаларнинг шахсий номулкий ҳуқуқлари ота-она (уларни ўрнини босувчи шахслар) билан узвий боғлиқлиги;

[1] Пчелинцева Л.М. Семейное право России: учебник для вузов. М., 1999. С. 362.

[2] Madjidova D.A. Oilalar mustahkamligini ta’minlashda migratsiya ta’sirida-yuzaga keluvchi xatarlarni oldini olishning muhim yo‘nalishlari. Science and innovation issn: 2181-3337 international scientific journal. 2022 №4. – B.230.

Тўртинчидан, вояга етмаганларнинг шахсий номулкий ҳуқуқларини амалга оширишда учинчи шахсларнинг бевосита иштирок этиши;

Санаб ўтилган шахсий номулкий ҳуқуқлардаги фарқлардан келиб чиқиб айтиш мукинки, вояга етмаган болаларнинг шахсий номулкий ҳуқуқларида болалар мутлақ ҳуқуқларга эга бўлмаган алоҳида мустақил шахс эмаслигини кўрсатади. Шу боисдан вояга етмаган болаларнинг шахсий номулкий ҳуқуқларига қуйидагича таъриф бериш мақсадга мувофиқ саналади.

“Вояга етмаган болаларнинг шахсий номулкий ҳуқуқлари деганда, маълум бир ёш ва муддат билан чегараланган, ота-она (уларнинг ўрнини босувчилар)ларнинг иштирок этиши бевосита боғлиқ бўлган, боланинг яшаши, қадр-қиммати, соғлом турмуш тарзи, шахсий қобилият ва имкониятларини амалга оширишга қаратилган, болани индивидуаллаштиришга хизмат қиладиган қонун ва ота-она (уларни ўрнини босувчи шахслар) томонидан ҳимоя қилинадиган номоддий характерга эга бўлган ҳуқуқлар тизимига айтилади”.

Хусусан, ижтимоий тараққиёт натижасида юзага келаётган мураккаб эҳтиёжлардан келиб чиқиб, бугунги инсониятнинг болаларга бўлаётган муносабатларини инобатга олган ҳолда, боланинг жисмоний, ақлий ва рухий ҳолатларини тўғри камол топиши учун вояга етмаган болаларнинг шахсий номулкий ҳуқуқлари доирасини кенгайтириш мақсадида ОКнинг қуйидаги мазмундаги нормани киритиш лозим: “*Бола соғлом ривожланиш ҳуқуқи, қулай атроф-табиий муҳитга эга бўлиш ҳуқуқи, интеллектул мулк ҳуқуқидан фойдаланиш ҳуқуқи, руҳий ва жисмоний дахлсизлик ҳуқуқи, маданий ҳаётда иштирок этиш ҳуқуқидан тўлақонли фойдаланиш ҳуқуқига эга”.*

ШОИМОВ НОРҚОБИЛ БОБОМУРОДОВИЧ
Ўзбекистон Республикаси ИИВ
Малака ошириш Институти
Махсус фанлар цикли катта ўқитувчиси,
подполковник, юридик фанлар номзоди,
доцент

ҲАМКОРЛИК: КИБЕРТАҲДИДЛАР ВА ҲИМОЯ МЕХАНИЗМЛАРИ

Аннотация. *Мақолада кибержиноятчиликка қарши курашишда ҳуқуқий асослар ва ҳамкорлик механизмларининг аҳамияти таҳлил қилинган. Ахборот-коммуникация технологияларининг жадал ривожланиши натижасида юзага келаётган кибертаҳдидлар, уларнинг жамият ва давлат хавфсизлигига салбий таъсири ёритилган. Шунингдек, Ўзбекистон Республикасида киберхавфсизликни таъминлаш ва кибержиноятчиликнинг олдини олишга қаратилган норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар, давлат сиёсати ҳамда 2026–2030 йилларга мўлжалланган киберхавфсизлик стратегиясининг асосий йўналишлари таҳлил этилган. Мақолада давлат органлари, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи идоралар, хусусий сектор ва аҳоли ўртасидаги ҳамкорликнинг аҳамияти, киберхавфсизлик маданиятини шакллантириш, ахборот алмашинувини йўлга қўйиш ва профилактик чора-тадбирларни кучайтириш масалаларига алоҳида эътибор қаратилган.*

Калит сўзлар: *киберхавфсизлик, кибержиноятчилик, ахборот хавфсизлиги, рақамли иқтисодиёт, давлат ахборот тизимлари, кибертаҳдидлар.*

Бугунги кунда ахборот-коммуникация технологияларининг жадал ривожланиши натижасида жамият ҳаётининг деярли барча соҳалари рақамлаштирилмоқда. Давлат бошқаруви, банк-молия тизими, таълим, тиббиёт, савдо ва ҳатто кундалик ижтимоий муносабатлар интернет ҳамда рақамли платформалар орқали амалга оширилмоқда. Бу эса инсон ҳаётига қулайликлар яратиш билан бир

қаторда, янги турдаги хавф-хатарлар — кибержиноятчиликнинг келиб чиқиши ва кенг тарқалишига ҳам сабаб бўлмоқда. Айниқса, ахборот тизимларига ноқонуний кириш, шахсий маълумотларни ўғирлаш, электрон тўлов воситалари орқали фирибгарлик қилиш, зарарли дастурлар тарқатиш, интернет орқали товламачилик ва террорчилик ғояларини тарғиб қилиш каби жиноятлар глобал муаммога айланиб бормоқда.

Кибержиноятчиликнинг хавфли жиҳати шундаки, у давлат чегараларини тан олмайди ва қисқа вақт ичида катта миқёсда зарар етказиши мумкин. Шу боис мазкур турдаги жиноятларга қарши курашиш фақат техник чоралар билан чекланиб қолмасдан, мустаҳкам ҳуқуқий асосларни шакллантиришни ҳамда идоралараро ҳамкорликни ҳам талаб этади. Ҳуқуқий асослар ва шу ҳуқуқий асосларга таяниб ҳамкорлик қилиш кибержиноятларнинг олдини олиш, уларни фош этиш, айбдор шахсларни жавобгарликка тортиш ва ахборот хавфсизлигини таъминлашда муҳим аҳамият касб этади.

Шу ўринда ҳамкорлик сўзининг маъносига тўхталиб ўтсак, ҳамкор сўзи форсча сўздан олинган бўлиб,- бирга ишловчи, ҳамкасаба ёки бирор иш-юмушни бирга бажарувчи, бирга амалга оширувчи, иш-фаолиятда ўзаро кўмакдош; ўзаро ёрдам, бамаслаҳатлик билан ишловчи деган маънони билдирса, ҳамкорлик эса, иш-фаолиятда бирга ҳамкор бўлиш, айни бир ишда биргалашиш, уни тенг бажариш, бирор соҳада ўзаро боғланиб, биргаликда, ҳамкор бўлиб иш олиб бориш деган маънони англатади[1].

Таъкидлаш ўринлики, ҳар қандай давлат идораси бошқа идоралар билан ҳамкорликни ташкил қилмасдан туриб, ички имкониятлари доирасида ўз фаолиятининг самарадорлигини тўлиқ таъминлай олмайди. Жумладан киберхавфсизлик субъектлари ҳам ўз зиммасига

[1] Ўзбек тилининг изоҳли луғати: 80000 дан ортиқ сўз ва сўз бирикмаси. Ж. V. Шукрона-Ҳ / Таҳрир ҳайъати: Т.Мирзаев (раҳбар) ва бошқ.; ЎзР ФА Тил ва адабиёт ин-ти. – Т.: «Ўзбекистон миллий энциклопедияси» Давлат илмий нашриёти, 2008. – 499-500 бет.

юклатилган мажбуриятларни бажаришда бошқа ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар билан ўзаро ҳамкорликни ташкил қилиши ва олиб бориши муҳимдир.

Ўзбекистон Республикасида ҳам ахборот хавфсизлигини таъминлаш ва кибержиноятчиликка қарши курашиш давлат сиёсатининг муҳим йўналишларидан бири сифатида белгиланган.

Шу боисдан ҳам, Ўзбекистон Республикасида бу соҳага оид бир қатор қонунлар, фармон ва қарорлар, хусусан, Ўзбекистон Республикасининг 2002 йил 12 декабрдаги “Ахборот эркинлиги принциплари ва кафолатлари тўғрисида”ги 439-II-сонли қонуни[2], Ўзбекистон Республикасининг 2003 йил 11 декабрдаги “Ахборотлаштириш тўғрисида”ги 560-II-сонли қонуни[1], Ўзбекистон Республикасининг 2022 йил 15 апрелдаги “Киберхавфсизлик тўғрисида”ги ЎРҚ-764-сонли қонуни[2], Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2025 йил 22 январдаги “Рақамли технологиялар воситасида содир этиладиган жиноятларга қарши курашиш соҳаси учун профессионал кадрлар тайёрлаш тизимини жорий этиш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПҚ-17-сонли қарори[3], Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2025 йил 30 апрелдаги “Ахборот технологиялари ёрдамида содир этиладиган жиноятларга қарши курашиш фаолиятини янада кучайтиришга қаратилган чора-тадбирлар тўғрисида”ги ПҚ-153-сонли қарори[4] каби бир қатор норматив-ҳуқуқий ҳужжатларнинг қабул қилиниши, Жиноят кодексига ахборот

---

[2] Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлисининг Ахборотномаси, 2003 й., 1-сон, 2-модда; 2015 й., 52-сон, 645-модда; Қонун ҳужжатлари маълумотлари миллий базаси, 19.04.2018 й., 03/18/476/1087-сон; Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 21.04.2021 й., 03/21/683/0375-сон.

[1] Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлисининг Ахборотномаси, 2004 й., 1-2-сон, 10-модда; Ўзбекистон Республикаси қонун ҳужжатлари тўплами, 2014 й., 36-сон, 452-модда; Қонун ҳужжатлари маълумотлари миллий базаси, 30.03.2021 й., 03/21/679/0256-сон; *Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 21.04.2021 й., 03/21/683/0375-сон;* 11.09.2024 й., 03/24/959/0698-сон; 21.01.2026 й., 03/26/1115/0063-сон.

[2] Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 16.04.2022 й., 03/22/764/0313-сон.

[3] Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 27.01.2025 й., 07/25/17/0073-сон.

[4] Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 06.05.2025 й., 07/25/153/0411-сон.

технологиялари соҳасидаги жиноятларга оид нормалар киритилиши, шунингдек, махсус ваколатли органлар фаолиятининг йўлга қўйилиши мазкур соҳадаги ҳуқуқий базанинг мустаҳкамланаётганидан далолат беради. Ушбу ҳуқуқий асосларга таяниб ҳамкорлик қилиш кибержиноятларнинг олдини олиш ва уларга қарши самарали курашишда муҳим ўрин тутади.

Хусусан, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2026 йил 10 мартдаги “Ўзбекистон Республикасининг Киберхавфсизлик стратегиясини белгилаш ва кибержиноятчиликнинг олдини олиш тизимини такомиллаштириш тўғрисида”ги ПФ-38-сонли Фармони[5] бу борада алоҳида аҳамиятга эгадир.

Фармонда кибермаконда шахс, жамият ва давлат манфаатларини самарали ҳимоя қилиш, ахборот инфратузилмасининг барқарорлигини таъминлаш, рақамли иқтисодиёт тармоқларида киберхавфсизликни янада кучайтиришнинг устувор йўналишларини белгилаш, кибержиноятчиликнинг олдини олиш тизимини такомиллаштириш, шунингдек, фуқароларда киберхавфсизлик маданиятини шакллантириш ва мустаҳкамлаш чора-тадбирларини белгилаб берилган.

Фармоннинг 1-иловасига мувофиқ, Ўзбекистон Республикасининг 2026 — 2030 йилларга мўлжалланган киберхавфсизлик стратегияси ва 2-иловасига мувофиқ Ўзбекистон Республикасининг 2026 — 2030 йилларга мўлжалланган киберхавфсизлик стратегиясини амалга ошириш бўйича «йўл харитаси» тасдиқланган бўлиб, уларда ҳамкорлик масалаларига ҳам алоҳида эътибор қаратилган. Жумладан: Фармоннинг 17-бандига асосан Давлат хавфсизлик хизмати Рақамли технологиялар вазирлиги, Олий таълим, фан ва инновациялар вазирлиги, Мактабгача ва мактаб таълими вазирлиги билан биргаликда 2026 йил якунига қадар

[5] Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 11.03.2026 й., 06/26/38/0219-сон.

ёшларнинг интернетдан хавфсиз фойдаланиш юзасидан билимларини ошириш мақсадида:

Биринчидан, юқори синфлар ўқувчилари учун тарбиявий соатлар доирасида кибермаданият машғулотларини ташкил этиш;

Иккинчидан, талабалар ва мактаб ўқувчилари учун киберхавфсизлик асослари бўйича бепул онлайн курсларни тақдим этадиган платформалар ҳамда мавзуга оид ижтимоий роликларни ишлаб чиқиш қайд этилган.

Шунингдек, интернетдан тўсиқларсиз фойдаланиш учун зарур шарт-шароитларни яратиш, айниқса, ёшларда интернетдан фойдаланиш маданиятини янада юксалтириш, уларнинг ёлғон маълумотлар қурбонига айланиши, дунёқараши салбий ғоялар таъсирида шаклланишининг олдини олиш ҳамда фуқароларнинг интернетдан фойдаланиш борасидаги саводхонлигини ошириш Ўзбекистон Республикасининг 2026 — 2030 йилларга мўлжалланган киберхавфсизлик стратегиясининг асосий мақсадига эришиш вазифаларидан бири сифатида белгилаб берилган бўлса, уни амалга оширишнинг устувор йўналишларидан бири ҳам киберхавфсизлик ҳодисаларининг олдини олиш мақсадида киберхавфсизлик ҳолатини мониторинг қилиш тизимини жорий этиш ҳамда киберхавфсизлик субъектлари билан ваколатли орган ўртасида фаол ва тезкор ҳамкорликни таъминлаш эканлиги стратегиянинг 2-бобининг 3-бандида ўз аксини топган.

Бундан ташқари, стратегияда киберхавфсизлик ҳодисаларининг олдини олиш мақсадида киберхавфсизлик ҳолатини мониторинг қилиш тизимини жорий этиш ҳамда киберхавфсизлик субъектлари билан ваколатли орган ўртасида фаол ва тезкор ҳамкорликни таъминлаш ҳам ўз аксини топган бўлиб, ушбу йўналишда қуйидагилар амалга оширилади:

а) киберхавфсизлик ҳодисаларини мониторинг қилиш ва уларга жавоб қайтариш миллий тизимини яратиш (SOC) марказларини ташкил этиш;

б) муҳим ахборот инфратузилмаси субъектларининг киберхавфсизлик ҳодисаларига жавоб қайтаришда киберхавфсизлик бўйича ваколатли орган ва ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар билан тезкор ўзаро муносабатлар тизимини шакллантириш;

в) давлат органлари ва ташкилотлари ахборот тизимлари ва ресурсларидаги ҳамда муҳим ахборот инфратузилмаси объектларидаги заифликлар ва камчиликларни аниқлаш тизимларини яратиш ва жорий этиш;

г) янги кибертаҳдидлар ва заифликлар тўғрисида тезкор маълумот алмашишни таъминлаш, уларга самарали жавоб қайтариш ва объектларнинг ҳимоясини кучайтириш учун киберхавфсизлик соҳасидаги иштирокчиларни хабардор қилиш.

Ахборот технологиялари соҳасидаги жиноятлар ва бошқа ҳуқуқбузарликларнинг олдини олиш ва уларга қарши курашишнинг самарали тизимини ташкил этиш йўналишлари сифатида ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар томонидан кибермаконда фирибгарлик ва бошқа ҳуқуқбузарликларга қарши курашиш бўйича профилактика чора-тадбирларини амалга ошириш, шунингдек, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар ва аҳолининг кибержиноятлар тўғрисида фуқароларни хабардор қилиш бўйича ўзаро ҳамкорлигининг самарали механизмларини яратиш, кибержиноятлар тўғрисида ариза ва хабар бериш жараёнини фуқаролар билан боғланиш учун онлайн хизмат ҳамда қулай платформалар ташкил этиш орқали соддалаштириш эканлиги ва ахборот технологиялари соҳасидаги жиноятларга қарши курашиш учун давлат органлари, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар, муҳим ахборот инфратузилмаси субъектларининг тезкор ўзаро таъсири ва интеграциясини таъминлаш, шу жумладан, кибержиноятларнинг олдини олиш учун давлат органлари, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи

органлар, тижорат банклари, телекоммуникация операторларининг ўзаро тезкор ҳамкорлик қилиш тўғрисидаги регламентни ишлаб чиқиш эканлиги белгилаб берилган.

Стратегияда шунингдек, киберхавфсизлик соҳасида хусусий ташкилотларни жалб этиш йўналишида киберхавфсизлик соҳасида давлат органлари билан хусусий ташкилотлар ўртасида ҳамкорлик ва ўзаро муносабатлар платформаларини, шу жумладан, интернет платформалар ва форумлар, киберхавфсизлик технологияларини синаш платформалари ва бошқаларни яратиш амалга оширилиши қайд этилган.

Шу билан бирга кибержиноятчиликка қарши курашиш нуқтаи назаридан банкларнинг мижозлар билан яқин ҳамкорлик қилиши ҳамда киберхавфсизликни таъминлаш масалалари бўйича давлат органлари билан аҳоли ўртасида ҳамкорликнинг ва ахборот алмашинувини рағбатлантиришнинг механизмини яратиш, шунингдек, кибертаҳдидлар ва хавфсизликнинг энг яхши амалиётлари тўғрисида аҳолининг хабардорлигини ошириш, шу жумладан, интернет ва онлайн хизматлардан хавфсиз фойдаланиш бўйича ўқитиш каби чоралар белгилаб берилган.

Хуллас, кибертаҳдидлар — вируслар, фишинг, маълумот ўғирланиши, хакерлик ҳужумлари ва зарарли дастурлар орқали давлатлар, ташкилотлар ҳамда фуқаролар хавфсизлигига жиддий таҳдид солади. Шу сабабли киберхавфсизликни таъминлашда идоралараро ҳамкорлик муҳим ўрин тутади.

Самарали ҳимоя механизмлари сифатида кучли пароллардан фойдаланиш, икки босқичли аутентификация, антивирус дастурлари, маълумотларни шифрлаш, тармоқ хавфсизлигини назорат қилиш ва ходимларни киберсаводхонликка ўқитиш катта аҳамият касб этади. Шунингдек, давлатлар ва ташкилотлар ўртасида ахборот алмашиш ҳамда қўшма хавфсизлик чораларини ишлаб чиқиш киберҳужумларнинг олдини олишда самарали восита ҳисобланади.

Хулоса қилиб айтганда, кибертаҳдидларга қарши курашишда технологиялар билан бир қаторда ҳамкорлик, доимий мониторинг ва хавфсизлик маданиятини ривожлантириш асосий омиллардан бири ҳисобланади.

BORSIEVA ZAMIRAT KHASANBEKOVNA
Senior Prosecutor,
Scientific and Educational Center for Combating Corruption, Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan;
Associate Professor; Junior Counsellor of Justice

PULATOV SARDOR BAKHODIROVICH
Doctoral Student, Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan

DIGITAL COMPLIANCE AS AN ANTI-CORRUPTION LAYER OF DIGITAL GOVERNMENT: ALGORITHMIC ACCOUNTABILITY, HUMAN RIGHTS AND RULE-OF-LAW GUARANTEES FOR UZBEKISTAN

***Аннотация**: Ушбу мақолада рақамли ҳукуматнинг алоҳида коррупцияга қарши қатлами сифатида рақамли комплаенснинг доктринал ва қиёсий-ҳуқуқий модели ишлаб чиқилади. Тадқиқотнинг марказий тезиси шундан иборатки, давлат хизматлари, реестрлар ва давлат харидлари тартиб-таомилларини рақамлаштириш мансабдор шахс ва мурожаатчи ўртасидаги бевосита шахсий таъсир ҳамда индивидуал ихтиёрийлик имкониятларини камайтириши мумкин, бироқ бу ҳолат ўз-ўзидан ҳалоллик, қонунийлик ва жамоатчилик ишончини кафолатламайди. Агар қарорларнинг ҳуқуқий асослари, хавф индикаторлари, маълумотлар алмашинуви ва шикоят қилиш механизмлари шаффоф бўлмаса, коррупциявий хавфлар рақамли тизимларнинг ўзида қайта вужудга келиши мумкин. Шу муносабат билан рақамли комплаенс ахборот тизимларига коррупцияга қарши қоидаларни хавфга асосланган назорат, манфаатлар тўқнашувини текшириш, аудит изи, қарорларни тушунтириш мажбурияти, инсон назорати ҳамда автоматлаштирилган натижаларни эътироз қилиш имконияти орқали сингдирувчи ҳуқуқий-технологик архитектура сифатида*

таърифланади. Тадқиқот TASHKENT CYBERLEX – 2026 форуми кун тартиби билан боғлиқ бўлиб, унда рақамли трансформация шароитида қонун устуворлиги, инсон ҳуқуқлари ва хавфсизлик мувозанати марказий ўринга қўйилади. Методологик жиҳатдан мақолада доктринал таҳлил, қиёсий-ҳуқуқий таҳлил ва функционал тизимли лойиҳалаш ёндашуви уйғунлаштирилган. Қиёсий қисмда Европа Иттифоқининг кўп қатламли модели, жумладан GDPR, AI Act, Digital Services Act, давлат харидлари ва ҳуқуқбузарликлар ҳақида хабар берувчиларни ҳимоя қилишга оид ҳуқуқий инструментлар, шунингдек Германия, Франция, Нидерландия ва АҚШнинг айрим миллий тажрибалари кўриб чиқилади. Ўзбекистонга бағишланган қисмда коррупцияга қарши сиёсат, манфаатлар тўқнашувини тартибга солиш ва рақамли трансформациянинг ҳуқуқий асослари, шу жумладан манба материалларида баён этилган Э-Комплаенс модули ҳамда сунъий интеллект асосида хавфларни аниқлаш имкониятларига эга шаклланаётган «Рақамли комплаенс» ахборот комплекси таҳлил қилинади. Мақолада Ўзбекистон учун навбатдаги ислоҳот босқичи фақат технологик интеграциядан иборат бўлмаслиги, балки compliance by design моделини ҳуқуқий жиҳатдан мустаҳкамлашдан иборат бўлиши кераклиги асосланади. Бунда қонунчиликдаги аниқ таърифлар, алгоритмик шаффофлик, мажбурий инсон текшируви, мустақил аудит, ҳимояланган хабар бериш каналлари ва комплаенс маълумотларини манипуляция қилиш учун жавобгарлик муҳим аҳамиятга эга. Таклиф этилаётган модел коррупцияга қарши рақамлаштиришни самарали қилишга, шу билан бирга уни ҳисобдорликдан холи алгоритмик назоратга айлантириб юбормасликка қаратилган.

Аннотация: *В статье разрабатывается доктринальная и сравнительно-правовая модель цифрового комплаенса как самостоятельного антикоррупционного слоя цифрового государства. Центральный тезис исследования состоит в том, что цифровизация государственных услуг, реестров и процедур государственных закупок способна сократить непосредственное личное усмотрение и контакт между должностным лицом и заявителем, однако сама по себе не гарантирует добропорядочность, законность и общественное доверие. Коррупционные риски могут воспроизводиться уже внутри цифровых систем, если правовые основания принимаемых решений, риск-индикаторы, обмен данными и механизмы обжалования остаются непрозрачными. В этой связи цифровой комплаенс определяется как юридико-технологическая архитектура, встраивающая антикоррупционные правила в информационные системы посредством риск-*

ориентированного контроля, проверки конфликта интересов, цифрового следа, обязанностей по объяснимости решений, человеческого надзора и возможности оспаривания автоматизированных результатов. Исследование соотнесено с повесткой форума TASHKENT CYBERLEX – 2026, в центре которой находятся верховенство права, права человека и баланс безопасности в условиях цифровой трансформации. Методологически статья сочетает доктринальный анализ, сравнительно-правовой анализ и функциональный системно-проектный подход. В сравнительной части рассматривается многоуровневая модель Европейского союза, включая GDPR, AI Act, Digital Services Act, инструменты регулирования государственных закупок и защиты информаторов, а также отдельные национальные ориентиры Германии, Франции, Нидерландов и США. Часть, посвящённая Узбекистану, анализирует правовые основы антикоррупционной политики, регулирования конфликта интересов и цифровой трансформации, включая формирующийся информационный комплекс «Цифровой комплаенс» с модулем E-Komplaens и выявлением рисков на основе искусственного интеллекта, как это отражено в исходных материалах. В статье обосновывается, что следующим этапом реформ в Узбекистане должна стать не только технологическая интеграция, но и юридическое закрепление модели compliance by design: законодательные определения, алгоритмическая прозрачность, обязательная человеческая проверка, независимый аудит, защищённые каналы сообщений о нарушениях и ответственность за манипулирование комплаенс-данными. Предлагаемая модель направлена на то, чтобы сделать антикоррупционную цифровизацию эффективной, не превращая её в неподотчётный алгоритмический контроль.

Abstract: *This article develops a doctrinal and comparative legal model of digital compliance as a distinct anti-corruption layer of digital government. The central thesis is that the digitization of public services, registers and procurement procedures may reduce direct interpersonal discretion, but it does not by itself guarantee integrity, legality or public trust. Corruption risks may be reproduced inside digital systems when the legal grounds of decisions, risk indicators, data exchanges and appeal mechanisms remain opaque. In response, digital compliance is defined as a legal-technological architecture that embeds anti-corruption rules into information systems through risk-based controls, conflict-of-interest screening, audit trails, explainability duties, human oversight and contestable automated outcomes. The research is framed by the agenda of TASHKENT CYBERLEX - 2026, which places the rule of law, human rights and the balance of security at the center of digital*

transformation. Methodologically, the paper combines doctrinal analysis, comparative legal analysis and a functional systems-design approach. The comparative part examines the European Union's layered model, including the GDPR, the AI Act, the Digital Services Act, public procurement and whistleblowing instruments, and selected national benchmarks from Germany, France, the Netherlands and the United States. The Uzbekistan-focused part analyses the legal foundations of anti-corruption policy, conflict-of-interest regulation and digital transformation, including the emerging Digital Compliance information complex with E-Komplaens and artificial intelligence-based risk detection as described in the source materials. The article argues that Uzbekistan's next reform step should not be merely technological integration, but the legalization of compliance by design: statutory definitions, algorithmic transparency, mandatory human review, independent audit, protected reporting channels and liability for manipulation of compliance data. The proposed model seeks to make anti-corruption digitalization effective without transforming it into unaccountable algorithmic control.

Ключевые слова: *цифровой комплаенс; антикоррупционная политика; публичная добропорядочность; электронное правительство; алгоритмическая подотчётность; искусственный интеллект; права человека; государственные закупки; конфликт интересов; Узбекистан.*

Калит сўзлар: *рақамли комплаенс; коррупцияга қарши сиёсат; жамоат ҳалоллиги; электрон ҳукумат; алгоритмик ҳисобдорлик; сунъий интеллект; инсон ҳуқуқлари; давлат харидлари; манфаатлар тўқнашуви; Ўзбекистон.*

Keywords: *digital compliance; anti-corruption policy; public integrity; e-government; algorithmic accountability; artificial intelligence; human rights; procurement; conflict of interest; Uzbekistan.*

Introduction

The digital transformation of public administration has become one of the decisive legal and institutional questions of the twenty-first century. States increasingly deliver services through portals, registries, electronic identification, inter-agency data exchange, e-procurement platforms and artificial intelligence-based analytics. These instruments promise speed, traceability and lower transaction costs. They also appear attractive for anti-corruption policy because they reduce face-to-face contact between

officials and citizens, create electronic records and permit the large-scale analysis of public data.[1]

Yet the assumption that digitalization automatically produces integrity is legally and empirically insufficient. Corruption is not only a problem of paper forms or personal contact. It is a problem of discretion without justification, conflicts of interest without detection, data asymmetries, weak oversight, selective enforcement and insufficient remedies. If these features are transferred into software without redesigning the underlying legal architecture, digital government may merely conceal discretionary power behind interfaces, algorithms and databases. In such circumstances, the citizen may no longer know which official influenced a decision, which data were used, or how to challenge an automated refusal. The form becomes digital, but the rule-of-law deficit remains.[2]

This problem is especially relevant to the theme of TASHKENT CYBERLEX - 2026: ensuring the rule of law in the digital age through innovation, human rights and a balanced approach to security. Anti-corruption digitalization requires both security and rights. It must protect public funds, procurement systems and administrative integrity, but it must also protect individuals and businesses from black-box risk scoring, arbitrary exclusion, excessive data processing and non-contestable decisions. The question is therefore not whether the state should use digital technologies against corruption. The more difficult question is how to design such technologies so that they remain lawful, explainable, proportionate and auditable.[3]

---

[1] Ines Mergel, Noella Edelmann and Nathalie Haug, 'Defining Digital Transformation: Results from Expert Interviews' (2019) 36 Government Information Quarterly 101385; World Bank, GovTech Maturity Index: The State of Public Sector Digital Transformation (World Bank 2022).

[2] World Bank, Enhancing Government Effectiveness and Transparency: The Fight Against Corruption (World Bank 2020); Cary Coglianese and David Lehr, 'Regulating by Robot: Administrative Decision Making in the Machine-Learning Era' (2017) 105 Georgetown Law Journal 1147.

[3] OECD, Recommendation of the Council on Public Integrity OECD/LEGAL/0435 (2017); Council of Europe, Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No 225, 2024).

This article addresses that question through the concept of digital compliance. In this paper, digital compliance is not treated as a synonym for e-government or as a narrow corporate compliance instrument. It is understood as a public-law and administrative-law mechanism by which anti-corruption obligations are embedded into the digital architecture of government itself. It requires that legal rules be translated into system requirements: red flags, data fields, logs, access rights, segregation of functions, human review, risk escalation, reasons for decisions and channels for appeal or protected reporting. In this sense, digital compliance is the integrity layer of digital government.[1]

The research question is the following: which legal mechanisms and institutional conditions are necessary for the effective implementation of digital compliance in Uzbekistan's anti-corruption policy while preserving human rights and the rule of law? The article argues that Uzbekistan already possesses important legal and technological foundations, including the Law on Combating Corruption, the Law on Conflict of Interest and the Digital Uzbekistan - 2030 strategy. At the same time, the transition from digital services to digital compliance requires a more explicit legal framework for algorithmic accountability, auditability, human oversight and contestability.

The paper proceeds in eight steps. Section 2 explains the methodology. Section 3 formulates the doctrinal concept of digital compliance and distinguishes it from ordinary e-government. Section 4 provides comparative legal benchmarks from the European Union and selected national systems. Section 5 examines Uzbekistan's legal and institutional context. Section 6 identifies rule-of-law and human-rights risks of AI-driven anti-corruption systems. Section 7 proposes an implementation model for Uzbekistan. Section 8 formulates de lege lata and de lege ferenda recommendations. The conclusion summarizes the doctrinal

[1] ISO, ISO 37301:2021 Compliance management systems - Requirements with guidance for use (ISO 2021); OECD, Recommendation of the Council on Public Integrity OECD/LEGAL/0435 (2017).

contribution and its practical relevance for the digital transformation of anti-corruption governance.

2. Methodology and Research Design

The article uses a mixed legal methodology. First, it applies doctrinal legal analysis to clarify the normative content of digital compliance. This includes the interpretation of concepts such as legality, transparency, conflict of interest, auditability, automated administrative decision-making, human oversight and the right to an effective remedy. Doctrinal analysis is necessary because digital compliance cannot be reduced to software implementation. It is a legal architecture that must define powers, duties, rights, procedures and liability.[1]

Second, the article uses comparative legal analysis. Comparative materials are selected not as models to be transplanted mechanically, but as legal benchmarks that illustrate different regulatory techniques. The European Union provides a layered normative framework: data protection law, AI regulation, digital platform regulation, procurement law and whistleblower protection. Germany illustrates the requirement of explicit statutory authorization for fully automated administrative acts. France illustrates the duty to notify individuals when an algorithm participates in an administrative decision and to disclose meaningful information about the processing. The Netherlands provides a cautionary example through the SyRI litigation, where opaque risk scoring in public administration conflicted with privacy and transparency requirements. The United States is considered primarily as a source of corporate compliance and RegTech methods, rather than as a unified public-law model.[2]

Third, the article uses a functional systems-design approach. This approach asks how legal obligations can be operationalized inside digital

[1] Mark Van Hoecke (ed), Methodologies of Legal Research: Which Kind of Method for What Kind of Discipline? (Hart 2011); Terry Hutchinson and Nigel Duncan, 'Defining and Describing What We Do: Doctrinal Legal Research' (2012) 17 Deakin Law Review 83.

[2] Konrad Zweigert and Hein Kotz, An Introduction to Comparative Law (Tony Weir tr, 3rd edn, OUP 1998) 34-47.

infrastructure. For example, a legal duty to prevent conflicts of interest must be translated into data interoperability, beneficial ownership checks, procurement participant screening, declaration matching, logging of access to files, and escalation to human review. A right to challenge a decision must be translated into reason-giving, disclosure of the relevant criteria, preservation of audit logs and accessible procedural channels. This methodology reflects the idea that the future of administrative legality depends not only on statutes, but also on how statutes are implemented in code, data architecture and institutional workflows.[1]

The object of the research is Uzbekistan's emerging framework of digital anti-corruption governance. The subject is narrower: the legal and institutional design of digital compliance as a mechanism for preventing corruption risks in public administration, public procurement and conflict-of-interest regulation. The hypothesis is that digital compliance can strengthen the rule of law only if it is built on four guarantees: legality of automation, transparency of algorithmic logic, human oversight over legally significant decisions, and independent audit of the system's operation.

3. Digital Government and Digital Compliance: A Doctrinal Distinction

Digital government is usually associated with the electronic delivery of administrative services, online portals, registries, electronic signatures, data exchange, digital identity and platform-based public administration. These instruments are essential for modernization. They can reduce queues, limit informal contact and increase procedural traceability. However, digital government is primarily an infrastructural and service-delivery concept. It answers the question: how can the state deliver services and manage data digitally?[2]

[1] Joshua A Kroll and others, 'Accountable Algorithms' (2017) 165 University of Pennsylvania Law Review 633; Coglianese and Lehr (n 2).

[2] Mergel, Edelmann and Haug (n 1); World Bank, GovTech Maturity Index (n 1).

Digital compliance answers a different question: how can the state ensure that the digital process itself complies with anti-corruption law, administrative law, data protection standards and human-rights guarantees? The difference is doctrinally significant. A procurement portal may be digital without being compliant if it records bids but does not detect collusion, conflicts of interest or suspicious repetition of winners. An electronic licensing system may be digital without being compliant if it refuses applications through hidden criteria without reasons or appeal. A public registry may be digital without being compliant if access to data is logged inadequately, modified without trace, or used for selective enforcement.[1]

Digital compliance should therefore be understood as a layered legal-technological construct. Its normative layer defines the applicable duties: prevention of corruption, disclosure of conflicts of interest, equal treatment of applicants, protection of personal data, reasoned decision-making, access to remedies and liability for abuse. Its organizational layer defines competent bodies, internal control units, risk-analysis centers, auditors and responsible officials. Its technological layer provides data integration, risk indicators, digital audit trails, access controls, anomaly detection and dashboards. Its accountability layer secures human review, explanations, appeals, independent audit and sanctions for manipulation.

This doctrinal distinction also clarifies the meaning of compliance by design. The concept is inspired by privacy by design in data protection law, but it is not identical to it. Privacy by design requires that data protection principles be embedded into systems at the stage of design and by default. Compliance by design extends this logic to legality and public integrity. It means that a digital public-service system must not be built first and legally adjusted later. Rather, the legal requirements of anti-corruption law, procurement law, conflict-of-interest rules, data protection and

[1] OECD, Recommendation on Public Integrity (n 3); ISO, ISO 37301:2021 Compliance management systems (n 4).

administrative procedure must become design requirements from the beginning.[1]

In practical terms, compliance by design means that the system must ask legal questions automatically and preserve evidence of how they were answered. Does the official have a conflict of interest? Does a procurement bidder share beneficial ownership, address, management or family links with another bidder or a decision-maker? Was a decision changed after an informal intervention? Was an exception granted, and by whom? Which data fields produced a risk flag? Did a human official review the flag before a legally significant restriction was imposed? Can the affected person obtain a meaningful explanation and challenge the result?[2]

A mature digital compliance system therefore has a double function. Preventively, it identifies risks before damage occurs. Evidentially, it creates a reliable digital trace that can be used for internal audit, disciplinary proceedings, criminal investigation or judicial review. This dual function makes digital compliance particularly relevant for the cyber-law agenda. It links data governance, AI governance, cybersecurity, digital evidence and rule-of-law safeguards in one institutional model.[3]

4. Comparative Legal Benchmarks

4.1. The European Union: a layered model of digital accountability

The European Union does not regulate digital compliance as a single codified doctrine. Instead, it provides a set of legal layers that together shape the conditions under which digital anti-corruption systems may lawfully operate. The first layer is data protection law. The General Data

[1] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L119/1, art 25.

[2] Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L119/1, arts 5, 22 and 25; Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) [2024] OJ L, 2024/1689, arts 9 and 14.

[3] Mark Bovens, 'Analysing and Assessing Accountability: A Conceptual Framework' (2007) 13 European Law Journal 447; Kroll and others (n 7).

Protection Regulation establishes principles of lawfulness, fairness, transparency, purpose limitation, data minimization, accuracy, storage limitation, integrity, confidentiality and accountability. Article 25 is particularly important because it requires data protection by design and by default. For digital compliance, this means that risk analysis cannot justify unlimited collection or indefinite retention of personal data. Anti-corruption purposes must be specified, proportionate and technically protected.[1]

The GDPR is also relevant because Article 22 limits decisions based solely on automated processing when such decisions produce legal effects or similarly significant consequences for individuals. Although the exact scope of this provision is debated, its normative message is clear: automation must not eliminate human agency, explanation and contestability where rights and legal interests are affected. This is directly relevant when an AI module flags a person, excludes a company from procurement, delays a license or produces a risk score that influences enforcement.[2]

The second layer is AI regulation. Regulation (EU) 2024/1689, commonly known as the AI Act, introduces a risk-based model. High-risk AI systems require risk management, data governance, technical documentation, record-keeping, transparency, human oversight, accuracy, robustness and cybersecurity. Even where an anti-corruption system does not fall into a specific listed category, the AI Act is normatively influential because it articulates the governance logic expected from public-sector AI: risk assessment before deployment, continuous monitoring after deployment, and human responsibility for consequential decisions.[3]

The third layer is digital platform regulation. The Digital Services Act primarily regulates intermediary services and online platforms, but Article

[1] Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L119/1, arts 5 and 25.
[2] Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L119/1, art 22; Danielle Keats Citron, 'Technological Due Process' (2008) 85 Washington University Law Review 1249.
[3] Regulation (EU) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act) [2024] OJ L, 2024/1689, arts 9, 10, 12, 14 and 15.

25 on dark patterns contains a broader regulatory lesson. Digital interfaces should not be designed in a way that deceives, manipulates or materially impairs autonomous and informed choice. By analogy, public-sector digital compliance systems should not hide reasons for refusal, make appeals difficult to find, pressure users into waiving rights, or obscure whether an algorithm was involved. Interface design is therefore not merely technical; it can become a rule-of-law issue.[1]

The fourth layer is procurement and reporting. EU procurement directives advanced e-procurement and structured documentation of tender procedures. This creates data that may be used for integrity monitoring. Directive (EU) 2019/1937 on whistleblower protection adds another dimension: digital compliance must not only detect risks through data analytics, but also provide safe reporting channels, confidentiality and protection against retaliation. In anti-corruption governance, the human source of information remains indispensable.[2]

Finally, international management standards such as ISO 37001 on anti-bribery management systems, ISO 37301 on compliance management systems and ISO/IEC 42001 on AI management systems help translate legal expectations into organizational controls. They are not substitutes for law, but they provide useful operational vocabulary: risk assessment, responsibilities, documentation, training, corrective action, audit and continual improvement.[3]

---

[1] Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) [2022] OJ L277/1, art 25.

[2] Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement [2014] OJ L94/65; Directive 2014/25/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on procurement by entities operating in the water, energy, transport and postal services sectors [2014] OJ L94/243; Directive (EU) 2019/1937 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2019 on the protection of persons who report breaches of Union law [2019] OJ L305/17.

[3] ISO, ISO 37001:2016 Anti-bribery management systems - Requirements with guidance for use (ISO 2016); ISO, ISO 37301:2021 Compliance management systems - Requirements with guidance for use (ISO 2021); ISO/IEC, ISO/IEC 42001:2023 Artificial intelligence - Management system (ISO/IEC 2023).

4.2. Germany: statutory authorization and the limits of automated discretion

Germany offers an important public-law benchmark through Section 35a of the Administrative Procedure Act. The provision allows an administrative act to be issued entirely by automated means only where this is permitted by law and where neither discretion nor a margin of appreciation exists. The doctrinal logic is strict: the more a decision requires evaluation, proportionality or individualized judgment, the less suitable it is for full automation without explicit statutory authorization.[1]

For digital compliance, the German model suggests that automated tools may be used safely for preliminary checks, completeness verification, matching of objective data and risk signalling. However, a legally significant decision - for example exclusion from procurement, refusal of a license or imposition of a sanction - should not be produced solely by a system unless the law clearly authorizes this and the decision is strictly rule-bound. This approach protects legal certainty and clarifies responsibility. It prevents a public body from arguing that an unlawful result was merely a technical output.[2]

4.3. France: notice and disclosure of algorithmic administrative decisions

France illustrates a different but complementary guarantee: transparency toward the affected person. Article L.311-3-1 of the Code of Relations between the Public and the Administration requires that an individual administrative decision based on algorithmic processing contain an explicit statement informing the person concerned. It also allows the person to request communication of the rules defining the processing and the main features of its implementation.[3]

---

[1] Verwaltungsverfahrensgesetz (Administrative Procedure Act) (Germany), s 35a.

[2] Michael Veale and Irina Brass, 'Administration by Algorithm? Public Law Dimensions of Algorithmic Decision-Making in the Public Sector' [2019] Public Law 256; Coglianese and Lehr (n 2).

[3] Code des relations entre le public et l'administration (France), art L311-3-1.

This model is highly relevant for digital compliance because anti-corruption risk analysis may affect reputations, eligibility for procurement, licensing, inspections or disciplinary decisions. Notice does not require disclosure of every technical detail or sensitive anti-fraud indicator. However, it does require meaningful information that allows a person to understand that an algorithm was involved, what type of logic was used, what data categories were relevant and how to challenge the outcome. This is an essential condition of trust.[1]

4.4. The Netherlands: The SyRI warning against black-box risk scoring

The Dutch SyRI case is one of the most important European warnings for algorithmic public administration. SyRI was a system designed to detect welfare and tax fraud by combining data from different public sources and generating risk indications. In 2020, the District Court of The Hague found the legal framework incompatible with the right to respect for private life because the system lacked sufficient transparency, proportionality and safeguards. The case demonstrates that even legitimate anti-fraud objectives cannot justify an opaque state risk-scoring apparatus.[2]

The lesson for Uzbekistan and other states is not that AI-based integrity control is impossible. The lesson is that anti-corruption algorithms must be legally bounded. The state must define the purpose, data sources, risk logic, review mechanisms, retention periods, oversight and remedies. A digital compliance system that cannot explain why a person or company was flagged may itself become a source of arbitrariness. In cyber-law terms, opacity undermines both human rights and the evidential value of the system.[3]

---

[1] Veale and Brass (n 20); Citron (n 14).

[2] NJCM et al v The State of the Netherlands (SyRI) (District Court of The Hague, ECLI:NL: RBDHA:2020:1878, 5 February 2020).

[3] SyRI (n 23); Council of Europe, Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No 225, 2024), arts 4-5 and 15.

4.5. The United States: corporate compliance, RegTech and enforcement logic

The United States does not provide a unified statutory model for automated administrative acts comparable to Germany or algorithmic decision-notice comparable to France. Its relevance lies mainly in corporate compliance and enforcement practice. The Department of Justice's approach to evaluating corporate compliance programs emphasizes risk assessment, resources, data-driven monitoring, training, reporting channels, internal investigations and continuous improvement. Financial-sector RegTech and anti-money-laundering systems also demonstrate how large datasets can be used to detect suspicious patterns.[1]

For public-sector digital compliance, the U.S. experience is useful but incomplete. It shows how data analytics and organizational compliance can be made operational, yet it also reveals the need for stronger public-law safeguards when such tools are used by the state. Corporate compliance models focus on organizational liability and enforcement cooperation. Public digital compliance must additionally protect constitutional and administrative-law values: legality, due process, equality, transparency and remedies.[2]

4.6. Comparative synthesis

Table 1 summarizes the legal benchmarks that are most relevant to the design of a digital compliance system for anti-corruption governance.

Benchmark	Rule-of-law guarantee	Digital-system requirement	Implication for Uzbekistan
GDPR	Lawfulness, transparency, minimization	Purpose limitation, data minimization,	Anti-corruption analytics

[1] United States Department of Justice, Criminal Division, Evaluation of Corporate Compliance Programs (updated September 2024) 1-4.

[2] United States Department of Justice, Evaluation of Corporate Compliance Programs (n 25); Coglianese and Lehr (n 2).

Benchmark	Rule-of-law guarantee	Digital-system requirement	Implication for Uzbekistan
	and privacy by design	access control, retention rules	should be proportionate and data-governed
EU AI Act	Risk-based governance and human oversight for high-risk AI	Risk management, documentation, logging, monitoring, cybersecurity	AI risk modules should be tested, documented and supervised
DSA	Protection against manipulative interface design	Accessible reasons, appeal functions and non-deceptive digital forms	Digital services should not hide remedies or algorithmic involvement
Germany	Automation requires statutory authorization and no discretion	Objective rules may be automated; discretionary decisions require human judgment	Final exclusion or sanction should not be purely automatic without clear law
France	Notice and disclosure of	User-facing notification and explanation of	Applicants and bidders should know

Benchmark	Rule-of-law guarantee	Digital-system requirement	Implication for Uzbekistan
	algorithmic processing	main algorithmic features	when algorithms affect them
Netherlands	Black-box risk scoring violates privacy and transparency safeguards	Explainable risk logic, review, oversight and proportionality assessment	Digital compliance must avoid secret risk profiling
Whistleblowing law	Confidential reporting and protection from retaliation	Secure reporting channels and case-management logs	Digital compliance should integrate protected human reporting

5. Uzbekistan: Legal Foundations and Emerging Digital Compliance Architecture

5.1. Anti-corruption law and public integrity principles

Uzbekistan's anti-corruption framework provides a normative basis for digital compliance even before the term is fully codified. The Law on Combating Corruption establishes the general legal and organizational foundations of anti-corruption policy. Its principles - legality, priority of rights and legitimate interests, openness and transparency, a systematic approach, priority of prevention and inevitability of liability - are directly

relevant to digital compliance. They require that anti-corruption measures be lawful, rights-respecting, preventive and institutionally coordinated.[1]

The same law is important because it recognizes the role of anti-corruption bodies, internal control mechanisms and the protection of persons who report corruption-related offences. These elements can be translated into digital architecture. Openness and transparency require publication, traceability and reason-giving. Prevention requires risk indicators and early detection. The systematic approach requires inter-agency data exchange rather than isolated departmental databases. Protection of reporting persons requires secure digital channels and confidentiality.[2]

The Law on Conflict of Interest further strengthens the legal basis. It applies to state bodies, local authorities, state institutions, unitary enterprises, state funds and certain companies with state participation. It defines conflicts of interest and establishes principles for their regulation. For digital compliance, this law is particularly important because conflicts of interest are often detectable only through data: family links, beneficial ownership, employment history, common addresses, repeated procurement participation, declarations of income and assets, and links between decision-makers and private entities.[3]

However, the existence of legal obligations does not automatically produce operational control. A conflict-of-interest rule becomes effective in a digital environment only when the relevant data fields are available, reliable, interoperable and legally usable. The duty to detect conflicts must therefore be connected with data governance, audit logs, access rights and procedural consequences. Without that connection, the law may remain

[1] Law of the Republic of Uzbekistan No ZRU-419 'On Combating Corruption' (3 January 2017), arts 3-5, 8-3, 19-1 and 19-2.

[2] Law of the Republic of Uzbekistan No ZRU-419 'On Combating Corruption' (3 January 2017), arts 8-3, 26, 28 and 31.

[3] Law of the Republic of Uzbekistan No ZRU-931 'On Conflict of Interest' (5 June 2024), arts 3-5 and 9-15.

declaratory while corruption risks continue to be managed manually and inconsistently.[1]

5.2. Digital Uzbekistan - 2030 and the administrative infrastructure of compliance

The Digital Uzbekistan - 2030 strategy provides the technological and policy environment for the implementation of digital compliance. It promotes digital transformation of public administration, expansion of e-government services, inter-agency coordination and the use of modern information technologies. These objectives are necessary preconditions for anti-corruption digital compliance because compliance systems require reliable digital identity, registries, electronic document circulation, procurement data, public-service platforms and secure data exchange.[2]

Nevertheless, strategy is not enough. Digital transformation strategies usually describe platforms, services and institutional coordination. Digital compliance requires a more precise legal transformation: identifying which legal duties must be embedded in which systems, which authorities can access which data, which risk indicators may be used, how automated flags are reviewed, and how affected persons may challenge digital outcomes. In other words, Digital Uzbekistan - 2030 can supply the infrastructure, but anti-corruption law must supply the normative operating system.[3]

This distinction matters for reform design. It is tempting to treat a new platform as a solution in itself. Yet an anti-corruption platform without legal accountability can create a centralized repository of sensitive data without adequate safeguards. Conversely, a strong legal framework without technical integration may lack practical effect. Uzbekistan's opportunity is to connect these two dimensions: the administrative infrastructure of digital government and the rule-of-law architecture of digital compliance.

---

[1] Law of the Republic of Uzbekistan No ZRU-931 'On Conflict of Interest' (5 June 2024), arts 10-15; Directive 2014/24/EU [2014] OJ L94/65, arts 24 and 57.

[2] Presidential Decree of the Republic of Uzbekistan No UP-6079 'On approval of the Digital Uzbekistan - 2030 Strategy and measures for its effective implementation' (5 October 2020).

[3] World Bank, GovTech Maturity Index (n 1); Mergel, Edelmann and Haug (n 1).

5.3. The emerging Digital Compliance information complex

The source materials describe a new national reform direction: the launch of an information-program complex referred to as Digital Compliance, including the E-Komplaens module and artificial intelligence-based risk detection. According to those materials, the system is designed to support data exchange among anti-corruption institutions and public bodies, integrate state information systems, assist internal control units and detect corruption risks, affiliation and conflicts of interest in public procurement. The materials further indicate that pilot operation was scheduled from 1 July 2026 and that full-scale implementation was planned by the end of 2026.[1]

Doctrinally, this is a significant shift. It means that anti-corruption policy is moving from documentary control to data-driven preventive governance. Instead of waiting for a complaint, audit or criminal case, the system can identify red flags earlier: recurring procurement winners, suspicious bidder links, mismatch between declarations and registries, unusual amendments to decisions, rapid sequential approvals, unexplained exceptions or access to sensitive files by unauthorized users.[2]

The strongest feature of such a system is its preventive potential. A properly designed digital compliance complex can reduce the time between risk emergence and institutional response. It can also create standardized evidence of procedural legality: who accessed data, which system produced a flag, which official reviewed it, which decision was taken and how the affected person was informed. These logs can support internal discipline, administrative review and criminal investigation.[3]

---

[1] Presidential Decree of the Republic of Uzbekistan No UP-270 of 30 December 2025 concerning the Digital Compliance information complex, E-Komplaens and AI-based anti-corruption risk analysis, as described in the source materials supplied to the author.

[2] Presidential Decree No UP-270 (n 33); Kroll and others (n 7); Karen Yeung, 'Algorithmic Regulation: A Critical Interrogation' (2018) 12 Regulation & Governance 505.

[3] Presidential Decree No UP-270 (n 33); World Bank, Enhancing Government Effectiveness and Transparency (n 2).

The principal risk is that the same system may become opaque. If AI-based risk scoring is not accompanied by legal definitions, explainability, human review and audit, the state may obtain a powerful anti-corruption instrument that is difficult to challenge. Businesses may be restricted from procurement without understanding the basis. Public officials may be profiled without sufficient safeguards. Citizens may face delays or refusals because of inaccurate or outdated data. Therefore, the legal design must develop together with the technological design.[1]

6. Rule-of-Law and Human-Rights Risks in AI-Driven Digital Compliance

Digital compliance can strengthen public integrity only if its risks are addressed systematically. The first risk is insufficient legality. Every automated stage that affects rights, obligations or legal interests must have a clear legal basis. This includes not only final automated decisions, but also risk flags that produce practical consequences such as increased inspections, procurement exclusion, suspension of an application or initiation of disciplinary proceedings. Legal basis should define the purpose of processing, competent authority, data categories, decision consequences, review procedure and remedies.[2]

The second risk is disproportionality and excessive data processing. Anti-corruption systems often seek to integrate many databases because corruption networks may be hidden across procurement, tax, land, corporate, customs, employment and declaration data. However, broad integration can lead to surveillance if it lacks purpose limitation and minimization. The system should distinguish between data necessary for risk detection and data that are merely convenient. Sensitive data should be subject to stricter access, retention and audit rules.[3]

---

[1] SyRI (n 23); Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L119/1, arts 5, 12-15 and 22; Regulation (EU) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act) [2024] OJ L, 2024/1689, arts 14 and 86.

[2] Verwaltungsverfahrensgesetz (Administrative Procedure Act) (Germany), s 35a; Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L119/1, art 22.

[3] Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L119/1, arts 5, 6 and 25.

The third risk is opacity. Risk scoring can become a black box for citizens, businesses and even public officials. Opacity has several forms: secret data sources, undisclosed criteria, unexplained weights, hidden model changes, and lack of user-facing reasons. Not every detail of an anti-corruption algorithm can be public, because some indicators may be gamed. However, legal transparency does not require full disclosure of source code in all cases. It requires meaningful information about the fact of automation, the categories of data used, the main logic, the responsible authority, the available remedy and the possibility of human review.[1]

The fourth risk is automation bias. Human officials may treat algorithmic outputs as objectively correct even when the model is incomplete, outdated or biased. A digital compliance system should therefore distinguish between a risk signal and a legal conclusion. A risk signal means that a matter requires attention. It does not prove wrongdoing. Human review must be real, documented and capable of disagreeing with the system. Otherwise, human-in-the-loop becomes a symbolic formality.[2]

The fifth risk is discrimination and unequal impact. AI systems may reproduce historical patterns in enforcement data or disadvantage certain regions, professions, companies or groups. Anti-corruption systems should therefore be audited not only for accuracy, but also for fairness and disparate impact. This is particularly important in procurement, where false risk flags can distort competition and damage business reputation.[3]

The sixth risk is cybersecurity and evidential integrity. A digital compliance platform will contain sensitive information about public officials, bidders, ownership links, declarations and investigations. It will also generate digital evidence. If logs can be altered, deleted or manipulated,

[1] SyRI (n 23); Code des relations entre le public et l'administration (France), art L311-3-1.

[2] Regulation (EU) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act) [2024] OJ L, 2024/1689, art 14; Coglianese and Lehr (n 2).

[3] Andrew D Selbst and others, 'Fairness and Abstraction in Sociotechnical Systems' (2019) Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency 59; Luciano Floridi and others, 'AI4People - An Ethical Framework for a Good AI Society' (2018) 28 Minds and Machines 689.

the system will lose legal value and may itself become a corruption target. Cybersecurity, role-based access, tamper-evident logging, backups and chain-of-custody procedures must therefore be treated as legal safeguards, not merely technical features.[1]

The seventh risk is institutional fragmentation. Digital compliance requires cooperation among anti-corruption agencies, ministries, procurement bodies, registries, tax authorities, courts, auditors and cybersecurity institutions. If responsibilities overlap or remain unclear, agencies may avoid accountability by blaming technical operators or data providers. A mature model must define who owns the system, who validates risk indicators, who audits models, who responds to complaints, who corrects data, and who is liable for unlawful outputs.[2]

7. Implementation Model for Uzbekistan

7.1. Legal mapping before technical automation

The first implementation step should be legal mapping. Each digital compliance function must be linked to a legal duty and a lawful data source. For example, conflict-of-interest screening in procurement should be mapped to the Law on Conflict of Interest, procurement rules, beneficial ownership data, employment and affiliation registers, and procedural rules on bidder eligibility. Declaration checks should be mapped to the legal basis for income and asset disclosure, permissible data categories and review procedures. Internal access monitoring should be mapped to official duties, cybersecurity rules and disciplinary responsibility.[3]

Legal mapping should produce a matrix with four elements: legal norm, data field, system rule and procedural consequence. A system rule

[1] ISO/IEC, ISO/IEC 42001:2023 Artificial intelligence - Management system (ISO/IEC 2023); Council of Europe, Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No 225, 2024), arts 11 and 15.

[2] OECD, Recommendation on Public Integrity (n 3); World Bank, Enhancing Government Effectiveness and Transparency (n 2).

[3] Law of the Republic of Uzbekistan No ZRU-931 'On Conflict of Interest' (5 June 2024), arts 3-5 and 9-15; Law of the Republic of Uzbekistan No ZRU-419 'On Combating Corruption' (3 January 2017), arts 21 and 23.

without a legal norm is arbitrary. A legal norm without a data field is not operational. A risk flag without a procedural consequence is ineffective. A procedural consequence without human review and remedy is dangerous. This matrix should be approved by competent legal and anti-corruption authorities before deployment.[1]

7.2. Data governance and interoperability

The second implementation step is data governance. Digital compliance depends on accurate and interoperable data, but anti-corruption data are often fragmented. Uzbekistan should develop a legally authorized data-exchange model that defines participating bodies, data categories, access purposes, update frequency, retention periods, security requirements and sanctions for non-provision or manipulation of data. Data quality should be a legal obligation. An inaccurate registry may produce false risk flags, damage rights and undermine trust.[2]

Interoperability should not mean unlimited access. Role-based access, need-to-know principles and logging are essential. The system should record who accessed which data, for what purpose, on what legal basis and with what result. Data correction mechanisms are also necessary. If a person is flagged because of inaccurate ownership or identity data, there must be a procedure to correct the source record and remove unlawful consequences.[3]

7.3. Algorithmic accountability and audit

The third implementation step is algorithmic accountability. Before deployment, each AI or rule-based module should undergo an algorithmic impact assessment. This assessment should identify the legal purpose, data sources, affected persons, potential rights impacts, accuracy metrics, false-positive and false-negative risks, bias risks, cybersecurity risks and

[1] Coglianese and Lehr (n 2); Kroll and others (n 7).
[2] Presidential Decree No UP-270 (n 33); Law of the Republic of Uzbekistan No ZRU-419 'On Combating Corruption' (3 January 2017), arts 19-1, 19-2 and 31.
[3] Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L119/1, arts 5, 6, 25 and 30.

available safeguards. The assessment should be documented and periodically updated.[1]

Audit should be both internal and external. Internal audit ensures continuous monitoring by the responsible authority. External audit provides independent verification by an authorized oversight body or accredited expert. Audit should examine not only code, but also data quality, model changes, access logs, human review records, complaints, reversals and patterns of unequal impact. Where secrecy is necessary to protect anti-corruption indicators, oversight bodies can review confidential technical materials while public-facing explanations remain more general.[2]

7.4. Human-in-the-loop as a legal guarantee

Human oversight should be designed as a legal guarantee, not as an administrative formality. The system should separate risk detection from legal decision-making. AI may generate a red flag, but a competent official should verify the data, assess context, record reasons and assume responsibility for the legal outcome. The review interface should allow the official to accept, reject or modify the system's recommendation, and it should require a written justification where the decision significantly affects rights or interests.[3]

This model protects both the individual and the institution. It protects the individual because the decision remains contestable and reasoned. It protects the institution because responsibility is traceable and not displaced onto software. It also improves the system, because human reviewers can identify false positives, data errors and indicators that need recalibration.[4]

---

[1] Regulation (EU) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act) [2024] OJ L, 2024/1689, arts 9-15 and 86; ISO/IEC, ISO/IEC 42001:2023 Artificial intelligence - Management system (ISO/IEC 2023).

[2] Jakob Mokander, Jessica Morley, Mariarosaria Taddeo and Luciano Floridi, 'Ethics-Based Auditing of Automated Decision-Making Systems' (2021) 27 Science and Engineering Ethics 72; Kroll and others (n 7).

[3] Regulation (EU) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act) [2024] OJ L, 2024/1689, art 14; Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L119/1, art 22.

[4] Citron (n 14); Coglianese and Lehr (n 2).

7.5. Integration with procurement, beneficial ownership and declarations

Public procurement should be an early priority for digital compliance because it combines high corruption risk, large financial value and structured digital data. The system should analyze repeated participation patterns, common ownership or management, shared addresses or contact details, bid rotation, unusual pricing, contract amendments, conflicts of interest and links between bidders and officials. However, a risk flag should not automatically equal exclusion. The bidder should receive a legally appropriate notice, and the responsible authority should verify the flag before imposing consequences.[1]

Beneficial ownership and asset-declaration data are equally important. A conflict of interest may be invisible if only formal company names are checked. Digital compliance requires network analysis: ownership chains, family relations, employment links, participation in previous tenders and changes shortly before procurement. Such analysis must be legally authorized and proportionate, but without it conflict-of-interest law cannot function effectively in complex economic relations.[2]

7.6. Protected reporting and feedback loops

Digital compliance should not rely exclusively on algorithms. Human reports, complaints and whistleblower disclosures remain crucial because many corruption schemes are contextual and adaptive. A digital compliance platform should include secure channels for reporting, anonymous or confidential submission where permitted, case tracking, protection against retaliation and feedback to the reporting person within legally defined limits.[3]

---

[1] Directive 2014/24/EU [2014] OJ L94/65, arts 22, 24 and 57; Law of the Republic of Uzbekistan No ZRU-419 'On Combating Corruption' (3 January 2017), art 23.

[2] Law of the Republic of Uzbekistan No ZRU-931 'On Conflict of Interest' (5 June 2024), arts 3-5 and 9-15; Presidential Decree No UP-270 (n 33).

[3] Directive (EU) 2019/1937 [2019] OJ L305/17, arts 7-9 and 16; Law of the Republic of Uzbekistan No ZRU-419 'On Combating Corruption' (3 January 2017), arts 26 and 28.

The platform should also learn from reports and appeals. If repeated complaints reveal that a risk indicator is inaccurate, discriminatory or easily manipulated, the system should be corrected. If appeals frequently overturn algorithm-assisted decisions, this should trigger audit. Compliance is therefore not a one-time deployment but a continuous governance cycle: detect, review, decide, explain, appeal, audit and improve.[1]

8. Recommendations De Lege Lata and De Lege Ferenda

8.1. De lege lata: using existing law more effectively

The existing legal framework can already support several practical steps. First, the principles of legality, openness, prevention and systematic anti-corruption policy should be interpreted as requiring digital traceability of anti-corruption processes. Public bodies implementing digital tools should document how each tool contributes to the statutory objectives of prevention and transparency.[2]

Second, conflict-of-interest obligations should be operationalized through data mapping. Each public body should identify which registers, declarations and procurement data are necessary to detect conflicts within its competence. The Anti-Corruption Agency and digital transformation authorities should develop standard templates for such mapping.[3]

Third, AI or rule-based analytics should initially be used as risk-support tools rather than autonomous decision-makers. This approach is consistent with comparative rule-of-law safeguards and allows Uzbekistan to gain practical experience while limiting rights risks.[4]

Fourth, procurement and internal-control modules should maintain mandatory audit trails. Logs should record data access, risk flags, human

[1] United States Department of Justice, Evaluation of Corporate Compliance Programs (n 25); Mokander and others (n 49).
[2] Law of the Republic of Uzbekistan No ZRU-419 'On Combating Corruption' (3 January 2017), arts 4, 5, 19-1, 19-2 and 31.
[3] Law of the Republic of Uzbekistan No ZRU-931 'On Conflict of Interest' (5 June 2024), arts 9-15.
[4] Verwaltungsverfahrensgesetz (Administrative Procedure Act) (Germany), s 35a; Regulation (EU) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act) [2024] OJ L, 2024/1689, art 14.

review, decisions, reasons, appeals and corrections. These logs should be tamper-evident and available to authorized auditors.[1]

Fifth, digital reporting channels should be strengthened and integrated with compliance workflows. Reports of corruption, conflicts of interest or manipulation of digital systems should be handled confidentially and linked to case-management mechanisms.[2]

8.2. De lege ferenda: legislative development

The next stage requires targeted legislative reform. The first proposal is to introduce a legal definition of digital compliance. A possible definition is: digital compliance is a system of legal, organizational and technological measures that embeds anti-corruption, conflict-of-interest, transparency and accountability requirements into digital public administration through data-based risk detection, audit trails, human oversight and contestable decision-making. Such a definition could be inserted into anti-corruption legislation, informatization legislation or a specialized act on digital public administration.[3]

The second proposal is to establish a rule on automated and algorithm-assisted administrative decisions. The rule should distinguish between purely automated decisions, algorithm-assisted decisions and risk-support analytics. Purely automated decisions with legal effects should require explicit statutory authorization. Algorithm-assisted decisions should require notice, reasons and human review. Risk-support analytics should remain internal unless they produce practical consequences for a person or entity, in which case procedural safeguards should apply.[4]

---

[1] ISO, ISO 37301:2021 Compliance management systems (n 4); ISO/IEC, ISO/IEC 42001:2023 Artificial intelligence - Management system (n 18); Kroll and others (n 7).

[2] Directive (EU) 2019/1937 [2019] OJ L305/17; Law of the Republic of Uzbekistan No ZRU-419 'On Combating Corruption' (3 January 2017), arts 26 and 28.

[3] OECD, Recommendation on Public Integrity (n 3); ISO, ISO 37301:2021 Compliance management systems (n 4).

[4] Verwaltungsverfahrensgesetz (Administrative Procedure Act) (Germany), s 35a; Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L119/1, art 22; Regulation (EU) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act) [2024] OJ L, 2024/1689, art 14.

The third proposal is to create a right to algorithmic notice and meaningful explanation. Affected persons should be informed when an automated or algorithmic system materially influences a decision. They should have access to meaningful information about the data categories, main logic, responsible authority and remedy. Sensitive anti-corruption indicators may be protected where disclosure would undermine enforcement, but this limitation should be legally defined and subject to oversight.[1]

The fourth proposal is to require algorithmic impact assessment and periodic audit for high-impact digital compliance systems. Such assessment should cover legality, data protection, proportionality, accuracy, bias, cybersecurity, explainability, human oversight and remedies. Audit results should be reported to an oversight body, and non-sensitive summaries should be published to build public trust.[2]

The fifth proposal is to regulate data interoperability for anti-corruption purposes. Legislation should identify data providers, permissible data categories, retention periods, correction rights, access logs and sanctions for failure to provide accurate data or for unlawful access. A system without reliable data governance will produce unreliable compliance.[3]

The sixth proposal is to strengthen liability for manipulation of digital compliance systems. Unauthorized alteration of risk rules, deletion of logs, falsification of data, obstruction of audit and misuse of access rights should

[1] Code des relations entre le public et l'administration (France), art L311-3-1; Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L119/1, arts 12-15 and 22.

[2] Regulation (EU) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act) [2024] OJ L, 2024/1689, arts 9-15 and 86; ISO/IEC, ISO/IEC 42001:2023 Artificial intelligence - Management system (n 18); Mokander and others (n 49).

[3] Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L119/1, arts 5, 6, 25 and 30; Presidential Decree No UP-270 (n 33).

be treated as serious disciplinary, administrative or criminal offences where appropriate.[1]

The seventh proposal is to institutionalize independent oversight. The Anti-Corruption Agency should not be the only actor reviewing its own digital tools. Oversight should include data protection, cybersecurity, procurement, judicial or parliamentary control mechanisms depending on the affected area. Independent oversight is the institutional bridge between security-oriented anti-corruption analytics and rights-oriented rule-of-law guarantees.[2]

9. Scientific Novelty and Practical Significance

The scientific novelty of this article lies in the proposed distinction between digital government and digital compliance. The article argues that e-government is not the final stage of anti-corruption modernization; it is the infrastructure upon which digital compliance can be built. Digital compliance is presented as a doctrinal category with four layers: normative, organizational, technological and accountability-based. This approach makes it possible to assess digital anti-corruption reforms not by the number of portals or databases, but by the degree to which legality, transparency, human rights and auditability are embedded into system design.[3]

The practical significance is equally important. Uzbekistan's reform trajectory creates a timely opportunity to design an anti-corruption digital compliance system before institutional habits and technical architecture become fixed. If safeguards are added late, they may be expensive or ineffective. If safeguards are included from the beginning, digital

[1] Council of Europe, Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No 225, 2024), arts 11 and 15; ISO/IEC, ISO/IEC 42001:2023 Artificial intelligence - Management system (n 18).

[2] OECD, Recommendation on Public Integrity (n 3); Council of Europe, Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No 225, 2024), arts 15 and 24.

[3] The doctrinal distinction builds on the author's source materials, which conceptualise digital compliance as an anti-corruption layer rather than ordinary e-government.

compliance can become a model for rights-respecting anti-corruption technology in Central Asia and beyond.[1]

For the TASHKENT CYBERLEX agenda, the proposed model contributes to the balance between innovation, security and human rights. It recognizes that corruption is a security threat to public administration and economic development, but it also insists that anti-corruption security must remain governed by legality, proportionality, transparency and accountability. This balance is the essence of rule of law in the digital age.

10. Conclusion

Digital compliance is becoming a strategic element of modern anti-corruption policy. The analysis has shown that the simple conversion of administrative procedures into electronic form is not sufficient. Digitalization may reduce some opportunities for direct bribery, but it does not automatically eliminate hidden discretion, conflicts of interest, selective enforcement or weak remedies. To become an anti-corruption instrument, digital government must include a compliance layer that embeds legal norms into data architecture, algorithmic logic, audit trails and institutional accountability.[2]

Comparative experience confirms this conclusion. The GDPR teaches that protection of rights must be built into digital systems. The AI Act emphasizes risk management, documentation and human oversight. The DSA shows that interface design can affect autonomy and rights. Germany requires clear statutory authorization for fully automated administrative acts. France requires notice and disclosure when algorithms influence administrative decisions. The Netherlands warns against black-box risk scoring. The United States demonstrates the operational value of data-driven

[1] Presidential Decree No UP-270 (n 33); Presidential Decree No UP-6079 (n 31).

[2] World Bank, Enhancing Government Effectiveness and Transparency (n 2); Mergel, Edelmann and Haug (n 1).

compliance, while also showing the need to adapt corporate compliance methods to public-law safeguards.[1]

For Uzbekistan, the legal foundations are already visible in anti-corruption legislation, conflict-of-interest regulation and the Digital Uzbekistan - 2030 strategy. The emerging Digital Compliance information complex, including E-Komplaens and AI-based risk analysis as described in the source materials, can become a significant institutional innovation. Its success will depend on whether Uzbekistan moves from technological integration to legalized compliance by design.[2]

The article recommends a reform model based on legal definition, algorithmic notice, meaningful explanation, human review, data governance, audit trails, impact assessment, protected reporting and independent oversight. These safeguards are not obstacles to innovation. They are the conditions under which innovation becomes trustworthy. In the digital age, anti-corruption effectiveness and human-rights protection should not be treated as opposing values. Properly designed digital compliance can serve both.[3]

[1] Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L119/1, arts 22 and 25; Regulation (EU) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act) [2024] OJ L, 2024/1689, art 14; Regulation (EU) 2022/2065 (Digital Services Act) [2022] OJ L277/1, art 25; Verwaltungsverfahrensgesetz (Administrative Procedure Act) (Germany), s 35a; Code des relations entre le public et l'administration (France), art L311-3-1; SyRI (n 23).

[2] Law of the Republic of Uzbekistan No ZRU-419 'On Combating Corruption' (3 January 2017); Law of the Republic of Uzbekistan No ZRU-931 'On Conflict of Interest' (5 June 2024); Presidential Decree No UP-6079 (n 31); Presidential Decree No UP-270 (n 33).

[3] OECD, Recommendation on Public Integrity (n 3); Council of Europe, Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No 225, 2024).

TURDIYEV BOBIR SOBIROVICH
Huquqni muhofaza qilish Akademiyasi katta prokurori, PhD

INSONNING QULAY ATROF-MUHITGA BO‘LGAN HUQUQINI TA’MINLASH: JANUBIY KOREYA MODELI

Janubiy Koreya Konstitutsiyasi barcha fuqarolar sog‘lom va qulay atrof-muhitga ega bo‘lish huquqiga egaligini belgilab, davlat va fuqarolar zimmasiga atrof-muhitni muhofaza qilish majburiyatini yuklaydi.[1]

Mamlakatning *Ekologik siyosat to‘g‘risidagi asosiy qonuni*da yuqoridagi konstitutsiyaviy huquqni amalga oshirish uchun davlat, mahalliy davlat hokimiyati organlari, biznes sub’yektlar va fuqarolar zimmasiga muayyan majburiyatlar yuklangan. Qonun havo, suv, tuproq, dengiz, sun’iy yorug’likdan ifloslanish, radiaktiv ifloslanish, shovqin, vibratsiya, qo‘lansa hid, quyosh nurlarini to‘sib qo‘yish atrof-muhit ifloslanishi ekanligini qayd etgan.[2] Qonunda biznes sub’yektlar zimmasiga ixtiyoriy ravishda ekologik ifloslanish va zararlanishning oldini olish choralarini ko‘rish, davlat bilan ekologiya muhofazasiga oid siyosatni amalga oshirishda ishtirok etish va hamkorlik qilish majburiyati yuklangan.

Davlat har yili Milliy Assambleyaga (parlament) atrof-muhit muhofazasiga oid hisobot berishi, ekologik standartlar prezident farmoni bilan belgilanishi, mahalliy hokimiyat organlari belgilangan standartlardan ham yuqoriroq standartlar belgilashi mumkinligi, Ekologiya vazirligi ekologik standartlarni har besh yilda baholashi, mahalliy hokimiyat o‘z ma’muriy hududiga oid ekologik dastur va rejalarni ishlab chiqishi, ularni

[1] Constitution of the Republic of Korea, Wholly Amended by Constitution No. 10, Oct. 29, 1987. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?lang=ENG&hseq=1.
[2] Republic of Korea, Framework Act on Environmental Policy, Act No. 19208, 2022. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=62237&lang=ENG.

jamoatchilik eshituvlari orqali ekspertlar va mahalliy aholi bilan maslahatlashishi hamda Ekologiya vazirligi roziligini olishi talab etiladi.

Janubiy Koreyada atrof-muhit masalalari bo‘yicha maslahat berish uchun Markaziy ekologik siyosat qo‘mitasi tashkil etiladi. Qo‘mita 200 nafargacha a’zodan va 10 tagacha quyi qo‘mitalardan iborat. Jumladan, Ekologik salomatlik qo‘mitasi tuzilgan bo‘lib, u mavzu bo‘yicha ekspert, fuqarolik jamiyati institutlari, davlat idoralari vakillaridan (20 kishidan) iborat. Uning raisi ekologiya vazir o‘ribosari hisoblanadi. Qo‘mita asosiy masalalar bo‘yicha qaror qabul qiluvchi vakolatli tuzilma hisoblanadi. Yuqoridagi Koreya tajribasi ekologik boshqaruvda davlat, jamoatchilik va ekspertlar ishtiroki va hamkorligi qulay atrof-muhit huquqini samarali ta’minlash mexanizmlarini ko‘rsatadi.

*Ekologik salomatlik to‘g‘risidagi qonun*ga ko‘ra Ekologiya vazirligi har uch yilda milliy ekologik salomatligini baholashni amalga oshiradi, agar biror hudud yoki aholida belgilagan standartdan yuqori bo‘lsa, sog‘liqqa jiddiy zarar yetkazilgan, ekologik kasalliklar tez-tez ro‘y beradigan hududlarda uni sabablarini aniqlash bo‘yicha batafsil o‘rganish o‘tkazadi.[1] Mazkur o‘rganishlarda har qanday shaxs mas’ul tuzilmalar bilan hamkorlik qilishi va to‘sqinlik qilmasligi lozim. Fuqarolarning ekologik salomatligini o‘lchash va baholash uchun Ekologik salomatlik indikatorlari joriy etiladi.

Toza havoni muhofaza qilish to'g'risidagi qonunga ko‘ra havo sifati inson salomatligi uchun zarar yetkazishi mumkin bo‘lsa va belgilangan ekologik standartlardan oshsa tegishli hudud meri (hokimi) havo ifloslanishi haqida ogohlantirish chiqaradi va havo sifati belgilangan standartga qaytgach ogohlantirishni bekor qiladi. Zarurat bo‘lganda hokim havo ifloslanishini kamaytirish uchun muayyan muddatga motorli transport vositalari harakatini cheklash, ish vaqtini qisqartirish, va boshqa zarur

[1] Republic of Korea, Environmental Health Act, Law No. 20384, partially revised, 2024. URL: https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%ED%99%98%EA%B2%BD%EB%B3%B4%EA%B1%B4%EB%B2%95.

choralarni ko‘rish vakolatiga ega.[1] Mazkur yondashuv ekologik salomatlikni milliy darajada tizimli ravishda nazorat qilish va ifloslanish xavfini erta bosqichda aniqlash imkonini berib, fuqarolarning sog‘lig‘ini tezkor va samarali himoya qilish boshqaruv mexanizmini ko‘rsatadi.

Har bir xo‘jalik yurituvchi subyekt tashlanmalar (emissiya) obyektlari va oldini olish obyektlarining to‘g‘ri ishlashini ta’minlashi, tashlanmalar ruxsat etilgan emissiya darajasiga mos kelishini aniqlash uchun o‘lchash moslamalarini o‘rnatishi, kichik va o‘rta tadbirkorlik subyektlariga bunday o‘lchov vositalarini mahalliy hokimlik tomonidan o‘rnatilishi, biznes subyektlar emissiya jarayonini boshqarish uchun eko injenerlarni (ekologik xizmat xodimi) tayinlashi, emissiya inshootlarida o‘lchov vositalari ko‘rsatkichlari hisobini yuritishi va saqlashi lozim. Mazkur o‘lchov vositalaridan kelgan ma’lumotlar real vaqt rejimida Ekologiya vazirligi rasmiy saytida ochiqlanadi.

Avtomobil tutunini kamaytirish uchun mahalliy hokimiyat parkovka va harakatlanmayotganda avtotransport motorini o’chirmasdan qoldirishni cheklab qo‘yish, harakatlanishdan to‘xtagan avtotransportda avtomatik motorni o‘chirish tizimini *(Idle Stop and Go (ISG)* o‘rnatishni, shu jumladan jamoat transportida o‘rnatish to‘g‘risida qaror chiqarishi mumkinligi belgilangan. Qonunda ekologik toza avtotransport haydash madaniyatini o‘qitish va targ‘ib qilishga oid choralar ham aks etgan.

Maktab salomatligi qonuni o‘quvchi, o‘qituvchi va xodimlar salomatligini muhofaza qilish uchun sanitariya, ventilyatsiya, yorug‘lik, harorat, namlik, suv ta’minoti va kanalizatsiya, chiqindilar, shovqin, asbestos, chang, oziq-ovqat, ichimlik suvi holatini me’yorda saqlash va boshqarish, havo ifloslanishining oldini olish choralarini ko‘rish, har yarim yilda havo sifatini kamida bir marta tekshirish, har bir sinf xonada havo tozalaydigan va uning sifatini o‘lchaydigan qurilmalar o‘rnatish, sanitariya holatiga oid o‘tkazilgan tekshiruvlar natijalarini maktab saytida yoki vazirlik

[1] Republic of Korea, Clean Air Conservation Act, Act No. 19660, 2023. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=63544&lang=ENG.

saytida jamoatchilik uchun ochiqlash ko‘rsatilgan.[1] Koreyadagi maktablarni tanlanma asosida o‘rganish natijasida, maktabdagi har bir auditoriya, xona va boshqa yordamchi xonalar (oshxona, konferens zal) kesimida sanitariya holatiga oid ma’lumotlar, shu jumladan yorug‘lik, shovqin, havo sifatiga oid ko‘rsatkichlar, shuningdek taqiqlangan moddalar (asbest, radon, va boshqalar) mavjudligiga oid ma’lumotlar ochiqlangan. Bu ijtimoiy obyektlarda ekologik axborot ochiqligi va mas’uliyat tamoyillari asosida sog‘lom va xavfsiz muhitni ta’minlash va muhofaza qilishning muhim vositalarini ko‘rsatadi.

Shovqin va vibratsiyani nazorat qilishga oid qonunga ko‘ra transport shovqini va vibratsiyasi yuqori bo‘lgan joylarda nazorat hududlari tashkil etilishi mumkin. Shovqin darajasi yuqori joylarda shovqin pasaytiradigan inshoot va uskunalar o‘rnatiladi. Avtotransport va uning shinasini ishlab chiqarish yoki import qilish ham ruxsat etilgan shovqin me’yorlariga muvofiq bo‘lishi kerak. Motorli avtotransportlar uchun motor ovozi belgilangan shovqin darajasiga mos bo‘lishi, shovqin darajasi muntazam tekshirilishi belgilangan. Uy-ro‘zg‘orda foydalaniladigan maishiy texnika jihozlarini shovqin darajasiga qarab markirovkalash nazarda tutilgan.[2]

Atrof-muhitga oid nizolar mediatsiyasi va zararni bartaraf etish to‘g‘risidagi qonun ekologiyani muhofaza qilish, inson salomatligi va mulkiga yetkazilgan zararni bartaraf etish uchun kvazi sud tartibida[3] tez, adolatli va samarali nizoni hal etish vositalarini taqdim etadi. Bular vositachilik, mediatsiya, sudlashuv va arbitrajni o‘z ichiga oladi. Buning uchun ekologik nizolarni hal etish milliy va hududiy komissiyalari tuziladi.[4]

---

[1] Republic of Korea, School Health Act, Act No. 18462, 2021. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=59791&lang=ENG.

[2] Republic of Korea, Noise and Vibration Control Act, Act No. 19150, 2022. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=61844&lang=ENG.

[3] Abdullah N.C. Going Green in Urbanisation Area: Environmental Alternative Dispute Resolution as an Option // Procedia - Social and Behavioral Sciences, Volume 170, 2015. – pp. 401-408. *URL:* https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.050.

[4] Republic of Korea, Act on Environmental Dispute Mediation and Environmental Damage Remedy, Act No. 17985, 2021. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/law View.do?hseq=56464&lang=ENG.

Milliy komissiya 30, hududiy komissiya 20 nafargacha a’zodan iborat. Komissiya vakolat muddati 2 yil va bu muddat uzaytirilishi mumkin. Komissiya quyosh nurini va manzarani to‘sib qo‘yish, daryolar va yer osti suvlari sathi hamda harakat yo‘nalishi o‘zgarishi, ekologik zararga oid fuqaroviy ishlar bo‘yicha maslahatlashuv va boshqa nizolarni hal etish vakolatiga ega.

Komissiya tashkil etilgandan buyon 2024-yilgacha 5477 ta ishlar ko‘rib chiqilgan va hal etilgan. Mazkur ishlarning 83% shovqin va vibratsiya, 7% quyosh, 4% havo ifloslanishi, 2% suv ifloslanishiga oid ishlar tashkil etgan.[1] Shu kabi, Seul hududiy komissiyasi 2010-2021-yillarda 1835 ta ishlarni ko‘rib chiqqan. Mazkur ishlarning qariyb 97% shovqin, shu jumladan 74% qurilish shovqini va vibratsiya, 12% qavatlararo shovqin, 11% tashqi shovqinga oid ishlar hisoblanadi.[2] Ushbu tizim taraflar o‘rtasida o‘zaro kelishuv asosida nizoni hal etish, sud yuklamasini kamaytirish va odil sudlovni ta’minlashga xizmat qilmoqda.

Insonning qulay atrof-muhitga bo‘lgan huquqini amalga oshirishga oid Janubiy Koreya tajribasidan kelib chiqib, quyidagilar **taklif etiladi**:

Birinchidan, milliy qonunchilikda atrof-muhitni muhofaza qilishning asosiy tamoyillari, atrof-muhit sifatining (minimal) standartlarini kiritish, qulay atrof-muhit huquqi va uni muhofaza qilishga oid milliy va hududiy dastur va rejalarni keng jamoatchilikni jalb etgan holda ishlab chiqish va har besh yil muddatga tasdiqlash, ular ijrosi ustidan jamoatchilik nazoratini amalga oshirish va doimiy monitoring qilishning huquqiy asoslarini mustahkamlash maqsadga muvofiq.

Ikkinchidan, jamoatchilik salomatligi ahvoliga oid axborotning ochiqligini kengaytirish, bunda kasalliklarning tarqalishi, ehtiyot choralari, oldini olish, tashxis va davolashga oid axborotni tezkor va proaktiv

[1] Central Environmental Dispute Mediation and Relief Committee, Statistics, 2025. URL: https://ecc.me.go.kr/front/board/boardContentsListPage.do?board_id=15&MenuId=c38db97276f14bd5920ccc0d318f0739.

[2] Seoul Metropolitan Government Environmental Dispute Mediation and Relief Committee, Statistics, 2025. URL: https://edc.seoul.go.kr/index.do?nMenuCode=36.

ochiqlash, aholining ekologik salomatligini o‘lchash va baholash uchun Ekologik salomatlikni baholash indikatorlarini joriy etish va har uch yilda milliy ekologik salomatlikni baholashni amalga oshirish, har bir ma’muriy hududiy birlikning yashash uchun qanchalik qulay, sog‘lom atrof-muhit va zarur infratuzilmaga egaligini baholash uchun sog‘lom shahar (tuman) indeksini joriy etish hamda milliy shaharlar (tuman) reytingini yuritish taklif qilinadi.

Uchinchidan, insonning qulay atrof-muhitga bo‘lgan huquqini amalga oshirish va ta’minlashga oid institutsional mexanizmlarni takomillashtirish bo‘yicha quyidagilar taklif qilinadi:

- insonning qulay atrof-muhitga bo‘lgan huquqini ta’minlash, mavjud muammolarni o‘rganish va hal etish, muvofiqlashtirish, masalaga kompleks va tizimli yondashish maqsadida O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzurida Insonning qulay atrof-muhitga bo‘lgan huquqini amalga oshirish bo‘yicha kengash, uning tarmoq (sohaviy) va hududiy kengashlarini tuzish;

- qulay atrof-muhit huquqiga oid nizolarni muqobil ko‘rib chiqish, tez, adolatli va samarali hal etish uchun milliy va hududiy ekspert komissiyalarini tashkil etish;

- atrof-muhit muhofazasiga oid milliy va hududiy dastur (reja)lar ijrosi va insonning qulay atrof-muhitga bo‘lgan huquqini ta’minlash bo‘yicha vakolatli davlat organi har yili parlamentga hisobot berishi, hokimlar esa tegishli hudud xalq deputatlari kengashiga hisobot taqdim etishini belgilash;

To‘rtinchidan, atmosferaga tashlanmalar chiqaruvchi emissiya obyektlarida havo ifloslanishining oldini olish uskunalari o‘rnatilishi, atrof muhitga zarar yetkazish darajasi yuqori va o’rta bo’lgan korxonalarda ilg’or ekologik tozalash texnologiya va filtrlari esa majburiy o’rnatilishi, ularga tutash hududlarda statsionar kuzatish punktlarini o’rnatish hamda fon monitoringini real vaqt rejimida Ekologik axborot portali orqali onlayn uzatishni yo’lga qo’yish taklif qilinadi.

Beshinchidan, avtomobildan chiqadigan tashlanmalarni kamaytirish maqsadida harakatlanishdan to‘xtagan avtotransportda avtomatik motorni

o‘chirish tizimi *(ISG)* mavjud bo‘lmagan avtomobillarni ishlab chiqarish yoki import qilishni bosqichma-bosqich cheklash, maishiy texnikaning shovqin darajasini markirovkalash, shovqin darajasi yuqori bo‘lgan texnikani ishlab chiqarish yoki import qilishni cheklash maqsadga muvofiq.

РАСУЛОВА ГУЛБАХОР АБИДЖАНОВНА
тьютор Научно-образовательного центра
по борьбе с коррупцией
Правоохранительной академии
Республики Узбекистан

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОПЫТА УЗБЕКИСТАНА И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. *Мақолада Ўзбекистон Республикаси ва айрим хорижий давлатлар таълим тизимида коррупциянинг олдини олишнинг ҳуқуқий, ташкилий ҳамда рақамли механизмлари тадқиқ этилган. Давлатнинг коррупцияга қарши сиёсати рақамлаштириш шароитида трансформация қилиниши, «Рақамли комплаенс» ахборот-дастурий мажмуасини жорий этиш, ички коррупцияга қарши назорат тизимини ривожлантириш ҳамда Коррупцияга қарши курашиш кластерини шакллантириш масалаларига алоҳида эътибор қаратилган. Финляндия, Сингапур, Корея Республикаси ва Буюк Британия тажрибасининг қиёсий-ҳуқуқий таҳлили асосида таълим муҳитида коррупциявий хавфларнинг олдини олиш бўйича миллий моделни такомиллаштириш йўналишлари асослаб берилган. Академик ҳалоллик тўғрисидаги қонунчиликни такомиллаштириш, рақамли комплаенс тизимини ривожлантириш, коррупция ҳақида хабар берувчи шахсларни (информаторларни) ҳимоя қилиш ҳамда вояга етмаганлар ва ёшлар ўртасида криминоген хавфларни эрта профилактика қилишга доир таклифлар ишлаб чиқилган.*

Тадқиқотнинг илмий янгилиги таълим тизимида коррупциянинг олдини олишнинг комплекс моделини ишлаб чиқишда, рискка йўналтирилган бошқарув, рақамли мувофиқлик, ички коррупцияга қарши назорат ва академик ҳалолликни шакллантириш механизмларини бирлаштиришга асосланган.

Аннотация*. В статье исследуются правовые, организационные и цифровые механизмы предупреждения коррупции в системе образования Республики Узбекистан и отдельных зарубежных государств. Особое внимание уделено трансформации государственной антикоррупционной политики в*

условиях цифровизации, внедрению информационно-программного комплекса «Цифровой комплаенс», развитию внутреннего антикоррупционного контроля и формированию Кластера противодействия коррупции. На основе сравнительно-правового анализа опыта Финляндии, Сингапура, Республики Корея и Великобритании обоснованы направления совершенствования национальной модели профилактики коррупционных рисков в образовательной среде.

Научная новизна исследования заключается в разработке комплексной модели предупреждения коррупции в системе образования, основанной на интеграции риск-ориентированного управления, цифрового комплаенса, внутреннего антикоррупционного контроля и механизмов формирования академической добросовестности.

Abstract. *This article examines the legal, organizational, and digital mechanisms for preventing corruption within the education system of the Republic of Uzbekistan and selected foreign countries. Particular attention is given to the transformation of the state anti-corruption policy in the context of digitalization, the implementation of the Digital Compliance information system, the development of internal anti-corruption control mechanisms, and the establishment of an Anti-Corruption Cluster. Based on a comparative legal analysis of the experiences of Finland, Singapore, the Republic of Korea, and the United Kingdom, the study substantiates key directions for improving the national model of preventing corruption risks in the educational environment. The article proposes measures aimed at further developing legislation on academic integrity, strengthening digital compliance mechanisms, enhancing the protection of whistleblowers, and introducing early preventive measures against criminogenic risks among minors and young people.*

The scientific novelty of the research lies in developing a comprehensive model for preventing corruption in the education system, based on integrating risk-oriented management, digital compliance, internal anti-corruption control, and mechanisms for fostering academic integrity.

Калит сўзлар: *коррупция, таълим тизими, академик ҳалоллик, рақамли комплаенс, ёшлар, коррупциянинг олдини олиш, манфаатлар тўқнашуви, коррупцияга қарши кластер.*

Ключевые слова: *коррупция, система образования, академическая добросовестность, цифровой комплаенс, молодежь, предупреждение коррупции, конфликт интересов, антикоррупционный кластер.*

Keywords: *corruption, education system, academic integrity, digital compliance, youth, corruption prevention, conflict of interest, anti-corruption cluster.*

Введение

Коррупция в системе образования представляет собой не только правовую, но и социально-нравственную проблему, поскольку затрагивает качество человеческого капитала, равенство доступа к образовательным услугам, доверие граждан к государственным институтам и формирование правосознания молодежи. Несмотря на масштаб реформ, до настоящего времени отсутствуют комплексные исследования, посвященные интеграции механизмов цифрового комплаенса, академической добросовестности и риск-ориентированного управления коррупционными рисками в системе образования. В отличие от коррупции в иных секторах государственного управления, коррупционные практики в образовательной среде обладают отложенным негативным эффектом: они закрепляют у обучающихся представление о допустимости обхода правил, подменяют ценность знания административным ресурсом и деформируют профессиональную этику будущих специалистов.

Актуальность темы усиливается в условиях цифровизации образовательной среды. Электронные журналы, дистанционные платформы, автоматизированные системы оценки, цифровые реестры и электронные закупки существенно снижают возможность прямого субъективного вмешательства, однако одновременно формируют новые риски: манипулирование данными, несанкционированные изменения результатов обучения, использование аффилированных поставщиков цифровых услуг, формальный характер внутреннего контроля и слабость алгоритмической прозрачности. Поэтому современная антикоррупционная политика должна сочетать правовые запреты, институциональную профилактику, цифровую аналитику и воспитание культуры добросовестности.

Для Республики Узбекистан рассматриваемая проблематика имеет особое значение в связи с последовательным развитием законодательства о противодействии коррупции[1], модернизацией законодательства об образовании[2] и принятием Указа Президента Республики Узбекистан от 30 декабря 2025 года № УП-270, определившего приоритеты государственной политики в сфере предупреждения и противодействия коррупции до 2030 года[3].

Целью настоящей статьи является выработка научно обоснованных предложений по совершенствованию механизмов противодействия коррупции в системе образования Республики Узбекистан на основе сравнительно-правового анализа зарубежного опыта. Для достижения указанной цели решаются следующие задачи:

раскрыть международно-правовые подходы к предупреждению коррупции в образовании;

оценить значение цифрового комплаенса и внутренних антикоррупционных подразделений;

выявить применимые элементы зарубежных моделей;

сформулировать предложения по развитию законодательства и правоприменительной практики.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой, формально-юридический, системный, институциональный и риск-ориентированный методы анализа.

---

[1] Закон Республики Узбекистан от 03.01.2017 № ЗРУ-419 «О противодействии коррупции» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: https://lex.uz/docs/3088013 (дата обращения: 02.07.2026).

[2] Закон Республики Узбекистан от 23.09.2020 № ЗРУ-637 «Об образовании» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: https://lex.uz/docs/5013007 (дата обращения: 02.07.2026).

[3] Указ Президента Республики Узбекистан от 30.12.2025 № УП-270 «О дальнейшем совершенствовании системы предупреждения и противодействия коррупции в Республике Узбекистан» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: https://lex.uz/docs/7962927 (дата обращения: 02.07.2026).

Международно-правовые и концептуальные основы противодействия коррупции в образовании. Базовым международно-правовым документом в рассматриваемой сфере является Конвенция ООН против коррупции 2003 года, закрепляющая необходимость комплексного предупреждения коррупции, повышения прозрачности публичного управления, участия общества и развития антикоррупционного образования[1]. Хотя Конвенция прямо не формирует отдельный режим регулирования образовательной коррупции, ее положения о превентивной политике, публичной службе, государственных закупках, конфликте интересов и просветительских мерах имеют прямое значение для образовательных организаций.

Подход OECD основан на понимании образования как ключевого инструмента формирования публичной добропорядочности. Антикоррупционное обучение не должно ограничиваться информированием о составе правонарушений, оно должно формировать практические навыки распознавания конфликта интересов, сопротивления давлению, этического выбора и участия в добросовестном управлении. В докладах OECD по целостности образовательных систем подчеркивается, что коррупционные риски возникают не только на уровне индивидуального поведения, но и вследствие дефектов процедур: непрозрачного приема, слабого контроля оценивания, закрытых закупок, неэффективной кадровой политики и отсутствия независимого рассмотрения жалоб[2].

Существенное значение имеет инициатива UNODC Education for Justice, ориентированная на формирование культуры законности

[1] OECD. Education for Public Integrity. Paris: OECD Publishing, 2018. URL: https://www.oecd.org/gov/ethics/education-for-public-integrity.htm (дата обращения: 02.07.2026).
[2] UNODC. Education for Justice (E4J) Initiative. URL: https://www.unodc.org/dohadeclaration/en/topics/education-for-justice.html (дата обращения: 02.07.2026).

посредством образовательных материалов для школ и университетов[1]. Данный подход особенно важен для профилактики криминальных угроз среди несовершеннолетних: антикоррупционное образование должно быть связано с правовым воспитанием, медиа грамотностью, кибербезопасностью и предупреждением вовлечения молодежи в противоправные практики.

Совет Европы развивает направление этики, прозрачности и добросовестности в образовании через платформу ETINED и рекомендации, касающиеся кодексов профессиональной этики педагогических работников, а также противодействия образовательному мошенничеству[2]. Эти документы позволяют рассматривать академическую добросовестность не как внутренний академический стандарт, а как элемент публичной антикоррупционной политики.

Современные реформы Республики Узбекистан: от запретительной модели к превентивной системе. Национальная модель противодействия коррупции в Узбекистане постепенно переходит от преимущественно запретительно-репрессивного подхода к превентивной, риск-ориентированной и цифровой системе. В сфере образования это означает необходимость выявления коррупциогенных факторов до наступления вредных последствий: при приеме на обучение, распределении грантов и общежитий, оценивании знаний, аккредитации образовательных программ, проведении закупок, подборе кадров, аттестации педагогов и управлении внебюджетными средствами.

Указ Президента Республики Узбекистан № УП-270 закрепил качественно новый этап антикоррупционной политики. Среди ключевых направлений особое значение имеют: внедрение

[1] Council of Europe. Recommendation CM/Rec (2019)9 of the Committee of Ministers to member States on fostering a culture of ethics in the teaching profession. 16 October 2019.
[2] Council of Europe. Recommendation CM/Rec (2022)18 of the Committee of Ministers to member States on countering education fraud. 13 July 2022

превентивных механизмов, цифровизация государственного управления, использование искусственного интеллекта, усиление внутреннего антикоррупционного контроля, формирование Кластера противодействия коррупции и запуск информационно-программного комплекса «Цифровой комплаенс»[1]. Для образовательной сферы эти меры имеют системное значение, поскольку позволяют перейти от разрозненных проверок к постоянному мониторингу рисков.

Информационно-программный комплекс «Цифровой комплаенс» целесообразно рассматривать не только как техническую платформу, но и как управленческую модель. Его потенциал заключается в оперативном обмене данными между участниками антикоррупционного кластера, цифровизации деятельности подразделений внутреннего контроля, накоплении данных о типовых нарушениях, автоматизированном выявлении риска конфликта интересов и формировании доказательной базы для профилактических решений.

[1] https://lex.uz/ru/docs/7962927. УП-270-сон 30.12.2025. О дальнейшем совершенствовании системы предупреждения и противодействия коррупции в Республике Узбекистан.

Особая роль в высшем образовании принадлежит информационным системам управления учебным процессом, включая HEMIS. Такие системы снижают зависимость результатов обучения от личного усмотрения отдельных должностных лиц, обеспечивают электронный след управленческих решений и создают условия для аналитики. Вместе с тем цифровая система не устраняет коррупционные риски автоматически: при отсутствии аудита алгоритмов, разграничения доступа, защиты персональных данных и ответственности за несанкционированное вмешательство

цифровизация может лишь перенести коррупцию из офлайн-среды в цифровую.

Коррупционные риски в образовательной среде: правовая характеристика и профилактика. Коррупционные риски в системе образования можно условно разделить на пять групп. Первая группа связана с доступом к образовательным услугам: приемом, переводом, восстановлением, распределением грантов, стипендий и мест в общежитиях. Вторая группа возникает в процессе обучения и оценки знаний: необоснованное завышение оценок, фиктивное посещение, давление на преподавателей, покупка письменных работ, подмена

результатов экзаменов. Третья группа связана с управлением ресурсами: закупками, ремонтом, арендой имущества, внебюджетными поступлениями и благотворительными взносами. Четвертая группа касается кадровых процедур: приема на работу, аттестации, распределения нагрузки, продвижения по должности. Пятая группа относится к научной и академической деятельности: плагиату, фиктивному соавторству, манипулированию публикациями и недобросовестной экспертизе.

Ключевым условием профилактики указанных рисков является внедрение принципа «трех линий защиты».

Первая линия — руководители образовательных подразделений и ответственные исполнители, которые обязаны соблюдать регламенты и фиксировать решения в цифровых системах.

Вторая линия — комплаенс-подразделения и внутренний аудит, осуществляющие мониторинг рисков, консультирование и проверку процедур.

Третья линия — внешние контрольные, правоохранительные и общественные механизмы, обеспечивающие независимую оценку и реагирование.

Значение имеет и законодательство о конфликте интересов. Для образовательных организаций риск конфликта интересов проявляется при участии должностного лица в решении вопросов, касающихся близких родственников, аффилированных организаций, научных руководителей, подчиненных или связанных поставщик[1]. Поэтому карта коррупционных рисков образовательного учреждения должна включать не только общие показатели дисциплинарных нарушений, но и данные о связях участников процедур, повторяемости поставщиков, частоте ручных корректировок, жалобах обучающихся и результатах внутреннего аудита.

[1] Закон Республики Узбекистан от 05.06.2024 № ЗРУ-931 «О конфликте интересов» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан.

Сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта.

Финляндия. Финская модель представляет интерес не столько наличием жестких репрессивных механизмов, сколько устойчивой культурой доверия, прозрачности и профессиональной автономии. В образовательной системе Финляндии важную роль играют академическая свобода, этические стандарты исследовательской деятельности и независимые процедуры рассмотрения нарушений. Finnish National Board on Research Integrity (TENK) формирует руководящие принципы ответственного проведения исследований и процедуры рассмотрения случаев недобросовестности[1]. Для Узбекистана применимым элементом является институционализация академической этики: создание независимых комиссий по добросовестности, единых правил рассмотрения плагиата и конфликтов интересов, а также обязательное обучение преподавателей и обучающихся этическим стандартам.

Сингапур. Сингапурская модель характеризуется высоким уровнем неотвратимости ответственности, сильным антикоррупционным органом и жесткими стандартами поведения публичных служащих. Corrupt Practices Investigation Bureau обладает высоким уровнем институциональной независимости и полномочиями по расследованию коррупционных проявлений[2]. В образовательной сфере ценность сингапурского опыта заключается в сочетании строгого контроля, этического воспитания, прозрачных административных процедур и регулярного аудита. Для Узбекистана данный опыт может быть использован при усилении персональной ответственности руководителей образовательных организаций за состояние внутреннего контроля и при внедрении риск-ориентированных проверок.

---

[1] Finnish National Board on Research Integrity TENK. Responsible conduct of research and procedures for handling allegations of misconduct in Finland. Helsinki: TENK, 2023.

[2] Prevention of Corruption Act 1960 (Singapore); Corrupt Practices Investigation Bureau. About CPIB. URL: https://www.cpib.gov.sg (дата обращения: 02.07.2026).

Республика Корея. Республика Корея демонстрирует значительный опыт цифрового государственного управления и профилактики коррупции посредством электронных систем. Антикоррупционная политика опирается на деятельность Anti-Corruption and Civil Rights Commission, механизмы рассмотрения обращений, открытые данные и электронные административные процедуры[1]. Для образовательной сферы особенно важны цифровой мониторинг, электронные закупки, автоматизированный анализ обращений и профилактика киберправонарушений среди несовершеннолетних. Применительно к Узбекистану этот опыт подтверждает необходимость интеграции образовательных платформ с системами комплаенс-мониторинга и защиты данных.

Великобритания. Великобритания традиционно уделяет внимание комплаенс-подходу, защите информаторов и предупреждению коррупции через внутренние процедуры организаций. Bribery Act 2010 и официальное руководство Министерства юстиции по адекватным процедурам сформировали практический стандарт предупреждения взяточничества для организаций[2]. В образовательной сфере применимыми элементами являются независимые каналы сообщений, защита заявителей, антикоррупционные политики университетов, механизмы внутреннего расследования и регулярная оценка рисков.

Государство	Основной механизм предупреждения коррупции	Преимущества модели	Возможности использования в Узбекистане	Ограничения имплемен-тации
Финляндия	Развитая система академической	Высокий уровень доверия к	Разработка единых	Эффектив-ность модели

[1] Act on the Prevention of Corruption and the Establishment and Management of the Anti-Corruption and Civil Rights Commission (Republic of Korea); Anti-Corruption and Civil Rights Commission. URL: https://www.acrc.go.kr (дата обращения: 02.07.2026).

[2] Bribery Act 2010: Guidance about procedures which relevant commercial organisations can put into place to prevent persons associated with them from bribing. London: Ministry of Justice, 2011.

	добросовестности,автономия образовательных учреждений, деятельность Finnish National Board on Research Integrity (TENK), этические комиссии	образовательным институтам; профилактика нарушений через формирование академической культуры; прозрачные процедуры рассмотрения случаев недобросовестности	стандартов академической добросовестности; создание независимых комиссий по академической этике; обязательное обучение преподавателей и студентов вопросам академической честности	обусловлена высоким уровнем правовой культуры и общественного доверия, что требует длительного формирования аналогичных институтов в Узбекистане
Сингапур	Жесткая антикоррупционная политика, деятельность Corrupt Practices Investigation Bureau (CPIB), персональная ответственность руководителей, регулярный антикоррупционный аудит	Высокая неотвра-тимость ответственности; минимизация коррупционных рисков за счет эффективного контроля и дисциплины; оперативное реагирование на нарушения	Усиление персональной ответствен-ности руководителей образовательных организаций; внедрение риск-ориентированных проверок; развитие внутреннего антикоррупционного контроля	Высокая степень централизации государственного управления и строгая система государственного контроля затрудняют прямое воспроизведение модели
Республика Корея	Цифровизация государственного управления, электронные сервисы, открытые данные, деятельность Anti-Corruption and Civil Rights Commission (ACRC)	Существенное снижение административного усмотрения; автоматизация процедур; аналитика коррупционных рисков на основе цифровых данных	Интеграция HEMIS, «Цифрового комплаенса», электронных закупок и кадровых систем; использование аналитических инструментов для выявления коррупционных рисков	Высокие финансовые затраты на цифровую инфраструктуру; необходимость обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных
Великобритания	Комплаенс-подход, Bribery Act 2010,	Формирование системы	Развитие института	Требует высокой

	защита информаторов, обязательная оценка коррупционных рисков, внутренние политики организаций	предупреж-дения коррупции внутри организаций; эффективная защита лиц, сообщающих о нарушениях; регулярная оценка рисков	комплаенса в образова-тельных учреждениях; внедрение конфиден-циальных каналов сообщений; проведение ежегодной оценки коррупционных рисков	организа-ционной зрелости образова-тельных организаций и развитой корпо-ративной культуры соблюдения требований комплаенса

Сравнительный анализ зарубежных моделей. Проведенный сравнительно-правовой анализ свидетельствует, что рассматриваемые государства используют различные институциональные механизмы предупреждения коррупции, однако их объединяют несколько общих подходов.

Во-первых, во всех исследованных странах приоритет отдается профилактике коррупции, а не исключительно мерам юридической ответственности.

Во-вторых, существенное значение придается прозрачности управленческих процедур, развитию внутренних механизмов контроля и формированию культуры добропорядочности.

В-третьих, эффективность национальных моделей обеспечивается сочетанием правовых, организационных и цифровых инструментов, позволяющих своевременно выявлять и минимизировать коррупционные риски.

При этом каждая модель имеет собственные особенности. Финляндия ориентирована преимущественно на развитие академической добросовестности и доверия к образовательным институтам. Сингапур демонстрирует эффективность строгого государственного контроля и высокой персональной ответственности руководителей. Республика Корея делает акцент на цифровизации

государственного управления и использовании информационных технологий для предупреждения коррупции, тогда как Великобритания рассматривает комплаенс и внутренние процедуры управления рисками в качестве ключевых элементов антикоррупционной политики.

Для Республики Узбекистан наибольший практический интерес представляет комбинированная модель, предусматривающая интеграцию наиболее эффективных элементов зарубежного опыта. К ним относятся внедрение единых стандартов академической добросовестности по примеру Финляндии, усиление персональной ответственности руководителей образовательных организаций по модели Сингапура, развитие цифрового мониторинга коррупционных рисков на основе опыта Республики Корея, а также институционализация комплаенса и механизмов защиты информаторов в соответствии с британским подходом. Вместе с тем механическое заимствование зарубежных институтов представляется нецелесообразным. Их имплементация должна осуществляться с учетом национальной правовой системы, уровня цифровизации государственного управления, организационной структуры образовательных учреждений и особенностей проводимых в Узбекистане антикоррупционных реформ.

Направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики Республики Узбекистан. Сравнительный анализ показывает, что дальнейшее развитие национальной системы противодействия коррупции в образовании должно быть направлено не на механическое заимствование зарубежных институтов, а на адаптацию их функциональных элементов: прозрачных процедур, независимого рассмотрения нарушений, защиты информаторов, цифрового мониторинга и этического образования.

Во-первых, представляется целесообразным разработать и принять Закон Республики Узбекистан «Об академической добросовестности» либо внести самостоятельную главу в Закон «Об образовании». В таком акте необходимо закрепить понятия академической добросовестности, академического мошенничества, плагиата, конфликта интересов в образовательной и научной деятельности, недопустимости фиктивного соавторства, а также процедуры рассмотрения нарушений.

Во-вторых, требуется развитие института комплаенса в образовательных организациях. Внутренний антикоррупционный контроль должен быть не формальной единицей, а постоянной системой управления рисками. Его функции должны включать разработку карты рисков, анализ жалоб, проверку закупок, мониторинг кадровых процедур, контроль конфликта интересов, антикоррупционное обучение и подготовку ежегодного публичного отчета. Методологической основой может служить стандарт ISO 37001, адаптированный к публичному сектору и образовательной специфике[1].

В-третьих, необходимо обеспечить цифровую совместимость образовательных платформ и антикоррупционных информационных систем. HEMIS, электронные закупки, системы обращений и «Цифровой комплаенс» должны формировать не изолированные массивы данных, а единую аналитическую среду для выявления типовых рисков. При этом следует предусмотреть правовые гарантии защиты персональных данных, прозрачность доступа и ответственность за вмешательство в цифровые записи.

В-четвертых, следует усилить профилактику криминальных угроз среди несовершеннолетних и молодежи. Антикоррупционное образование необходимо интегрировать с курсами правовой культуры,

[1] ISO 37001:2016. Anti-bribery management systems — Requirements with guidance for use. Geneva: International Organization for Standardization, 2016.

медиаграмотности, цифровой безопасности, финансовой грамотности и этики публичной службы. Формирование нетерпимости к коррупции должно начинаться не в момент поступления на государственную службу, а в школьной и студенческой среде.

В-пятых, требуется расширить механизмы защиты лиц, сообщающих о коррупции и академической недобросовестности. В образовательных учреждениях должны действовать конфиденциальные каналы сообщений, понятные процедуры рассмотрения обращений, запрет преследования заявителей и возможность внешнего обращения при бездействии администрации.

Заключение. Коррупция в системе образования является комплексной угрозой, поскольку одновременно подрывает качество образования, доверие к государству, правовую культуру молодежи и справедливость социальных лифтов. Современная модель предупреждения коррупции не может сводиться к наказанию отдельных виновных лиц; она должна устранять организационные условия, создающие возможность для коррупционного поведения.

Международный опыт Финляндии, Сингапура, Республики Корея и Великобритании показывает, что эффективная антикоррупционная политика в образовании формируется на пересечении пяти элементов: академической добросовестности, прозрачных цифровых процедур, внутреннего комплаенса, независимых механизмов рассмотрения нарушений и правового воспитания молодежи.

Республика Узбекистан обладает необходимой нормативной и институциональной базой для перехода к современной превентивной модели. Указ Президента № УП-270 создает основу для цифрового комплаенса, антикоррупционного кластера и усиления внутреннего контроля. Вместе с тем дальнейшее совершенствование требует разработки законодательства об академической добросовестности, укрепления защиты информаторов, интеграции цифровых платформ, внедрения риск-ориентированного комплаенса в образовательных

организациях и системной профилактики криминальных угроз среди несовершеннолетних.

АКБУТАЕВ АБРОР АБДУРАХМАНОВИЧ
Начальник отдела международного сотрудничества Правоохранительной академии Республики Узбекистан

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕСТУПНЫМИ АКТИВАМИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ, СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация: *В условиях цифровизации глобальных финансовых рынков и повсеместного внедрения виртуальных активов процессы легализации (отмывания) теневого капитала трансформируются опережающими темпами. Управление незаконными активами становится междисциплинарной и комплексной задачей, охватывающей не только их розыск, но и администрирование на досудебном этапе, а также трансграничное изъятие. В статье анализируются международные стандарты Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), специфика работы профильных зарубежных институтов, ключевые вызовы «виртуализации» преступных доходов, функционирование сетей «денежных мулов» (money mules)[1], а также правовые инновации в сфере гражданской конфискации. Также внимание уделено анализу законодательства Республики Узбекистан и перспективам внедрения передовых институциональных механизмов возврата активов на национальной почве.*

Abstract: *In the context of the digitalization of global financial markets and the widespread adoption of virtual assets, the processes of laundering shadow capital are transforming at an accelerating pace. The management of illicit assets*

[1] «Денежные мулы» (дропы) – это люди, которых преступники используют для отмывания и перемещения незаконно полученных средств. Мулы получают нелегальные деньги на свои банковские счета и переводят их дальше за процент. Они выступают в роли живого щита, скрывая конечных бенефициаров афер.
Часто жертв вербуют под видом «дистанционной работы» (например, «менеджер по переводам»), прося обналичить средства или переслать их за границу. Иногда люди даже не подозревают, что участвуют
в преступной схеме. В других случаях владельцы карт осознанно продают реквизиты ради быстрого заработка.

is becoming an interdisciplinary and complex task that encompasses not only their tracing, but also their administration at the pre-trial stage and cross-border asset recovery. This article analyzes the international standards of the Financial Action Task Force (FATF), the operational specifics of specialized foreign institutions, the key challenges posed by the "virtualization" of criminal proceeds, the functioning of "money mule" networks, and legal innovations in the field of civil forfeiture. Attention is also paid to the analysis of the legislation of the Republic of Uzbekistan and the prospects for introducing advanced institutional mechanisms for asset recovery at the national level.

Ключевые слова: *преступные активы, возврат активов, управление активами, легализация преступных доходов, гражданская конфискация.*

Keywords: *criminal assets, asset recovery, asset management, money laundering, civil forfeiture.*

На сегодняшний день традиционная архитектура контроля за движением капитала, сформированная в конце XX века, стремительно теряет свою эффективность. Глобализация финансовых рынков, появление децентрализованных финансовых инструментов, трансграничных криптоактивов и сложных цепочек номинального владения (включая дискреционные трасты и офшорные структуры) создали беспрецедентные возможности для сокрытия преступных доходов[1].

Современная доктрина финансового права и криминологии рассматривает управление незаконными активами не просто как статичную юридическую процедуру изъятия, а как динамический процесс. Этот процесс требует от государств гибкости, высокой технологичности и тесного межведомственного взаимодействия.

Конечной целью данной деятельности признается не только наказание виновных лиц, но и лишение преступных синдикатов их экономического базиса. Это в полной мере отвечает принципам

[1] Putranti I.R., Windiani R. Regulating Beneficial Ownership: Unveiling Hidden Assets from Illicit Financial Flows via Cryptocurrency Exchanges // Redalyc Journal. 2026. № 18. P. 45-59. https://www.redalyc.org/journal/900/90084278004/

дистрибутивной справедливости и утилитарной теории предупреждения преступности: если риски и издержки удержания преступного капитала превышают потенциальную выгоду, криминальная модель теряет экономический смысл[1]. При этом возникает критическая необходимость соблюдения баланса между защитой фундаментальных прав собственности и публично-правовыми интересами государства по обеспечению экономической безопасности.

Международные стандарты, координируемые ФАТФ, предписывают рассматривать работу с теневым капиталом как единый, непрерывный и циклический процесс, состоящий из трех ключевых этапов[2]:

1. Идентификация и розыск. Данный этап включает в себя обнаружение скрытых бенефициарных владельцев, ретроспективный анализ транзакционных потоков и выявление номинальных держателей активов. Ключевая сложность здесь заключается в преодолении феномена «корпоративной вуали» и интеграции данных, полученных из традиционного банковского сектора, с данными распределенных реестров (блокчейн)[3].

2. Замораживание и арест. Оперативное блокирование средств имеет решающее значение для предотвращения их дальнейшего перемещения или конвертации. Скорость принятия обеспечительных мер является главным фактором успеха. В соответствии с обновленными Рекомендациями ФАТФ 4 и 38, государства обязаны

[1] Soesatyo B. The Urgency of Asset Confiscation Results of Corruption and Criminal Acts Money Laundering // Journal of Governance and Social Policy. 2025. Vol. 3, No. 4. P. 1070-1077. https://www.researchgate.net/publication/399787261_The_Urgency_of_Asset_Confiscation_Results_of_Corruption_and_Criminal_Acts_Money_Laundering_Solutions_to_Eradicate_Corruption_and_Reform_of_National_Laws

[2] Рекомендации ФАТФ. https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatf-recommendations.html

[3] Pavlidis G. Deploying artificial intelligence for anti-money laundering and asset recovery: the dawn of a new era // Journal of Money Laundering Control. 2023. Vol. 26, No. 7. P. 155-163. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4570231

обладать правовыми механизмами, позволяющими без промедления (в течение нескольких часов) реагировать на запросы иностранных государств о замораживании средств[1].

3. Управление и администрирование. Этот этап является наиболее сложным с точки зрения администрирования. С момента наложения ареста и до вынесения окончательного решения суда (что может занимать годы) государство обязано обеспечивать сохранность, оценку и поддержание ликвидности активов. Это особенно критично, когда речь идет о действующем бизнесе, ценных бумагах, недвижимости или высоко волатильных виртуальных активах[2].

В мировой практике сформировались специализированные институциональные модели, доказавшие свою эффективность в сфере возврата активов. Международный опыт демонстрирует разделение или синергию двух типов ведомств: офисов по розыску активов и офисов по управлению активами[3].

Например, Ирландское Бюро по уголовным активам (Criminal Assets Bureau – CAB) считается одной из наиболее успешных моделей офисов по розыску активов в мире. Уникальность данного органа заключается в его многоведомственной структуре. Под одной крышей объединены сотрудники полиции, налоговые инспекторы, специалисты по социальному обеспечению и таможенные офицеры. Такой подход позволяет Бюро использовать не только уголовно-правовые механизмы, но и жесткие инструменты налогового администрирования. Если происхождение имущества лица не может быть доказано, Бюро начисляет налог на «необъяснимое богатство»

[1] Рекомендации ФАТФ. https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatf-recommendations.html

[2] Solórzano, Oscar. 2026. ‘Enforcing foreign non-conviction based forfeiture orders: FATF standards and asset recovery practice in Latin America and financial centres.’ Policy Brief 16, Basel Institute on Governance. Available at: baselgovernance.org/publications/pb-16

[3] European Commission (2024), Asset recovery and confiscation: Ensuring that crime does not pay // EU Enforcement Report. – Brussels. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52020DC0217

по максимальной ставке с одновременным наложением штрафов, что фактически приводит к полному изъятию актива в пользу государства без необходимости доказывать конкретный состав уголовного преступления[1].

Во Франции функции офисов по розыску активов возложены на Агентство по управлению и возврату арестованных и конфискованных активов (AGRASC). Главная инновация французского опыта – это законодательно закрепленная возможность предварительной продажи имущества до вынесения судебного приговора. Если арестованное имущество (люксовый автомобиль, яхта или сложная техника) быстро теряет в стоимости или требует несоразмерных затрат на хранение, AGRASC имеет право реализовать его на аукционе. Денежные средства, полученные от продажи, депонируются на специальном государственном счете. Если подсудимый оправдан, ему возвращается денежный эквивалент; если признан виновным – средства перечисляются в бюджет. Это полностью снимает с государства бремя неэффективных расходов на содержание физических объектов[2].

В США управление изъятым имуществом осуществляется в рамках Программы конфискации активов Министерства юстиции (Asset Forfeiture Program), где ключевую роль играет Служба маршалов США. Они управляют широчайшим спектром активов: от коммерческих предприятий и долей в корпорациях до прав интеллектуальной собственности и цифровых токенов. Маршалы привлекают профессиональных коммерческих управляющих для ведения бизнеса арестованных компаний, чтобы не допустить

[1] Criminal Assets Bureau (CAB). Annual Report 2024. – Dublin: Stationery Office, 2025. https://www.cab.ie/wp-content/uploads/2025/11/CAB-Annual-Report-2024-Reduced-Size.pdf

[2] AGRASC France. Rapport d'activité 2024: Agence de gestion et de recouvrement des avoirs saisis et confisqués. – Paris, 2025. https://agrasc.gouv.fr/sites/default/files/2025-07/ra_2024_a4_v6.pdf

увольнения сотрудников и падения стоимости акций в период судебного процесса[1].

В это же время, современная архитектура управления незаконными активами сталкивается с глубинными технологическими и структурными барьерами, которые нивелируют классические методы следствия. Использование инфраструктуры виртуальных активов для отмывания доходов вышло на уровень промышленной индустрии. Злоумышленники активно применяют методы Chain Hopping (быстрый обмен одних криптовалют на другие через автоматические обменники без прохождения процедур KYC[2]), децентрализованные протоколы смешивания (миксеры) и конфиденциальные монеты (Monero, Dash), блокчейн которых скрывает адреса отправителя и получателя[3]. Особый вызов для этапа управления представляет обеспечение безопасности конфискованной криптовалюты. Криптоактивы подвержены экстремальной волатильности: за время судебного процесса их стоимость может упасть на 80-90%, что требует от государственных

[1] United States Marshals Service (2025), Asset Forfeiture Program: Management of Seized Assets. – U.S. Department of Justice, Washington D.C. https://www.usmarshals.gov/what-we-do/asset-forfeiture

[2] KYC (от англ. Know Your Customer – «знай своего клиента») – это обязательная процедура верификации личности, которую проводят финансовые учреждения, криптобиржи и другие компании для предотвращения отмывания денег и мошенничества. Она защищает как саму организацию от регуляторных штрафов, так и пользователей от блокировок.

[3] Utenkova K. Financial monitoring of virtual assets: international standards and challenges of implementation // Finance, accounting, audit and taxation. 2026. Vol. 1, No. 20. P. 88-94. https://periodicals.karazin.ua/fcs/article/view/28186

органов создания механизмов оперативного хеджирования рисков или конвертации изъятых токенов в стейблкоины[1] или фиатную[2] валюту[3].

На сегодняшний день организованные преступные группы все реже открывают счета на подставные компании-пустышки, предпочитая использовать распределенные сети «денежных мулов». Это физические лица (часто студенты, мигранты или социально уязвимые слои населения), которые за небольшой процент предоставляют свои банковские карты, аккаунты на криптобиржах и личные данные для проведения транзакций[4]. В результате реальные бенефициары преступных схем остаются полностью изолированными от регулируемых финансовых посредников. Когда правоохранительные органы блокируют счет «мула», они изымают лишь незначительную часть транзитного капитала, в то время как основная прибыль синдиката уже выведена за рубеж.

Как отмечает Базельский институт управления, многие государства оказываются «заложниками» собственных успехов в сфере ареста имущества[5]. Расходы на содержание арестованных объектов недвижимости, оплату портовых сборов для задержанных морских судов, поддержание работоспособности заводов могут превышать

---

[1] Стейблкоины – это вид криптовалют, курс которых привязан к реальным активам (обычно к доллару США или золоту), что позволяет избежать резких скачков цены. Они используются для безопасного хранения средств в блокчейне и быстрых переводов с низкими комиссиями.

[2] Фиатные (или фидуциарные) деньги — это государственные валюты, не обеспеченные золотом или другими товарами. Их ценность держится исключительно на доверии к выпустившему их правительству и законах, обязывающих принимать их в качестве средства платежа.

[3] Arnone G. Regulating the Crypto-Laundering Chain: A Comparative Study of Scam Compounds and Money Mule Mechanisms Within Criminal Networks // Risks. 2026. Vol. 14, No. 4. P. 96-112. https://www.mdpi.com/2227-9091/14/4/96/html

[4] Managing seized and confiscated assets. Basel Institute on Governance (2025). Quick guide series 41. https://baselgovernance.org/sites/default/files/2025-07/QG41_Managing%20seized%20and%20confiscated%20assets.pdf

[5] Managing seized and confiscated assets. Basel Institute on Governance (2025). Quick guide series 41. https://baselgovernance.org/sites/default/files/2025-07/QG41_Managing%20seized%20and%20confiscated%20assets.pdf

потенциальную выгодуют их конфискации. Без гибкого законодательства, позволяющего передавать такие активы в доверительное управление частному сектору или реализовывать их на ранних стадиях, государственные органы несут прямые убытки.

Для преодоления институционального разрыва между скоростью движения нелегального капитала и механизмами государственного принуждения международное сообщество вырабатывает инновационные правовые инструменты.

Одним из наиболее радикальных и эффективных инструментов признана концепция гражданской конфискации, или конфискации “in rem” (в отношении вещи, а не лица). В рамках этой процедуры иск предъявляется непосредственно к самому активу, признанному «загрязненным» (tainted asset). Государству достаточно доказать, что имущество, скорее всего, получено из незаконного источника, при этом наличие обвинительного приговора по уголовному делу в отношении владельца не требуется[1]. Наиболее развитую форму этот механизм получил в странах Латинской Америки (Колумбия, Мексика, Перу) под названием “Extinción de dominio” (утрата права собственности). Этот институт позволяет изымать активы наркокартелей и коррумпированных чиновников, даже если сами обвиняемые скрываются от правосудия за рубежом или погибли. Бремя доказывания законности происхождения актива частично перекладывается на его номинального владельца, что существенно ускоряет процесс пополнения государственного бюджета[2]. Британский опыт ввел в международный оборот инструмент - Ордеры на богатство необъяснимого происхождения (Unexplained Wealth Orders – (UWO). Этот ордер обязывает владельца активов стоимостью свыше

[1] Solórzano, Oscar. 2026. ‘Enforcing foreign non-conviction based forfeiture orders: FATF standards and asset recovery practice in Latin America and financial centres.’ Policy Brief 16, Basel Institute on Governance. Available at: baselgovernance.org/publications/pb-16

[2] FATF (2021), Opportunities and Challenges of New Technologies for AML/CFT, FATF, Paris, France, https://www.fatf-gafi.org/publications/ fatfrecommendations/documents/opportunities-challenges-new

определенного лимита объяснить источники своего состояния. Если лицо (зачастую это иностранные политически значимые лица) не предоставляет убедительных доказательств легальности доходов, актив автоматически признается незаконным и подлежит конфискации в рамках гражданского процесса[1].

Необходимо отметит, что сегодня модернизация систем противодействия отмывание денег и финансирование терроризма (ПОД/ФТ) невозможна без перевода аналитической работы на рельсы автоматизированных систем и алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ). Применение ИИ строится на принципах, зафиксированных в международных руководствах (San José's Artificial Intelligence (AI) Principles and Policies, FATF), и нацелено на переход от реактивного выявления к проактивному прогнозированию рисков[2]. Внедрение сквозных систем анализа позволяет выявлять подозрительные финансовые аномалии на этапе «размещения» капитала, предотвращая его переход на этап «расслоения».

Республика Узбекистан, являясь активным участником международных организаций (например, Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ)), планомерно модернизирует национальную систему ПОД/ФТ в соответствии с Рекомендациями ФАТФ. Анализ правоприменительной практики и национального законодательства показывает, что институциональный механизм работы с незаконными активами в стране находится в стадии активной трансформации.

Вместе с тем, в Узбекистане сохраняются классические институциональные вызовы, описанные в мировой доктрине:

---

[1] Pavlidis G. Deploying artificial intelligence for anti-money laundering and asset recovery: the dawn of a new era // Journal of Money Laundering Control. 2023. Vol. 26, No. 7. P. 155-163. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4570231

[2] Тамже

1. Отсутствие специализированного органа по управлению незаконными (преступными) активами. Вопросы администрирования, оценки и досудебного управления арестованным имуществом в рамках Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан возложены на следственные органы и Бюро принудительного исполнения[1]. В условиях стремительного роста изъятий высокотехнологичных и волатильных активов (криптовалюты) данная модель сталкивается с дефицитом специализированных коммерческих компетенций, что подтверждает необходимость создания обособленного Агентства по управлению активами по примеру французского AGRASC.

2. Правовой вакуум в сфере гражданской конфискации (in rem). Действующее законодательство Узбекистана (нормы Гражданского кодекса[2], Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан) связывает конфискацию имущества исключительно с вынесением обвинительного приговора суда по уголовному делу. Внедрение элементов безвинной конфискации (Non-Conviction-Based Forfeiture), адаптированных под конституционные гарантии защиты прав собственности[3], видится важнейшим шагом для пресечения деятельности транснациональных экономических преступных групп и возврата активов из офшорных юрисдикций.

Подводя итог, можно констатировать, что современное управление незаконными активами вышло далеко за рамки классического уголовного процесса. Теневой капитал стал высокотехнологичным, ликвидным и распределенным, что требует симметричного ответа со стороны государства. Эффективная

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан. https://lex.uz/uz/docs/111460

[2] Гражданский кодекс Республики Узбекистан (Часть первая). https://lex.uz/uz/docs/111181

[3] Саидов А.Х. Право собственности в Республики Узбекистан: генезис и современное состояние // Юридическая наука и практика. – 2024. – Т. 19, № 2. – С. 45-52. См.: https://static.norma.uz/official_texts/pravo-sobstvennosti-v-respublike-uzbekistan.pdf

национальная система управления активами должна базироваться на следующих императивах:

1. Институциональная специализация. Создание или выделение четко структурированных агентств по возврату и управлению активами с наделением их полномочиями по досудебному управлению и коммерческой реализации быстро обесценивающегося имущества.

2. Законодательные реформы. Внедрение институтов гражданской конфискации (in rem) и ордеров на богатство необъяснимого происхождения, что позволяет обойти проблему затяжных уголовных процессов и защитить публичные интересы без ущемления прав добросовестных собственников.

3. Цифровая интеграция. Полноценное внедрение ИИ-решений для анализа больших данных и блокчейн-ориентированных платформ для деанонимизации виртуальных транзакций.

4. Трансграничная конвергенция. Преодоление юрисдикционного эгоизма и обеспечение прямого, беспрепятственного исполнения иностранных ордеров на замораживание активов в соответствии с Рекомендациями ФАТФ.

Только лишение транснациональной преступности ее ключевого стимула – возможности безопасно аккумулировать, сохранять и легально использовать преступно нажитый капитал – способно снизить разрушительное воздействие теневого сектора на мировую экономику.

MAMADALIEV BAKHTIYOR ZOKIROVICH
Independent Researcher at the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan

MAIN DIRECTIONS FOR IMPROVING PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE EXECUTION OF LEGISLATION IN THE FORESTRY SECTOR

Abstract. *This article analyzes the current state of prosecutorial supervision over the execution of forest protection legislation and the main directions for its improvement. Special attention is paid to the proper organization of the activities of prosecutorial bodies, planning, enhancing personnel capacity, methodological support, and improving forestry legislation. Scientifically based proposals and recommendations have been developed to increase the effectiveness of control activities in preventing environmental offenses.*

Keywords*: forest protection, prosecutorial supervision, execution of legislation, environmental control, planning, methodological support, environmental prosecutor's office.*

Аннотация. *Мазкур мақолада ўрмонларни муҳофаза қилиш тўғрисидаги қонун ҳужжатлари ижроси устидан прокурор назоратининг амалдаги ҳолати ва уни такомиллаштиришнинг асосий йўналишлари таҳлил қилинган. Прокуратура органлари фаолиятини тўғри ташкил этиш, режалаштириш, кадрлар салоҳиятини ошириш, услубий таъминлаш ҳамда ўрмон қонунчилигини такомиллаштириш масалаларига алоҳида эътибор қаратилган. Экологик ҳуқуқбузарликларнинг олдини олишда назорат фаолиятининг самарадорлигини ошириш юзасидан илмий асосланган таклиф ва тавсиялар ишлаб чиқилган.*

Калит сўзлар: *ўрмон муҳофазаси, прокурор назорати, қонунчилик ижроси, экологик назорат, режалаштириш, услубий таъминлаш, экология прокуратураси.*

Аннотация. *В данной статье анализируется текущее состояние прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране лесов и основные направления его совершенствования. Особое внимание уделено*

вопросам правильной организации деятельности органов прокуратуры, планирования, повышения кадрового потенциала, методического обеспечения и совершенствования лесного законодательства. Разработаны научно обоснованные предложения и рекомендации по повышению эффективности контрольной деятельности в предотвращении экологических правонарушений.

Ключевые слова: *охрана лесов, прокурорский надзор, исполнение законодательства, экологический контроль, планирование, методическое обеспечение, природоохранная прокуратура.*

As we delve into the comprehensive, multidimensional, and rigorously structured analytical evaluation concerning contemporary law enforcement practices and the specific implementation methodologies of prosecutorial supervision over the execution of legislative acts designed for the protection of forests, it becomes unequivocally apparent that the supervisory inspections currently orchestrated and executed by prosecutorial authorities are predominantly characterized by a highly episodic, fragmented, and fundamentally reactive operational nature. This profound systemic inconsistency in the temporal application of supervisory measures invariably results in a critical institutional vulnerability wherein continuous, sustained, and highly effective supervision over the actual, physical elimination of identified environmental offenses and the comprehensive restoration of violated legal rights is regrettably not ensured to the full extent mandated by the overarching principles of environmental jurisprudence.

Furthermore, an in-depth analysis of the current methodological paradigms governing the initiation and execution of these supervisory interventions reveals a systemic administrative deficiency wherein the strategic and operational planning phases undertaken by prosecutorial authorities are frequently formulated and subsequently operationalized in strict institutional isolation. This process conspicuously occurs without taking into the requisite account the parallel institutional agendas, schedules, and strategic inspection frameworks meticulously devised by specialized state regulatory and administrative bodies operating within the same

ecological domain. This pronounced lack of inter-agency harmonization and the consequential absence of a unified regulatory posture inevitably precipitates highly detrimental operational redundancies, thereby culminating in a bureaucratic environment characterized by the unwarranted substitution of mandated administrative functions and the highly inefficient, counterproductive duplication of oversight responsibilities across disparate governmental entities[1].

Consequently, within the broader context of the increasingly negative, deleterious trends currently manifesting within the specialized field of forest protection—trends that are themselves inextricably linked to the overarching, general environmental degradation observable throughout the entirety of our nation—the profound social, ecological, and juridical significance of stringent prosecutorial supervision over the execution of forest protection laws is constantly and exponentially increasing in its fundamental importance. Concurrently, in direct correlation with the overarching national imperative of solving these highly complex, multifaceted, and critically important nationwide ecological problems, the operational workload, administrative burden, and jurisdictional purview of prosecutorial bodies are undergoing a period of unprecedented expansion, while their corresponding level of institutional and public responsibility grows at a commensurate pace.

Under these highly demanding and legally intricate conditions, it has become an absolute operational necessity that prosecutors continuously conduct a profoundly deep, exhaustive, and meticulously comprehensive analytical review of all structural, legal, and environmental problems manifesting within this specific area of law. Moreover, they are legally and morally obligated to formulate and make highly timely, contextually appropriate, and jurisprudentially proportionate decisions strategically

[1] Аграр ва озиқ-овқат соҳаларини ривожлантиришга оид қонунчилик ижроси устидан прокурор назорати. Услубий қўлланма. // У.Х.Каримов ва бошқа муаллифлар жамоаси. – Т.: Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси, 2023. – Б.462-504.

aimed at maximizing both the qualitative outcomes and the overarching operational efficiency of their actions, strictly within the precise boundaries of the jurisdictional powers explicitly granted to them by prevailing legislation.

The foundational place and the indispensable institutional role of the prosecutor's office within the architecture of the modern state are ultimately and definitively determined by the tangible results of its multifaceted activities and the measurable degree of its systemic impact on the overall state of legality, constitutional order, and the rule of law within the country. In this specific context, active and continuous supervision over the strict execution of forestry legislation constitutes a highly dynamic and rapidly developing substantive area of modern prosecutorial supervision, requiring constant jurisprudential evolution. Consequently, the main evolutionary patterns of its ongoing development, alongside the theoretical and practical prospects for its systemic improvement, are currently subjects of great academic interest and profound practical significance for both legal scholars and practicing jurists alike. Therefore, in order to address these critical imperatives and elevate the efficacy of environmental law enforcement, it is logically necessary to propose a comprehensive series of main directions and strategic institutional pathways designed for the further, continuous, and systemic improvement of this vital area of state activity.

The foremost and most critical strategic direction involves radically and comprehensively improving the fundamental internal organization of the multifaceted activities of prosecutorial bodies engaged specifically in supervising the strict execution of forestry legislation, thereby consciously and deliberately strengthening their overarching environmental role and their institutional capacity to protect the natural ecosystem. The ultimate operational effectiveness and societal impact of prosecutorial supervision over the execution of forestry legislation are deeply and inextricably dependent upon precisely how the daily, strategic, and tactical activities of individual prosecutors and their respective departments are fundamentally

organized and structurally managed. Therefore, the complex concept of the organization of the activities of prosecutorial bodies operating specifically within the environmental field under consideration must be understood, in its broadest and most comprehensive jurisprudential sense, as implying a highly sophisticated set of interrelated, interdependent, and mutually complementary administrative and pedagogical measures strictly dedicated to the meticulous selection, strategic placement, and continuous, lifelong professional development of prosecutorial personnel.

To effectively operationalize these mandates, dedicated employees and sworn officials of prosecutorial bodies must be systematically and unfailingly provided with all the necessary analytical tools, logistical resources, and legal instruments required to successfully and efficiently carry out their highly complex supervisory activities. These indispensable structural prerequisites inherently include the establishment of robust systems for comprehensive data collection, the implementation of advanced methodologies for deep statistical analysis and legal evaluation, the rigorous formalization of short-term and long-term work planning, the continuous operational monitoring of the actual implementation of these meticulously crafted plans, and the strategic combining and harmonization of the operational efforts of prosecutorial staff with the corresponding efforts of other specialized law enforcement and regulatory bodies.

The fundamental process of organizing this highly specialized work inevitably and necessarily begins with the rigorous, merit-based selection and the highly strategic, competence-aligned placement of prosecutorial personnel. This critical staff placement process specifically includes the deliberate act of assigning highly qualified, individually selected employees the precise and focused task of overseeing the strict execution of complex forestry legislation as their primary functional responsibility. In order to successfully, competently, and effectively carry out complex legal supervision in this highly specialized and scientifically nuanced area, a profoundly good, encyclopedic knowledge of substantive environmental

legislation and the evolving realities of law enforcement practice, as well as the possession of exceptionally high professional, analytical, and tactical skills, are absolutely required of designated officials. This undeniable operational reality inherently necessitates the implementation of a comprehensive, institutionalized system for the continuous, uninterrupted improvement and modernization of prosecutors' legal qualifications and environmental expertise. Therefore, it is an administrative imperative that all relevant employees of specialized prosecutorial bodies should be thoroughly covered by diverse, highly specialized, and constantly updated forms of professional training, continuous legal education, and advanced pedagogical seminars.

In addition to the paramount importance of continuous human capital development, great institutional attention and substantial administrative resources should be relentlessly paid to the critical task of providing operating employees of prosecutorial bodies with all necessary, up-to-date legal documents, legislative acts, and interpretive regulatory guidelines. For this specific operational purpose to be fully realized, practicing prosecutors must have immediate and unhindered access to highly developed, scientifically grounded methodologies, which encompass comprehensive methodological manuals, detailed procedural instructions, and tactical guidelines specifically focusing on resolving highly complex, particularized issues within environmental and forestry law. In this critical regard, the systematic drafting, rigorous scientific development of such advanced methodologies, and their subsequent, timely provision to operating prosecutors on the ground undeniably constitute one of the most fundamentally important and indispensable aspects of effective, modern work organization within the law enforcement apparatus.

Furthermore, during the continuous process of organizing prosecutorial work, exceptionally great and unwavering administrative attention must be paid to the meticulous, accurate, and systemic accounting of all supervisory activities and their corresponding legal outcomes. A well-

organized, highly systematic, and transparent accounting framework immensely helps supervisory bodies to objectively study and evaluate the actual work that has been done, allowing administrators to clearly, quantitatively, and qualitatively see its true operational volume as well as its inherent systemic shortcomings and procedural deficiencies. Moreover, this rigorous accounting infrastructure greatly facilitates the smooth, uninterrupted maintenance of both rapid operational and comprehensive statistical reporting mechanisms, which in turn fundamentally helps leadership to accurately determine and continuously evaluate the true qualitative standard and overarching societal effectiveness of prosecutorial supervision being applied.

Beyond the realms of personnel and methodology, successfully implementing the complex, multidimensional tasks specifically set for the environmental prosecutor's office regarding stringent supervision of the execution of forestry legislation logically and inherently implies the absolute necessity for the continuous availability of complete, exhaustive, and meticulously objective data sets. It is precisely this high-fidelity data that subsequently allows for a deeply systematic, scientifically sound analysis of the current state, underlying morphological structure, and evolving chronological dynamics of various administrative and criminal offenses occurring within the highly sensitive field of forest relations, as well as an analysis of numerous, interrelated socioeconomic and institutional circumstances actively contributing to the proliferation of these offenses. Consequently, robust informational support for the effective execution of prosecutorial supervision over the implementation of forestry legislation must be jurisprudentially understood as the systematic, continuous, and technologically advanced collection, rigorous analytical processing, and highly secure archival storage of various forms of critical environmental information, especially prioritizing the rapid acquisition and verification of information specifically detailing active violations of ecological laws throughout the entirety of its operational implementation.

The vast, multifaceted streams of information continuously received by dedicated prosecutorial bodies regarding identified violations of forestry legislation are subsequently subjected to a thoroughly rigorous, multi-level analytical review. This indispensable analytical process makes it entirely possible for prosecutorial leadership to correctly, accurately, and strategically determine the most appropriate planned measures and proactive interventions, which, strictly through the application of a deep, exhaustive, and comprehensive analysis of all incoming information streams, fundamentally help to proactively prevent the actual occurrence of irreversible harmful ecological consequences before they can materialize. For an illustrative example of this dynamic, when routine, general supervisory inspections are independently carried out by various state forest control bodies at numerous commercial and state enterprises actively operating in the forestry sector, it is a documented reality that these state forest control bodies often fail to adequately, rigorously, and comprehensively perform their statutorily assigned regulatory powers during the actual inspection process, thereby leaving significant legal vulnerabilities unaddressed.

By continuously analyzing the influx of detailed information regarding specific violations of forestry legislation, the prosecutorial apparatus is greatly aided in its operational ability to accurately identify precisely which specialized inspections can and should be legally assigned directly to relevant state forest control bodies. This strategic analytical capability allows the prosecutor's office to efficiently avoid aforementioned bureaucratic duplication of work and to continuously carry out highly targeted, strategically focused, and immensely effective prosecutorial supervision specifically directed at the most critical and vulnerable nodes within forestry operations.

The highly complex prosecutorial activities currently under academic and practical consideration are invariably and strictly carried out based on the foundation of carefully, meticulously developed, and scientifically

validated operational plans. The foundational administrative concept of planning is strategically aimed at ensuring absolute operational expediency and necessary, holistic complexity of diverse activities undertaken by prosecutorial bodies, ultimately guaranteeing the carrying out of their vital law enforcement work on a strictly objective, deeply scientific, and rationally calculated basis. Through rigorous, systemic application of advanced planning methodologies, a multitude of critical institutional objectives can be successfully achieved. Primarily, it allows for clearly, unambiguously, and precisely defining specific legal and operational tasks of the overarching prosecutor's office and its various individual, specialized divisions for a designated, specific temporal period. Secondly, it facilitates developing and subsequently implementing a highly detailed, comprehensive program of legal and administrative measures specifically designed to solve these identified ecological problems, predicated entirely on the most rational, efficient, and strategically sound distribution of available human forces and material means, all aimed at strengthening absolute rule of law and fighting environmental crime significantly more effectively. Thirdly, rigorous planning is essential for definitively determining strict personal responsibility and individual accountability of designated officials for the successful, timely implementation of all planned supervisory measures, while simultaneously defining the exact logical and chronological sequence of their practical implementation over the dimension of time. Finally, strategic planning is indispensable for explicitly defining precise legal mechanisms and structured forms of inter-agency interaction between the prosecutor's office and a vast array of other relevant state and non-state bodies, as well as various engaged public organizations and civil society entities.

Given the profound, undeniable, and escalating societal relevance of stringent supervision over the continuous execution of environmental legislation, coupled with the glaring presence of numerous, highly complex, and deeply entrenched ecological problems actively persisting within the

forestry sector, the overarching institutional importance and jurisprudential necessity of a dedicated, specialized environmental prosecutor's office are rapidly and exponentially growing. Therefore, based upon a rigorous evaluation of the current law enforcement landscape, we firmly and unequivocally believe that it is an absolute administrative necessity to significantly expand their existing operational network across the nation and to substantially deepen the level of specialized legal and ecological expertise within their ranks. However, the main structural and administrative problem persistently associated with the ambitious goal of creating a truly unified, seamless, and comprehensive nationwide system of specialized environmental prosecutors remains the chronic, systemic lack of highly qualified, specialized personnel, as well as the concurrent, debilitating scarcity of necessary material, technological, and financial resources required to sustain such an expansive institutional architecture.

Therefore, acting only after a profoundly thorough, exhaustive, and meticulously detailed administrative and fiscal study of the overarching problem has been conducted, and strictly if appropriate, sustainable material, financial, and highly trained staff reserves are definitively proven to be available, it is highly advisable and strategically prudent to carefully establish a robust, nationwide system of specialized environmental protection prosecutor's offices in measured, carefully calibrated, and sequential stages. Furthermore, in conjunction with this structural expansion, we also firmly consider it an absolute legal necessity to substantially strengthen the core environmental function of the general prosecutor's office, to aggressively create highly stable, permanently codified, and unambiguous legal foundations specifically designed to support its unique environmental activities, and to permanently establish formal, highly structured, and mandatory protocols for interaction between specialized prosecutorial bodies operating in the field of ecology and all other relevant law enforcement and environmental protection administrative agencies.

Transitioning to the second fundamental pillar of systemic enhancement, it is imperative to focus deeply on significantly improving core methodological foundations that underpin and guide the application of prosecutorial supervision over the execution of forestry legislation. In order to tangibly, measurably, and sustainably improve the overall quality and forensic precision of prosecutorial supervision over the execution of complex forestry legislation, the central, guiding role of its comprehensive methodological support is currently increasing at an unprecedented rate. Concurrently, the operational need for the continuous research, drafting, and rapid development of highly specialized methodological literature is growing in direct proportion to the escalating complexity of modern environmental crimes. In this specific regard, compiled methodological information provided to prosecutors should absolutely and unconditionally include mandatory, exhaustive identification and meticulous categorization of all relevant legislative and other specialized regulatory acts strictly necessary for accurately and legally exercising comprehensive environmental supervision.

In addition to this fundamental statutory mapping, these advanced methodologies should also comprehensively contain highly detailed, exhaustive lists of main, most reliable sources of verifiable information regarding various environmental legal violations, including deeply technical instructions detailing key forensic and administrative methods required for legally recording and securely storing sensitive information about these legal violations, as well as highly practical, tactically sound recommendations focusing directly on the most effective techniques for collecting and preserving admissible information about said legal violations. The vital, ongoing process of improving overarching organization and systemic delivery of essential methodological support for prosecutorial supervision over the execution of forest legislation can be creatively and effectively carried out in various, highly adaptable institutional forms. To successfully achieve this specific, highly technical end, the complex, intellectually

demanding preparation of these advanced methodological manuals can be strategically carried out based upon deliberate, coordinated combining and harmonization of vast intellectual, practical, and academic efforts distributed across various, diverse prosecutorial bodies of the Republic of Uzbekistan.

The third critical vector for systemic reform necessitates actively and continuously improving substantive forestry legislation itself, viewing this legislative evolution as a primary, indispensable means of structurally ensuring legality. The continuous, dynamic process of improving foundational substantive legislation in this specific ecological area, acting directly as a fundamental, systemic means of ensuring strict legality, transparency, and accountability in all forest-related relations, absolutely must become one of the state's most pressing, highly prioritized, and fundamentally important overarching environmental tasks. At the same time, a critical retrospective analysis of recent legislative history reveals that the act of merely making numerous, frequent, and often piecemeal amendments to current bodies of forestry legislation, explicitly including the foundational Law "On the Forest," has regrettably not led to comprehensive, effective, and sustainable resolution of a multitude of deeply rooted, existing ecological and administrative problems by relevant law enforcement agencies.

This sobering legislative reality serves as a powerful empirical indicator, which strongly and undeniably indicates the urgent, continuing need for further, much more profound, and structurally holistic improvement of entire overarching frameworks governing forestry. Thus, in order to truly, effectively, and permanently ensure strict legality, ecological preservation, and sustainable management within the forestry sector, a complete, exhaustive, and meticulously detailed legislative inventory of all existing, historical, and overlapping legislative acts should be systematically conducted to identify contradictions, eliminate loopholes, and forge a truly unified, internally consistent environmental code.

Finally, the fourth essential dimension of reform requires significantly improving specific procedural and organic legislation that directly regulates internal organization and overarching external activities of prosecutorial bodies themselves. The highly complex, multifaceted issue of fundamentally improving the efficacy of supervisory activities should absolutely and unconditionally be considered simultaneously and strictly in tandem with concurrent, structural modernization of specific procedural legislation deeply regulating these exact same supervisory activities. At the same time, it is acknowledged that current, existing bodies of legislation primarily regulating structural organization and vast arrays of activities of the prosecutor's office of the Republic of Uzbekistan generally and broadly meet fundamental public needs, adequately serve basic state interests, and nominally allow operating prosecutors to properly, though perhaps not optimally, perform their statutorily assigned law enforcement and supervisory functions.

However, deliberate, strategic, and highly focused improvement and modernization of this specific legal framework would undoubtedly make it entirely possible to drastically and measurably increase the overarching operational effectiveness of the prosecutor's office's own internal and external activities, particularly and explicitly including specialized supervision of the execution of complex forestry legislation. Consequently, targeted, systemic improvement of foundational organic legislation regulating fundamental organization and operational activities of the prosecutor's office of the Republic of Uzbekistan should be directly, explicitly, and unambiguously aimed at significantly raising institutional and constitutional status of overarching prosecutor's office and sworn officials, while simultaneously granting dedicated prosecutors specific, highly targeted additional legal powers strictly and absolutely necessary for normal, unhindered, and highly effective daily operational work, and fundamentally clarifying precise legal definitions and procedural parameters of prosecutorial offenses. At the same time, the complex constitutional and

administrative task of organizing and legally regulating supreme activities of the prosecutor's office of Uzbekistan can be practically and legally implemented through rigorous drafting and adoption of a separate, highly specialized constitutional law, or alternatively, by structurally including a completely independent, comprehensive, and detailed chapter entirely dedicated to explicitly addressing these vital institutional issues directly within the supreme text of the Constitution of the Republic of Uzbekistan.

The multitude of specific, highly detailed legislative proposals and structural recommendations meticulously formulated and systematically presented in preceding paragraphs regarding absolute necessity for vital amendments and strategic additions to foundational Law "On the Prosecutor's Office" and a significant number of other highly relevant legislative acts will, in our thoroughly considered and scientifically grounded professional opinion, undeniably serve to dramatically increase ultimate operational effectiveness of critical supervisory activities undertaken by prosecutorial bodies, specifically and most notably including profound impacts anticipated within crucial ecological area comprehensively considered and meticulously analyzed in present academic research.

In final conclusion, continuous, rigorous, and highly specialized application of prosecutorial supervision over strict execution of legislation in the fragile and vitally important forestry sector remains unequivocally one of the most fundamental, centrally important main areas of multifaceted activity of all prosecutorial bodies, a profound institutional reality definitively dictating and absolutely underscoring urgent, inescapable nationwide need to further, significantly, and systematically strengthen this vital supervision in order to proactively and permanently prevent any and all violations of the law manifesting within complex operational activities of state administrative bodies operating within this indispensable ecological area.

REFERENCES

1. Аграр ва озиқ-овқат соҳаларини ривожлантиришга оид қонунчилик ижроси устидан прокурор назорати. Услубий қўлланма. // У.Х.Каримов ва бошқа муаллифлар жамоаси. – Т.: Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси, 2023. – Б.462-504

BABAMURATOV DILSHOD ABDURASHIDOVICH
Prosecutor of Boyovut District,
independent researcher

THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF CONCEALING CRIMES FROM OFFICIAL RECORDS

Abstract: *The article analyzes the theoretical and legal content of the concept of concealing crimes from official records, its principal characteristics, and methods of commission. It examines law-enforcement practice concerning the refusal to accept or register crime reports and statements, unjustified refusals to initiate criminal proceedings, falsification of pre-investigation inquiry materials, and failure to reflect information about crimes in official statistics. The article identifies the criteria for distinguishing concealment of a crime, concealment of a crime from official records, and concealment of crimes from official records by public officials. It also examines the effect of previously promised and non-promised concealment on the legal classification of complicity in a crime.*

Keywords: *concealment of a crime, concealment of a crime from official records, crime report and statement, official statistical records, refusal to initiate criminal proceedings, public official, prosecutorial supervision.*

Аннотация: *мақолада жиноятларни ҳисобдан яшириш тушунчасининг назарий-ҳуқуқий мазмуни, асосий белгилари ва содир этилиш усуллари таҳлил қилинган. Жиноят ҳақидаги ариза ва хабарларни қабул қилмаслик, рўйхатга олмаслик, жиноят ишини қўзғатишни асоссиз рад этиш, терговга қадар текширув материалларини сохталаштириш ҳамда жиноят ҳақидаги маълумотларни расмий статистикада акс эттирмаслик билан боғлиқ ҳуқуқни қўллаш амалиёти ўрганилган. Жиноятни яшириш, жиноятни ҳисобдан яшириш ва мансабдор шахслар томонидан жиноятларни ҳисобдан яшириш тушунчаларини фарқлаш мезонлари, шунингдек, олдиндан ваъда қилинган ва олдиндан ваъда қилинмаган яширишнинг жиноятда иштирокчиликка таъсири ёритилган.*

Калит сўзлар: *жиноятни яшириш, жиноятни ҳисобдан яшириш, жиноят ҳақидаги ариза ва хабар, расмий статистик ҳисоб, жиноят ишини қўзғатишни рад этиш, мансабдор шахс, прокурор назорати.*

Аннотация: *В статье проанализированы теоретико-правовое содержание понятия сокрытия преступлений от учёта, его основные признаки и способы совершения. Исследована правоприменительная практика, связанная с отказом в приёме и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях, необоснованным отказом в возбуждении уголовного дела, фальсификацией материалов доследственной проверки, а также неотражением сведений о преступлениях в официальной статистике. Освещены критерии разграничения понятий сокрытия преступления, сокрытия преступления от учёта и сокрытия преступлений от учёта должностными лицами, а также влияние заранее обещанного и заранее не обещанного укрывательства на квалификацию соучастия в преступлении.*

Ключевые слова: *сокрытие преступления, сокрытие преступления от учёта, заявление и сообщение о преступлении, официальный статистический учёт, отказ в возбуждении уголовного дела, должностное лицо, прокурорский надзор.*

The timely receipt, registration and impartial verification of crime reports, statements and other information, followed by a lawful procedural decision, is an essential condition for combating crime, ensuring justice, and protecting individual rights and legitimate interests. Concealing crimes from official records distorts information about the actual state of crime, prevents competent state bodies from properly assessing the criminogenic situation, enables offenders to evade responsibility, and undermines public confidence in law-enforcement authorities and justice. In particular, unjustified refusals to initiate criminal proceedings, falsification of pre-investigation inquiry materials, failure to give an appropriate legal assessment to detected offences, and omission of crimes from official statistics further increase the social danger of this problem.

In recent years, the digitalization of the receipt and registration of crime reports and statements through the E-Material information system has significantly limited the technical possibility of concealing them from official records. Nevertheless, even where information about a crime is registered in the system, crimes continue to be concealed from official

statistics through unlawful decisions, deliberately incorrect legal classification, unjustified refusals to initiate criminal proceedings, or artificial obstacles to investigation. Therefore, limiting the concept of "concealing a crime from official records" solely to refusal to accept or register reports and statements does not fully reflect its contemporary forms or legal nature.

Although Article 241[1] of the current Criminal Code establishes liability for the intentional concealment of a crime from official records, the provision does not fully cover relations associated with the digitized record-keeping system, new methods encountered in law-enforcement practice, the distinction between concealment and complicity, or the liability of spouses and close relatives.

Unfortunately, cases of concealing crimes from official records have recently become widespread within internal affairs bodies and have shown an upward trend over the past several years. The State is giving serious attention to the intentional concealment of crimes from official records, and the issue has risen to the level of public policy.

Presidential Resolution No. PQ-1 of 3 January 2025, "On Measures to Further Improve the Effectiveness of the System for Creating a Safe Environment and Early Prevention of Offences in the Mahallas of the Republic in 2025," provides for targeted field studies based on scientific and practical approaches in areas with a difficult criminogenic situation. It also requires organizational and legal measures to identify and eliminate the underlying causes of offences and stronger monitoring, through a unified electronic system, of work conducted by prosecution authorities in 108 high-crime areas, including 70 "red" and 38 "yellow" areas. Operational reviews resulted in the revocation of numerous unlawful decisions and the application of statutory measures against officials. Prosecutorial bodies are also strengthening supervision, through the E-Material system of internal

affairs bodies, over the registration and impartial examination of crime reports and the timely adoption of lawful decisions[1].

At a meeting held on 27 January 2026, the President of the Republic of Uzbekistan critically assessed the activities of state bodies in combating cybercrime, organized crime and fraud, emphasizing that insufficient attention was being paid to these threats. It was specifically noted that law-enforcement officers must master cybertechnology and artificial intelligence in order to detect and stop crimes promptly[2]. At the same time, Presidential Resolution No. PQ-3413 of 29 November 2017, "On Measures to Radically Improve Work with Personnel of Internal Affairs Bodies and the Organization of Their Service," established priority tasks to submit proposals for effectively preventing the intentional concealment of crimes from official records and strengthening criminal liability for such conduct. An effective system of joint cooperation among all state bodies must be introduced to combat these harmful practices[3].

Accordingly, combating violations in the registration, consideration and resolution of crime reports and statements, as well as unlawful decisions by preliminary investigation bodies, should be regarded as a priority area for all prosecution authorities.

The timely registration of crimes, adoption of lawful procedural decisions, and correct assessment of circumstances improve the State's ability to respond properly and promptly to emerging threats and thereby protect human rights and legitimate interests. Timely measures ensure legality through prosecutorial supervision, protect rights and legitimate interests, enable a prompt response to national threats, facilitate appropriate punishment of offenders, and serve the interests of justice. Concealment also allows offenders to evade criminal prosecution and punishment, creating a

[1] https://www.gazeta.uz/uz/2026/03/24/reduction-of-crime/
[2] https://president.uz/uz/lists/view/8882
[3] Resolution No. PQ-3413 of the President of the Republic of Uzbekistan dated 29 November 2017, "On Measures to Radically Improve Work with Personnel of Internal Affairs Bodies and the Organization of Their Service."

sense of impunity that may encourage further and often more serious crimes. As V.Karimov notes, lack of oversight disrupts the tasks and functions of operational and investigative bodies and may cause them to act contrary to citizens' legitimate interests, creating an environment of impunity and absence of control[1].

In short, concealing crimes from official records has a substantial adverse effect on the individual, society and the State, causing both moral and material harm. Especially when extensive work is under way to create a safe environment in the country, concealing crimes from records or by other means is wholly inconsistent with the stated objectives[2].

Before analyzing prosecutorial supervision over compliance with the law in investigations of official misconduct involving concealed crimes, it is necessary to clarify the concept of concealing crimes from official records. This concept determines the content and scope of the research object, makes it possible to define the subject matter of prosecutorial supervision, and removes divergent approaches found in law-enforcement practice. A correct understanding of the nature of concealment also enables prosecutors to form a clear view of the conduct of preliminary investigation bodies, supports the proper legal classification of official offences, and thereby strengthens legality.

Concealing crimes from official records should initially be understood as conduct by officials of internal affairs bodies aimed at preventing a committed or planned crime from appearing in official statistics by failing to register information in the prescribed manner, refusing to accept crime reports or statements, concealing them, falsifying pre-investigation inquiry or investigation materials, or using other unlawful methods.

National criminal legislation defines concealment of a crime from official records as the intentional concealment of a crime by an official

[1] Karimov V. Scientific and Practical Commentary on the Law of the Republic of Uzbekistan "On Operational-Search Activity," ed. E.T. Yuldashev and E.V. Kolenko. Tashkent, 2021, p. 58.
[2] This refers to newly discovered circumstances identified during consideration of a criminal case. Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. Tashkent: Uzbekistan, 2026.

whose duties include receiving, registering or considering crime reports, statements and other information (Article 241¹ of the Criminal Code)[1]. The provision establishing liability for intentional concealment of crimes from official records by officials was introduced by Law No. O‘RQ-458 of 20 July 2018[2].

A.S.Po‘latov notes that the Regulation “On the Procedure for Receiving, Registering and Considering Statements, Reports and Other Information concerning Crimes and Incidents” establishes the relevant procedure. Registration in the E-Material system and recording of the results of consideration are performed by an employee entrusted with receiving and registering correspondence and other information received by a structural unit conducting a pre-investigation inquiry, maintaining registration books, conducting office work, performing record-keeping duties, or serving as the duty officer. These duties must be reflected in job descriptions, allocations of duties, or other departmental instruments[3].

This rule indicates that, where grounds and reasons for initiating criminal proceedings exist, authorized officials must conduct an investigation or pre-investigation inquiry (Article 331 of the Criminal Procedure Code). The problem of concealed crimes is therefore directly connected with the legality of decisions adopted by inquiry officers, investigators, prosecutors and officials of pre-investigation bodies. Under Articles 329–331 of the Criminal Procedure Code, statements and reports concerning a committed, ongoing or planned crime must be registered immediately upon receipt by a law-enforcement body, verified, and resolved by one of the prescribed procedural decisions: initiation of criminal proceedings, refusal to initiate proceedings, or referral of the statement or

[1] Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. Tashkent: Uzbekistan, 2026.
[2] Law of the Republic of Uzbekistan No. O‘RQ-458 of 20 July 2018 “On Amendments and Additions to the Criminal Code, Criminal Procedure Code, and Code of Administrative Liability of the Republic of Uzbekistan.”
[3] Po‘latov A.S. Pre-Trial Proceedings. Textbook. Tashkent: University of Public Security of the Republic of Uzbekistan, 2026, pp. 47–48.

report according to jurisdiction. The Code also imposes mandatory duties on criminal prosecution authorities. Article 15 requires them, whenever indicia of a crime are found, to initiate criminal proceedings within their competence and take all statutory measures to establish the criminal event, identify the perpetrators and ensure their punishment. To secure proper implementation of these provisions, the prosecutor is entrusted with supervision over the procedural activity of inquiry and preliminary investigation bodies (Article 337)[1].

The foregoing demonstrates the need to develop scientifically grounded recommendations on concealing crimes from official records. To accomplish this task, the concept itself must be defined. A precise definition is important in both theory and practice, provides a starting point for further scholarship, and creates a sound basis for improving legislation. It is also essential for distinguishing concealment from complicity or, conversely, for treating a person as a direct accomplice where the statutory criteria are met[2]. Scholars also emphasize that proper legal classification depends on separating concealment committed after the crime from conduct causally and intentionally connected with its commission[3].

Many national and foreign criminal-law and procedure scholars have addressed this issue. According to M.Kh.Rustambayev, the examination by law-enforcement bodies of crime reports, statements and other information results in either the initiation of criminal proceedings or a refusal to initiate them. Concealing a crime from official records obstructs its detection, restricts the right of individuals to access justice, generates distrust in justice, and creates conditions for offenders to evade responsibility[4].

---

[1] Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. Tashkent: Uzbekistan, 2026.

[2] Khodjaev Sh.M. The Institution of Complicity in Crime in the Criminal Law of the Republic of Uzbekistan: Problems of Classifying Complex Forms and a Comparative Legal Analysis of Foreign Experience. Young Scholars Republican Scientific and Practical Conference, p. 4.

[3] Kabulov R., Otajonov A.A. et al. Classification of Crimes. Textbook. Tashkent, 2012, 270 p.
Rustambayev M.Kh. Commentary on the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. Special Part. Tashkent, 2025, p. 353.

[4] Rustambayev M.Kh. Commentary on the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. Special Part. Tashkent, 2025, p. 353.

If concealment was promised in advance, the relevant official may be prosecuted as an accomplice because participation in the offence precedes or accompanies its commission (Article 29 of the Criminal Code)[1]. V.G.Trifonov explains that non-promised concealment, by contrast, creates no conditions for committing the crime: it was not promised beforehand, the concealer learned of the offence only after its commission, and even if aware of it, had no prior connection with the principal offender[2]. Thus, whether concealment was promised in advance is the principal criterion distinguishing it from complicity. According to G.I. Baymurzin, the existence or absence of a causal and culpable connection between the relevant acts reveals the nature of complicity and concealment[3]. A prior promise entails criminal liability irrespective of whether the intended offence was completed or its consequences occurred, because the conduct forms part of joint activity with the principal offender. Complicity means the intentional joint participation of two or more persons in the commission of a crime[4].

In our view, considering the positions set out above and the circumstances covered by Article 241[1] of the Criminal Code, it is incorrect to link concealment from official records only to the receipt, registration or consideration of crime reports and statements. An unlawful refusal to initiate criminal proceedings, or concealment of newly detected crimes during proceedings by taking no appropriate measures, cannot be equated solely with an unlawful refusal to receive, register or resolve a report or with falsification of a particular document. Concealment may occur even when no formal crime report exists. The concept is therefore broader than the

[1] Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. Tashkent: Uzbekistan, 2026.
[2] Trifonov V.G. Non-Promised Concealment of Crimes and Failure to Report Them as Forms of Connection with a Crime. Candidate of Legal Sciences Dissertation. St Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2000, pp. 78–79.
[3] Baymurzin G.I. Liability for Connection with a Crime. Alma-Ata, 1968, p. 95.
[4] Criminal Law: General Part. Textbook, ed. X. Ochilov, PhD in Law. Tashkent: Adolat Publishing House, 2020, p. 114.

concept of a “crime report,” as it includes any manner in which an official of an internal affairs body becomes aware of a committed crime. Concealment, as an element of the subject matter of prosecution and a method of committing the offence, is manifested in an official’s failure to take the measures and adopt the decisions prescribed by criminal procedure law and in the failure to reflect information about the crime in official statistical reports.

In other words, existing technical arrangements for receiving and registering crime reports—such as registration through the “102” number—may be circumvented through an unlawful refusal to initiate criminal proceedings, which is more closely related to subjective factors. Crime reports are submitted both electronically and in writing and, in practice, are often delivered to prevention inspectors or officials conducting pre-investigation inquiries. To avoid an increase in territorial crime statistics, officials sometimes advise applicants, particularly in fraud cases, to apply to civil courts. This is one of the most common forms of concealment in practice. Such conduct violates individual rights and delays justice. Concealment may also require classification as abuse of official authority or acting beyond official powers, depending on the circumstances of the committed offence.

The detection by prosecution authorities of violations committed by internal affairs bodies demonstrates conscientious performance of supervisory duties. However, detecting a concealed offence only after time has elapsed does not always permit timely prevention, prompt identification of those involved, or collection of the necessary evidence. H.J.Olimjonov likewise notes that, when violations of the procedure for receiving, recording and resolving crime reports or conducting pre-investigation inquiries are identified, the prosecutor must require their elimination and the imposition of liability on those responsible[1]. Such violations raise serious concern

[1] Olimjonov H.J. The Object and Subject of Prosecutorial Supervision at the Stage of Initiating Criminal Proceedings. Journal of Sustainability, vol. 3, issue 9, 2025, p. 54.

because the growing number of unlawful refusals to initiate criminal proceedings substantially infringes victims' right of access to justice and requires a prompt prosecutorial response.

Another issue concerns the first part of Article 241[1] of the Criminal Code. Because some time has passed since its adoption, the provision should be stated in a new version. Today, crime reports and statements are received automatically, making concealment through non-receipt or non-registration practically impossible. This is explained, first, by the operation of an automated digital system and, second, by its integration with prosecution authorities. The current problem is not mechanical concealment of reports in the registration system, but deliberate failure to detect and properly resolve crimes. When Article 241[1] was adopted in 2018, reception of crime reports by duty units had not yet been digitized and reports were recorded in Form 1 and Form 2 books. After pilot testing in selected districts in 2023, digitized receipt through the E-Material system was introduced in all regions of Uzbekistan from the beginning of 2024.

The drafters evidently did not anticipate the current situation. A crime must also be regarded as concealed from official statistics where a report has been received but, for subjective reasons, has not been lawfully examined and resolved, no appropriate measures have been taken by competent authorities, or no correct and impartial legal assessment has been given. Failure to register and failure to detect are materially different concepts and are not synonyms. An official who intends to avoid prompt investigative measures has a specific external form of action or omission, most commonly an unfounded refusal to initiate criminal proceedings. In such a case, despite the presence of indicia of a crime or sufficient grounds to establish them, the official deliberately adopts a decision contrary to law or creates an artificial obstacle to investigation, including by preventing pre-investigation materials from reaching investigative bodies through the insertion of false information. Article 230[1] of the Criminal Code establishes liability for

falsification of evidence by persons conducting or participating in proof, including knowingly entering false information in documents or objects or otherwise distorting them for mercenary or other base motives[1]. Nevertheless, that provision covers a broad range of participants in proof, while the present study concerns crimes committed specifically by officials. These uncertainties demonstrate the need for corresponding amendments to Articles 241 and 241[1] of the Criminal Code and to the Criminal Procedure Code.

Concealment of a crime is a system of intentional actions or omissions, not promised in advance, aimed at withholding or distorting information about a crime from competent authorities, destroying traces and evidence of the crime, obstructing identification of the offender, and helping the offender evade criminal responsibility.

Concealment of a crime from official records is an intentional action or omission, not promised in advance, by an authorized official aimed at preventing information about a crime from appearing in official statistical records by refusing to receive or register, deleting from registration, falsifying, deliberately misclassifying, or otherwise manipulating a crime report, statement or other information.

Concealment of crimes from official records by public officials is activity carried out in breach of official duties and contrary to the interests of justice, aimed at intentionally excluding information about crimes from official statistical records or unlawfully refusing to initiate criminal proceedings for corrupt purposes.

In conclusion, concealing crimes from official records is a socially dangerous act that seriously harms the interests of the individual, society and the State, distorts the true scale of crime, and obstructs the administration of justice. It may allow offenders to evade responsibility, cause the loss of evidence, reduce the likelihood of detection, and undermine public confidence in law-enforcement bodies. The principal motives include

[1] Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. Tashkent: Uzbekistan, 2026.

personal interest, mercenary and corrupt purposes, insufficient professional experience, attempts to improve performance indicators artificially, and shortcomings in departmental oversight. Although the E-Material system has limited opportunities to refuse or omit registration, it has not eliminated concealment through unjustified refusals to initiate proceedings, deliberate misclassification, failure to act on newly detected crimes, false information, or artificial obstacles to investigation. The statutory concept should therefore cover all intentional acts and omissions by which an authorized official prevents crime information from appearing in official statistics.

When distinguishing concealment from complicity, the decisive criterion is whether concealment was promised in advance. A promise made before the offence should be treated as complicity, whereas non-promised concealment should be classified as an independent act. In view of the experience of CIS states, national law should also provide a special rule exempting a person from criminal liability for non-promised concealment of a crime committed by that person's spouse or close relative. Articles 241 and 241[1] of the Criminal Code should be restated to recognize unlawful decisions adopted despite indicia of a crime, and artificial obstacles to investigation, as forms of concealment. The Criminal Procedure Code should also be supplemented with a provision defining the registration of crime reports, statements and other information, its stages, and liability for violations. These amendments would ensure complete and reliable crime records, prevent artificial exclusion from official statistics, improve prosecutorial supervision, and strengthen public confidence in justice.

TOSHKUVATOV SINDOR YANGIBOY UGLI
Teacher of the Law Enforcement
Academy of the Republic of Uzbekistan

LEGAL NATURE OF EXTREMISM: CONCEPT, FEATURES, AND COMPARATIVE ANALYSIS OF MODERN APPROACHES

Abstract: *This article provides a systematic analysis of the concept of extremism, its core essence, scholarly definitions, and the differences among them. The author attributes the absence of a single universal definition of extremism at the international, regional, and national levels to variations in the history, political systems, cultural traditions, and law enforcement practices of different states. A comparative scientific analysis of definitions proposed by international organizations, foreign researchers, and Uzbek scholars is conducted, highlighting their respective merits and shortcomings. Furthermore, the article explores the distinguishing and contradictory aspects of various forms of extremism—such as religious, nationalist, political, environmental, and cyber-extremism—and proposes an original authorial definition based on existing approaches. Additionally, the paper examines how a proper understanding of the essence of extremism and a clear delineation of its legal boundaries are essential for developing effective counter-strategy frameworks.*

Keywords: *extremism, political extremism, religious extremism, cyber-extremism, extremist activity, separatism, terrorism, "three forces of evil", violence, radicalism, destructive ideology, ethnic extremism, cybersecurity, national legislation.*

Аннотация: *Мазкур мақолада экстремизм тушунчаси, унинг мазмун-моҳияти, экстремизмга олимлар томонидан берилган таърифлар ва уларнинг ўзаро фарқлари тизимли тарзда таҳлил этилган. Муаллиф халқаро, минтақавий ҳамда миллий миқёсда экстремизмга берилган ягона универсал таърифнинг мавжуд эмаслигини, бу эса давлатлар тарихи, сиёсий тузуми, маданий анъаналари ва қонунчилик амалиёти ҳар хил эканлиги билан асослайди. Халқаро ташкилотлар, хорижий давлатларнинг олимлари ва ўзбек олимлари томонидан берилган таърифлар илмий жиҳатдан қиёсий таҳлил қилиниб, уларнинг афзаллик ва камчиликлари кўрсатилган. Мақолада экстремизмнинг турли шакллари: диний, миллатчилик, сиёсий, экологик, киберэкстремизм ва шу каби бошқа кўринишлари ўртасидаги фарқли ва зиддиятли жиҳатларини очиб берилган ҳамда мавжуд таърифлар асосида муаллифлик таърифи таклиф этилган. Шунингдек, мақолада экстремизмнинг моҳиятини тўғри тушуниш ва унинг*

ҳуқуқий чегараларини аниқ белгилаш унга қарши курашишда самарали стратегиялар ишлаб чиқиш учун муҳим аҳамият касб этиши таҳлил қилинган.

Калит сўзлар: *экстремизм, сиёсий экстремизм, диний экстремизм, киберэкстремизм, экстремистик фаолият, сепаратизм, терроризм, «уч ёвуз куч», зўравонлик, радикализм, деструктив идеология, этник экстремизм, киберхавфсизлик, миллий қонунчилик.*

Аннотация: *В данной статье системно проанализированы понятие экстремизма, его сущность, определения, данные экстремизму учеными, а также различия между ними. Автор обосновывает отсутствие единого универсального определения экстремизма на международном, региональном и национальном уровнях различиями в истории, политических системах, культурных традициях и правоприменительной практике государств. Проведен научный сравнительный анализ определений, предложенных международными организациями, зарубежными и узбекскими исследователями, а также указаны их достоинства и недостатки. В статье раскрыты отличительные и противоречивые аспекты различных форм экстремизма: религиозного, националистического, политического, экологического, киберэкстремизма и других проявлений, а также предложена авторская дефиниция на основе существующих подходов. Кроме того, анализируется то, что правильное понимание сущности экстремизма и четкое определение его правовых границ имеют важное значение для разработки эффективных стратегий борьбы с ним.*

Although extremism in modern society is considered one of the complex socio-political phenomena posing a serious threat to social stability, state security, and international relations, to date, there is no universally accepted view regarding the clear definition of its substance and legal boundaries, nor on forming a unified scientific approach toward it.

Therefore, studying the historical formation and development of the concept of extremism, comparing the definitions given to it at national, regional, and international levels, and analyzing scholars' scientific perspectives on this concept are of paramount importance.

Such an analysis makes it possible to identify the specific characteristics of extremism and correctly interpret it based on legal and scientific criteria. This, in turn, serves as a necessary methodological foundation for further improving the legal definition of extremism and

developing effective counter-measures along with scientifically grounded approaches to combat it.

Studying social phenomena is sometimes compared to the process of medical diagnosis. If a doctor makes an incorrect diagnosis, treatment can be useless or even lead to severe consequences. Similarly, if we imagine society as a "patient," an incorrect assessment of extremism can also be dangerous for society.

Furthermore, the use of vague and abstract concepts forms various misconceptions, which can cause new conflicts. Hence, a correct understanding and identification of extremism manifest as a scientific necessity.

Today, extremism remains one of the primary problems and threats not only for the Republic of Uzbekistan but for the entire world. This term frequently appears in scientific literature and legislation and is widely used even in international law. However, despite this, the term "extremism" currently lacks a universally recognized single interpretation at either the doctrinal or statutory level.

Today, extremism manifests for individuals and society as a dangerous and destructive phenomenon of modern social reality. However, a single, generally accepted concept of extremism is lacking not only in the public consciousness but also in academic circles. According to researchers, the methodological framework and scientific approaches to studying extremism have not yet been sufficiently formed[1].

The lack of consensus in defining extremism complicates efforts to identify and combat it, particularly within the framework of legislative acts and in society[2].

In particular, the Russian scholar N.A.Levin explains the absence of a unified approach to the concept of "extremism" in international law by pointing out that states interpret it differently based on their historical,

[1] Neumann, P. (2017). *Radicalized: New Jihadists and the Threat to the West*. London: I.B. Tauris. / Preview link

[2] Ismail, A. M., Jamir Singh, P. S., & Mujani, W. K. (2025). A systematic review: unveiling the complexity of definitions in extremism and religious extremism. / Nature Humanities and Social Sciences Communications

cultural, religious, and political characteristics[1]. We agree with this researcher's view, as European and other Western states predominantly view "violent extremism" as a threat.

K.O.Nikonov also emphasizes that there is no precise definition of "extremism" and that conflicting opinions exist among scholars on this matter[2].

While partially agreeing with this researcher's view, we acknowledge that there is no single definition of extremism unanimously accepted by the international community. However, assessing all existing definitions as contradictory in content is debatable.

N.V.Golubykh and M.P.Legotin also noted that jurisprudence lacks a single conceptual approach aimed at defining extremism[3]. We fully agree with this opinion, as to date, no unified conceptual approach has been formed in the legal sphere regarding the definition of the concept of extremism.

In our view, it is advisable to begin analyzing the definitions given to the concept of extremism primarily with the documents of international organizations, the legislation of Western states, dictionaries, and encyclopedias, as well as the scientific-theoretical views of foreign scholars.

In particular, although the term "extremism" is used in universal international legal instruments of the United Nations[4], its content is not fully elaborated. However, to fill this gap, the UN adopted the Plan of Action to Prevent Violent Extremism in 2016[5]. The Plan outlines certain approaches to the concept of "violent extremism," which we can conditionally divide into narrow and broad approaches. The narrow approach links extremism directly to violence and its preparation, whereas the broad approach

---

[1] *Bulletin of the Student Scientific Society of SEI HPE "DONNU"*. – Donetsk: DONNU, 2022. – Issue 14, Vol. 4: Jurisprudence, Part 1. – pp. 231–235 // PDF Link

[2] Nikonov, K. O. (2011). *Problems of Defining Extremism*. Yuridichesky Mir [Legal World], (7), pp. 41–43.

[3] Golubykh, N. V., & Legotin, M. P. (2013). On the essence of the concept of "extremism". *Advokat*, (6), pp. 60–63.

[4] Declaration on Measures to Eliminate International Terrorism. Adopted by General Assembly Resolution 49/60 of December 9, 1994. // UN Document Link

[5] Plan of Action to Prevent Violent Extremism: Report of the Secretary-General (A/70/674). // UN Document Link

encompasses facilitating, promoting, and encouraging ideological views that foster violence.

At the 2003 session of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe (Resolution 1344), extremism was defined in its most general form as "a form of political action that overtly or covertly rejects the principles of parliamentary democracy and is based on the ideology and practice of intolerance, exclusion, xenophobia, anti-Semitism, and ultra-nationalism"[1]. This definition focuses primarily on the political nature of the concept.

This concept is also interpreted differently in dictionaries. In particular, while the *Oxford English Dictionary* (2005) defines an "extremist" as a person holding radical political or religious views[2], the *Cambridge Dictionary* explains "extremism" as holding beliefs that are considered unreasonable and unacceptable by most people[3][2].

German scholars A.Pfahl-Traughber and E. Jesse defined extremism as a phenomenon aimed at destroying the fundamental principles of democracy in a constitutional state[4]. However, since the concept of "extremism" may not pertain solely to the realm of politics, this definition only partially reflects the general essence of the phenomenon.

Meanwhile, Dr. P.Coleman of Columbia University and Dr. A.Bartoli of George Mason University define it as follows: "Extremism is a complex social phenomenon. This phenomenon is often a combination of several types of activities (beliefs, emotions, actions, strategies, and behavior) that differ from ordinary (in other words, generally accepted) views[5]." The primary difference between this definition and the ones above is that extremism is defined not merely as a strategy or ideology, but as a combination of actions, beliefs, or behavior. Furthermore, the use of the

---

[1] Threat to democracy from extremist parties and movements in Europe (Resolution 1344). // PACE Document Link

[2] *Oxford English Dictionary* (2005). // Oxford Reference Link

[3] Zinurova, R. I., & Tuzikov, A. R. (2011). Extremism in the global space: theoretical and methodological aspects. *Bulletin of Kazan Technological University*, (17), p. 216. // CyberLeninka Link (accessed: 18.06.2023).

[4] https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/extremism?utm_source=gemini

[5] Coleman, P. T., & Bartoli, A. *Addressing Extremism*. // Document Link (accessed: 28.06.2024).

phrase "views that differ from generally accepted ones" allows us to consider a particular action from another perspective. This constitutes a distinctive aspect of the definition, as the exact same action can simultaneously be evaluated as both just (for example, a national minority's struggle for liberation) and unjust (for example, terrorism against an existing lawful government).

A vivid example of this can be seen in the events that took place in Ukraine several years ago. In particular, from the perspective of the incumbent government in Kyiv, the population that supported the separation of the Donetsk and Luhansk regions from Ukraine was labeled as extremists and terrorists, whereas the majority of the population in these regions considered themselves fighters for liberation.

Researchers from the University of Oradea in Romania—S. Trip, C.Bora, M.Marian, A.Halmajan, and M.Drugas—define extremism as "political ideologies and methods used by political actors to achieve their goals"[1]. At the same time, they interpret extremism as a complex phenomenon related to beliefs, emotions, and behavior. In our opinion, it is noteworthy that the researchers did not limit extremism solely to violence, but rather interpreted its ideological and behavioral aspects in an interconnected manner. In particular, indicators such as promoting the supremacy of a specific group and disregarding human rights and freedoms play an important role in revealing the essence of extremism.

Slovenian researcher A.Sotlar from the University of Maribor defines the concept in his research work as follows: "Extremism is a political term designating types of activities within the framework of terrorism, xenophobia, inter-religious and inter-ethnic hatred, racism, and political radicalism. Such activities morally, ideologically, or politically do not correspond to the established and unwritten legal norms of the state, and reject democracy as a method of state governance and the existing social

[1] Trip, S., Bora, C. H., Marian, M., Halmajan, A., & Drugas, M. (2019). Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization. *Frontiers in Psychology*. // Frontiers Article Link (accessed: 15.11.2025).

order."[1] From our point of view, this approach encompasses most manifestations of extremism. However, interpreting extremism merely as a political term narrows its scope.

At this point, we turn our attention to the consolidation of the concept of extremism in the legislation of foreign states.

In particular, in 2015, the Government of the United Kingdom published a draft counter-extremism strategy, defining extremism as "vocal or active opposition to fundamental values[2]."

In this document, the concepts of extremism and terrorism are conflated. This represents a significant shortcoming, as there exists a list of acts that are recognized as extremist but do not possess a terrorist nature.

In Germany, by contrast, the statutory definition of extremism and extremist activity is not codified in a standalone regulatory legal act. At the same time, the Criminal Code of the Federal Republic of Germany contains a number of provisions providing for criminal liability for extremist offenses[3].

In France as well, a statutory definition of the concept of "extremism" does not exist at the legislative level, though numerous laws addressing its various manifestations are in force[4]. On the one hand, this allows for a broader range of acts to be classified as extremist and for appropriate penalties to be prescribed. On the other hand, the absence of a unified legislative instrument can be considered a drawback due to the unsystematized nature of related offenses.

A comparative analysis of the legislation of the United Kingdom, Germany, and France shows that the concepts of "extremism" and "political

---

[1] Sotlar, A. (2004). *Some Problems with a Definition and Perception of Extremism within a Society*. Policing in Central and Eastern Europe: Dilemmas of Contemporary Criminal Justice. // OJP Document Link (accessed: 28.06.2024).

[2] *Counter-Extremism Strategy* (Policy Paper). UK Government Official Website. // GOV.UK Link (accessed: 20.06.2024).

[3] Liger, Q., & Gutheil, M. (2021). *Right-wing extremism in the EU*. European Parliament, Policy Department for Citizens' Rights and Constitutional Affairs. – § 4.3.1. Germany: Legal framework. // European Parliament Document Link (accessed: 21.07.2024).

[4] Liger, Q., & Gutheil, M. (2021). *Right-wing extremism in the EU*. European Parliament, Policy Department for Citizens' Rights and Constitutional Affairs. – § 4.2.1. France: Legal framework. // European Parliament Document Link (accessed: 21.07.2024).

extremism" are not identical: in all three states, political extremism is viewed as a specific, narrower instance of ideologically motivated activity, whereas extremism in a broader sense encompasses various forms of radicalization and unlawful or potentially dangerous conduct that are not confined solely to the political sphere.

Here is the English translation of the provided text:

In particular, the SCO Convention on Combating Terrorism, Separatism, and Extremism, adopted in 2001, provided the first international legal definition of extremism, defining it as criminal acts aimed at seizing or retaining power by force, forcibly changing the constitutional order, infringing upon public safety, as well as creating or participating in illegal armed formations for these purposes[1].

In the SCO Convention on Countering Extremism, adopted in Astana in 2017, the concept of extremism was expanded and defined as an ideology and practice aimed at achieving political, social, racial, national, and other goals, manifested in violence and other unconstitutional actions[2].

At this point, we consider it necessary to emphasize that in the legislation of the People's Republic of China (PRC), an SCO member state, there is no clear, official, strict legal definition of the concept of "extremism." In this state, extremism is often used as a political concept within the context of the "three evil forces"—separatism, terrorism, and religious extremism[3].

However, in the Regulation on De-extremification of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the PRC, adopted on March 29, 2017, extremism was defined as ideas and behavior that incite hatred and

[1] *Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism* (2001). // Lex.uz National Database Link

[2] *SCO Convention on Countering Extremism* (Astana, June 9, 2017). Ratified by Law of the Republic of Uzbekistan No. ZRU-469 on April 3, 2018. // NRM.uz Database Link

[3] Famularo, J. (2018). 'Fighting the Enemy with Fists and Daggers': The Chinese Communist Party's Counter-Terrorism Policy in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region. In M. Clarke (Ed.), *Terrorism and Counter-Terrorism in China: Domestic and Foreign Policy Dimensions*. Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780190922610.003.0003

discrimination or promote violence through misinterpretations of religious teachings or other means[1].

Professor Liu Zhongmin of the Middle East Studies Institute at Shanghai International Studies University defined extremism in connection with Islam in his research work, stating: "Islamic extremism is an extreme current within Islam. Islamic extremism is a general term for radical or extremist ideas, political, and social views in modern Islam"[2]. We partially agree with the views of this scholar. This is because attributing the emergence of extremism solely to Islam is incorrect; extremist views and ideas existed long before the advent of Islam. Indeed, pure Islam does not promote extremism, but rather advocates religious tolerance.

Professor Pan Zhiping of the Institute of Central Asian Studies at Xinjiang University notes in his research work that many Chinese scholars pay special attention to "Islamic extremism," "jihadist" networks, the ideology of Al-Qaeda and ISIS, and radicalization mechanisms[3].

At the same time, he emphasizes that "Chinese researchers share a consensus that religion is not the source of terrorism, that extremists utilize religious symbols, but their activities are political in nature, and that there is a distinction between religious extremism, fundamentalism, and terrorism"[4].

In general, PRC legislation and researchers employ the concepts of "Islamic extremism" or "religious extremism" regarding extremism, while simultaneously stressing that extremism possesses a political rather than a religious nature.

It should also be noted that although a general definition of the concept of extremism is provided within the framework of the CIS, it cannot be deemed a single "unified definition" binding upon all CIS member states.

Here is the English translation of the passage:

---

[1] *Xinjiang Uyghur Autonomous Region Regulation on De-extremification* (2017). // China Law Translate Link

[2] Liu, Z. (刘中民). *How to Understand the Concept of Islamic Extremism—From the Perspective of Islamic Political Thought*. Middle East Studies Institute, Shanghai International Studies University. // SISU Document Link

[3] Pan, Z. (潘志平). (2011). *A Review of Chinese Research on Terrorism*. Journal of International Politics, (3). // Peking University Link

[4] Ibid.

Specifically, Article 1 of the Model Law "On Countering Extremism," adopted by the Interparliamentary Assembly of the CIS in 2009, defines extremism as follows: "Extremism is an encroachment on the foundations of the constitutional order and state security, as well as a violation of the rights, freedoms, and legitimate interests of human beings and citizens, committed as a result of rejecting legal and (or) other generally accepted social norms and rules of conduct"[1].

In turn, the definitions given to the concept of extremism in the CIS Model Law and the SCO Convention differ from one another. In the CIS definition, the concept of extremism is primarily expressed through "encroachment and violation of rights," whereas in the SCO definition, it is expressed through the concepts of "ideology and practice."

At this point, it is advisable to focus separately on the scientific perspectives of scholars from CIS member states regarding the substance of the concept of extremism and the definitions proposed by them.

Scholars across the CIS also advance various approaches toward the concept of "extremism." This circumstance can be explained by the fact that legal and scientific definitions of the concept of "extremism" emerged in the member states of the organization across different periods and under varying conditions.

Specifically, S.I.Ozhegov and N.Y.Shvedova defined the concept of extremism as follows: "Extremism is adherence to extreme views and measures (usually in politics)"[2].

L.P.Krysin, in his dictionary *Explanatory Dictionary of Foreign Words*, defined the phenomenon under our research topic as follows: "Extremism, French *extrémisme*, Latin *extrēmus* — 'extreme'. In politics, usually a commitment to radical views and measures"[3].

According to P.A.Danilov, the ideology of extremism is primarily characterized by a set of radical ideological orientations and theoretical

---

[1] CIS Model Law "On Countering Extremism" (2009). // CIS Executive Committee Link

[2] Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Y. (1993). *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow.

[3] Krysin, L. P. (2006). *Explanatory Dictionary of Foreign Words*. Moscow: Eksmo Publishing House, p. 912.

views that serve as the theoretical basis for using various forms of violence on an illegitimate basis to achieve political goals[1].

In our opinion, while each of the definitions given to the concept of extremism by S.I.Ozhegov, N.Y.Shvedova, and L.P.Krysin reveals a specific aspect of extremism, they do not fully encompass its entire substance and essence. In these definitions, a commitment to extreme views and measures is presented as the primary defining feature of extremism, and such an approach narrows the scope of this concept.

Scholars such as N.N.Artemenko and B.N.Kicheev state: "In political science, extremism refers to a destabilizing factor accompanied by hatred, enmity, and aggression, aimed at fragmenting the existing political system. From a legal standpoint, extremism is characterized by the following features: an anti-social nature; an intent to raise doubt regarding the necessity or authenticity of maintaining law and order, legality, and peace in society based on democratic principles; the occurrence of socially dangerous consequences; and the unlawful nature of actions, as extremist activity is prohibited under criminal law"[2].

According to the definition provided by A.G.Khlebushkin, extremism should be understood as "unlawful activity whose implementation causes or may cause significant damage to the foundations of the constitutional order or the constitutional bases of interpersonal relations"[3].

In the view of A.V.Yurchak, "extremism is an ideology consisting of the mandatory imposition of one's principles, manifested as intolerance toward specific groups through the use of violence, representing a particular form of attitude expressed by certain segments of the population toward the deterioration of their material or social condition"[4].

---

[1] Danilov, P. A. (2011). *Protection of the rights, freedoms and legitimate interests of the individual in countering extremism* (Doctoral dissertation abstract, Candidate of Legal Sciences). Saint Petersburg, p. 14.

[2] Artemenko, N. N., & Kicheev, B. N. (2019). The Concept of Extremism. *Khakass State University named after N. F. Katanov, Institute of History and Law*, Abakan, p. 18.

[3] Khlebushkin, A. G. (2007). *Criminal extremism: concept, types, problems of criminalization and penalization* (Doctoral dissertation abstract, Candidate of Legal Sciences). Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Saratov, pp. 6–7.

[4] Yurchak, A. V. (2018). The concept and essence of extremism. *Voprosy Nauki i Obrazovaniya*, 17(29). // CyberLeninka Link (accessed: 10.01.2022).

We partially agree with the views of N.N.Artemenko, B.N.Kicheev, A.G.Khlebushkin, and A.V.Yurchak. Indeed, these definitions reasonably highlight the characteristics of extremism related to its unlawfulness, social danger, threat to the constitutional order, and connection to intolerance and violence. However, the concept of extremism is not limited merely to violence or causing damage to the constitutional order. On the contrary, when defining extremism, its ideological foundations, objectives, and forms of manifestation must also be taken into account.

Russian scholar A.T.Kornilov emphasizes that "extremism is the product of the fragmentation of a society that lacks a common ideology, unified values, and a shared goal. This social phenomenon arises where inequality and conflict exist between the interests of social groups in economic, social, spiritual, inter-ethnic, inter-religious, and other relations. The earliest manifestations of extremism are associated with the division of society into specific social groups, the emergence of conflicts among them, and the resolution of these conflicts through violence"[1].

According to the theoretical views of E.P.Bykov, extremism consists of unlawful acts committed by public and religious associations, other organizations, and individuals out of national, racial, religious, social, class, gender, or political enmity and hatred, which violate human and civil rights and fundamental freedoms, and threaten the constitutional order, state, and public security[2].

In our opinion, the approaches of A.T.Kornilov and E.P.Bykov correctly point out that extremism arises under the influence of social conflicts and possesses features that threaten the interests of society and the state. However, they do not pay sufficient attention to the ideological aspects of extremism.

---

[1] Kornilov, T. A. (2011). *International aspects of countering extremism* (Doctoral dissertation abstract, Candidate of Legal Sciences). All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, p. 8.

[2] Bykov, E. P. (2025). *Administrative and legal mechanism for countering extremist activity in the information sphere in the Russian Federation* (Candidate of Legal Sciences dissertation). Moscow, p. 31.

Among Tajik researchers, N.A.Kudratov and K.A.Kudratov define extremism as a complex of actions encompassing the planning, organization, preparation, financing, facilitating, or publicly calling for activities aimed at establishing a single ideology as the state ideology, inciting social, property, racial, national, or religious enmity, denying human rights, forcibly altering the constitutional order, or infringing upon the territorial integrity and security of the state[1].

Another Tajik scholar, N.D.Makhmadizoda, asserts that "extremism is an ideology that considers acceptable the use of any means to achieve a targeted interest in society"[2].

In our view, the Tajik scholars have provided correct definitions regarding the ideological nature of extremism and its manifestation in various forms. However, evaluating extremism as an ideology that justifies the use of any means to achieve a specific goal leads to a broader interpretation of the concept.

Here is the English translation of the passage:

The definition of extremism provided by E.V.Demidova in her research work is also noteworthy: she defines extremism as a destabilizing factor that disrupts the stable political system of the state and as an anti-social act aimed at disrupting society through any means[3]. This interpretation deserves special attention because it allows extremism to be viewed not merely as holding extremist views, but as a factor that breaks the political system of the state and as anti-social behavior.

L.V.Savinov defined extremism as follows: it is the expression of radical views using unlawful measures with the goal of introducing changes to social relations in any sphere of societal life (political, economic, spiritual,

---

[1] Kudratov, N. A., & Kudratov, K. A. (2013). Some approaches to defining the concept and essence of extremism. *Legislation Journal*, National Center of Legislation under the President of the Republic of Tajikistan, (2), p. 77.

[2] Davlatzoda, A. Sh. (2025). *The danger of religious extremism to national culture* (Doctoral dissertation abstract, Candidate of Philosophical Sciences). Tajik National University. Dushanbe, p. 13.

[3] Demidova, E. V. (2010). Extremism: concept and essence. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (2), pp. 66–69.

or social)[1]. In this approach, the concept of extremism is considered in relation to multiple spheres of societal life, which broadens its essence.

According to N.N.Afanasyev's view, "extremism is a system of radical views based on the use of violent measures to achieve various (mostly political) goals"[2]. In this definition, extremism is recognized not only as a belief or idea, but as a set of relations encompassing both activity and views.

V.V.Biryukov, on the other hand, proposes defining "extremism as an ideology based on the forced spread of one's principles and the violent suppression of opponents"[3]. In the author's opinion, this definition is incomplete because it includes only the ideology and the measures aimed at its dissemination and indoctrination.

In our view, although the aforementioned researchers attempted to reveal various aspects of extremism in their respective approaches, each definition places greater emphasis on a specific feature of extremism, and they complement one another in understanding the true nature of extremism.

Significant differences are also noticeable in the definitions given to the concept of extremism in the legislation of CIS states. For example, the legislation of the Republic of Tajikistan defines extremism as follows: "extremism is the manifestation of an ideology and extremist activity aimed at resolving political, social, national, racial, regional, and religious problems through violence and other unlawful actions"[4]. Here, the concept of extremism is treated as an extremist activity aimed at resolving several problems, including regional ones, through violence and other illegal acts.

Furthermore, the definition of extremism as a doctrine or ideology is included; however, from the perspective of law enforcement agencies, proving the existence of an ideology or a predisposition toward it is a rather complex task.

---

[1] Savinov, L. V. et al. (2011). *Research and examination of extremist materials*. Novosibirsk: Siberian Academy of Public Administration Publishing, 176 p.
[2] Afanasyev, N. N. (2001). Ideology of terrorism. *Social Sciences and Humanities*, (1), pp. 234–235.
[3] Biryukov, V. V. (2006). Once again on extremism. *Advokat*, (12), pp. 8–19.
[4] *Law of the Republic of Tajikistan on Countering Extremism* dated January 2, 2020. // Tajikistan Legal Portal Link (accessed: 15.11.2024).

In paragraph 1 of Article 1 of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Countering Extremism," the concepts of "extremism" and "extremist actions" are explicitly distinguished, defining extremism as the organization or commission of actions aimed at specific extremist goals. Moreover, the law categorizes extremism strictly into three types: political, national, and religious[1]. Restricting extremism solely to three types is somewhat flawed, as many researchers consistently point out that several other types of extremism exist.

In general, CIS member states-namely the Russian Federation[2], the Republic of Moldova[3], the Republic of Kazakhstan[4], the Kyrgyz Republic[5], the Republic of Tajikistan[6], and the Republic of Belarus[7]—have enacted Laws "On Countering Extremism." The common aspect among these laws is that they establish the legal and organizational foundations for countering extremism (extremist activity) in order to protect human and civil rights and freedoms.

It is also worth noting that while the laws of the Russian Federation, Belarus, and Kyrgyzstan use the concepts of "extremism" and "extremist activity" as synonyms, the laws of the Republics of Uzbekistan, Tajikistan, and Moldova distinguish "extremism" and "extremist activity" as separate concepts. In addition, certain CIS member states have unique characteristics in their Laws "On Countering Extremism" pertaining specifically to the definition of "extremism." However, there are also similarities among the definitions of extremism provided in the legislation of CIS countries, a

---

[1] *Law of the Republic of Kazakhstan "On Countering Extremism"* dated February 18, 2005. // Paragraf Law Database Link (accessed: 15.11.2024).

[2] *Federal Law of the Russian Federation No. 114-FZ dated July 25, 2002, "On Countering Extremist Activity"*. // Kremlin Legal Database Link

[3] *Law of the Republic of Moldova No. 54 dated February 21, 2003, "On Countering Extremist Activity"*. // Moldova State Register Link

[4] *Law of the Republic of Kazakhstan "On Countering Extremism"*. // Zakon.kz Database Link

[5] *Law of the Kyrgyz Republic No. 40 dated February 24, 2023, "On Countering Extremist Activity"*. // Ministry of Justice of Kyrgyz Republic Link

[6] *Law of the Kyrgyz Republic No. 40 dated February 24, 2023, "On Countering Extremist Activity"*. // Ministry of Justice of Kyrgyz Republic Link

[7] *Law of the Republic of Tajikistan on Countering Extremism dated January 2, 2020*. // Tajikistan Legal Portal Link (accessed: 15.11.2024).

circumstance that can be explained by the fact that the foundations of these states' legal systems date back to the Soviet era.

Now, let us turn to the national legal definitions, encyclopedic and dictionary entries, and the theoretical perspectives of Uzbek scholars.

Specifically, the *National Encyclopedia of Uzbekistan* interprets this concept as follows: "Extremism (Latin: extreme, radical)—activity in politics and ideology based on radical, extraordinary actions and views"[1].

In the *Explanatory Dictionary of the Uzbek Language*, extremism (Latin: *extremus*—utmost, extreme, radical) is defined as advocating the adoption of radical methods and extreme measures in politics and ideology through radical, extraordinary means[2].

The definitions in the *National Encyclopedia of Uzbekistan* and the *Explanatory Dictionary of the Uzbek Language* are similar in their emphasis on politics, ideology, radicalism, and extraordinary measures. However, while the encyclopedia associates extremism with activity, the explanatory dictionary interprets it as adherence to radical methods and measures.

In turn, Article 3 of Law No. ZRU-486 of the Republic of Uzbekistan dated July 30, 2018, "On Countering Extremism," defines extremism as the manifestation of radical forms of actions aimed at destabilizing the socio-political situation, forcibly changing the constitutional order of the Republic of Uzbekistan, forcibly seizing power and usurping its authority, or inciting national, racial, ethnic, or religious hatred[3]. In our opinion, the legal definition in the law is somewhat broader than those in the *National Encyclopedia of Uzbekistan* and the *Explanatory Dictionary of the Uzbek Language*. However, this definition does not fully reveal the complete essence of extremism, nor does it fully encompass all aspects of activities associated with extremism. Indeed, today extremism manifests in various forms, such as political, religious, national, economic, ecological, and cyber-extremism.

---

[1] *National Encyclopedia of Uzbekistan*. P. 55. // Ziyouz Online Library Link

[2] *Explanatory Dictionary of the Uzbek Language*. P. 28. // Ziyouz Online Library Link

[3] *Law of the Republic of Uzbekistan "On Countering Extremism"*. // Lex.uz National Database of Legislation Link

Among our national researchers, I.I.Karimov analyzed the legal definition and emphasized that while the concept of extremism is linked to the socio-political situation, the constitutional order, and state authority, the definition does not clearly specify what "radical forms of actions" entail or how they manifest[1].

Partially agreeing with I.I.Karimov, we can state that the definition provided in the Law does not fully encompass all actions related to extremist activity, placing primary emphasis on forcible changes to the constitutional order, seizing power, or usurping authority. At the same time, it is not clearly defined what is meant by "radical forms of actions" or how they manifest.

Specifically, Z. Khusniddinov[2], A. Ochildiev[3], Z. Islomov[4], and Sh. Ikramov[5] defined extremism as follows: "The word 'extremism' means 'beyond reason' or 'exceeding limits.' Advocating views contrary to accepted societal values and norms, along with a propensity for radical views and measures, constitutes the primary characteristic of extremism." These scholars approached the concept of extremism primarily from a philosophical and religious perspective, identifying opposition to accepted societal values and norms and a inclination toward radical measures as its primary features. In our view, this interpretation can be partially agreed with, as the presence of these characteristics does not always signify extremism.

Similarly, K.A.Shermukhammedov and J.A.Karimov noted that "extremism (Latin—'beyond reason,' 'exceeding limits') signifies radical views and actions contrary to established laws and rules in society"[6]. We partially agree with their view because, while it treats extremism as unlawful

---

[1] Karimov, I. I. (2025). *Forensic aspects of investigating crimes of a religious extremist nature* (Doctoral dissertation in law, MIA Academy of the Republic of Uzbekistan). Tashkent, p. 22.

[2] Khusniddinov, Z. (2005). *Spiritual and educational foundations of combating religious extremism and terrorism*. Tashkent Islamic University Publishing House. Tashkent, 63 p.

[3] Ochildiev, A. (2008). *Spiritual and educational foundations of combating religious extremism and terrorism* (Training manual). Tashkent, 91 p.

[4] Islomov, Z. (2017). *Spiritual and educational foundations of combating religious extremism and terrorism* (Training manual). Tashkent, 86 p.

[5] Islomov, Z., & Ikramov, Sh. (2015). *Extremism and terrorism - enemies of progress* (Training manual). Tashkent, p. 66.

[6] Shermukhammedov, K. A., & Karimov, J. A. (2018). *Spiritual and educational foundations of countering extremism and terrorism* (Study guide). Tashkent, pp. 7–8.

radical views and actions, it fails to fully encompass all characteristics intrinsic to extremism.

M.Kh.Rustambaev, in his commentary on the Special Part of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan, provided a definition not for extremism in general, but for religious extremism: "Religious extremism—a feeling of absolute conviction in one's unquestionable correctness and that oneself alone possesses the truth, creating a breeding ground for the emergence of religious extremism characterized by a inclination toward ultimate measures—violent acts (usually in politics)"[1]. We partially agree with this approach, as the definition focuses solely on the religious form of extremism.

Another scholar, D.M.Mirazov, explains extremism as "the creed of persons holding ultra-left, radical views who seek to forcibly impose their ideas or opinions on others[2]. Indeed, as the author emphasizes, extremists hold ultra-left and radical views. However, from a legal perspective, we believe it would be more appropriate to reframe the phrase "creed of persons" as "actions of individuals."

I.I.Karimov defines extremism as radical forms of extremist activity aimed at destabilizing the socio-political situation, forcibly changing the constitutional order, seizing power, or inciting national, racial, ethnic, or religious hatred[3].

T.K.Ismailov notes: "Extremism is an extreme form of action aimed at destabilizing the socio-political situation, forcibly changing the constitutional order of the state, seizing power through force, or inciting national, racial, ethnic, or religious hatred"[4].

---

[1] Rustambaev, M. Kh. (2016). *Commentary on the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan (Special Part)*. Adolat, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan. Tashkent, p. 242.

[2] Mirazov, D. M., Rashidov, B. N., Kulmatov, Sh. A. et al. (2017). *Tactics and methodology of combating terrorism and extremism: Lecture course*. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan. Tashkent, p. 5.

[3] Karimov, I. I. (2025). *Forensic aspects of investigating crimes of a religious extremist nature* (Doctoral dissertation in law, MIA Academy of the Republic of Uzbekistan). Tashkent, p. 23.

[4] Ismailov, T. K. (2023). Theoretical concepts of extremism and extremist activity. *Criminal Law and Criminological Problems of Combating Crime*, Proceedings of the International Scientific and

In our opinion, the definitions provided by I.I.Karimov and T.K.Ismailov somewhat narrow the scope of extremism's manifestation. Indeed, extremism can also manifest in political, ideological, economic, and cyber environments.

The analysis shows that currently, even among our national scholars, there is no single unified approach or definition regarding the concept of extremism. Existing definitions interpret extremism primarily from the perspective of threats to public safety, public order, and the constitutional order.

By analyzing and critically evaluating the definitions of extremism provided in documents of international and regional organizations, the legislation of Western countries and regional states, as well as scholars' definitions, we have formulated the following author's definition of this concept:

Extremism (extremist activity)—activity associated with:

Forcibly changing the foundations of the constitutional order of the Republic of Uzbekistan, violating its territorial integrity and sovereignty, forcibly removing lawfully elected or appointed government officials from power, or planning, preparing, encouraging, or publicly calling for such actions;

Seizing or usurping state authority, or planning, preparing, encouraging, or publicly calling for such actions;

Creating or participating in illegal armed formations, or planning, preparing, encouraging, or publicly calling for such actions;

Publicly calling for terrorist activity; inciting national, racial, ethnic, or religious hatred in connection with violence or public calls for violence;

Preparing, storing, distributing, or displaying materials that threaten public safety and public order, as well as manufacturing, storing, distributing, or displaying attributes or symbols of extremist organizations;

Practical Conference, Part I. University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan. Tashkent, p. 51.

Committing mass riots out of political, ideological, racial, national, ethnic, or religious hatred or hostility toward any social group, or encouraging or publicly calling for such actions;

Promoting the superiority or inferiority of citizens based on their national, racial, ethnic, or religious affiliation for the purpose of causing hostility, intolerance, or discord.

In our view, such a definition fully encompasses the content and essence of the concept and enables the development of effective measures for countering extremism.

DASTUR
“RAQAMLI DAVRDA QONUN USTUVORLIGINI TA’MINLASH: INNOVATSIYALAR, INSON HUQUQLARI VA XAVFSIZLIK MUTANOSIBLIGI”
“TASHKENT CYBERLEX-2026” XALQARO ILMIY-AMALIY FORUMI

Tashkilotchi: O‘zbekiston Respublikasi
Huquqni muhofaza qilish akademiyasi
(xalqaro tashkilotlar ko‘magida)

O‘tkazish sanasi va joyi: 2026-yil 21-22-may,
O‘zbekiston Respublikasi
Huquqni muhofaza qilish akademiyasi
(Toshkent shahri, Yunusobod tumani, Rixsiliy ko‘chasi 9)

O‘tkazish formati: gibrid (onlayn/offlayn)

Tadbir tili: o‘zbek, ingliz, rus

1-KUN (2026-YIL 21- MAY)	
Salomlashish qismi	
09:00-09:30	**Ishtirokchilarni ro‘yxatga olish/Onlayn-konferensiyaga ulanish**
Joy/ ulanish uchun havola	**Konferensiya zali (Kongress-xoll)** https://us06web.zoom.us/j/86298636154?pwd=vtcq06Nr5RX4oX5pqOjFqnE7Yl13pd.1 Identifikator: 862 9863 6154 Kirish kodi: 004891
Yalpi majlis: **"Raqamli davrda qonun ustuvorligini ta’minlash: innovatsiyalar, inson huquqlari va xavfsizlik mutanosibligi"** **Moderator: Ye.V. Kolenko** - *O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig‘ining birinchi o‘rinbosari, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (PhD), professor*	

09:30-10:30 *Kirish so'zlari* *10* *daqiqagacha*	**Yo'ldoshev Nig'matilla To'lqinivich** – O'zbekiston Respublikasi Bosh prokurori **Shermatov Sherzod Xotamovich** – O'zbekiston Respublikasi raqamli texnologiyalar vaziri **Eshmuratov Abdulhakim Xushboqovich** – O'zbekiston Respublikasi Oliy Majlisi Senatining Sud-huquq masalalari va korrupsiyaga qarshi kurashish qo'mitasi raisi **Islamov Baxtiyor Djaxangirovich** – O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi raisi **Tashpulatov Aziz Anvarovich** – O'zbekiston Respublikasi ichki ishlar vaziri **Tashmatov Baxodir Xamidovich** – O'zbekiston Respublikasi Milliy gvardiyasi qo'mondoni **Sergey Sizov** – Yevropada xavfsizlik va hamkorlik tashkilotining (YXHT) O'zbekistondagi loyihalari koordinatori vazifasini bajaruvchi **Frank Hupfeld** – Germaniya xalqaro huquqiy hamkorlik jamg'armasining (IRZ) O'zbekistondagi loyihalari rahbari
10:30-11:00	***Jamoaviy suratga tushish*** ***Kofe-breyk***
11:00-12:00 *Ma'ruzalar* *7* *daqiqagacha*	**Sun Ki Bom** – Koreya Milliy politsiya agentligi Raqamli kriminalistika assotsiatsiyasi direktori **Yerlan Dumanovich Namysov** – Qozog'iston Respublikasi IIVning Shrakbek Qabilbayev nomidagi Qostanay akademiyasi boshlig'i, falsafa doktori (PhD), assotsiatsiyalangan professor **Lau Chi-ho Paul** – Korrupsiyaga qarshi kurashish bo'yicha Gonkong xalqaro akademiyasi direktori, Korrupsiyaga qarshi mustaqil komissiya vakili **(onlayn)** **Yeremeyev Dmitriy Vitalyevich** – Qozog'iston Respublikasi IIVning Makan Yesbulatov nomidagi Olmaota akademiyasi boshlig'i o'rinbosari, yuridik fanlar nomzodi, assotsiatsiyalangan professor, dotsent **(onlayn)** **Gerhard Brinker** – Gamburg shahri prokuraturasining pul yuvishga qarshi kurashish bo'yicha bosh prokurori **Latipov Muhib Lodjvarbekovich** – Tojikiston Respublikasi IIV Akademiyasi boshlig'i o'rinbosari, texnika fanlari nomzodi **Qayumov Shuhrat Shukurovich** – CYBER University rektori

1-parallel sessiya: **"Yuridik fan va ta'limdagi innovatsiyalar: kiberhuquq, raqamli kriminalistika va sun'iy intellekt"** **Moderator: A.S.Odinayev** - *O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig'i o'rinbosari v.b, yuridik fanlari doktori (DSc), professor*	
Joy/ **ulanish uchun havola**	**Konferensiya zali (126-xona - Amfiteatr)** https://us06web.zoom.us/j/89555484870?pwd=IWNz9u2TQ3SpBN5b4ZBzFieKQvzv7Y.1 Identifikator: 895 5548 4870 Kirish kodi: 615969
12:15-13:30 *Ma'ruzalar* *10 daqiqagacha*	**Nguyen Van Khoat** – Vetnam Sotsialistik Respublikasi Oliy xalq prokuraturasi huzuridagi Prokuratura universiteti rektori **(onlayn)** ***Mavzu:*** *Raqamli transformatsiya sharoitida prokuratura ta'limi va xalqaro hamkorlikning zamonaviy tendensiyalari* **Xalilov Akram Utamurodovich** – H. Sulaymonova nomidagi Respublika sud ekspertizasi markazi direktori, Falsafa doktori (PhD), dotsent ***Mavzu:*** *Sud ekspertizasi tizimini raqamlashtirish va yuqori texnologiyalar asosida rivojlantirishning odil sudlovni ta'minlashdagi roli va ahamiyati* **Shirinova Raima Hakimovna** – O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Davlat siyosati va boshqaruv akademiyasining ilmiy ishlar va xalqaro aloqalar bo'yicha prorektori, filologiya fanlari doktori, professor ***Mavzu:*** *Sun'iy intellekt va zamonaviy davlat boshqaruvi: yangi avlod rahbarlarini tayyorlash masalalari* **Chibel Ron** – Isroil politsiyasi Sud ekspertizasi bo'linmasining Portlovchi moddalar, yong'in va zaharli moddalarni tekshirish laboratoriyasi boshlig'i, bosh superintendent, Raqamli dalillar laboratoriyasi vakili **(onlayn)** ***Mavzu:*** *Sud ekspertizasi uchun sun'iy intellekt muammolari: "qora quti"ni tushunarli qilish va huquq tizimi hamda qaror qabul qiluvchilarni ushbu texnologiyaga moslashtirish* **Rustambekov Islambek Rustambekovich** - Toshkent davlat yuridik universiteti o'quv ishlari bo'yicha prorektor, yuridik fanlar doktori, professor ***Mavzu:*** *Raqamli davrda yuridik ta'limning transformatsiyasi: "Raqamli huquq" ta'lim dasturini joriy etish va kiber-huquqiy kompetensiyalarni shakllantirish*

	Babakulov Sotiboldi Babanazarovich – Toshkent shahar hokimligi huzuridagi Fuqarolarning o‘zini o‘zi boshqarish organlari xodimlarining malakasini oshirish bo‘yicha o‘quv kurslari direktori, y.f.d., professor ***Mavzu:*** *Mahallada xavfsiz muhitni yaratish va huquqbuzarlikning barvaqt oldini olish hamda qonun ustuvorligini ta’minlashda raqamli texnologiyalardan foydalanish*
13:30-14:30	***Tushlik uchun tanaffus***
14:30–16:00 *Ma’ruzalar* *10 daqiqagacha*	**Professor Lean Alarid** – AQSHning Texas universiteti El-Paso filiali Jinoyat odil sudlovi (Criminal Justice) kafedrasi boshlig‘i, professori ***Mavzu:*** *Theories of Cybercrime: Solo Actors compared to Groups/ Syndicates* **Abdullayev Alisher Ilhomovich** – O‘zbekiston Respublikasi Oliy ta’lim, fan va innovatsiyalar vazirligi huzuridagi Raqamli ta’lim va sun’iy intellektni rivojlantirish markazi direktori ***Mavzu:*** *Oliy ta’lim tizimida raqamli transformatsiya va sun’iy intellekt* **Koyama Chihiro** – Yaponiya Oliy prokuraturasi katta prokurori ***Mavzu:*** *Yaponiyada kiberjinoyatchilikka qarshi kurashishda xalqaro hamkorlik: muammolar va javob choralar* **Allanov Orif Menglimuratovich** – Muhammad al-Xorazmiy nomidagi Toshkent axborot texnologiyalari universitetining Kiberxavfsizlik va raqamli kriminalistika kafedrasi boshlig‘i ***Mavzu:*** *Raqamli kriminalistika sohasida ta’lim va amaliyot integratsiyasi* **Kim Dong Hyun** – Shin & Kim LLC ning raqamli kriminalistika va harbiy ishlar bo‘yicha bosh maslahatchisi, Koreya Respublikasi, Falsafa doktori (PhD) ***Mavzu:*** *Janubiy Koreya huquqni muhofaza qilish organlari tomonidan jinoyat daromadlarini qaytarish (tarixda birinchi marta kriptovalyutani musodara qilish)* **Odinayev Adham Sa’dulloyevich** – O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig‘i o‘rinbosari v.b, yuridik fanlari doktori (DSc), professor ***Mavzu:*** *Raqamli transformatsiya sharoitida yuridik ilm-fanni rivojlantirishning ustuvor yo‘nalishlari va zamonaviy yondashuvlari* **Amir Ojagverdiyev** – Ozarbayjon Respublikasi Bosh prokuraturasi huzuridagi Ilmiy-ta’lim markazi bo‘lim boshlig‘i ***Mavzu:*** *Raqamli davrda huquq transformatsiyasi: klassik kodekslardan Smart-konstitutsiyagacha*

	Hasanov Shavkatbek Xaybatullayevich – O‘zbekiston Respublikasi Markaziy saylov komissiyasi o‘quv markazi direktori ***Mavzu:*** *Kriminalistika va sud ekspertizasida raqamli texnologiyalar*
16:00-16:30	***Kofe-breyk***
	Memorandum imzolash marosimi
16:30–17:30 *Ma’ruzalar* *10 daqiqagacha*	**Bidildayeva Gulipa Atabekovna** – Qirg‘iz Respublikasi Bosh prokuraturasi Yuridik akademiyasining yuridik fanlar kafedrasi mudiri, yuridik fanlar doktori, professor ***Mavzu:*** *Qirg‘iz Respublikasi Raqamli kodeksini qabul qilish sharoitida insonning konstitutsiyaviy huquqlarini himoya qilish* **Mamasiddiqov Muzaffarjon Musajonovich** – O‘zbekiston Respublikasi Favqulodda vaziyatlar vazirligi akademiyasi boshlig‘i, yuridik fanlar doktori, professor ***Mavzu:*** *Prokuratura organlarida sun’iy intellektni qo‘llash istiqbollari* **Bryson Payne** – AQSHning Shimoliy Jorjiya universiteti Kiberoperatsiyalar instituti direktori **(onlayn)** ***Mavzu:*** *Teskari injiniring – kiberxavfsizlik innovatsiyasi va raqamli ishonch vositasi sifatida* **Qoryog‘diyev Shahboz Bohodir o‘g‘li** – O‘zbekiston Respublikasi Markaziy banki bosh eksperti ***Mavzu:*** *Sun’iy intellekt sohasida sodir etilayotgan huquqbuzarliklar* **Giuseppe Chiaramonte** – davlat va huquqni muhofaza qilish organlari uchun kadrlar tayyorlash bo‘yicha raqamli ta’lim texnologiyalari sohasidagi xalqaro ekspert, (AQSh) ***Mavzu:*** *Huquqni muhofaza qilish ta’limida kiberxavfsizlik ingliz tilini real amaliyotga tayyorgarlik uchun integratsiya qilish* **Ibraymov Askar Yesbosinovich** – Huquqni muhofaza qilish akademiyasi Elektron ta’lim bo‘limi boshlig‘i ***Mavzu:*** *Kelajak akademiyasi: sun’iy intellekt – huquqiy ta’lim transformatsiyasining bosh drayveri* **Tursunbekov Khudayberdi** – Huquqni muhofaza qilish akademiyasi Korrupsiyaga qarshi kurashish ilmiy-ta’lim markazi boshlig‘i

	Mavzu: *Korrupsiyaga qarshi kurashish virtual akademiyasi: sun'iy intellekt va raqamli ta'lim ekotizimi* **Shayzakov Shodiyor Ibragimovich** – Huquqni muhofaza qilish akademiyasi Ilmiy-innovatsion tadqiqotlarni muvofiqlashtirish va ilmiy xodimlarni tayyorlash markazi boshlig'i, PhD, dotsent ***Mavzu:*** *Yuqori instansiya fuqarolik sudlarida sun'iy intellektni qo'llash masalalari*
17:30-17:45	**Muhokama va xulosalar**
17:45-18:00	**Tadbir yopilishi**
2-parallel sessiya: **"e-Crime: raqamli kriminalistikaning zamonaviy usullari va vositalari"** **Moderator: L.Yu. Yugay -** *O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi Raqamli kriminalistika ilmiy-tadqiqot instituti bo'limi boshlig'i, yuridik fanlar doktori (DSc), dotsent*	
Joy/ **Ulanish uchun havola**	**Konferensiya zali (111-xona - Katta Majlislar zali)** https://us06web.zoom.us/j/83711548502?pwd=lVK9cxPo2dK9A1ySDRO4laAjBXm2gc.1 Identifikator: 837 1154 8502 Kirish kodi: 015673
12:15-13:30 *Ma'ruzalar* *10 daqiqagacha*	**Kolenko Yevgeniy Vyacheslavovich** – O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig'ining birinchi o'rinbosari, yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD), professor ***Mavzu:*** *Raqamli kriminalistika sohasida mintaqaviy hamkorlikning institutsional asoslari* **Sun Ki Bom** – Koreya Milliy politsiya agentligi Raqamli kriminalistika assotsiatsiyasi direktori ***Mavzu:*** *Texnologiyalarni o'g'irlash sohasidagi jinoyatlarni aniqlashda raqamli kriminalistika va keyingi huquqiy chora-tadbirlar* **Musaev Gayrat Farxadovich** – O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Administratsiyasi bo'lim boshlig'i ***Mavzu:*** *Darknetdagi raqamli izlarni sun'iy intellekt yordamida tahlil qilish: artefaktlar, identifikatorlar va ularning jinoyatlarni tergov qilishdagi ahamiyati*

	Sasha Shtrupp – YXHT Kotibiyatining Transmilliy tahdidlar departamenti Politsiya faoliyatining strategik masalalari bo‘limi kiberjinoyatchilikka qarshi kurashish bo‘yicha bosh eksperti Avstriya **(onlayn)** ***Mavzu:*** *Huquqni muhofaza qilish faoliyatida yangi va rivojlanayotgan texnologiyalardan foydalanish: strategik ustuvorliklar va siyosatga ta’siri* **Ion Gayna** – Moldova Respublikasi Politsiyaning Bosh inspektorati Sud-kriminalistik ekspertizalar markazining boshlig‘i ***Mavzu:*** *Raqamli shaxs tergov obyekti sifatida: virtual izdan haqiqiy ayblanuvchiga Moldova Respublikasi tajribasi* **Rasulev Abdulaziz Karimovich** – O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Qonunchilik va huquqiy siyosat instituti ilmiy kotibi, yuridik fanlar doktori, professor ***Mavzu:*** *O‘zbekistonning kiberjinoyatchilikka qarshi kurash sohasidagi huquqiy siyosati: holati, muammolar va strategik ustuvorliklar*
13:30-14:30	***Tushlik uchun tanaffus***
14:30–16:00 *Ma’ruzalar* *10 daqiqagacha*	**Umit Seytjan** – INTERPOL Huquqiy masalalar bo‘yicha ijroiya direksiyasi, bildirishnomalar va tsirkulyarlar operativ guruhining bosh yurist maslahatchisi **Murod Bayramli** – INTERPOL Huquqiy masalalar bo‘yicha ijroiya direksiyasi, bildirishnomalar va diffuziyalar operativ guruhining yurist maslahatchisi ***Mavzu:*** *Kiberjinoyatlarni ochishda INTERPOL bildirishnomalari va tsirkulyarlari: huquqiy mexanizmlar va zamonaviy muammolar* **Pak Yon Jay** – Kiberjinoyatlar bo‘yicha tergovchi, Seul prokuraturasi (Koreya Respublikasi) ***Mavzu:*** *Hayotni sug‘urtalash kompaniyasi bankrotligidan keyin moliyaviy suiiste’molliklar uchun javobgarlikni belgilashda raqamli kriminalistikani qo‘llash* **Iv Vandermeer** – Kiberjinoyatchilik sohasida ta’lim va o‘qitish bo‘yicha Yevropa guruhi (ECTEG) loyiha koordinatori, Niderlandiya ***(onlayn)*** ***Mavzu:*** *eFirst – huquqni muhofaza qilish organlari uchun raqamli tergovlar bo‘yicha kompleks elektron ta’lim dasturi* **Uzakov Uchqun Xamidovich** – O‘zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi huzuridagi X.Sulaymonova nomidagi Respublika sud ekspertiza markazining direktor o‘rinbosari ***Mavzu:*** *“E-ekspertiza” elektron hujjat aylanishi tizimini sud-ekspertiza faoliyatiga joriy etish*

16:00-16:30	***Kofe-breyk***
	Memorandum imzolash marosimi
16:30–17:30 *Ma'ruzalar* *10 daqiqagacha*	**Metyu Devid Uotson** – BMTning Doha (Qatar) shahrida joylashgan Kiberjinoyatchilikka qarshi kurash mintaqaviy markazi yetakchi eksperti **(onlayn)** ***Mavzu:*** *Kiberhukuk va raqamli kriminalistikadagi innovatsiyalar* **Nurmanova Asel Razbekovna** – Qozog'iston Respublikasi IIV Makan Yesbulatov nomidagi Olmaota akademiyasi ilmiy-tadqiqot va tahririyat-nashriyot ishlarini tashkil etish bo'limi boshlig'i, politsiya podpolkovniki **(onlayn)** ***Mavzu:*** *Moliyaviy firibgarlikka qarshi kurashning raqamli modeli: jinoiy-huquqiy, kriminologik va kriminalistik jihatlar*
17:30-17:45	**Muhokama va xulosalar**
17:45-18:00	**Tadbir yopilishi**
3-parallel sessiya: **"Sun'iy intellekt va jinoyat protsessining raqamli transformatsiyasi: taraqqiyot, xavf-xatarlar va shaxs huquqlarining kafolatlari"** **Moderator: D.L.Turaxonov** - *O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig'i o'rinbosari, dotsent*	
Joy/ **Ulanish uchun havola**	**Konferensiya zali (108-xona - Majlislar zali)** https://us06web.zoom.us/j/81324281324?pwd=pg1JYj8yaO3BKehaTLer8ClgpJcba3.1 Identifikator: 813 2428 1324 Kirish kodi: 559173
12:15-13:30	**Mrs. Liu Hui** – Pekin ixtisoslashtirilgan prokuraturasi bosh prokurori ***Mavzu:*** *Sun'iy intellekt imkoniyatlaridan foydalanib, prokuratura salohiyatini oshirish* **Imomnazarov Alisher Xasanovich** – O'zbekiston Respublikasi Bosh Prokuraturasi Prokuratura organlari tergov tarmoqlari faoliyati ustidan nazorat boshqarmasi boshlig'i, yuridik fanlar doktori (DSc) ***Mavzu:*** *Tergovga qadar tekshirish bosqichni raqamlashtirish va sun'iy intellektni qo'llash istiqbollari* **Dr. Serkan SAVAŞ** – Kirikkale universiteti professori (Turkiya Respublikasi) ***Mavzu:*** *Sun'iy intellektdan sud ishlarida va jamoat tartibini saqlashda foydalanish: imkoniyatlar, xatarlar va axloqiy doira*

Ma’ruzalar *10 daqiqagacha*	**Liew Kuang Ping** – Singapur Bosh prokuraturasi Huquqiy texnologiyalar va innovatsiyalar byurosi direktori **(onlayn)** ***Mavzu:*** *Jinoiy ta’qibda sun’iy intellekt: Singapur tajribasi* **Kaibyldaeva Begaim Muxitovna** – *Business Soft & ICLOUD bosh direktori* ***Mavzu:*** *Sud faoliyatida raqamli dalillar: maqbullik, ishonchlilik va generativ sun’iy intellekt davri muammolari* **Vong Hon-kit, Geri** – Gonkong Korrupsiyaga qarshi kurashish mustaqil komissiyasi bosh tergovchisi **(onlayn)** ***Mavzu:*** *Halollik uchun texnologiya: korrupsiya tergovlarida sun’iy intellekt va ma’lumotlar tahlilidan foydalanish*
13:30-14:30	***Tushlik uchun tanaffus***
14:30–16:00 *Ma’ruzalar* *10 daqiqagacha*	**Murthy Rallapalli, Ph.D., CISSP** – Shimoliy Jorjiya universiteti professori (AQSH) ***Mavzu:*** *Kvantdan keyingi kriptografiya: sun’iy intellekt davriga tayyorgarlik* **Boboev Mirshod Murotovich** – O‘zbekiston Respublikasi Bosh Prokuraturasi Raqamli texnologiyalar markazi boshlig‘i, yurudik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (PhD) ***Mavzu:*** *Jinoyatlarni tergov qilishni raqamli ko‘rinishga o‘tkazish orqali shaxsning huquq va erkinliklari qonuniy himoyasini ta’minlash masalalari* **Anorboev Amiriddin Ulug‘bek o‘g‘li** – O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Qonunchilik va huquqiy siyosat instituti bosh ilmiy xodimi, yuridik fanlar doktori (DSc) ***Mavzu:*** *Sun’iy intellektni cheklashning ijtimoiy zarurati va tashkiliy-huquqiy mexanizmlari* **Prof. Dr. Raimundas Kalesnikas** – Turiba universiteti yuridik fakulteti professori (Latvia) ***Mavzu:*** *Sun’iy intellekt Markaziy Osiyo mamlakatlarida korrupsiya darajasini kamaytirishga yordam bera oladimi?* **Imankulova Aizada Nurbekovna** – Qirg‘iziston Respublikasi Bosh prokuratura Yuridik akademiyasi kafedra dotsenti ***Mavzu:*** *Qirg‘iziston Respublikasining raqamli kodeksi qabul qilinishi sharoitida shaxsiy ma'lumotlarni huquqiy tartibga solish* **Muxtar Beybutovich Sadykov** – Qozog‘iston Respublikasi Bosh prokuratura huzuridagi Huquqni muhofaza qilish organlari akademiyasi katta o‘qituvchisi **(onlayn)**

	Mavzu: *Huquqni muhofaza qilish organlarida agentli sun'iy intellekt va qonun ustuvorligi: avtonomiya, inson huquqlari va jamoat xavfsizligi o'rtasidagi muvozanat*
16:00-16:30	***Kofe-breyk***
	Memorandum imzolash marosimi
16:30–17:30 *Ma'ruzalar* *10 daqiqagacha*	**Abdujalilov Abdujabbor** – Tojikiston Milliy fanlar akademiyasi Davlat va huquq instituti bo'lim mudiri, yuridik fanlar doktori, professor ***Mavzu:*** *Sun'iy intellektning huquqiy masalalari* **Kadirov Anvarxodja Asatullayevich** – Raqamli texnologiyalar va sun'iy intellektni rivojlantirish ilmiy-tadqiqot instituti direktori ***Mavzu:*** *Sun'iy intellektni tartibga solishning zamonaviy muammolari va vazifalari: mas'uliyat va inson huquqlarini himoya qilish* **Emmanuelle Laudic-Baron** – Fransiya Milliy magistratura maktabi direktori o'rinbosari **(onlayn)** ***Mavzu:*** *Uyushgan jinoyatchilikka qarshi kurash: huquqni muhofaza qilish organlari uchun sun'iy intellekt vositalarining tahdidlari va yutuqlari*
17:30-17:45	**Muhokama va xulosalar**
17:45-18:00	**Tadbir yopilishi**
4-parallel sessiya: "Raqamli dalillar va kriptoaktivlar: aktivlarni qaytarish bo'yicha xalqaro hamkorlik" **Moderator: U.U.Nigmadjanov** - *Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig'ining o'rinbosari*	
Joy/ **ulanish uchun havola**	**Konferensiya zali (133-xona - Kovorking zali)** https://us06web.zoom.us/j/82929194381?pwd=hQPNmj3VndMa4DdM6BbuZTxtkZHSes.1 Identifikator: 829 2919 4381 Kirish kodi: 023495
12:15-13:30 *Ma'ruzalar*	Tadbirning ochilishi va tabrik so'zlari **Uyg'un Nigmadjanov** – Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig'ining o'rinbosari **Frank Hupfeld** – IRZning O'zbekistondagi loyiha rahbari **Uyg'un Nigmadjanov** – Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig'ining

10 daqiqagacha	o’rinbosari **Mavzu:** O‘zbekistonda kriptoaktivlar va boshqa mol-mulkni musodara qilish amaliyoti bo‘yicha kirish ma’ruzasi **Gerhard Brinker** – katta prokuror, Gamburg shahri prokuraturasining jinoiy daromadlarni legallashtirishga qarshi kurashish va mol-mulkni musodara qilish bo‘limi boshlig‘i ***Mavzu:*** *Germaniya Federativ Respublikasida kriptoaktivlar va boshqa mol-mulkni musodara qilishning huquqiy asoslari:* ● *Jinoyatlar natijasida olingan mulkiy qimmatliklar: Germaniya jinoyat huquqidagi huquqiy tushuncha* ● *Germaniya Federativ Respublikasida mol-mulkni musodara qilish uchun mas’ul vakolatli organlar* *Muhokama uchun savollar*
13:30-14:30	***Tushlik uchun tanaffus***
14:30–16:00 *Ma’ruzalar* *10 daqiqagacha*	**Gerhard Brinker** – Gamburg shahri prokuraturasining pul mablag‘larini legallashtirish (yuvish) va mol-mulkni musodara qilishga qarshi kurashish bo‘limi boshlig‘i, katta prokuror ***Mavzu:*** *Germaniyada mol-mulkni musodara qilish huquqi — moddiy va protsessual huquq* ● *Mol-mulkni musodara qilish va xatlash* ● *Uchinchi shaxslardan mol-mulkni musodara qilish* ● *Kengaytirilgan musodara* ● *Ayblov hukmi chiqarilmasdan mol-mulkni musodara qilish*
16:00-16:30	***Kofe-breyk*** ***Memorandum imzolash marosimi***
16:30–17:30 *Ma’ruzalar* *10 daqiqagacha*	**Gerhard Brinker** – Gamburg shahri prokuraturasining pul mablag‘larini legallashtirish (yuvish) va mol-mulkni musodara qilishga qarshi kurashish bo‘limi boshlig‘i, katta prokuror ***Mavzu:*** *Pul mablag‘larini o‘zini o‘zi legallashtirish va uchinchi shaxslar tomonidan legallashtirish — dalillar bazasiga qo‘yiladigan talablar* ***Mavzu:*** *Raqamli va moliyaviy tergovlar*
17:30-18:00	**Muhokama va xulosalar**

2-KUN (2026-YIL 22-MAY)	
Birinchi kun natijalarini sarhisob qilish **Moderator: Ye.V. Kolenko -** *O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig‘ining birinchi o‘rinbosari, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (PhD), professor*	
Joy/ **Ulanish uchun havola**	**Konferensiya zali (111-xona - Katta Majlislar zali)** https://us06web.zoom.us/j/84912338627?pwd=qRbYoQGpct20EQbkpbnEE4UFon2Cth.1 Identifikator: 849 1233 8627 Kirish kodi: 615065
10:00-11:00	**Professor Lean Alarid** – AQSHning Texas universiteti El-Paso filiali Jinoyat odil sudlovi (Criminal Justice) kafedrasi boshlig‘i, professori **Ion Gayna** – Moldova Respublikasi Politsiyaning Bosh inspektorati Sud-kriminalistik ekspertizalar markazining boshlig'i (Moldova) **Kaibyldaeva Begaim Muxitovna** – *Business Soft & ICLOUD, CEO, Xalqaro arbitr, PhD* ***Birinchi, ikkinchi va uchinchi sessiyalarning natijalarini sarhisob qilish***
11:00-11:30	***Kofe-breyk***
“Kiberxavfsizlikni huquqiy ta’minlash va axborot texnologiyalari sohasidagi jinoyatlarga qarshi kurashish takomillashtirish istiqbollari” mavzusida davra suhbati **Moderator: B.B.Kudratov -** *Raqamli kriminalistika ilmiy-tadqiqot instituti Kiberjinoyatlarga qarshi kurashishga va raqamli tergovga ko‘maklashish markazi boshlig‘i.*	
Joy/ **Ulanish uchun havola**	**Konferensiya zali (108-xona - Majlislar zali)** https://us06web.zoom.us/j/84912338627?pwd=qRbYoQGpct20EQbkpbnEE4UFon2Cth.1 Identifikator: 849 1233 8627 Kirish kodi: 615065
	Pak Yon Jay – Seul prokuraturasining raqamli tergovchisi ***Mavzu:*** *En-xona ishi bo‘yicha raqamli ekspertizaning ahamiyati*

11:30–12:40 *Ma’ruzalar* *10 daqiqagacha*	**Kudratov Bunyod Baxtiyorovich** – Raqamli kriminalistika ilmiy-tadqiqot instituti Kiberjinoyatlarga qarshi kurashishga va raqamli tergovga ko‘maklashish markazi boshlig‘i ***Mavzu:*** *Axborot texnologiyalari sohasidagi jinoyatlarga qarshi kurashishda Raqamli kriminalistika ilmiy-tadqiqot institutining o‘rni* **G‘ulomov Ahmad G‘ulom o‘g‘li** – O‘zbekiston Respublikasi Bosh prokuraturasi Kiberjinoyatlarga qarshi kurashishda qonuniylikni ta’minlash bo‘limi boshlig‘i. ***Mavzu:*** *Axborot texnologiyalari sohasidagi jinoyatlarga qarshi kurashishda idoralararo hamkorlik masalalari* **Ion Gayna** – Moldova Respublikasi Politsiyaning Bosh inspektorati Sud-kriminalistik ekspertizalar markazining boshlig‘i (Moldova) ***Mavzu:*** *Raqamli kriminalistika imkoniyatlari (Moldova Respublikasi tajribasi)* **Iv Vandermeer** – Kiberjinoyatchilik sohasida ta’lim va o‘qitish bo‘yicha Yevropa guruhi (ECTEG) loyiha koordinatori, Niderlandiya **(onlayn)** ***Mavzu:*** *Kiberjinoyatchilikka qarshi kurashishda ECTEG faoliyati: raqamli tergovlar bo‘yicha ta’lim, malaka oshirish va xalqaro hamkorlik imkoniyatlari* **Boqijonov Shoxruxbek Umidjon o‘g‘li** – O‘zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vazirligi Tezkor-qidiruv departamenti Kiberxavfsizlik markazi masul xodimi ***Mavzu:*** *Kiberjinoyatlarga qarshi kurashish milliy mexanizmlarini takomillashtirish: huquqiy, tashkiliy va amaliy islohotlar* **Shomaxsudov Shoakrom Shomuratovich** – Raqamli kriminalistika ilmiy-tadqiqot instituti Raqamli kriminalistika laboratoriyasi boshlig‘i ***Mavzu:*** *Raqamli ekspertiza va tadqiqotlarni o‘tkazish amaliyotidagi muammolar* **Egamberdiyev Dilshodjon Alisherovich** – Toshkent davlat yuridik universiteti Huquq va texnologiyalar sho‘basi mudiri, yu.f.f.d. ***Mavzu:*** *2026-2030-yillarga mo‘ljallangan Kiberxavfsizlik strategiyasi kadrlar tayyorlash masalasida oliy yuridik ta’lim muassasalari va soha idoralararo hamkorlik masalalari* **Ishonov Masrurxon Mas’utovich** – **“**Yagona umumrespublika protsessing markazi” AJ Ichki nazorat va komplaens departamenti direktori ***Mavzu:*** *To‘lov tizimining kiberjinoyatchilik va firibgarlikka qarshi kurashishda huquqni muhofaza qiluvchi organlar bilan o‘zaro hamkorlik xususiyatlari* **Hamidov Jahongir Pulatovich** – “OLX CLASSIFIEDS” MChJ, Operatsion menejeri ***Mavzu:*** *OLX.uz platformasida kiberjinoyatlar: tahdidlar va himoya choralari*

12:40-12:50	**Muhokama va xulosalar**
12:50-13:00	**Tadbir yopilishi**
4-sessiya: "Raqamli dalillar va kriptoaktivlar: aktivlarni qaytarish bo'yicha xalqaro hamkorlik sohasidagi Germaniya tajribasi" **Moderator: U.U.Nigmadjanov** - *Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig'ining o'rinbosari*	
Joy/ **Ulanish uchun havola**	**Konferensiya zali (133-xona - Kovorking zali)**
9:30–11:00	**Gerhard Brinker** – Gamburg shahri prokuraturasining pul mablag'larini legallashtirish (yuvish) va mol-mulkni musodara qilishga qarshi kurashish bo'limi boshlig'i, katta prokuror ***Mavzu:*** *Mol-mulkni musodara qilish va aktivlarni qaytarishga ko'maklashish sohasidagi yutuqlar. Raqamli dalillarni to'plash* *Germaniya Federativ Respublikasi tomonidan ko'rsatiladigan huquqiy yordam* ● *Ariza va taqdim etilishi lozim bo'lgan hujjatlarga qo'yiladigan talablar* ● *Elektron dalillarni saqlab qolishni ta'minlash* ● *Huquqiy yordam doirasidagi choralar va mumkin bo'lgan natijalar* ***Mavzu:*** *Mol-mulkni musodara qilish sohasida xorijiy hamkorlar bilan xalqaro hamkorlik*
11:00-11:15	***Kofe-breyk***
11:15-13:00	**Gerhard Brinker** – Gamburg shahri prokuraturasining pul mablag'larini legallashtirish (yuvish) va mol-mulkni musodara qilishga qarshi kurashish bo'limi boshlig'i, katta prokuror ***Mavzu:*** *Germaniya va xalqaro amaliyotdan misollar hamda muhokama* **Shuxrat Xomidov** – Huquqni muhofaza qilish akademiyasi Iqtisodiy jinoyatlarga va jinoiy daromadlarni legallashtirishga qarshi kurashish kafedrasi o'qituvchisi ***Mavzu****: O'zbekistonda korruptsion jinoyatlarni moliyaviy tergov qilish amaliyoti: raqamli aktivlarni aniqlash va xatlash*
13:00-13:30	**Muhokama va xulosalar** **Tadbir yopilishi**

PROGRAM
INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL FORUM "TASHKENT CYBERLEX-2026" "ENSURING THE RULE OF LAW IN THE DIGITAL AGE: BALANCING INNOVATION, HUMAN RIGHTS, AND SECURITY"

Organizer: The Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan

(with the support of international organizations)

Date and venue: May 21-22, 2026,
The Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan
(*Tashkent, Yunusabad District, Rikhsiliy Street 9*)

Format: hybrid (online/offline)

Languages: Uzbek, English, Russian

DAY 1 (May 21, 2026)	
Welcoming session	
09:00-09:30	**Participant Registration / Online Connection**
Venue / Online Link:	**Conference Hall (1-room - Congress Hall)** https://us06web.zoom.us/j/86298636154?pwd=vtcq06Nr5RX4oX5pqOjFqnE7Yl13pd.1 Meeting ID: 862 9863 6154 Access code: 004891
Plenary session: **“Ensuring the Rule of Law in the Digital Age: Balancing Innovation, Human Rights and Security”**	

Moderator: E.V.Kolenko – *First Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor*	
Video Presentation: *Activities of the Law Enforcement Academy of Uzbekistan*	
09:30-10:30 Introductions (up to10 minutes)	**Yuldo'shev Nigmatilla Tulkinovich** – Prosecutor General of the Republic of Uzbekistan **Shermatov Sherzod Khotamovich** – Minister of Digital Technologies of the Republic of Uzbekistan **Eshmuratov Abdulhakim Xushboqovich** – Chairman of the Committee on Judicial and Legal Issues and Anti-Corruption of the Senate of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan **Islamov Baxtiyor Djaxangirovich** – Chairman of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan **Tashpulatov Aziz Anvarovich** – Minister of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan **Tashmatov Baxodir Xamidovich** – Commander of the National guard of the Republic of Uzbekistan **Sergey Sizov** – Acting Project Co-ordinator of the Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE) in Uzbekistan **Frank Hupfeld** – Head of Projects of the German Foundation for International Legal Cooperation (IRZ) in Uzbekistan
10:30-11:00	***Group photo*** ***Coffee break***
11:00-12:00 Presentations up to 7 minutes	**Sung Ki Bum** – Director of the Digital Forensics Association of the Korean National Police Agency **Yerlan Dumanovich Namysov** – Acting Head of the Shrakbek Kabylbayev Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, PhD, Associate Professor **Lau Chi-ho Paul** – Director of Hong Kong International Academy Against Corruption, Independent Commission Against Corruption **(online)** **Yeremeyev Dmitriy Vitalyevich** – Deputy Head of the Makan Yesbulatov Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **(online)**

	Gerhard Brinker – Chief Public Prosecutor for Anti-Money Laundering at the Hamburg Public Prosecutor's Office **Latipov Muhib Lodjvarbekovich** – Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Candidate of Technical Sciences **Kayumov Shukhrat Shukurovich** – Rector of CYBER University
Parallel Session No. 1: **"Innovations in Legal Science and Education: Cyber Law, Digital Forensics and Artificial Intelligence"** **Moderator: A.S.Odinayev** — *Acting Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Science (DSc) in Law, Professor.*	
Venue / Online Link:	**Conference Hall (126-room - Amphitheater)** https://us06web.zoom.us/j/89555484870?pwd=IWNz9u2TQ3SpBN5b4ZBzFieKQvzv7Y.1 Meeting ID: 895 5548 4870 Access code: 615969
12:15-13:30 *Speakers (up to 10 mins)*	**Nguyễn Văn Khoát** – Rector of the Procuracy University under the Supreme People's Procuracy of the Socialist Republic of Vietnam **(online)** ***Topic:*** *Modern Trends in Prosecutorial Education and International Cooperation in the Era of Digital Transformation* **Khalilov Akram Utamurodovich** – Director of the Republican Center for Forensic Expertise named after H. Sulaymonova, Doctor of Philosophy in Law (PhD), Candidate of Legal Sciences ***Topic:*** *The Role and Importance of Digitalization and High-Tech Development of the Forensic Expertise System in Ensuring Justice* **Shirinova Raima Khakimovna**– Vice-Rector for Research and International Relations of the Academy of Public Policy and Governance under the President of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philological Sciences, Professor ***Topic:*** *Artificial Intelligence and Modern Public Administration: Issues of Training a New Generation of Leaders* **Chibel Ron** – Chief Superintendent, Head of the Explosives, Arson, and Poison Lab of the Forensic Unit of the Israel Police, representing the Digital Evidence Laboratory **(online)**

	Topic: *Artificial Intelligence Challenges for Forensic Science: Making the Black Box Accessible and exposing the legal system and its decision makers to it* **Rustambekov Islambek** – Vice-Rector for Academic Affairs, Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor ***Topic:*** *Transformation of Legal Education in the Digital Era: Implementing the "Digital Law" Educational Program and Developing Cyber-Legal Competencies* **Babakulov Sotiboldi Babanazarovich** – Director of the Training Courses for Advanced Qualification of Employees of Citizens' Self-Government Bodies under the Tashkent City Khokimiyat, Doctor of Law, Professor ***Topic:*** *Use of Digital Technologies in Creating a Safe Environment in Mahallas, Early Prevention of Offenses, and Ensuring the Rule of Law*
13:30-14:30	***Lunch break***
14:30–16:00 *Speakers (up to 10 mins)*	**Professor Leanne Alarid** – Head of the Criminal Justice Department, Professor at the University of Texas at El Paso, USA ***Topic:*** *Theories of Cybercrime: Solo Actors compared to Groups/Syndicates* **Abdullayev Alisher Ilhomovich** – Director of the Center for the Development of Digital Education and Artificial Intelligence under the Ministry of Higher Education, Science and Innovations of the Republic of Uzbekistan ***Topic:*** *Digital Transformation and Artificial Intelligence in Higher Education* **Koyama Chihiro** – Senior Prosecutor at Japan Prosecutors Unit on Emerging Crimes Supreme Public Prosecutors Office of Japan ***Topic:*** *International Cooperation in Combating Cybercrime: Challenges and Responses in Japan* **Allanov Orif Menglimuratovich** – Head of the Department of Cybersecurity and Digital Criminalistics of the Muhammad al-Khwarizmi Tashkent University of Information Technologies ***Topic:*** *Integration of Education and Practice in the Field of Digital Criminalistics* **Kim Dong-hyun**– Chief Advisor on Digital Forensics and Military Affairs at Shin & Kim, Republic of Korea, Doctor of Philosophy in Law (PhD) ***Topic:*** *Recovery of Criminal Proceeds by South Korean Law Enforcement Agencies (the First-Ever Confiscation of Cryptocurrency in History)*

	Odinayev Adham Sadulloyevich – Acting Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal Sciences (DSc), Professor ***Topic:*** *Priority Areas and Modern Approaches to the Development of Legal Science in the Context of Digital Transformation* **Amir Ojagverdiyev** – Head of the Department of the Scientific and Educational Center under the Prosecutor General's Office of the Republic of Azerbaijan ***Topic:*** *Transformation of Law in the Digital Age: From Classical Codes to the Smart Constitution* **Khasanov Shavkatbek Khaybatullayevich** – Director of the Training Center under the Central Election Commission of the Republic of Uzbekistan ***Topic:*** *Digital Technologies in Criminalistics and Forensic Examination*
16:00-16:30	***Coffee break*** ***Memorandum signing ceremony***
16:30–17:30 *Speakers (up to 10 mins)*	**Bidildayeva Gulipa Atabekovna** – Head of the Department of Legal Disciplines at the Law Academy of the Prosecutor General's Office of the Kyrgyz Republic, Doctor of Legal Sciences, Professor ***Topic:*** *Protection of Constitutional Human Rights in the Context of the Adoption of the Digital Code of the Kyrgyz Republic* **Mamasiddiqov Muzaffarjon Musajonovich** – Head of the Academy of the Ministry of Emergency Situations of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor ***Topic:*** *Prospects for the Application of Artificial Intelligence in Prosecutorial Bodies* **Dr. Bryson Payne** – Director of the Institute for Cyber Operations at the University of North Georgia, USA **(online)** ***Topic:*** *Reverse Engineering as a Tool for Cybersecurity Innovation and Digital Trust* **Qoryogdiyev Shahboz Bokhodir ugli** – Chief Expert of the Central Bank of the Republic of Uzbekistan ***Topic:*** *Offenses Committed in the Field of Artificial Intelligence* **Giuseppe Chiaramonte** – International Expert in Digital Educational Technologies for Training Personnel for Government and Law Enforcement Agencies (USA)

	Topic: *Integrating Cybersecurity English into Law Enforcement Education for Real-World Readiness* **Ibraymov Askar Yesbosinovich** – Head of the E-Learning Department of the Law Enforcement Academy ***Topic:*** *Academy of the Future: Artificial Intelligence as the Main Driver of Legal Education Transformation* **Tursunbekov Khudayberdi** – Head of the Scientific and Educational Center for Anti-Corruption of the Law Enforcement Academy ***Topic:*** *Virtual Anti-Corruption Academy: Artificial Intelligence and the Digital Education Ecosystem* **Shayzakov Shodiyor Ibragimovich** – Head of the Center for Coordination of Scientific and Innovative Research and Training of Scientific Personnel at the Law Enforcement Academy, PhD, Associate Professor ***Topic:*** *Issues of Applying Artificial Intelligence in Higher Civil Courts*
17:30-17:45	**Discussion and conclusions**
17:45-18:00	**Closing of the event**
Parallel Session No. 2: **“e-Crime: Modern Methods and Tools of Digital Forensics”** **Moderator: L.Yu. Yugay** – *Head of Department, Research Institute of Digital Forensics, Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal Sciences (DSc)*	
Venue / Online Link:	**Conference Hall (111-room - Assembly Hall)** https://us06web.zoom.us/j/83711548502?pwd=lVK9cxPo2dK9A1ySDRO4laAjBXm2gc.1 Meeting ID: 837 1154 8502 Access code: 015673
	Evgeniy Kolenko – First Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor ***Topic:*** *Institutional Foundations of Regional Cooperation in Digital Forensics* **Sun Ki Bom** – Director of the Digital Forensics Association of the Korean National Police Agency

12:15-13:30 *Speakers (up to 10 mins)*	***Topic:*** *Digital Forensics in Detecting Technology Theft Crimes and Subsequent Legal Measures* **Gayrat Musaev** – Head of Sector, Administration of the President of the Republic of Uzbekistan ***Topic:*** *AI-Based Analysis of Digital Traces on the Darknet: Artefacts, Identifiers, and Their Significance for Criminal Investigations* **Sascha Strupp** – Senior Expert on Cybercrime of the Strategic Police Matters Unit, Transnational Threats Department of the OSCE Secretariat Austria **(online)** ***Topic:*** *Emerging and Evolving Technologies in Law Enforcement: Strategic Priorities and Policy Implications* **Ion Gaina** – Head, Centre of Forensic Expertise, General Police Inspectorate of the Republic of Moldova ***Topic:*** *Digital Identity as an Object of Investigation: From Virtual Trace to Real Suspect the Experience of the Republic of Moldova* **Abdulaziz Rasulev** – Academic Secretary, Institute of Legislation and Legal Policy under the President of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor ***Topic:*** *Uzbekistan's Legal Policy on Combating Cybercrime: Current State, Challenges, and Strategic Priorities*
13:30-14:30	***Lunch break***
14:30–16:00 *Speakers (up to 10 mins)*	**Umit Seitjan** – Senior Legal Adviser, Notices and Circulars Task Force, Legal Affairs Executive Directorate, INTERPOL **Murad Bayramli** – Legal Adviser, Notices and Diffusions Task Force, Legal Affairs Executive Directorate, INTERPOL ***Topic:*** *INTERPOL Notices and Circulars in Cybercrime Investigations: Legal Mechanisms and Contemporary Challenges* **Park Younjai** – Cybercrime Investigator, Seoul Prosecutors' Office (Republic of Korea) ***Topic:*** *Application of Digital Forensics to Establish Liability for Financial Misconduct Following Life Insurance Company Bankruptcy* **Yves Vandermeer** – Project Coordinator, European Cybercrime Training and Education Group (ECTEG), Netherlands ***(online)*** ***Topic:*** *eFirst – A Comprehensive E-Learning Programme on Digital Investigations for Law Enforcement*

	Uchkun Uzakov – Deputy Director, Republican Centre of Forensic Expertise named after Kh. Sulaymanova, Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan ***Topic:*** *Implementation of the E-Expertise Electronic Document Management System in Forensic Practice*
16:00-16:30	***Coffee break*** ***Memorandum signing ceremony***
16:30–17:30 *Speakers (up to 10 mins)*	**Matthew David Watson** – Senior Expert, UNODC Regional Centre for Combating Cybercrime, Doha, Qatar ***(online)*** ***Topic:*** *Innovations in Cyber Law and Digital Forensics* **Asel Nurmanova** – Head of the Research and Editorial Department, Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Makan Yesbulatov, Police Lieutenant Colonel ***Topic:*** *A Digital Model for Combating Financial Fraud: Criminal Law, Criminological, and Forensic Aspects*
17:30-17:45	**Discussion and conclusions**
17:45-18:00	**Closing of the event**
Parallel Session No. 3: **“Artificial Intelligence and the Digital Transformation of Criminal Proceedings: Progress, Risks and Safeguards for Individual Rights”** **Moderator: Turakhonov D.L. -** Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Associate Professor	
Venue / Online Link:	**Conference Hall (108-room - Meeting Hall)** https://us06web.zoom.us/j/81324281324?pwd=pg1JYj8yaO3BKehaTLer8ClgpJcba3.1 Meeting ID: 813 2428 1324 Access code: 559173
12:15-13:30 *Speakers (up to 10 mins)*	**Liu Hui** – The Fourth Branch of the People’s Procuratorate of Beijing Chief Prosecutor ***Topic:*** *Leverage the Wisdom of AI to Enhance Procuratorial Capability* **Alisher Imomnazarov Khasanovich** – Head of the Department for Supervision over the Activities of Investigative Networks of the Prosecutor's

	Office of the General Prosecutor's Office of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Science in Law (DSc) ***Topic:*** *Prospects for digitalizing the pre-investigation check stage and applying artificial intelligence* **Dr. Serkan SAVAŞ** – Associate Professor of the Department at Kirikkale University, Doctor of Computer Science, Associate Professor ***Topic:*** *The Use of Artificial Intelligence in Judicial Proceedings and the Maintenance of Public Order: Opportunities, Risks, and an Ethical Framework* **Liew Kuang Ping** – Director of the Bureau of Legal Technology and Innovation, Attorney-General's Chambers of Singapore **(online)** ***Topic:*** *Artificial Intelligence in Criminal Prosecution: Singapore's Experience* **Begaim Mukhitovna Kaybyldaeva** – CEO, Business Soft & ICLOUD, International Arbitrator, PhD ***Topic:*** *Digital evidence in judicial activity: admissibility, reliability and the challenges of the generative artificial intelligence era* **Mr. Wong Hon-kit, Gary** – Principal Investigator, Independent Commission Against Corruption of Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China **(online)** ***Topic:*** *Technology for Integrity: Use of AI and Data Analytics in corruption investigations*
13:30-14:30	***Lunch break***
14:30–16:00 *Speakers (up to 10 mins)*	**Dr. Murthy Rallapalli, Ph.D., CISSP** – Professor of Cybersecurity, University of North Georgia ***Topic:*** *Post-Quantum Cryptography: Readiness in the AI Era* **Boboev Mirshod Murotovich** – Head of the Digital Technologies Center of the General Prosecutor's Office of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in Law ***Topic:*** *Issues of ensuring the legal protection of human rights and freedoms through the digitalization of criminal investigation* **Anorboev Amiriddin Ulugbek ugli** – Chief Research Fellow, Institute of Legislation and Legal Policy under the President of the Republic of Uzbekistan**,** doctor of science (DSc) ***Topic:*** *Social Necessity of Artificial Intelligence Regulation and Organizational-Legal Mechanisms*

	Dr. Raimundas Kalesnikas – Professor, Leading Researcher at the Faculty of Law, Turiba University ***Topic:*** *Algorithmic Good Governance and the Rule of Law Reforms: Can AI help reduce corruption levels in Central Asian countries?* **Imankulova Aizada Nurbekovna** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Legal Disciplines, Law Academy of the Prosecutor General's Office of the Kyrgyz Republic ***Topic:*** *Legal Regulation of Personal Data in the Context of the Adoption of the Digital Code of the Kyrgyz Republic* **Mukhtar Beybutovich Sadykov** – Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, senior lecturer of the department of special legal disciplines **(online)** ***Topic:*** *Agentic AI and the rule of law in law enforcement agencies: balancing autonomy, human rights and public safety*
16:00-16:30	***Coffee break*** ***Memorandum signing ceremony***
16:30–17:30 *Speakers (up to 10 mins)*	**Abdujabar Abdujalilov** – Head of the Department of Private Law, Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Law, Professor ***Topic:*** *Legal Issues of Artificial Intelligence* **Kadirov Anvarkhodja Asatullaevich** – Research Institute for the Development of Digital Technologies and Artificial Intelligence ***Topic:*** *Modern challenges and challenges in regulating artificial intelligence: responsibility and protection of human rights* **Emmanuelle LAUDIC-BARON** – Deputy Director of the International Department**(online)** ***Topic:*** *Combating Organised Crime: threats and advances of AI tools for law enforcement authorities*
17:30-17:45	**Discussion and conclusions**
17:45-18:00	**Closing of the event**
Parallel Session No. 4: **"Digital Evidence and Cryptoassets: International Cooperation on Assets Recovery"**	

Moderator: U.Nigmadjanov - *Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan*	
Venue / Online Link:	**Conference Hall (133-room - Coworking Hall)** https://us06web.zoom.us/j/82929194381?pwd=hQPNmj3VndMa4DdM6BbuZTxtkZHSes.1 Identifikator: 829 2919 4381 Kirish kodi: 023495
12:15-13:30	**Opening of the event and welcome remarks** **Uygun Nigmadjanov -** Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan **Frank Hupfeld** – Project Manager in Uzbekistan, IRZ **Uygun Nigmadjanov** – Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan **Topic:** Introductory presentation on the practice of confiscating crypto-assets and other property in Uzbekistan **Gerhard Brinker** – Senior Prosecutor, Head of the Department for Combating Money Laundering and Asset Confiscation, Hamburg Public Prosecutor's Office ***Topic:*** *Legal framework for the confiscation of crypto-assets and other property in the Federal Republic of Germany:* - *Assets obtained as a result of criminal offences: the legal concept under German criminal law* - *Competent authorities in the Federal Republic of Germany responsible for asset confiscation* *Discussion questions*
13:30-14:30	***Lunch break***
14:30–16:00	**Gerhard Brinker** – Head of the Department for Combating Money Laundering and Asset Confiscation at the Hamburg Public Prosecutor's Office, Senior Public Prosecutor ***Topic:*** *Crypto-asset and digital asset confiscation law in Germany — substantive and procedural law* - *Asset confiscation and seizure* - *Confiscation of assets from third parties* - *Extended confiscation*

	- *Non-conviction-based asset confiscation*
16:00-16:30	***Coffee break***
16:30–17:30	**Gerhard Brinker** – Head of the Department for Combating Money Laundering and Asset Confiscation at the Hamburg Public Prosecutor's Office, Senior Public Prosecutor ***Topic:*** *Self-laundering of funds and laundering by third parties — requirements for the evidence base* ***Topic:*** *Digital and Financial investigations*
17:30-17:45	**Discussion and conclusions**
17:45-18:00	**Closing of the event**

Day 2 (May 22, 2026)	
Summary of the results of the first day **Moderator:** Ye.V. Kolenko — First Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy in Law (PhD), Professor.	
Venue / Online Link:	**Conference Hall (111-room - Assembly Hall)** https://us06web.zoom.us/j/84912338627?pwd=qRbYoQGpct20EQbkpbnEE4UFon2Cth.1 Meeting ID: 849 1233 8627 Passcode: 615065
10:00-11:00	**Professor Leanne Alarid** – Head of the Criminal Justice Department, Professor at the University of Texas at El Paso, USA **Ion Gayna** – Head, Centre of Forensic Expertise, General Police Inspectorate of the Republic of Moldova **Begaim Mukhitovna Kaybyldaeva** – CEO, Business Soft & ICLOUD, International Arbitrator, PhD **Summary of the results of the first, second and third sessions**
11:00-11:30	***Coffee break***
Prospects for Improving the Legal Framework of Cybersecurity and Combating Crimes in the Field of Information Technologies	

Moderator: Kudratov Bunyod Baxtiyorovich - *Head of the Center for Assistance in Combating Cybercrime and Digital Investigation of the Digital Forensics Research Institute*	
Venue / Online Link:	**Conference Hall (108 -room - Meeting Hall)** https://us06web.zoom.us/j/84912338627?pwd=qRbYoQGpct20EQbkpbnEE4UFon2Cth.1 Meeting ID: 849 1233 8627 Passcode: 615065
11:30-12:40 *Speakers (up to 10 mins)*	**Pak Yon Jay** – Digital Investigator at the Seoul Prosecutors' Office ***Topic:*** *The Importance of Digital Forensics in the Nth Room Case* **Kudratov Bunyod Baxtiyorovich** – Head of the Center for Assistance in Combating Cybercrime and Digital Investigation of the Digital Forensics Research Institute ***Topic:*** *The Role of the Digital Forensics Research Institute in Combating Crimes in the Field of Information Technologies* **G'ulomov Ahmad G'ulom o'g'li** – Head of the Department for Ensuring Legality in Combating Cybercrime of the Prosecutor General's Office of the Republic of Uzbekistan ***Topic:*** *Issues of Interagency Cooperation in Combating Crimes in the Field of Information Technologies* **Ion Gayna** – Head, Centre of Forensic Expertise, General Police Inspectorate of the Republic of Moldova ***Topic:*** *Capabilities of Digital Forensics: Experience of the Republic of Moldova* **Iv Vandermeer** – Project Coordinator of the European Cybercrime Training and Education Group (ECTEG), the Netherlands **(online)** ***Topic:*** *Activity of ECTEG in Countering Cybercrime: Opportunities for Training, Professional Development and International Cooperation in the Field of Digital Investigations* **Boqijonov Shoxruxbek Umidjon o'g'li** – Responsible Officer of the Cybersecurity Center of the Operational-Search Department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan ***Topic:*** *Improving National Mechanisms for Combating Cybercrime: Legal, Organizational and Practical Reforms* **Shomaxsudov Shoakrom Shomuratovich** - Head of the Digital Forensics Laboratory of the Digital Forensics Research Institute ***Topic:*** *Practical Challenges in Conducting Digital Forensic Examinations and Research* **Egamberdiyev Dilshodjon Alisherovich** – Head of the Law and Technology

	Department of Tashkent State University of Law, PhD in Law. ***Topic:*** *Issues of Cooperation Between Higher Legal Education Institutions and Relevant Sectoral Agencies in Personnel Training within the Cybersecurity Strategy for 2026–2030* **Ishonov Masrurxon Mas'utovich** – Director of the Internal Control and Compliance Department of JSC "Unified Republican Processing Center" ***Topic:*** *Specific Aspects of Cooperation Between the Payment System and Law Enforcement Agencies in Combating Cybercrime and Fraud* **Hamidov Jahongir Pulatovich -** Operations Manager, OLX CLASSIFIEDS LLC ***Topic:*** *Cybercrimes on the OLX.uz Platform: Threats and Protective Measures*
12:40-12:50	**Discussion and conclusions**
12:50-13:00	**Closing of the event**
Parallel Session No. 4: **"Digital Evidence and Cryptoassets: Germany's Experience in International Cooperation on Asset Recovery" (continued)** **Moderator: U.Nigmadjanov –** Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan	
Venue / Online connection link	**Conference Hall (133-room -Coworking Hall)**
9:30-11:00	**Mr Gerhard Brinker** – Senior public prosecutor, Chief of the department of combating money laundering and for notification proceeds from crime, Public Prosecutor`s Office Hamburg ***Topic****: Legal assistance from the Federal Republic of Germany. Collection of digital evidence.* - *Requirements for the application and documents to be submitted* - *Ensuring the preservation of electronic evidence* - *Measures within the framework of legal assistance and possible outcomes* ***Topic****: International cooperation with foreign partners in the field of asset confiscation*
11:00-11:15	***Coffee break***

11:15-13:00	**Mr Gerhard Brinker** – Senior public prosecutor, Chief of the department of combating money laundering and for notification of proceeds from crime, Public Prosecutor`s Office Hamburg ***Topic:*** *Examples from German and international practice and discussion* **Shukhrat Khomidov** – Lecturer at the Department for Combating Economic Crimes and Money Laundering, Law Enforcement Academy ***Topic****: Practice of Financial Investigation of Corruption Crimes in Uzbekistan: Identification and Seizure of Digital Assets*
13:00-13:30	**Discussion and Closing of the event**

П Р О Г Р А М М А
МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ФОРУМА «TASHKENT CYBERLEX-2026» «ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: БАЛАНС ИННОВАЦИЙ, ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И БЕЗОПАСНОСТИ»

Организатор: Правоохранительная академия Республики Узбекистан *(при поддержке международных организаций)*

Дата и место проведения: 21-22 мая 2026 г., Правоохранительная академия Республики Узбекистан *(г. Ташкент, Юнусабадский район, ул. Рихсилий 9)*

Формат проведения: гибридный (онлайн/оффлайн)

Языки мероприятия: узбекский, английский, русский

ДЕНЬ 1 (21 МАЯ 2026 ГОДА)	
Приветственная часть	
09:00-09:30	**Регистрация участников/Подключение к онлайн-конференции**
Место/ Ссылка для подключения	**Конференц-зал (1-кабинет - Конгресс холл)** https://us06web.zoom.us/j/86298636154?pwd=vtcq06Nr5RX4oX5pqOjFqnE7Yl13pd.1 Идентификатор: 862 9863 6154 Код доступа: 004891
Пленарная сессия: «*Обеспечение верховенства закона в цифровую эпоху: баланс инноваций, прав человека и безопасности»*	

Модератор: Е.В.Коленко – *первый заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам профессор*	
Демонстрация видеоролика о деятельности Правоохранительной академии Республики Узбекистан	
09:30-10:30 *Приветствия до 10 мин.*	**Йулдошев Нигматилла Тулкинович** – Генеральный прокурор Республики Узбекистан **Шерматов Шерзод Хотамович** – Министр цифровых технологий Республики Узбекистан **Эшмуратов Абдулхаким Хушбокович** – председатель Комитета Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан по судебно-правовым вопросам и противодействию коррупции **Исламов Бахтиёр Джахангирович** – Председатель Верховного суда Республики Узбекистан **Ташпулатов Азиз Анварович** – Министр внутренних дел Республики Узбекистан **Ташматов Баходир Хамидович** – Командующий Национальной гвардией Республики Узбекистан **Сергей Сизов** – исполняющий обязанности Координатора проектов ОБСЕ в Узбекистане **Франк Хупфельд** – руководитель проектов, Немецкий фонд международного правового сотрудничества (IRZ) в Узбекистане
10:30-11.00	***Групповое фотографирование*** ***Кофе-брейк***
11:00-12:00 Доклады до 7 мин.	**Сун Ки Бом** – Директор Ассоциации цифровой криминалистики, Национальное полицейское агентство Кореи **Ерлан Думанович Намысов** – начальник Костанайской академии МВД Республики Казахстан им. Шракбека Кабылбаева, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор **Лау Чи-хо Паул** – Директор Гонконгской международной академии по противодействию коррупции **(онлайн)** **Еремеев Дмитрий Витальевич** – заместитель начальника Алматинской академии МВД имени М.Есбулатова Республики Казахстан, кандидат юридических наук, ассоциированный профессор (доцент)**(онлайн)**

	Герхард Бринкер – главный прокурор по борьбе с отмыванием денег, Прокуратура Гамбурга **Латипов Мухиб Лоджварбекович** – Заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат технических наук **Каюмов Шухрат Шукурович** – ректор CYBER University
Параллельная сессия №1: **«Инновации в юридической науке и образовании: киберправо, цифровая криминалистика и искусственный интеллект»** **Модератор: А.С.Одинаев** – *и.о. заместителя начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор юридических наук (DSc), профессор*	
Место/ **Ссылка для подключения**	**Конференц-зал (126-кабинет - Амфитеатр)** https://us06web.zoom.us/j/89555484870?pwd=IWNz9u2TQ3SpBN5b4ZBzFieKQvzv7Y.1 Идентификатор: 895 5548 4870 Код доступа: 615969
12:15-13:30 *Доклады* *до 10 мин.*	**Нгуен Ван Кхоат** – ректор Университета прокуратуры при Верховной народной прокуратуре Социалистической Республики Вьетнам (**онлайн)** ***Тема:*** *Современные тенденции прокурорского образования и международного сотрудничества в условиях цифровой трансформации* **Халилов Акрам Утамуродович** – директор Республиканского центра судебной экспертизы имени Х. Сулаймоновой, доктор философии по юридическим наукам (PhD), доцент ***Тема:*** *Роль и значение цифровизации системы судебной экспертизы и её развития на основе высоких технологий в обеспечении правосудия* **Ширинова Раима Хакимовна** – проректор по научной работе и международным связям Академии государственной политики и управления при Президенте Республики Узбекистан, доктор филологических наук, профессор ***Тема:*** *Искусственный интеллект и современное государственное управление: вопросы подготовки руководителей нового поколения* **Чибел Рон** – главный суперинтендант, руководитель лаборатории взрывчатых веществ, поджогов и ядов подразделения судебной экспертизы Полиции Израиля, представитель Лаборатории цифровых доказательств **(онлайн)**

	Тема: *Проблемы искусственного интеллекта для судебной экспертизы: обеспечение доступности «чёрного ящика» и адаптация правовой системы и лиц, принимающих решения, к данным технологиям* **Рустамбеков Исламбек Рустамбекович** – проректор по учебным делам Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор ***Тема:*** *Трансформация юридического образования в цифровую эпоху: внедрение образовательной программы «Цифровое право» и формирование кибер-правовых компетенций* **Бабакулов Сотиболди Бабаназарович** – директор Учебных курсов по повышению квалификации работников органов самоуправления граждан при хокимияте города Ташкента, доктор юридических наук, профессор ***Тема:*** *Использование цифровых технологий в создании безопасной среды в махалле, раннем предупреждении правонарушений и обеспечении верховенства закона*
13:30-14:30	***Перерыв на обед***
14:30–16:00 *Доклады* *до 10 мин.*	**Профессор Лиэнн Аларид** – начальник кафедры уголовного правосудия (Criminal Justice), профессор Университета Техаса в Эль-Пасо, США ***Тема:*** *Теории киберпреступности: индивидуальные субъекты в сравнении с группами и синдикатами* **Абдуллаев Алишер Илхомович** – директор Центра развития цифрового образования и искусственного интеллекта при Министерстве высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан ***Тема:*** *Цифровая трансформация и искусственный интеллект в системе высшего образования* **Кояма Тихиро** – старший прокурор Института повышения квалификации и исследований прокуроров при Верховной прокуратуре Японии ***Тема:*** *Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью в Японии: вызовы и меры реагирования* **Алланов Ориф Менглимуратович** – начальник кафедры кибербезопасности и цифровой криминалистики Ташкентского университета информационных технологий имени Мухаммада ал-Хоразмий ***Тема:*** *Интеграция образования и практики в сфере цифровой криминалистики*

	Ким Дон Хён – главный советник по цифровой криминалистике и военным делам, доктор права (PhD) Университета Чунгнам ***Тема:*** *Возврат преступных доходов правоохранительными органами Южной Кореи (первая в истории конфискация криптовалюты)* **Одинаев Адхам Саъдуллоевич** – и.о. заместителя начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор юридических наук (DSc), профессор ***Тема:*** *Приоритетные направления и современные подходы к развитию юридической науки в условиях цифровой трансформации* **Амир Ожагвердиев** – начальник отдела Научно-образовательного центра при Генеральной прокуратуре Азербайджанской Республики ***Тема:*** *Трансформация права в цифровую эпоху: от классических кодексов к Смарт-конституции* **Хасанов Шавкатбек Хайбатуллаевич** – директор Учебного центра Центральной избирательной комиссии Республики Узбекистан ***Тема:*** *Цифровые технологии в криминалистике и судебной экспертизе*
16:00-16:30	***Кофе-брейк*** ***Церемония подписания меморандума***
16:30–17:30 *Доклады* *до 10 мин.*	**Бидильдаева Гулипа Атабековна** – заведующая кафедрой юридических дисциплин Юридической академии Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики, доктор юридических наук, профессор ***Тема:*** *Защита конституционных прав человека в контексте принятия Цифрового кодекса Кыргызской Республики* **Мамасиддиқов Музаффаржон Мусажонович** – начальник Академии Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор ***Тема:*** *Перспективы применения искусственного интеллекта в органах прокуратуры* **Брайсон Пэйн** – директор Института кибероперaций Университета Северной Джорджии (США) **(онлайн)** ***Тема:*** *Реверсивный инжиниринг как инструмент инноваций в сфере кибербезопасности и цифрового доверия* **Корёгдиев Шахбоз Боходир ўғли** – главный эксперт Центрального банка Республики Узбекистан

	Тема: *Правонарушения, совершаемые в сфере искусственного интеллекта* **Джузеппе Кьярамонте** – международный эксперт в области цифровых образовательных технологий по подготовке кадров для государственных и правоохранительных органов (США) ***Тема:*** *Интеграция английского языка в сфере кибербезопасности в образование правоохранительных органов для подготовки к реальным условиям* **Ибраймов Аскар Есбосинович** – начальник отдела электронного образования Правоохранительной академии. ***Тема:*** *Академия будущего: искусственный интеллект – главный драйвер трансформации юридического образования* **Турсунбеков Худайберди** – начальник Научно-образовательного центра по противодействию коррупции Правоохранительной академии ***Тема:*** *Виртуальная академия противодействия коррупции: искусственный интеллект и экосистема цифрового образования* **Шайзаков Шодиёр Ибрагимович** – начальник Центра координации научно-инновационных исследований и подготовки научных кадров Правоохранительной академии, PhD, доцент ***Тема:*** *Вопросы применения искусственного интеллекта в судах высшей инстанции по гражданским делам*
17:30-17:45	**Обсуждение и выводы**
17:45-18:00	**Закрытие мероприятия**
Параллельная сессия №2: **«e-Crime: современные методы и инструменты цифровой криминалистики»** **Модератор: Л.Ю. Югай –** *начальник отдела НИИ цифровой криминалистики Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор юридических наук (DSc)*	
Место/ **Ссылка для подключения**	**Конференц зал (111 -кабинет - Актовый зал)** https://us06web.zoom.us/j/83711548502?pwd=lVK9cxPo2dK9A1ySDRO4laAjBXm2gc.1 Идентификатор: 837 1154 8502 Код доступа: 015673

12:15-13:30 Доклады до 10 мин.	**Коленко Евгений Вячеславович** – первый заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам профессор ***Тема:*** *Институциональные основы регионального сотрудничества в сфере цифровой криминалистики* **Сун Ки Бом** – Директор Ассоциации цифровой криминалистики Национального полицейского агентства Кореи ***Тема:*** *Цифровая криминалистика для выявления преступлений в сфере кражи технологий и последующие правовые меры* **Мусаев Гайрат Фархадович** – заведующий сектором Администрации Президента Республики Узбекистан ***Тема:*** *ИИ-анализ цифровых следов в Даркнете: артефакты, идентификаторы и их значение для расследования преступлений* **Саша Штрупп** – главный эксперт по борьбе с киберпреступностью Отдела стратегических вопросов полицейской деятельности Департамента транснациональных угроз Секретариата ОБСЕ (Австрия) ***(онлайн)*** ***Тема:*** *Использование новых и развивающихся технологий в правоохранительной деятельности: стратегические приоритеты и последствия для политики.* **Ион Гайна** – начальник Центра судебно-криминалистических экспертиз Главного инспектората полиции Республики Молдова ***Тема:*** *Цифровая криминалистика для выявления преступлений в сфере кражи технологий и последующие правовые меры* **Расулев Абдулазиз Каримович** – ученый секретарь Института законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан, д.ю.н., профессор ***Тема:*** *Правовая политика Узбекистана в сфере противодействия киберпреступности: состояние, вызовы и стратегические приоритеты*
13:30-14:30	***Перерыв на обед***
14:30–16:00 *Доклады* *до 10 мин.*	**Умит Сейтжан** – главный юрисконсульт оперативной группы по уведомлениям и циркулярам, Исполнительная дирекция по правовым вопросам, ИНТЕРПОЛ **Мурад Байрамли –** юрисконсульт оперативной группы по уведомлениям и диффузиям, Исполнительная дирекция по правовым вопросам, ИНТЕРПОЛ

	Тема: *Уведомления и циркуляры ИНТЕРПОЛ в практике раскрытия киберпреступлений: правовые механизмы и современные вызовы* **Пак Ён Жай** – следователь по киберпреступлениям, Прокуратуры Сеула (Республика Корея) ***Тема:*** *Применение цифровой криминалистики для установления ответственности за финансовые злоупотребления после банкротства компании по страхованию жизни* **Ив Вандермер** – координатор проекта Европейской группы по обучению и образованию в области киберпреступности (ECTEG), (Нидерланды) ***(онлайн)*** ***Тема:*** *eFirst - комплексная программа электронного обучения по цифровым расследованиям для правоохранительных органов* **Узаков Учкун Хамидович** – заместитель директора Республиканского центра судебных экспертиз имени Х.Сулаймоновой при Министерстве юстиции Республики Узбекистан ***Тема:*** *Внедрение системы электронного документооборота «Е-экспертиза» в судебно-экспертную деятельность*
16:00-16:30	***Кофе-брейк***
16:30–17:30 *Доклады* *до 10 мин.*	**Мэтью Дэвид Уотсон** – ведущий эксперт Регионального центра УНП ООН по борьбе с киберпреступностью в Дохе (Катар) ***(онлайн)*** ***Тема:*** *Инновации в киберправе и цифровой криминалистике* **Нурманова Асель Разбековна** – начальник Отдела организации научно-исследовательской и редакционно-издательской работы Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова ***(онлайн)*** ***Тема:*** *Цифровая модель противодействия финансовому мошенничеству: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты*
17:30-17:45	**Обсуждение и выводы**
17:45-18:00	**Закрытие мероприятия**
Параллельная сессия №3: «Искусственный интеллект и цифровая трансформация уголовного судопроизводства: прогресс, риски и гарантии прав личности»	

Модератор: Турахонов Д.Л. - *заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доцент*	
Место/ **Ссылка для подключения**	**Конференц-зал (108-кабинет - Зал заседания)** https://us06web.zoom.us/j/81324281324?pwd=pg1JYj8yaO3BKehaTLer8ClgpJcba3.1 Идентификатор: 813 2428 1324 Код доступа: 559173
12:15-13:30 *Доклады* *до 10 мин.*	**Лю Хуэй** – Главный прокурор, Специализированная прокуратура Пекина (Китай) ***Тема:*** *Использование возможностей искусственного интеллекта для повышения прокурорского потенциала* **Имомназаров Алишер Хасанович** – начальник Управления по надзору за деятельностью следственных подразделений органов прокуратуры Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан, доктор юридических наук (DSc) ***Тема:*** *Перспективы цифровизации этапа доследственной проверки и применения искусственного интеллекта* **Серкан Саваш** – Профессор, Университет Кириккале (Турция) ***Тема:*** *Использование искусственного интеллекта в судебных разбирательствах и поддержании общественного порядка: возможности, риски и этические рамки* **Лью Куанг Пин** – Директор Бюро правовых технологий и инноваций Генеральной прокуратуры Сингапура (Сингапур) ***Тема:*** *Искусственный интеллект в уголовном преследовании: опыт Сингапура.* ***(online)*** **Кайбылдаева Бегаим Мухитовна** – Генеральный директор Business Soft & ICLOUD (Кыргызстан) ***Тема:*** *Цифровые доказательства в судебной деятельности: допустимость, достоверность и вызовы эпохи генеративного искусственного интеллекта* **Вонг Хон-кит, Гэри** – Главный следователь Гонгонгской независимой комиссии по борьбе с коррупцией (ICAC) (Китай) ***Тема:*** *Технология для честности: Использование искусственного интеллекта и аналитики данных в расследованиях коррупции* ***(online)***
13:30-14:30	***Перерыв на обед***

14:30–16:00 *Доклады* *до 10 мин.*	**Мурти Раллапалли** – Профессор Университета Северный Джоржии (США) ***Тема:*** *Постквантовая криптография: готовность к эре ИИ* **Бобоев Миршод Муротович** – начальник Центра цифровых технологий Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам **Тема:** *Вопросы обеспечения правовой защиты прав и свобод человека посредством цифровизации уголовного следствия* **Анорбоев Амириддин Улуғбек ўғли** – главный научный сотрудник Института законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан, доктор юридических наук (DSc) ***Тема:*** *Социальная необходимость ограничения искусственного интеллекта и организационно-правовые механизмы* ***Раймундас Калесникас*** – Профессор юридического факультета, Университет Туриба (Латвия) ***Тема:*** *Может ли ИИ помочь снизить уровень коррупции в странах Центральной Азии?* **Иманкулова Айзада Нурбековна** – Доцент кафедры, Юридическая академия Генеральной прокуратуры (Кыргызстан) ***Тема:*** *Правовое регулирование персональных данных в условиях принятия цифрового кодекса Кыргызской Республики* ***Мухтар Бейбутович Садыков*** – Старший преподаватель Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан ***Тема:*** *Агентский ИИ и верховенство закона в правоохранительных органах: баланс между автономией, правами человека и общественной безопасностью****(online)***
16:00-16:30	***Кофе-брейк***
16:30–17:30 *Доклады* *до 10 мин.*	**Абдуджалилов Абдуджабар** – заведующий отделом Национальной академии наук Таджикистана, доктор юридических наук, профессор (Таджикистан) ***Тема:*** *Правовые проблемы искусственного интеллекта.* **Кадыров Анварходжа Асатуллаевич** – директор научно-исследовательский институт развития цифровых технологий и искусственного интеллекта ***Тема:*** *Современные вызовы и задачи регулирования искусственного интеллекта: ответственность и защита прав человека*

	Эмманюэль Лодик-Барон – заместитель директора Национальной школы магистратуры Франции (Франция) ***Тема:*** *Борьба с организованной преступностью: угрозы и достижения инструментов искусственного интеллекта для правоохранительных органов****(online)***
17:30-17:45	**Обсуждение и выводы**
17:45-18:00	**Закрытие мероприятия**
Параллельная сессия №4: **«Цифровые доказательства и криптоактивы: международное сотрудничество по возврату активов»** **Модератор: У.У. Нигмаджанов** - *Заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан*	
Место/ **Ссылка для подключения**	**Конференц-зал (133-кабинет - Коворкинг зал)** https://us06web.zoom.us/j/82929194381?pwd=hQPNmj3VndMa4DdM6BbuZTxtkZHSes.1 Identifikator: 829 2919 4381 Kirish kodi: 023495
12:15 – 13:30	**Открытие мероприятия и приветствие** **Уйгун Нигмаджанов** – Заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан **Франк Хупфельд** – руководитель проектов в Узбекистане IRZ **Уйгун Нигмаджанов** - Заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан **Тема:** Вводный доклад о практике конфискации крипто-активов и другого имущества в Узбекистане **Герхард Бринкер** – старший прокурор, начальник отдела по борьбе с легализацией (отмыванием) денежных средств и конфискацией имущества прокуратуры г. Гамбурга ***Тема:*** *Правовые основы конфискации крипто-активов и другого имущества в Федеративной Республике Германия:* ● *Имущественные ценности, полученные в результате преступлений правовое понятие в немецком уголовном праве*

	• *Компетентные органы в Федеративной Республике Германия, ответственные за конфискацию имущества* *Вопросы обсуждения*
13:30-14:30	***Перерыв на обед***
14:30–16:00	**Герхард Бринкер** – начальник отдела по борьбе с легализацией (отмыванием) денежных средств и конфискацией имущества прокуратуры г. Гамбурга ***Тема:*** *Немецкое право конфискации – материальное право и процессуальное право* • *Конфискация и арест имущества* • *Конфискация у третьих лиц* • *Расширенная конфискация* • *Конфискация без вынесения обвинительного приговора*
16:00-16:30	***Кофе-брейк***
16:30–17:30	**Герхард Бринкер** – начальник отдела по борьбе с легализацией (отмыванием) денежных средств и конфискацией имущества прокуратуры г. Гамбурга ***Тема:*** *Самоотмывание денег и отмывание денег третьими лицами – требования к доказательственной базе* ***Тема****: Цифровые и финансовые расследования*
17:30-18:00	**Обсуждение и выводы**

ДЕНЬ 2 (22 МАЯ 2026 ГОДА)	
Подведение итогов первого дня **Модератор: Е.В.Коленко –** *первый заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам профессор*	
Место/ **Ссылка для подключения**	**Конференц-зал (111-кабинет - Актовый зал)** https://us06web.zoom.us/j/84912338627?pwd=qRbYoQGpct20EQbkpbnEE4UFon2Cth.1 Идентификатор: 849 1233 8627 Код доступа: 615065

10:00-11:00	**Лиэнн Аларид** – начальник кафедры уголовного правосудия (Criminal Justice), профессор Университета Техаса в Эль-Паco, США **Ион Гайна** - начальник Центра судебно-криминалистических экспертиз Главного инспектората полиции Республики Молдова **Кайбылдаева Бегаим Мухитовна** – Исполнительный директор Business Soft & ICLOUD. CEO, Международный арбитр (PhD) (Кыргызстан) ***Подведение итогов первой, второй и третьей сессий***
11:00-11:30	***Кофе-брейк***
Круглый стол на тему “Перспективы совершенствования правового обеспечения кибербезопасности и противодействия преступлениям в сфере информационных технологий” **Модератор: Кудратов Бунёд Бахтиёрович** - начальник Центра содействия противодействию киберпреступности и цифровому расследованию Научно-исследовательского института цифровой криминалистики	
Место/ **Ссылка для подключения**	**Конференц-зал (108-кабинет - Зал заседания)** https://us06web.zoom.us/j/84912338627?pwd=qRbYoQGpct20EQbkpbnEE4UFon2Cth.1 Идентификатор: 849 1233 8627 Код доступа: 615065
11:30-12:40 *Доклады* *до 10 мин.*	**Пак Ён Джэ** – цифровой следователь прокуратуры Сеула ***Тема:*** *Значение цифровой экспертизы по делу «N-комнат»* **Кудратов Бунёд Бахтиёрович** – начальник Центра содействия противодействию киберпреступности и цифровому расследованию Научно-исследовательского института цифровой криминалистики ***Тема:*** *Роль Научно-исследовательского института цифровой криминалистики в противодействии преступлениям в сфере информационных технологий* **Гуломов Ахмад Гулом угли** – начальник отдела обеспечения законности в сфере противодействия киберпреступности Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан ***Тема:*** *Вопросы межведомственного взаимодействия в противодействии преступлениям в сфере информационных технологий* **Ион Гайна** – начальник Центра судебно-криминалистических экспертиз Главного инспектората полиции Республики Молдова

	Тема: *Возможности цифровой криминалистики на примере опыта Республики Молдова* **Ив Вандермеер** – координатор проекта Европейской группы по обучению и подготовке в сфере киберпреступности (ECTEG), Нидерланды **(онлайн)** ***Тема:*** *Деятельность ECTEG в противодействии киберпреступности: возможности обучения, повышения квалификации и международного сотрудничества в сфере цифровых расследований* **Бокижонов Шохрухбек Умиджон угли** – ответственный сотрудник Центра кибербезопасности Департамента оперативно-розыскной деятельности Министерства внутренних дел Республики Узбекистан ***Тема:*** *Совершенствование национальных механизмов противодействия киберпреступности: правовые, организационные и практические реформы* **Шомахсудов Шоакром Шомуратович** – начальник Лаборатории цифровой криминалистики Научно-исследовательского института цифровой криминалистики Правоохранительной академии Республики Узбекистан ***Тема:*** *Проблемы практики проведения цифровых экспертиз и исследований* **Эгамбердиев Дилшоджон Алишерович** – заведующий отделом права и технологий Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам ***Тема:*** *Вопросы взаимодействия высших юридических образовательных учреждений и профильных ведомств в подготовке кадров в рамках Стратегии кибербезопасности на 2026–2030 годы* **Ишонов Масрурхон Масъутович** – директор Департамента внутреннего контроля и комплаенса АО «Единый общереспубликанский процессинговый центр» ***Тема:*** *Особенности взаимодействия платёжной системы с правоохранительными органами в противодействии киберпреступности и мошенничеству* **Хамидов Джахонгир Пулатович** – Операционный менеджер ООО «OLX CLASSIFIEDS» ***Тема:*** *Киберпреступления на платформе OLX.uz: угрозы и меры защиты*
12:40-12:50	**Обсуждение и выводы**
12:50-13:00	**Закрытие мероприятия**

Параллельная сессия №4: **«Цифровые доказательства и криптоактивы: опыт Германии в сфере международного сотрудничества по возврату активов» (продолжение)** **Модератор: У.У. Нигмаджанов** - *Заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан*	
Место/ **Ссылка для подключения**	**Конференц-зал (133-кабинет - Коворкинг зал)**
9:30-11:00	**Герхард Бринкер** – начальник отдела по борьбе с легализацией (отмыванием) денежных средств и конфискацией имущества прокуратуры г. Гамбурга ***Тема:*** *Успехи в конфискации имущества и оказании помощи в возвращении имущества. Получение цифровых доказательств* ***Тема:*** *Правовая помощь со стороны Федеративной Республики Германия* ● *Требования к заявлению и документам, подлежащим представлению* ● *Обеспечение сохранности электронных доказательств* ● *Меры в рамках правовой помощи и возможные результаты* ***Тема:*** *Международное сотрудничество с иностранными партнерами в сфере конфискации имущества*
11:00-11:15	***Кофе-брейк***
11:15-13:00	**Герхард Бринкер** – начальник отдела по борьбе с легализацией (отмыванием) денежных средств и конфискацией имущества прокуратуры г. Гамбурга ***Тема:*** *Примеры из немецкой и международной практики и обсуждение* **Шухрат Хомидов** – преподаватель кафедры противодействия экономическим преступлениям и легализации преступных доходов Правоохранительной Республики ой Академии Республики Узбекистан ***Тема****: Практика финансового расследования коррупционных преступлений в Узбекистане: выявление и арест цифровых активов*
13:00-13:30	**Подведение итогов и закрытие мероприятия**

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
OLIY TA'LIM, FAN VA INNOVATSIYALAR
VAZIRLIGI HUZURIDAGI
OLIY ATTESTATSIYA
KOMISSIYASI

100047, Toshkent sh., Y. G'ulomov ko'chasi, 70
Tel.: (71) 233-28-83. Fax: (71) 233-06-47
e-mail: info@oak.uz https://oak.uz

SUPREME ATTESTATION
COMMISSION
AT THE MINISTRY OF HIGHER EDUCATION,
SCIENCE AND INNOVATIONS OF THE
REPUBLIC OF UZBEKISTAN

70, Y. Gulomov str., Tashkent, 100047
Tel.: (71) 233-28-83. Fax: (71) 233-06-47
e-mail: info@oak.uz https://oak.uz

Javob qaytarganda shu № ko'rsatilsin

№ 01-08/2087/8 «8» 05 2026 y.

Ўзбекистон Республикаси
Бош прокурор ўринбосари
3–даражали Давлат адлия маслаҳатчиси
И.С.Самадовга

Ҳурматли Салом Исматович!

Олий аттестация комиссияси 2026 йил 8 май куни ўтказилган ОАК Раёсатининг 385/5-сон қарори ижроси юзасидан «Рақамли даврда қонун устворлигини таъминлаш: инновациялар, инсон ҳуқуқлари ва хавфсизлик мутаносиблиги» мавзусида жорий йилнинг 21-22 май кунлари (Тошкент ш.) ўтказиладиган халқаро илмий-амалий анжуман материаллари тўпламидаги етакчи хорижий олим-мутахассислар тақризидан ўтказилган ҳолда инглиз тилади чоп этилган юридик фан соҳалари бўйича мақолалар (маърузалар тезислари бундан мустасно)ни юридик фанлар бўйича диссертациялар натижалари чоп этиладиган хорижий илмий журналлардаги илмий мақолаларга тенглаштирилганини маълум қилади.

Асос: Олий малакали илмий ва илмий-педагог кадрлар аттестциясига оид норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар; «Илмий даражалар берувчи илмий кенгаш тўғрисидаги низом»; Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси мурожаати (06.05.2026 й., №30/5-94737/26); ОАК юридик фанлар бўйича эксперт кенгаши тавсияси (07.05.2026 й., №4); ОАК тартиб-қоида комиссияси карори (07.05.2026 й.. №5/6); ОАК Раёсати карори (08.05.2026 й.№385/5).

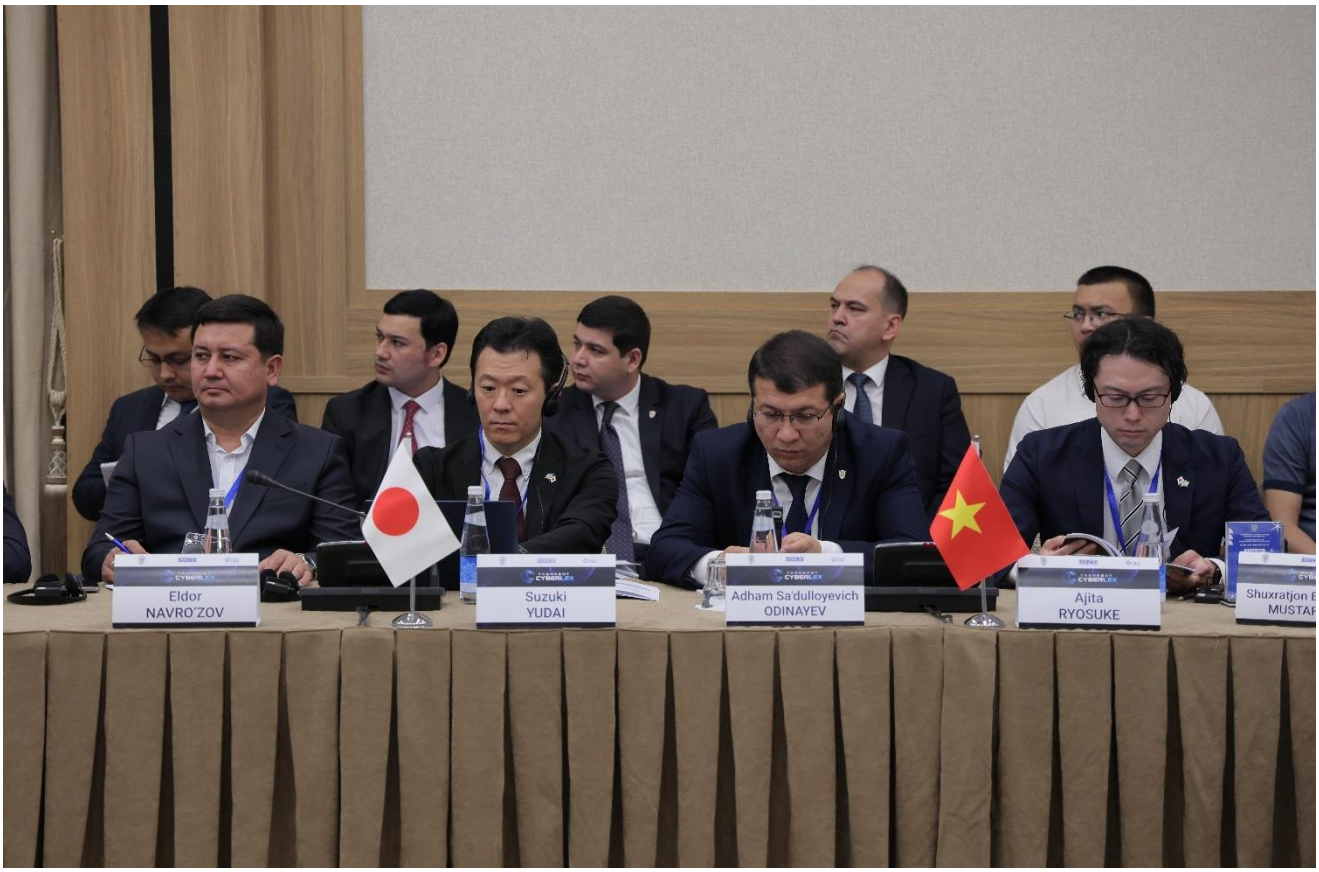
Илова: 1 варак.

Бош илмий котиб **А.А.Шермухамедов**

Ижрочи: К.Тухтабеков

ФОТОЛАВҲАЛАР

PROKURATURASI
Nig'matilla To'lqinovich
YO'LDOSHEV
Baxtiyor Djaxangirovich
ISLAMOV
Botir Bahromovich
QUDRATXO'JAYEV


Eldor
NAVRO'ZOV
Suzuki
YUDAI
Adham Sa'dulloyevich
ODINAYEV
Ajita
RYOSUKE

David
COLLAZO
Stephen
LETTIC
Leanne
ALARID

Mirshod Muratovich
BOBOYEV
Kim
DONG HYUN
Ion
GAYNA

Akram Utamurodovich
XALILOV
Ildar
FAYZULLIN
Murthy

20, the firm established a Digital Forensics Center and a Forensic Research Institute, which are currently staffed by
ximately 20 experts (advisors and researchers).

Fahad Ali
AL-HAMMADI
Alberto
LABLANCA
Shuxrat Shukurovich
KAYUMOV

21-22 | 05 | 2026
Toshkent
O'zbekiston
TASHKENT
CYBERLEX
2026
RAQAMLI KRIMINALISTIKA
SUN'IY INTELLEKT
KIBER JINOYATCHILIK
KIBERHUQUQ
BLOCKCHAIN
KIBERXAVFSIZLIK
Abdulhakim Kushbekovich ESHMURATOV
Bobur Ahmadjonovich SHOYDQUBOV
Baxodir Xamidovich TASHMATOV
Ne'matilla Tolqinovich YO'LDOSHEV
Baxtiyor Ibrohimgirovich ISLAMOV
Botir Bahromovich QUDRATXO'JAYEV
Yevgeniy Vyacheslavovich KIM ENKO

TASHKENT
CYBERLEX
2026

МУНДАРИЖА

Коленко Е.В. Практико-ориентированная подготовка кадров в условиях цифровой трансформации правоохранительной деятельности.....5-10
Payne B. Reverse engineering as a tool for cybersecurity innovation and digital trust.....11-13
Chibel R. Leap of faith: how to trust AI and stay human. AI challenges for the forensic scientist: demystifying the black box and managing synthetic media in court.....14-16
Koyama C. International cooperation in combating cybercrime: challenges and responses in Japan.....17-19
Alarid L. Theories of cybercrime: solo actors compared to organized groups / syndicates.....20-22
Liu H. Leverage the wisdom of AI to enhance procuratorial capability.....23-25
Nguyen V.K. Innovation in science and legal education in the digital era: from Vietnam's experience to international recommendations.....26-30
Savaş S. The use of artificial intelligence in judicial proceedings and the maintenance of public order: opportunities, risks, and an ethical framework.....31-32
Абдуджалилов А. Правовые проблемы искусственного интеллекта.....33-43
Зайниддинзода Н.Ш. Международное сотрудничество в противодействии киберпреступности: правовая помощь, трансграничные расследования и обмен цифровыми доказательствами.....44-48
Кайбылдаева Б.М. Цифровые доказательства в эпоху генеративного искусственного интеллекта.....49-52

Калмурзина З.Ж. Трансформация юридической науки в условиях цифровизации и применение инструментов искусственного интеллекта в образовательном процессе.....53-65
Кишкентаева Ж.А. Искусственный интеллект в юридическом образовании: между инновациями, правами человека и требованиями верховенства закона.....66-81
Ожагвердиев А. Трансформация права в цифровую эпоху: от классических кодексов к смарт-конституции.....82-84
Sadykov M.B. Agentic AI and the rule of law in law enforcement: balancing autonomy, human rights and public security.....85-87
Одинаев А.С. Рақамли трансформация шароитида юридик илм-фанни ривожлантиришнинг устувор йўналишлари ва замонавий ёндашувлари.....88-91
Мамасиддиқов М.М. Прокуратура органларида сунъий интеллектни қўллаш истиқболлари.....92-95
Шайзаков Ш.И. Юқори инстанция фуқаролик судларида сунъий интеллектни қўллаш масалалари.....96-102
Ширинова Р.Ҳ. Сунъий интеллект ва замонавий давлат бошқаруви: янги авлод раҳбарларини тайёрлаш масалалари.....103-106
Рустамбеков И.Р. Юридик фан ва таълимдаги инновациялар: киберҳуқуқ, рақамли криминалистика ва сунъий интеллект.....107-111
Турсунбеков Х. Коррупцияга қарши курашиш виртуал академияси: сунъий интеллект ва рақамли таълим экотизими.....112-115
Узаков У.Х. Внедрение системы электронного документооборота «Е-экспертиза» в судебно-экспертную деятельность.....116-125
Халилов А.У. Суд экспертизаси тизимини рақамлаштириш ва юқори технологиялар асосида ривожлантиришнинг одил судловни таъминлашдаги роли ва аҳамияти.....126-129
Хасанов Ш.Х. Криминалистика ва суд экспертизасида рақамли технологиялар.....130-132

Allanov O., Sidullayev M. Raqamli kriminalistika sohasida ta'lim va amaliyot integratsiyasi.....133-142
Абдуллаев А.И. Олий таълим тизимида рақамли трансформация ва сунъий интеллект.....143-146
Абдуазимова З.А. Диалектика экологической разумности и ответственности в контексте права и устойчивого развития.....147-152
Анорбоев А.У. Блогерлар реклама тарқатганлиги учун солиққа тортилиши зарурияти ва тартиби.....153-165
Boboev M.M. Issues of ensuring the legal protection of human rights and freedoms through the digitalization of criminal investigation.....166-173
Бабакулов С.Б. Маҳаллада хавфсиз муҳитни яратиш ва ҳуқуқбузарликнинг барвақт олдини олиш ҳамда қонун устиворлигини таъминлашда рақамли технологиялардан фойдаланиш…..……174-186
Ибраймов А.Е. Келажак академияси: сунъий интеллект — ҳуқуқий таълим трансформациясининг бош драйвери.....187-189
Имомназаров А.Х. Терговга қадар текширув босқичини рақамлаштириш ва сунъий интеллектни қўллаш истиқболлари……...…...190-192
Кадыров А.А. Современные вызовы и задачи регулирования искусственного интеллекта: ответственность и защита прав человека.....193-199
Қорёғдиев Ш.Б. Сунъий интеллект орқали содир бўлаётган фирибгарликлар.....200-203
Дўстқориев М. Фуқаролик процессида экспертнинг ҳуқуқий мақоми ва фуқаролик ишлари бўйича суд экспертизасини тайинлаш ва ўтказишнинг айрим жиҳатлари.....204-212
Shodiev G.M. The function of corruption in generating shadow turnover in the economy and the improvement of countering it.....213-219
Абдуллаев А.Й. Замонавий рақамли таҳдидлар шароитида терговчиларни тайёрлаш ва малакасини оширишнинг долзарб масалалари.....220-234

Abdurakhmanov A. Analysis of significant harm issues: a case study of the offence of production or use of potent or toxic substances not classified as narcotic drugs, psychotropic substances, or their analogs.....235-244
Khalmuratov A.O. Factual control over a digital instrument as a matter to be proved in cybercrime investigations in the Republic of Uzbekistan……...…….245-263
Jasimova A.I. Digital transformation of prosecutorial supervision over ensuring the rights of women and minors victims of violence in the Republic of Uzbekistan: national and international legal aspects.....264-270
Dovletov S.A. The role of cybersecurity in ensuring prosecutorial supervision over the enforcement of court decisions and other authorities' documents.....271-280
Есемуратов А.И. Халқаро ҳуқуқда миграция тушунчаси, турлари ва ҳуқуқий тартибга солиш механизмлари.....281-288
Ibragimov M.J. Analysis of the experience of some countries in improving compliance-control in the health sector.....289-299
Исоқов Л.Х. Марказий Осиёда рақамли чегаралар ва миграция бошқарувининг янги назариялари.....300-308
Исраилов Д.Ш. Болаларга нисбатан кибербуллингни олдини олиш масалалари.....309-319
Камилов Д.З. Ижтимоий воқеликни методологик қайта англашда синкретик фалсафий тафаккурнинг эвристик функцияси.....320-333
Qandahorova D. Concept of an orphan and a child deprived of parental care, and their legal nature.....334-340
Kenjaev T.I. The system of types of anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their drafts: a theoretical and legal analysis……...…..341-350
Mamataliyev T.Kh. Constitutional and legal guarantees of the right to distance education and cybersecurity issues in the era of digitalization of education.....351-361

Mengliqulov U.M. Ilmiy tadqiqot va yuridik javobgarlik.....362-373
Ochilov A.B. International legal standards for combating corruption in public procurement and the prospects for their implementation in the legislation of the Republic of Uzbekistan.....374-381
Очилов С.К. Жазони ўташдан муддатидан илгари шартли озод қилишда мажбуриятларни қўллаш масалалари.....382-394
Таирова Г.М. Жиноят содир этилишининг сабабларига доир ёндашувлар.....395-401
Turgunov A.A. Digital transformation of criminal proceedings: AI integration, the «E-tergov» platform and the investigator's tablet as tools for advancing criminal justice in Uzbekistan.....402-413
Khikmatov A.B. Prospects for using artificial intelligence in drawing up the interrogation protocol.....414-421
Шомирзаев С.Х. Вояга етмаган шахсни сўроқ қилишнинг ўзига хос хусусиятлари.....422-428
Choriev M. On the use of artificial intelligence in parole decisions: a philosophical overview.....429-434
Эсаналиев С.Н. Дастлабки тергов техник йўсиндаги камчиликларини бартараф этиш учун ишни прокурорга юбориш асослари таҳлили.....435-444
Алиходжаев К.К. Аҳоли бандлигини таъминлашга қаратилган қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратининг ҳуқуқий аҳамияти.....445-453
Бабаев А.М. Жиноят процессуал ҳуқуқида вояга етмаганлар ишларини юритишнинг ҳуқуқий асослари.....454-460
Баратов М.Х., Акрамходжаев Б.Т. Рақамли ҳуқуқларнинг таърифи.....461-474
Beysenov K.S. Yuridik ta'lim va ilm-fanni rivojlantirishning zamonaviy muammolari.....475-480

Berdiyarov R. Electronic court systems in insolvency proceedings: legal significance and future development prospects in the context of digital transformation.....481-489
Jurayev Z.A. Yashil iqtisodiyot taraqqiyotida ilm-fan, ta'lim-tarbiya va madaniyatning roli: o'g'rilik jinoyati bilan bog'liq jihatlar.....490-499
Исмаилов Б., Бахриддинова Б. Динамика развития подходов к пониманию информационного общества: от географической составляющей к технологической модели.....500-506
Каньязов Е.С. Рақамли муҳитда муаллифлик ҳуқуқини ҳимоя қилиш.....507-522
Муракаев И.И. Цифровой контур подготовки следователей и криминалистов: ИИ-наставник «AI-BAYON MENTOR», личный банк промптов и облачное хранилище нормативно-правовых актов.....523-534
Муракаева З.И. Правовые гарантии законности при автоматизированном выявлении нарушений авторских прав.....535-543
Нуридуллаев А.А., Сафаров Ж.И. Рақамли даврда қонун устуворлиги ва инсон ҳуқуқлари мутаносиблигини таъминлашнинг долзарб масалалари.....544-552
Одилов Н.О. Замонавий рақамли маконда қонунийликни таъминлашнинг долзарб масалалари: инновация, инсон ҳуқуқлари ва хавфсизлик.....552-556
Odilov S.S. Raqamlashtirish davrida shaxsiy daxlsizlik huquqini ta'minlashning protsessual mexanizmlarini takomillashtirish istiqbollari.....557-569
Otaev O'.M. Raqamli davrda qonun ustuvorligini ta'minlash: innovatsiyalar, inson huquqlari va xavfsizlik mutanosibligi.....570-578
Рахимова С.А. Атроф табиий муҳитни ифлослантириш жиноятининг ижтимоий хавфли хусусиятлари.....579-595

Сафарова А.Ш. Электрон тижорат шароитида истеъмолчилар ҳуқуқларини ҳимоя қилиш: Ўзбекистон қонунчилигини такомиллаштириш масалалари……..……..596-605
Тошматов О.М. Оналик ва болаликни тиббий мухофаза қилишга қаратилган қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратининг мақсади, вазифалари ҳамда ўзига хос хусусиятлари……...…606-614
Турғунова Н.С. Ўзбекистон Республикасида адвокатлар томонидан бепул юридик ёрдам кўрсатишнинг ҳуқуқий асослари……...…615-622
Чуллиев Ш.А. Трансформация роли судьи в контексте внедрения искусственного интеллекта: новые компетенции и обязанности……...……..623-644
Шамсиддинова О.Б. Оилавий муносабатларда болаларнинг шахсий номулкий ҳуқуқларини ҳуқуқий тартибга солишнинг назарий асослари……...……645-652
Шоимов Н.Б. Ҳамкорлик: кибертаҳдидлар ва ҳимоя механизмлари……....……..653-660
Borsieva Z.K., Pulatov S.B. Digital compliance as an anti-corruption layer of digital government: algorithmic accountability, human rights and rule-of-law guarantees for Uzbekistan…….....661-692
Turdiyev B.S. Insonning qulay atrof-muhitga bo‘lgan huquqini ta’minlash: Janubiy Koreya modeli…….....…...693-699
Расулова Г.А. Противодействие коррупции в системе образования: сравнительно-правовой анализ опыта Узбекистана и зарубежных государств……....……700-716
Акбутаев А.А. вопросы управления преступными активами: международный опыт, современные вызовы и механизмы противодействия ……..……717-727
Mamadaliev B.Z. Main directions for improving prosecutorial supervision over the execution of legislation in the forestry sector.....728-742

Babamuratov D.A. Theoretical and legal analysis of the concept of concealing crimes from official records.....743-754
Toshkuvatov S. Y. Legal nature of extremism: concept, features, and comparative analysis of modern approaches……755-774
Дастурлар.....775-816
ОАК хати.....819
Фотолавҳалар.....820-827
Мундарижа.....828-835

“РАҚАМЛИ ДАВРДА ҚОНУН УСТУВОРЛИГИНИ ТАЪМИНЛАШ: ИННОВАЦИЯЛАР, ИНСОН ҲУҚУҚЛАРИ ВА ХАВФСИЗЛИК МУТАНОСИБЛИГИ”

“TASHKENT CYBERLEX-2026”

мавзусидаги халқаро илмий-амалий
конференция материаллари

ТЎПЛАМИ

Муҳаррир: М.Талипова
Мусаҳҳиҳ: Н.Ниязова
Компютерда тайёрловчи: Ш.Талипов

№ 10-3279

Босишга рухсат этилди: 20.07.2026 йил
Бичими 60x84 1/16. «Times New Roman»
гарнитурада рақамли босма усулда чоп этилди.
Шартли босма табоғи 52,3. Адади 100 . Буюртма № 20-07
Тел: (77) 300 99 09
«IMPRESS MEDIA» MChJ босмахонасида чоп этилди.
Тошкент шаҳри, Қушбеги кўчаси, 6-уй.

Тўплам қуйидаги сайтга жойлаштирилган:
Ўзбекистон Республикаси Ҳуқуқни муҳофаза қилиш Академияси сайти: www.proacademy.uz